

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ VII
ЧАСТЬ 2

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

СЕРИЯ III

1914—1917 гг

1935

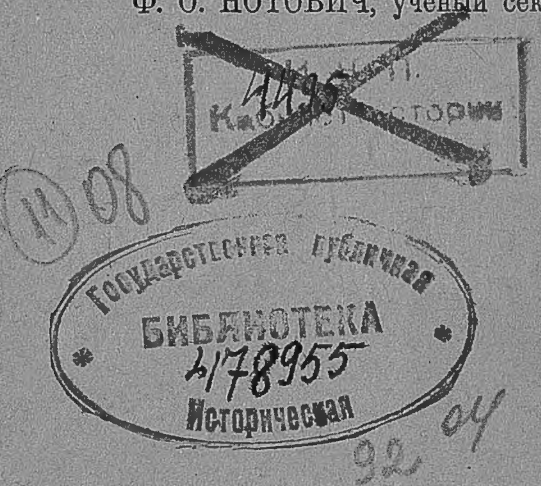
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
по изданию документов эпохи империализма

М. Н. ПОКРОВСКИЙ председатель комиссии и главный редактор,
Я. А. БЕРЗИН, зам. пред. и главн. ред., Н. М. ЛУКИН, В. В. МАКСАКОВ
Е. Б. ПАШУКАНИС, Ф. А. РОТШТЕЙН,
Ф. О. НОТОВИЧ, ученый секретарь

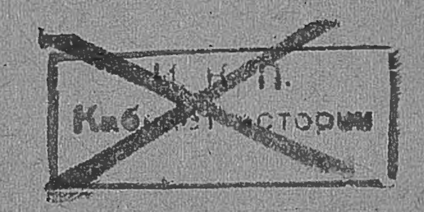
1935

ТОМ СЕДЬМОЙ

14 ЯНВАРЯ — 23 МАЯ 1915 г.

ч. 2

Подготовил к печати Ф. О. НОТОВИЧ
при участии Л. А. ТЕЛЕШЕВОЙ и С. А. ЛЕВИНОЙ

Технический редактор *В. К. Мартынюк*

ОГИЗ 1234. Печать с матриц. Подписано к печати 23 апреля 1935 г.
Уполном. Главлита Б—39105. Тираж 5000 экз. Заказ № 372. Формат бумаги 62×94(1/16) см.
34,5 печ. лист. 17,25 бум. лист. (40000 тип. знаков в листе)

Ленпромпечатьсоюз. Типография „Печатня". Ленинград. Прачечный, 6.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. записка.
Телеграмма — тел.

Европейские державы и Греция, изд. Н. К. И. Д., Москва 1922 г. — Е. д. и Гр.

Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.

Il libro verde. Documenti Diplomatici presentati al parlamento Italiano, Milano 1915. — Il libro verde.

Iswolski im Weltkriege 1914—1917. — Herausgegeben von Friedrich Stieve, 1925. — Stieve.

Константинополь и Проливы, изд. Н. К. И. Д., Москва 1924—1926 гг.— К-поль и Пр. (1), (II).

«Красный Архив», — изд. Центрархива — Кр. арх.

Oesterreich-Ungarisches Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke betreffend die Beziehungen Oesterreich-Ungarns zu Italien, Wien, 1915 — Oest. Ung. Rotbuch.

Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeusseren). Wien und Leipzig, 1930 — Oe. U. A.

Раздел Азиатской Турции, изд. Н. К. И. Д., Москва 1924 г. — Р. Аз. Т.

The documents regarding the negociations between Japan and China (1915) — Япон. белая книга.

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre et de guerre d'après les documents des archives russes (1910—1917), t. III, août 1914—avril 1915, — L. N. (III).

Царская Россия в мировой войне, изд. Центрархива, Ленинград 1926 г. — Ц. Р.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Том VII

14/1 января — 23/10 мая 1915 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

24/11 марта — 23/10 мая 1915 г.

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
630	28/15.IV	Тел. № 1944	Сазонов — Извольскому, Бенкендорфу и Поггенполю.	С. А. 538	281
631	28/15.IV	Письмо № 63	Шиллинг — Данилову	С. А. 555	281
632	28/15.IV	Поденная запись		С. А. 791	283
633	28/15.IV	Тел. № 284	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	283
634	28/15.IV	Тел. № 239	Савинский — Сазонову	К. 16	286
635	28/15.IV	Тел. № 50	Обнорский — Сазонову	К. 72	286
636	29/16.IV	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4228	288
637	29/16.IV	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 554	291
638	29/16.IV	Тел № 1953	Сазонов — Трубецкому	П. А. 1798	292
639	29/16.IV	Тел. № 255	Извольский — Сазонову	К. 69	293
640	29/16.IV	Тел. № 149	Демидов — Сазонову	К. 27	294
641	29/16.IV	Тел. № 247	Поклевский — Сазонову	К. 57	295
642	29/16.IV	Тел. № 497	Трубецкой — Сазонову	К. 63	295
643	30/17.IV	Тел. № 1978	Нератов — Извольскому	С. А. 554	297
644	30/17.IV	Поденная запись		С. А. 791	298
645	30/17.IV	Запись II полит. отдела м-ва ин. дел «Посещение Гулькевича Стояновичем и Беличем»		П. А. 4346	299
646	30/17.IV	Тел.	Виктор-Эммануил — Николаю II	К. 123	301
647	30/17.IV	Тел. № 86	Поггенполь — Сазонову	К. 36	302
648	30/17.IV	Тел. № 9948	Янушкевич — Сазонову	С. А. 538	303
649	30/17.IV	Записка Янушкевича		Ос. отд. Ф. 1105, № 111	303
650	30/17.IV	Письмо № 2088	Данилов — Шиллингу	С. А. 555	306
651	1.V/18.IV	Письмо	Бьюкенен — Нератову	С. А. 538	306
652	1.V/18.IV	Пам. записка	Япон. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	К. ст. 1584	308
653	1.V/18.IV	Тел. № 1995	Нератов — Трубецкому	П. А. 1798	312
654	1.V/18.IV	Тел. № 251	Поклевский — Сазонову	К. 57	313
655	1.V/18.IV	Тел. № 512	Трубецкой — Сазонову	К. 63	314
656	1.V/18.IV	Депеша № 27	Бах — Сазонову	П. ст. 1622б	315
657	1.V/18.IV	Письмо № 386	Барк — Сазонову	К. 60	321
658	2.V/19.IV	Тел.	Николай II — Виктору-Эммануилу	С. А. 746	322
659	2.V/19.IV	Поденная запись		С. А. 791	323
660	2.V/19.IV	Тел. № 767	Грей — Бьюкенену	С. А. 554	323
661	2.V/19.IV	Тел. № 261	Извольский — Сазонову	С. А. 538	324
662	2.V/19.IV	Тел. № 264	Извольский — Сазонову	К. 69	325
663	2.V/19.IV	Тел. № 267	Извольский — Сазонову	Ставка 62	326
664	2.V/19.IV	Тел.	Соннино — Карлотти	С. А. 426	328
665	2.V/19.IV	Тел.	Соннино — Карлотти	С. А. 426	329
666	2.V/19.IV	Тел. № 253	Поклевский — Сазонову	К. 57	330
667	2.V/19.IV	Тел. № 201	Блондель — Делькассе	С. А. 554	331

Приложение

14 ЯНВАРЯ — 23 МАЯ 1915 г.

ч. 2

№ 417. Сообщение английского посольства в Петрограде министру иностранных дел[1].

24/11 марта 1915 г.

Personal and most confidential.

1. In the event of war being declared between Italy and Austria-Hungary Italy, Great Britain, France and Russia will mutually bind themselves not to conclude a separate peace or separate armistice.

2. A military agreement will forthwith be concluded with the object of determining the minimum force which Russia must keep employed against Austria-Hungary in order to prevent the latter from concentrating all her efforts against Italy, should Russia decide to devote herself principally against Germany.

Italy on her part undertakes to employ her utmost resources against Austria-Hungary and Turkey and whoever may come to their assistance either by land or sea.

3. The active and permanent cooperation of the anglo-french fleet shall be given until the destruction of the Austria-Hungarian fleet or the conclusion of peace.

4. In the treaty of peace Italy shall obtain, the Trentino, the Cisalpine Tyrol, following the natural geographical boundary (the boundary of the Brenner), as well as Trieste, the counties of Gorizia and of Gradisca, and the whole of Istria as far as the Quarnero, including Volosca, as well as the Istrian islands of Cherso, Lussin, and the smaller ones of Plavnik, Unie, the Canidole, Palazzuoli, San Pietro di Nembi, Asinello, Gruizza and the neighbouring islets.

(Note) The frontier shall be as follows: From Piz Umbrail to the north of the Stelvio it will follow the crest of the Retic Alps to the headwaters of the Adige and Eisack, passing then over mounts Reschen and Brenner and the heights of the Oetz and Ziller. It will thence strike south and crossing mount Toblach rejoin the present boundary of the Carnic Alps. It will follow this as far as mount Tarvis, and after that the watershed of the Julian Alps by way of the Predil Pass, mount Mangart,

---

[1] Настоящее сообщение передает проект соглашения с Италией, выработанный в Лондоне, ср. № 444.

the Tricorno (Terglou) and the watershed of the Passes of Podberdo, Podlaniscam, Idria. From that point it will run in a south-westerly[1] direction towards the Schneeberg, leaving outside the whole basin ob the Sava and its affluents; from the Schneeberg it will descend towards the coast, including Castua, Mattuglia and Volosca in Italian territory.

5. Italy shall also have the province of Dalmatia, according to the present administrative boundary, including Lissarica and Tribania to the north, and stretching as far as the river Narenta to the south, as well as the peninsula of Sabbioncello and all the islands lying to the north and west of Dalmatia itself, from Premuda, Selve, Ulbo, Maon, Pago and Puntadura to the north, as far as Meleda, to the south, including Sant-Andrea, Busi, Lissa, Lesina, Curzola, Cazza and Lagosta, with the neighbouring rocks including Pelagosa.

(Note) The arrangements outlined in articles 4 and 5 leave the fate of the following Adriatic territory to the decision of Europe at the end of the war:

In the Upper Adriatic (in the interests of Hungary and Greece[2]) the whole coast from the Bay of Volosca on the borders of Istria as far as the northern boundary of Dalmatia, including the present Hungarian littoral and the whole coast of Croatia with the port of Fiume and the smaller ones of Novi and Carlopago, as well as the islands of Veglia, Pervicchio, Gregorio, Goli and Arbe.

And in the Lower Adriatic (in the interests of Servia and Montenegro) the whole coast from the river Narenta downwards, including a long tract now part of Dalmatia, as far as the river Drin, with the important ports of Ragusa, Cattaro, Antivari, Dulcigno, and San Giovanni di Medua, and the islands of Jaclian and Calamotta.

The port of Durazzo would remain to be assigned to the independent Mussulman state of central Albania.

6. Valona with the island of Sasseno and sufficient territory for their defence shall be made over to Italy in full sovereignty (from Voiussa to the north and east as far approximately as Khimara to the south).

7. If Italy obtains the Trentino and Istria in accordance with the terms of article 4, Dalmatia and the Adriatic islands in accordance with the terms of article 5, and the Bay of Valona (article 6), and if the central part of Albania is reserved for the constitution of a small autonomous neutralized state, she will not oppose north and south Albania, should Great Britain, France and Russia so desire, being divided be-

[1] Так в оригинале; ср. стр. 255.

[2] Так в оригинале; повидимому, нужно читать «Croatia» («Хорватия»).

tween Montenegro, Servia and Greece, provided that the coast beginning with and including the Bocche di Cattaro as far as the mouth of the Voiussa, and that from Khimara to cape Stylos, is neutralized.

8. Italy shall be upheld in her possession of the islands of the Dodecanese of which she is at present in occupation.

9. In general the parties will agree in recognizing that Italy has an interest in the balance of power in the Mediterranean, so that in the event of the partial or total partition of the Ottoman Empire Italy shall obtain her proper share from the provinces washed by the Mediterranean contiguous to the zone of Adalia, where she has already acquired well known rights and interests.

Similarly the interests of Italy will be taken into consideration in the event of the territorial integrity of the Ottoman Empire being maintained and modifications only being made in the present zones of interest of the various Powers.

In the event of Turkish territory in Asia being occupied during the course of the war by Great Britain, France, Russia or other states, the zone of Adalia and contiguous regions shall be reserved to Italy who shall have the right to occupy them.

10. Italy shall succeed to all rights and privileges at present appertaining to the sultan in Lybia by virtue of the Treaty of Lausanne [1].

11. Italy shall share in the eventual war indemnity to an extent corresponding to her efforts and sacrifices.

12. Great Britain and Italy bind themselves mutually to guarantee the independence of Yemen, to leave the Holy Places in free hands and not to annex any part of Western Arabia nor to establish there any other forms of sovereignty, without however renouncing their right to oppose any other Power acquiring or claiming rights in Arabia itself.

13. In the event of the other Powers increasing their Affrican colonial possession at the expense of Germany the necessary agreement will be come to to ensure Italy some corresponding and equitable compensation, more particularly in the settlement in her favour of the question affecting the boundaries between her colonies of Eritrea, Somali and Lybia, and the contiguous French and British colonies.

14. Great Britain undertakes to facilitate the immediate conclusion, on equitable conditions, of a loan of not less than 50 000 000 sterling, to be floated on the London market.

15. Great Britain, France and Russia undertake to support Italy in opposing any proposal that may be made to admit a representative of

[1] Имеется в виду итало-турец. договор, заключенный в Лозанне 18/5 окт. 1912 г.

the Pontiff to the deliberations of the peace conference at the conclusion of the present war, or to any other diplomatic reunions for the final settlement of the questions raised during the present war.

16. The present agreement shall be kept secret. As soon as war is declared by or against Italy, the first clause only, relating to the obligation not to conclude a separate peace, shall be made public.

Перевод.

Лично и строго доверительно.

1. В случае если будет объявлена война между Италией и Австро-Венгрией, Италия, Великобритания, Франция и Россия взаимно обязуются не заключать сепаратного мира или сепаратного перемирия.

2. Немедленно будет заключено военное соглашение для определения минимума сил, которые Россия должна будет выставить против Австро-Венгрии с целью помешать последней сосредоточить все свои усилия против Италии в случае, если Россия решит посвятить себя главным образом борьбе против Германии.

Италия, со своей стороны, обязуется употребить все свои силы против Австро-Венгрии и Турции и всякой другой державы, которая может притти им на помощь на суше или на море.

3. Активное и постоянное содействие англо-французского флота будет предоставлено впредь до уничтожения австро-венгерского флота или до заключения мира.

4. По мирному договору Италия получит Трентино и Цизальпинский Тироль по линии естественной географической границы (границы Бреннера), равно как и Триест, графства Горицу и Градиску и всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску, а также истрийские острова Керсо и Луссин и малые острова Плавник, Уние, Канидоле, Палаццуоли, Сан-Пьетро-ди-Немби, Азинелло, Груиццу и соседние островки.

Примечание. Граница будет следующей. От вершины Пиц-Умбрайль до пункта к северу от Стельвио она пойдет по хребту Ретийских Альп до истоков Адидже и Эйзака, проходя затем через горы Решен и Бреннер и по возвышенностям Этца и Циллера. Далее она направится на юг, и пересекая гору Тоблах, достигнет нынешней границы Карнийских Альп. Она пойдет по этой границе до горы Тарвиз и дальше по водоразделу Юлийских Альп через Предильский перевал, гору Мангарт, Трикорно (Трёглав) и по водоразделу Подбердо, Подланискам и Идрии. От этого пункта она направится в юго-западном направлении к Шнеебергу, оставляя по ту сторону весь бассейн Савы и ее притоков; от Шнееберга она спустится по направлению к берегу, включая в итальянскую территорию Кастуа, Матулью и Волоску.

5. Италия получит также провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах, включая Лиссарику и Трибанию на севере, а на юге до реки Наренты, равно как и полуостров Саббиончелло и острова, лежащие к северу и западу от самой Далмации от Премуды, Сельве, Ульбо, Маон, Паго и Пунтадуры на севере, до Меледы на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лиссу, Лессину, Курцолу, Каццу и Лагосту, а также соседние скалы, включая Пелагозу.

Примечание. Соглашения, описанные в статьях 4 и 5, оставляют во-

прос о судьбе следующих адриатических территорий на решение Европы по окончании войны:

В Верхней Адриатике (в области, в которой заинтересованы Венгрия и Греция) все побережье от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, включая нынешнее венгерское побережье и все побережье Хорватии с портом Фиуме и малыми портами Нови и Карлопаго, равно как и острова Велья, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе.

В нижней Адриатике (в области, в которой заинтересованы Сербия и Черногория) все побережье от реки Наренты, включая длинную полосу, составляющую ныне часть Далмации, до реки Дрина с важными портами Рагуза, Каттаро, Антивари, Дульциньо, Сан-Джиованни-ди-Медуа и острова Жаклиан и Каламотта.

Порт Дураццо предназначается независимому мусульманскому государству в Центральной Албании.

6. Валона с островом Сассено и территорией, достаточной для их обороны, будет передана Италии в полное суверенное владение (от Воюсы на севере и востоке и приблизительно до Химары на юге).

7. Если Италия получит Трентино и Истрию, согласно условиям статьи 4, Далмацию и Адриатические острова, согласно статьи 5, и бухту Валону (статья 6), и если центральная часть Албании будет оставлена для создания небольшого автономного государства, — она не будет возражать, чтобы Северная и Южная Албания, — если таково будет желание Великобритании, Франции и России, — были поделены между Черногорией, Сербией и Грецией, при условии, что побережье, начиная от бухты Каттаро и включая последнюю до устья Воюсы, а также от Химары до мыса Стилоса, будет нейтрализовано.

8. Италия получит в полное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

9. Стороны вообще согласятся признать, что Италия заинтересована в равновесии сил на Средиземном море, так что в случае частичного или полного раздела Оттоманской империи Италия получит свою собственную долю из областей, омываемых Средиземным морем и смежных с зоной Адалии, в которой Италия уже приобрела хорошо известные права и интересы.

Равным образом интересы Италии будут приняты во внимание в случае, если территориальная неприкосновенность Оттоманской империи будет сохранена и будут только внесены изменения в теперешние зоны, в которых имеются интересы отдельных держав.

В случае если турецкая территория в Азии будет занята во время войны Великобританией, Францией, Россией или другими государствами, то зона Адалии и соседние области будут предоставлены Италии, которая будет иметь право их занять.

10. Италия получит в Ливии все права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора.

11. Италия получит часть военной контрибуции, соответствующую ее усилиям и жертвам.

12. Великобритания и Италия взаимно обязуются гарантировать независимость Иемена, сохранить священные места под независимой властью, а также не аннексировать какую-либо часть Западной Аравии и не учреждать там какой-либо иной формы суверенной власти, не отказываясь однако от своего права

противодействовать всякой другой державе в приобретении ею и в притязании на права в самой Аравии.

13. В случае если другие державы увеличат свои африканские колониальные владения за счет Германии, необходимо будет притти к соглашению, обеспечивающему Италии соответствующую и равноценную компенсацию, в частности в смысле разрешения в ее пользу вопросов, касающихся границ между ее колониями в Эритрее, Сомали и Ливии и соседними французскими и английскими колониями.

14. Великобритания обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях займа не менее 50 000 000 фунтов стерлингов к выпуску на лондонском рынке.

15. Великобритания, Франция и Россия окажут Италии поддержку в противодействии всякому предложению, которое могло бы быть сделано, о допущении представителя папы к участию в мирной конференции по окончании этой войны, или к какому-либо другому дипломатическому совещанию для окончательного разрешения вопросов, поднятых в течение настоящей войны.

16. Настоящее соглашение должно оставаться секретным. Немедленно по объявлении войны Италией или против нее будет опубликована только первая статья, касающаяся обязательства не заключать сепаратного мира.

№ 418. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

24/11 марта 1915 г.

A communication in the following terms has been made to Sir E. Grey by the Italian Ambassador in London:

«The desire of Italy to free herself once for all from the unbearable position of inferiority in the Adriatic vis-à-vis Austria-Hungary, which the geographical configuration of the two coasts forces upon her, is one of the main reasons which would determine Italian entrance into the war. By maintaining her neutrality to the end, Italy could obtain the greater part of her remaining national desiderata without having to run the risks inseparable from armed conflict.

To fight merely in order to substitute Slav for Austrian predominance in the Adriatic would be no advantage to Italy. Italy must therefore insist on the neutralization of the coast from Cattaro to Voiussa inclusive. Croatia or whoever possessed Croatia would still have left all the coast from Volosca to Dalmatia with the nearer islands of Veglia, Arbe, Pago Arhipelago including as principal port Fiume (notwithstanding Fiume being in reality Italian) as well as a minor port in the Morlacca Channel.

There thus remains to Montenegro and Servia who will presumably be in some way united the coast between the mouths of rivers Narenta and Drin including the important ports of Dulcigno and Antivari to-

gether with the mouth of the Boyana river. These three latter named ports can all be used as outlets to the railway which will give access to the sea entirely through their own territory to the whole of the Serbo-Montenegrin Hinterland as well as to Bosnia and Herzegovina which will by then have become Servian. Greece will keep Epirus; and Durazzo will remain to the Moslem State of central Albania. The chief cities of Dalmatia are still preeminently Italian in character.

In a conversation last August, Mr. Sazonow admitted that Italy should obtain Dalmatia from Zara to Ragusa on condition of her active cooperation in the war, Italy is nevertheless not now laying claim to Ragusa[1].

It will be impossible for Italy to engage to begin the war before the end of April. The Italian Government adhere to this date as the date of their entry into the field although the delay of ships laden with supplies has impeded their preparations».

Sir E. Grey states that the Marquis Imperiali strongly emphasized the essential character of Italy's claim about Dalmatia. Sir E. Grey pointed out that an immediate decision was necessary so that a plan of campaign could begin to be drawn up by the naval and military authorities. It was essential that this should be begun at once in order to ensure concerted action even at the end of April. The Italian Ambassador replied that if the Italian claims met with a favourable reply the Italian Government could begin at once.

Sir E. Grey must consult the Cabinet, but meanwhile he would be glad to be furnished immediately with the Imperial Government's views.

Перевод.

Итальянским послом в Лондоне было сделано сэру Э. Грею следующее сообщение:

«Желание Италии покончить раз навсегда с невыносимым положением подчиненности по отношению к Австро-Венгрии в Адриатическом море, которое создалось в связи с географическим очертанием обоих побережий, является одной из основных причин, которые могли бы вызвать вступление Италии в войну. Сохраняя свой нейтралитет до конца, Италия могла бы добиться большей части своих остальных национальных стремлений, не подвергаясь риску, неизбежно сопряженному с вооруженным конфликтом.

Сражаться исключительно с тем, чтобы заменить в Адриатике австрийское преобладание славянским, не было бы выгодно для Италии. Поэтому Италия должна настаивать на нейтрализации побережья от Каттаро до Воюсы включительно. Хорватии или тому, кто будет владеть Хорватией, осталось бы тем не менее все побережье от Волоски до Далмации с прилежащими островами: Велья, Арбе, архипелаг Паго, включая как главный порт Фиуме (несмотря на то, что

[1] Ср. ч. 1, стр. 519, прим. 2.

Фиуме является в действительности итальянским портом), а равно и меньший порт в проливе Морлакка.

Таким образом Черногории и Сербии, которые будут, вероятно, каким-либо образом объединены, останется побережье между устьями рек Наренты и Дрина, включая важные порты Дульциньо и Антивари вместе с устьем реки Бояны. Эти три последние порта могут быть все использованы как конечные пункты для железной дороги, которая даст доступ к морю исключительно через их собственную территорию всему сербо-черногорскому хинтерланду, а равно Боснии и Герцеговине, которые отойдут к Сербии. Греция будет владеть Эпиром; а Дураццо останется за мусульманским государством Центральной Албании. Между тем главные города Далмации по своему характеру являются преимущественно итальянскими.

В разговоре в августе минувшего года г. Сазонов допускал, что Италия может получить Далмацию от Зары до Рагузы при условии ее активного участия в войне, тем не менее Италия теперь не претендует на Рагузу.

Для Италии невозможно дать обещание начать войну ранее, чем в конце апреля. Итальянское правительство соглашается на эту дату, как на дату своего вступления в войну, хотя задержка с судами, перевозившими предметы снабжения, и помешала его приготовлениям».

Сэр Э. Грей заявляет, что маркиз Империали усиленно подчеркивал существенный характер итальянских притязаний на Далмацию. Сэр Э. Грей указал, что необходимо немедленное решение для того, чтобы план военных действий мог быть выработан морским и военным командованием. Важно приступить к этому немедленно, чтобы к концу апреля иметь согласованный план действий. Итальянский посол ответил, что если притязания Италии встретят благоприятное отношение, итальянское правительство может немедленно приступить к делу.

Сэр Э. Грей должен запросить кабинет, но тем временем он был бы рад, если бы ему немедленно была сообщена точка зрения императорского правительства.

№ 419. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

24/11 марта 1915 г.

In the opinion of His Majesty's Government Italy will not be content with any settlement that does not give her effective control of the Adriatic and that her real reason for putting forward her present demand is that, if the islands and coast of Dalmatia were to pass into the hands of another Power and be made the base for submarines, the Italian coast between Brindisi and Venice could not be defended.

We have therefore to choose between foregoing the prospect of Italian cooperation or consenting to her present demands.

Italian cooperation will be the turning point of the war. It will greatly accelerate its successful conclusion and will decide the cooperation of Roumania and of some of the other neutral states. For these reasons

His Majesty's Government are strongly of opinion that we should accept Italy's terms subject to three conditions.

1. In order to make it clear that the obligations undertaken by Italy will apply to the war with Germany, as well as with Austria-Hungary and Turkey, the wording of the undertaking to be given by Italy in the first and third paragraphs of the Italian Memorandum should be altered so as to read as follows:

«In the event of war being declared by Italy she will become a party to the agreement of September 5th between France, Great Britain and Russia.

Italy on her part undertakes to employ her utmost resources to prosecute the war, in common with France, Great Britain and Russia against all their enemies».

2. Though the fact of an alliance having been concluded need not be disclosed until war is actually declared by her in April, Italy should at once sign the conditions of alliance. In the meanwhile the manner in which the Italian army and navy are to cooperate with the armies and navies of France, Great Britain and Russia, will be arranged by Italian military and naval experts in concert with those of the Allies.

3. Italy will, when in possession of Spalato, guarantee a free port and all facilities for goods in transit to or from Servia and any territory acquired by Servia in the treaty of peace.

The object of the above condition is to secure for Servia the fullest commercial access to the Adriatic as though, under the agreement with Italy, Servia will have Ragusa and some other ports under her own control, it is not certain that they would be as useful for commercial purposes as Spalato.

Italy's attitude is being made the subject of so much public discussion that complications may at any moment arise from the side of Germany. Sir E. Grey consequently considers it most desirable that we should close with Italy before any such complications occur and he would be grateful if Mr. Sazonow would furnish him with his views as soon as possible.

His Majesty's Ambassador is instructed to add that the British military authorities are most strongly in favour of concluding this agreement with Italy without delay, and he is to suggest that, in the event of the Russian Government having any doubt on the subject, they should consult His Imperial Highness the Grand Duke Nicolas.

Перевод.

По мнению правительства его величества, Италия не будет удовлетворена никаким соглашением, которое не предоставило бы ей действительного контроля над Адриатическим морем; реальным основанием для предъявления ею настоящего требования является соображение, что если острова и побережье Далмации перейдут в руки другой державы и станут базой для подводных лодок, то итальянское побережье между Бриндизи и Венецией не сможет быть защищено.

Мы должны поэтому сделать выбор: или отказаться от предлагаемого итальянского содействия или же согласиться на предъявляемые ею требования.

Участие Италии явится поворотным пунктом войны. Оно в значительной мере ускорит успешное окончание и решит вопрос о выступлении Румынии и некоторых других нейтральных государств. По этим причинам правительство его величества твердо убеждено, что мы должны принять предложение Италии в случае соблюдения трех условий.

1. В целях установления того, что все принятые на себя Италией обязательства будут применены к войне с Германией, также как к войне с Австро-Венгрией и Турцией, текст обязательства, которое должна дать Италия в первом и третьем разделах итальянского меморандума, должен быть изменен следующим образом:

«В случае объявления войны Италией она станет участницей соглашения от 5 сентября, заключенного между Францией, Великобританией и Россией.

Со своей стороны Италия обязуется использовать до последней возможности все свои средства для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов».

2. Хотя факт заключения союза не должен быть оглашен до тех пор, пока в апреле война действительно будет ею объявлена, Италия должна немедленно подписать условия вступления в союз. Тем временем итальянскими военными и морскими экспертами совместно с экспертами союзников должен быть разработан план того, как итальянская армия и флот будут действовать совместно с армиями и флотами Франции, Великобритании и России.

3. Италия, вступив в обладание Спалато, гарантирует устройство свободного порта и предоставление всех льгот для транзита товаров, импортируемых в Сербию и в какую-либо область, приобретенную Сербией по мирному договору, или экспортируемых оттуда.

Это условие имеет целью предоставить торговле Сербии полный доступ к Адриатическому морю, и хотя Сербия будет иметь, по соглашению с Италией, Рагузу и некоторые другие порты под своим контролем, однако нельзя быть уверенным, что они будут столь же полезны для ее коммерческих задач, как Спалато.

Позиция Италии сделалась предметом столь открытого обсуждения, что в любой момент могут возникнуть осложнения со стороны Германии. Поэтому сэр Э. Грей считает в высшей степени желательным, чтобы мы заключили союз с Италией, прежде чем возникнут какие-либо подобные осложнения, и он был бы благодарен, если бы г. Сазонов сообщил ему как можно скорее свою точку зрения.

Посол его величества получил предписание добавить, что британские военные власти чрезвычайно настаивают на том, чтобы это соглашение с Италией

было заключено без промедления, и он посоветовал бы, чтобы российское правительство, если у него есть какие-либо сомнения в этом отношении, запросило мнение великого князя Николая.

№ 420. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1347. 24/11 марта 1915 г.

Сообщается в Париж.

Итальянский посол сказал мне, что его правительство ознакомило его с ходом ведущихся в Лондоне переговоров об условиях вмешательства Италии в войну и что ему поручено поддержать здесь итальянские требования, особенно в отношении Далмации. Я ответил, что, сообщив Грею для переговоров с Империали взгляды императорского правительства, я не считаю себя в праве входить в обсуждение подробностей здесь, но как личное мнение могу только сказать, что требования Италии касательно Далмации представляются мне совершенно неприемлемыми. Нельзя после всех жертв, принесенных для освобождения Сербии от австрийского гнета, отдавать Сербию в зависимость от Италии, лишая сербов достаточно обеспеченного выхода к морю. О возможности в крайнем случае каких-нибудь уступок в отношении Зары и Себенико я не сказал послу ни слова [1].

Сазонов.

№ 421. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

·/. Телеграмма № 269 [2]. 24/11 марта 1915 г.

Der Minister-Präsident versicherte mich seines grossen Beileids gelegentlich des Falls von Przemysl [3]. Die Regierung und ihre Freunde liessen sich nicht beeinflussen und wollen hoffen, dass dieser Verlust durch andere Erfolge bald gutgemacht werde, bedauern aber trotzdem diesen Sieg der Russen und Eindruck hier stark.

Der Minister-Präsident sagte freundschaftlich, es sei schade, dass eine durch Waffen uneinnehmbare Festung sich nur desshalb habe ergeben müssen, da sie nicht mit genügendem Proviant versehen war. Adrianopel und seine türkischen Forts haben sich länger gehalten und haben, als sie eingenommen waren, immer noch grosse Vorräte gehabt. Der Minister-Präsident habe heute den König gesehen. Seine Majestät

[1] Ср. № 414.
[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.
[3] Перемышль был взят русскими войсками 22/9 марта 1915 г.

wäre sehr beunruhigt und hätte verschiedene Befürchtungen geäussert. Der Minister-Präsident sagte mir vertraulich, wie der König seinem Aerger Luft gemacht hat. Seine Majestät hätte verschiedene hohe Militärpersonen bei uns genannt und bemerkt, er überwache sie gut und wäre von Anfang an um sie besorgt gewesen. Der König hätte gemeint, der Weg nach Budapest stünde jetzt den Russen offen. Er wäre auch durch russophile Stimmung beunruhigt worden, die die Meldung über den Fall von Przemysl hier hervorgerufen hätte und die er, der König, in Militärkreisen in Sofia constatiert haben will.

Ich fragte den Minister-Präsidenten, was er dazu sage, dass die Stadtverwaltung agitiere betreffend Neutralitätsbruchs, und Interlocutor antwortete, die Stadtvertreter seien abgesetzt, die Stadtverwaltung werde übernommen werden. Dafür dass ... und ... nach Petrograd gesandt sind, könne der Minister-Präsident nichts. Eine Aenderung des Königs befürchte der Minister-Präsident nicht. Seine Majestät habe wieder grosse Angst vor den Russen, die hiesige Politik werde aber dieselbe bleiben; keine Aenderung des Cabinets sei zu erwarten. Hiesige Militärkreise zeigen sich, was auch der Militär-Agent constatiert hat, nicht sehr beunruhigt und sagen, wenn auch niedergeschlagen, dass die allgemeine Kriegslage vom Fall von Przemysl wenig beeinflusst worden ist.

Die Presse nationaler Richtung, antirussich bleibend und bedeutenden russischen Erfolg bedauernd, rate der Regierung ... und Ruhe [1].

Перевод.

Министр-президент выразил мне свое большое сожаление по поводу падения Перемышля. Правительство и его друзья не хотят поддаваться этому впечатлению и надеются, что эта потеря будет скоро вознаграждена другими успехами; тем не менее они сожалеют об этой победе русских; произведенное ею здесь впечатление велико.

Министр-президент дружески заметил: «Жаль, что неприступная в военном отношении крепость принуждена была сдаться потому, что не была в достаточной мере снабжена провиантом. Адрианополь и его турецкие форты дольше продержались и, когда были взяты, располагали еще достаточным количеством съестных припасов». Сегодня министр-президент видел короля. Его величество был очень встревожен и высказывал различного рода опасения. Министр-президент рассказал мне доверительно о том, как король сорвал свой гнев. Его величество назвал нескольких наших высокопоставленных военных и заметил, что он за ними следит и с самого начала беспокоился по поводу их. Король высказал мнение, что теперь русским открыт путь на Будапешт. Он также бес-

[1] Тел. от того же числа за № 273 Тарновский сообщил о своей беседе с личным секретарем Фердинанда Добровичем по поводу падения Перемышля. По словам Добровича, «король был в первый момент прямо убит; сейчас он спокойнее».

покоится в связи с руссофильскими настроениями, которые были вызваны здесь сведениями о падении Перемышля, и каковые он, король, будто бы заметил в военных кругах Софии.

Я спросил министра-президента, что он может сказать по поводу агитации городского управления относительно нарушения нейтралитета. Мой собеседник ответил, что члены этого управления уволены, а само оно будет передано (в руки правительственной власти). Против того, что ... и ... посланы в Петроград, министр-президент не может ничего поделать. Перемены в позиции короля министр-президент не опасается. Его величество снова сильно боится русских, по здешняя политика останется неизменной. Никакой смены кабинета не предвидится. Здешние военные круги не обнаруживают особого беспокойства, что подтвердил и военный агент, и хотя и подавлены, но говорят, что на общее военное положение падение Перемышля может оказать лишь малое влияние.

Пресса национального направления, оставаясь антирусской и выражая сожаление по поводу крупного русского успеха, дает правительству советы... и спокойствия.

№ 422. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 159. 24/11 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 148 [1].

Японский посланник значительно поправился, и переговоры с ним китайского министра иностранных дел возобновились вчера в японской миссии, причем носили, по словам китайцев, весьма дружеский характер.

Вопрос об открытии в Южной Манчжурии двадцати пунктов для иностранной торговли ныне совершенно отпал. Китайцы выразили готовность допустить японцев к поселению во всей Южной Манчжурии под условием уплаты ими всех налогов и подчинения китайской юрисдикции и полицейским правилам. Хиоки обещал передать это предложение в Токио.

Вопрос о Гирин — Чанчунской железной дороге, повидимому, разрешится тем, что старый контракт будем заменен новым, предоставляющим японцам все наибольшие выгоды, полученные иностранцами по другим железнодорожным контрактам в Китае.

Обсуждение вопроса о Ханьепинской компании еще ни к какому результату не привело. Китайское правительство обеспокоено высадкой Японией своих войск в Китае под предлогом смены гарнизонов и просило меня и моих коллег обратить внимание наших правительств на увеличение таким образом количества японских войск в различных

[1] См. ч. 1, стр. 451, прим. 2.

пунктах Китая[1]. Вместе с тем китайцы сообщают, что не будучи в состоянии рассчитывать на возобновление революционного движения, японцы стараются ныне организовать хунхузские шайки в Южной Манчжурии и Шаньдуне для производства беспорядков, которые послужили бы желанным предлогом для японского вмешательства.

Крупенский.

№ 423. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде—Бьюкенену и Палеологу[2].

25/12 марта 1915 г.

Le gouvernement impérial partage le désir des gouvernements britannique et français de voir l'Italie se joindre le plus tôt possible aux alliés, la coopération italienne pouvant entrainer celle d'autres Etats et contribuer à hâter la fin de la guerre.

Cependant la situation actuelle des alliés n'est pas de nature à justifier de leur part une capitulation devant toutes les exigences de l'Italie que Sir E. Grey et Mr. Delcassé ont eux-mêmes reconnu être fort exagérées. De son côté le gouvernement impérial, ayant largement prouvé son esprit de conciliation en adhérant à la plupart des revendications italiennes, se voit obligé d'insister sur les réserves qu'il a faites concernant la côte orientale de l'Adriatique.

Une des causes qui ont conduit à la guerre actuelle a eu pour origine les efforts continus de l'Autriche d'entraver le developpement de la Serbie en la privant d'un débouché sur la mer. Si les Puissances veulent que la paix future soit durable, elles ne sauraient admettre que, l'Italie se substituant à l'Autriche, la Serbie et le Monténégro, faute d'une assiette suffisante sur le littoral, restent entièrement à la merci des visées d'expansion italiennes. Il est, par conséquent, indispensable d'assigner une plus large part de la Dalmatie à la Serbie et de ne point priver le Monténégro de la possibilité de défendre sa côte en acceptant la neutralisation de celle-ci, de Cattaro à la Voiussa, comme le réclame l'Italie.

La fusion éventuelle de la Serbie avec le Monténégro appartient à un avenir encore éloigné. Pour le moment il s'agit de n'envisager comme

[1] Деп. от 31/18 марта за № 13 Крупенский, между прочим, сообщил следующее: «Китайское правительство формально протестовало против усиления японских гарнизонов в Китае, но, как и следовало ожидать, протесту этому японцами не было придано никакого значения, и они ограничились словесным уклончивым ответом».

[2] Черновик написан рукою Шиллинга.

revenant à la Serbie que les ports dalmates. Au nombre de ceux-ci Metkovic est le seul qui soit relié par un chemin de fer déjà existant à l'intérieur de la Bosnie. Or, la possession de ce port situé sur la Narenta serait tout-à-fait illusoire si cette rivière formait la frontière italienne et surtout si l'Italie obtenait, de plus, la presqu'île de Sabbioncello qui ferme la sortie du port à la mer, sans ajouter que le chemin de fer mentionné longe la rive droite de la Narenta et se trouverait ainsi en mains italiennes.

Quant aux arguments par lesquels l'Italie cherche à justifier ses revendications, ils ne paraissent guère convaincants. En effet, la possession de l'Istrie, avec Pola comme port militaire, et de Vallone qui commande l'issue de l'Adriatique créerait déjà à l'Italie une situation si prépondérante dans cette mer transformée en lac italien que jamais la Serbie ne saurait lui porter ombrage, d'autant plus qu'elle ne semble avoir aucun élément pour devenir une Puissance navale. En tout cas, si l'Italie allègue la crainte des sousmarins pour expliquer son désir d'acquérir presque tout le littoral, on ne conçoit pas pourquoi cette crainte ne s'appliquerait pas également à Raguse que le gouvernement italien se déclare disposé d'abandonner à la Serbie.

A ce propos Mr. Sazonow croit devoir récuser énergiquement l'assertion du marquis Impériali comme quoi il aurait jamais admis l'idée de la domination italienne s'étendant jusqu'à Raguse [1]. Il a, au contraire, toujours été d'avis que le minimum de la côte dalmate à assigner à la Serbie devait comprendre Spalato.

Maintenant ce point de vue encore aujourd'hui, pour les raisons ci-dessus exposées, Mr. Sazonow croit que la dernière limite des concessions qu'on pourrait encore faire à l'Italie serait de lui accorder une part de la Dalmatie de Zara jusqu'au cap Planca avec la ville de Sebenico.

Mr. Sazonow consentirait, en outre, d'admettre, nonobstant cette concession, la création d'une Albanie indépendante à condition qu'une frontière commune soit assurée en territoire albanais à la Serbie et à la Grèce [2].

---

[1] См. № 418.

[2] В смысле этой пам. записки Сазонов 25/12 марта отправил Извольскому и Бенкендорфу тел. за № 1352 (опубл. Ц. Р., стр. 265), на оригинале которой имеется помета Николая II: «Хорошо». «Царское Село, [27] 14 марта 1915 г.». В тот же день за № 1369 Сазонов передал в Париж и Лондон текст этой пам. записки.

Перевод.

Императорское правительство разделяет желание британского и французского правительств увидеть Италию как можно скорее в рядах союзников ввиду того, что участие Италии может повлечь за собой присоединение других государств и ускорить окончание войны.

Тем не менее нынешнее положение союзников не таково, чтобы оправдать их капитуляцию перед всеми требованиями Италии, которые сэр Э. Грей и г. Делькассе сами признали весьма чрезмерными. Со своей стороны, императорское правительство широко доказало свою уступчивость, согласившись на большинство притязаний Италии, и видит себя вынужденным настаивать на оговорках, сделанных им касательно восточного побережья Адриатического моря.

Одна из причин, вызвавших нынешнюю войну, обязана своим происхождением постоянному стремлению Австрии помешать развитию Сербии, лишая ее доступа к морю. Если державы желают, чтобы будущий мир был длительным, они не могут допустить, чтобы Италия заняла место Австрии, а Сербия и Черногория, лишенные достаточного опорного пункта на побережьи, были отданы в жертву итальянской политике экспансии. Поэтому необходимо предоставить Сербии более значительную часть Далмации и не лишать Черногорию возможности защищать свое побережье, согласившись на его нейтрализацию от Каттаро до Воюсы, как этого требует Италия.

Возможное слияние Сербии с Черногорией принадлежит еще отдаленному будущему. В данное время следует считать, что к Сербии отойдут лишь далматинские порты. В числе их лишь один Меткович соединен существующей уже железной дорогой с внутренними областями Боснии. Между тем, владение этим портом, расположенным на р. Наренте, было бы совершенно призрачным, если б эта река составила границу Италии, и в особенности если б Италия получила сверх того полуостров Саббиончелло, закрывающий выход из порта в море, не говоря уже о том, что упомянутая железная дорога идет вдоль правого берега Наренты и оказалась бы таким образом в руках Италии.

Что же касается аргументов, которыми Италия стремится оправдать свои притязания, то они совсем не представляются убедительными. Действительно, владение Истрией с Полой, как военным портом, и Валоной, господствующей над выходом из Адриатического моря, уже создало бы для Италии настолько преобладающее положение в этом море, обращенном в итальянское озеро, что никогда Сербия не могла бы причинить ей какие-либо неудобства, тем более что у Сербии, повидимому, нет никаких данных для того, чтобы стать морской державой. Во всяком случае, если Италия ссылается на страх перед подводными лодками для того, чтобы объяснить свое желание приобрести почти все побережье, то непонятно, почему это опасение не распространяется также на Рагузу, которую итальянское правительство готово предоставить Сербии.

По этому поводу г. Сазонов считает долгом энергично опровергнуть утверждение маркиза Империали, что он когда-либо соглашался на то, чтобы итальянские владения распространялись до Рагузы. Напротив, он всегда придерживался мнения, что минимальная часть Далматинского побережья, которую следует предоставить Сербии, должна включать Спалато.

Продолжая придерживаться этой точки зрения по изложенным выше причинам, г. Сазонов думает, что крайним пределом уступок, которые можно было

бы еще сделать Италии, было бы предоставление ей части Далмации от Зары до мыса Планка с г. Себенико.

Г. Сазонов, помимо того, согласился бы, несмотря на эту уступку, на создание независимой Албании при условии обеспечения Сербии и Греции общей границы на албанской территории.

№ 424. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

25/12 марта 1915 г.

Sir E. Grey has learnt that Roumania is negotiating with the Austrian Government for concessions which would imply her remaining neutral in the present war. Sir E. Grey does not himself think that matters have really reached this stage, but he is of opinion that in any conversations which may pass between the Roumanian and Russian Governments it would be advisable that the language used should not be so evasive as to give Roumania the impression that she will, by remaining neutral, get nearly as much compensation as she would by entering the war on the side of the Allies.

Перевод.

Сэр Э. Грей узнал, что Румыния ведет переговоры с австрийским правительством об уступках, которые могли бы ее склонить к сохранению нейтралитета в течение настоящей войны. Сэр Э. Грей сам не думает, что дело зашло так далеко, но, по его мнению, при всякого рода переговорах, которые могут вестись между российским и румынским правительствами, желательно избежать уклончивых заявлений, дабы у Румынии не могло создаться впечатление, что если она останется нейтральной, то она получит приблизительно то же самое, как если бы она вступила в войну на стороне союзников.

№ 425. Поденная запись министерства иностранных дел.

25/12 марта 1915 г.

Министр иностранных дел принял хорватского деятеля Супило и не скрыл от него, что, вероятно, державам придется пожертвовать в пользу итальянских притязаний многими надеждами славянского населения на Адриатическом побережьи. Слова эти произвели на Супило удручающее впечатление, и он вновь приложил все старания для того, чтобы разъяснить министру обоснованность словинско-хорвато-сербских вожделений.

№ 426. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 171 [1]. 25/12 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1347 [2].

Ознакомил с ее содержанием Делькассе, который был видимо обеспокоен вашим заявлением итальянскому послу касательно Далмации. По полученным здесь известиям, в вопросе о вмешательстве Италии наступила критическая минута. Германия узнала о лондонских переговорах и употребляет чрезвычайные усилия, чтобы удержать Италию, которой обещано без риска войны почти все, к чему она стремится. С другой стороны, итальянское правительство придает громадное значение приобретению части Далмации. Сербия получит столь значительные приращения и столь широкий доступ к Адриатическому морю, что от нее можно потребовать этой жертвы. Продолжая придавать первостепенное значение вмешательству Италии, которая увлечет за собою Румынию, Болгарию и Грецию, и опасаясь всякой заминки в лондонских переговорах, Делькассе заключает, что следует предоставить Грею решить, возможно ли еще добиться сокращения нейтральной зоны и увеличения сербской доли Далматинского побережья. Он телеграфирует в этом смысле в Петроград и Лондон.

Извольский.

№ 427. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 172 [3]. 25/12 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил телеграмму Демидова № 102 [4].

Греческий посланник повторил письменно Делькассе заявление, сделанное Зографосом трем посланникам, и присовокупил словесно, что вернейшим способом устранить последние колебания греческого правительства было бы гарантировать (Греции) целость ее владений против всяких поползновений на них со стороны Болгарии. Делькассе думает, что на самом деле за этим требованием скрывается желание

---

[1] Опубл. Stieve, S. 179.

[2] См. № 420.

[3] Опубл. L. N., III, p. 92.

[4] Тел. от 22/9 марта за № 102 Демидов передал содержание заявления Зографоса трем посланникам держав Согласия. Текст заявления был сообщен Драгумисом Сазонову 27/14 марта (см. № 432).

греческого правительства оградить себя от возможного требования со стороны трех держав уступить Кавалу Болгарии. Делькассе не придает греческому сообщению серьезного значения и ограничился тем, что принял оное к сведению.

Извольский.

№ 428. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Депеша № 20. 25/12 марта 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграфных моих донесений [1] ваше высокопревосходительство уже осведомлены о содержании последних бесед моих с шахскими министрами по поводу настоящего положения дел в Персии. Беседы эти, которые велись как со мной отдельно, так и совместно с великобританским посланником, свидетельствуют, что новый кабинет в своей оценке положения остался верен взглядам своего предместника и что от Мушир-эд-Доуле можно ожидать еще меньше практического смысла и решимости, чем от Мостоуфи-оль-Мемалека. Указывая на высадку нашего отряда в Энзели, председатель совета министров и министр иностранных дел обратились ко мне с просьбой доложить вашему высокопревосходительству, что факт этот произвел весьма тягостное впечатление на шахское правительство и что желательно было бы в интересах как России и Англии, так и Персии отозвать эти отряды из названных пунктов. В стране, по словам Мушир-эд-Доуле, господствует спокойствие, и посему появление русских войск объясняется намерением употребить их для занятия столицы и вообще оказания давления на правительство. Он знает, что подозрения эти неосновательны, но рассеять их при нынешнем настроении общественного мнения возможно, лишь показав, что у России нет никаких затаенных замыслов. Религиозные причины и общественное мнение, продолжал Мушир-эд-Доуле, не позволяют Персии присоединиться к России и Англии, против которых к тому же существует ныне сильное предубеждение. Само собой разумеется, что персы ни в каком случае не присоединятся к Турции против России, с которой их связывают традиционные узы дружбы и, прибавлю я, жизненные интересы. Остается единственно возможный путь — нейтралитет, но, к сожалению, таковой непрестанно нарушается и Россией и Великобританией, и район нарушений, постепенно расширяясь, грозит охватить всю Персию. Настоящий кабинет пользуется доверием медж-

[1] Имеются в виду тел. от 20/7 марта за № 117, содержание которой в основном изложено в публикуемом документе. и от 21/8 марта за № 118 (см. № 404).

лиса и народа, но, дабы поддержать это доверие и дать отпор мусульманской пропаганде, правительству необходимо показать, что оно стоит на верном пути и что солидарность его с державами Согласия зиждется на твердом основании. Между тем ныне кабинет бессилен предпринять энергичные меры против германских и турецких агитаторов, пока державы-покровительницы нарушают персидский нейтралитет — Великобритания на Юге, а Россия на Севере, и пока русские войска находятся вблизи столицы. Во всяком случае кабинет для принятия подобных мер должен заручиться предварительным согласием меджлиса, которому необходимо представить надлежащие объяснения. Мушир-эд-Доуле прибавил, что хотя присутствие русских войск в Азербайджане также нежелательно, но что он пока откладывает обсуждение этого вопроса до более благоприятного времени.

Возражая председателю совета, я повторил прежние объяснения касательно присутствия наших войск в Персии, вызываемого необходимостью поддерживать порядок и безопасность и предупредить попытки наших врагов создать антирусские беспорядки и даже втянуть шахское правительство в враждебное против нас выступление. Я указал на прямое назначение этих отрядов, имеющих целью главным образом защиту русских подданных и предприятий, например, на энзелийский отряд возложена охрана Талышей и предприятий Лианозова и Хоштария. Во всяком случае ничтожная численность наших отрядов, не превышающих в общей сложности полуторы тысячи человек, исключает всякую мысль о каких-то замыслах против столицы.

Участвовавший в беседе великобританский посланник подкрепил мои доводы в пользу оставления отрядов, причем сообщил полученные им частным образом от сэра П. Кокса сведения о германо-турецком заговоре против Англии и России и подготовляемом немецкими агитаторами плане вызвать мусульманское движение не только в Персии, но также и в Афганистане, дабы причинить затруднения англичанам и заставить их отозвать часть войск с европейского театра. Далее мой английский коллега заявил, что у него имеются неопровержимые доказательства, что турецким посольством и германской миссией ведется деятельная пропаганда, встречающая сочувствие со стороны местных персидских властей, некоторых вождей кочевых племен, например, вали Пуштикуха, и отчасти жандармерии, что персы ничего не сделали, чтобы положить конец такому положению вещей, а посему великобританское правительство вынуждено само

озаботиться защитой своих интересов. Пока что ему поручено предложить шахскому правительству отозвать губернатора Шираза Мухбер-эс-Солтане, открыто ставшего на сторону немцев и поддерживающего близкие сношения с германским консулом Васмусом, а также шведских офицеров Фарса и района Персидского залива. Он поддерживает также наше ходатайство о принятии решительных мер против германских консулов в Исфагани и Керманшахе. Что касается русских отрядов, то он считает, что присутствие их действует скорее успокоительно и служит некоторой острасткой для наших врагов и для враждебных нам персидских элементов. Во всяком случае он не видит оснований ставить предложение о замене ширазского губернатора в зависимость от вопроса об отозвании русских отрядов из Северной Персии. Он готов донести об этом своему правительству, но думает, что подобная комбинация не встретит сочувствия в Лондоне и что сэр Э. Грей, вероятно, будет настаивать на исполнении поставленного условия. Сэр В. Тоунлей при этом повторил, что дальнейшее упорство персов поведет к высадке английских войск в Бушире.

Из бесед этих я вынес впечатление, что жалобы персидских министров по поводу якобы угрожающей столице от русских отрядов опасности вызваны главным образом личными и тактическими соображениями, дабы, добившись ухода наших войск или, по крайней мере, сделав к тому надлежащее усилие, получить одобрение меджлиса и демократической партии. Я готов допустить, что уход Казвинского отряда, может быть, успокоит здешних шовинистов и укрепит положение кабинета, но едва ли улучшит общее положение и, конечно, не увеличит русского влияния. Наши противники и враги наверно постараются объяснить подобную уступку слабостью России и соответственным образом усилят свои происки. Доверять же заверениям Мушир-эд-Доуле, что правительство тотчас же принудит германского и турецкого представителей и агентов прекратить агитацию и соблюдать нейтралитет, нет оснований, ибо до сих пор персы проявляли лишь полное бессилие и неспособность справиться с положением. Мнение это разделяется моим английским коллегой, а также французским и бельгийским посланниками, ожидающими лишь инструкций своих правительств, чтобы сделать персам заявление, упомянутое в телеграмме от [21] 8 марта [1], касательно необходимости принятия мер против враждебной нам агитации и оставления русских отрядов.

В отдельном разговоре со мной министр иностранных дел жало-

[1] См. № 404.

вался на образ действия Великобритании, вернее, английских агентов, позволивших себе вопиющие нарушения персидского нейтралитета, как-то: преследование и арест германских официальных и частных лиц, захват их имущества и переписки, происки среди кочевых племен и действия против персидских чиновников. Все эти факты, показывающие полное игнорирование суверенных прав Персии, вызвали ропот и протесты населения, особенно в районе Персидского залива и в Ширазе, где можно ожидать народной вспышки против произвола английского консула. Он прибавил, что и в столице общественное мнение возмущено, и неудовольствие против англичан, которых считали друзьями Персии, постепенно растет. Он надеется, что мы сумеем повлиять умеряющим образом на нашу союзницу.

Подобные упреки не так давно делались персами по поводу нашего образа действий в Азербайджане, деятельности наших консулов, выступлений Шоджа-эд-Доуле и т. п., причем протесты персов, к сожалению, всегда встречали поддержку великобританской миссии. На этот раз роли переменились, и мне впервые приходится выслушивать не только нарекания персов на англичан, но даже просьбы о заступничестве.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 429. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

26/13 марта 1915 г.
Secret.

Sir E. Grey was informed by the Roumanian Minister on the 25th instant on the latter's return from Bucharest that the Roumanian Government had decided to cooperate at the beginning of May on the side of the three Allies. The Roumanian Minister expressed a wish that, apart from a communication to the Russian and French Ministers for Foreign Affairs, the information might be kept strictly secret.

His instructions were to impress upon Sir E. Grey the fact that Roumania, although she did not make her cooperation dependent on that of Italy, nevertheless attached considerable importance to the latter.

Sir E. Grey said that he was very glad to hear of the decision of the Roumanian Government. His Majesty's Government were convinced that Germany was no longer so strong as she had been and that Italy's

[1] Лит. копия. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 376.

help was not essential to our ultimate victory. They were nevertheless most anxious to secure Italian cooperation as they wished to end the war as soon as possible which the entrance of Italy into the field would materially help to do. For this reason His Majesty's Government attached very considerable importance to Italy moving.

The Roumanian Minister said that he had been instructed to speak to Mr. Paul Cambon about the question of the supply of ammunition which was the sole condition which the Roumanian Government attached to their cooperation.

The question of the Straits was only mentioned incidentally when the Roumanian Minister said that his Government hoped that their commercial freedom would be assured. Sir E. Grey replied that he was certain that there would be no difficulty in arriving at a satisfactory solution of this point [1].

Перевод.

Секретно.

Сэр Э. Грей был извещен румынским посланником 25 сего месяца по возвращении его из Бухареста о том, что румынское правительство решило в начале мая выступить на стороне трех союзников. Румынский посланник выразил желание, чтобы, за исключением сообщения российскому и французскому министрам иностранных дел, информация эта оставалась совершенно секретной.

Он имеет инструкцию подчеркнуть перед сэром Э. Греем, что Румыния, хотя и не ставит свое выступление в зависимость от выступления Италии, тем не менее придает последнему большое значение.

Сэр Э. Грей заявил, что он с большой радостью узнал о решении румынского правительства. Правительство его величества убеждено, что Германия теперь не так сильна, как была раньше, и что помощь Италии не представляется существенной для нашей окончательной победы. Тем не менее оно чрезвычайно озабочено обеспечением итальянского соучастия, так как желает возможно скорейшего окончания войны, чему существенным образом может способствовать вступление Италии в войну. В силу этих соображений правительство его величества придает очень большое значение выступлению Италии.

Румынский посланник заявил, что ему предписано переговорить с г. Полем Камбоном по вопросу о снабжении военным снаряжением, которое является единственным условием, поставленным румынским правительством для выступления.

Вопрос о Проливах был затронут только вскользь, когда румынский послан-

[1] Тел. от 23/10 марта за № 458, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Диаманди сообщил Порумбару о полученном им от Сазонова следующем заверении по вопросу о Проливах: «Все наши (румынские) интересы останутся нетронутыми и будут неукоснительно приняты во внимание. Румыния будет иметь свободный вход и выход в Проливах. Никто не думает оспаривать у нас это право».

ник заявил, что его правительство надеется, что свобода торговли на Проливах будет обеспечена. Сэр Э. Грей ответил, что он уверен, что не представится затруднений в достижении удовлетворительного решения этого вопроса.

№ 430. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1385. 26/13 марта 1915 г.

Сообщается в Париж.

Не считаю возможным отступить от точки зрения, изложенной в моих телеграммах №№ 1352 и 1369 [1]. Общественное мнение в России не примирится с тем, чтобы интересы Сербии в вопросе обеспеченного выхода к морю были вторично принесены в жертву. Настаивая на предоставлении Сербии побережья от будущей черногорской границы до мыса Планка, я, очевидно, имею в виду также и прилегающие острова, неотделимые от побережья, так как без них обладание последним призрачно. Упомянутая в вашей телеграмме № 205 [2] мысль Грея об уступке островов Италии поэтому неприемлема. Сомневаюсь, чтобы Германия могла обещать Италии без риска войны «почти все, к чему она стремится», как сказано в телеграмме Извольского № 171 [3]. Напротив, Германия едва ли согласится дать Италии на Адриатике даже столько, сколько обещаем мы. Мне кажется, что, продолжая работать над привлечением Италии к совместным действиям с нами, мы всетаки должны тверже отстаивать свои взгляды. В чрезмерной уступчивости Италия усмотрит только признак нашей слабости.

Сазонов.

№ 431. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 209 [4]. 26/13 марта 1915 г.

Reçu télégramme Iswolsky No 169 [5].

Cambon me dit avoir reçu aujourd'hui télégramme d'après lequel

---

[1] См. стр. 17, прим. 2.

[2] Тел. от 25/12 марта за № 205 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 132) Бенкендорф сообщил о сделанном Греем заявлении Империали, что в случае предоставления Сербии Далмации до Спалато Италия могла бы получить противолежащие острова.

[3] См. № 426.

[4] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[5] Тел. от 24/11 марта за № 169 Извольский передал мнение франц. посланника в Софии, поддерживаемое Делькассе, что предположенные шаги в Болгарии желательно отложить недели на две, т. е. до роспуска народного собрания и составления коалиционного кабинета.

Delcassé approuve point de vue du ministre de France à Sofia, au sujet démarche auprès du gouvernement bulgare. Grey a accepté ce point de vue. Grey a dit à Cambon qu'il y avait quelque malentendu sur son intention. Il n'envisageait pas double démarche à Sofia et Nich qu'il ne croit pas opportune. Il pensait seulement sonder gouvernement bulgare en lui demandant ses conditions pour entrer immédiatement en action[1]. Il me semble personnellement que cela serait s'exposer à exigences exhorbitantes, inacceptables pour Serbie et de nature[2] à compliquer négociations avec Grèce et même Italie.

D'ailleurs Cabinets de Londres et de Paris sont d'accord sur délai.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму Извольского № 169.

Камбон мне сказал, что получил сегодня телеграмму, согласно которой Делькассе одобряет точку зрения французского посланника в Софии касательно выступления перед болгарским правительством. Грей присоединился к этой точке зрения. Грей сказал Камбону, что произошло какое-то недоразумение по поводу его намерений. Он не имел в виду одновременного выступления в Софии и Нише, каковое он не считает своевременным. Он думал лишь позондировать болгарское правительство, спросив у него об его условиях для немедленного выступления. Мне лично кажется, это значило бы рисковать оказаться перед чрезмерными требованиями, неприемлемыми для Сербии, и притом такого характера, что они могли бы усложнить переговоры с Грецией и даже с Италией.

Впрочем, лондонский и парижский кабинеты согласны между собою в вопросе об отсрочке.

Бенкендорф.

№ 432. Сообщение греческой миссии в Петрограде министру иностранных дел[3].

27/14 марта 1915 г.

Développant les principes posés dans la déclaration ministérielle du nouveau Cabinet, le gouvernement royal crut devoir procéder auprès des représentants des Puissances de l'Entente à des déclarations propres à les rassurer sur ses sentiments d'amitié éprouvée.

En procédant à cette démarche il a voulu couper court aux interpré-

---

[1] См. № 399.

[2] Фраза «inacceptables pour Serbie et de nature» в лит. копии м-ва расшифрована так: «faciliter acceptation pour Serbie et de manière» («облегчить принятие Сербией и такого характера»).

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 203, где оно по ошибке датировано 14/1 марта. Это сообщение передает текст тел. греч. м-ра ин. дел посланнику в Петрограде.

tations mal fondées qui commençaient à se répandre touchant ses vraies intentions et ne pas laisser mûrir des plans diplomatiques dont la réalisation eût pu contrarier nos intérêts ou gêner notre liberté d'action. Dans cet esprit, après délibération du Conseil des ministres et pleinement autorisé par sa majesté le roi, je [1] me suis rencontré avec les ministres des trois Puissances de la Triple Entente à qui j'ai fait les déclarations dont voici la substance:

«J'étais informé que les Puissances de l'Entente seraient disposées à se mettre d'accord avec la Grèce en vue d'une coopération. Aussi le gouvernement royal croit-il devoir déclarer qu'il est prêt à réaliser les sentiments d'amitié et de sympathies dont le pays a toujours été animé vis-à-vis des Puissances protectrices de la Grèce. Le gouvernement royal serait donc disposé à coopérer avec elles dans la mesure et sous des conditions politiques et militaires qui, nous assurant l'intégrité de notre territoire et la défense des droits de l'hellénisme, permettraient à notre coopération d'atteindre le but poursuivi en commun. Ce qui à présent arrête l'action de la Grèce c'est d'une part le danger bulgare et le risque d'exposer les populations grecques d'Asie Mineure à une explosion de fanatisme et de vengeance des musulmans et d'autre part la conviction que notre concours, réduit de ce double danger, n'eût été d'aucune utilité pratique aux Puissances de l'Entente. Pour que notre action puisse donc devenir possible il faut que ce danger soit enrayé afin que nous soyons en mesure d'envoyer au besoin des troupes au secours des populations menacées en Asie Mineure et d'assister les Puissances par un concours militaire de quelque utilité. Il en serait ainsi à notre sens, si, comme on le dit, la Bulgarie collaborait avec l'Entente contre la Turquie. Dans une pareille éventualité la Grèce pourrait coopérer dans le même but. Elle y serait d'autant plus disposée qu'à son avis la double collaboration de la Grèce et de l'armée bulgare pourrait n'être pas inutile aux Puissances amies au cas, où, tout en désirant le plein et rapide succès de leurs opérations contre la Turquie, elles voudraient limiter leurs efforts et réduire leurs sacrifices».

A une demande du ministre de Russie si nous entendions poser des conditions et demander des compensations et si nous serions disposés à coopérer avec l'Entente ailleurs qu'en Turquie j'ai répondu que nous demanderions naturellement des garanties et des concessions, mais que nous ne demanderions rien qui ne serait au pouvoir des Puissances de nous (accorder) et que quant aux modes militaires de notre concours,

[1] Т. е. Зографос.

ce serait une question à débattre, d'après l'avis de notre Etat-Major; à une autre question du même ministre et de son collègue d'Angleterre si l'hypothèse de la coopération bulgare était la seule éventualité où notre action pourrait se produire j'ai répondu que c'était la seule dont je pouvais officiellement parler parce que c'était la seule qui ait fait jusqu'ici l'objet d'un examen approfondi et défini de la part du gouvernement royal, mais qu'à titre purement personnel je pouvais ajouter que si une autre combinaison propre à nous garantir pour ainsi dire contre le danger bulgare nous était offerte elle serait sans doute examinée dans l'ésprit le plus amical [1].

Перевод.

Развивая принципы, положенные в основу министерской декларации нового кабинета, королевское правительство сочло своим долгом выступить перед представителями держав Согласия с заявлениями, которые могли бы успокоить их относительно чувств его испытанной дружбы.

Приступая к этому шагу, оно хотело пресечь в корне начавшие распространяться плохо обоснованные толкования его истинных намерений и не дать созреть тем дипломатическим планам, осуществление которых могло бы повредить нашим интересам или затруднить нашу свободу действий. Руководясь этими соображениями, после обсуждения в совете министров и в полной мере уполномоченный его величеством королем, я встретился с послами трех держав Тройственного согласия и сделал заявления, сущность которых следующая:

«Я был осведомлен, что державы Согласия, будто бы, намерены вступить в соглашение с Грецией в целях совместных действий. Со своей стороны, королевское правительство считает своим долгом заявить, что оно готово проявить те чувства дружбы и симпатии, которыми его страна всегда была одушевлена по отношению к державам-покровительницам Греции. В силу этого, королевское правительство готово было бы действовать совместно с ними, в тех размерах и при тех политических и военных условиях, которые, обеспечивая нам неприкосновенность нашей территории и защиту прав эллинизма, позволили бы нашему сотрудничеству достигнуть преследуемой сообща цели. Что в настоящее время задерживает выступление Греции, — это, с одной стороны, болгарская опасность и риск подвергнуть греческое население в Малой Азии взрыву фанатизма и мести со стороны мусульман, а с другой стороны, убеждение, что наша

[1] Тел. от 21/8 марта за № 118, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Буриан передал Тарновскому следующее сообщение австр.-венг. посланника в Афинах: «Совершенно секретно. Король пригласил к себе германского представителя для выражения ему опасения относительно Болгарии. Он просил его через меня воздействовать на Софию с целью сохранения ею нейтралитета. Его величество сказал моему коллеге, что он слышал, что Антанта прельщает Болгарию Южной Македонией, это его очень беспокоит. Если Болгария примет участие в Константинопольской экспедиции, не будет ничего невероятного в том, что тогда и Греция присоединится».

помощь, уменьшенная вследствие этой двойной опасности, не будет иметь никакой практической пользы для держав Согласия. Итак, чтобы наше выступление стало возможным, необходимо, чтобы эта опасность была уменьшена, дабы мы были в состоянии, в случае нужды, послать войска на помощь угрожаемому населению Малой Азии, а также оказать державам военное содействие, представляющее хотя бы какое-нибудь значение. По нашему мнению, это случилось бы, если бы, как об этом говорят, Болгария действовала на стороне Согласия против Турции. При наличии подобного рода возможности Греция могла бы сотрудничать для достижения той же цели. Она тем более была бы расположена к этому, что, по ее мнению, двойное сотрудничество Греции и болгарской армии не представилось бы бесполезным для дружественных ей держав в том случае, если бы, желая добиться полного и быстрого успеха своих операций против Турции, они хотели бы ограничить размеры своих усилий и уменьшить число своих жертв».

На запрос российского посланника, намерены ли мы поставить условия и потребовать компенсации и расположены ли мы действовать совместно с Согласием в других местах, кроме Турции, я ответил, что мы, естественно, потребуем гарантий и уступок, но что мы не потребуем ничего такого, что не было бы во власти держав предоставить нам; что же касается способа нашей военной помощи, то вопрос этот подлежит еще обсуждению согласно с мнением нашего генерального штаба; на другой вопрос того же посланника и его английского коллеги, является ли предположение о болгарском сотрудничестве единственным обстоятельством, при наличии которого наше выступление могло бы состояться, я ответил, что оно — единственное, о котором я могу официально говорить, так как оно одно до сих пор было предметом углубленного и окончательного рассмотрения со стороны королевского правительства, но что, совершенно лично, я мог бы к этому прибавить, что если бы нам была предложена какая-либо другая комбинация, способная, так сказать, обеспечить нас от болгарской опасности, она была бы, несомненно, рассмотрена в самом благожелательном смысле.

№ 433. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1402 [1]. 27/14 марта 1915 г.

Копии в Тавриз и Тифлис.

Ссылаюсь на телеграмму Беляева за № 48 [2].

Беляеву надлежит незамедлительно принять все меры, дабы не

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 26/13 марта за № 48 Беляев телеграфировал, что велиагд сменил градоначальника Тавриза Сердаре-Сетвет, «прекрасно работающего по советам русского инструктора полиции», и заменил его шахзаде Эмин-эд-Доуле, «бедным, нуждающимся, жадным принцем, получившим воспитание в Австрии, австрофилом и туркофилом».—По мнению Беляева, эта мера означает, что «начинает приводиться в исполнение план, составленный в Тегеране, заменить преданных нам людей немецкими сторонниками и агентами».

допустить ломки велиагдом существующего порядка, нас вполне удовлетворяющего. Для этого ему следует твердо объясниться с велиагдом и пишкаром, вплоть до предварения их, что при настоящих условиях и при наличности наших отрядов в Азербайджане подобного рода образ действий их мог бы иметь самые нежелательные для них последствия.

Сазонов.

№ 434. Поденная запись министерства иностранных дел.

27/14 марта 1915 г.

Супило посетил барона Шиллинга и сообщил о тяжелом впечатлении, вынесенном им из всего, что ему пришлось на-днях услышать от министра [1]. Барон Шиллинг старался объяснить ему, что, как ему хорошо известно, в России нет недостатка в сочувствии к национальным стремлениям юго-западных славян, но что при всем том действительно могут быть такие обстоятельства, созданные международным положением, которые способны потребовать известных жертв со стороны этих славян. Барон Шиллинг сказал ему, что, оставаясь здесь, он едва ли содействует делу своих сородичей, так как в России он ломится в открытую дверь, но что ему следовало бы спешно отправиться в Лондон и в Париж для личного воздействия именно там, где сочувствие к южным славянам, очевидно, не столь глубоко пустило корни, как в России, и где более склонны руководствоваться иными политическими соображениями, поступаясь интересами словинцев, хорватов и даже сербов. Супило, повидимому, убедился в справедливости этого мнения и заявил, что выедет в Лондон в следующий вторник [30] 17 марта, обещав до этого дня еще раз зайти в министерство.

№ 435. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 288 [2]. 27/14 марта 1915 г.

Mein deutscher Kollege versicherte mich, Zimmermann habe ihn, unter Hinweis dass im April die Zahlung der zweiten Tranche der Anleihe beginnen soll, — die aber an politische Bedingungen gebunden, — direct aufgefordert, sich bezüglich der zugebenden Antwort

[1] См. № 425.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

auf die Bedingungen zu äussern. Der deutsche Vertreter habe Herrn Zimmermann geantwortet indem er ihn daran erinnerte, dass die zweite Tranche zur Deckung der Kosten der Mobilisation dienen soll, wovon die bulgarische Regierung bei Abschluss der Anleihe unterrichtet worden ist. Der deutsche Vertreter sehe keinen Grund diesen Standpunkt zu verlassen und glaube, dass man, falls Bulgarien die Zahlung der zweiten Tranche verlangen würde, es auf die Bedingung der Mobilisation aufmerksam machen sollte.

Перевод [1].

Мой германский коллега сообщил мне, что Циммерман, сославшись на то, что в апреле должен быть выплачен второй взнос займа, — который однако связан с условиями политического характера, — ему прямо предписал при даче ответа указать на условия. В ответ на это германский представитель напомнил г. Циммерману, что второй взнос должен пойти на уплату расходов по мобилизации, о чем болгарское правительство было оповещено при заключении займа. Представитель Германии не видит причины для оставления этой точки зрения, и, по его мнению, надо обратить внимание болгарского правительства на условие мобилизации, если бы последнее потребовало уплаты второго взноса.

№ 436. Японский министр иностранных дел Като японскому послу в Петрограде Мотоно.

Телеграмма [2]. 27/14 марта 1915 г

18 марта в прибавлении к «Manchester Guardian» между прочим была помещена корреспонденция из Пекина от 20 февраля, в которой передан дословно текст содержания наших требований к Китаю, который мною был передан послам Англии, Франции, России и Америки и через нашего посланника в Пекине четырем посланникам в Китае. Это резюме было вручено послам и посланникам под строжайшим секретом и не было опубликовано или сообщено кому-либо кроме них.

Сообщите об этом правительству страны, при которой вы аккредитованы, и заявите пожелание, чтобы было сделано заявление о том, что означенная корреспонденция лишена всякого основания, и просите позаботиться по возможности о производстве расследования. Заявите также, что мы обратились с подобной просьбой и к другим заинтересованным правительствам.

[1] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.

О результатах прошу мне сообщить по телеграфу.

Передайте вышеизложенную инструкцию нашим послам в Париже и Лондоне.

№ 437. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 277 [1]. 27/14 марта 1915 г

Как известно вашему высокопревосходительству, в совете министров обсуждался вопрос о помощи, которая могла бы быть оказана Черногории, причем советом министров было решено о форме таковой помощи представить на благовоззрение его императорского высочества верховного главнокомандующего через генерала Янушкевича [2].

Ныне от сего последнего получена телеграмма с сообщением, что по этому делу ожидается ответ короля Черногории [3], но так как его величество желает получить означенную помощь не деньгами, а предметами продовольствия и снаряжения, которых мы не можем достать в России, то генерал Янушкевич просит перевести необходимый кредит во Францию.

По получении окончательного ответа короля я не премину сообщить таковой вашему высокопревосходительству, но в настоящее время я считаю долгом указать, что предположительно кредит этот составит 8 миллионов франков.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, поставить об изложенном в известность французское правительство и просить его авансировать Черногории за наш счет упадающую на Россию часть в означенной помощи [4].

П. Барк.

---

[1] Маш. копия.

[2] См. ч. 1, стр. 421, прим. 1.

[3] На запрос по этому поводу верх. главнокомандующего Николая Николаевича тел. от 1 марта/16 февр. за № 95. Ср. № 325.

[4] Тел. от 29/16 марта за № 1427 Нератов известил Обнорского, что, по мнению штаба верх. главнокомандующего, из русских военных запасов ничего не может быть отпущено Черногории и что закупка последнею военного материала может быть произведена в Париже, где черног. прав-ву открывается кредит от 8 до 10 млн. фр. В тот же день тел. за № 1428 Нератов сообщил Извольскому, что франц. прав-во поставлено в известность о согласии России участвовать в авансе Черногории в 8—10 млн. фр. с просьбой уплатить за счет росс. прав-ва причитающуюся на его долю сумму согласно решений, принятых на Парижской конференции м-ров финансов (см. № 135). В ответ на эту тел. Извольский тел. от 3 апр./21 марта за № 192 сообщил со слов франц. м-ра ин. дел, что воен. м-ром отдано распоряжение о посылке с первым пароходом, отправляющимся из Марселя, 40 000 шинелей для черног. армии (ср. № 337).

В арх. б. росс. пос-ва в Лондоне хранится копия письма Делькассе Попо-

№ 438. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

·/. 28/15 марта 1915 г.

Sir E. Grey learns that an assurance emanating probably from a German source has been given to Sweden that Italy intends to maintain her neutrality. It appears also that the Swedish Minister for Foreign Affairs has dropped a hint that, in the event of Italy joining the Allies, Sweden might enter the war on the side of our enemies.

Sir E. Grey thinks that it would be very desirable that Sweden should be given every possible assurance as regards her future vis-à-vis Russia [1].

Перевод.

Сэр Э. Грей узнал, что Швеции дано заверение, идущее, вероятно, из германского источника, в том, что Италия намерена сохранить свой нейтралитет. Выясняется также, что шведский министр иностранных дел намекнул, что в случае, если Италия присоединится к союзникам, Швеция вступит в войну на стороне наших врагов.

Сэр Э. Грей считает крайне желательным, чтобы Швеции были даны все возможные заверения касательно ее будущих отношений с Россией.

№ 439. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

28/15 марта 1915 г.

Sir E. Grey has had under his consideration the Russian Aide-Mémoire respecting the participation in the sense of the Aide-Mémoire handed to Sir G. Buchanan on March 25/12 [2].

Sir E. Grey is afraid that the negotiations between His Majesty's Government and Italy will be broken off as soon as the views of the Russian Government are communicated to the Italian Government unless

---

вичу от 6 мая/23 апр., в котором Делькассе сообщал последнему о согласии России и Англии на предложение франц. прав-ва предоставить Черногории кредит в 10 млн. фр.

[1] Тел. от 31/18 марта за № 424, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Бьюкенен передал Грею заявление Сазонова, что «шведское правительство недавно заняло более примирительную позицию относительно России, и что он [Сазонов] делает все возможное, чтобы поддержать дружественные с ним отношения, так как он полностью отдает себе отчет в большом значении, которое будет иметь присоединение Швеции к Германии».

[2] См. № 423.

the Russian Government find it possible to modify them. His Majesty's Government will nevertheless of course continue to act in solidarity with Russia during the negotiations.

Sir E. Grey thinks it possible that Mr. Sazonow fails to realize that the latest developments of naval warfare, such as the submarine, place Italy at a positive disadvantage if the coast opposite to hers is not neutralized, and that the coast from Brindisi to Venice is defenceless and incapable of defence against an attack by submarines made from the Dalmatian coast.

Sir E. Grey knows for a fact that, inspired by the fear of Cattaro becoming a naval base in the hands of any Power, Italy has always been opposed to the same Power possessing both Cattaro and Mount Lovtchen [1]. The only condition which would make her consent to this now would be the neutralization of Cattaro. The prospect of Cattaro being transferred as a naval base from Austrian to Slav hands will certainly not induce Italy to join the Allies.

Sir E. Grey thinks that it should be borne in mind that perhaps before very long Servia and Montenegro may be merged into one large Slav Power which would be a more powerful neighbour to Italy than Austria has been in the past.

In the opinion of Sir E. Grey, the limits of what Italy might be induced to agree to would be that Servia should be given Spalato and the coast south of it. This coast would, however, be neutralized and the coast below it would also be neutralized in accordance with the original demands of Italy. The latter will also, Sir E. Grey fears, demand the islands off the coast as a strategical guarantee, but it might be suggested that these should be neutralized and given to Servia.

Sir E. Grey is ready to press and claim that Servia should have for commercial purposes a wide access to the Adriatic. This will not prevent the coast from being neutralized; but to grant Servia a strip of coast which if not neutralized might become a strategic danger to Italy when in the possession of a future great Slav Power would, in Sir E. Grey's opinion, deprive us of the chance of the cooperation of Italy and even drive her to the side of our enemies.

[1] Тел. от 7 марта/22 февр. за № 37 Крупенский сообщил, что в ответ на его запрос, не имеется ли в Консульте сведений о намерении Австрии захватить Ловчен, ген. секретарь итал. м-ва ин. дел ответил, что таких сведений не имеется, но что «итальянским представителям в Вене и Цетинье предписано за этим зорко следить, так как этот вопрос представляет для Италии первостепенную важность».

Sir E. Grey is informed that the attitude of Roumania, notwithstanding the statements made by the Roumanian Minister in London as to the intentions of his Government [1], is associated closely with the claims of Italy and a hitch may occur in the Roumanian negotiations if those of Italy fall through. It is therefore a critical, important and delicate situation.

Перевод.

Сэр Э. Грей изучил русскую памятную записку по поводу участия (Италии), составленную в смысле памятной записки, врученной сэру Дж. Бьюкенену 25/12 марта.

Сэр Э. Грей опасается, что переговоры между правительством его величества и Италией будут прерваны, как только точка зрения российского правительства будет сообщена итальянскому правительству, если только российское правительство не найдет возможным изменить ее. Правительство его величества будет тем не менее, конечно, продолжать действовать во время переговоров солидарно с Россией.

Сэр Э. Грей считает возможным, что г. Сазонов не отдает себе отчета в том, что современное развитие техники морской войны, например, подводной, поставит Италию в определенно неблагоприятное положение, если противоположное ей побережье не будет нейтрализовано, и в том, что побережье от Бриндизи до Венеции беззащитно и неспособно отразить подводную атаку, направленную со стороны Далматинского побережья.

Сэр Э. Грей доподлинно знает, что Италия, опасаясь, что Каттаро станет морской базой в руках какой-нибудь державы, всегда противодействовала переходу в руки одной и той же державы Каттарской бухты и горы Ловчена. Единственным условием, которое могло бы заставить ее теперь на это согласиться, была бы нейтрализация Каттаро. Перспектива, что Каттаро, как морская база, перейдет из австрийских в славянские руки, конечно, не побудит Италию присоединиться к союзникам.

По мнению сэра Э. Грея, нельзя терять из виду того, что, быть может, в скором будущем Сербия и Черногория сольются в одну обширную славянскую державу, которая будет более могущественным соседом Италии, чем Австрия была в прошлом.

Сэр Э. Грей думает, что границы, принять которые можно было бы убедить Италию, следующие: Сербии должно быть предоставлено Спалато и расположенное к югу от него побережье. Побережье это должно быть однако нейтрализовано, равно как и лежащее ниже побережье, согласно первоначальным пожеланиям Италии. Сэр Э. Грей опасается, что она будет требовать и прибрежные острова, как стратегическую гарантию, но вместо этого может быть предложено нейтрализовать их и передать Сербии.

Сэр Э. Грей готов настаивать и требовать, чтобы Сербия имела для коммерческих целей широкий доступ к Адриатике. Это не помешает тому, чтобы побережье было нейтрализовано. Но передача Сербии полосы берега, которая,

[1] Ср. № 429.

если не будет нейтрализована, может стать для Италии опасной в стратегическом отношении, лишает нас, по мнению сэра Э. Грея, шансов на сотрудничество Италии и даже толкает ее в объятия наших врагов.

По сведениям сэра Э. Грея, позиция Румынии, несмотря на заявление румынского посланника в Лондоне о намерениях его правительства, тесно связана с требованиями Италии, и в румынских переговорах может наступить задержка, если таковые с Италией будут сорваны. В связи с этим создалось критическое, серьезное и щекотливое положение.

№ 440. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петрограде Бьюкенену[1].

°/. 28/15 марта 1915 г.

Ayant lieu de croire que l'Italie est plus intéressée encore que les Puissances alliées d'arriver à une entente qui lui assurerait des avantages considérables en retour d'une coopération militaire dont la valeur reste aléatoire, — Mr. Sazonow ne craint pas qu'en s'opposant plus fermement à certaines exigences excessives du gouvernement italien on risque de compromettre le résultat des négociations de Londres. Il ne comprend pas surtout, pourquoi il faut se préoccuper du prétendu danger que pourrait représenter pour l'Italie une flotte serbe, — en elle-même problématique, — tandis qu'on ferait abstraction du danger réel qu'offrira pour la Serbie, si ses côtes sont neutralisées et, par conséquent, privées de défense, la marine italienne déjà existante? — En vertu de ces considérations, Mr. Sazonow préférerait ne pas aller plus avant dans la voie des concessions qu'il est porté à croire plus que suffisantes. Toutefois, pour répondre au désir de Sir E. Grey, exposé dans l'aide-mémoire de son excellence l'ambassadeur d'Angleterre en date du 28/15 mars crt.[2], Mr. Sazonow serait à même de donner une nouvelle preuve de son esprit de conciliation en suggérant la transaction suivante qui devrait cependant former la dernière limite de ce que les Puissances pourraient accorder à l'Italie: l'Italie obtiendrait la côte de l'Adriatique, avec les îles adjacentes depuis la frontière nord de la Dalmatie jusqu'au cap Planca, les villes de Zara et Sebenico inclues. — La Serbie recevrait le reste de la Dalmatie depuis le cap Planca jusqu'à la frontière monténégrine, avec les îles adjacentes et les villes de Spalato, Metkovic et Raguse. Pour apaiser les craintes, aussi peu fondées qu'elles soient, de l'Italie, Cattaro serait neutralisé. De même on pourrait neu-

---

[1] Черновик написан рукою Шиллинга. На оригинале помета: «Сообщена французскому послу».

[2] См. № 439.

traliser toute la partie de la côte dalmate qui fait l'objet du litige actuel, c'est à dire — depuis Zara jusqu'à Narenta. De cette façon, l'Italie et la Serbie se donneraient mutuellement une garantie de sécurité et aucun de ces deux Etats ne saurait en faire une question d'amour-propre. Pour ce qui est de la côte depuis la Narenta jusqu'à Cattaro, l'Italie n'ayant point commencé par réclamer sa neutralisation, Mr. Sazonow est d'avis qu'il n'y a pas lieu d'étendre la neutralisation à cette partie de la côte, ne voyant aucune raison pour renchérir sur les revendications initiales de l'Italie elle-même [1].

Перевод.

Имея основание думать, что Италия еще более, чем союзные державы, заинтересована в достижении соглашения, которое обеспечит ей значительные преимущества в обмен за военное содействие, ценность коего еще неизвестна, — г. Сазонов не боится того, что, противодействуя более решительным образом некоторым чрезмерным притязаниям итальянского правительства, мы рисковали бы скомпрометировать результат лондонских переговоров. Он особенно не может понять, почему следует быть озабоченным мнимой опасностью, которую может представить для Италии сербский флот, создание коего само по себе сомнительно, в то время как устраняется мысль о реальной опасности, каковую представят для Сербии уже существующие морские силы Италии, если побережье Сербии будет нейтрализовано, а следовательно, лишено защиты. Принимая во внимание эти соображения, г. Сазонов предпочел бы не итти дальше по пути уступок, которые он склонен считать более чем достаточными. Тем не менее, идя навстречу желанию сэра Э. Грея, изложенному в памятной записке его превосходительства английского посла от 28/15 сего марта, г. Сазонов готов дать новое доказательство своего примирительного образа мыслей, предлагая следующее соглашение, которое однако должно быть последним пределом того, что державы могли бы предоставить Италии: Италия получит Адриатическое побережье с прилегающими островами от северной границы Далмации до мыса Планка, включая города Зару и Себенико. Сербия получит остальную часть Далмации от мыса Планка до черногорской границы с прилегающими островами, и с городами Спалато, Меткович и Рагузой. Чтобы успокоить опасения Италии, какими бы необоснованными они ни были, Каттаро будет нейтрализовано. Равным образом можно было бы нейтрализовать всю часть Далматинского побережья, составляющую предмет настоящего разногласия, иначе говоря, от Зары до Наренты. Таким образом Италия и Сербия взаимно гарантировали бы себе безопасность, и ни одна из этих держав не могла бы из этого создать вопрос само-

---

[1] Содержание этой пам. записки было передано Сазоновым Бенкендорфу и Извольскому тел. от 28/15 марта за № 1421 (опубл. Ц. Р., стр. 267). При этом Сазонов, находя необоснованными соображения Грея, «как бы Сербия не сделалась могущественной морской державой, способной угрожать Италии», высказывал мнение, что «Италия едва ли выказала бы себя столь непримиримой, если бы Грей обнаружил больше твердости в переговорах».

любия. Что касается побережья от Наренты до Каттаро, то, так как Италия не требовала его нейтрализации, г. Сазонов полагает, что нет основания распространять нейтрализацию на эту часть побережья, потому что нет никакого основания расширять первоначальные притязания самой Италии.

№ 441. Поденная запись министерства иностранных дел.

28/15 марта 1915 г.

[20] 7 марта шведский посланник привез барону Шиллингу полученный им из Стокгольма пакет, заключавший письмо на имя государыни императрицы Александры Федоровны от М. А. Васильчиковой [1]. Как оказалось впоследствии, в этом письме было вложено другое письмо, также от М. А. Васильчиковой на имя государя императора[2], который [28] 15 марта переслал таковое министру иностранных дел.

М. А. Васильчикова, оставшаяся во время войны в своей вилле Клейн-Вартенштейн на Земмеринге в Австрии писала его величеству, что ее посетили 3 влиятельных лица (2 немца и 1 австриец), которые, указав ей на тяжелое положение, в котором благодаря войне очутились Германия и Австрия, а также, ссылаясь на отсутствие в этих странах враждебного отношения к России, просили ее обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолить его прекратить губительную войну ввиду того, что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благосклонного отношения его величества к таковому ходатайству, уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям. Повидимому, не сознавая действительного положения вещей, М. А. Васильчикова прибавляет, что Германия и Австрия, по словам ее осведомителей, готовы обеспечить России свободный проход через Дарданеллы.

Само по себе это письмо не имеет большого значения и может считаться интересным главным образом лишь как признак нынешних настроений в Австрии. Действительно, довольно наивное, можно

[1] Письмо Васильчиковой на имя Александры Федоровны не обнаружено. В письме к Николаю II от 22/9 марта, опубл. «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III, стр. 140, Александра Федоровна писала последнему: «Посылаю тебе письмо Маши из Австрии, которое ее просили тебе написать в пользу мира».

[2] См. № 347.

сказать, обоснование ходатайства указывает на то, что даже решившиеся обратиться к государю, взывая о мире, не отдают себе отчета в настоящем положении вещей, повидимому, думая, что достаточно заявления об отсутствии враждебности по отношению к России и о признании превосходства сил последней для того, чтобы покончить нынешнюю войну. Едва ли уполномоченные, присылка коих в нейтральную страну предлагается в этом письме, могли бы получить от своего правительства разрешение согласиться на достаточные уступки. Ввиду этого С. Д. Сазонов признал, что письмо Васильчиковой не заслуживает ответа [1].

Тем не менее было решено до известной степени использовать это письмо. А именно, с разрешения министра, барон Шиллинг в тот же вечер, встретившись за обедом в Яхт-клубе с итальянским послом, поведал ему о последовавшей, исходящей из Австрии, попытке завязать с нами переговоры о мире. Дело, по словам барона Шиллинга, было так: маркиз Карлотти доверительно сообщил мне, что после нашего недавнего разговора он телеграфировал в Рим о необходимости выказать бо̀льшую уступчивость в лондонских переговорах, ибо Россия никогда не согласится на чрезмерные требования Италии в отношении Далматинского побережья. По словам посла, римский кабинет внял его совету и послал соответствующие указания маркизу Империали. Карлотти подчеркнул, что считает возможным приписать последнее своему вмешательству.

Я воспользовался этим, чтобы, поблагодарив посла, сказать ему, что он этим несомненно оказал услугу не только нам, но и своему отечеству, — последнее, быть может, в большей мере, нежели он думает. Обратив внимание на последние слова, Карлотти стал добиваться объяснения их истинного значения. Заставивши его несколько минут повторно настаивать на своем вопросе, я, делая вид, что уступаю лишь его настояниям, сказал ему следующее: я могу доверительно сообщить вам, что, не далее как вчера, я видел документ, имеющий для вас несомненное значение. Это не более не менее, как письмо, полученное государем императором из Австрии от лица, лично знакомого его величеству, которое по поручению лиц, имеющих вес и голос в названной стране, взывает к миролюбию государя и, указывая на тяжелое положение Австрии, просит о присылке в нейтральную страну уполномоченного, который встретился бы с таковым же, присланным из Австрии. Никаких подробностей возможных

[1] Ср. № 442.

условий мира в письме нет, но выражается заранее готовность итти на широкие уступки.

Это сообщение произвело на посла видимое впечатление — «C'est très grave», — сказал он и, помолчав немного, спросил: «Si c'est quelqu'un qui peut écrire à sa majesté l'empereur, cela doit être un personnage très haut placé»[1]. Я ответил: «Je vous laisse à deviner»[2]. Карлотти еще спросил: «Ce personnage parlait au nom du gouvernement?»[3]. Я ответил: «Au nom de personnes, dont la voix compte en Autriche»[4]. После некоторого молчания посол не без волнения стал быстро говорить о необходимости для Италии скорее заключить соглашение с нами, чтобы не оказаться между двух стульев. При этом он жаловался на мелочность Соннино, способного из-за пустяков упустить весьма важное. От себя Карлотти заявил, что скалистые острова Далмации не стоят тех проволочек, которые из-за них испытывают переговоры, и сказал, что, по его мнению, следовало бы без спора предоставить Спалато Сербии.

Вскоре после этого разговора посол уехал, очевидно, спешно передать по телеграфу в Рим полученное им сведение.

№ 442. Проект письма на имя М. А. Васильчиковой в Клейн-Вартенштейн[5].

Многоуважаемая Мария Александровна,

Ваше письмо на высочайшее имя[6] было доставлено по назначению, и я могу сообщить вам по поводу его нижеследующее.

Государю императору попрежнему дороги заветы, которых он постоянно придерживался, стремясь обеспечить народам драгоценные блага мира. Еще минувшим летом его величество дал тому новое доказательство, приложив до последней минуты все старания, чтобы предотвратить настоящую войну. Но раз эта война нам навязана, нельзя предположить, что она может прекратиться благодаря одному лишь заявлению наших противников об отсутствии у них вражды к России. Принесенные нами жертвы, естественно, требуют возмещения,

---

[1] «Это очень важно... Если это кто-нибудь, кто может писать императору, то это должно быть очень высокопоставленное лицо».

[2] «Я вам предоставляю догадываться».

[3] «Это лицо говорило от имени правительства?».

[4] «От имени лиц, голос которых имеет вес в Австрии».

[5] Заголовок оригинала. Проект письма написан рукою Шиллинга и не имеет даты. На основании поденной записи (см. № 441) можно заключить, что он был составлен не ранее 28/15 марта и что письмо не было послано.

[6] См. № 347.

и создавшееся, с божьей помощью, благоприятное для нас положение на театре военных действий должно быть учтено.

Считаю долгом оговориться, что в вопросе о мире Россия неотделима от своих союзниц и что для переговоров с Германией время, повидимому, еще не настало.

Что касается Австро-Венгрии, то если она действительно пришла, наконец, к сознанию, что продолжение войны может только еще больше ухудшить ее положение, особенно ввиду готовящегося в ближайшем будущем выступления Италии и Румынии, — Россия могла бы согласиться обсудить с нею вопрос о заключении отдельного мира, к которому примкнули бы и союзницы России. Для этого однако нужно прежде всего, чтобы обращение Австро-Венгрии к России носило более определенный и официальный характер, нежели то, которое вы передали в письме к государю императору. Такое обращение должно исходить не от анонимных доброжелателей, а от ответственного правительства, причем последнее должно быть готово итти на соответствующие обстоятельствам жертвы, которые одни только могут побудить союзников заключить мир и уберечь Австро-Венгрию от новых потерь, грозящих ей полной гибелью.

Если в Вене понимают, до какой степени положение серьезно, и желают вступить с нами в переговоры на указанных условиях, пусть об этом сообщат тем или иным способом в Петроград министру иностранных дел, — пока еще не поздно.

Примите и пр.

№ 443. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 106. 28/15 марта 1915 г.

Ссылаюсь на №№ 1[1] и 18[2].

Президентский личный посланец Хаус начал свою круговую поездку с Лондона, потом был в Париже и, наконец, в Берлине, где он, повидимому, уже убедился в бесполезности возложенного на него поручения и, не продолжая пути до Петрограда, уехал в Швейцарию. По дополнительным, полученным сюда из Европы сведениям, ему во всех трех столицах было учтиво, но твердо объяснено, что теперь не время для праздных разговоров о каком-либо соглашении на мировую, и энергичная речь, произнесенная Греем против Германии[3]

[1] См. № 8.

[2] См. № 78.

[3] Имеется в виду речь Грея в палате общин от 23/10 марта по вопросу о происхождении войны, в которой он заявил, что ответственность за начало войны па-

как раз, когда г. Хаус находился в Берлине, положила конец его беседам с Яговым. Эта своеобразная и совершенно противная всем американским традициям и правилам система президента Вильсона пробовать разрешать сложные дипломатические вопросы посредством ничем и никому неизвестных своих личных друзей, помимо официальных представителей и не совещаясь с министрами, в третий раз потерпела неуспех, так как его два друг от друга независимых агента в Мексике[1] не только не выяснили, но, ежели возможно, еще осложнили положение неответственным вмешательством его в важные государственные дела начинают[2] весьма неодобрительно смотреть; на все запросы по этому делу государственный департамент отвечает полным неведением[3].

Бахметев.

№ 444. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде — Бьюкенену и Палеологу[4].

29/16 марта 1915 г.

Mr. Sazonow n'a pas manqué d'examiner avec attention le texte complet des revendications italiennes que Sir G. Buchanan a eu l'obligeance de lui transmettre pour faire suite à son aide-mémoire du 11 mars/26 février[5].

Cet examen suggère à Mr. Sazonow les observations suivantes:

La conclusion d'armistice appartenant aux généraux en chef des armées, il paraîtrait indiqué d'insérer les stipulations concernant cette matière dans la convention militaire prévue aux articles 2 et 3.

Il s'agit pour le moment d'établir un accord général sur les territoires dont les Puissances peuvent admettre l'annexion à l'Italie, mai-

---

дает на Германию, отвергнувшую предложение о каком-либо посредничестве.

[1] Повидимому, имеется в виду посылка Вильсоном в Мексику Джона Линда в авг. 1913 г. по вопросу об условиях признания США прав-ва Уэрты.

[2] Так в оригинале. Сверху вставлены слова: «и вообще на это самовольное».

[3] Тел. от 21/8 апр. за № 139 Бахметев известил Сазонова, что, «несмотря на неудачу полковника Хауса, президент, повидимому, не отказался от мысли, что Северо-Американские Соединенные Штаты предназначены принять деятельное участие в водворении мира в Европе». В речи на собрании представителей печати Вильсон, по словам Бахметева, заявил, что «Америка является природной посредницей для всего мира», «как беспристрастный друг всех народов».

[4] Черновик написан рукою Шиллинга; последняя фраза со слов: «qui ne serait...» приписана рукой Сазонова.

[5] См. № 417.

on ne saurait dès aujourd'hui définir jusque dans le détail les frontières futures des acquisitions italiennes, comme le demandent les articles 4 et 5. Toute délimitation exige une étude plus approfondie et l'on ne peut pas s'engager à la légère, rien que dans la hâte d'en finir, à appuyer plus tard une ligne de démarcation tracée par une des parties intéressées. D'ailleurs même les Puissances alliées, entre elles, se reconnaissant réciproquement le droit à telles ou telles acquisitions territoriales ont toujours remis à plus tard la délimitation exacte, et l'on ne voit pas pourquoi l'on procéderait différemment quand il s'agit de l'Italie et d'une frontière sur laquelle les Puissances ne possèdent aucunes données préalables. Tout au contraire, les revendications de l'Italie sont en contradiction directe avec les principes des nationalités et portent sur des territoires qui n'ont souvent rien d'italien. Il paraîtrait par conséquent nécessaire d'être plus circonspect dans l'attribution de telle ou telle localité.

Sans revenir sur les observations déjà formulées dans des aides-mémoire précédents, Mr. Sazonow croit devoir relever qu'au nombre des demandes italiennes il y a plusieurs points qui ne soulèvent aucune objection de la part de la Russie, par exemple ceux qui touchent à l'Asie Mineure ou aux colonies africaines. Mr. Sazonow se fera néanmoins un devoir d'appuyer vis-à-vis de l'Italie, à l'egard de ces revendications, le point de vue que Sir E. Grey et Mr. Delcassé jugeront utile d'adopter conformément aux intérêts de l'Angleterre et de la France. Le ministre des affaires étrangères de Russie aime à espérer, que, de son côté, les gouvernements alliés prêteront leur concours actif pour faire accepter par l'Italie les conditions sur lesquelles le gouvernement impérial se voit obligé d'insister, notamment dans la question de la Dalmatie.

La Russie n'a point d'intérêts particuliers dans l'Adriatique, mais fidèle à ses traditions, elle ne peut refuser son appui désintéressé aux peuples slaves qui de tout temps ont recherché sa protection. C'est pourquoi le gouvernement russe ne peut transiger sur ce qu'il considère être le minimum nécessaire à l'existence indépendante de la Serbie et ne se résigne qu'à regret aux concessions qui portent atteinte aux intérêts des Croates et des Slovènes, uniquement pour ne pas créer des difficultés à ses alliés.

A ce propos, Mr. Sazonow ne peut s'empêcher de rappeler que si la Russie, la France et l'Angleterre ont pris les armes dans la guerre actuelle, c'est précisément pour défendre les faibles et faire triompher les principes d'équilibre et d'équité. Cette attitude a valu aux trois Puissances alliées les sympathies générales et a fait tourner vers elles les yeux de

tous les peuples opprimés par l'Autriche-Hongrie qui les ont saluées comme leurs libératrices. Le désir d'abréger les horreurs de la guerre obligent les Puissances à faire maintenant quelques sacrifices à l'Italie. Il faut du moins chercher à réduire le plus possible ces sacrifices, afin que, tout en s'écartant jusqu'à un certain point du principe national, elles ne perdent pas les sympathies et la confiance des peuples de l'Autriche-Hongrie en les mettant, contre leur gré, sous la domination italienne qui ne serait pour eux qu'un joug nouveau, peut-être plus dur que l'ancien.

Отлично.

Царское Село, [29] 16 марта 1915 г.

Перевод.

Г. Сазонов не преминул внимательно ознакомиться с полным текстом итальянских требований, которые сэр Дж. Бьюкенен имел любезность передать ему в дополнение к своей памятной записке от 11 марта/26 февраля.

Это изучение привело г. Сазонова к следующим замечаниям:

Ввиду того, что заключение перемирия принадлежит главнокомандующим армий, казалось бы целесообразным поместить соответствующие статьи в военной конвенции, предусмотренной в ст. ст. 2 и 3.

В данный момент речь идет о заключении общего соглашения касательно территорий, присоединение которых к Италии державы могли бы допустить, но в настоящее время нельзя определить в подробностях будущие границы итальянских приобретений, как этого требуют ст. ст. 4 и 5. Всякое определение границ нуждается в более углубленном изучении, и нельзя исключительно в целях скорейшего разрешения вопроса легкомысленно принимать на себя обязательства поддерживать впоследствии пограничную линию, намеченную одной из заинтересованных сторон. К тому же даже союзные державы, взаимно признавая друг за другом право на то или другое территориальное приобретение, всегда откладывали на будущее точное установление границ; и нет причин, почему следовало бы принять другой образ действий, когда дело идет об Италии и о границе, относительно которой державы не имеют никаких предварительных данных. Как раз наоборот, притязания Италии находятся в прямом противоречии с принципом национальностей и касаются территорий, которые часто не имеют ничего итальянского; вследствие этого казалось бы необходимым быть более осмотрительным в предоставлении ей той или другой области.

Не возвращаясь к соображениям, уже изложенным в предыдущих памятных записках, г. Сазонов считает долгом отметить, что в числе итальянских требований имеется несколько пунктов, которые не вызывают никаких возражений со стороны России, например, пункты, касающиеся Малой Азии и африканских колоний. Тем не менее г. Сазонов вменяет себе в обязанность в отношении этих притязаний поддерживать перед Италией ту точку зрения, которую сэр Э. Грей и г. Делькассе сочтут полезным принять согласно интересам Англии и Франции. Российский министр иностранных дел льстит себя надеждой, что со-

своей стороны союзные правительства окажут активное содействие в том, чтобы побудить Италию принять условия, на которых императорское правительство считает своим долгом настаивать, в частности по вопросу о Далмации.

Россия не имеет особых интересов в Адриатическом море, но, верная своим традициям, она не может отказать в своей бескорыстной поддержке славянским народам, которые во все времена обращались к ней за покровительством. Поэтому российское правительство не может поступиться тем, что оно считает необходимым как минимум для независимого существования Сербии, и лишь с сожалением идет на уступки, которые наносят ущерб интересам хорватов и словинцев, единственно ради того, чтобы не причинять затруднений своим союзникам.

По этому поводу г. Сазонов не может не напомнить, что если Россия, Франция и Англия взялись за оружие в настоящей войне, то именно для защиты слабых и во имя принципов равновесия и справедливости. Эта позиция привлекла общие симпатии к трем союзным державам и обратила на них взоры всех порабощенных Австро-Венгрией народов, которые приветствовали их, как своих избавителей. Желание сократить ужасы войны заставляет державы принести теперь некоторые жертвы Италии. Но, по крайней мере, надо стремиться насколько возможно уменьшить эти жертвы, чтобы, отклоняясь до известной степени от национального принципа, державы не потеряли симпатий и доверия народов Австро-Венгрии, поставив их против их воли под итальянское владычество, которое будет для них лишь новым ярмом, быть может, более тяжелым, чем предыдущее.

№ 445. Поденная запись министерства иностранных дел.

29/16 марта 1915 г.

Супило, придя к барону Шиллингу, сказал, что раздумал ехать в Лондон [1], так как надеется при посредстве князя Юсупова добиться на следующей (святой) неделе приема у государя, чтобы просить его величество принять под свое покровительство интересы юго-западных славян. Барон Шиллинг мог только ему ответить, что он свободен действовать так, как ему заблагорассудится, но что барон Шиллинг, со своей стороны, остается при высказанном им уже мнении, что не здесь, а в Лондоне и Париже ему следовало бы приложить старания для достижения преследуемой им цели. Супило сказал, что он телеграфировал в Рим, прося г. Трумбича, председателя югославянского Одбора, немедленно отправиться в Лондон для поддержания славянских притязаний.

Так как при этом Супило в горячности разговора упомянул, что Россия, будто бы, состоит должницей южных славян, так как до сих пор недостаточно много для них сделала, а наоборот, уже в 1815 г. пожертвовала ими, отдавши их под власть Австрии, барон Шиллинг

[1] См. № 434.

решительно возразил, что юго-славянам следовало бы больше помнить все то, что Россия для них постоянно делала, и не мешать России в пределах возможного и постепенно сделать для них еще то, что окажется возможным теперь и в будущем

№ 446. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 342. 29/16 марта 1915 г.

Пашич очень смущен слухом, что Италия вступила в переговоры с Англией о компенсациях за свое выступление и требует части Далмации, что создаст зародыш неизбежного конфликта ее с славянами в недалеком будущем. Вести из Албании указывают на снова ухудшившееся положение Эсада, противники коего получают широкую денежную поддержку от Австрии. Эсад обратился к Сербии за денежной и материальной помощью. Пашич сказал мне, что во всяком случае Сербия не использует иных войск, кроме тех, кои имеются сейчас на албанской границе.

Трубецкой.

№ 447. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 168. 29/16 марта 1915 г.

Копия сообщается в Кяхту.

Телеграмма № 1333 [1] получена.

Сейчас меня посетил Лян Ши-и, чтобы объяснить, что китайское правительство готово принять наш проект статьи тройного договора, касающейся торгового обложения, если заключительная часть ее будет редактирована следующим образом: «Купцы Внешней Монголии, ввозящие во Внутренний Китай местные товары всякого сорта, равным образом уплачивают как установленные, так и могущие впредь быть установленными виды торгового обложения наравне с китайскими купцами. Иностранные же товары, ввозимые во Внутренний Китай из Внешней Монголии, облагаются таможенными пошлинами, установленными договором о сухопутной торговле 1881 года».

Принимая во внимание, что по существу предлагаемая китайцами редакция, повидимому, не противоречит нашему взгляду на этот вопрос, я обещал представить ее на благоусмотрение вашего высокопревосходительства [2].

Крупенский.

---

[1] См. № 413.

[2] Тел. от 30/17 марта за № 1455 Сазонов дал согласие на предложение кит. прав-ва.

№ 448. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

30/17 марта 1915 г.

In a conversation which he had with the Italian Ambassador yesterday, Sir E. Grey informed His Excellency that he had received an Aide-Mémoire from count Benckendorff agreeing to the establishment of an independent Albania provided that Greece and Servia obtain a territorial connection in the hinterland [2].

The Russian Aide-Mémoire had, however, stated that Mr. Sazonow had never given Italy any assurance as to obtaining more of the Dalmatian coast than the part between Cape Planka and Zara which was to have been the utmost limit of concession to Italy.

The gist of the Aide-Mémoire which the Italian Ambassador gave to Sir E. Grey is that the coast from Cape Planka to Voiussa including the ports of Spalato, Zirona Grande and Piccola, Bua, Solta, and Brazza [3] will be left by Italy to Servia and Montenegro, on condition that all above be neutralized.

Italy considers, however, that the possession of Sabbioncello and the adjacent islands is essential to her strategic safety.

The Italian Aide-Mémoire points out that the port of Metkovic to which so much importance is attached in the Russian Aide-Mémoire is now given to Servia by virtue of the concessions now being made by Italy. The commercial value of this port will not be affected by Italy retaining the Sabbioncello Peninsula though its strategic value will be entirely discounted.

If the possession of Valona, Istria and Pola will, as stated in Mr. Sazonow's Aide-Mémoire, make Italy's position so preponderant in the Adriatic as to turn the latter into an Italian lake, Sir E. Grey does not see that much difference will be made by the possession of islands by Italy or the neutralization of the coast, so long as actual possession of territory and commercial advantages are secured to Servia.

His Majesty's naval authorities consider that a naval base on the coast of Dalmatia and flotillas of submarines sheltered among the islands

---

[1] Эта пам. записка была послана Бьюкененом Сазонову при сопроводительном письме от того же числа, в котором он, указывая, что Грей и Делькассе считают крайне необходимым скорейшее заключение соглашения с Италией, выражал надежду, что Сазонов пойдет навстречу их желанию.

[2] См. № 423.

[3] Имеются в виду не порты, а острова Большая и Малая Цирона, Буа, Солта и Брацца. (Ср. № 450.)

and on the coast could form a serious danger to the coast of Italy which is without harbour defences from Venice to Brindisi.

If this be so, Sir E. Grey thinks that the demands of Italy for Sabbioncello and the neighbouring islands and the neutralization of the coast are not likely to be dropped [1].

Перевод.

Вчера в разговоре с итальянским послом сэр Э. Грей сообщил его превосходительству, что он получил памятную записку от графа Бенкендорфа, в которой выражалось согласие на создание независимой Албании при условии, что Греция и Сербия получат общую границу в хинтерланде.

Русская памятная записка однако утверждала, что г. Сазонов никогда не делал Италии какого-либо заверения касательно получения ею на Далматинском побережьи больше, чем участок между мысом Планка и Зарой, что должно составить крайний предел уступок в пользу Италии.

Смысл памятной записки, которую итальянский посол вручил сэру Э. Грею, заключается в том, что побережье от мыса Планка до Воюсы, включая порты Спалато, Цирона Большая и Малая, Буа, Солта и Брацца, будет оставлено Италией Сербии и Черногории, при условии, что все вышеуказанное будет нейтрализовано.

Италия однако считает, что владение Саббиончелло и близлежащими островами необходимо для ее стратегической безопасности.

Итальянская памятная записка указывает, что порт Меткович, которому придается такое большое значение в русской памятной записке, отдан теперь Сербии в силу уступок, сделанных ныне Италией. Торговое значение этого порта не будет затронуто тем, что Италия удержит полуостров Саббиончелло, хотя стратегическое его значение будет обесценено.

Если владение Валоной, Истрией и Полой сделает, как утверждается в памятной записке г. Сазонова, положение Италии настолько преобладающим в Адриатическом море, что обратит последнее в итальянское озеро, то сэр Э. Грей не видит, какую разницу составит владение Италией островами или нейтрализация побережья, раз действительное владение территорией и коммерческие преимущества предоставлены Сербии.

Морские авторитеты его величества считают, что морская база на побережьи Далмации и флотилии подводных лодок, скрытые среди островов и у берега, могут создать серьезную опасность для побережья Италии, которая не имеет портовых укреплений от Венеции до Бриндизи.

Если это так, то сэр Э. Грей думает, что Италия едва ли откажется от своих требований касательно Саббиончелло и близлежащих островов, а также нейтрализации побережья.

---

[1] Пам. запиской от того же числа Бьюкенен передал мнение англ. и франц. прав-в о крайней нежелательности лишаться итал. сотрудничества из-за единственного пункта разногласий, касающегося полуострова Саббиончелло и прилегающих островов, и просил, по поручению Грея, разрешения Сазонова заявить Империали, что державы согласны на последнее итал. предложение при условии нейтрализации Саббиончелло и прилегающих островов.

№ 449. Сообщение французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

30/17 марта 1915 г.
Très secret.

Le ministre de France à Bucarest à son excellence Mr. Delcassé, ministre des affaires étrangères:

Au cours d'une conversation que je viens d'avoir avec le secrétaire général du ministère de la guerre, celui-ci m'a confié que le gouvernement roumain est résolu, sans attirer l'attention, à appeler sous les drapeaux deux cent cinquante mille hommes formant ses troupes de couverture.

Etant donné l'état de préparation, il prétend que le jour où le gouvernement se décidera à entrer en action, la mobilisation se fera en quatre ou cinq jours. Le plan de l'Etat-Major roumain consisterait à prendre l'offensive en Hongrie, sans même attendre la déclaration de guerre.

Перевод:

Весьма секретно.

Французский посланник в Бухаресте его превосходительству г. Делькассе, министру иностранных дел:

Во время разговора, который я только что имел с генеральным секретарем военного министерства, последний поведал мне, что румынское правительство решило, не привлекая к этому внимания, призвать под знамена 250 000 чел., составляющих войска оборонительной линии.

Принимая во внимание степень подготовки, он полагает, что, когда правительство решит вступить в войну, мобилизация будет проведена в 4—5 дней. План румынского главного штаба состоит в том, чтобы перейти в наступление в Венгрии, не дожидаясь даже объявления войны.

№ 450. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1462 [2]. 30/17 марта 1915 г.

Сообщается в Париж.

Великобританский посол сообщил мне [3], что Италия согласна предоставить Сербии Далматинское побережье от мыса Планка до черногорской границы с городом Спалато и островами Большая и Малая Цирона, Буа, Солта и Брацца, но настаивает на получении остальных островов и полуострова Саббиончелло. Грей убедительно

[1] Лит. копия.
[2] Опубл. Stieve, S. 182.
[3] См. № 448.

просит согласиться на эти уступки, с условием, чтобы Италия не возражала против нейтрализации приобретаемых ею островов и Саббиончелло. К сожалению, я не могу удовлетворить этой просьбы по тем причинам, которые я уже неоднократно высказывал в предшествующих телеграммах по этому вопросу. Таким образом сегодня же ответил Бьюкенену нижеследующей памятной запиской, получившей высочайшее одобрение [1]:

«Désireux de faciliter les négociations qui se poursuivent avec l'Italie à Londres, Mr. Sazonow s'est appliqué à combler le plus possible, par des concessions consécutives, la distance qui sépare le point de vue russe des exigences italiennes quant à la Dalmatie. A son grand regret, il lui est tout-à-fait impossible d'admettre que les îles avoisinant le littoral qui doit revenir à la Serbie et, à plus forte raison, la péninsule de Sabbioncello, soient dévolues à l'Italie. L'opinion publique en Russie ne se réconcilierait jamais avec une semblable solution qui mettrait la Serbie matériellement et moralement dans un état d'absolue infériorité vis-à-vis de l'Italie. Mr. Sazonow se voit, par conséquent, obligé d'en rester aux concessions qu'il a proposées dans son aide-mémoire du 28/15 mars courant [2] et espère que Sir E. Grey voudra bien faire comprendre au gouvernement italien que, après avoir accordé à l'Italie presque tout ce qu'elle demande, les Puissances ne peuvent point sacrifier complètement les intérêts de la Serbie, leur alliée de la première heure» [3].

Благоволите передать вышеизложенное Грею и постарайтесь убедить его в необходимости более твердого отпора чрезмерным при-

---

[1] Копия этой пам. записки была передана Палеологу.

[2] См. № 440.

[3] «Желая облегчить переговоры, которые ведутся с Италией в Лондоне, г. Сазонов приложил все старания, чтобы сократить, насколько возможно, последовательными уступками то расстояние, которое отделяет русскую точку зрения от итальянских притязаний на Далмацию. К его большому сожалению, ему совершенно невозможно признать, чтобы острова, прилегающие к побережью, которое должно достаться Сербии, и еще с большим основанием полуостров Саббиончелло, были предоставлены Италии. Общественное мнение в России никогда не примирилось бы с таким решением вопроса, которое поставило бы Сербию материально и морально в положение полной подчиненности по отношению к Италии. Поэтому г. Сазонов видит себя вынужденным ограничиться уступками, предложенными им в его памятной записке от 28/15 сего марта, и надеется, что сэр Э. Грей не откажется дать понять итальянскому правительству, что после того, как державы предоставили Италии почти все, что она требует, они не могут окончательно пожертвовать интересами Сербии, их союзницы с первого момента войны».

тязаниям Италии, которая едва ли решится порвать переговоры с нами из-за нескольких островов, рискуя в таком случае утратить наше согласие на обещанные ей уже весьма крупные уступки.

Сазонов.

№ 451. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 221[1]. 30/17 марта 1915 г.

Copie Paris.

Reçu vos NoNo 1421[2] et 1423[3].

J'ai remis à Grey votre No 1421. Il me dit que Impériali était venu ce matin avec propositions modifiées telles que transmises par télégraphe à Buchanan[4]. Impériali a dit que c'était dernier mot de l'Italie. J'ai repris tous vos arguments. Grey n'en conteste pas valeur, il me dit pourtant que ministre marine anglais opine que côte ouverte italienne reste en réalité à défendre contre sous-marins sortant de la côte dalmate. Puis Grey me dit que l'Italie négocie avec nous et avec Allemagne. D'après ses renseignements offres allemandes sont si sérieuses qu'il serait question indemnité autrichienne aux dépens Bavière et même au prix d'une partie Silésie prussienne. Il me dit qu'il ne peut pas répondre de ces renseignements, mais il croit à des offres très sérieuses moyennant simple neutralité. Nous demandons la guerre à l'Italie. Elle ne s'y décidera que moyennant offres beaucoup plus étendues. Grey doute que Serbie puisse se plaindre d'un appui insuffisant des Puissances qui lui auront assuré accroissement triple de son territoire et procuré large exit territorial sur la mer pour son commerce. Elles s'y étaient engagées (mais) elles ne s'étaient engagées à plus. Grey me dit qu'il ne veut pas pousser à l'extrémité l'hypothèse des éventualités, mais qu'en tous cas alliance italienne abrégera guerre de beaucoup de mois, que par conséquent les Puissances se trouveront avoir prolongé guerre seulement pour assurer à la Serbie un espace limité de côte en [plus][5] pour les îles et pour des questions de neutralisation. En présence offres

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 268.

[2] См. стр. 38, прим. 1.

[3] Тел. от 29/16 марта за № 1423 Сазонов, сообщая со слов Карлотти о посланных Империали инструкциях, якобы содержащих уступки Италии в далматинском вопросе (ср. № 448), выражал надежду, что «Грей использует это, чтобы выговорить как можно больше в пользу Сербии».

[4] См. № 448.

[5] Слова в прямых скобках в лит. копии нерасшифрованы; восстановлены по черновому отпуску, хранящемуся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне.

allemandes il ne croit pas qu'Italie cédera plus et alliance italienne se trouvera perdue pour motifs qu'il ne peut pas trouver suffisants. Question ainsi posée, celle de la prolongation de cette guerre devient si éminemment sérieuse pour Angleterre que Cabinet ne peut pas la négliger ni [courir des risques]. Grey ajoute qu'il croit savoir que action italienne entraînera Roumanie, il me dit aussi qu'il vient d'apprendre que opinion du gouvernement français est tout absolument arrêtée dans le sens de conclusion immédiate avec Italie, — opinion conçue en termes [tels] qu'il doit la prendre en considération. Grey croit avoir obtenu de l'Italie en faveur de Serbie tout ce que dans [les circonstances actuelles] il a pu obtenir. Cambon m'a fait confidentiellement lecture du télégramme de Delcassé à Paléologue. Il est conçu en termes si énergiques que je doute qu'ambassadeur vous en fasse lecture complète. Nous nous trouvons par conséquent en présence opinions tout-à-fait arrêtées des gouvernements anglais et français qui pour moi se résument ainsi: que nous ne pouvons les obliger de prolonger considérablement cette guerre dans l'intérêt de la Serbie seule dont desiderata essentiels se trouvent déjà largement garantis. Grey m'avait dit qu'il accédait que Serbie pourrait obtenir élargissement dans le Banat pour assurer Belgrade, un résultat plus important que restriction partielle sur côte qu'elle aurait à accepter. Grey insiste sur importance alliance italienne pour déjouer dernières cartes de l'Allemagne.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Ваши №№ 1421 и 1423 получены.

Я передал Грею ваш № 1421. Он сказал мне, что Империали пришел сегодня утром с измененными предложениями, которые и были переданы Бьюкенену по телеграфу. Империали заявил, что это — последнее слово Италии. Я снова привел все ваши доводы. Не оспаривая их значения, Грей однако сказал мне, что английское морское министерство полагает, что открытое побережье Италии действительно нуждается в защите от подводных лодок, действующих со стороны Далматинского побережья. Кроме того, Грей сказал мне, что Италия одновременно ведет переговоры с нами и с Германией. По имеющимся у него сведениям, германские предложения настолько серьезны, что речь идет о вознаграждении Австрии за счет Баварии и даже части Прусской Силезии. Он сказал мне, что не может ручаться за достоверность этих сведений, но верит в серьезность предложений за простое сохранение нейтралитета. Мы же требуем вступления Италии в войну. Она решится на это лишь в случае гораздо более выгодных предложений. Грей сомневается в том, чтобы Сербия могла жаловаться на недостаточную поддержку со стороны держав Согласия, которые гарантируют ей тройное увеличение территории и предоставят широкий территориальный доступ к морю для развития торговли. Они обязались сделать это, но никак не больше.

Грей сказал мне, что он не хочет злоупотреблять предположениями, но что во всяком случае союз с Италией сократит войну на много месяцев и что таким образом державы могут оказаться виновницами продления войны только ради того, чтобы обеспечить Сербии ограниченное пространство побережья, а также ради островов и вопроса о нейтрализации. Принимая во внимание наличие германских предложений, он не думает, чтобы Италия могла пойти на бо́льшие уступки и, следовательно, союз с нею не осуществится по соображениям, которые он не может считать основательными. Если дело обстоит так, вопрос о продлении настоящей войны становится для Англии настолько серьезным, что кабинет не может ни пренебречь им, ни рисковать. Грей добавил, что выступление Италии, как он полагает, повлечет за собой выступление Румынии; он также сказал мне, что, по полученным им в последнюю минуту сведениям, точка зрения французского правительства вполне определилась в смысле немедленного заключения соглашения с Италией; эта точка зрения изложена в таких выражениях, что он вынужден принять ее в соображение. Грей считает, что добился от Италии в пользу Сербии всего, что при теперешних обстоятельствах он смог получить. Камбон прочел мне конфиденциально телеграмму Делькассе Палеологу. Она составлена в столь энергичных выражениях, что я сомневаюсь, чтобы посол прочел вам ее полностью. Таким образом мы поставлены лицом к лицу с вполне установившимся взглядом английского и французского правительств, который, мне кажется, можно резюмировать следующим образом: мы не можем заставить их продолжать вести значительное время эту войну в интересах одной только Сербии, наиболее существенные пожелания которой уже гарантированы в широких размерах. Грей сказал мне, что он согласен на расширение Сербии в Банате, с целью защиты Белграда, а это — результат, безусловно более важный, чем частичное ограничение прибрежной полосы, с которым ей пришлось бы согласиться. Грей настаивает на значении, которое имеет союз с Италией, чтобы побить последнюю карту Германии.

Бенкендорф.

№ 452. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 223. 30/17 марта 1915 г.

Grey me dit qu'il a pleine confiance en l'issue probable de la guerre en tous cas, mais il est très imbu de la nécessité de raccourcir la guerre le plus possible et d'arriver aux négociations de paix, sans que l'Allemagne ait plus aucune carte à jouer. Pour cette raison coopération italienne serait indispensable (et) surtout (ne) devrait pas être manquée.

Benckendorff.

Пусть Англия и Франция соглашаются на требования Италии. Мы дошли до крайнего предела своих уступок.

Царское Село, [1 апреля] 19 марта 1915 г.

Перевод.

Грей мне сказал, что у него полная уверенность в вероятном исходе войны при всех обстоятельствах, но он держится убеждения в необходимости насколько возможно ускорить окончание войны и притти к мирным переговорам, не оставив Германии ни одной карты для игры. В силу этих соображений участие Италии является крайне необходимым, и его ни в коем случае не следует упускать.

Бенкендорф.

№ 453. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 184. 30/17 марта 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 1421 [1].

Тотчас сообщил ее содержание Делькассе, который сказал мне, что за несколько минут до моего прихода он получил по телефону из Лондона известие, что итальянское правительство соглашается на предоставление Сербии Далматинского побережья в указанных вами размерах со включением Спалато; но что, насколько он мог расслышать, оно настаивает на присоединении к Италии прилегающих к этой части побережья островов. Таким образом главнейшее из ваших пожеланий исполняется. Сербия получает две трети Далматинского побережья, и, может быть, Италия согласится на нейтрализацию также и островов. Делькассе искренно надеется, что из-за второстепенного вопроса о принадлежности островов вы не решитесь прервать переговоры с Италиею. Он был видимо крайне встревожен и с большой горячностью высказал мне свое убеждение в настоятельной необходимости как можно скорее заручиться военным содействием Италии. Выступление ее, несомненно, увлечет Румынию, Болгарию и Грецию, и это не только произведет в Германии и Австрии громадное нравственное впечатление, но может фактически сократить наполовину продолжительность войны. Франция непоколебима в решимости довести войну до конца, но положение ее крайне тяжело. Она поставила под ружье 4 000 000 солдат, т. е. десятую часть своего населения, и богатейшие ее провинции заняты неприятелем. Если из-за второстепенного вопроса об островах рушится надежда на вмешательство Италии, французское общественное мнение этого не поймет. В заключение Делькассе прочел мне телеграмму Палеолога из ставки верховного главнокомандующего, в которой [он] излагал, что в разговоре с ним великий князь с особенною силою настаивал на первостепенной важности немедленного вооружен-

[1] См. стр. 38, прим. 1.

ного выступления Италии и Румынии [1], без содействия коих война может значительно затянуться. Делькассе телеграфировал Палеологу, поручая ему с особою настойчивостью передать вам вышеизложенные соображения.

Извольский.

№ 454. М. А. Васильчикова Николаю II.

Письмо [2]. 30/17 марта 1915 г.

Klein Wartenstein, Gloggnitz, Nieder Oesterreich.

Ваше величество,

Не знаю, дошло ли до вашего величества письмо, которое осмелилась вам написать (10 марта нового стиля) [3]. С тех пор многое случилось — Перемышль пал, наши храбрые воины отчаянно воюют в Карпатах — и вот опять ко мне приехали трое (два немца и один австриец), прося повторить написанное мною в первом письме, и, может быть, не дошедшем до вашего величества, а именно, что и Германия и Австрия желают мира с Россией, и вы, государь, возымевший святую мысль о международном мире и по желанию которого был созван в Гааге мирный конгресс, вы, властитель величайшей страны в мире, вы один — тот, который, как победитель, может первый произнести слово «мир», — и реки крови иссякнут, и страшное теперешнее горе превратится в радость.

Меня просят довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар, и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Манчжурию. Люди, которые мне это говорят, не дипломаты, но искренно любят свое отечество, и они — эхо народного желания, и говорят: мы просим русского государя, не побежденного, а победителя, и в качестве такового произнести слово «мир», и ему пойдут всячески навстречу, и вопрос Дарданеллов будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России.

Опять прошу прощения, что смею все это писать, — но моя русская

[1] Ср. № 378.

[2] Опубл. Семенников, «Политика Романовых накануне революции», М. 1926, стр. 14. Письмо было представлено Сазоновым Николаю II при докл. зап. от 20/7 апр. 1915 г., в которой он указывал, что оно было доставлено ему в тот же день швед. посланником. На докл. зап. имеется помета Николая II: «Содержание его прежнее». — «Царская ставка, [20] 7 апреля 1915 г.».

[3] См. № 347.

кровь возрадовалась, услыхав все то, что эти трое, которые знают хорошо Россию, говорят. Они, повторяю, не дипломаты, но имеют сношения с царственными домами обеих стран, находящихся во вражде с Россией.

Мое первое письмо послала через ее величество, а это беру смелость прямо послать вам, государь!

О, если бы пасхальный звон возвестил бы и мир! — Христос воскресе, дай вам бог, ваше величество, государыне императрице и вашим августейшим детям всего светлого и радостного.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

Если ваше величество желали бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу [1].

№ 455. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде—Бьюкенену и Палеологу [2].

31/18 марта 1915 г.

Par considération pour les instances réitérées dont les ambassadeurs d'Angleterre et de France se sont fait, au nom de leurs gouvernements,

---

[1] Через месяц, 30/17 апр., б. императрица Александра Федоровна писала Николаю Романову: «Я получила длинное милое письмо от Эрни... Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. — У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России. Эрни послал уже туда к 28-му (два дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. Я немедленно написала ответ (все через Дэзи) и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался и чтобы он не ждал, и что хотя все и жаждут мира, но время еще не настало... В., конечно, ничего абсолютно не знает» (Переписка Николая и Александры Романовых, Гиз, 1923 г., т. III, стр. 174).

Упоминаемые в письме: Эрни — великий герцог гессенский Эрнст-Людвиг, брат Александры Федоровны; Дези — наследная шведская принцесса Маргарита, урожденная принцесса английская; В. — Вильгельм II. (Ср. письмо М. Васильчиковой от 27/14 мая, т. VIII, № 22). В это же приблизительно время герм. круги, добивавшиеся сепаратного мира с Россией, командировали в Стокгольм доверенное лицо со специальной постоянной миссией на случай, «если любезности начнутся со стороны казаков» (см. т. VIII, № 352).

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 270. Черновик написан рукою Шиллинга. В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 537, хранится другой черновик этой пам. записки, написан-

les interprètes auprès de lui, Mr. Sazonow consent, comme concession dernière, à apporter à son aide-mémoire du 30/17 mars crt. [1] les modifications suivantes:

La partie de la Dalmatie, depuis le cap Planca jusqu'à la frontière Monténégrine, y compris la péninsule de Sabbioncello, inséparable de la côte, ainsi que toutes les îles et îlots le long de cette partie de la Dalmatie, sauf les quatre îles expressément désignées ci-dessous, — seront attribuées à la Serbie.

Les îles de Lissa, Busi, Cazza et Lagosta seront attribuées à l'Italie.

Toutes les îles, la péninsule de Sabbioncello et la partie du littoral comprise entre Zara et l'embouchure de la Narenta seront neutralisées ainsi que les Bouches de Cattaro.

De cette façon, on ne pourra pas affirmer que la sécurité de l'Italie n'est pas assez garantie contre des tentatives d'agression de la part d'une flotte serbe qui, d'ailleurs, ne paraît pas pouvoir être constituée prochainement.

La ligne de démarcation qui partira du cap Planca et formera la frontière entre l'Italie et la Serbie en Dalmatie, sera établie plus tard par une commission mixte qui devra l'étudier sur les lieux. Au besoin, des délégués anglais, français et russes pourraient faire partie de cette commission pour faciliter le travail des délégués italiens et serbes.

Se décidant à ces dernières concessions, Mr. Sazonow croit devoir ajouter qu'il le fait uniquement dans le but d'arriver, conformément au désir de l'Angleterre et de la France, à un accord immédiat avec l'Italie et afin d'obtenir que celle-ci, comme elle l'a déclaré, ouvre les hostilités contre l'Autriche à la fin d'avril nouveau style.

Si l'Italie, après s'être assurée du consentement des Puissances à presque tous ses desiderata, voulait sous divers prétextes différer son entrée en guerre, toutes les concessions faites aujourd'hui par la Russie pourraient être remises en cause [2].

ный рукою Палеолога до слов: «les Bouches de Cattaro», причем абзац второй у Палеолога читается так: «Les îles de Salta, Brazza, Lesina, Torcola, Curzola, Meleda et la péninsule de Sabbioncello seront attribuées à la Serbie». (Острова Салта, Брацца, Лезина, Торкола, Курцола, Меледа и полуостров Саббиончеллобудут предоставлены Сербии). Царский экземпляр совпадает с черновиком Шиллинга.

[1] См. № 450.

[2] Тел. от 31/18 марта за № 1469 (опубл. Ц. Р., стр. 270) Сазонов, передавая текст этой пам. записки, сообщал Бенкендорфу, что, «не считая возможным принять на себя ответственность за прекращение лондонских переговоров», он «согласился на настоятельные просьбы английского и французского послов». Тел.

Перевод.

Принимая во внимание повторные настояния английского и французского правительств, переданные ему через послов означенных правительств, г. Сазонов выражает согласие, в виде последней уступки, на внесение в его памятную записку от 30/17 сего марта следующих изменений:

Часть Далмации от мыса Планка до черногорской границы, включая полуостров Саббиончелло, неотделимый от побережья, равно как и все острова и островки вдоль этой части Далмации, кроме четырех островов, точно указанных ниже, будут предоставлены Сербии.

Острова Лисса, Бузи, Кацца и Лагоста отойдут к Италии.

Все острова, полуостров Саббиончелло и часть побережья между Зарой и устьем Наренты будут нейтрализованы, так же как и бухта Каттаро.

Таким образом, нельзя будет утверждать, что безопасность Италии недостаточно гарантирована от агрессивных попыток со стороны сербского флота, который, впрочем, не сможет, повидимому, быть создан в скором времени.

Демаркационная линия, которая пойдет от мыса Планка и будет служить границей между Италией и Сербией в Далмации, будет установлена позднее смешанной комиссией, которая должна будет изучить ее на месте. В случае надобности в состав этой комиссии могли бы войти делегаты Англии, Франции и России в целях облегчения работы уполномоченным Италии и Сербии.

Решаясь на эти последние уступки, г. Сазонов считает своим долгом прибавить, что делает это исключительно с целью прийти, в соответствии с желаниями Англии и Франции, к немедленному соглашению с Италией и для того, чтобы последняя, согласно своих заявлений, открыла военные действия против Австрии в конце апреля по новому стилю.

Если бы Италия, убедившись в согласии держав исполнить почти все ее желания, стала стремиться под разными предлогами оттянуть свое выступление, все сделанные теперь Россией уступки могли бы быть подвергнуты новому пересмотру.

№ 456. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу

Телеграмма № 1470 [1]. 31/18 марта 1915 г.

Лично.

Сообщается в Париж.

Уступая настойчивым просьбам Грея, я согласился на новые, на этот раз последние, уступки Италии, изложенные в моей телеграмме № 1469 [2]. Считаю однако долгом обратить ваше внимание на весьма

от 2 апр./20 марта за № 226 (опубл. Ц. Р., стр. 272) Бенкендорф сообщил, что ввиду отсутствия Грея Асквит передал Империали ноту, составленную на основании пам. записки Сазонова. Империали, находя, что она «сильно расходится с итальянскими предложениями», отказался поддержать ее перед своим правительством.

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 271.

[2] См. стр. 58, прим. 2.

отрицательные стороны создавшегося положения. В числе требований Италии есть много таких, которые, как, например, касающиеся Малой Азии или африканских колоний, не вызывают со стороны России никаких возражений. Тем не менее раз они затрагивают интересы наших союзников, я считал бы себя обязанным в отношении их всячески поддержать точку зрения последних. Между тем Грей, сумевший сразу твердо отклонить притязания Италии на области, ближе интересующие Англию и Францию, не только проявил необычайную уступчивость там, где в сокращении итальянских требований были заинтересованы мы, но даже, повидимому, не скрыл от итальянского посла, что препятствием к соглашению на этой почве служит лишь Россия.

Я сказал сегодня Бьюкенену, что, если бы я мог ожидать, что переговоры будут вестись Греем таким образом, я бы никогда не согласился, чтобы они велись в Лондоне. Очевидно, в Англии не отдают себе отчета, до какой степени русское общественное мнение чутко ко всему, что касается славян, а в особенности сербов, по праву завоевавших себе теперь всеобщее сочувствие. Уже все уступки, сделанные Италии за счет словинцев и хорватов, вызовут в России громкое осуждение, а стеснения, навязываемые ныне и Сербии в вопросе обеспеченного выхода к морю, будут тем более встречены с негодованием. Когда же узнают, что к этим уступкам мы были вынуждены не только вследствие того, что не нашли своевременной поддержки Англии, а прямо-таки по настоянию Грея, ставшего вдруг защитником нераздельного итальянского господства на Адриатике, русское общественное мнение, несомненно, обратится против Англии, что крайне нежелательно.

Сазонов.

№ 457. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

°/. Телеграмма № 1481 [1]. 31/18 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 107 [2] получена.

Благоволите обратить самое серьезное внимание эллинского правительства на недопустимость появления в официозной печати сведений, о которых вы упоминаете. Имброс и Тенедос были сохранены за

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 207.

[2] Тел. от 29/16 марта за № 107 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 206) Демидов сообщал, что в некоторых официозных газетах появились известия о намерении греч. прав-ва объявить присоединение о-вов Имброса, Тенедоса и Кастеллоризо, а также Северного Эпира.

Турцией лондонским собранием послов [1], ввиду первостепенного их значения для обороны Дарданелл и ввиду этого участь их не может быть отделена от участи пролива [2]. Не менее несвоевременным считал бы поднятие вопроса об Эпире, который естественно разрешится согласно пожеланиям Греции, если эллинское правительство будет придерживаться в отношении держав Согласия более искренней политики [3].

Сазонов.

№ 458. Поденная запись министерства иностранных дел.

31/18 марта 1915 г.

Посещение советника II политического отдела Михаилом Моневым [31] 18 марта 1915 года.

[31] 18 марта 1915 года явился к советнику второго политического отдела один из членов болгарской македонской организации, некий Михаил Монев, состоящий якобы на службе в болгарской миссии в качестве счетчика. Он заявил, что еще в 1912 году, когда болгары стояли под Чаталджей, посетил в Константинополе К. Н. Гулькевича, тогда советника посольства в означенном городе. По его словам, македонской организации хорошо известно, что Германия, обещая Греции Гевгели, Дойран и Битолийский округ, всеми силами старается перетянуть ее на свою сторону. Ввиду этого македонская организация совершенно разочаровалась в Германии и стремится узнать, как относится Россия к болгарским вожделениям на Македонию в границах 1912 года. Радославов сообщил якобы македонской партии через доверенных лиц, что державами Тройственного согласия никаких конкретных предложений Болгарии до сих пор сделано не было, что они

[1] Согласно ст. 5-й Лондонского договора от 30/17 мая 1913 г. судьба турец. о-вов Эгейского моря должна была быть решена шестью великими державами. Это постановление было подтверждено греко-турец. договором 14/1 ноября 1913 г. Нотами, врученными в Афинах и К-поле 13 февр./31 янв. и 14/1 февр. 1914 г., державы признали суверенитет Греции над всеми Эгейскими о-вами, за исключением Имброса, Тенедоса и Кастеллоризо. О греко-турец. переговорах 1914 г. по поводу о-вов см. т. I.

[2] Далее зачеркнуто: «Они перейдут во владение державы, которой будет предоставлен выход из Мраморного моря в Эгейское».

[3] В ответ на запрос Палеолога об отношении росс. прав-ва к этому вопросу (пам. записка от 3 апр./21 марта) Сазонов пам. запиской от 6 апр./24 марта передал ему содержание этой тел. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 208 и 209).

указывали Болгарии только на возможность приобретения ею границ Энос — Мидия, о Македонии же говорилось ими лишь в минувшем ноябре и то в самых неопределенных выражениях [1]. В январе один из представителей македонской партии, Викторов Топоров [2], посетил в Нише князя Трубецкого, который заверял его в благожелательном отношении России к болгарским идеалам и советовал не предпринимать, по крайней мере, в течение 20 дней, новых покушений против железных дорог. С тех пор, несмотря на преследование сербами болгарского начала в пограничных областях, македонская организация, чувствуя, что сербы стремятся ее провоцировать, держалась неопределенного положения и старалась не поддаваться на сербскую удочку. Теперь же, по словам Монева, македонцы хотят получить твердое заявление русского правительства, что оно не отказывается от традиционной политики покровительства болгарским идеалам и сочувствует предоставлению Болгарии после войны, когда Сербия получит компенсацию в другой области, Македонии в пределах 1912 года. От предоставления Болгарии этих земель теперь же македонцы, по словам того же Монева, уже отказались. Если Россия не сделает теперь же определенного заявления, может случиться, сказал Монев, что тогда как официальная Болгария пойдет на линию Мидия—Энос и выступит за присоединение Фракии, македонская организация, со своей стороны, ринется на Македонию.

Помимо границ 1912 года, македонцы хотят в остающейся у сербов части Македонии (Гостивар, Скопле, Куманово) обеспечений для болгар в смысле языка, богослужения и школ.

№ 459. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [3].

31/18 марта 1915 г.

К разговору с Марлингом.

Желательно привлечь внимание г. Марлинга на следующие пункты:

1) Желательность скорейшего удаления из английской миссии Черчилля, который слишком связан своими отношениями к демократической партии и который невольно склонен оказывать покровительство разным членам ее и противодействовать прочим партиям [4].

[1] Ср. т. VI, № 627.

[2] Так в оригинале.

[3] Черновик написан рукою Клемма.

[4] По приезде в Тегеран Марлинг телеграфировал, что он просит оставить Черчилля в миссии до конца войны. Сообщая об этом Сазонову, Бьюкенен ука-

Кроме Черчилля, вредным элементом в миссии являются также некоторые низшие служащие, так называемые «мунши». Если нельзя и их заменить другими, то необходимо, по крайней мере, их обуздать.

2) Необходимо переменить отношение английской миссии к немногим энергичным людям в Персии, каковыми являются, например, Саад-эд-Доуле, Восуг-эд-Доуле, Сепехдар, Ферман-Ферма и некоторые другие, которые одни способны были бы кое-что сделать при настоящих трудных условиях. Непопулярность этих лиц в настоящее время вызывается в значительной мере, если не всецело, крайне отрицательным отношением к ним англичан.

3) Меджлис в достаточной мере доказал свою несостоятельность, и присутствие его только в значительной мере тормозит действия и без того слабого и нерешительного шахского правительства. В этом не могла не убедиться и сама великобританская миссия в Тегеране. Поэтому желательно, чтобы последняя отошла от своего теоретического взгляда на персидскую конституцию и, оценив более трезво положение дел, обсудила совместно с императорской миссией, каким путем можно было бы без особых потрясений добиться роспуска меджлиса. По имеющимся сведениям, эта цель могла бы быть сравнительно легко достигнута, если бы удалось уговорить несколько членов меджлиса выйти из состава его, чем был бы нарушен еле существующий кворум.

4) К сожалению, взаимные отношения обеих миссий за последнее время и, в частности та поддержка, которую шахское правительство нередко встречало в английской миссии против нас, вселили в персах представление, что прежний антагонизм между Россией и Англией в Персии продолжается в полной мере и что они, как бывало раньше, могут опираться на одну из этих держав против другой, поселяя между

зывал последнему, что хотя Грей и считает себя связанным обещанием отозвать Черчилля (см. № 52), но он надеется, что в общих интересах Сазонов согласится на его оставление в Тегеране (пам. записка англ. пос-ва от 30/17 апр.).

В ответной пам. записке от 2 мая/19 апр. Сазонов указывал, что он настаивал на отозвании Черчилля вследствие его «тесной связи с персидскими националистическими и демократическими кругами». «Это обстоятельство, — по словам Сазонова, — несомненно способствовало той розни, которая, к сожалению, иногда наблюдалась между обеими миссиями». Тем не менее Сазонов заявлял, что он не настаивает на удалении в настоящее время Черчилля из Тегерана в полной уверенности, что «этот чиновник использует в интересах обоих дружественных правительств свой многолетний опыт и обширные связи в Персии».

ними рознь. Мы не сомневаемся, что Марлинг примет все зависящие меры, чтобы радикально разубедить в этом персов [1].

5) Бельгийская финансовая администрация при некоторых ее недостатках все же представляет известную гарантию правильного ведения денежного хозяйства страны, которое не замедлило бы прийти в полный упадок в случае устранения бельгийцев. Поэтому желательно оказать последним самую деятельную поддержку [2].

6) Необходимо обуздать ультра-националистскую персидскую прессу, восстанавливающую персов против России, Англии и Бельгии и посвятившую себя служению Германии.

К сожалению, бывали случаи попустительства этому со стороны лиц, служащих в английских учреждениях в Персии, в частности в Шахиншахском банке. Против этого желательно также принимать решительные меры, что вполне возможно при условии надлежащего воздействия английского посланника на своих соотечественников.

№ 460. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 349 [3]. 31/18 марта 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 342 [4].

Прибывший сегодня в Ниш престолонаследник пожелал меня видеть и поделиться серьезной заботой, которую внушают ему и сербскому правительству притязания Италии на часть Далматинского побережья [5]. Престолонаследник возлагает все надежды на Россию, что она не дозволит сделку, которая передала бы власть над значительным славянским населением из рук Австрии Италии и сделала бы неизбежною новую войну в ближайшем будущем. Престолонаследник спрашивал моего мнения, не следует ли Пашичу съездить в Петроград

[1] Далее зачеркнуто: «а также положить предел так часто наблюдающимся за последнее время попыткам их посеять вражду между русским и английским правительствами путем беспрестанных намеков на то, что каждое из двух правительств преследует в нынешней войне свои собственные цели во вред интересам другого, что все выгоды успешного завершения кампании будут лишь на одной стороне, другая же несет все тяжести и приносит крупные жертвы и т. д.».

[2] Ср. № 405.

[3] Опубл. Stieve, S. 184.

[4] См. № 446.

[5] 28/15 марта Извольский телеграфировал Сазонову за № 183 (опубл. L. N., III, p. 97): «Сербский посланник, крайне встревоженный дошедшими до него сведениями о лондонских переговорах, пришел усердно просить меня о поддержке сербских интересов перед французским правительством».

для переговоров по этому вопросу и чтобы снять с Сербии ответственность за возможную ошибку, которая была бы чревата столь тяжелыми последствиями. Я ответил, что во всяком случае у нас ясно сознают интересы сербского народа и государства и сделают возможное для их защиты, но что, конечно, разрешение вопроса зависит не от нас одних. С своей стороны, убежден, что удовлетворение притязаний Италии на Далматинское побережье было бы равносильно плохому миру и, следовательно, не отвечало бы жертвам и задачам нынешней войны. Если же нам удалось бы ограничить компенсации Италии до Полы и соответственно расширить приобретения Сербии, то несомненно мы могли бы поставить ценой этого требование земельных уступок Болгарии.

Трубецкой.

К Извольскому.

Царское Село, [3 апреля] 21 марта 1915 г.

№ 461. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

·/. 1 апреля/19 марта 1915 г

In a recent conversation which Sir R. Rodd had with Italian Minister for Foreign Affairs the latter explained Italy's aims with regard to the Adriatic. They did not intend to do anything in the nature of erecting defences at Valona, the occupation of which was only inspired by the desire of preventing its occupation by some other Power. Italy would not contemplate the erection of military work in the islands with the possible exception of one of the outlying islands which would be used as an observation post in mid-Adriatic. It was with a view to preventing the future use of the islands for secret aggressive preparations against a defenceless Italian coast that the islands were really being occupied. The main post for the defence of the Italian coast would be Pola or one of the islands off it.

The Italian Government had not contemplated asking that Fiume and the Croatian coast as far as Zara should be neutralized. It would be hardly in accordance with the position of a Great Power for Italy to accept the proposal to neutralize the islands and coast which Italy wishes to acquire. The coast which was to be obtained by Servia and Montenegro constituted a new feature in the map of Europe, so that its neutralization could

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 319.

not be quite compared to the neutralization of the coast to be obtained by Italy.

In reply to an observation by Sir R. Rodd to the effect that it would be invidious to neutralize the coast South of Cape Planka while making an exception in Italy's favour for the Sabbioncello peninsula, which was a part of that coast, the Italian Minister for Foreign Affairs said that it was not necessary to insist on such an exception and that he would agree to the neutralization of Sabbioncello in general neutralization of the coast. Neutralization was, the Minister for Foreign Affairs said, not always observed nor respected; and Sabbioncello, which was for all practical purposes an island belonging to the Curzola group, would constitute a danger to the other islands if Italy did not occupy it. It would be easy to cut a canal separating Sabbioncello from the mainland. Italy had, in her latest proposal, allotted to Servia all the islands commanding the entrance to Spalato. The natural boundary to that part of Dalmatia which Italy would now obtain was formed by mountains and watersheds.

The Italian Minister for Foreign Affairs again said that Mr. Sazonow, who had himself suggested Dalmatia going to Italy, should not stand out about Sabbioncello, more especially if, together with the rest of the coast, it were neutralized.

In communicating the arguments of the Italian Government to Mr. Sazonow, Sir E. Grey wishes His Majesty's Embassy to express the hope that the Russian Government will not press the difficulty about the neutralization of the coast and to point out that the one point of the Italian claims which now remains outstanding is the question of the possession of Sabbioncello. Now that the Italian Government have agreed to the neutralization of this peninsula — which they state to be the last concession they can make — Sir E. Grey hopes that the Russian Government will not allow the agreement with Italy to be wrecked on this one outstanding point. By agreement with France and Great Britain the Russian Government have ensured their future position as regards the Straits and Constantinople; and if the objections of the Russian Government on minor points affecting the Adriatic deprive France and Great Britain of the value of Italy's assistance, they will be very disappointed.

The great part of the Adriatic coast, subject only to neutralization, will be in the hands of Servia, Croatia and Montenegro who will get most ample commercial outlets. Servia will gain an enormous amount of territory, in securing which the cooperation of Italy will be an important factor.

Sir E. Grey is much discouraged and fears that we may lose Italy's

cooperation, thereby incurring most unfortunate consequences. He will await Mr. Sazonow's views on the points raised above before making any further communication to the Italian Government [1].

Перевод.

В недавней беседе, которую сэр Р. Родд имел с итальянским министром иностранных дел, последний изложил итальянские притязания в области Адриатики. Итальянцы не намерены ничего предпринимать в смысле сооружения укреплений в Валоне, занятие которой было вызвано только желанием воспрепятствовать оккупации ее какой-либо другой державой. Италия не имеет в виду воздвигать укреплений на островах, за исключением возможных сооружений на одном из островов периферии, который будет использован, как наблюдательный пункт в центральной части Адриатики. Только исходя из стремления воспрепятствовать использованию островов в будущем для тайных агрессивных приготовлений против незащищенного побережья Италии, эти острова действительно были оккупированы. Главным пунктом для защиты итальянского побережья будет Пола и один из островов, лежащий около нее.

Итальянское правительство не имело в виду требовать нейтрализации Фиуме и побережья Хорватии вплоть до Зары. Едва ли будет совместимо с положением великой державы принятие Италией предложения о нейтрализации островов и побережья, которые она желает приобрести. Побережье, которое должны получить Сербия и Черногория, составляет новое изменение карты Европы; поэтому нейтрализация его не может быть вполне приравнена к нейтрализации побережья, которое имеет получить Италия.

В ответ на замечание сэра Р. Родда о том, что было бы недопустимо нейтрализовать побережье к югу от мыса Планки, делая в то же время исключение в пользу Италии относительно полуострова Саббиончелло, являющегося частью этого побережья, итальянский министр иностранных дел сказал, что нет необходимости настаивать на таком исключении, и что он согласится на нейтрализацию Саббиончелло при общей нейтрализации побережья. Нейтрализация, — сказал министр иностранных дел, — не всегда соблюдается и уважается; а Саббиончелло, который с точки зрения практических целей, является островом, принадлежащим к группе Курцола, составит угрозу для других островов, если Италия не займет его. Будет легко прорезать канал, который отделит Саббиончелло от материка. Италия в своем последнем предложении согласилась на предоставление Сербии всех островов, господствующих над входом в Спалато. Естественную границу той части Далмации, которую Италия теперь получит, составляют горы и водоразделы.

Итальянский министр иностранных дел снова сказал, что г. Сазонов, кото-

[1] В ответ на это Сазонов пам. запиской от 1 апр./19 марта сообщил Бьюкенену, что он «готов не настаивать более на нейтрализации части Далматинского побережья (от Зары до мыса Планки) и островов, отходящих к Италии», но не может согласиться на новые уступки и «особенно принужден настаивать на предоставлении полуострова Саббиончелло Сербии». Содержание этой пам. записки Сазонов передал в тот же день Бенкендорфу тел. за № 1495.

рый сам внушил мысль о предоставлении Италии Далмации, не будет упорствовать в вопросе о Саббиончелло, особенно, если он будет нейтрализован вместе с остальной частью побережья.

Сообщая аргументы итальянского правительства г. Сазонову, сэр Э. Грей желает, чтобы посольство его величества выразило надежду, что российское правительство не будет чинить затруднений в вопросе о нейтрализации побережья, и указало бы, что одним из пунктов итальянских требований, который теперь остается спорным, является вопрос об обладании Саббиончелло. Теперь, когда итальянское правительство согласилось на нейтрализацию этого полуострова,— что, как оно указывает, является последней уступкой, которую оно может сделать, — сэр Э. Грей надеется, что российское правительство не допустит, чтобы соглашение с Италией было сорвано из-за одного этого спорного пункта. Соглашением с Францией и Великобританией российское правительство обеспечило свое будущее положение по отношению к Проливам и Константинополю; и если возражения российского правительства по более мелким вопросам, касающимся Адриатики, лишат Францию и Великобританию ценной итальянской помощи, то они будут крайне разочарованы.

Большая часть Адриатического побережья, подлежащая только нейтрализации, перейдет в руки Сербии, Хорватии и Черногории, которые получат наиболее широкий торговый выход к морю. Сербия получит огромный прирост территории, для обеспечения которого сотрудничество Италии было бы важным фактором.

Сэр Э. Грей крайне огорчен и опасается, что мы можем лишиться сотрудничества Италии, что повлекло бы за собой самые печальные последствия. Он будет ждать сообщения точки зрения г. Сазонова по затронутому выше вопросу, прежде чем сделает какое-либо новое заявление итальянскому правительству.

№ 462. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 227. 1 апреля/19 марта 1915 г.
Personnel.

Copie Paris. Reçu votre No 1470 [1].

Si dans vos observations justifiées jusqu'à un certain degré vous me paraissez aller au-delà de la réalité, c'est qu'il me semble que vous ne vous rendez pas un compte exact comment choses se sont passées. Grey a eu très peu d'entrevues avec ambassadeur d'Italie. Grey a reçu de lui premières propositions et les a trouvées énormes sans autre jugement. Il a remis à Impériali contre-propositions (...) et sur base votre mémoire. Impériali est venu lui apporter réponse concession Spalato, que Grey a déclarée insuffisante, et finalement Impériali est venu avec très légères modifications, conditions Asie et Afrique pas pressantes, point vital étant Adriatique, dont tout dépendrait et qui, Italie devrait le savoir, nous intéressait tout particulièrement; n'ai aucune donnée pour croire que Grey ait parlé au nom Russie seule. Considération principale est que entre

[1] См. № 45.

Angleterre et France d'un côté, Russie d'autre, partie pas égale; nous étions vivement intéressés. Alliance italienne, utile pour nous presque indirectement, reste essentielle pour Angleterre et surtout pour France. De sorte que, même si projet tombait, responsabilité du gouvernement impérial serait vis-à-vis de Russie à couvert. (Nulles) conditions, sauf de tout extrême ordre, ne permettent à ces deux gouvernements de se refuser à cette alliance du moment que l'occasion s'est présentée. Rien ne pourrait les sauver d'avoir perdu occasion de pareil avantage dans cette guerre. Danger volte-face peut être lointain et incertain, mais il existe et dès lors ces gouvernements ne peuvent l'ignorer. Mais même déclaration neutralité italienne sur base arrangement secret avec Allemagne redoublerait énergie de cette Puissance que l'alliance de l'Italie avec nous contribuerait essentiellement à atteindre. Effort final de l'Allemagne, après échecs contre nous, retomberait sur France et Angleterre surtout. Il s'ensuit que appui de la France et Angleterre pour nos revendications pour Serbie aussi essentiel que notre appui de leurs revendications en Asie et Afrique, n'en est pas moins de beaucoup plus dangereux pour elles. Si les intérêts directs des trois Puissances sont identiques, leurs intérêts indirects, sans se contredire, se mesurent différemment—la difficulté est de concilier les uns et les autres. Cela n'est possible qu'en prenant en considération les résultats déjà acquis par nous, tant pour nous que pour la Serbie, et aussi la position militaire dont fin peut dépendre. Pour moi il est clair, si à cause de nous France et Angleterre devaient renoncer à alliance italienne et accepter toutes les conséquences possibles de ce fait, il s'ensuivrait des résultats pour les rapports moraux entre nous et elles dont je ne puis rien augurer de bon et où nos intérêts auraient certainement à souffrir beaucoup. Rien ne pourrait faire pardonner ces gouvernements la faute qu'ils auraient commise. Telles sont les considérations sur lesquelles je dois attirer votre attention, tout en défendant vos instructions non seulement avec toute la force que j'y puis mettre, mais avec toute ma conviction, ce qui réussira d'autant mieux que les gouvernements anglais et français verront que représentez clairement la situation qui leur est faite.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Копия в Париж. Получил ваш № 1470.

Если в ваших, до известной степени справедливых, замечаниях вы, мне кажется, переходите пределы реального, то это потому, что, как мне кажется, вы не отдаете себе точного отчета в том, как все это произошло. Грей имел весьма

мало свиданий с итальянским послом. Грей получил от него первые предложения и нашел их сразу же чрезмерными. Он передал Империали встречные предложения... и на основании вашей памятной записки. Империали вручил ему ответ об уступке Спалато, каковую Грей признал недостаточной, и, наконец, Империали явился с весьма незначительными изменениями. С условиями в Азии и Африке можно не спешить; жизненный пункт — Адриатика, от которого все будет зависеть, и который, — Италия должна была бы это знать, — интересует нас совершенно исключительно; не имею никаких данных, чтобы думать, что Грей говорил от имени одной России. Главное соображение заключается в том, что Англия и Франция — с одной стороны, а Россия — с другой, не в равной степени заинтересованы; мы были живо заинтересованы. Итальянский союз, полезный для нас только косвенным образом, остается существенным для Англии, и особенно для Франции. Таким образом, если бы даже проект (союза) отпал, ответственность императорского правительства перед Россией не была бы затронута. Никакие условия, кроме совершенно исключительных, не позволят этим двум правительствам отказаться от этого союза, раз явилась к нему возможность. Ничто не могло бы их спасти, если бы они упустили случай получить такие преимущества в этой войне. Опасность перемены позиции может быть отдаленной и сомнительной, но она существует, и раз это так, то эти правительства не могут ее игнорировать. Но даже заявление Италии о нейтралитете на основании секретного соглашения с Германией удвоило бы энергию этой последней державы, которую союз Италии с нами помог бы очень значительно подорвать. Последние усилия Германии, после неудач против нас, обрушатся на Францию, и особенно на Англию. Отсюда следует, что поддержка со стороны Англии и Франции наших требований в пользу Сербии, столь же существенная, как и наша поддержка их притязаний в Азии и в Африке, является для них гораздо более опасной. Если непосредственные интересы трех держав тождественны, то их косвенные интересы, хотя и не противоречат друг другу, но и не совпадают, — затруднение заключается в их взаимном согласовании. Это возможно лишь, принимая во внимание результаты, уже достигнутые нами, — как для нас, так и для Сербии, — а также положение на фронте, от которого может зависеть конец (войны). Для меня ясно, что если Франция и Англия были бы вынуждены отказаться из-за нас от итальянского союза и согласиться на все возможные последствия этого факта, то результаты этого сказались бы на моральных взаимоотношениях между нами и ими, в чем я не предвижу ничего хорошего и от чего, несомненно, сильно бы пострадали наши интересы. Ничто не могло бы заставить эти правительства простить сделанную ими ошибку. Таковы соображения, на которые я должен обратить ваше внимание, отстаивая вместе с тем ваши инструкции не только со всей настойчивостью, каковую я в состоянии внести в это дело, но и со всей силой моего убеждения; это тем более осуществимо, что английское и французское правительства увидят, что вы отдаете себе ясный отчет в положении, которое для них создается.

Бенкендорф.

№ 463. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 190 [1]. 1 апреля/19 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши №№ 1462 [2], 1469 [3], и 1470 [4].

Объяснился с Делькассе по их содержанию. Я нашел его под сильным впечатлением только что полученного известия, что Грей уехал вчера из Лондона. Делькассе полагает, что переговоры с Италией окончательно прерваны и глубоко об этом сожалеет. Он повторил мне известные уже вам аргументы, особенно настаивая на том, что Сербия, которая в результате войны, вероятно, утроит пространство своей территории, по последнему проекту Грея получила бы около 300 километров Адриатического побережья. Он не разделяет вашей уверенности, о которой телеграфирует Палеолог, что Италия во всяком случае должна будет присоединиться к державам Согласия. Германия сознает, что подобное выступление Италии, а за нею Румынии, Болгарии и Греции грозит ей гибелью. Поэтому она, конечно, употребит чрезвычайные средства, чтобы привлечь эти державы на свою сторону. Она может воспользоваться тем, что Австрия как будто помышляет об отдельном мире и под этим предлогом предложить Италии и Румынии, вмешавшись, поделить австрийские владения. Я употребил все усилия, чтобы разъяснить Делькассе вашу точку зрения, но должен сознаться, что никогда не видел его столь озабоченным и мрачно настроенным.

Извольский.

№ 464. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 348 [5]. 1 апреля/19 марта 1915 г.

Лично.

Престолонаследник доверительно поведал мне, что генерал Пэджет рассказал ему по возвращении из Болгарии о своем разговоре с королем Фердинандом [6]. Когда последний сказал, между прочим, что ли-

---

[1] Опубл. Stieve, S. 185.

[2] См. № 450.

[3] См. стр. 58, прим. 2.

[4] См. № 456.

[5] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 272.

[6] Тел. от 16/3 марта за № 137 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 262) Савинский сообщил следующее о результатах беседы Пэджета с Фердинандом: «Король сказал, что позовет завтра же на совещание своего первого министра. Пэджет

ния Энос — Мидия не настолько интересует сама по себе Болгарию, чтобы она из-за этого пошла на войну с Турцией, генерал сказал: «А Константинополь?» — «Ну, что же Константинополь, мы туда придем, чтобы уйти», — возразил король. — «Отчего?» — спросил Пэджет, — «может так случиться, что вы там и останетесь. Мы с Францией можем не всегда остаться союзниками России, и тогда для нас будет лучше, чтобы в Константинополе были вы». Король ответил на это театральным жестом. Престолонаследник подчеркнул, что беседа Пэджета с ним была доверительного характера и что генерал Пэджет сам не придает своим заявлениям характера политического авторитета, однако слова посланца английского короля могли глубоко запасть в воображение царя Фердинанда, как в силу его мегаломании, так и ввиду того, что в Болгарии все время рассчитывают на антагонизм английских интересов с нашими. Беседа эта лишний раз указывает, насколько необходимы самые точные гарантии как наших прав, так и условий военного сотрудничества болгар, если бы оно состоялось. Не могу не добавить, что разговор, подобный указанному, не подвигает, а замедляет выступление Болгарии, раз самые фантастические ее притязания получают такого рода поощрение.

Трубецкой.

№ 465. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 1504. 2 апреля/20 марта 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Италия недавно вступила в переговоры с Англией, Францией и Россией в видах заключения с ними союза для совместных действий против Австрии, Турции и Германии. По требованию римского кабинета, переговоры эти должны вестись исключительно в Лондоне, и притом в строжайшей тайне. Притязания Италии, удовлетворением коих она обусловливает свое выступление, чрезвычайно велики и касаются не только итальянских земель Австрии, но и почти всей Адриатики, а также Малой Азии и африканских колоний.

Тем не менее, надеясь, что присоединение к нам Италии ускорит окончание войны, мы решили пойти широко навстречу ее пожеланиям.

придает этому значение и говорил мне при отъезде, что уверен, что Болгария накануне новой ориентировки». Радославов также сказал в тот же день Савинскому, «что он замечает в короле желание сблизиться с нами и что он этому лично очень сочувствует». (Ср. ч. 1, стр. 515, прим. 3).

После целого ряда весьма существенных уступок, мы согласились предоставить Италии, под условием немедленного заключения союза и действительного ее выступления не позже конца апреля нового стиля, Трентино, итальянский Тироль, Горицу, Градиску, Триест, Истрию, часть островов в Кварнеро, Далмацию от Зары до мыса Планка, включая Себенико, четыре острова: Лисса, Бузи, Кацца и Лагоста, а также Валону, не говоря о приобретениях, которые Италия должна еще получить за счет Турции в Малой Азии и Архипелаге. Кроме того, державы соглашаются на удовлетворение пожеланий Италии в смысле создания самостоятельного мусульманского государства в Албании со столицей в Дураццо при условии отдачи некоторых частей Албании соседним Сербии, Греции и Черногории. Согласие последовало еще на нейтрализацию сербского побережья и островов от мыса Планка до устья Наренты, а также полуострова Саббиончелло и Боки Которской и, наконец, на некоторые другие второстепенные требования Италии. Как ни велики однако все эти уступки, итальянское правительство настаивает на предоставлении Италии, сверх всего перечисленного, еще полуострова Саббиончелло и островов Курцола, Меледа и других, ссылаясь на необходимость, будто бы, оградить себя от возможного нападения подводных лодок, для коих эти острова и полуостров могли бы служить удобным убежищем. Последний довод едва ли заслуживает внимания, ибо смешно утверждать, чтобы господствующая на Адриатике Италия могла опасаться еще не существующего морского могущества Сербии, которой предполагается дать Далматинское побережье только от мыса Планки до черногорской границы с прилегающими островами.

Не могу поверить, чтобы Италия была способна порвать переговоры с нами из-за столь малого разногласия после того, как она заручилась нашим согласием на столько существенных уступок ее вожделениям. Во всяком случае мы не можем итти далее того, что мы согласились дать, так как общественное мнение в России никогда не примирится с тем, чтобы сербские интересы были принесены в жертву необоснованным требованиям Италии. Между тем, если последняя не договорится с нами и это станет известным Германии и Австрии, едва ли эти державы, убедившись в невозможности выступления Италии против них, согласятся сделать с своей стороны какие-либо уступки в ее пользу. В Риме должны были бы также помнить, что чрезмерной требовательностью за счет земель со славянским населением Италия создаст себе непримиримых врагов в сербах, хорватах и словинцах, что неизбежно приведет ее к столкновению с этими народами, тогда как в ее личных

интересах было бы поддерживать с ними добрососедские отношения.

Хочу верить, что государственный разум итальянских правящих кругов не допустит разрыва лондонских переговоров из-за остающихся незначительных разногласий и что Италия вскоре выступит против Австрии в союзе с теми тремя державами, которые одни могут обеспечить ей достижение ее национальных идеалов.

Вышеизложенное сообщается вам исключительно для вашего личного осведомления, а не для переговоров с министром иностранных дел.

Сазонов.

№ 466. Сообщение сербской миссии в Петрограде во II политический отдел министерства иностранных дел.

№ 461. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Королевская сербская миссия имеет честь сообщить второму политическому отделу императорского министерства иностранных дел для сведения телеграмму председателя совета министров, министра иностранных дел Пашича от [2 апреля] 20 марта сего года следующего содержания:

«Одна болгарская чета численностью в 2 000 четников вчера ночью вторглась в нашу территорию у города Струмицы. Эта чета, составленная из болгарских четников, намеревалась испортить железнодорожное полотно и уничтожить железнодорожные мосты между городами Гевгели и Скопле, так как на этой линии проходят большие транспорты для Сербии и по этим дорогам должны проехать генералы Пэджет и Д. Попович. Прошу немедленно об этом сообщить императорскому правительству и обратить внимание на то, что это уже пятый раз с начала войны, как из Болгарии приходят четы в одно и то же место с целью испортить линию и пресечь сообщение Сербии с Европой через Солунь, несмотря на то, что Болгария самым серьезным образом уверяла нас и державы Тройственного согласия, что она строго придерживается объявленного ею нейтралитета. Пашич»[1].

[1] Пам. запиской от 5 апр./23 марта за № 473 серб. миссия в Петрограде сообщила в подтверждение этой пам. записки дополнительные сведения, что «нападение четников было подготовлено на болгарской территории». В связи с этим Пашич просил росс. прав-во предпринять «энергичные меры» в Софии, потребовав от болг. прав-ва, чтобы оно не только запретило переход в Сербию чет, но и привлекло к ответственности лиц, подготовлявших эти четы вдоль серб. границы. Пам. запиской от 7 апр./25 марта Бьюкенен, сообщая, что с аналогичной просьбой Сербия обратилась к англ. прав-ву, указывал, что Грей сомневается в успехе такого обращения (ср. № 498).

№ 467. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

*/. Телеграмма № 1521. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

№ 465 [1] получен.

Когда китайские делегаты окончательно примут на следующем заседании конференции статью о торговом обложении в нашей редакции, не встречаем препятствий, чтобы вы предложили на обсуждение статью об юрисдикции согласно нашей телеграмме № 809 [2]. При этом, если бы затруднения к принятию китайцами этой редакции возникли из-за постановления, толкующего 7-ю статью Тяньцзинского договора [3], это толкование могло бы в виде уступки с нашей стороны быть исключено из текста тройного договора и изложено в виде отдельной декларации, обязывающей китайцев только перед российским, но не перед монгольским правительством.

Если бы китайские делегаты вернулись к вопросу об обложении китайских рабочих, благоволите заявить, что и в этом отношении китайцы, не пользующиеся экономической внеземельностью в автономной Монголии, должны подчиняться внутреннему законодательству монгольского правительства, одинаково распространяющемуся и на монгольских, и на китайских подданных.

В крайности мы могли бы согласиться включить в тройной договор постановление следующего содержания: «Купцы и ремесленники автономной Внешней Монголии и Китая будут в праве свободно проживать и передвигаться в обеих названных странах, при одинаковом к ним отношении и без каких-либо между ними различий».

Что касается статьи о телеграфной линии, то мы полагали бы изложить ее следующим образом: «Пролегающая по территории автономной Внешней Монголии часть телеграфной линии Кяхта—Урга—Калган будет составлять полную собственность правительства автономной Внешней Монголии. На границе этой страны и Внутренней Монголии имеет быть устроена передаточная телеграфная станция, обслуживаемая китайскими и монгольскими чиновниками. Вопросы о тарифе для передаваемых по этой линии телеграмм и о распределении ее до-

[1] Тел. от 1 апр./19 марта за № 465 Миллер, ссылаясь на тел. Крупенского за № 168 и тел. Сазонова за № 1455 (см. № 447 и стр. 47 прим. 2), сообщал, что следующее заседание конференции назначено на 5 апр./23 марта.

[2] См. № 257.

[3] См. № 17.

ходов между ее владельцами будут обсуждены и улажены особой технической комиссией из делегатов договаривающихся сторон».

[Сазонов.]

№ 468. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 1522. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 349 [1] получена.

Императорское правительство озабочено предоставлением Сербии широкого доступа к Адриатическому морю на Далматинском побережьи и не заключит никакого соглашения, которое противоречило бы этой цели. Но, как вы правильно заявили престолонаследнику, осуществление всех сербских вожделений не зависит от нас одних, и мы не можем исключительно руководствоваться ими. Приезд сюда Пашича был бы совершенно бесполезен и не мог бы внести что-либо новое в положение.

Сазонов.

№ 469. Поденная запись министерства иностранных дел.

3 апреля/21 марта 1915 г.

Приехал из ставки князь Кудашев, которому было поручено великим князем Николаем Николаевичем лично осведомиться относительно того, насколько распространившиеся в печати слухи, о сделанных Австрией предложениях заключить отдельный мир с Россией, соответствуют истине.

Барон Шиллинг использовал и это обстоятельство для того, чтобы в разговоре с посетившим его итальянским послом упомянуть о приезде князя Кудашева, «связанном с возбужденным недавно Австрией вопросом» [2].

№ 470. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 59. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Девятая телеграмма Сватковского [3]: Масарик сообщает из Женевы, что Крамарж просил его в предполагаемых им дипломатических сношениях за границей не препятствовать его плану Славянской империи

[1] См. № 460.

[2] Ср. № 441.

[3] Осведомитель м-ва ин. дел по вопросам, касавшимся славянских областей Австро-Венгрии.

под русской державой. Масарик согласен, но находит необходимым знать, разделяет ли Россия этот план, будет ли в силах осуществить и вообще чего хочет. Крамарж сообщает, что юго-славянские политики известили его о согласии с его планом и что допускают уступку Триеста. Прямые сообщения и прибывший в Рим доктор Мандич извещают о сильнейшем движении, вызванном в южном славянстве полемикой печати по адриатическому вопросу. Правда, итальянская печать весьма сдержанна относительно Далмации, доказывая тем несерьезность соответственных притязаний. Органы радикально-демократические подчеркивают их бестактность и несправедливость. Однако южные славяне заявляют, что могут допустить лишь уступку отдельных пунктов или побережья Венецианского залива, но не целых территорий с славянским населением. Планы Супило и Крамаржа, вообще славянская идея, имеют для них смысл лишь под условием недробления словинских и хорватских земель, иначе большинство населения примкнет к программе клерикалов, и как в 1878 году, решительно станет за временное господство Австрии и даже Венгрии, приняв добровольное участие в борьбе против Италии. Опубликованное Кетовым [1] заявление усилило тревогу представителей южно-славянского комитета в Риме, несмотря на мои старания их успокоить.

Крупенский.

В ставку.

Царское Село, [5 апреля] 23 марта 1915 г.

---

[1] Имеется в виду опубликованное в итал. газетах заявление представителя Петроградского телегр. аг-ва в Риме Кетова. В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 544, имеется следующий составленный Базили черновик этого заявления: «В некоторых видных органах итальянской печати за последнее время высказывалось мнение, что притязания Италии на Адриатическом море встречают со стороны России несочувственное отношение. По этому поводу представляется необходимым высказать следующее. Как русское правительство, так и русское общество проникнуты самыми дружественными чувствами по отношению к Италии. Стремление ее к завершению своего национального объединения находит в России полное сочувствие. Возможно более широкое проведение национального начала было всегда одной из основных целей русской политики. Помимо сего, сознавая значительность стратегических и экономических интересов Италии на Адриатическом море, Россия готова признать законность некоторых территориальных притязаний Италии, и не основанных на национальном начале. В своем желании дать и в этом направлении возможно более полное удовлетворение вожделениям Италии Россия не может однако не стремиться к тому, чтобы расширение итальянских притязаний на земли со славянским населением не

№ 471. Секретарь дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Телеграмма № 158. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Лично. Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил мне, что верховный главнокомандующий весьма озабочен последними сведениями о колебаниях Италии. Считая с военной точки зрения выступление Италии крайне желательным, верховный главнокомандующий опасается, что таковое может быть задержано чрезмерными притязаниями Сербии, затрудняющими переговоры. По мнению его императорского высочества, Сербия, в защиту которой мы начали войну, могла бы принести некоторые жертвы, тем более, что она во всяком случае будет в достаточной мере удовлетворена результатами победоносной войны. Было бы весьма прискорбно, если бы из-за разногласия по частному вопросу мы лишились нужной нам и союзникам нашим военной помощи Италии.

Муравьев.

№ 472. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 9281. 3 апреля/21 марта 1915 г.

По донесению нашего военного агента в Сербии утром [2 апреля] 20 марта около 600 болгар, в однообразной форме, с офицерами и пулеметами атаковали слабые сербские пограничные посты близ станции Струмицы, заставили их отступить и захватили два орудия; но подошедшие сербские подкрепления перешли в наступление, возвратили орудия и стали оттеснять болгар к границе. Подробности выясняются.

Янушкевич.

Сделать резкое представление Болгарии.

Царское Село, [3 апреля] 21 марта 1915 г.

создало такого положения, которое явилось бы источником нового международного конфликта в будущем. В России поэтому искренно желают, чтобы Италия не предъявляла в этом отношении чрезмерных требований. Что же касается приписываемых некоторыми газетами империалистических стремлений России на Адриатическом море, то полная неосновательность таких предположений очевидна, и в них нельзя не усмотреть влияния германских наущений». На оригинале имеется дата «31/18 марта 1915 г.» и две пометы рукой Базили: 1) «Кетову. Дайте газетам от себя, без ссылки на агентство, следующее сообщение» — и 2) «Опубликовано «Вестником» в Италии».

№ 473. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Письмо № 1860 [1]. 3 апреля/21 марта 1915 г.

Вследствие известной вашему высокопревосходительству телеграммы нашего посла в Париже касательно возникшего в неофициальных французских кругах течения в пользу разрешения вопроса о Проливах в нежелательном для нас смысле [2] имею честь с доклада верховному главнокомандующему высказать вам нижеследующие соображения, которые казалось бы необходимым сообщить гофмейстеру Извольскому в качестве оснований для защиты нашей точки зрения на этот вопрос.

Россией для овладения Проливами действительно пока затрачено сравнительно с ее союзниками мало усилий, но, во-первых, операция эта далеко еще не закончена и может в дальнейшем своем ходе потребовать значительно большего напряжения сил, к чему Россия в мере возможности и подготовляется [3]; во-вторых, относительно слабое участие наших сил в данной операции естественно вызывается общей стратегической обстановкой на Проливах, предоставляющей больший простор действий отрядам, атакующим со стороны Дарданел.

Вместе с тем казалось бы, что относительное количество сил союзников, совместно принимающих участие в той или другой части [4] операции, каковой по существу является операция на Проливах, в той

---

[1] Лит. копия. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 291.

[2] Янушкевич имеет в виду тел. Извольского от 28/15 марта за № 182 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 288), в которой последний, между прочим, сообщил следующее: «... в некоторых здешних влиятельных кругах продолжают высказываться в пользу международного устройства Константинополя и нейтрализации Проливов». Отмечая «весьма невыгодную обстановку», создавшуюся для России в связи с малым участием ее в операциях против Дарданелл, «вся тяжесть которых ложится на Францию и Англию», Извольский высказывался за необходимость, чтобы Россия «присвоила себе главную военно-морскую роль при занятии Константинополя».

[3] Тел. от 31/18 марта № 1466 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 164) в ответ на запрос Китченера Сазонов по поручению верх. главнокомандующего сообщил Бенкендорфу следующее: «численность сил, назначенных для действий против Константинополя, равняется одному корпусу в полном составе под командой ген. Истомина»; «время и место высадки должно быть определено по соглашению между адмиралом Эбергардом и адмиралом, командующим англо-французским флотом, коему будет подчинен наш адмирал». О данной адм. Эбергарду инструкции «войти в тесную связь с английским адмиралом, командующим союзным флотом в Дарданеллах, испрашивать у английского адмирала его пожелания и руководствоваться таковыми в действиях против Босфора» Сазонов известил Бенкендорфа тел. от 29/16 марта за № 1443 (опубл. там же).

[4] Так в оригинале; следует, повидимому, читать: «частной».

мировой войне, которая ведется ныне всеми союзниками, отнюдь не может служить основанием для пропорционального этим силам распределения тех территориальных приобретений, к которым может привести удачный оборот дел данной частной операции.

Мерилом для большего или меньшего приобретения реальных выгод, достигнутых победоносным окончанием войны, может служить лишь совокупность усилий и жертв, проявленных и понесенных каждым из союзников на всех театрах военных действий ради достижения конечной общей цели; независимо того, распределение этих выгод должно вместе с тем быть сообразовано с теми жизненными интересами, ради которых борются вступившие в союз державы.

За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено немало самопожертвования ради облегчения положения Франции на ее восточном фронте.

Ради облегчения этого положения Россия начала преждевременное наступление в Восточной Пруссии и заставила этим немцев, оставивших с началом войны на нашем фронте, не считая второочередных войск всего 9 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, уже в августе перебросить с западного фронта на наш 4 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию.

Затем предпринятый нами опять-таки ради облегчения положения наших союзников на западе и по их просьбе перенос действий на левый берег Вислы, который пришлось связать с добровольным отказом от представлявшегося возможным и выгодным предварительного разгрома австрийских армий, заставил немцев перебросить в ноябре с их западного фронта на наш еще 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

Наконец, в январе вновь было переброшено с западного фронта на наш 2 полевых дивизии.

В общем за истекший период войны всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Кроме того, из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны были перевезены против России 8 дивизий.

Весьма характерным является то обстоятельство, что за истекший период войны число первоочередных, то есть полевых и резервных, германских дивизий, по сравнению с началом войны увеличилось на нашем фронте с 9 пехотных и 1 кавалерийской дивизии до 31 пехотной[1] и 7 кавалерийских, тогда как на западном фронте число первоочередных пехотных дивизий, считая и принявший участие в сухопутных действиях корпус морской пехоты, совершенно не увеличилось и

[1] Общее же число германских пехотных дивизий на нашем фронте, считая и ландверные, доходит ныне до 50. (Прим. оригинала.)

осталось равным 72, а число кавалерийских уменьшилось с 10 на 4.

Таким образом Россия решительно не допустила за минувший период войны усиления германских войск против Франции и Англии, дав этим возможность своим союзникам приобрести численное превосходство в силах.

Необходимо при этом отметить, что наряду с постоянной переброской германских войск с западного фронта на наш, до сих пор не было еще ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный.

Россия крепко держит пред собою все то, что направляется противником против нее.

Одна приведенная справка о распределении германских сил к началу войны и теперь может служить ярким доказательством ценности услуг, оказанных союзникам Россией, которая поэтому имеет полное право рассчитывать, при благоприятном окончании войны, на благоприятное ей разрешение вопроса о Проливах, вызываемого жизненными интересами России.

Но значение России в общей борьбе союзников станет еще более рельефным, если вспомнить, что Россия притянула на себя всю австро-венгерскую армию силою, не считая ландштурма, до 46 пехотных дивизий, облегчив этим ведение переговоров с Италией и Румынией и отстранив новый удар против Сербии, и что Россия же нанесла уже грозный удар Турции на Кавказе под Сарыкамышем, приведший к упадку духа последней, и по настоящее время притягивает к себе на кавказском фронте свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте и Месопотамии.

Примите и пр. Н. Янушкевич.

№ 474. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде—Палеологу и Бьюкенену [1].

4 апреля/22 марта 1915 г.

D'après une communication de Sir G. Buchanan [2] son excellence Mr. Asquith a cru devoir accorder à l'Italie, en outre des quatre îles déjà

[1] Черновик написан рукой Шиллинга.

[2] Пам. запиской от 3 апр./21 марта Бьюкенен передал текст ноты, врученной 1 апр./19 марта Асквитом Империали, в которой он, выражая согласие держав на выставленные Италией территориальные притязания за исключением Далмации, следующим образом формулировал уступки в этой провинции: «1) Ита-

convenues, celle de Pelagosa au centre de l'Adriatique, et Mr. Sazonow s'empresse de déclarer que, pour sa part, il n'y voit aucune objection.

Mr. Sazonow partage également l'avis de son excellence Mr. Asquith qu'à l'article IV traitant de neutralisation, il serait indiqué de substituer, comme le suggère Sir R. Rodd, les mots de «point nord de la Province de Dalmatie» au mot de «Zara», cette nouvelle définition étant plus exacte. Par contre, Mr. Sazonow pense que pour le reste la formule proposée par Sir R. Rodd donne trop d'extension au principe de neutralisation. En effet, si la neutralisation de la côte dalmate jusqu'à la Narenta, de la péninsule de Sabbioncello, des îles et des Bouches de Cattaro ainsi que de la côte albanaise ne rencontre plus d'objections, il paraîtrait, au contraire, désirable de laisser à la Serbie au moins une petite partie de littoral libre de toutes servitudes.

C'est pourquoi, Mr. Sazonow préférerait renoncer, comme il l'a déjà dit, à la neutralisation de la partie de la côte dalmate et des îles qui doivent revenir à l'Italie, à condition que cette Puissance n'insiste pas sur la neutralisation de la côte dalmate depuis la péninsule de Sabbioncelle (qui serait neutralisée) jusqu'aux Bouches de Cattaro. Si l'Italie tenait à priver la Serbie même de cette satisfaction d'amour-propre national, il serait équitable d'imposer également à l'Italie la neutralisation de sa part de Dalmatie et des îles. Pour ce qui est du littoral entre les Bouches de Cattaro et le futur Etat Albanais, Mr. Sazonow croit qu'il serait également désirable de lever les servitudes imposées par le traité de Berlin[1] et de donner ainsi satisfaction au Monténégro, d'autant plus

---

лия получает острова Лисса, Бузи, Каццо, Лагоста и Пелагоза; 2) Италия получает Адриатическое побережье с прилегающими островами от мыса Планка до границы Далмации; 3) остальная часть Далматинского побережья, включая полуостров Саббиончелло, от черногорской границы до мыса Планка с прилегающими островами отойдет к Сербии; 4) все острова, расположенные вдоль берега от Зары до устья Наренты, а также Каттарская бухта, будут нейтрализованы». В пам. записке от 4 апр./22 марта Бьюкенен сообщил, что по поводу четвертого пункта этой ноты англ. посол в Риме Родд предложил следующую формулу: слово «Зара» заменить выражением «северный пункт провинции Далмации», а «устье Наренты» заменить словом «Воюса», включая таким образом в линию нейтрализации все побережье, отходящее к Сербии. Соглашаясь с формулой Родда, Асквит запрашивал мнение Савонова.

[1] Соответствующая часть статьи 29-й Берлинского трактата от 13/1 июля 1878 г. читается: «Черногория не может иметь ни военных судов, ни военного флага.

Порт Антивари и все вообще воды Черногории останутся закрытыми для военных судов всех наций.

que pratiquement il ne saurait en résulter quoi que ce soit de menaçant pour la sécurité de l'Italie.

Перевод.

Согласно сообщению сэра Дж. Бьюкенена, его превосходительство г. Асквит счел нужным предоставить Италии, помимо четырех островов, о которых договорились, остров Пелагозу в центре Адриатики, и г. Сазонов спешит заявить, что с своей стороны он не находит никаких к тому возражений.

Г. Сазонов равным образом разделяет мнение его превосходительства г. Асквита, что в IV статье, говорящей о нейтрализации, было бы целесообразно заменить, как предлагает сэр Р. Родд слово «Зара» словами: «северный пункт провинции Далмации» ввиду того, что это новое определение является более точным. Наоборот, г. Сазонов думает, что в остальном формула, предложенная сэром Р. Роддом, слишком расширяет принцип нейтрализации. Действительно, если нейтрализация Далматинского побережья до Наренты, полуострова Саббиончелло, островов и Каттарской бухты, а равно Албанского побережья не встречает больше возражений, то казалось бы, наоборот, желательным оставить Сербии, по крайней мере, небольшую часть побережья свободной от всякого рода сервитутов.

Поэтому г. Сазонов предпочел бы отказаться, как он уже говорил, от нейтрализации части Далматинского побережья и островов, которые должны отойти к Италии, при условии, чтобы эта держава не настаивала на нейтрализации Далматинского побережья от полуострова Саббиончелло (который был бы нейтрализован) до Каттарской бухты. Если Италия желала бы лишить Сербию удовлетворения национального самолюбия даже в этом отношении, то было бы справедливо равным образом настоять перед Италией на нейтрализации отходящих к ней части Далмации и островов. Что касается побережья между Каттарской бухтой и будущим Албанским государством, то г. Сазонов считает, что было бы равным образом желательно отменить сервитуты, наложенные Берлинским трактатом и дать таким образом удовлетворение Черногории, тем более, что из этого не могло бы произойти ничего угрожающего для безопасности Италии.

Укрепления, находящиеся между озерами и прибрежьем на черногорской территории, будут срыты, и никакие новые не могут быть возводимы в этой черте.

Полицейский надзор, морской и санитарный, как в Антивари, так и вдоль всего Черногорского побережья будет производить Австро-Венгрия, посредством легких сторожевых судов.

Черногория введет у себя действующие ныне в Далмации морские узаконения. Австро-Венгрия, с своей стороны, обязуется оказывать чрез своих консулов покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногория должна войти в соглашение с Австро-Венгрией касательно права постройки и содержания дороги и рельсового пути чрез новую черногорскую территорию.

Полная свобода сообщений будет обеспечена на этих путях». См. также стр. 177, прим. 3.

№ 475. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

./. 4 апреля/22 марта 1915 г.

His Majesty's Ambassador at Rome has most earnestly urged His Majesty's Government to examine the following considerations which represent the views of the Italian Minister for Foreign Affairs. The latter said that he must of course consult the Italian Prime Minister, but that his own view was most decidedly to the effect that, if Italy's proposals were rejected, she would not be justified in entering the war and thereby incurring the grave responsibility inseparable from such a course. It would be one thing, if she were already engaged in war, to accept the solution proposed by the Allies as a mean of ending the war; it was quite another matter to provoke war when mere neutrality might, in certain eventualities, secure concessions to Italy and when many elements in the country were opposed to it.

Italy had no satisfactory or safe naval base at present, and it would be in order to convert the Adriatic into such a base that she would risk the hazard of war.

Russia might become the future leading naval Power in the Mediterranean if she were to obtain control at Constantinople; and Italian naval experts were of opinion that the entire value of Pola could be neutralized and the whole of Italy's Adriatic coast exposed to danger in the event of a strong enemy establishing a submarine or naval base in the Curzola islands which were regarded as the political key to the Adriatic. Experience had proved that the danger could not be eliminated simply by neutralization and that an adequate guarantee was the only possible safeguard.

It could not be maintained that Valona really closed the Adriatic. Only by the construction of works so powerful as to put them beyond contemplation could it be converted into a real naval base or a defensive station. It was only in order to prevent other Powers from going there that Italy had occupied Valona.

Italy could not accept the neutralization of that part of the coast and of the islands which it is suggested she should obtain. The future of the Croatian coast was not clear, but it was not to be neutralized. The southern road from Fiume passed through Zara. Italian naval defences would be limited by the neutralization of the coast of Dalmatia and the islands to the extreme north of the Adriatic; and, with the exception of the fact that the Servian coast would be neutralized, the larger part of the Italian

coast would have no surer guarantee of security than it had at the present moment. The small islands enumerated in the Aide-Mémoire given to the Italian Ambassador in London[1] had, even if not neutralized, little or no value.

The Italian Minister for Foreign Affairs said that whatever happened we remained good friends at present; but that, if these proposals were the Allies' last word he would have to advise that Italy should maintain her neutrality and take her chance of obtaining what she could, and that the negotiations should be terminated. He was afraid that things were tending in this direction.

Sir R. Rodd thinks that the Prime Minister will take the same line as the Minister for Foreign Affairs who is the dominant personality.

Sr. Sonnino said that the other great inducements besides those in the Adriatic of which Sir R. Rodd had spoken were limited to admitting Italy into the eventual discussions on the subject at the conclusion of the war. Considerable claims had been already actually earmarked by other Powers in that region, and it was a vital interest to an exclusively Mediterranean Power that the equilibrium of the Eastern Mediterranean should be maintained. Therefore the prospect of obtaining absolute security for Italy in the Adriatic both now and for the future was the one thing which an Italian statesman could definitely advance as an inducement to his country to go to war.

Sir R. Rodd states that Sr. Sonnino is very frank with him and gives free expression to his thoughts, and His Majesty's Ambassador thinks that this is His Excellency's final view. The Allies are therefore in Sir R. Rodd's opinion, confronted with an issue which can only be regarded as critical. They can, by not insisting on the application to the Italian acquisitions of very unreliable conditions of neutralization and by agreeing to Italy occupying the Curzola Islands together with the Sabbioncello Peninsula (to be neutralized together with the Servian coast), gain the immediate cooperation of Italy, thus ensuring that of Roumania and possibly that of all the other Balkan states.

Sir R. Rodd thinks that if Italy does not cooperate he can guarantee her remaining neutral; though, if she retains a hope of obtaining concessions from Austria as the price of her neutrality that neutrality might very easily become less benevolent as regards the passage of contraband of war. By indiscretions as to the offers made to her by the Allies she might even enhance that price, while even her neutrality might not be

[1] См. стр. 81, прим. 2.

permanently assured in certain eventualities which Sir R. Rodd hopes will not arise.

Sir R. Rodd points out that Italian cooperation involves the sacrifice of Dalmatia, a province the unity of which is already sacrificed by the conditions to which the Allies agreed and he asks whether for the sake of the Curzola islands we can afford to renounce Italian cooperation.

His Majesty's Ambassador has been instructed to ascertain Mr. Sazonow's views on the above telegram and expresses the hope that we may be furnished with them at His Excellency's earliest possible convenience.

Перевод.

Посол его величества в Риме обратился с весьма настоятельным предложением к правительству его величества обсудить следующие соображения, излагающие точку зрения итальянского министра иностранных дел. Последний заявил, что он, конечно, должен посоветоваться с итальянским премьер-министром, но что, по его собственному мнению, совершенно несомненно, что если предложения Италии будут отвергнуты, то ее вступление в войну и вытекающая отсюда серьезная ответственность, неизбежная при таком направлении политики, не могут быть оправданы. Одно дело, если бы Италия, уже находясь в состоянии войны, приняла предложение союзников, как способ окончания войны; но совершенно другое дело — вступить в войну, когда простое соблюдение нейтралитета могло бы, при известных обстоятельствах, доставить Италии ряд преимуществ и когда многие элементы в стране настроены против войны.

В настоящее время Италия не имеет удовлетворительной безопасной морской базы, и она пошла бы на риск войны с целью обратить Адриатику в такую базу.

Россия может в будущем стать руководящей морской державой в Средиземном море, если она получит контроль над Константинополем; и итальянские морские эксперты полагают, что все значение Полы могло бы быть сведено на-нет и всему Адриатическому побережью Италии грозила бы опасность в том случае, если б могущественный враг устроил морскую базу или базу для подводных лодок на островах Курцолы, которые считаются политическим ключом к Адриатике. Опыт показал, что эта опасность не может быть устранена одной только нейтрализацией и что достаточная гарантия является единственно возможным обеспечением.

Нельзя утверждать, что Валона действительно замыкает Адриатику. Лишь посредством возведения столь мощных укреплений, что о них говорить не приходится, она могла бы быть обращена в настоящую морскую базу или оборонительную станцию. Только для того, чтобы не допустить туда других держав, Италия заняла Валону.

Италия не могла бы согласиться на нейтрализацию той части побережья и островов, которые, как предполагается, она получит. Будущее хорватского побережья неясно, но оно не должно быть нейтрализовано. Южный путь из Фиуме проходит через Зару. Морская оборона Италии была бы ограничена нейтрализацией Далматинского побережья и островов на крайнем севере Адриатики; и за исключением того факта, что сербское побережье будет нейтрализовано,

большая часть итальянского побережья не будет иметь более серьезных гарантий безопасности, чем та, которой она располагает в настоящий момент. Малые острова, перечисленные в памятной записке, врученной итальянскому послу в Лондоне, если даже они не будут нейтрализованы, имеют либо небольшое значение, либо даже никакого.

Итальянский министр иностранных дел сказал: что бы ни случилось, мы останемся в настоящее время добрыми друзьями, но если эти предложения являются последним словом союзников, то он будет советовать, чтобы Италия оставалась нейтральной и постаралась бы самостоятельно добиться того, что ей удастся; переговоры же будут прекращены. Он опасается, что события развиваются в этом направлении.

Сэр Р. Родд думает, что премьер-министр согласится с мнением министра иностранных дел, влияние которого является преобладающим.

Г. Соннино сказал, что, помимо соображений, касающихся Адриатики, о которых упоминал сэр Р. Родд, другой важный побудительный повод обусловлен допущением Италии к предстоящим переговорам по окончании войны. Значительные притязания в этой области уже теперь заявлены другими державами, и насущным интересом для исключительно средиземноморской державы является то, чтобы равновесие в восточной части Средиземного моря было сохранено. Поэтому перспектива получения для Италии полной гарантии в Адриатике как в настоящем, так и на будущее время, является единственным доводом, который мог бы выставить итальянский государственный деятель как основание для вступления его страны в войну.

Сэр Р. Родд указывает на то, что г. Соннино весьма откровенен с ним и вполне свободно высказывает ему свои мысли; посол его величества думает, что это окончательное мнение его превосходительства. Поэтому союзники, по мнению сэра Р. Родда, поставлены в такое положение, которое следует признать критическим. Они могут, не настаивая на применении к итальянским приобретениям весьма шатких условий нейтрализации и согласившись на занятие Италией Курцольских островов вместе с полуостровом Саббиончелло (имеющих быть нейтрализованными наравне с сербским побережьем), добиться немедленного участия Италии в войне и обеспечить этим выступление Румынии, а может быть, и всех других балканских государств.

Сэр Р. Родд думает, что если Италия не присоединится к союзным державам, то он может гарантировать, что она останется нейтральной, хотя, если у нее появится надежда на получение от Австрии уступок в качестве вознаграждения за ее нейтралитет, то этот нейтралитет может легко стать менее благожелательным в вопросах о пропуске военной контрабанды. Разглашением предложений, сделанных ей союзниками, она даже может поднять цену; что касается ее нейтралитета, то он не может быть навсегда обеспечен в случае некоторых обстоятельств, которые, как надеется сэр Р. Родд, не возникнут.

Сэр Р. Родд указывает, что содействие Италии влечет за собой жертву по отношению к Далмации, — области, единство коей уже принесено в жертву в силу условий, на которые пошли союзники; он спрашивает, можем ли мы из-за Курцольских островов отказаться от итальянского содействия.

Посол его величества получил предписание выяснить точку зрения г. Сазонова на приведенную выше телеграмму и выражает надежду, что мы узнаем ее в самое ближайшее время, как только это найдет возможным его превосходительство.

№ 476. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

4 апреля/22 марта 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy has been instructed to communicate to the Imperial Government the substance of a conversation which Mr. Asquith had with the Roumanian Minister yesterday. At this interview the Roumanian Minister explained to the Prime Minister that Sir E. Grey had a few days ago enquired of him whether the Roumanian Government had any objection to Sir Edward informing the Italian Ambassador in London that Roumania wished to join the Powers of the Triple Entente. The Roumanian Minister now said, under instructions, that the Roumanian Government would prefer that the matter should be discussed by the British Ambassador at Rome with the Italian Minister of Foreign Affairs; he also said that the Roumanian Government regarded it as an essential condition that if Roumania took part with the Allies Italy should also do so.

The Roumanian Minister was thereupon reminded by Mr. Asquith that on March 25th [1] it had been expressly stated by him that the cooperation of Italy was not a condition of Roumania's joining the Allies, and he was asked by Mr. Asquith whether he had now received instructions to withdraw that statement or to qualify it. He replied that this was not the case, that his Government attached overwhelming importance to Italian cooperation but still did not regard it as a condition.

The Roumanian Minister further said that an impression prevailed at Bucharest to the effect that Italy was being kept at arm's length by the Allies and that she was being given to understand that it was not a matter of importance or urgency that she should cooperate. The Prime Minister then thought it necessary to inform the Roumanian Minister, with a view to his bringing the information confidentially to the knowledge of Mr. Bratiano that certain communications were passing between the Allies and Italy, but that at the present stage he was unable to state the nature of these communications or the result to which they would probably lead. The importance of Roumania's military preparations being hurried on was impressed by Mr. Asquith on the Roumanian Minister.

Перевод.

Посольство его британского величества получило указание сообщить императорскому правительству содержание разговора, который г. Асквит имел вчера

[1] Ср. № 429.

с румынским посланником. При этом свидании румынский посланник заявил премьер-министру, что сэр Э. Грей несколько дней назад спросил у него, имеет ли румынское правительство что-либо против того, чтобы сэр Эдуард уведомил итальянского посла в Лондоне, что Румыния желает присоединиться к державам Тройственного согласия. Румынский посланник, получивший соответствующие инструкции, заявил теперь, что румынское правительство предпочитало бы, чтобы вопрос был обсужден британским послом в Риме с итальянским министром иностранных дел. Он также сказал, что он считает существенным условием, чтобы в случае, если Румыния выступит на стороне союзников, Италия поступила бы так же.

Г. Асквит после того напомнил румынскому посланнику, что 25 марта им было определенно заявлено о том, что сотрудничество Италии не является непременным условием для присоединения Румынии к союзникам, и спросил его, получил ли он теперь инструкции взять обратно это заявление или ограничить его. Он ответил, что подобных инструкций он не получил и что его правительство, придавая весьма большое значение сотрудничеству Италии, все же не рассматривает его как условие.

Затем румынский посланник сказал, что в Бухаресте преобладает мнение о том, что союзники держат Италию несколько в стороне и что ей было дано понять, что ее содействие не является важным или неотложным вопросом. Премьер-министр счел тогда нужным сообщить румынскому посланнику с тем, чтобы он передал это доверительно г. Братиану, что некоторый обмен мнений происходит между союзниками и Италией, но что он в настоящее время не может уточнить ни характер этого обмена мнений, ни результаты, к которым он, вероятно, приведет. Вместе с тем г. Асквит указал румынскому посланнику на важность ускорения военных приготовлений Румынии.

№ 477. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1526. 4 апреля/22 марта 1915 г.

Très personnel.

Ne puis vous cacher certain étonnement que m'a causé votre télégramme No 227 [1]. Les observations dont vous parlez m'avaient été dictées par la volonté de sa majesté l'empereur et la connaissance exacte de l'esprit qui guide l'opinion publique en Russie. Seuls ces facteurs essentiels de notre politique sont appelés à tracer notre ligne de conduite. D'ailleurs, je n'ai jamais perdu de vue les intérêts de nos alliés et c'est uniquement par égard pour eux que la Russie a consenti déjà à un si grand nombre de concessions aux exigences démesurées de l'Italie.

Sazonow.

---

[1] См. № 462.

Перевод.

Совершенно лично.

Не могу скрыть от вас некоторого удивления, вызванного вашей телеграммой № 227. Замечания, о которых вы говорите, были продиктованы мне волей его величества государя и полной осведомленностью о настроениях общественного мнения в России. Только эти существенные факторы нашей политики призваны предопределять линию нашего поведения. Я никогда впрочем не терял из виду интересов наших союзников, и исключительно из уважения к ним Россия уже согласилась на столь большое количество уступок непомерным притязаниям Италии.

Сазонов.

№ 478. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

./. Телеграмма № 1530. 4 апреля/22 марта 1915 г.

Сообщается в Афины, Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 113 [1].

Я считаю весьма опасным занятие греческими войсками какой-либо части спорной Македонии ранее открытого присоединения Греции к державам Согласия. Вступление греков в Дойран побудит болгар к немедленному выступлению, что неминуемо повлечет за собою столкновение с Грецией и толкнет Болгарию во враждебный нам лагерь.

Благоволите обратить на вышеизложенное самое серьезное внимание сербского правительства.

Сазонов.

№ 479. Поденная запись министерства иностранных дел.

4 апреля/22 марта 1915 г.

В день пасхи итальянский посол обратился по телефону к барону Шиллингу с просьбой устроить ему в тот же день свидание с министром иностранных дел для сообщения ему известия, не терпящего отлагательства. Принятый министром в $6^1/_2$ часов вечера, маркиз Карлотти прочел полученную им из Рима телеграмму, в которой ему сообщалось для сведения, что ввиду отказа союзников в требованиях Италии касательно полуострова Саббиончелло и близлежащих островов, барон Соннино телеграфировал в Лондон маркизу Империали, что Италии, вероятно, придется порвать переговоры и озаботиться об обеспечении своих интересов другими способами. С. Д. Сазонов возразил

[1] Тел. от 3 апр./21 марта за № 113 Демидов сообщил, что Гунарис, предупредив серб. посланника о готовящемся нападении болг. четы на г. Дойран, предложил занять его греч. войсками.

послу, что считает эти требования Италии неприемлемыми, и указал на значительность сделанных уже уступок. Министр вынес впечатление, что Италия в сущности боится вступить в войну, даже против разбитой Австрии, и что ее упорство в указанном вопросе объясняется скорее всего желанием по возможности оттянуть заключение договора, который поставил бы ее в необходимость приступить к военным действиям.

Почти одновременно с итальянским послом, около 7 часов вечера, приехал к министру и великобританский посол, который привез полученное им из Лондона подтверждение сообщенного маркизом Карлотти известия с той лишь разницей, что вышеупомянутые слова Соннино были сказаны им английскому послу в Риме, а не переданы официально маркизу Империали в Лондон [1].

Ввиду нового настойчивого обращения посла по поручению Асквита с просьбой изыскать способ для примирительного решения вопроса во избежание разрыва переговоров, С. Д. Сазонов сказал Бьюкенену, что он обдумает это дело, но не может дать никакого ответа до вторника, когда он будет иметь случай представить вопрос на благоусмотрение государя императора.

Зашедший тем временем от министра к барону Шиллингу итальянский посол казался весьма встревоженным возможностью прекращения лондонских переговоров и даже не скрыл испытываемой им досады по поводу образа действий его правительства. Намекая на наш недавний разговор об австрийских предложениях России [2], барон Шиллинг сказал послу, что непримиримость римского кабинета наводит на мысль о необходимости обеспечить наши интересы помимо Италии. На вопрос посла, сделано ли нами уже что-нибудь в этом направлении, барон Шиллинг ответил: «Будьте уверены, что мы примем меры к тому, чтобы не сесть между двух стульев. Домогательства Италии в отношении Далмации грозят создать такое положение, при котором в ближайшем будущем станет неизбежной война между Сербией и Италией. Таким образом, если даже допустить, что римскому кабинету удастся сейчас вырвать из рук держав осуществление всех своих требований, это будет лишь маленьким мимолетным личным успехом Соннино, за который впоследствии Италия заплатит дорогой ценой».

Разделяя в сущности эту точку зрения, Карлотти (хотя и сам с ма-

---

[1] См. № 475.

[2] См. №№ 441 и 469.

теринской стороны еврейского происхождения) не вытерпел и воскликнул: «Sonnino n'est qu'un petit juif qui cherche à faire une grosse affaire» [1].

№ 480. Посланник в Софии министру иностранных дел.

°/. Телеграмма № 191. 4 апреля/22 марта 1915 г.

Копия в Ниш.

Ссылаюсь на телеграмму Трубецкого № 359 [2] и мою № 189 [3].

В № 189 я уже высказал мысль о совместном заявлении в Софии, как единственном средстве, от которого можно ожидать практических последствий. Вопрос, который, по словам Трубецкого, Пашич полагает поставить в Софии, обречен по-моему на неуспех в виду явной недобросовестности болгарского правительства, которое, если не принимает участия в организации четнических нападений, во всяком случае закрывает глаза на деятельность австрийцев и купленных ими македонцев. Доказательством правильности моей мысли может служить полученная вчера же вечером сербским посланником длинная вербальная нота довольно резкого характера, опровергающая версию телеграммы сербского «Press-Bureau» и сваливающая всю вину происшедшего на сербов и на их жестокое обращение с турецким населением сербских провинций. Нота категорически отрицает всякое участие не только болгарских военных, но и комитаджей, указывает на добросовестную охрану болгарскими пограничными властями сербских постов и приглашает сербское правительство воздерживаться впредь от инцидентов, могущих иметь чрезвычайно важные последствия. При наличности такого настроения и во внимание к важности положения считаю серьезное предупреждение трех держав в Софии вполне целесообразным.

Савинский.

---

[1] «Соннино только маленький еврей, который хочет сделать большое дело».

[2] Тел. от 3 апр./21 марта за № 359 Трубецкой, сообщая о намерении Пашича запросить болг. прав-во, какие меры оно намерено принять против повторения случаев нападения болг. чет на серб. территорию, предлагал сделать совместное заявление держав Согласия софийскому кабинету, что «попустительство четам лишает его возможности рассчитывать на вознаграждение за нейтралитет».

[3] Тел. от 2 апр./20 марта за № 189 Савинский сообщил, что на запрос его по поводу нападения болг. чет на серб. территорию Радославов и Фичев отвечали «незнанием, отрицанием и, в крайнем случае, допущением австрийского влияния и подкупа». Савинский считал желательным, чтобы три посланника «сделали совместно энергичный шаг протеста».

№ 481. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 365. 4 апреля/22 марта 1915 г.

Копии в Афины и Софию.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 113 [1].

Предложение греков занять Дойран отклонено сербами, усматривающими в нем стремление Греции утвердиться в этом городе. Вместе с тем нападение болгар, обостряя здесь всеобщее недовольство против них, крайне озабочивает Пашича. Своим столь же недобросовестным, как и бессмысленным образом действий нынешнее болгарское правительство создает непреодолимые трудности нашим стараниям примирить оба народа, и не вижу, как можно будет добиться от сербов какой-либо оплаты за подобный нейтралитет. Не представляется ли возможным заявить в Софии, что вследствие нежелания или неумения болгарского правительства соблюдать нейтралитет, за который были обещаны земельные приращения, Болгария может отныне рассчитывать на таковые лишь в случае совместного с нами выступления.

Трубецкой.

№ 482. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 142. 4 апреля/22 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы прошлого года за №№ 590 и 608 [2].

Согласно сообщению Тоунлея, лондонским кабинетом было обращено внимание стокгольмского правительства на превышение здешними шведскими офицерами власти, нарушение ими нейтралитета в пользу наших врагов и враждебные действия против Англии и России [3]. Шведское правительство, будто бы, высказалось в том смысле, что не считает офицеров виновными, но ничего не имеет против их удаления из Персии во избежание дальнейших недоразумений и конфликтов, для чего необходимо непосредственное соглашение с шахским правительством. Тоунлей намеревается представить соображения о желательности удаления шведских инструкторов, примкнувших к нашим врагам и возбуждающих против нас персов, и просил меня о поддержании его представления перед вашим высокопревосходитель-

---

[1] См. стр. 90, прим. 1.

[2] См. т. VI, № 589 и т. VI, ч. 2, стр. 155, прим. 2.

[3] Согласно тел. Бенкендорфа от 26/13 марта за № 208 англ. прав-во предъявило швед. прав-ву ноту с перечислением всех враждебных Англии актов швед. офицеров в Фарсе и требовало немедленного их отозвания с Юга Персии.

ством. Считаю, что следовало бы воспользоваться настоящей минутой для ликвидации вредной для нас шведской организации, сделав для начала тождественное с англичанами заявление в Стокгольме. Таковой шаг, поддержанный выступлением в Тегеране, произведет моральное впечатление на зарвавшихся персов-политиков, показав, что Россия и Англия попрежнему являются хозяевами положения. В предвидении ухода некоторых шведов, позволяю себе напомнить о необходимости пополнить офицерский кадр казачьей бригады, хотя бы нестроевыми офицерами. Во избежание дезорганизации жандармерии с уходом шведов можно было бы привлечь преданного нам американского полковника Мерриля, последние годы служившего в жандармерии и знакомого с местной обстановкой [1].

Коростовец.

№ 483. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

5 апреля/23 марта 1915 г.

Le ministre de Russie à Athènes a été invité de se joindre à ses collègues de France et de Grande Bretagne [2] pour porter à la connaissance

[1] Тел. от 8 апр./26 марта за № 1573 Сазонов предписал Коростовцу поддержать выступление Тоунлея, «предъявив вместе с тем также требование об увольнении шведских инструкторов на Севере». Извещая об этом в тот же день Бенкендорфа тел. за № 1579, Сазонов добавлял: «Так как выступление Тоунлея в свое время было поддержано нашей миссией, мы надеемся, что Грей предпишет Тоунлею в свою очередь поддержать энергично и наше требование». Тел. от 14/1 апр. за № 246 Бенкендорф известил Сазонова, что «Марлингу будет предписано поддержать наше требование о выезде из Северной Персии шведских офицеров». Предвидя такой финал, швед. офицеры уже в конце 1914 г. искали удобного случая для расторжения контракта с перс. прав-вом. Так, например, начальник жандармерии ген. Яльмарсен пытался «предложить свои услуги» кит. прав-ву (тел. Малевского от 15/2 апр. за № 113). Весь вопрос упирался в неустойку по контракту. Однако тел. от 17/4 апр. за № 254 Бенкендорф передал Сазонову заявление Никольсона, что «было бы желательно дать понять в столице Швеции, что Россия и Англия готовы гарантировать увольняемым с персидской службы шведам возможно широкие неустойки при непременном однако условии, что уволенные шведы немедленно же покинут пределы Персии».

Вопрос о заместителе ген. Яльмарсена на посту начальника жандармерии был также разрешен полюбовно обоими прав-вами. Они согласились на кандидатуру американца Мерриля.

[2] Тел. от 4 апр./22 марта за № 1531 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 133) Демидову было поручено сделать соответствующее заявление совместно со своими коллегами.

de Mr. Gounaris que les alliés ayant pris acte de ses déclarations concernant la continuité entre la politique de l'ancien et celle du nouveau Cabinet [1], restent de leur côté disposés à accorder à la Grèce les compensations territoriales dans le vilayet d'Aidin. Ces promesses sont cependant strictement subordonnées à l'entrée immédiate en action de la Grèce. Un retard éventuel libérerait les alliés de tout engagement vis-à-vis du gouvernement hellénique [2].

Перевод.

Российскому посланнику в Афинах было предложено присоединиться к своим французскому и великобританскому коллегам, дабы довести до сведения г. Гунариса, что союзники приняли к сведению декларацию касательно преемственности между политикой бывшего и нового кабинета, и со своей стороны склонны предоставить Греции территориальные компенсации в Айдинском вилайете. Эти обещания однако строго обусловливаются немедленным выступлением Греции. В случае промедления союзники будут считать себя свободными от всякого обязательства в отношении эллинского правительства.

№ 484. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде—Палеологу и Бьюкенену.

5 апреля/23 марта 1915 г.

Les gouvernements de France et de Grande Bretagne étant tombés d'accord sur la proposition de son excellence Sir E. Grey [3], Mr. Sazonow est prêt à s'associer à une démarche à Sofia dans le but de s'assurer, si le gouvernement bulgare est disposé à faire cause commune avec les alliés. Mr. Sazonow ne se dissimule cependant pas le peu de chances d'aboutir que peut avoir ce sondage en égard à l'orientation politique indécise du Cabinet bulgare actuel.

Des ordres ont été donnés au ministre de Russie à Sofia de se joindre à ses collègues de France et de Grande Bretagne pour faire à Mr. Radoslavow les déclarations suggérées par son excellence Sir E. Grey (aide,

---

[1] См. № 432.

[2] Тел. от 6 апр./24 марта за № 231 Бенкендорф сообщил, что Асквит, вполне одобряя текст этой инструкции, обещал телеграфировать в этом смысле в Афины.

[3] Пам. запиской от 28/15 марта Грей известил Сазонова, что последний дал слишком широкое толкование его пам. записке от 20/7 марта (см. № 399 и прим.): по мнению Грея, в настоящий момент нежелательно ни обращаться к Болгарии за помощью, ни производить на нее давление, а следует только сообщить болг. прав-ву, что если оно согласно присоединиться к державам Согласия на условиях границы 1912 г. и линии Энос—Мидия, то оно должно немедленно заявить об этом. (Ср. № 498.)

mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 21/8 mars a. c.[1]).

En outre, vu la tournure inquiétante que prennent les agissements en Macédoine des bandes formées en Bulgarie [2], Mr. Sazonow suggère de prévenir le gouvernement bulgare dans les termes les plus catégoriques que les voeux de la Bulgarie ne sauraient compter sur la sympathie des alliés qu'à condition que le gouvernement bulgare prenne incontinent les mesures les plus énergiques pour enrayer un mouvement dont les alliés ne sauraient tolérer l'extension.

Перевод.

Ввиду того, что французское и английское правительства согласились между собой принять предложение его превосходительства сэра Э. Грея, г. Сазонов готов присоединиться к выступлению в Софии в целях убедиться, склонно ли болгарское правительство выступить совместно с союзниками. Тем не менее г. Сазонов не скрывает от себя, что эта попытка имеет мало шансов на успех в виду колеблющейся политической ориентации нынешнего болгарского кабинета.

Российскому посланнику в Софии даны указания присоединиться к своим французскому и английскому коллегам и сделать г. Радославову заявление, предложенное его превосходительством сэром Э. Греем (памятная записка посольства его британского величества от 21/8 марта с. г.).

Помимо того, вследствие тревожного оборота, который принимает деятельность в Македонии сформированных в Болгарии банд, г. Сазонов предлагает предупредить болгарское правительство в самых категорических выражениях, что пожелания Болгарии могут встретить симпатии со стороны союзников лишь при условии, если болгарское правительство безотлагательно примет самые энергичные меры, чтобы справиться с движением, распространения которого союзники потерпеть не могут.

№ 485. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

*/. Телеграмма № 102. 5 апреля/23 марта 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 161 [3].

[1] Пам. записка англ. пос-ва от 21/8 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, в оригинале ошибка, следует читать: «à l'ambassade de sa majesté britannique» («посольству его британского величества»). (См. ч. I, стр. 525, прим. 3.)

[2] См. № 472.

[3] Тел. от 4 апр./22 марта за № 1533 Сазонов сообщил верх. главнокомандующему о ходе переговоров с Италией и запросил последнего, считает ли он «положение таковым, что нам следует пожертвовать в данном случае некоторыми сербскими интересами» (ср. № 471) и согласиться на требования Италии. В ответ на

Прошлогодний пример[1] показал, что в вопросе раздела новых земельных приращений Сербия самым предупредительным образом относится к пожеланиям Черногории. Поэтому и на сей раз представляется наиболее целесообразным предоставить размежевание будущих приобретений между Сербией и Черногорией полюбовному соглашению непосредственно между этими государствами. Сообразно с этим я избегаю всяких определений, могущих показаться предрешающими этот вопрос, и считаю предпочтительным, говоря о части побережья, долженствующей отойти к Сербии, обозначать лишь северную границу, отделяющую ее от Италии, употребляя для обозначения южного предела выражение «до черногорской границы» не в смысле нынешней черногорской границы, а будущей, где бы она ни прошла в силу соглашения между Сербией и Черногорией. Бока Котторская при этом, очевидно, отойдет к Черногории, под условием ее нейтрализации, то есть неукрепления.

Приобретение Спалато и Метковича даст Сербии выход к морю, достаточно обеспечивающий ее торговлю, но с политической точки зрения я желал бы выговорить ей также полуостров Саббиончелло и острова Курцолу, Меледу и другие, на приобретении коих упорно настаивает Италия, однако надо иметь в виду, что из-за этого последнего разногласия могут быть порваны переговоры, и мы можем не только лишиться военной помощи Италии, но и стать в глазах наших союзников ответственными за такой оборот дела. Вот почему мне важно узнать предварительно доклада по этому вопросу завтра государю императору, считает ли августейший верховный главнокомандующий предпочтительным пожертвовать полуостровом Саббиончелло и указанными островами для приобретения в лице Италии нового союзника, или нет.

Что касается хорватов и словинцев, то их интересами поневоле пришлось отчасти поступиться, так как без уступки Италии Истрии

это Янушкевич в тел. от 5 апр./23 марта за № 161 просил пояснить, что означает выражение «до черногорской границы» в пункте, касающемся уступки части Далмации Сербии, и указал, что, по мнению в. князя, Каттаро во всяком случае должно отойти к Черногории. Сербии же «необходимо к северу от этого предоставить выход к Средиземному морю обеспечением соответственной гавани для развития торговли».

[1] Имеется в виду сербо-черног. разграничение в Ново-Базарском санджаке. Особым соглашением между Сербией и Черногорией от 12 нояб./30 окт. 1913 г. была установлена новая сербо-черногорская граница, которая отдавала Черногории половину Ново-Базарского санджака с главными городами Плевлье, Белополье и Беране, а также часть Старой Сербии с Ипеком и Дьяково.

и Северной Далмации до мыса Планки никакие переговоры не были бы возможны. Поэтому на эти уступки, поддержанные нашими союзниками, уже воспоследовало высочайшее соизволение, и теперь весь спор сосредоточился на упомянутых выше полуострове Саббиончелло и островах.

Определение военных обязательств Италии и направление ее вооруженных сил составит предмет предусмотренного военного соглашения, которое должно быть заключено непосредственно между штабами обеих армий, как только последует соглашение по обсуждаемым ныне политическим вопросам.

Сазонов.

№ 486. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 196. 5 апреля/23 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил № 1527 [1].

Ознакомил с ее содержанием Делькассе, который сказал мне, что вчера вечером он получил из Лондона известие, что предложения Асквита встречают со стороны Соннино категорический отказ. Английский посол телеграфировал из Рима, что хотя последнее слово должно быть сказано г. Саландра, находящимся сейчас в Неаполе, он считает этот ответ окончательным, ибо Соннино играет в кабинете первенствующую роль и известен своим цельным характером. Делькассе крайне удручен этим известием. По его убеждению, в ходе военных событий ныне наступает критическая минута. В Германии начинают сознавать опасность положения и считаться с возможностью отпадения Австрии. Румыния ясно дает понять, что она ожидает лишь примера со стороны Италии, чтобы выступить против Австрии. При таких условиях вооруженное выступление Италии произведет потрясающее нравственное впечатление и сократит продолжительность войны наполовину. Ввиду сего Делькассе думает, что можно было бы остановиться на следующем примирительном предложении: полуостров Саббиончелло присуждается Сербии и нейтрализуется. Прилегающие же острова отходят к Италии. На нейтрализацию последних и своей части побережья Италия, по убеждению Делькассе, никогда

[1] Тел. от 4 апр./22 марта за № 1527 (опубл. Ц. Р., стр. 273), сообщенной в Париж, Сазонов просил Бенкендорфа выразить Асквиту удовлетворение по поводу «твердого тона, которым он говорил с итальянским послом» (см. стр. 81, прим. 2), а также высказывая пожелание, чтобы Асквит добился согласия Италии на нейтрализацию отходящего к ней побережья, что облегчило бы возможность «навязать Сербии нейтрализацию части ее приобретений».

не согласится, и г. Соннино, вероятно, ответит на наши аргументы указанием на то, что мы со своей стороны не допустим нейтрализации Проливов. О своем предложении Делькассе телеграфирует в Петроград и Лондон. Он искренно надеется, что вы не отвергнете эту последнюю попытку сговориться с Италией, ибо окончательный разрыв переговоров он считал бы истинным несчастием — «un vrai désastre».

Извольский.

№ 487. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 163. 5 апреля/23 марта 1915 г.

Срочно. Лично. Весьма секретно.

Ответ верховного главнокомандующего на вашу телеграмму № 1533 [1]:

Я всегда считал присоединение Италии к нам и союзникам вопросом первостепенной важности, как обеспечение скорейшего победоносного окончания войны, и поэтому высказал, что надо принять все меры к побуждению Италии присоединиться к нам, но не говорил «хотя бы ценой некоторых жертв за счет сербских интересов». Ввиду отношения Англии и Франции, настаивающих на принятии пожеланий Италии, и высказанного ими опасения, что Италия, если не исполнить ее пожелания, примкнет к нашим врагам, и заявления, что Англия и Франция тяготятся уже продолжительностью войны, и уверенности, что присоединение Италии даст скорейшее победоносное окончание войны, — я заключаю, что с нашей стороны некоторые уступки еще необходимы. — Если это верно, то всетаки не следует в смысле уступок впадать в крайность, что считаю уступку Италии полуострова Саббиончелло, как составляющего часть побережья. — Конец первой части ответа. Продолжение следует по получении ответа вашего высокопревосходительства на мой № 161 [2].

Янушкевич.

№ 488. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 1552. 6 апреля/24 марта 1915 г.

Ссылаюсь на телеграммы Усатого №№ 46 и 48 [3].

Германский разъезд, повидимому, покинул местность, где он мог

[1] См. стр. 96, прим. 3.

[2] См. там же.

[3] Тел. от 10 марта/25 февр. за № 28 вице-консул в Хайларе Усатый сообщил Сазонову, что через Монголию с юга по направлению к линии К. В. ж. д.

быть захвачен нами. Поэтому признаем ныне необходимым требовать от китайского правительства действительных мер к его обезоружению и к прекращению подобных набегов на китайской территории, признаваемой воюющими державами нейтральной. Имеющиеся у нас вещественные доказательства того, что этот разъезд задавался целью совершить разрушения нашей железной дороги налагают на китайское правительство обязанность поступить с его организаторами как с нарушителями нейтралитета Китая.

В вышеизложенном смысле благоволите объясниться с министром иностранных дел, избегая однако такой постановки вопроса, которая вызвала бы отказ китайцев удовлетворить наши требования [1].

Сазонов.

№ 489. Министр иностранных дел верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу.

Телеграмма № 1553 [2]. 6 апреля/24 марта 1915 г.

По всеподданнейшем докладе моем государю императору соображений вашего императорского высочества в связи с общим положением, его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне уведомить великобританское правительство [3] о согласии нашем на предложение Делькассе [4] уступить Италии спорные острова, продолжая настаивать на присуждении Саббиончелло Сербии. В случае же, если не удастся достигнуть соглашения на этой почве, государь император соизволил уполномочить меня сделать еще крайнюю уступку, согласившись на отдачу и Саббиончелло Италии под условием его нейтрализации и обязательства Италии выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля.

между Бухэду и Цицикаром «двигается немецкий разъезд, имеющий целью разрушение железной дороги и туннеля». По сведениям Усатого, разъезд состоит из «восьми немцев под начальством капитана генерального штаба, атташе германской миссии в Пекине фон Паппенгейма». Позднее тел. от 31/18 марта и 2 апр./20 марта за №№ 46 и 48 Усатый дополнительно сообщил Сазонову, что немецкий отряд направился к Линсяню, находящемуся в княжестве Вайрин-Чжоудаского сейма на расстоянии 300 верст к сев.-вос. от Долон-нора.

[1] Ответной тел. от 8 апр./26 марта без номера Крупенский извещал Сазонова, что он объяснился в указанном смысле с кит. м-ром ин. дел., который ответил, что кит. властям по телеграфу предписано принять все меры к задержанию отряда Паппенгейма.

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 274.

[3] См. № 490.

[4] См. № 486.

По поводу Каттаро обязуюсь доложить вашему императорскому высочеству, что нейтрализация его являлась одним из основных требований Италии, против которого я уже тщетно возражал и на отказ от коего со стороны Италии, к сожалению, нет никакой надежды.

Что касается военного соглашения с Италией, то я полагаю, что в выработке его должен будет принять непосредственное участие и штаб вашего императорского высочества [1].

Сазонов.

№ 490. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1554 [2]. 6 апреля/24 марта 1915 г.

Сообщается в Париж.

Ввиду опасений Асквита, как бы Италия не порвала переговоров с нами из-за остающихся разногласий в отношении Далмации, я готов принять предложение Делькассе постараться найти примирительный исход в присуждении Саббиончелло Сербии, а спорных островов — Италии. При этом я считал бы справедливым, чтобы эти острова были нейтрализованы так же, как и полуостров Саббиончелло; и находил бы желательным добиться, чтобы взамен нашего согласия не настаивать на нейтрализации той части Далмации, которая отойдет к Италии, последняя отказалась от требования нейтрализации части сербо-черногорского побережья между Саббиончелло и Каттаро. Впрочем, разрешение вопросов о нейтрализации я предпочитаю предоставить усмотрению Асквита, чтобы из-за них не замедлять хода переговоров, в уверенности, что Асквит постарается выговорить для Сербии наилучшие условия.

Соглашаясь таким образом на новые весьма существенные уступки, считаю долгом еще раз повторить, что все наши обещания Италии должны быть обусловлены выполнением ею своего обязательства выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля, как о том заявил Империали Грею в самом начале переговоров. Всякие же проволочки в этом отношении будут считаться нарушением со стороны Италии заключенного соглашения и позволят нам в свою очередь освободиться от данных ей ныне обещаний [3].

Сазонов.

---

[1] Далее зачеркнуто: «а не одни наши союзники».

[2] Лит. копия. Опубл. Ц. Р., стр. 275.

[3] Аналогичного содержания пам. записка была вручена Сазоновым Палеологу и Бьюкенену 7 апр./25 марта.

№ 491. Поденная запись министерства иностранных дел.

6 апреля/24 марта 1915 г.

На всеподданнейшем докладе в Царском Селе министр получил высочайшее соизволение принять предложенное Делькассе примирительное разрешение далматинского вопроса в том смысле, чтобы полуостров Саббиончелло был присужден Сербии, а спорные острова уступлены Италии.

№ 492. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 230. 6 апреля/24 марта 1915 г.

Très personnel.

Espère que vous ne vous êtes pas mépris sur but mon No 227 [1]. Dès le début me suis rendu compte étendue concessions qu'avez faites à l'Italie surtout dans intérêts alliés et sur difficulté extrême de votre situation en cette question. Aussi puis-je vous assurer que c'est ainsi chose est comprise par gouvernement anglais. Suis porté à croire, qu'une partie du moins de l'opinion publique anglaise ne sera pas aveuglée. Il m'importait surtout de vous signaler la question militaire et différences notables entre situation à Est et Ouest. A Londres c'est ministère de la guerre et amirauté qui tiennent particulièrement à alliance Italie et neutres pour question purement militaire. C'est là difficultés devant lesquelles se trouve placé le Cabinet. Mes observations plus spéciales n'avaient trait qu'à votre jugement sur rôle de Grey. J'aimerais pouvoir contribuer à le modifier en vue services qu'il nous a rendus depuis début de la crise. Laissez-moi ajouter pour votre information toute personnelle qu'il y a un sentiment qui ne quitte Grey que très peu et qui est, jusqu'à un certain point, fondé, c'est qu'au moment d'indécision du public anglais et de tous les ministres, c'est Grey surtout qui a entraîné Angleterre à la guerre, et qui pour cette cause éprouve constamment un sentiment de responsabilité personnelle extrêmement profond, en dehors de celui du Cabinet. Je ne vois pourtant aucun symptôme que l'énergie de sa détermination s'en ressente. Soyez-en persuadé.

Benckendorff.

Перевод.

Совершенно лично.

Надеюсь, что вы не истолковали ложно цель моего № 227. С самого начала я отдавал себе отчет в размере уступок, которые вы сделали Италии главным

[1] См. № 462.

образом в интересах союзников, и в затруднительности вашего положения в этом вопросе. Могу вас заверить, что так понято дело английским правительством. Я склонен думать, что, по крайней мере, часть английского общественного мнения не будет ослеплена. Для меня особенно важно было обратить ваше внимание на военную сторону дела и на значительное различие между положением на Востоке и на Западе. В Лондоне особенно военное министерство и адмиралтейство придают большое значение союзу с Италией и нейтральными странами, исключительно с военной точки зрения. В этом состоит трудность положения кабинета. Мои более специальные замечания относились лишь к вашей оценке роли Грея. Я бы хотел содействовать изменению ее, ввиду услуг, которые он нам оказал с начала кризиса. Позвольте мне добавить для вашего совершенно личного сведения, что Грея почти никогда не покидает до известной степени обоснованное сознание того, что в момент колебания английского общественного мнения и всех министров, главным образом Грей вовлек Англию в войну и что по этой причине он постоянно испытывает до крайности глубокое чувство личной ответственности, помимо ответственности кабинета. Тем не менее я не вижу никаких признаков того, чтобы его энергия или решительность от этого страдали. Будьте в этом уверены.

Бенкендорф.

№ 493. Верховный главнокомандующий министру иностранных дел.

Телеграмма № 166. 6 апреля/24 марта 1915 г.

Срочно. Лично. Весьма секретно.

Ввиду важности вопроса еще поясняю мою мысль [1]. Я считаю, что полуостров Саббиончелло более чем желательно не отдавать Италии, но в крайности, если из-за этого мог бы произойти перерыв в переговорах, то можно уступить, но под условием выступления в скорейший, чем до сих пор предполагалось, срок, так как военные операции находятся в такой стадии, что именно теперь выступление Италии особенно важно для обеспечения скорее еще более решительного успеха. Что касается до Каттаро, то его нейтрализация идет прямо в ущерб интересам России. Я считаю, что Каттаро весьма важен как порт, в котором мог бы стоять и на него базироваться наш флот. Поэтому желательно, если возможно, достигнуть этой уступки [2].

Генерал-адъютант Николай.

---

[1] Тел. от того же числа за № 164 Янушкевич сообщил Сазонову, что, по мнению верх. главнокомандующего, «крайне желательно только в отношении полуострова, не островов, сделать все возможное, дабы сохранить таковой».

[2] Письмом от 7 апр. /25 марта (опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 8) Кудашев сообщал, что в первоначальной редакции тел. была составлена в более резких выражениях: а) требовалось выступление Италии через 3 — 7 дней; б) отмена нейтрализации Каттаро ставилась непременным условием. В том же письме Кудашев указывал на большую заинтересованность ставки в выступлении Италии.

№ 494. Поденная запись министерства иностранных дел.

7 апреля/25 марта 1915 г.

Около 8 часов вечера итальянский посол приехал к барону Шиллингу, чтобы прочесть пересланную ему из Рима телеграмму итальянского посла в Берлине г. Боллати. В этой телеграмме последний передавал свой разговор с германским канцлером. Г. фон Бетман-Гольвег сказал послу, что, по его сведениям, видный представитель высшего феодального австрийского дворянства, которое вообще известно своим недружелюбным отношением к Италии, обратился к государю императору с просьбой заключить мир с Австрией, но что означенное лицо не имеет влияния на нынешнее венское правительство, которое не перестает уверять в Берлине, что оно не намерено отделяться от Германии в вопросе о мире. По этому поводу г. Боллати замечает от себя, что едва ли канцлер на самом деле столь спокоен на этот счет, каким он хочет казаться. Далее г. фон Бетман-Гольвег заявил, что положение Австрии далеко не так безнадежно, как многие думают. По его словам, хотя и приходится отказаться от надежды вновь отвоевать Галицию, однако есть полное основание ожидать, что при помощи германских войск, на подкрепление коих только-что отправлен еще один корпус, австрийцам удастся преградить русским путь через Карпаты. Итальянский посол в Берлине, хотя и известен своим крайним германофильством, однако сознается, что имеющиеся у него сведения из других источников не подтверждают проявленного канцлером оптимизма.

Барон Шиллинг поблагодарил посла за это сообщение, а на его вопрос, нет ли известий о ходе лондонских переговоров, сказал ему, что, насколько он знает, Империали за эти праздничные дни не виделся с Асквитом. Карлотти выразил надежду, что эти переговоры во всяком случае не будут прерваны, и сказал, что со своей стороны он, после своего разговора с министром в день пасхи [1], телеграфировал в Рим, советуя «не натягивать слишком сильно тетивы лука». Барон Шиллинг ограничился тем, что сказал, что князю Кудашеву уже два дня тому назад было поручено министром вернуться в ставку. Посол не без некоторого беспокойства отметил, что отъезд князя Кудашева таким образом совпал с поездкой в ставку и председателя совета министров Горемыкина. Это побудило его высказать надежду, что русское правительство не отказалось от мысли притти к соглашению с Италией и не будет слишком торопиться сговориться с Австрией. Ба-

[1] См. № 479.

рон Шиллинг ответил послу, что это будет главным образом зависеть от самой Италии, и не скрыл от посла, что, согласно сведениям, полученным им из разговора по телеграфу с вернувшимся в ставку князем Кудашевым, итальянские требования были встречены там весьма несочувственно. Барон Шиллинг напомнил, что великий князь женат на черногорской княжне и что поэтому хотя бы одно требование нейтрализации Каттаро не могло не произвести на его императорское высочество весьма отрицательного впечатления. Барон Шиллинг высказал опасение, как бы чрезмерность итальянских требований, если только таковые будут приняты державами, не создала такого положения, при котором, становясь союзниками с Италией, мы одновременно перестали бы быть друзьями. Он прибавил, что для Италии, пожалуй, подобное положение было бы не ново, так как до сих пор она была долгое время союзницей именно своего злейшего врага. В России, наоборот, привыкли не отделять понятий о дружбе и о союзе, так что по отношению к Франции слова amis et alliés [1] вылились в освященную временем формулу.

№ 495. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Като.

/. Телеграмма [2]. 7 апреля/25 марта 1915 г.

Наш посланник в Стокгольме телеграфирует:

«5 апреля я по приглашению здешнего австрийского посланника имел с ним секретное свидание в турецкой миссии [3]. Он заявил, что если бы Япония теперь пожелала вступить в секретные переговоры о мире с германским правительством, он согласен сообщить об этом кому следует. Если бы Япония начала мирные переговоры, и остальные державы последовали бы этому примеру и был бы открыт путь для восстановления мира в Европе.

Я ему на это ответил, что наше правительство, согласно англо-японскому договору, не может заключить сепаратного мира [4] и что, по моему

[1] «Друзья и союзники».

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.

[3] Тел. от 17/4 марта Мотоно передал Като тел. япон. посланника в Стокгольме, в которой последний передавал следующее: «Согласно сообщению, которое мне на-днях сделал здешний турецкий посланник, немцы в настоящее время не питают особой вражды по отношению к Японии. Если бы Япония взамен захвата Циндао, который она поставила условием мира, дала надлежащую компенсацию, Германия по окончании войны могла бы дать капиталы для осуществления различных предприятий, проектируемых Японией в Китае».

[4] См. ч. 1, стр. 35, прим. 2.

мнению, мы совместно с Англией начнем мирные переговоры, когда и в Европе удастся побороть противника.

На мой вопрос, не заключит ли Австрия раньше Германии сепаратного мира, он заявил, что не думает, чтобы Германия могла согласиться на это.

Я вынес впечатление, что австрийский посланник домогался свидания со мной по просьбе германского посланника».

№ 496. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 195 [1]. 7 апреля/25 марта 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1539 [2].

Прошу срочных указаний.

По всестороннем обсуждении предполагаемого шага и его последствий в связи со здешними настроениями данной минуты, считаю долгом доложить следующие соображения. Здесь все под впечатлением происшедшего в Сербии столкновения и со страхом спрашивают себя, как отнесется Россия к этому явно недружелюбному акту. Поэтому одновременно делать представления по поводу четнического движения и давать столь широкие обещания компенсации может вызвать в здешних умах представление, что последние — результат произведенного в Македонии давления и может поощрить к требованию таким же путем компенсаций со стороны Греции и Румынии. Если тем не менее будет решено сделать предписанный в вашей телеграмме № 1539 шаг, то прошу разъяснить, является ли эта инструкция совершенно самостоятельною, или соображения телеграммы № 498 [3] остаются в силе, то есть, нужно ли пояснить болгарскому правительству, что «присоединение к союзникам» будет означать необходимость активного выступления при первом их требовании, что обещаемые компенсации будут даны по получении Сербией своих и что Болгария может рассчитывать на денежную и военную помощь.

Савинский.

Оба представления следует безусловно разделить. Я имел в виду серьезно пригрозить Болгарии о недопустимости подобного нападения чет на нашу союзницу Сербию. Прошу энергичного воздействия, — момент очень серьезный.

Царское Село, [9 апреля] 27 марта 1915 г.

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 112.

[2] Тел. от 5 апр./23 марта за № 1539 (опубл. Ц. Р., стр. 112) Сазонов поручил Савинскому сделать болг. прав-ву заявление в смысле пам. записки от того же числа (см. № 484).

[3] См. № 162.

№ 497. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде — Бьюкенену и Палеологу.

№ 385 [1]. 8 апреля/26 марта 1915 г.

En réponse à la communication de l'ambassade de France en date du 3 avril/21 mars a. c., No 110 [2], concernant l'organisation judiciaire provisoire à Constantinople, le ministère impérial a l'honneur de constater, que de son côté il juge nécessaire d'établir un contrôle sur les tribunaux indigènes ne jugeant que les affaires des sujets turcs entre eux.

Il semble, par contre, à Mr. Sazonow qu'il serait peut-être plus opportun de soustraire dès l'établissement de l'occupation les étrangers à la juridiction ottomane, si peu appropriée à leurs moeurs, et de déférer tous les procès mixtes, entre turcs et étrangers, aux tribunaux consulaires de l'étranger en cause.

Mr. Sazonow profite de l'occasion pour émettre quelques idées générales sur l'administration provisoire.

Les hauts commissaires installeraient les départements provisoires: ceux de l'intérieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique et de l'evkaf. A la tête de ces départements seraient placés des directeurs dépendant du Conseil des hauts commissaires et pris parmi les étrangers ayant servi en Turquie ou parmi des indigènes, inspirant la confiance nécessaire.

Le conseil municipal serait réorganisé sur la base d'une juste représentation des chrétiens: ses décisions pourraient être suspendues ou abrogées en tout état de cause par le Conseil des hauts commissaires.

Les impôts et droits seront prélevés autant que possible, d'après les règles de l'assiette et de la répartition en vigueur. Le déficit de l'administration provisoire sera comblé par les Puissances alliées, lesquelles créeront à cet effet un fond de réserve. Enfin les conflits de compétence entre les autorités militaires et civiles seraient immédiatement portés à la connaissance des gouvernements alliés et tranchés par ceux-ci.

Перевод.

В ответ на сообщение французского посольства от 3 апреля/21 марта сего года № 110 относительно временной судебной организации в Константинополе

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 339.

[2] В этой пам. записке Делькассе, ссылаясь на пам. записку Сазонова от 24/11 марта (см. ч. 1, стр. 534, прим. 2), высказывался за необходимость в области судебной организации Константинополя установить «в необходимых пределах над туземными и смешанными трибуналами правомочный контроль» в течение всего переходного периода.

императорское правительство имеет честь засвидетельствовать, что, со своей стороны, оно считает необходимым учреждение контроля над туземными трибуналами, суду которых подлежат только дела между турецкими подданными.

Наоборот, г. Сазонов полагает, что было бы, пожалуй, более своевременным с момента оккупации изъять иностранцев из-под оттоманской юрисдикции, так мало отвечающей их обычаям, и перенести все смешанные процессы между турками и иностранцами в консульские трибуналы по национальности заинтересованного иностранного лица.

Г. Сазонов пользуется случаем, чтобы высказать несколько общих мыслей по поводу временного управления.

Верховные комиссары учредят временные департаменты: внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов. Во главе этих департаментов будут поставлены директора, подчиненные совету верховных комиссаров, из числа иностранцев, служивших в Турции, или туземцев, внушающих необходимое доверие.

Муниципиальный совет будет реорганизован на основе справедливого представительства христиан; его решения могут быть отсрочены или отменены во всякой стадии дела советом верховных комиссаров.

Налоги и пошлины будут взиматься, по мере возможности, сообразно с действующими правилами раскладки и распределения. Дефицит временного управления будет пополнен союзными державами, которые создадут для этой цели запасный фонд. Наконец, конфликты в области компетенции военных и гражданских властей будут немедленно доводиться до сведения союзных правительств и ими разрешаться.

№ 498. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел[1].

8 апреля/26 марта 1915 г.

Sir E. Grey has sent the following instructions to His Majesty's Representative at Sofia:

It is realized by the Allied Powers that the Bulgarian Government do not wish to declare themselves until there is a clear balance of advantage on the side of the Triple Entente and that they therefore wish to await events.

We think nevertheless that it is in the interest of Bulgaria herself as well as in that of the Allies that Bulgaria's policy should be defined now or at least that Bulgaria should have an opportunity of defining that policy. The Bulgarian Government must realize that the value of the cooperation of Bulgaria will be greatly diminished when the Dardanelles have been forced and that there will be a proportionate diminution of Bulgaria's claim to a reward.

As soon therefore as your Russian and French colleagues receive si-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 273.

milar instructions you should inform the Bulgarian Minister for Foreign Affairs that if, on condition of Bulgaria obtaining a settlement based on the Treaty with Servia of 1912 (in which Monastir would be included) and also the Enos — Midia line, the Bulgarian Government are prepared to take part with the Allies, it is necessary that they should at once make a statement to that effect. The proposed settlement on the basis of the 1912 Treaty is dependent of course on adequate compensation being obtained by Servia elsewhere.

Sir H. Bax Ironside was at the same time secretly instructed that he should take measures to ensure that the above step was brought to the knowledge of the Bulgarian opposition.

In informing the Russian Minister of Foreign Affairs of the above instructions which have been given to the British Minister at Sofia, Sir G. Buchanan is instructed to add that in view of the official disclaimer which has been made by the Bulgarian Government of all responsibility for the raid recently made by Bulgarian bands into Macedonia [1] it was thought prudent by Sir E. Grey, when making a communication on the subject of Bulgarian cooperation, not to insist on the subject of the raid.

Перевод.

Сэр Э. Грей отправил следующие инструкции представителю его величества в Софии:

Союзные державы убедились в том, что болгарское правительство не желает высказаться до того момента, пока не будет явного перевеса в пользу Тройственного согласия, и что поэтому оно желает выждать событий.

Тем не менее мы полагаем, что в интересах как самой Болгарии, так и союзников желательно, чтобы болгарская политика определилась в настоящий момент или чтобы, по крайней мере, Болгарии была предоставлена возможность определить эту политику. Болгарское правительство должно сознавать, что ценность болгарского сотрудничества значительно понизится, когда Дарданеллы будут форсированы, и что тогда произойдет пропорциональное уменьшение болгарских притязаний на получение компенсаций.

Поэтому, после того как ваш русский и французский коллеги получат аналогичные инструкции, вы сообщите болгарскому министру иностранных дел, что если на условии достижения Болгарией урегулирования положения на основе договора с Сербией 1912 г. (с включением Монастыря), а также получения ею линии Энос—Мидия, болгарское правительство готово выступить на стороне союзников, — необходимо, чтобы оно тотчас же сделало заявление по этому поводу. Предполагаемое урегулирование положения на основе договора 1912 г. находится в зависимости, конечно, от соответствующих компенсаций, которые должна получить Сербия в других местах.

Сэр Г. Бакс Айронсайд одновременно с этим получил секретную инструкцию

[1] Ср. № 480.

принять меры к обеспечению того, чтобы вышеизложенный шаг был доведен до сведения болгарской оппозиции.

Уведомляя российского министра иностранных дел о вышеизложенных инструкциях, данных великобританскому посланнику в Софии, сэр Дж. Бьюкенен получил предписание добавить, что, имея в виду официальное отклонение болгарским правительством от себя всякой ответственности за набег, недавно произведенный болгарскими бандами на Македонию, сэр Э. Грей считает целесообразным при заявлении по поводу болгарского сотрудничества не настаивать на вопросе о набеге.

№ 499. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Депеша № 24. 8 апреля/26 марта 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Получив телеграфные сообщения [1] управляющего консульством нашим в Исфагани о насилиях, учиненных тамошней жандармерией над русским подданным Алахвердовым и над письмоводителем консульства Биаевым, я поспешил заявить энергичный протест председателю совета министров. При этом я дал понять Мушир-эд-Доуле, что если шахское правительство дорожит добрыми с нами отношениями и не хочет, чтобы его заподозрили в солидарности с враждебными нам элементами, в частности с германскими и турецкими агитаторами, то должно предпринять решительные меры против повторения подобных фактов и прежде всего подвергнуть взысканию персидского офицера и отозвать гг. Глирупа и Фосселиуса [2], неоднократно проявлявших свою неприязнь к русским и виновных в допущении исфаганских насилий. Столь же необходимым, — прибавил я, — представляется и удаление Пюжена [3], вредная деятельность коего, оставаясь безнаказанной, принимает все более вызывающий и преступный характер. Против Пюжена не принято до сих пор никаких мер, несмотря на убийство Кариб-хана [4], совершенное, как говорят, при участии

[1] От 4 апр./21 марта за № 190.

[2] В донесении от 18/5 марта за № 162 консул в Исфагани Гильдебрандт указывал, что швед. инструктора Глируп и Фосселиус открыто высказывают свои «германофильские чувства и симпатии» и не принимают мер к прекращению «бесчинств и самоуправств» перс. жандармов в имениях русско-подданных.

[3] См. ч. 1, стр. 178, прим. 1.

[4] Позднее, в донесении от 4 мая/21 апр. за № 243 Гильдебрандт сообщал, что «служивший ранее в управлении имениями Зилль-эс-Султана и числившийся вице-губернатором Кервандского округа (Исфаганской области) известный в Исфагани своим влиянием среди населения Кариб-хан, покинувший службу в сказанном управлении, был убит близ дома генерал-губернатора, в полном движения базаре». По мнению Гильдебрандта, «подозрение, и весьма основательное, падает на людей Пюжена».

названного авантюриста, и на целый ряд насильственных действий против русско-подданных и персов, находящихся под нашим покровительством. Мной также было обращено внимание министра на тревожное положение дел в Керманшахе и на появление курдов под предводительством известного Мухтар-бея в Хамадане. В заключение я счел полезным указать на направленную против нас деятельность в Тавризе и на продолжение антирусской пропаганды в печати, свидетельствующее, что враждебное нам течение продолжает преобладать над более благоразумной и умеренной политикой.

Мушир-эд-Доуле объяснил, что в видах прекращения турецко-германской агитации им разослано персидским властям предписание воздерживаться от всякого поощрения турецких и немецких агентов и озаботиться о мерах к успокоению умов и к соблюдению строгого нейтралитета. Мушир-эд-Доуле сообщил, что не получил еще известия об исфаганском инциденте (последнее едва ли верно ввиду адресованного мне товарищем министра иностранных дел письма, обвиняющего во всем происшедшем наше консульство), но считает долгом предупредить, что наши сведения о положении дел в Керманшахе и Хамадане искажены и преувеличены. Он, впрочем, готов сделать все возможное для нашего удовлетворения и сейчас же произведет строгое расследование, но просит нас войти в трудное положение шахского правительства и облегчить ему соблюдение нейтралитета, что может быть достигнуто удалением русских отрядов из Казвина и Решта и предоставлением Персии просимого моратория [1]. Мушир-эд-Доуле решительно отверг обвинения мои против администрации в Тавризе, утверждая, что если отношения не налаживаются, то виновато в этом наше консульство, не желающее считаться с положением и правами велиагда и пренебрегающее даже общепринятыми правилами дипломатического этикета (намек на нежелание управляющего генеральным консульством сделать первым визит каргузару).

На этот раз Мушир-эд-Доуле держал себя гораздо более примирительно и менее вдавался в утопические рассуждения о нейтралитете, национальной армии, законодательных реформах и т. п., находясь, повидимому, под впечатлением полученного от персидского посланника в Петрограде отчета о беседе его с вашим высокопревосходительством и предупреждения, что нынешний образ действия шахского правительства может иметь самые гибельные для Персии последствия

[1] См. стр. 169, прим. 2.

(телеграмма д. с. с. Клемма от [2 апреля] 20 марта) [1]. Весьма также вероятно, что умеряющее действие на персидское правительство оказали предостережения великобританского посланника. Последний предупредил персов, что не может поддерживать жалоб на присутствие русских отрядов и советовал не настаивать на эвакуации. Далее сэр В. Тоунлей потребовал, чтобы губернаторы были снабжены категорическими инструкциями для пресечения немецко-турецкой агитации на Юге Персии, угрожая в противном случае взять дело в свои руки. Он также протестовал против действий жандармерии и шведских офицеров и дал понять, что вытеснение бельгийцев не встречает одобрения в Лондоне и может скомпрометировать успех намеченных Персией финансовых преобразований, и особенно получение денежной помощи. Во всяком случае шахское правительство не должно удивляться, если просьба его о мораторий при настоящих условиях потерпит неудачу, ибо новая финансовая организация (лишенная надлежащих гарантий в форме бельгийского контроля), едва ли внушит должное доверие заинтересованным правительствам и не облегчит совершения этой операции.

В разговоре с сэром В. Тоунлеем я не скрыл, что сомневаюсь в успехе наших настояний, пока во главе кабинета останется Мушир-эд-Доуле, человек благожелательный, но чересчур склонный к теоретическим отвлеченностям. К тому же названный сановник слишком связан с меджлисом, чтобы быть в состоянии проводить собственную программу, если таковая не отвечает туркофильским и антирусским тенденциям большинства. Завися от меджлиса, он по необходимости будет стараться угождать этому учреждению или, вернее, крайним его элементам, приобретающим все большее значение. Недавно, например, товарищем председателя меджлиса избран известный демократ Сулейман-Мирза. Кроме того, по мере освобождения депутатских мест вакансии обыкновенно замещаются демократами. Таким образом со времени открытия меджлиса, демократическая партия значительно усилилась, и это, конечно, будет влиять на деятельность кабинета.

Сэр В. Тоунлей, повидимому, не только разделяет мои мысли от-

---

[1] Тел. за № 1509. В тот же день тел. за № 1508 Клемм известил Коростовца, что в ответ на сообщенную Исаак-ханом циркулярную тел. перс. м-ва ин. дел, «заключающую решительный протест против действий турок и немцев в Персии», ему было отвечено, что росс. прав-во с удовлетворением осведомилось об этом «хотя и очень запоздалом» шаге Персии, но желало бы «видеть не только письменные протесты, но и активные мероприятия к прекращению германо-турецких интриг».

носительно малой работоспособности кабинета, но идет еще дальше, считая настоящее положение вещей безнадежным и предвидя неизбежность англо-русского контроля, как только события в Европе позволят лондонскому и петроградскому правительствам уделить больше внимания персидским делам. Он даже находит, что в наших интересах не задерживать происходящего процесса разрухи и дезорганизации разными полумерами, а предоставить события их естественному течению. Вообще в воззрениях моего английского товарища за последнее время произошла радикальная перемена: он перестал говорить о возрождении Персии, о поддержании ее суверенитета и самостоятельности и не только не поощряет персидских выступлений, но становится на нашу сторону, чем, конечно, облегчает положение миссии. Соглашаясь в общем с мнением сэра В. Тоунлея касательно бесплодности наших усилий к изменению здешнего политического курса, я тем не менее думаю, что некоторые меры закрепления нашего влияния, например, в Азербайджане, Гиляне и Мазандеране могли бы быть приняты теперь же, насколько это, конечно, представляется осуществимым по местным условиям. Такое закрепление будет иметь значение совершившегося факта, и с ним придется считаться по восстановлении нормального порядка.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 500. Японский министр иностранных дел Като японскому послу в Петрограде Мотоно.

⁄. Телеграмма [1]. 8 апреля/26 марта 1915 г.

Что касается телеграммы посланника в Стокгольме Уцида за № 39, переданной вами за № 385, то возможно, что Германия и Австрия именно желали, чтобы мне об этом доложили [2]. Так как этим можно воспользоваться, то я вас прошу немедленно сообщить в министерство иностранных дел конфиденциальным образом об этом факте и, кроме того, сделать заявление, что хотя г. Уцида дал ответ на данное предложение по своему усмотрению, императорское правительство вполне одобряет его образ действия.

Передайте эту телеграмму вместе с означенной телеграммою посланника Уцида в виде инструкции нашим послам в Лондоне, Париже и

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.
[2] Ср. № 495.

Вашингтоне и сообщите также мою телеграмму посланнику Уцида для сведения [1].

№ 501. Сообщение сербской миссии в Петрограде во II политический отдел министерства иностранных дел.

№ 486 [2]. 9 апреля/27 марта 1915 г

Королевская сербская миссия имеет честь сообщить второму политическому отделу императорского министерства иностранных дел, что от председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича получила телеграмму от [6 апреля] 24 сего марта следующего содержания:

«Я узнал, что дипломатические переговоры, которые ведутся с самого начала этой войны относительно Италии и ее участия в будущем урегулировании вопросов в Европе, получают все более и более определенную форму. В настоящее время, кажется, ведутся переговоры о вознаграждении Италии за ее нейтралитет или выступление против Австрии и Германии компенсациями за счет сербских, хорватских и словинских земель. По вопросу об этих компенсациях сербское правительство считает своей прямой обязанностью обратить внимание Тройственного согласия на нижеследующее:

Тройственное соглашение [3], как оно часто заявляло, начало войну за освобождение народов от немецкого ига и с целью создать прочное основание и условия для продолжительного мира после нынешней войны. Желание Тройственного согласия — создать такое положение в Европе, коим будет обеспечена свобода всех народов и будущая мирная работа внутреннего благосостояния и совместной миролюбивой деятельности в смысле их культурного развития. По нашему мнению, этого невозможно достигнуть, если основанием для урегулирования будущего положения в Европе будет служить присоединение к одному или другому народу чужой территории в виде компенсации за сделанные услуги. Если Италии будут отданы земли, населенные сербами, хорватами и словинцами, то этим будет создано неудовольствие среди южных славян, которое в ближайшем будущем может перейти в открытое южнославянско-итальянское столкновение.

---

[1] В ответ на эту тел. Уцида сообщил Като, что «во избежание недоразумений в будущем он поставил английского посланника в известность о своем свидании с австрийским посланником» (тел. Мотоно от 13 апр./31 марта, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел).

[2] Маш. копия.

[3] Так в оригинале.

Подобное столкновение будет служить поводом для новых осложнений на Балканах и даже в Европе. Этим будет достигнуто противоположное желаниям держав Тройственного согласия. Основа итальянской политики на Адриатическом море — это равновесие. Австро-Венгрия и Германия работали, в особенности в последних годах, для получения и упрочения преобладания на Адриатическом море, а державы Тройственного согласия, в свою очередь, считают, что Адриатическое море должно быть мировым торговым морем, доступным и открытым для всякого.

Сербы, хорваты и словинцы мечтают о том, чтобы совершенно оттеснить немцев от Адриатического моря, почему южные славяне, до настоящего времени были природными врагами экономического вторжения и насильственной германской экспансивности к Адриатическому морю. Южные славяне могут быть более близкими и лучшими друзьями Италии только в том, конечно, случае, если после окончания этой войны, они вместе с свободой получат и свое Адриатическое побережье. Объединенные сербы, хорваты и словинцы, живущие в Сербии, Черногории, Герцеговине, Боснии, Хорватии, Словении, Далмации, Истрии, Каринтской и Крайнской, будут крепким оплотом Италии против германского натиска. Находясь в дружбе с Италией, все эти народы вместе будут крепким защитником тех, которые выход Германии к Средиземному морю считают опасным. Если же одна часть нашего племени, с соответствующей территорией, будет уступлена Италии, дело примет сейчас же другой оборот. С присоединением к Италии провинций: Далмации, Хорватии, Истрии, Словении будет создан источник бесконечной борьбы, смут, вследствие чего появится между Италией и независимыми южными славянами отношение, подобное существующему поныне отношению между Италией и Австро-Венгрией, и результатом этого явится создание южнославянского ирредента в Италии. Эти провинции и будут служить закваской для ненормального положения на Балканах, которое влияло бы и на положение в Европе и угрожало бы миру последней, который Европа, после окончания этой нынешней страшной войны желала бы, чтобы он был более прочным и продолжительным. Италия заняла бы место Австро-Венгрии, которую славяне так ненавидят, благодаря ее политике онемечения и мадьяризирования, и будет причиной бесконечных ссор с соседними государствами и беспокойств для Европы.

На основании всего изложенного, в интересах Италии, чтобы эта дружба и возможно тесное сближение Италии с южными славянами не только сохранилась бы, но и окрепла бы. Тройственное соглаше-

ние увидит в этих интересах и свои интересы, вследствие чего мы надеемся, что Тройственное согласие, в своих разговорах, которые оно будет иметь по этому вопросу, все это будет иметь в виду и считаться с изложенным взглядом. Тройственное согласие провозгласило, что оно ведет войну за полную свободу народов и обеспечение мира и независимости как больших, так и маленьких народов, для того, чтобы они могли развиваться и устраиваться по своему усмотрению. В этих началах мы находим обеспечение интересов нашего народа, но мы все же просим державы Тройственного согласия, чтобы югославянские провинции не служили бы предметом сделки между державами Тройственного соглашения и Италией, в ущерб сербов, хорватов, словинцов, Европы и европейского мира. — Пашич».

№ 502. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 196. 9 апреля/27 марта 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Трубецкого № 374 [1].

Вследствие вашей телеграммы № 3902 [2] я оставил сегодня Радославову в виде памятной записки, не называя источника, полученные Трубецким сведения относительно ожидаемого движения чет и предупредил его самым строгим образом, что всю вину за могущее произойти императорское правительство возлагает всецело на него. Он обещал произвести самое строгое расследование и воспрепятствовать. Что же касается происшедшего уже столкновения в Валандово, то, высказав Радославову свое личное мнение насчет тяжелой ответственности, лежащей на нем за допущение столь угрожающего по размерам движения, созданного австрийцами при явном его попустительстве, я особенно подчеркнул, что до сих пор не имею по этому поводу от вас никаких указаний. Я это сделал потому, что, как я телеграфировал за № 195 [3], здесь ощущается по сию пору страх пред отношением России к Валандовскому инциденту, и оставление (его) (без) последствий создало бы нежелательное и даже вредное впечатление безнаказанности и подбодрило бы правительство. В связи с непрекращающимся

[1] Тел. от 7 апр./25 марта за № 374 Трубецкой сообщал подробности нападения болг. чет на Струмицу и Валандово. На оригинале имеется помета Николая II: «Это серьезный бой». — «[9 апреля] 27 марта 1915 г.».

[2] Тел. от 6 апр./24 марта за № 3902 Сазонов просил Савинского принять меры в связи с тел. Трубецкого от 4 апр./22 марта за № 364, в которой последний сообщил, со слов военного агента, о предполагаемом нападении болг. чет на серб. территорию.

[3] См. № 496.

провозом контрабанды мне кажется, что державы Согласия должны были бы сделать самое строгое представление болгарскому правительству по поводу вышеупомянутого инцидента, сказав, что они видят в нем явно враждебный акт к своей союзнице Сербии и к себе самим, обусловленный попустительством правительства разным враждебным элементам, свившим себе гнездо в Софии, и что такое поведение болгарского правительства может легко привести страну на край гибели.

Савинский.

№ 503. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 198 [1]. 9 апреля/27 марта 1915 г.

Лично.

Сегодня, после некоторого перерыва, снова долго беседовал с Радославовым. На его замечание, что он только ждет удобного момента, чтобы выступить с Россией, и что он полагает, что помощь Болгарии будет иметь свое значение даже после падения Константинополя, я сказал, что, по моему мнению, она рискует упустить психологический момент, навлекает своею нерешительностью неудовольствие и недоверие союзников и переоценивает важность той помощи, которая может быть оказана Болгарией после того, что все будет кончено. В дальнейшем разговоре он дал мне понять, что был бы рад, если бы болгарам форсировали руку, если бы правительство было поставлено перед совершившимися фактами. Видя, на что он намекает, я спросил его, во-первых, что бы ответило болгарское правительство, если бы ему теперь был поставлен союзниками категорический вопрос: — да или нет; на это он сказал, что он ответил бы: «да»; во-вторых, я спросил, верны ли переданные мне слова его зятя, о которых я телеграфировал за № 180 [2] и соответствуют ли они истине. На это он ответил: «Не нужно двух десантов, довольно одного выхода; так как мы будем уверены, что он не будет нам враждебен, то мы его и примем охотно и тогда решим детали». Установив совершенно определенно, что у меня не только нет указаний императорского правительства, но что я не знаю, даже, обсуждался ли им вопрос десанта, я воспользовался од-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 303.

[2] Тел. от 2 апр./20 марта за № 180 Савинский сообщал: «Из источника, заслуживающего доверия, мне передано, что будто бы зять Радославова открыто говорил, что Болгария не протестовала бы, если бы Россия высадила свои войска в Бургасе, а Англия и Франция — в Дедеагаче». (Зять Радославова — Продалиев член национального собрания; ср. мемуары Савинского, стр. 259.) На оригинале тел. имеется помета Николая II: «Следовало бы проверить». «Царское Село [11 апреля] 29 марта 1915 г.»

нако оборотом, принятым нашим разговором, чтобы спросить его мнение насчет формы, в которую с местной точки зрения лучше всего было бы облечь решение высадки, если ход событий заставит его принять. Не колеблясь, он указал на обращение к королю, отметив, что таковое избавит в глазах последнего от всякого упрека правительство, задача которого в свою очередь будет таким образом облегчена. По поводу недавних аудиенций оппозиционных шефов [1] он сказал, что королю было интересно узнать их мнение, и что весьма возможно обновление кабинета в ближайшем будущем, на что я заметил, что коалиционный кабинет в такую важную минуту внушал бы более доверия и стране и за границею. Хотя словам Радославова и нельзя придавать полного значения, однако мне кажется, что на этот раз они являются отражением действительного настроения, которое ожидает с нашей стороны решительного, но не задевающего его самолюбия шага.

Савинский.

К докладу.

Царское Село, [11 апреля] 29 марта 1915 г.

№ 504. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 119. 9 апреля/27 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 111 [2].

После появления в печати двух доверительных на имя короля записок, в коих Венизелос излагал доводы в пользу присоединения Греции к Тройственному согласию и заявлял о получении им высочай-

[1] Письмом от 31/18 марта Савинский сообщал, что король, уступая общественному мнению, высказывавшемуся в связи с падением Перемышля (22/9 марта) за открытое присоединение Болгарии к державам Тройственного согласия, принял Малинова и уверял его, что «оппозиция напрасно подозревала его в политике против Тройственного согласия и что он никогда не поведет страну против общего течения». Кроме того, король принял Гешова (тел. Савинского от 1 апр./19 марта за № 181, опубл. Ц. Р., стр. 111). Выслушав его совет организовать коалиционное прав-во и начать переговоры с Тройственным согласием в целях выступления против Турции, король сказал, что он об этом уже думал, но должен еще переговорить с Радославовым.

[2] Тел. от 2 апр./20 марта за № 111 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 207) Демидов сообщал о конфликте между Венизелосом и прав-вом, которое в целях выборной агитации опубликовало сообщение, «намекавшее на намерения Венизелоса сделать земельные уступки Болгарии». На этой почве между Гунарисом и Венизелосом произошел обмен писем, после чего последний через англ. посланника в Афинах просил разрешения Грея высказаться открыто в смысле своих последних предложений (ср. № 114).

шей санкции на его предположение об эвентуальных уступках Болгарии для привлечения ее к общему делу, правительство обнародовало краткое сообщение, в коем оно категорически отрицало, что король когда-либо соглашался на какие-либо земельные уступки в пользу иностранного государства. Вследствие сего Венизелос написал личное письмо королю, прося его опровергнуть сообщение правительства, и заявил, что в противном случае ему лишь останется окончательно покинуть политическую деятельность. Король, выбрав средний путь, поручил своему первому министру ответить, что разногласие зиждется на недоразумении и что бывший председатель совета министров, вероятно, его тогда не понял. Тем не менее Венизелос не удовлетворился ответом и решил, повидимому, отстраниться от политической арены, так как всякое дальнейшее его сотрудничество с королем отныне невозможно, и удалиться на жительство на остров Самос. Мелкие политиканы у власти, укрывающиеся за личностью монарха, правильно учли импульсивный и прямой характер их противника, дабы завлечь его в западню. Едва ли подлежит сомнению, что король в принципе дал хотя [бы] молчаливое согласие свое на уступки Болгарии. Популярность его не выиграет от этого факта. Греция же возвращается постепенно к старым приемам дореволюционной эпохи.

Демидов.

№ 505. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 120 [1]. 9 апреля/27 марта 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1574 и на мои телеграммы 115 и 116 [2].

Мой английский коллега и я ждем лишь получения нашим французским коллегою инструкций на предписанный нам шаг. Из осведомлен-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 210.

[2] Тел. от 4 апр./22 марта за № 115 и 6 апр./24 марта за № 116 (опубл. Stieve, S. 186) Демидов высказывал мнение, что предположенное выступление в Афинах (см. № 483) не достигнет своей цели и не привлечет Грецию на сторону Тройственного согласия, дав в то же время возможность Гунарису, затягивая переговоры, заявлять избирателям, что у него имеются предложения держав более выгодные, чем у Венизелоса. По мнению Демидова, лучше было бы предоставить Гунарису инициативу обращения к державам. Ответной тел. от 8 апр./26 марта за № 1574 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 210) Сазонов предписал Демидову сделать совместно с франц. и англ. посланниками заявление в редакции, принятой союзниками, но с указанием, что уступки обусловлены немедленным вступлением Греции в войну, и что в противном случае «державы будут считать себя свободными от всяких обязательств по отношению к Греции».

ных источников до меня дошло, что греческое правительство в ближайшее время предполагает обратиться к Тройственному согласию с новым предложением кооперации при весьма определенных условиях, среди коих, по всей вероятности, поставлены будут требования допущения греческой дивизии, а быть может, лишь представителей греческой армии совместно с союзниками в Константинополь, а также твердых гарантий и компенсаций. Относительно обеспечения от болгар мне сообщается, что греческий штаб предлагает сербскому установить общие военные меры безопасности. Мне известно, что прибывший сюда из Парижа королевич Георгий имеет известное поручение в связи с намеченным предложением греческого правительства и усердно действует в этом направлении. Полагаю, что условия выступления Греции будут тяжелее при нашей инициативе обращения.

Демидов.

№ 506. Вербальная нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 120 [1]. 10 апреля/28 марта 1915 г.

Le gouvernement de la République donnera son agrément à l'aide-mémoire que son excellence l'ambassadeur de Russie à Paris a remis à Mr. Delcassé le 6 mars dernier [2], et relatif à Constantinople et aux Détroits, sous la condition que la guerre sera poursuivie jusqu'à la victoire, et que la France et l'Angleterre réalisent leurs desseins en Orient comme ailleurs, ainsi qu'il est dit dans l'aide-mémoire russe [3].

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 134.

[2] Имеется в виду пам. записка Сазонова от 4 марта/19 февр. (см. № 299).

[3] В ответ на тел. Сазонова за № 1226 (см. ч. 1, стр. 510, прим. 1) Извольский тел. от 20/7 марта за № 157 (опубл. К-поль и Пр., 1, стр. 286) передал заявление Делькассе, что «он не видит никаких препятствий к тому, чтобы облечь свое заявление в письменную форму», но что окончательный ответ он даст дополнительно, «очевидно, по обсуждении дела в совете министров».

Тел. от 23/10 марта за № 1315 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 287) Сазонов указывал Извольскому, что «нельзя не отметить более утвердительного характера английского ответа» (см. №№ 351, 352) и просил предпринять соответствующие шаги, на что Извольский ответил, что Делькассе, исполняя желание Сазонова, предписал Палеологу «сделать вам в письменной форме такое же заявление, как то, которое получено вами от великобританского посла» (тел. от 24/11 марта за № 168, опубл. К-поль и Пр., I, стр. 288). Осведомленный однако Сазоновым тел. от 3 апр./21 марта за № 1518 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 291), что Палеолог еще не получил соответствующего предписания, Извольский тел. от 5 апр./23 марта за № 197 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 294) сообщил, что Делькассе, узнав

Перевод.

Правительство Республики даст свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Париже г. Делькассе 6 марта с. г. и касающуюся Константинополя и Проливов, при условии, что война будет доведена до победного конца, и что Франция и Англия осуществят свои планы на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке.

№ 507. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1613. 10 апреля/28 марта 1915 г., 7 ч. веч.

Ваша телеграмма № 168 [1] получена.

Полевой штаб кавказской армии сообщает со слов уполномоченных зейтунцев Мави Нохудяна, Микаэла Авордяна и Гаспарьяна нижеследующее:

Организация хинчакистов имеет много приверженцев во всей Киликии, особенно же в Зейтуне, где их около 3 000. Комитеты в Адане, Дорт-Иоль, Аджине, Сисе, Фурнузе, Мараше и Алеппо. Во главе движения могли бы стать те же лица, которые руководили движением 1895 года: Тохаджян, Енидюнян, Суренян, Чакирян, Ягубян, а также Гаспарьян. Зейтунцы утверждают, что могут выставить до 15 000 комбатантов и что они сумеют принять даже самое большое количество оружия без помощи всякого десанта в Александретте или ее окрестностях.

Нератов.

№ 508. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 207 [2]. 10 апреля/28 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 1561 [3] и 1562 [4].

Делькассе получил вчера от Палеолога текст ноты, которую вы

об этом, «схватился за голову и, объяснив это исключительно собственной забывчивостью. еще раз обещался тотчас же дать Палеологу надлежащее предписание».

[1] См. ч. 1, стр. 461, прим. 3.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 304.

[3] Тел. от 7 апр./25 марта за № 1561 была передана в Париж тел. за № 1539 (см. стр. 106 прим. 2).

[4] Тел. от 7 апр./25 марта за № 1562 Сазонов предписывал Савинскому воздержаться до получения новых инструкций от заявления, порученного ему тел. за № 1539.

предлагаете вручить болгарскому правительству от имени трех держав. Вполне разделяя вашу мысль о необходимости ныне же серьезно предостеречь Болгарию против дальнейшего потворства покушениям македонских банд, он готов принять ваше предложение с некоторыми редакционными поправками, а именно, ему кажется, что предложенные вами советы, с одной стороны, содержат некоторые выражения, могущие показаться в Софии обидными, а с другой — лишены надлежащей твердости. По его мнению, следует категорически предупредить болгарское правительство, что всякое нападение на Сербию будет сочтено союзниками, как нападение на них самих. Ввиду (только что) полученного им из Лондона известия, что Асквит продолжает настаивать на том, что следует начать с сообщения, изложенного в вашей телеграмме № 1561, Делькассе высказал мне вышеизложенное лишь в виде личного мнения и будет ожидать вашего дальнейшего отзыва. Он сказал мне, между прочим, что из Софии ему телеграфируют, что во многих болгарских кругах убеждены, что лишь появление русских войск может положить конец настоящему положению (в Болгарии) и что высадка в Варне одной русской дивизии тотчас вызовет перемену правительства и всеобщее движение в пользу кооперации с союзниками.

Извольский.

Я склоняюсь к мнению Делькассе.

Царское Село, [12 апреля] 30 марта 1915 г.

№ 509. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 10 апреля/28 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 198 [1]. Прошу срочных указаний.

На следующий день после разговора со мною Радославов повторил, хотя и в менее определенной форме, то же самое известному вам, должно быть, по Петрограду французскому путешественнику, а ныне корреспонденту Клоду Анэ, находящемуся здесь проездом в Россию. При этом Радославов разрешил ему послать бесплатно открытые телеграммы об этом разговоре. Вечером того же дня Клод Анэ был принят по поручению короля королевичем Борисом, который выслушал весьма внимательно и любезно его теорию о необходимости для Болгарии возможно скорейшего выступления, которое должно непременно предшествовать падению Константинополя. Английский военный

[1] См. № 503.

агент виделся все эти дни с военным министром, который более чем ясно высказался за скорейшее выступление. Все это в связи с общим наблюдаемым настроением свидетельствует, что именно теперь наступила психологическая минута решительного шага. Английский посланник получил вчера телеграмму [1] с приказанием, как только Панафье и я получим соответствующие инструкции, заявить болгарскому правительству, что для получения линии Энос—Мидия и линии договора 1912 года с Монастырем, Болгария должна немедленно примкнуть к державам Согласия. Между тем из переданной французскому посланнику в копии телеграммы Делькассе Камбону мы усмотрели, что для выступления здесь ожидается ответ Италии. На что именно должен последовать ответ этот и как скоро, — мы, конечно, не знаем, но находим все трое, что малейшее промедление может скомпрометировать успех шага здесь. Французский и английский посланники телеграфируют в этом же смысле своим правительствам. Наученный горьким опытом, я готов допустить, что проявляемая ныне правительством готовность обусловливается до некоторой степени страхом за то, как отнесутся державы к Валандовскому инциденту. Если бы это оказалось правильным и на наш шаг всетаки не последовало бы здесь категорического ответа, то под влиянием того впечатления, которое было бы в таком случае произведено в стране, совершившийся факт был бы принят единодушно. Рискуя выйти из пределов моей компетенции, хочу высказать предположение, что перечисление уступленных Болгарии местностей в сербской Македонии произвело бы на сербов менее тягостное впечатление, чем упоминание о границе 1912 года.

Савинский.

№ 510. Военный агент в Греции генерал-квартирмейстеру главного управления генерального штаба Леонтьеву.

Письмо № 130 [2]. 10 апреля/28 марта 1915 г.

Совершенно секретно.

Сюда прибыл один человек и сообщил мне весьма доверительно, что прибыл от имени группы известных лиц, чтобы позондировать почву о возможности заключения отдельного мира с державами Согласия.

Насколько я мог выяснить, в группе лиц, о коих он говорит, есть

[1] Ср. № 498.

[2] Маш. копия.

одно весьма крупное военное лицо и совсем вдали, прикрываясь, сам Талаат.

Эти лица, предвидя погром Турции и уничтожение ее как державы, желали бы ценой уступок сохранить турецкое государство; причем у них сложилось убеждение, что Константинополь будет потерян и потеряна будет, видимо, и Аравия.

Лицо это предлагает, имея свободный пропуск в Турцию, поехать в Константинополь и, увидевшись с нужными лицами, привезти сюда одного из членов группы для дальнейших переговоров.

Для России было бы, казалось бы, наивыгоднейшим, если бы, овладев Проливами и Константинополем, она могла бы сохранить Турцию, вместо создания у ее границ и дверей сильной Греции и других сильных соседей.

Об этом я докладываю доверительно посланнику и телеграфирую вашему превосходительству; к сожалению, боюсь, что это не входит в планы ныне англичан; видимо, Турция не сможет более служить нам барьером; для этого надо новое государство более жизненное и сильное, и вот будет пущено в ход все, чтобы создать сильную Грецию [1].

Гудим-Левкович.

№ 511. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 207. 10 апреля/28 марта 1915 г

Весьма доверительно.

Министр иностранных дел сообщил мне, что он осведомился о намерении итальянского правительства представить сегодня или завтра в Вене ноту с перечислением требований Италии, взамен коих последняя могла бы обязаться сохранить нейтралитет до конца войны. Министр считает, что требования Италии не могут быть приняты Австрией и что это поведет к перерыву переговоров между этими государствами.

Поклевский.

---

[1] Дополнительно тел. от 13 апр./31 марта (без номера) Гудим-Левкович высказывал следующее мнение: «Позволяю себе доложить, что мир, на условии захвата нами Проливов, сохранения Турции в Азии лучше для нас, чем создание сильной Греции с отдачей ей Айдинского вилайета за ее участие в войне. Греция верхом на Эгейском море в будущем захватит всю торговлю и сможет иметь 800 000 войск, она явится ядром и надеждой эллинизма с его мечтами о Византии, и мы сознательно готовим себе опасного врага».

№ 512. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

·/. 11 апреля/29 марта 1915 г.

Ввиду особливой важности иметь российским представителем в Царьграде ко времени занятия его союзными войсками лицо, обладающее надлежащим опытом и познаниями, необходимыми для исправления должности генерального комиссара, я предполагаю представить вашему императорскому величеству к назначению на сей ответственный пост посланника в Сербии в звании камергера статского советника князя Григория Трубецкого.

Приемлю смелость посему повергнуть на высочайшее утверждение проект соответственной секретной телеграммы [1].

Относительно поручения управления императорской миссией в Сербии по отъезде посланника, я буду иметь счастье испрашивать всемилостивейших указаний при личном докладе вашему императорскому величеству.

Сазонов.

Одобряю.

Царское Село, [11 апреля] 29 марта 1915 г.

№ 513. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1621. 11 апреля/29 марта 1915 г.

Я передал третьего дня французскому и великобританскому послам памятную записку, содержащую текст (смотри телеграмму № 2) сообщения, которое должны сделать в Софии посланники трех держав [2]. Я не могу согласиться с Греем [3], что нам следует удовольствоваться

---

[1] Тел. от 12 апр./30 марта за № 1635 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 340), представленной на утверждение Николая II, Сазонов просил Трубецкого быть готовым к отъезду, «как только этого потребуют обстоятельства», и добавлял: «Я особенно дорожу присутствием представителя России среди союзных войск». При письме от 13 апр./31 марта за № 403 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 341) Трубецкому были посланы основные документы, касающиеся управления К-полем (см. №№ 360, 403, 497), причем Сазонов сообщал, что в состав русского ген. секретариата в К-поле им назначены: Мандельштам (юридический советник), Кутепов (начальник канцелярии), Серафимов, Рафальский и Голенищев-Кутузов (секретари).

[2] Текст сообщения, отправленный в Париж и Лондон за № 1625 (2), дословно совпадает с двумя первыми абзацами проекта заявления, переданного в Софию за № 1666 (см. № 526).

[3] См. № 498.

опровержением болгарского правительства его причастности к набегам чет в Македонию и пригласить его ныне окончательно высказаться в пользу союзников. Пока появление чет в области, составляющей предмет заветных вожделений болгарского народа, носило чисто националистический характер, державы могли еще допускать оправдание таких явлений. Последние же нападения на пограничные селения были направлены прямо против держав Согласия и имели исключительно целью разрушить железную дорогу, являющуюся почти единственным путем сообщения между ними. По имеющимся у нас официальным австрийским данным, добытым секретным путем и подлинность коих не подлежит ни малейшему сомнению, движение это организовано австрийским военным агентом в Софии Лакса [1], и в числе четников находятся уже не комитаджи, сражающиеся за известный национальный идеал, а австрийские наемники и турки. При наличности этого обстоятельства дальнейшее воздержание наше от указания болгарскому правительству на преступность его двойственного поведения и на последствия, которые таковое должно повлечь за собою, могло бы быть приравнено к попустительству с нашей стороны его изменнической деятельности. В виду этого я считаю, что правительство, при коем вы аккредитованы, не может уклониться от участия в предлагаемом мною шаге, который возымеет полное свое значение, если и в нем обнаружится существующее между союзниками единодушие, являющееся главным залогом успеха их политики [2].

Сазонов.

№ 514. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

./. Телеграмма № 1627 [3]. 11 апреля/29 марта 1915 г.

Узнаю, что известный вам хорватский деятель Супило выезжает сегодня вечером с князем Юсуповым в ставку. Супило ратует в пользу объединения всех южных славян в одно государство, обнимающее между прочим всю Истрию и Далмацию. Так как осуществление этих вожделений несовместимо с нашим стремлением втянуть Италию в войну ценою уступок, с необходимостью коих изволил согласиться

---

[1] См. № 229.

[2] Далее зачеркнуто: «Если бы наши союзники не решились к нам присоединиться, нам пришлось бы выступить одним, причем наши действия легко могли бы принять более решительный характер, нежели того опасается Грей».

[3] Лит. копия.

августейший верховный главнокомандующий, считаю желательным, чтобы Супило не были поданы на ставке несбыточные надежды, могущие впоследствии вселить в южных славянах сомнение в нашей искренности. Имейте в виду также, что было бы предпочтительно не задерживать Супило на ставке до приезда туда государя императора, чтобы не ставить его величество в необходимость лично указать на неисполнимость теперь пожеланий хорватов и словинцев. Министерством преподан Супило совет ускорить свой отъезд в Лондон [1], так как там его деятельность могла бы оказаться более полезной, чем здесь, где и без того в сочувствии южным славянам нет недостатка.

Сазонов.

№ 515. Поденная запись министерства иностранных дел.

11 апреля/29 марта 1915 г.

[11 апреля] 29 марта министр передал американскому послу на словах, что императорское правительство отклоняет американское предложение об установлении нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари [2].

№ 516. Управляющий генеральным консульством в Тавризе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 64. 11 апреля/29 марта 1915 г.

Копии в Тифлис, Тегеран и Ардебиль.

После первых попыток велиагда проявить свою самостоятельность и следовать моим советам, последовала, по жалобе его помощников пишкара и каргузара, телеграмма из Тегерана, где велиагду указывалось, что он лишь номинальный правитель, что все управление краем лежит на пишкаре; велиагд обиделся, рассорился с Низам-оль-Мольком и приказал подать экипаж, чтобы ехать обратно в Тегеран. Его приближенные не без труда успокоили его и отговорили от отъезда; Низам-оль-Мольк, почувствовав под ногами почву, приступил к распродаже с аукциона губернаторских мест в Азербайджане разным лицам свиты велиагда, начав с Ардебиля, где губернатором состоит поддерживаемый Писаревым шах-заде Мукдир-эд-Доуле. На это место пишкар предполагает назначить Муккарем-эд-Доуле, прибывшего из Тегерана с рекомендательными письмами и

[1] См. № 445.

[2] Ср. № 372.

просьбами дать ему Ардебиль. Думая, что теперь в Ардебиле те же до ходы, что и прежде, этот кандидат обещал Низам-оль-Мольку 10 00 томанов (в виде) подарка, и назначение почти состоялось. Я заявил протест, указав, что Мукдир-эд-Доуле оказал нам большие услуги что смена его будет иметь крайне дурное впечатление на шахсевен которые истолкуют это так, что де велиагд сменяет лиц, благорас положенных к русским, а потому и сами снова начнут грабежи и на падения, и во время долгих переговоров и настояний я дал понять Низам-оль-Мольку, что Муккарем-эд-Доуле может по прибытии Ардебиль попросту не быть впущенным в город нашими войсками На аудиенции у велиагда последний также поддерживал Низам-оль-Молька. Я остался при своем мнении, и пока назначение нового губернатора отменено, и начаты переговоры о получении за утверждение в должности умеренного пешкеша с Мукдир-эд-Доуле. Полагаю, что последнему не мешает дать Низам-оль-Мольку и всей клике некоторую подачку.

Беляев.

№ 517. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 212 [1]. 12 апреля/30 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 1621 и 1625 [2].

Сообщил их содержание Делькассе, который был уже знаком с текстом вашего предложения через Палеолога. Подтвердив мне соображения, высказанные им третьего дня и изложенные в моей телеграмме № 207 [3], он прочел мне телеграмму из Софии, в которой французский посланник сообщает, что в Болгарии все более и более берет верх течение в пользу кооперации с державами Согласия, что король Фердинанд все еще колеблется, ожидая исхода операций против Дарданелл и Константинополя, но что Радославов не скрывает, qu'il serait content d'avoir la main forcée [4]. При таких условиях Панафье высказывает мнение, что следовало бы, не теряя времени, сделать болгарскому правительству заявление, предложенное Асквитом; в случае же неполучения удовлетворительного ответа государь император мог бы обратиться к королю Фердинанду с телеграммой, предупреждаю-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 305.

[2] См. № 513 и стр. 125, прим. 2.

[3] См. № 508.

[4] «Что он был бы доволен, если бы его заставили принять решение».

щей его о предстоящей высадке в Бургасе русских войск, появление коих тотчас положит конец колебаниям Болгарии. Одновременно с этой высадкой англо-французские войска могли бы высадиться в Дедеагаче. Предполагая, что Савинский телеграфировал вам в том же смысле, Делькассе, прежде нежели окончательно высказываться о предложенном вами тексте сообщения, будет ожидать дальнейших ваших решений. На мой вопрос, что он думает о телеграмме Панафье, он ответил, что лично высказанные в ней соображения кажутся ему вполне убедительными, но что, разумеется, в этом вопросе компетентна главным образом Россия, к решению коей он заранее готов присоединиться.

Извольский.

№ 518. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 127 [1]. 12 апреля/30 марта 1915 г.

Copie à Londres et Paris.

Me réfère à vos télégrammes NoNo 1531 [2] et 1574 [3].

Notre collègue de France venant de recevoir ses instructions nous avons procédé à démarche prescrite auprès du président du Conseil hellénique. Le ministre d'Angleterre en sa qualité de doyen a donné lecture à Mr. Gounaris, et laissé copie, texte suivant: «Les trois Puissances alliées ont pris note avec satisfaction de déclaration par laquelle le nouveau gouvernement grec a fait savoir qu'il continuerait la politique extérieure du Cabinet précédent. Puissances alliées demeurent pour leur part prêtes comme avant à assurer à la Grèce en retour de sa coopération à la guerre contre Turquie les acquisitions territoriales déjà promises dans vilayet Aidine».[4] Verbalement il a ajouté: offre de ces acquisitions territoriales ne sera maintenue que si Grèce assure aux alliés sa coopération immédiate, et les trois Puissances se considéreraient dégagées de tout engagement si la coopération grecque n'était pas assurée sans délai. En prenant acte de notre communication le président du Conseil nous dit que le Cabinet s'occupait précisément de l'étude de cette question et nous promit réponse sous peu de jours. Il s'enquit de l'étendue de la coopération, demande à laquelle notre collègue anglais déclara ne pas avoir qualité pour répondre. Il parut s'intéresser

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 211.

[2] См. стр. 94, прим. 2.

[3] См. стр. 119, прим. 2.

[4] Этот текст был сообщен Сазонову Бьюкененом 8 апр./26 марта (опубл. Р. Аз. Т., стр. 133).

au caractère des précisions territoriales formulées par son prédécesseur; le ministre d'Angleterre répondit qu'il n'y avait eu aucun échange de vues officiel à ce sujet. Pour ce qui était des frontières qui ... territoires auxquels Grèce pouvait aspirer il avait lieu de croire qu'il s'agissait en l'espèce de Smyrne avec une partie du hinterland.

Démidow.

Перевод.

Копии в Лондон и Париж.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 1531 и 1574.

Ввиду того, что наш французский коллега получил свои инструкции, мы сделали предписанное нам заявление председателю эллинского совета министров. Английский посланник, как старшина, прочитал г. Гунарису следующий текст, оставив ему копию: «Три союзные державы с удовлетворением приняли к сведению декларацию, которой новое греческое правительство заявило, что оно будет продолжать внешнюю политику предшествовавшего кабинета. Со своей стороны союзные державы готовы, как и раньше, гарантировать Греции за ее участие в войне против Турции уже обещанные территориальные приобретения в Айдинском вилайете». Он добавил к этому устно, что предложение территориальных приобретений останется в силе лишь при условии, если Греция обеспечит союзникам свое немедленное содействие, и что три державы будут считать себя свободными от всякого обязательства, если содействие Греции не будет гарантировано безотлагательно. Принимая к сведению наше сообщение, председатель совета нам сказал, что кабинет занят изучением именно этого вопроса, и обещал дать нам ответ через несколько дней. Он осведомился, каковы должны быть размеры содействия; на это наш английский коллега сказал, что он не уполномочен дать ответ на подобный вопрос. Гунарис казался заинтересованным характером территориальных компенсаций, о которых было заявлено его предшественником; английский посланник ответил, что по этому вопросу не происходило никакого официального обмена мнений. Что же касается границ... территорий, на которые могла бы претендовать Греция, то можно полагать, что речь идет в частности о Смирне с частью хинтерланда.

Демидов.

№ 519. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 35. 12 апреля/30 марта 1915 г.

Копии в Париж, Лондон, Бухарест и Ниш.

Прошу срочных распоряжений.

По сведениям, проверенным мною через сербских делегатов, заведующих интендантской частью, в черногорской армии имеется запасов муки лишь на 14 дней. Ввиду блокады берегов и отсутствия сколько-нибудь удобных сухопутных сообщений с Сербиею, армии и населению грозит голод. Сегодня черногорское правительство просило меня пе-

редать в Петроград усердное ходатайство о возможном содействии немедленному принятию мер к обеспечению доставки в Антивари или, в крайнем случае, в Медую хотя бы некоторого хлебного груза [1]. Быть может, явилось бы осуществимым предварительно разрешения вопроса о доставке более значительной партии дарованного Россиею хлеба, немедленно направить чрез Румынию и Сербию хотя бы две или три тысячи в Салоники, а оттуда под необходимым конвоем в Антивари на уже состоящем в распоряжении черногорского правительства пароходе «Вайт».

Обнорский.

№ 520. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

№ 514. 13 апреля/31 марта 1915 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича от [12 апреля] 30 марта сего года:

«Наш посланник в Афинах сообщает мне: «В дополнение к депеше за № 475, в коей я вас известил, что Германия предложила Болгарии занять линию Энос—Мидия, уведомляю вас для сведения, что греческий товарищ министра иностранных дел сообщил мне, что вчера германский посланник спросил его: будет ли Греция сопротивляться, если бы Болгария теперь же заняла линию Энос—Мидия, и что товарищ министра иностранных дел ответил ему, что это будет зависеть от того, каким образом и в союзе с кем это Болгария сделает».

Пашич».

№ 521. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1646. 13 апреля/31 марта 1915 г.

Болгарский посланник передал просьбу своего правительства об уплате апрельского платежа по 82 миллионному долгу в Петрограде в рублях по курсу 2,666 франка за рубль.

Министр финансов не считает возможным на это согласиться и настаивает на уплате во франках согласно условиям займа.

Сазонов.

---

[1] Ср. № 226.

№ 522. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1651 [1]. 13 апреля/31 марта 1915 г.

Идентично в Париж.

«Главная квартира телеграфирует за № 171:

Верховный главнокомандующий получил из Черногории известие о крайнем недостатке хлеба. Причина тому — недостаточное наблюдение союзной эскадры за побережьем, вследствие чего австрийцам удалось потопить три парохода с зерном для Черногории, а также набеги албанцев и ограбление ими барж с зерном, идущих по Бояне. Это последнее обстоятельство вынуждает короля занять пункты по правому берегу Бояны и у Тарабоша. Делая это, король готов дать подписку, что это лишь временное занятие, которое должно кончиться с окончанием войны. Верховный главнокомандующий повелел мне донести о вышеизложенном до вашего сведения, прося содействия императорского правительства: 1) к более действительной охране судов с продовольственным грузом для Черногории и 2) к согласию держав на предполагаемое занятие правого берега Бояны и Тарабоша черногорцами. Его императорское высочество мотивирует представительство соображениями военного свойства: не обеспеченная хлебом, черногорская армия бессильна выполнить свою долю в общем деле, снабжение же ее хлебом зависит от безопасности его доставки как морем, так и по реке Бояне».

Прошу вас принять зависящие меры и дать ответ по телеграфу.

Сазонов.

№ 523. Посланник в Стокгольме товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 108. 13 апреля/31 марта 1915 г.

№ 1.

Ввиду опубликованного дозволения шведского правительства на вывоз 10 600 лошадей рабочего типа за границу и будучи осведомлен о намерении нашем перекупить лошадей, я имел вчера исчерпывающее объяснение с министром иностранных дел [2]. Последний откровенно

[1] Тел. печатается с копии, хранящейся в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] Деп. от 11 февр./29 янв. за № 3 Неклюдов сообщил о предполагаемом вывозе из Швеции 8 000 лошадей в Германию за указанную в настоящей тел. компенсацию со стороны последней. Запрошенный Арцимовичем по этому вопросу письмом от 20/7 февр. за № 192, Кудашев ответил 24/11 февр. за № 336, что верх. главнокомандующий не видит опасности для России в вывозе лошадей в Германию, «а посему не усматривал бы препятствий к тому, чтобы взамен допущения

признался мне, что общественная организация, коей выдано было правительством специальное разрешение скупки означенных лошадей, уже запродала их в Германию, и таким образом перекупка их нами исключена. Министр иностранных дел объяснил мне далее, что лишь только этой ценою шведскому правительству удалось, после четырех месяцев тщетных усилий в Берлине, добиться отмены объявления лесного товара контрабандою. Между тем остановка вывоза лесных материалов из Швеции имела немедленным последствием остановку работ на многочисленных лесопильнях и возрастающее недовольство против правительства среди многочисленного крестьянского населения, оставшегося без работы и сбыта. Это привело правительство к уступке Германии, на которую мы бесспорно имеем право жаловаться, но которая явилась для Швеции «cas de force majeure»[1]. На мое замечание, что при таком положении дел мы не можем быть уверены, что через несколько времени не последует новой поставки лошадей в Германию, Валленберг ответил мне обещанием, что этого не будет. Вполне понимая значение происшедшего с точки зрения наших военных интересов и глубоко сожалея, что мои старания помешать поставке в Германию лошадей не имели успеха, я однако считаю долгом обратить внимание министерства иностранных дел и главной квартиры на следующие соображения.

(Продолжение в телеграмме за № 2.)

Неклюдов.

такого экспорта мы бы получили от Швеции послабление в области транзита через нее продуктов и принадлежностей специально военного значения». Однако, в. кн. Николай Николаевич, по словам Кудашева, указывал, что «Франция и Англия могут взглянуть иначе на это дело». Тел. от 27/14 февр. за № 843 было предложено Извольскому и Бенкендорфу узнать мнение франц. и англ. правительств по вопросу о вывозе лошадей. Бенкендорф сообщил 16/3 марта за № 182, что англ. прав-во разделяет взгляд верховного главнокомандующего, «не будучи в состоянии воспрепятствовать вывозу лошадей в Германию». 27/14 марта тел. за № 177 Извольский сообщил, что франц. прав-во не может солидаризироваться с Россией и Англией по этому вопросу и считает, что компенсации со стороны Швеции потеряют ценность после взятия Дарданелл; Швецию же за отказ от вывоза лошадей следует компенсировать рынком сбыта леса на восстановление разрушенных немцами областей Северной Франции и Бельгии. Когда 8 апр./26 марта было объявлено официально разрешение швед. прав-ва на вывоз 10 500 (так в оригинале) лошадей, «абсолютно негодных для военных целей», то главное управление росс. ген. штаба решило перекупить швед. лошадей. (Сообщение военного агента в Швеции Кандаурова от 9 апр./27 марта.)

[1] «делом крайней необходимости».

№ 524. Посланник в Стокгольме товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 108. 13 апреля/31 марта 1915 г.

№ 2.

До сих пор шведскому правительству и специально Валленбергу удалось, несмотря на агитацию весьма влиятельных и многочисленных германофильских кругов, не только сохранить нейтралитет Швеции, но и оказывать нам необходимые услуги и изъятия в области транзита и вывоза необходимых для России товаров и предметов. Нашему военному и морскому ведомству известно, что именно мы получаем из Швеции. До сих пор благожелательное и чуждое всякой придирчивости отношение наше к Швеции много способствовало уменьшению в Швеции воинственного пыла, упрочению нынешнего кабинета и некоторому увеличению в обществе симпатий к России. Я считал бы опасным отойти от этого пути и прибегать к репрессалиям даже по такому поводу, как состоявшаяся поставка Германии Швециею — можно даже сказать: шведским правительством — десяти тысяч лошадей. Я считал бы гораздо более полезным пользоваться всяким подобным фактом, дабы добиваться взамен сего новых уступок и послаблений в нашу пользу.

Неклюдов.

№ 525. Вице-консул в Хайларе министру иностранных дел.

Телеграмма № 60. 13 апреля/31 марта 1915 г.

Телеграфирую в Пекин.

Разъезд, посланный в Монголию, вернулся. Выяснено, что Бабучжаб по своей собственной инициативе уничтожил весь немецкий разъезд, о чем, опасаясь китайцев, просит не разглашать. Бабучжаб прислал мне об этом официальное сообщение.

Усатый.

Молодец. Кто он?[1]

Царское Село, [16] 3 апреля 1915 г.

---

[1] В ответ на эту резолюцию Николая II Сазонов докл. зап. от 18/5 апр. сообщил ему, что «князь Бабучжаб — один из тех князей Внутренней Монголии, которые объявили о своем отложении от Китая и признали над собой власть ургинского хутухты. Князь Бабучжаб стоит во главе тех войск, которые монгольское правительство выдвинуло в сторону Внутренней Монголии».

№ 526. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1666 [1]. 14/1 апреля 1915 г.

Благоволите, по получении вашими французским и великобританским сотоварищами соответствующих инструкций, сделать следующее представление болгарскому правительству [2].

Les Puissances alliées possèdent des preuves indéniables de ce que les agents autrichiens s'efforcent d'entraîner la Bulgarie dans une voie contraire à ses intérêts vitaux et aux traditions de son passé. Le réseau de leurs intrigues s'étend sur tout le pays; une incursion en Macédoine de bandes armées a été organisée par ces agents ces derniers jours, de connivence avec les pires élements macédoniens. Le peuple bulgare court le danger d'être précipité à son insu et contre sa volonté dans un conflit dont les suites peuvent être pour lui aussi désastreuses que celles de la catastrophe de 1913.

Soucieuses d'assurer après la tourmente actuelle une longue période de paix les Puissances alliées croient de leur devoir de prémunir le gouvernement royal contre les dangers que sa politique tortueuse fait courir au pays. Mise au service des deux empires du centre cette politique ne peut pas donner à la Bulgarie les avantages que seuls les alliés peuvent lui assurer. Si le gouvernement royal persiste dans son attitude de complicité avec les ennemis de la Triple Entente et continue à tolérer leurs menées les alliés se considéreront déliés des promesses qu'ils ont été amenés à lui faire et lui laisseront la responsabilité des événements qui pourraient en être la conséquence.

Le gouvernement bulgare peut être toutefois certain que les alliés ne désirent nullement être amenés à adopter une attitude hostile vis-à-vis de la Bulgarie et qu'ils envisagent avec bienveillance les légitimes

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 113.

[2] См. стр. 125, прим. 2. Пам. зап. от 13 апр./31 марта Бьюкенен сообщил Сазонову текст инструкции, посланной англ. посланнику в Софии, который представляет собой точный перевод сообщения Сазонова от 11 апр./29 марта, но с добавлением нового абзаца, включенного, по словам Грея, с целью привлечения Болгарии. Этот последний абзац был Сазоновым целиком включен в настоящую инструкцию Савинскому. Тел. от 14/1 апр. за № 244 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 306) Бенкендорф сообщил, что Никольсон, передавая ему содержание англ. пам. записки от 13 апр./31 марта, добавил, что «английское правительство было бы решительно против проекта нарушающей нейтралитет высадки наших войск в Бургасе, даже если бы эта крайняя мера принудила болгарское правительство к выступлению». По словам Никольсона, Грей считает, что «английское правительство было бы поставлено в противоречие с занятой им позицией в вопросе о нарушении бельгийского нейтралитета».

aspirations du peuple bulgare. Si le gouvernement royal est prêt à faire cause commune avec les alliés, ceux-ci sont disposés à chercher les moyens de satisfaire ses voeux et d'employer leur influence et leurs efforts afin d'en assurer la réalisation[1].

Сазонов.

Перевод.

Благоволите, по получении вашими французским и великобританским сотоварищами соответствующих инструкций, сделать следующее представление болгарскому правительству:

Союзные державы имеют неопровержимые доказательства того, что австрийские агенты стараются увлечь Болгарию на путь, идущий в разрез с ее жизненными интересами и традициями ее прошлого. Сеть их интриг распространяется по всей стране: в последние дни при содействии худших элементов македонского населения этими агентами было организовано вторжение вооруженных банд в Македонию. Болгарскому народу грозит опасность быть, без его ведома и вопреки его воле, вовлеченным в конфликт, последствия которого могут быть для него столь же гибельны, как последствия катастрофы 1913 года.

Стремясь обеспечить после нынешнего бедствия продолжительный мир, союзные державы считают своим долгом предостеречь королевское правительство от опасностей, которым подвергает страну его колеблющаяся политика. Служа интересам двух центральных империй, политика эта не может доставить Болгарии тех преимуществ, обеспечить которые могут ей только союзные державы. Если королевское правительство будет продолжать вести себя как соучастник врагов Тройственного согласия и будет впредь допускать их происки, державы сочтут себя свободными от данных ими обещаний и предоставят ему нести ответственность за события, могущие явиться последствием этого.

Болгарское правительство может быть однако уверено в том, что союзные державы отнюдь не желают быть вынужденными стать во враждебные к Болгарии отношения и что они относятся доброжелательно к законным стремлениям болгарского народа. Если королевское правительство намерено к ним присоединиться, союзные державы готовы изыскать способы удовлетворить его желания и приложить свое влияние и свои усилия для того, чтобы обеспечить их осуществление.

Сазонов.

№ 527. Министр иностранных дел послу в Мадриде Будбергу.

Письмо № 60/п[2]. 14/1 апреля 1915 г.

М. г. барон Федор Андреевич,

Я имел честь получить доверительное письмо от 19/6 января[3], в

---

[1] Тел от 14/1 апр. за № 214 Извольский сообщил, что Делькассе принимает текст сообщения с англ. поправками и телеграфирует об этом франц. посланнику в Софии.

[2] Черновик написан рукой Шиллинга.

[3] См. № 39.

котором ваше превосходительство изложили мне свой разговор с королем Альфонсом XIII и передали пожелание его величества, при поддержке России и с согласия Англии и Франции, получить для Испании новые преимущества в Марокко в воздаяние за выказанное Испанией в настоящей войне благоприятное названным державам отношение.

Вам хорошо известно, как дружественно относится к Испании Россия, вверившая теперь защиту своих интересов в воюющих странах королевским представителям. Благородные черты рыцарского характера короля Альфонса также давно стяжали его величеству искреннее сочувствие государя императора и русского общественного мнения.

Вместе с тем в вопросах, касающихся Марокко, ближе всего затрагивающих наших союзников, Россия не может поддерживать домогательств, идущих в разрез с интересами последних.

Если бы Франция и Англия захотели удовлетворить испанские пожелания в отношении Танжера, Россия могла бы лишь приветствовать осуществление мечты дружественного ей государства. Но приходится думать, что подобное разрешение вопроса едва ли входит в виды французского и великобританского правительств, а потому нам нельзя принять на себя неблагодарной роли посредника в деле, заранее обреченном на неуспех [1].

Вследствие изложенных соображений, покорнейше прошу ваше превосходительство, в случае возвращения короля к затронутому предмету, в самых дружественных выражениях разъяснить его величеству, что вопрос о Танжере подлежит разрешению в Париже и в Лондоне, а что Россия, с своей стороны, всегда готова считаться с испанскими пожеланиями, поскольку они совместимы с нравственными обязательствами России перед своими союзницами. Новым доказательством такого доброжелательного отношения к Испании может служить только-что заключенное мною со здешним испанским послом соглаше-

[1] Тел. от 12 марта/27 февр. за № 16 посланник в Бельгии И. Кудашев сообщил, что, по сведениям бельг. посланника в Мадриде, король Альфонс «мечтает» об уступке ему Танжера и говорил посланнику, что Германия «обещает Испании Гибралтар, Марокко и полную свободу действий в Португалии, между тем как со стороны союзников, которым он лично хотел бы оказать содействие, никаких обещаний до сих пор не было». Ссылаясь на эту тел., Бенкендорф тел. от 14/1 марта за № 180 указывал, что англ. прав-во не согласится на уступку Испании Танжера, «так как обладание этим пунктом имеет более важное значение для господства над Гибралтарским проливом, чем обладание самим Гибралтаром».

ние об отказе России от консульской юрисдикции в пределах испанской зоны Марокко [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 528. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 248 [2]. 14/1 апреля 1915 г.

Copie Paris.

En m'annonçant que démarche à Athènes avait eu lieu hier [3] et que président du Conseil grec avait demandé quelque temps pour réflexion, Nicolson me dit que Gounaris avait demandé à Elliot quelles compensations en Asie Mineure seraient réservées à la Grèce. Le ministre d'Angleterre a répondu n'avoir pas d'instructions, mais que personnellement il pensait qu'il s'agissait de Smyrne et d'un hinterland dont les frontières seraient à étudier. Président Conseil ayant demandé si des promesses plus larges n'avaient pas été faites à Vénizélos, Elliot a répondu qu'il n'en avait pas connaissance. Nicolson me dit qu'en effet Vénizélos avait confidentiellement sondé le terrain à Londres sur des concessions en Asie Mineure extrêmement larges. Aucune réponse n'a été donnée à ces ouvertures et aucune n'y pouvait être faite avant que question des zones d'influence ne soit étudiée et part que pourrait exiger Italie établie.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Сообщая мне, что выступление в Афинах состоялось вчера и что председатель греческого совета министров попросил некоторого времени для размышления, Никольсон сказал мне, что Гунарис спросил Эллиота, какие компенсации в Малой Азии будут предоставлены Греции. Английский посланник ответил, что у него нет инструкций, но лично он полагает, что дело идет о Смирне и о хинтерланде, границы которого подлежат еще выяснению. На вопрос председателя совета, не были ли даны более широкие обещания Венизелосу, Эллиот ответил, что об этом у него нет сведений. Никольсон сказал мне, что, действительно, Венизелос нащупывал конфиденциальным образом почву в Лондоне о крайне широких уступках в Малой Азии. Никакого ответа не было дано на это предложение и не могло быть дано до выяснения вопроса о зонах влияния и до установления доли, которую могла бы потребовать Италия.

Бенкендорф.

---

[1] Декларация об отказе России от консульской юрисдикции в испанской зоне Марокко опубл. Изв. МИД, 1915 г., т. IV, стр. 9.

[2] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 134.

[3] См. № 518.

№ 529. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 14/1 апреля 1915 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В целом ряде последних телеграмм[1] я докладывал вашему высокопревосходительству о том, что общее настроение общественного мнения и правительства представляет теперь весьма благоприятный момент для совместного выступления держав в Софии, если бы таковое с общей политической точки зрения было признано желательным и своевременным. О сем последнем судить, конечно, не мне, и мне остается только держать вас в курсе тех настроений и колебаний, которые здесь наблюдаются в связи с ходом мировых событий. В своих телеграммах я не только отмечал своевременность, с местной точки зрения, дипломатического выступления, но указывал, что почва подготовлена и для более энергичных мер. Одной из таких мер, которую желает и ожидает здешнее общественное мнение и о которой говорит даже правительство, является высадка союзного десанта. Вчера английский посланник, к сожалению, продолжающий действовать врозь и не понимать положения, сообщил мне о телеграмме, которую будто бы английский морской министр Винстон Черчилль послал его императорскому высочеству августейшему главнокомандующему с просьбой не производить десанта, дабы не уподобить Болгарию Бельгии, из-за нарушения нейтралитета которой Англия начала войну и что будто бы великий князь ответил английскому министру согласием[2].

Лишнее говорить о разнице с международной точки зрения между гарантированным великими державами вечным нейтралитетом Бельгии, который к тому же она сама в предвидении войны решила строго оборонять, и временным нейтралитетом находящейся в постоянных войнах Болгарии, правительство коей неоднократно само заявляло, что нейтралитет этот будет сохраняться до тех пор, пока интересы страны того будут требовать. Из моих предыдущих донесений вам известно, что не только общественное мнение, но [и] глава правительства считал бы десант мерой желательной с болгарской точки зрения, мерой, которая развязала бы руки правительству и вывела бы его и короля из того тупика, в котором они находятся[3].

Раньше я также неоднократно отмечал поглощающее влияние, ко-

---

[1] См. №№ 480, 503 и 509.

[2] Ср. ч. 1, стр. 543, прим. 2.

[3] Ср. № 503.

торое имеет король на все решения правительства, а также причины, которые заставляют короля колебаться и оттягивать принятие решения, единственно полезного для страны и отвечающего желаниям большинства. К этим причинам следует причислить еще страх пред упреком в нарушении конституции. Этим объясняется, помимо всех других соображений, та осторожность, с которой он относится к своему соучастнику Геннадиеву.

В течение более 20 лет последний вел антирусскую политику; [6 июля] 23 июня 1913 года он не постеснялся открыто выразить это в известном письме [1], после написания которого он, уже в качестве министра иностранных дел, был с королем Фердинандом в Вене и вел переговоры с Берхтольдом [2]. Возможно—и более, чем вероятно, как я уже это высказывал не раз,—что и король, и его министр были слишком осторожны, чтобы оставить письменный след этих переговоров, в виде какого-либо дипломатического документа; по всей вероятности, все велось на словах и облекалось в форму словесных обещаний между двумя монархами, но Геннадиев не такой человек, чтобы он не обеспечил бы себя неопровержимыми доказательствами, что король, ведя эти переговоры, поступал против конституции. Дабы дать себе больше простора в этом отношении, король настоял в 1910 году на введении в болгарскую конституцию статьи 17-й, разрешающей главе государства вести секретные переговоры, но с обязательством сообщать их результат правительству. Нужно думать, что и раньше король Фердинанд также не раз грешил против конституции, хотя бы в 1908 году,

[1] При депеше от 19/6 окт. 1913 г. за № 30 Савинский препроводил копию опубликованного в газете «Мир» письма Геннадиева, Радославова и Тончева на имя Фердинанда от 6 июля/ 23 июня, в котором они указывали, что предшествующая политика Болгарии являлась ошибкой, так как «было продолжено полное подчинение русской политике, вопреки вопиющему и каждый день возрастающему от этого злу», и заявляли, что «спасительный для царства путь—это политика тесного приятельства с Австро-Венгрией».

[2] Имеются в виду свидания царя Фердинанда с Францом-Иосифом 6 и 27 ноября и с графом Берхтольдом 6 и 7 ноября (н. ст.) 1913 г. В это же время Геннадиев имел беседы с графом Берхтольдом. Предметом разговоров во время этих встреч было формальное предложение со стороны болг. прав-ва заключить союз с Австро-Венгрией, направленный к изменению Бухарестского договора. Франц-Иосиф и граф Берхтольд приняли предложение довольно холодно и указали на существующие союзные взаимоотношения между монархией и Румынией, которые требуют, чтобы будущие взаимоотношения между Австро-Венгрией и Болгарией не противоречили ее обязательствам по отношению к Румынии (см. Oe. U. A., Bd. VII, №№ 8969, 8972, 8981, 8990 и 9080 и примечание к последнему номеру).

когда он связал провозглашение независимости Болгарии с аннексией Боснии и Герцеговины [1]: ясно, что этому должны были предшествовать уговоры с Веной, тоже оставшиеся неизвестными. Эти соображения, присоединяясь ко всем другим, более личным, заставляют короля колебаться пред переменою политики. Поворот в пользу России вызовет протест друзей Австрии, и Геннадиев первый выдаст короля головой. Вот почему нет ни одного нахального требования этого политического и нравственного негодяя, которое не исполнялось бы с поспешностью: незаконным решением народного собрания он освобождается от уголовного суда за хищение; ему даются то в Константинополь, то в Западную Европу «дипломатические миссии», оплачиваемые сотнями тысяч франков; делается все, чтобы освободить его в настоящую минуту от нового суда и обвинения в организации покушения в казино, о чем я доношу сегодня отдельно [2], и когда его нахальные домогательства войти снова в состав правительства терпят неудачу, то ему предлагается посланнический пост в Париже, причем французскому посланнику заявляется официально, что это личное желание короля.

В этой роли Геннадиева нужно искать объяснение и слов короля, сказанных военному министру, принесшему во дворец материалы следствия, неоспоримо доказывающие виновность Геннадиева в покушении в казино; король просил генерала Фичева (зять последнего рассказывал это нашему вице-консулу в Филиппополе) не давать хода следствию и не арестовывать Геннадиева, так как это грозит потрясениями и позором всей стране.

Осудить Геннадиева, засадить его на всю жизнь в одну из тех тюрем (джамий), в которых подвергались пыткам и гнили годами разные политические деятели, бывшие неугодными Стамбулову, основателю партии, шефом которой является теперь Геннадиев, у короля не хватает храбрости: он боится, что и из стен тюрьмы Геннадиев сумеет привести в исполнение свои террористические угрозы. Освободить его от суда и оставить в Болгарии, когда последней нужно менять свою политику, тоже нельзя; поэтому его и предлагают посланником в Париж, не считаясь совершенно с позором, который со-

[1] Имеется в виду свидание короля Фердинанда с Берхтольдом в Будапеште 23/10—24/11 сент. 1908 г., во время которого одновременно обсуждались вопросы о провозглашении независимости Болгарии и об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Оба акта были провозглашены 5 окт. /22 сент. 1908 г. (см. Oe. U. A., Bd. I, №№ 87, 146 и 161).

[2] См. № 530.

пряжен с этим для страны и с неуспехом, на который, в случае его принятия правительством Республики, обречена его политическая деятельность во Франции, против которой он так открыто и так упорно выступал.

Тем не менее, с местной точки зрения, эта попытка удалить Геннадиева из страны, по моему мнению, является одним из многочисленных за последнее время доказательств решимости переменить курс внешней политики.

Остается только жалеть, что в столь важный для Болгарии момент у нее нет внушающего доверие правительства, нет министра иностранных дел, с которым можно было бы говорить серьезно, без опасения, что то, что говорится, говорится под влиянием каких-либо посторонних соображений и что то, что сказано сегодня, [не] будет опровергаться завтра. В силу этих соображений я и счел элементарною осторожностью, передавая вам свой последний разговор с Радославовым (телеграмма № 198) [1], оговориться, что он мог быть вызван желанием отвлечь наше внимание от Валандовского инцидента или что на следующий день, после свидания с королем или разговора с враждебными нам членами кабинета, Радославов с легкостью может отречься, если не от своих предложений, то от своевременности приведения их в исполнение.

Но, повидимому, на этот раз дело обстоит серьезнее. Вчера Радославов, со свойственными ему восточными уловками и приемами, вместо того, чтобы говорить со мной лично, прислал ко мне председателя центрального македонского комитета д-ра Владова, о котором мне неоднократно приходилось писать вашему высокопревосходительству. Если вы изволите припомнить, последнее его пожелание сводилось к разрешению болгарам занять до-вардарскую Македонию, что обусловило бы, по его словам, немедленное выступление Болгарии на нашей стороне [2]. Вчера он сбавил с этих пожеланий и говорил лишь

---

[1] См. № 503.

[2] Письмом от 21/8 окт. 1914 г. Савинский сообщил Сазонову, что в разговоре с ним д-р Владов, председатель македонского комитета, узнав, что росс. прав-во считает возможным предоставить Болгарии в случае ее нейтралитета «бесспорную» зону Македонии, заявил, что разрешение немедленно занять Македонию может заставить Болгарию стать на сторону союзников; в противном же случае не лишено вероятия, что македонцы, «боясь, что при ликвидации войны они ничего не получат, захотят выступить активно» и «перейдут границу в ту минуту, когда им покажется, что вся мечта их жизни рискует не осуществиться». Далее д-р Владов высказал мнение, что если союзники разрешат болг. прав-ву занять немедленно «бесспорную» зону Македонии и предложат ему сейчас же

о самой незначительной части болгарского ополчения, которая могла бы совместно с русскими войсками лишь вступить на македонскую почву, чтобы вызвать немедленное выступление Болгарии. При этом он пояснил, что в последнее время он производил зондажи во всех македонских организациях и был в сношениях с военной лигой и с офицерскими кругами, не отличающимися вообще русскими симпатиями, и что ему везде единодушно высказывали, что если вышеприведенное условие будет соблюдено, то «болгарская армия составит продолжение русской».

Я выслушал заявления и пожелания д-ра Владова с вниманием, не желая расхолаживать его и его македонских друзей, имеющих здесь решающее значение на ход событий; но путем разъяснений и убеждений я заставил его понять и согласиться, что какое бы то ни было изменение положения вещей до окончания войны немыслимо. Согласившись с моими доводами, он не хотел однако уйти от меня, не получив указаний насчет ответа, который он мог бы принести Радославову, так как последний, повторял он, поручил ему иметь разговор со мною и выяснить, что следует теперь делать болгарскому правительству в области отношений к России и на что оно может рассчитывать.

Вдохновляясь инструкциями императорского правительства, которые неизменно, начиная со следующего же дня после объявления нам Германией войны и по самое последнее время имели в виду заботливо предоставить Болгарии возможность осуществить ее национальные интересы за помощь, которая будет оказана нам против Турции [1], я и перед д-ром Владовым высказался в этом смысле и сказал, что, хотя в России и чувствуют глубоко и с горечью отношение Болгарии за 8 месяцев войны, однако я полагаю, что если правительство обратится ко мне официально и письменно с предложением поставить в наше полное распоряжение свои военные силы, то оно может и теперь еще рассчитывать на нашу поддержку в вопросе осуществления Болгарией ее национальных интересов. Чтобы не было сомнений и недоразумений в будущем, я попросил моего собеседника специфицировать, что именно ждут его македонские друзья за выступление Болгарии; он указал на линию Энос—Мидия и главное на договорную линию 1912 года.

послать на помощь сербам армию в 50 000 чел., то это предложение будет принято, и «болгары с радостью пойдут плечо в плечо с сербами не только против Австрии, но против кого угодно».

[1] См. т. V, № 484.

Я надеюсь, что вы не осудите меня за этот разговор, который, я сознаю, был бы неуместен во всякой другой стране и при всяком другом правительстве; но здесь приходится считаться с местными нравами и обычаями, а также с теми элементами, которые могут влиять на решения правительства. Этот окольный путь, который избрал Радославов, чтобы узнать мое мнение, не только совершенно в здешних политических нравах, не утративших своего восточного характера, но и во вкусах дворца, избегающего часто прямых средств осведомления и обращающегося охотно к обходным.

Самый же факт обращения я отношу к числу тех симптомов, которые, как я отметил выше, являются доказательством назревшего решения. В своем разговоре с Владовым Радославов сказал, что в момент перемены политики последует и перемена в личном составе кабинета, так как он не хочет повторять ошибки кабинетов 1912 и 1913 гг. и нести лично ответственность за важные решения, которые должны быть приняты всей страной, при участии представителей всех политических партий и течений.

Под секретом Владов сообщил мне, что военным ведомством уже приняты меры, свидетельствующие о приготовлении к борьбе во Фракии: почти все военные округа получили распоряжение быть готовыми к походу против Турции, кроме тех, которые оставляются против Греции, своим поведением не внушающей соседям никакого доверия.

Владов сообщил мне также, что недавняя миссия председателя турецкого парламента Халиля, о которой я вам телеграфировал за № 125[1], состояла в предложении Болгарии линии Энос—Мидия, с условием, чтобы последняя собственными силами противилась англо-французскому десанту на берегах Эгейского и Мраморного морей, а русскому — на черноморском берегу. Радославов отверг эти предложения.

Также под строгим секретом он поведал мне об участии Тончева в организации деятельности банд, выразившейся в последнем столкновении при Валандове. Подчиняясь требованиям австрийцев, не щадящих денег на пропаганду, Тончев, по словам Владова, действует за свой личный страх и счет, не только без ведома, но и против воли Радославова и рассчитывает, столкнув последнего, сесть на его место.

Владов ушел от меня полный надежды уговорить Радославова произвести желаемый поворот внешней политики. Возможно, что он

---

[1] См. ч. 1, стр. 462, прим. 4.

переоценивает свои силы и своих друзей; тем не менее я признаю нажим на Радославова в настоящий момент вполне своевременным и считаю, что было бы даже лучше, если бы инициатива переговоров исходила от болгарского правительства, а не от нас.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в глубоком моем почтении и неизменной преданности.

А. Савинский.

P. S. Только-что ко мне заходил французский посланник и сообщил что у него был вчера Геннадиев, видимо встревоженный, что уже 5 дней как из Парижа нет ответа. С обычной изворотливостью он ни словом не обмолвился о своем беспокойстве, а только пространно развивал мысль о необходимости сближения Болгарии с Тройственным согласием и лишь, уходя, сказал, что только ради достижения этой цели он соглашается променять свой депутатский мандат на посланнический пост в Париже. При этом он заверял г. Панафье, что накануне было в министерском совете принято решение примкнуть к Тройственному согласию, и приписывал это себе. Г. Панафье ответил, что он предпочел бы это услышать от кого-либо из ответственных по своему положению лиц.

Ut in litteris.

А. Савинский.

№ 530. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 11. 14/1 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Следствие о взрыве в городском казино, происшедшем [13 февраля] 31 января с. г. [1], энергично ведется особым следователем под непосредственным наблюдением главного военного прокурора. Добытые уже теперь данные, насколько я мог осведомиться, представляют весьма значительный интерес и могут иметь столь серьезные поли-

[1] Деп. от 21/8 февр. Савинский сообщил Сазонову, что 13 февр./31 янв. во время бала в городском казино в танцевальный зал была брошена бомба. 5 человек, в том числе дочь болг. воен. м-ра Фичева были убиты, несколько ранены. Указывая на то, что в Софии начали распространяться слухи, приписывавшие это покушение сербам, Савинский высказывал мнение, что оно было организовано австрийцами с целью «возбудить болгар против сербов и, воспользовавшись этим возбуждением, бросить их в давно желанную македонскую авантюру». По словам Савинского сам ген. Фичев в разговоре с ним указывал на македонцев как на организаторов этого покушения.

тические последствия, что я считаю своим долгом ныне более подробно остановиться на этом вопросе.

Как известно вашему высокопревосходительству, преступление это поразило всех присутствующих в казино своей бессмысленностью и бесцельностью. Уже тогда стали раздаваться слухи о провокационном характере этого акта. Обманутые в начале пущенной правительственными сферами версией о сербском происхождении покушения следственные власти пошли сперва по ложному пути. Но произведенные аресты и обыски в этом направлении показали всю вздорность этой версии и случайно привели к раскрытию истинных виновников этого гнусного дела. Арестовано было около 30 человек отчаянных головорезов из среды македонцев и приверженцев стамбуловской партии во главе с Викентием Папанастасовым, чиновником сметной палаты, коему, между прочим, предположено было поручить ревизию болгарской миссии в Берлине. Все они под давлением улик сознались в преступлении и раскрыли всю организацию как этого дела, так и подготовлявшейся следом за ним целой серии других покушений: взрыв в военном собрании, народном собрании и даже в королевском дворце. Из опросов главного руководителя этой банды Папанастасова и тщательного обыска удалось установить весьма тесные связи между этим человеком и всей его банды, с одной стороны, и главой партии стамбуловистов Геннадиевым — с другой. По некоторым письмам, найденным у Папанастасова, можно с уверенностью предполагать, что главным вдохновителем этой шайки являлся сам Геннадиев, снабжавший Папанастасова деньгами и поддерживавший с ним самые близкие отношения, особенно в последнее время.

Чувствуя свое положение в стране сильно поколебленным как благодаря висевшему над ним обвинению [1], от которого он избавился лишь незаконным вотумом народного собрания, так и благодаря несогласиям с Радославовым, Геннадиев решил, повидимому, захватить власть в свои руки путем терроризации населения, правительства и короля, вернув Болгарию к ужасным временам Стамбулова.

[1] Имеется в виду постановление народного собрания XIV созыва от 26/13 февр. 1911 г. о предании суду генералов Савова и Рачо-Петрова, а также Геннадиева, Гудева и Халачева «по обвинению в нарушении конституции путем систематического нарушения законов и в нанесении ущерба государству в корыстных целях». Дело о бывших министрах-стамбуловистах началось слушанием 14/1 марта 1914 г. в заседании особого державного суда и должно было продолжаться 3—4 месяца. Правительство Радославова внесло в начале июля в народное собрание законопроект о прекращении процесса и о даровании обвиняемым амнистии. См. также том IV, № 298.

С этой целью им была организована указанная шайка и намечены были пути устрашения властей и населения путем террора. Тотчас после первого покушения стамбуловистами была поведена кампания о замене всех полицейских властей в Софии, причем кандидатом в градоначальники был намечен глава шайки Папанастасов, а на место приставов и низших полицейских служащих — остальные члены шайки, которые уже тогда готовили взрыв в народном собрании. К этому моменту должен был выступить на сцену Геннадиев, который в это время в целях лучшего сокрытия следов своего участия в этом деле устроил себе командировку в Рим [1] и на захваченные для этой цели 300 000 фр. рассылал всюду рекламные телеграммы, смысл коих сводился к тому, что единственный, кто может вывести Болгарию из ее нестерпимого внутреннего и международного положения, является он, Геннадиев. В качестве спасителя отечества он и рассчитывал захватить власть. Но случай помешал осуществлению этого плана. В числе случайных жертв покушения в казино была дочь военного министра генерала Фичева. Будучи сам ярким стамбуловистом и далеко не чуждым всем приемам нынешних правящих кругов — этих разбойников власти, генерал не мог однако хладнокровно отнестись к потере любимой дочери и энергично взялся за раскрытие преступления.

Вице-консул наш в Филиппополе доносил мне о разговоре, который он имел с мужем покойной дочери Фичева. По словам г. Багарова, близко знакомого с делом, следствие с несомненной очевидностью показало, что руководителем всего дела был Геннадиев. Генералом Фичевым будто бы был представлен во дворец подробный доклад о деле, в котором генерал доказывал необходимость немедленного ареста главы стамбуловистов, чтобы в корне положить предел зарождающейся в стране анархии. Но мысль эта не встретила сочувствия у короля, где сила и влияние Геннадиева, повидимому, еще очень сильны. Не могло встретить отклика такое требование и в правительственных кругах, несмотря на разногласие, царящее между Радославовым и Геннадиевым, ибо это повело бы к раскрытию преступлений и самого правительства, погрязшего в расхищении казны и разорении страны. В таком положении находится в настоящее время это темное дело. Правительство, повидимому, не собирается давать ему дальнейшего движения, желая широко использовать остаток дней своего властвования для собственного обогащения. Более здоровые элементы страны бессильны предпринять что-либо, находясь под гнетом военного положения.

---

[1] См. № 11.

Я позволил себе несколько подробнее остановиться на этом инциденте, чтобы показать те нравы, которые здесь царят и, если можно так выразиться, властвуют над страной. Если Геннадиев, не имея власти, идет на самые тяжкие преступления, дабы ее захватить, то Радославов, имея ее в своих руках, пользуется ею исключительно для собственного обогащения и кормления своих партизанов. Действительно, если нам приходится постоянно наблюдать и всеми доступными нам средствами бороться против яркого нарушения болгарами нейтралитета путем провоза контрабанды в Турцию и ввоза почти всех жизненных припасов из страны как в Турцию, так и в Австрию, то объяснение этому надо искать исключительно в жадных инстинктах правительственных партизанов, не останавливающихся ни перед чем для наживы, даже перед разорением страны. И если бы по тем или иным причинам Болгария в конце-концов выступила с нами, то нам пришлось бы в первую голову снабжать ее не только деньгами, но и самым необходимым, настолько нынешнее правительство мало думает о нуждах своей родины, экспортируя в целях личной наживы по взвинченным ценам предметы первой необходимости в Турцию и Австрию.

Несомненно однако, что полное и гласное раскрытие этих преступных дел может иметь в высшей степени серьезное влияние на внутреннее положение в стране. Партия стамбуловистов, окончательно скомпрометированная в лице своего шефа, может совершенно утратить всякое значение в стране. Повидимому, король Фердинанд, положение которого с раскрытием этого дела может быть окончательно поколеблено, употребляет последние усилия для сокрытия истины и для спасения своего ближайшего советника и сотрудника. В этих целях, очевидно, и возникло у короля намерение отправить Геннадиева посланником в Париж, о чем на-днях был официально уведомлен здешний французский посланник.

Трудно предположить, чтобы французское правительство, несмотря на крайнюю желательность избавиться от этого вредного человека, дало бы свое согласие на его приезд в Париж. Поэтому надо ожидать, что Геннадиев, способный на все, для спасения своего положения пойдет на крайние меры, которые, быть может, будут способствовать освобождению Болгарии от той поразительной грязи, в которую завело ее нынешнее правительство и его партизаны.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 531. Памятная записка греческого министерства иностранных дел российскому посланнику в Афинах Демидову [1].

14/1 апреля 1915 г.

Les opérations entreprises par les Puissances de l'Entente contre la Turquie ont paru, dès le début, au gouvernement royal offrir à la Grèce un terrain de coopération avec elles, puisqu'aussi bien ces opérations se poursuivent dans la sphère naturelle de ses intérêts nationaux. Devant l'ampleur donnée par les Puissances à cette action, le gouvernement royal leur a déjà déclaré qu'il était prêt à coopérer avec elles dans la guerre contre la Turquie, s'il pouvait être garanti contre le péril d'une attitude hostile de la Bulgarie [2].

Dans cet ordre d'idées, il a estimé qu'il pourrait sortir de la neutralité, aussitôt que la Bulgarie se déciderait à collaborer dans le même but. Cette condition lui a paru d'autant plus réalisable que les nouvelles, puisées aux meilleures sources qui lui parvenaient des capitales des Puissances de l'Entente tendaient à faire croire à l'imminence de l'action bulgare.

Cependant les événements ont prouvé qu'il n'en est rien. Devant l'attitude toujours équivoque de la Bulgarie, subordonner plus longtemps l'action de la Grèce à celle de la Bulgarie ce serait poser une condition qui pour n'être pas irréalisable, n'en est pas moins indépendante de la volonté des Puissances.

Aussi le gouvernement royal a-t-il examiné par quelle autre combinaison il pourrait, sans compromettre ses intérêts vitaux, participer à la guerre contre la Turquie pour contribuer ainsi à la libération des Grecs encore asservis et il l'a cherché parmi les possibilités dépendant uniquement de la volonté des Puissances de l'Entente.

Le résultat de son examen est que la Grèce retrouverait sa pleine liberté d'action pour coopérer à la guerre contre la Turquie, si les Puissances voulaient bien prendre l'engagement formel de lui assurer le bénéfice de la pleine solidarité avec ses alliés c'est-à-dire de lui garantir durant la guerre et une certaine période qui en suivrait le terme, l'intégrité de son territoire continental et insulaire y compris l'Epire du nord.

Moyennant cet engagement le gouvernement royal assumerait l'obligation ferme de coopérer aux côtés des Puissances de l'Entente aussitôt qu'elles seraient prêtes, en combinant leurs forces avec les siennes, à

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 214, в виде пам. записки греч. миссии в Петрограде от 17/4 апр.

[2] См. № 432.

entreprendre contre la Turquie une guerre dont l'objectif définitif serait la dissolution de l'Empire Ottoman.

Les diverses modalités de cette entreprise et de notre coopération militaire ferait l'objet d'une convention spéciale dont les termes seraient fixés d'un commun accord par les Etats Majors des forces militaires et navales respectives, avec cette seule réserve, entendue d'avance, que la Bulgarie continuant à rester dans la neutralité la sphère d'action de l'armée grecque ne pourrait pas être placée hors de la Turquie d'Europe.

L'acte destiné à constater l'accord principal déterminerait les concessions territoriales qui seraient faites à la Grèce en Asie Mineure, les compensations territoriales et autres, qu'elles[1] seraient disposées à lui accorder pour la sauvegarde des droits et des intérêts de l'hellénisme, ainsi que les facilités d'ordre financier et de réapprovisionnement militaire qu'elles voudraient lui consentir pour la mettre à même de remplir efficacement les engagements qu'elle aurait assumés.

Autant dans l'intérêt des populations grecques de l'Empire Ottoman que dans celui du succès des opérations projetées il conviendrait que l'accord qui serait conclu sur les bases qui précèdent restât absolument secret jusqu'à sa mise à exécution.

En faisant cette proposition le gouvernement royal en a pesé les termes de manière à ne rien demander qu'il ne soit au pouvoir des Puissances amies d'accepter [2].

Перевод.

С самого начала королевскому [греческому] правительству казалось, что операции, предпринятые державами Тройственного согласия против Турции, представляют для Греции возможность сотрудничества с ними, тем более, что операции эти ведутся в естественной сфере ее национальных интересов. Принимая во внимание, что державы придали этой операции большую широту, королевское правительство уже заявило, что оно готово участвовать с ними в войне

[1] Т. е. державы Согласия.

[2] Копия этой пам. записки была препровождена Демидовым при письме от 14/1 апр. Как в нем, так и в посланной в тот же день тел. за № 129 Демидов сообщил ряд разъяснений, полученных им от греч. прав-ва: а) на запрос Демидова, что понимается под гарантией территориальной неприкосновенности, ему было сказано, что последняя «касается лишь официально признанных державами греческих владений—кроме Северного Эпира, и распространяется на новые, как следствие войны, земельные приобретения Греции»; б) под территориальными (помимо малоазиатских) и другими уступками греч. прав-во понимало «остров Кипр и некоторые прирезки к северу при будущем разделе Албании», а также охрану школьных и религиозных интересов греков, остающихся вне греч. территории.

против Турции, если оно будет обеспечено от опасности, созданной враждебной позицией Болгарии.

Руководясь этими соображениями, оно пришло к заключению, что оно могло бы выйти из нейтралитета, как только Болгария решится сотрудничать для достижения той же цели. Это условие ему представлялось тем более осуществимым, что известия, почерпнутые из самых лучших источников, которые дошли до него из столиц держав Согласия, давали возможность предполагать близость болгарского выступления.

Тем не менее события показали, что об этом не может быть и речи. Принимая во внимание постоянно двусмысленную позицию Болгарии, продолжать ставить выступление Греции в зависимость от выступления Болгарии означало бы предъявлять условие, которое, не будучи неосуществимым, не зависит однако от воли держав.

Королевское правительство поэтому рассмотрело вопрос о том, путем какой другой комбинации оно могло бы, не нарушая своих жизненных интересов, принять участие в войне против Турции, чтобы таким образом способствовать освобождению угнетаемых доселе греков, и оно стремилось найти эту комбинацию среди возможностей, зависящих исключительно от воли держав Согласия.

В результате этого рассмотрения оно пришло к выводу, что Греция снова получит полную свободу действия для сотрудничества в войне против Турции, если державы пожелают принять на себя формальное обязательство, обеспечивающее ей все выгоды полной солидарности со своими союзниками, т. е. гарантирующее ей в течение войны и определенного периода, за ней следующего, неприкосновенность ее континентальной и островной территории, включая Северный Эпир.

За эту гарантию королевское правительство примет на себя твердое обязательство сотрудничать с державами Согласия, как скоро они будут готовы, комбинируя свои силы с греческими, предпринять против Турции военные действия, окончательной целью которых было бы уничтожение Турецкой империи.

Различные детали этого предприятия и нашего военного соучастия составят предмет специальной конвенции, условия которой будут определены с общего согласия генеральными штабами соответствующих сухопутных и морских сил, с той единственной, заранее предусмотренной оговоркой, что в случае, если Болгария будет продолжать оставаться нейтральной, сфера действий греческой армии не может быть вынесена за пределы Европейской Турции.

Акт, долженствующий установить принципиальное соглашение, определит территориальные уступки, которые будут сделаны Греции в Малой Азии, территориальные и другие компенсации, которые державы были бы расположены ей предоставить для охраны прав и интересов эллинизма, а также льготы финансовые и льготы в отношении военного снабжения, которые они пожелали бы ей обеспечить, чтобы дать ей возможность реально выполнить те обязательства, которые она на себя примет.

Как в интересах греческого населения Оттоманской империи, так и для успеха проектируемых операций следовало бы, чтобы соглашение, заключенное на вышеизложенных условиях, оставалось абсолютно секретным вплоть до проведения его в жизнь.

Выступая с подобного рода сообщением, королевское правительство взвесило все условия таким образом, чтобы не требовать ничего такого, чего дружественные державы не могли бы принять.

№ 532. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 217. 14/1 апреля 1915 г.

Лично.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 152 и 170 [1].

До меня дошли сведения о том, что наши военные власти запретили вывоз из России закупленной у нас румынским правительством для нужд здешней армии пшеницы, руководствуясь, вероятно, соображениями в роде высказанных Трубецким в телеграмме его № 395 [2]. Должен заметить, что ни одно румынское правительство не было бы в состоянии вовсе запретить вывоз зерна из Румынии, так как здешним землевладельцам и крестьянам необходимо ликвидировать за границу хотя бы часть урожая, а воспрещение продажи зерна в Австрию и Германию или же реквизиция уже закупленных этими государствами продуктов до активного выступления Румынии, было бы сочтено обеими империями за враждебный акт, (на) каковой румынское правительство решится только в недалеком будущем. — Пшеница в России теперь дешевле и лучшего качества, чем в Румынии, и румынское правительство надеется, что, находясь с нами не только в дружеских, но и в союзнических отношениях и оказав нам и Сербии немаловажные услуги, оно может в свою очередь рассчитывать на благожелательное с нашей стороны отношение и приобрести у нас некоторые продукты [3], список коих представлен румынской миссией в Петро-

[1] В первой из этих тел., от 15/2 марта, сообщалось о ноте рум. прав-ва, уведомлявшей, что закупленная в России «пшеница предназначалась исключительно для нужд армии и никакого другого назначения получить не может». В тел. за № 170 от 23/10 марта Поклевский указывал, что отказ в вывозе пшеницы «не оправдывался бы характером наших отношений к румынскому правительству, к услугам коего мы сами часто обращаемся в довольно щекотливых вопросах» (ср. ч. 1, стр. 318, прим. 4).

[2] В тел. Трубецкого от 12 апр./30 марта за № 395 сообщалось, «что с запрещением нашего вывоза Румыния лишится возможности выгодных поставок нашим врагам и вынуждена будет подвергнуть реквизиции для своих нужд запроданное ею продовольствие».

[3] Помимо пшеницы, Румыния закупила в России в этот период 8 000 тонн угля, 100 тонн резиновых шин и каучука у фирмы «Проводник», 260 пудов каучуковых тканей и изделий для Красного креста, 1 500 тыс. аршин гигроскопической марли и добивалась разрешения на покупку и вывоз 3 000 лошадей. Разрешения и отказы следовали в зависимости от уверенности или же от потери надежды на выступление Румынии. Росс. прав-во, в согласии с англ., дало в янв. разрешение на свободный провоз из США в Румынию 1 000 пудов свинца; в начале же марта, когда ему стало известно, что рум. прав-во послало в Париж полковника Радеану с секретным поручением и что франц. прав-во намерено

граде и мною. Эти продукты имеются у нас в изобилии, и отсюда они никоим образом не могут попасть в руки наших врагов, поэтому отказ наш в разрешении их вывоза в Румынию лишь напрасно, по моему мнению, оскорбит румынское правительство и произведет весьма неблагоприятное впечатление на здешнее общественное мнение, и притом в такую минуту, когда Румыния действительно находится накануне окончательных решений. Я убежден, что такой наш отказ был бы крупной ошибкой с точки зрения наших интересов в Румынии. Ввиду вышесказанного, я позволяю себе усердно ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством об удовлетворении всех поданных мною просьб румынского правительства о разрешении вывоза из России разных продуктов.

Поклевский.

№ 533. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша [1]. 14/1 апреля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от [24] 11 мин. января за № 15 [2] и доверительным донесением от [17] 4 мин. марта за № 10 [3] я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству о беседах, происходивших здесь между японскими и германскими дипломатами и корреспондентами, и о неоднократно выраженном с германской стороны сочувст-

---

отпустить Румынии необходимое вооружение, оно предписало 15/2 апр. военному агенту Игнатьеву воспрепятствовать этому «ввиду невыясненности занятой ею [Румынией] позиции» (Тел. Поклевского за №№ 38, 90, 102, 129, 161, 175 и 213; тел. Бахметева Сазонову за № 16; тел. Сазонова Бенкендорфу за № 263; тел. Извольского Сазонову за № 183 и ген.-квартирмейстера ген. штаба Леонтьева Игнатьеву за № 5174).

[1] Номер отсутствует.

[2] См. № 74.

[3] Деп. от 17/4 марта за № 10 Крупенский сообщил в дополнение к тел. за № 15 о посещении япон. посланника представителем герм. телегр. аг-ва д-ром Криге, заявившим, между прочим, что отправка японских войск в Европу, «была бы большой ошибкой со стороны Японии, нуждающейся ныне во всех своих силах здесь, дабы распоряжаться в Китае по своему усмотрению, в чем она встретит одно лишь сочувствие со стороны Германии, готовой предоставить ей и после окончания войны полную свободу действия на Дальнем Востоке». На запрос Крупенского по поводу этого свидания Хиоки «со смущением ответил, что он считал полезным ознакомиться с образом мыслей и взглядами наших врагов».

вии Японии и готовности предоставить ей полную свободу действий на Дальнем Востоке.

Несколько времени тому назад президенту Юань Ши-каю был по этому поводу представлен доклад пользующимся его доверием вице-адмиралом Цай Тин-ганом, отличающимся английскими симпатиями, и известным доктором Моррисоном. В докладе этом названные лица обращали внимание президента на заискивание Германии перед Японией и на подталкивание ею последней,—в противность ко всем расточавшимся здесь прежде с германской стороны уверениям в дружбе, — к агрессивным действиям против Китая.

Помянутый доклад произвел, как мне передавали, довольно серьезное впечатление на Юань Ши-кая. Он пожелал однако осведомиться о том, как сами немцы объясняют свою роль в этом деле, и поручил хорошо известному вашему высокопревосходительству из прежних моих донесений генералу Мунте, постараться выведать это в германской миссии. Последний имел вследствие этого беседу с германским первым секретарем бароном фон Мальтцаном, с коим он находится в отличных отношениях, и на-днях доверительно сообщил мне о данных ему при этом объяснениях.

Барон фон Мальтцан начал с уверений, будто вся инициатива происходившего здесь между немцами и японцами обмена мыслей принадлежит последним, и упомянул о неоднократно проявленном японцами желании не высказывать себя непримиримыми врагами Германии, как, например, в вопросе об обращении с германскими пленными в Японии. Затем он признал однако, что, каким бы образом ни окончилась настоящая война, Германия после нее не будет более преследовать на Дальнем Востоке собственных политических целей, так как в случае поражения она окажется слишком для этого ослабленной, в случае же победы будет слишком поглощена упрочением своего владычества над Европой. Таким образом по окончании войны Германия во всяком случае готова будет сблизиться с Японией, рассчитывая найти в ней союзника против России. Последнее представляется немцам тем более вероятным, что они убеждены в намерении Японии в ближайшем будущем порвать свои союзные отношения с Англией, не сочувствующей ее честолюбивым планам.

Слова барона фон Мальтцана являются таким образом лишь подтверждением того, что Германия готова купить дружбу Японии ценой предоставления ей полной свободы действий на Дальнем Востоке, т. е. прежде всего в самом Китае. Принимая однако во внимание, что генерал Мунте является до некоторой степени германофилом и, кроме

того, личным врагом доктора Моррисона и адмирала Цай Тин-гана, можно думать, что объяснения первого секретаря германской миссии будут представлены им президенту в возможно благоприятном для немцев свете.

Я не премину, конечно, как я это постоянно делал до сих пор, указывать при всяком удобном случае как самому Юань Ши-каю, так и другим китайским сановникам, на двойную игру Германии и на лживость ее уверений в дружбе к Китаю.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 534. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 15. 14/1 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме агента Петроградского телеграфного агентства, посланной по моим указаниям, и к коллективной телеграмме представителей русской, французской и японской групп банкиров от [6 апреля] 24 марта с. г., в копии при сем прилагаемой[1], имею честь представить вашему высокопревосходительству опубликованное китайским правительством объявление о выпуске нового 6% внутреннего займа на сумму в 24 миллиона мексиканских долларов[2]. Заем этот выпускается по курсу 90 долларов и гарантирован доходами внутренних таможен и ликинными сборами провинции Шанси, причем общая цифра этих гарантий исчисляется в сумме 4 900 000 долларов в год.

Особое значение заем приобретает благодаря тому обстоятельству, что в выпуске его принимает участие Гонконг-Шанхайский банк, в нарушение статьи 2-й договора о консорциуме[3] и особого соглашения 1912 года, подписанного в Пекине представителями пяти[4] групп и устанавливающего общность действий их во всех операциях, которые имеют целью прямое или косвенное финансирование китайского правительства.

Банкиры пока ничего в Пекине не предприняли в связи с вышеизложенным, обратившись лишь за инструкциями к своим группам и

[1] См. приложение.

[2] Указанное приложение хранится в Арх. Вн. Пол., в деле К. ст. 139.

[3] Согласно ст. 2-й договора о консорциуме от 18/5 июня 1912 г., подписанного Англией, Францией, США, Германией, Россией и Японией, договаривающиеся стороны обязались «участвовать в равных долях во всех операциях, совместно подписывать все контракты и нести в равных размерах расходы, связанные с какими либо сделками».

[4] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «шести».

запросив частным образом объяснения у представителей Гонконг-Шанхайского банка. Последний стоит на той точке зрения, что он имел право участвовать в этом займе, так как договор о консорциуме предусматривает лишь выпуск иностранных займов, а не внутренних. Этого же взгляда придерживается и английский посланник в Пекине, в разговоре с которым я коснулся настоящего вопроса.

Нельзя не отметить однако, что таковое мнение является совершенно неосновательным, так как оно противоречит не только букве соглашений по этому предмету, но и духу таковых. Если бы мы считали поэтому нужным протестовать против нарушения банком означенных договоров, то таковой протест являлось бы необходимым сделать в Лондоне, так как на участие в означенной операции Гонконг-Шанхайского банка, без сомнения, было дано согласие правления его.

Представители французской и японской групп крайне возмущены этим событием, справедливо считая поступок английской группы первым шагом к распадению консорциума [1].

Примите и пр.

В. Крупенский.

Приложение.

Confirmation.

Télégramme envoyé le 6 avril 1915 aux Groupes français, russe et japonais par leurs représentants de Pékin [2].

Nous vous informons que la Hongkong Shanghai Banking Corporation a conjointement avec la Banque de Chine et la Banque des Commu-

[1] Письмом от 23/10 апр. за № 194 Сазонов, сообщая Бенкендорфу об участии Гонконг-Шанхайского банка в кит. внутреннем займе, указывал, что хотя русские банки в настоящее время лишены возможности принять участие в этом займе, «мы не можем не быть озабочены последствиями, которые настоящий шаг может иметь для всей деятельности консорциума, в котором мы видели полезный аппарат для контроля находящихся в столь печальном положении финансов Китая, имеющего перед Россией крупные долговые обязательства». Считая, что аппарат этот должен быть сохранен и после войны «с участием Германии или без него», Сазонов просил Бенкендорфа получить от англ. прав-ва заверения, что участие банка в займе «не будет рассматриваться как прецедент на будущее время». Текст этого письма был препровожден Извольскому с предписанием просить Делькассе послать аналогичные инструкции франц. послу в Лондоне. В ответ на это Извольский в письме от 17/4 мая за № 761 сообщил, что Камбону «поручено сговориться с графом Бенкендорфом относительно эвентуальных шагов по настоящему предмету перед великобританским правительством».

[2] Заголовок оригинала.

nications conclu un accord avec le gouvernement chinois pour l'émission du 12 avril au 12 mai prochain pour un emprunt intérieur argent 6% de 24 000 000 dollars au cours de 90, remboursable en huit ans, garanti par les revenus disponibles des douanes indigènes et les revenus du likin du Shansi, ensemble évalués à 4 900 000 dollars par an.

D'accord avec les représentants français et japonais, j'estime que participation de la Hongkong Bank en qualité de Banque d'émission constitue une violation évidente de l'article 2 accord Consortium, ainsi que accords entre représentants approuvés par Consortium établissant action conjointe pour toutes opérations ayant pour but d'aider financièrement, directement ou indirectement, le gouvernement chinois. De plus, l'attitude prise délibérément par la Hongkong Bank, met en danger le principe de la collaboration financière des Groupes en Chine. Dans ces conditions, et considérant la campagne de presse faite actuellement en Chine à notre détriment en faveur de la Hongkong Bank, nous pensons protestation collective des Groupes auprès de Addis indispensable pour faire réserves nécessaires et pour demander annulation participation Hongkong Bank dans émission emprunt intérieur.

Перевод.

Подтверждение.

Телеграмма, посланная 6 апреля 1915 г. французской, русской и японской группам их пекинскими представителями.

Мы сообщаем вам, что Гонконг-Шанхайская банковская корпорация совместно с Китайским банком и банком [путей] сообщения заключила соглашение с китайским правительством касательно эмиссии за время с 12 апреля по 12 будущего мая внутреннего серебряного займа из 6% в сумме 24 миллионов долларов по курсу 90, погашаемого в восемь лет, гарантированного свободными доходами внутренних таможен и доходами от ликина в провинции Шанси, исчисляемыми в совокупности в 4 900 000 долларов в год.

В согласии с французским и японским представителями я считаю, что участие Гонконгского банка в качестве эмиссионного банка является явным нарушением 2-й статьи соглашения о консорциуме, а равно одобренных консорциумом соглашений между представителями, устанавливающих совместные действия для всех операций, имеющих целью оказать прямо или косвенно финансовую помощь китайскому правительству. Помимо того, позиция, занятая по собственному почину Гонконгским банком, ставит под угрозу принцип финансового сотрудничества групп в Китае. При этих условиях и принимая во внимание кампанию прессы, проводимую в настоящее время в Китае против нас и в защиту Гонконгского банка, мы считаем необходимым предъявление группами коллективного протеста перед Аддисом, для внесения нужных оговорок и для предъявления требования аннулировать участие Гонконгского банка в эмиссии внутреннего займа.

№ 535. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

15/2 апреля 1915 г.

Secret.

Sir E. Grey has been furnished by the Marquis Imperiali with a communication accepting, with one exception, the arrangements to which Mr. Asquith informed the Italian Ambassador that His Majesty's Government would consent (Embassy Aide-Mémoire of 10 April/March 28) [2].

The neutralization of Cattaro will, according to the Italian Government, be rendered ineffective in the event of any point of the coast within 20 kilometres of the Bocche di Cattaro being fortified. Italy gives up Sabbioncello. The Italian Government wish to substitute for «Castelnuovo» in Point 4 of the above mentioned Aide-Mémoire the words «a point 10 miles South of Ragusa» as the southern limit of territory which is not to be neutralized, as they maintain that Castelnuovo is actually or very nearly connected with Cattaro.

The Italian Government wish a clause to be inserted in the new redaction charging Italy with the representation of the new independent Albanian Moslem State. Sir E. Grey is of opinion that, in the event of this being agreed to, the Allied Powers should also insert a clause providing that the hinterland of this State should be drawn in such a manner that Servia and Greece should have a territorial connection.

The Italian Government will adhere to the text of the Treaty of Alliance of September 5th, in deference to the urgent representations made by Mr. Asquith, though they consider that the wording originally proposed in the Italian Memorandum was sufficient. Sir E. Grey considers this a satisfactory point.

In the Italian Ambassador's opinion there should be two documents:

1. A memorandum, revised in accordance with the above proposals, — of which he thought the text should be in French. Sir E. Grey is having a new redaction of the memorandum made which he will shortly tele-

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 276.

[2] Пам. запиской от 10 апр./28 марта Бьюкенен сообщил Сазонову о новом предложении, сделанном Асквитом Империали по поводу нейтрализации Далматинского побережья: территория между Зарой и мысом Планка, о-ва группы Курцола, а также о. Лисса и т. д. отходят к Италии и не подлежат нейтрализации; территория между мысом Планка и Каттаро, включая Саббиончелло и о. Брацца отходит к Сербии и подлежит нейтрализации, за исключением побережья между Саббиончелло и Кастельнуово.

graph for consideration of Mr. Sazonow and Mr. Delcassé, as there are various points which require to be revised.

2. A document, to be published separately on the declaration of war, giving the simple adherence of Italy to the Alliance of September 5th.

Sir E. Grey points out that great secrecy is still essential, as Italy will for diplomatic reasons (presumably to complete her mobilization arrangements and to settle about the declaration of war) require one month after the signature of the agreement before she is able to take the field.

Перевод.

Секретно.

Маркиз Империали вручил сэру Э. Грею сообщение о том, что текст соглашения, одобренный правительством его величества, как о том уведомил г. Асквит итальянского посла (памятная записка посольства от 10 апреля/28 марта) принимается, за исключением одного пункта.

Согласно сообщения итальянского правительства, нейтральность Каттаро будет недействительной, если в каком-либо пункте берега на протяжении 20 километров от Каттарской бухты будет воздвигнуто укрепление. Италия отказывается от Саббиончелло. Итальянское правительство желает заменить в четвертом пункте вышеуказанной памятной записки слово: «Кастельнуово» словами: «пункт в 10 милях к югу от Рагузы» как южный предел территории, не имеющей быть нейтрализованной, потому что, как оно утверждает, Кастельнуово находится в прямой или довольно близкой связи с Каттаро.

Итальянское правительство желает ввести в новую редакцию параграф, поручающий Италии представительство нового независимого Албанского мусульманского государства. Сэр Э. Грей полагает, что, если будет на это дано согласие, союзные державы должны также включить статью, согласно которой хинтерланд этого государства был бы очерчен таким образом, чтобы территории Сербии и Греции соприкасались.

Итальянское правительство присоединится к тексту соглашения 5 сентября, принимая во внимание настойчивое представление, сделанное г. Асквитом, хотя оно полагает, что первоначальная редакция итальянского меморандума была достаточна. Сэр Э. Грей считает себя удовлетворенным этим пунктом.

По мнению итальянского посла, должно быть два документа:

1) Меморандум, пересмотренный согласно вышеуказанных предложений, который, по его мнению, должен быть составлен на французском языке. Сэр Э. Грей заготовил новую редакцию меморандума, которую он вскоре передаст по телеграфу на рассмотрение г. Сазонову и г. Делькассе, так как там имеются некоторые пункты, требующие обсуждения.

2) Документ, который должен быть опубликован отдельно при объявлении войны и которым будет объявлено лишь о присоединении Италии к соглашению 5 сентября.

Сэр Э. Грей указывает на то, что соблюдение тайны продолжает быть существенным, так как Италия, в силу дипломатических причин (вероятно, для завершения своих мобилизационных приготовлений и урегулирования

вопросов, связанных с объявлением войны), потребует после подписания соглашения месячный срок, прежде чем она будет в состоянии начать военные действия.

№ 536. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1692. 15/2 апреля 1915 г.

Мы обратились к японскому правительству с просьбой уступить нам из своих запасов 300 000 винтовок с патронами к ним [1], приняв от нас соответственный заказ на винтовки и патроны для пополнения сказанного запаса. Исполнению этой просьбы препятствует между прочим то, что английское правительство также дало заказ на винтовки

[1] Об уступке из япон. военных запасов 300 000 винтовок и соответствующего количества патронов велись интенсивные переговоры около двух месяцев, но безуспешно. Малевский ездил несколько раз к маршалу Ямагата, обращался за содействием к корейскому ген.-губ. Тераучи, почти ежедневно беседовал по этому вопросу с Като, а Самойлов — с воен. м-ром Ока и его товарищем Осима. Накануне заседания совета м-ров Малевский посетил 3 апр./21 марта премьер-м-ра Окума и всех влиятельных м-ров. Все они и сам воен. м-р обещали ему оказать полное содействие и в этом смысле высказались, по заявлению Като, в совете м-ров (тел. Малевского от 7 апр./25 марта за № 108). Между тем недостаток амуниции на русском фронте чувствовался острее со дня на день. В это время Янушкевич писал Сухомлинову: «Жду ваших приказаний по поводу снабжения патронами. Из-за них приходится отчасти уходить, так как нет средств поддержать достаточно сильный огонь. Вопрос, как изволите видеть, приобретает положительно грозный характер... Лишний артиллерийский патрон сберегает десяток раненых и убитых, удерживает добровольцев пленных (а есть уже и такие)... Мне так по ночам и чудится чей-то голос: «П р о д а л, п р о з е в а л, п р о с п а л» (опубл. Кр. арх., т. III, стр. 43).

Военное ведомство торопило Сазонова, последний упрекал Малевского в медлительности, а Като «советовал не торопить военного министра с ответом, чтобы не вызвать с его стороны отказа».

10 апр./28 марта япон. воен. м-р заявил Малевскому, что винтовок из неприкосновенных запасов он отпустить не может; что касается заказов на винтовки япон. образца, то они могут быть приняты при условии расширения арсеналов; на полное их оборудование уйдет 2 года; Россия должна доставить недостающие металлы, дерево и прочие материалы, список которых он передал Самойлову. «В таком случае, по словам министра, через год может быть сделано 50 000 ружей. С 1917 и до 1919 г. арсеналы могут сделать 800 000 ружей и 600 миллионов патронов к ним». На это Малевский ответил, что «в настоящий момент дело идет о получении нами 300 000 ружей с достаточным количеством патронов немедленно, авансом, из японского войскового резерва» и прибавил, что предложение м-ра «столь же мало удовлетворяет нас, как обещание накормить голодного через неделю» (тел. Малевского от 30/17 марта и от 3 апр./21 марта за №№ 100, 101, 105 и деп. от 10 апр./28 марта за № 27; тел. Сазонова от 26/13 февр., 28/15 марта за №№ 807, 1418).

японским арсеналам и домогается получить их теперь же из запасов японской армии.

Винтовки японские спешно нужны нам, чтобы вооружить ими отдельно действующую кавказскую армию, а находящиеся на ее вооружении русские винтовки обратить на вооружение частей, формируемых для австро-германского фронта.

Благоволите, спешно ознакомив лорда Китченера с вышеизложенным, просить его, не согласится ли он, чтобы наша просьба о немедленной уступке японских винтовок и патронов к ним была удовлетворена в первую очередь, английская же армия получила бы винтовки и патроны по мере их изготовления японскими арсеналами. При медленности производства оружия нашими заводами, наше военное ведомство придает этому вопросу первостепенное значение [1].

[Сазонов.]

№ 537. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде—Бьюкенену и Палеологу [2].

16/3 апреля 1915 г.

Mr. Sazonow a appris avec satisfaction que l'Italie n'insistait plus sur l'acquisition de la péninsule de Sabbioncello [3] et il espère que l'entente établie sur ce point permettra aux alliés d'arriver promptement à un accord définitif avec le gouvernement italien.

Pour faciliter la conclusion de cet accord, Mr. Sazonow est prêt à ne pas s'opposer à la demande de l'Italie d'étendre la neutralisation de la côte monténégrine jusqu'à 20 kilomètres au nord des Bouches de Cattaro, en acceptant pour le reste les stipulations proposées par son excellence Mr. Asquith et consignées dans l'aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre en date du 10 avril/28 mars courant [4].

---

[1] Тел. от 17/4 апр. за № 260 Бенкендорф передал следующее заявление Китченера: «а) Никаких заказов винтовок и патронов Японии английским правительством не дано совсем; б) в течение прошлой осени английское правительство купило у японского правительства 130 000 японских ружей и 20 000 карабинов, каковые уже давно получены в Англии и розданы в войска, и в) ныне лорд Китченер ведет переговоры через особого агента о покупке еще 50 000—100 000 ружей у японского правительства, но, если эта покупка состоится, она не будет служить препятствием к получению нами 300 000 винтовок с патронами из японских запасов».

[2] Черновик написан рукой Шиллинга. Опубл. Ц. Р., стр. 279.

[3] См. № 535.

[4] См. стр. 158, прим. 2.

Il n'a pas d'objection, non plus, contre l'attribution à l'Italie de la représentation diplomatique du futur Etat Albanais. Toutefois, on ne peut se dissimuler qu'une semblable concession équivaut pratiquement à la reconnaissance d'un protectorat italien sur l'Albanie. Or, Mr. Sazonow estime que cette nouvelle concession ne saurait être simplement ajoutée à la liste déjà longue des autres concessions accordées à l'Italie, mais devrait être subordonnée à certaines conditions. Il faudrait, notamment, établir dès aujourd'hui que, comme l'Italie l'a déjà accepté, le Sud de l'Albanie actuelle sera dévolu à la Grèce et le Nord, avec la ville de Scutari ainsi que les ports de San Giovanni di Medua et d'Alessio, sera attribué au Monténégro, tandis que le long de la frontière Est du nouvel Etat, on réservera, sur le terrain albanais une bande de territoire suffisante pour assurer à la Serbie et à la Grèce une frontière commune (aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre en date du 15/2 avril courant [1]).

Pour ce qui est, au contraire, du désir exprimé par l'Italie de n'entrer en guerre qu'un mois après la signature de l'accord en question Mr. Sazonow a le regret de ne pouvoir y consentir. Comme il l'a déjà fait observer plus d'une fois, les larges concessions que la Russie s'est décidée à faire au cours des négociations présentes n'ont été déterminées que par l'idée d'obtenir à ce prix une intervention immédiate de l'Italie. Le marquis Impériali a lui-même déclaré à son excellence Sir E. Grey que son gouvernement s'engageait à entrer en lice à la fin d'avril nouveau style. Si maintenant, après avoir fait traîner les pourparlers, grâce à son intransigeance et après avoir obtenu des avantages considérables, le Cabinet de Rome cherche à différer l'exécution des engagements, qui sont la contre-partie de ces avantages, — la Russie se verra obligée retirer les concessions qu'elle a faites. L'accord intervenu devra donc être considéré caduque, si l'Italie n'est pas en guerre le 1-r mai nouveau style au plus tard.

Il reste encore quinze jours jusqu'à cette date et, du moment qu'à Rome on sait déjà que toutes les revendications italiennes sont virtuellement acceptées par les alliés, les autorités militaires pourraient prendre sans délai les mesures voulues pour achever leurs préparatifs. Quant au plan de campagne les attachés militaires italiens à Londres, à Pétrograd et à Paris pourraient être munis de pleins pouvoirs et d'instructions télégraphiques afin d'élaborer ce plan sans retard avec les Etats-Majors des alliés.

---

[1] См. № 535.

L'importance d'une action italienne immédiate ayant toujours été alléguée pour justifier la nécessité de se montrer conciliant à l'égard de l'Italie, il est indispensable maintenant d'insister sur l'accélération de cette action qui dans un mois pourrait perdre beaucoup de sa valeur.

Mr. Sazonow espère que les gouvernements britannique et français partageront cet avis et voudront bien s'employer dans ce sens auprès du Cabinet de Rome. Si celui-ci répond, sur ce point, à l'engagement pris par le marquis Impériali, Mr. Sazonow est prêt à accepter, pour la signature de l'accord, le mode de procéder proposé par son excellence Sir E. Grey (aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre du 15/2 avril), sous réserve que l'accession de l'Italie à l'alliance entre l'Angleterre, la France et la Russie sera rendue publique le 1 mai nouveau style [1].

Перевод.

Г. Сазонов узнал с удовлетворением, что Италия не настаивает больше на приобретении полуострова Саббиончелло, и надеется, что достигнутое по этому пункту соглашение позволит союзникам в самом непродолжительном времени окончательно сговориться с итальянским правительством.

Чтобы облегчить заключение этого соглашения, г. Сазонов готов не противиться желанию Италии распространить нейтрализацию черногорского побережья до пункта в 20 километрах к северу от бухты Каттаро, принимая в остальном условия, предложенные его превосходительством г. Асквитом и изложенные в памятной записке английского посольства от 10 апреля/28 марта сего года.

Он не возражает против предоставления Италии дипломатического представительства будущего Албанского государства. Нельзя однако скрывать от себя, что подобная уступка равносильна фактически признанию итальянского протектората над Албанией. А поэтому г. Сазонов находит, что эта новая уступка не должна явиться простым добавлением к длинному ряду уже предоставленных Италии преимуществ, а должна быть поставлена в зависимость от некоторых условий. А именно, следовало бы теперь же установить, что, как на это уже согласилась Италия, юг нынешней Албании отойдет к Греции, а север, с городом Скутари, а также с портами Сан-Джиованни-ди-Медуа и Алессио—к Черногории, между тем как вдоль восточной границы нового государства будет оставлена на албанской территории полоса достаточного протяжения для того, чтобы обеспечить Сербии и Греции общую границу (памятная записка английского посольства от 15/2 сего апреля).

Напротив, что касается выраженного Италией желания выступить только через месяц после подписания означенного соглашения, то г. Сазонов, к сожалению,

---

[1] Содержание этой пам. записки было передано Сазоновым Бенкендорфу тел. от 15/2 апр. за № 1701, которая заканчивается следующими словами: «Лично для вас. Не могу не высказать сожаления, что ввиду возвращения Грея переговоры снова перешли в его руки, так как я не сомневаюсь, что Асквит сумел бы выказать больше твердости в отклонении попытки Италии отсрочить свое выступление».

не может на это согласиться. Как он уже несколько раз указывал, Россия решилась в этих переговорах на значительные уступки только потому, что думала этой ценой купить немедленное выступление Италии. Сам маркиз Империали заявлял его превосходительству сэру Э. Грею что его правительство обязуется вступить в войну в конце апреля нового стиля. Если теперь, затянув вследствие своей несговорчивости переговоры и получив значительные выгоды, римский кабинет старается отсрочить исполнение обязательств, являющихся противовесом этих преимуществ, Россия будет вынуждена взять обратно сделанные ею уступки. Достигнутое соглашение должно будет, следовательно, считаться недействительным, если Италия не окажется в рядах воюющих самое позднее 1 мая нового стиля.

До этого дня остается еще две недели, и, раз в Риме уже известно, что все итальянские требования фактически приняты союзными державами, военные власти могли бы, без промедления, принять нужные меры для завершения своих приготовлений. Что касается плана кампании, то итальянские военные агенты в Лондоне, Петрограде и Париже могли бы быть снабжены по телеграфу полномочиями и инструкциями для безотлагательной выработки этого плана с главными штабами союзных держав.

Ввиду того, что, в оправдание необходимости быть сговорчивыми по отношению к Италии всегда выдвигалось важное значение немедленного выступления Италии, необходимо теперь настаивать на ускорении этого выступления, которое через месяц могло бы в значительной степени утратить свое значение.

Г. Сазонов надеется, что английское и французское правительства согласятся с этим мнением и будут воздействовать в этом смысле на римский кабинет. Если последний исполнит в этом отношении принятое на себя маркизом Империали обязательство, г. Сазонов готов принять предложенный его превосходительством сэром Э. Греем способ подписания соглашения (памятная записка английского посольства от 15/2 апреля), с оговоркой, что присоединение Италии к союзу между Англией, Францией и Россией будет обнародовано 1 мая нового стиля.

№ 538. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 1716. 16/3 апреля 1915 г.

Пашич поручил приехавшему сюда первому секретарю российской миссии в Нише узнать, входит ли в соображение штаба верховного главнокомандующего более деятельное участие сербских войск против Австрии в ближайшем будущем. По словам Штрандтмана, численность сербских войск достигает ныне ста восьмидесяти тысяч человек. Артиллерия и снаряжение находятся в лучшем состоянии, чем в начале войны. Перевозочные средства слабы вследствие падежа скота и лошадей, вызванного отсутствием корма. За последние три месяца пало свыше восьми тысяч голов. Провианта и фуража нет вовсе. Армия живет изо дня в день. Благоволите доложить вышеизложенное

августейшему верховному главнокомандующему и испросить указаний его императорского высочества касательно задач, которые ему угодно будет возложить на сербскую армию [1]. Я с точки зрения политической считал бы полезным сосредоточить усилия Сербии против Австро-Венгрии [2].

Сазонов.

№ 539. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1717. 16/3 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж. Лично.

Здешний итальянский посол получает из Рима подробные сведения о ходе лондонских переговоров. На его вопрос, как я отношусь к последним предложениям Италии, я ответил самым положительным образом, что после всех сделанных нами уступок нахожу всякую отсрочку открытого присоединения к нам Италии неприемлемой и буду считать себя свободным от всех принятых обязательств, если обнародование соглашения не последует 1 мая нового стиля. Карлотти сказал, что сообщит этот отзыв в Рим, но при этом заметил, что ему уже не раз приходилось предупреждать свое правительство о моем отказе принять то или другое условие, на которое впоследствии Империали получал согласие Грея. Считаю нелишним передать вам это замечание итальянского посла, чтобы вновь указать на желательность более твердого отстаивания в Лондоне нашей точки зрения. В данном случае весьма жаль, что Грей не заявил сразу итальянскому послу о недопустимости отсрочки обещанного на конец апреля выступления Италии, между тем в телеграмме Империали, повидимому, сказано, что по этому вопросу со стороны Грея не последовало никаких возражений.

Сазонов.

---

[1] О необходимости улучшить снабжение серб. армии в связи с возможностью ее наступления Трубецкой телеграфировал 29/16 марта и 1 апр./19 марта за №№ 341 и 354, указывая, что без посылки припасов наступление невозможно, а «между тем последнее может представиться весьма желательным в ближайшее время».

[2] Вместо: «сосредоточить усилия Сербии против Австро-Венгрии» первоначально было написано: «отвлечь внимание сербов от Македонии и предупредить возможность их столкновения с болгарами».

№ 540. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Като.

·/. Телеграмма [1]. 16/3 апреля 1915 г.

Вчера я посетил министра иностранных дел и воспользовался случаем, чтобы ему конфиденциально сообщить вашу телеграмму за № 155 [2]. Выразив благодарность за любезность императорского правительства, он сказал, что это навряд ли сделано с целью дать знать о желании Германии заключить мир с Японией. На мой вопрос, есть ли признаки, что Германия и Австрия желают мира, министр ответил, что Австрия более или менее желает мира. В случае предложения о сепаратном мире русское правительство не станет особенно противиться, однако при нынешних условиях трудно предположить, что они заключат мир на тех условиях, которые им ставятся.

Я еще спросил министра, возможно ли, чтобы война продолжалась до зимы, и он ответил, что русские интендантские власти делают приготовления для зимней кампании.

№ 541. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 213 [3]. 16/3 апреля 1915 г.

Лично.

Ваша телеграмма 1666 [4] получена. Требует срочных распоряжений.

Французский посланник сообщил мне несколько телеграмм Делькассе, в которых последний, со слов английского посла в Париже, передавал ваши разговоры [10 апреля] 28 [марта] и [11 апреля] 29 марта с Бьюкененом по поводу проектируемых вами угрожающих мер против Болгарии и поведения последней в Валандовском инциденте [5]; инцидент этот, имевший место уже две недели тому назад и который в свое время признавался нежелательным оставить без внимания, теперь забыт, а главное, смею уверить, болгарское правительство в нем менее виновно, чем в других случаях, например, в нападении на мост при Демир капу, уже не говоря о всех нарушениях нейтралитета по наущению Австрии. Инициаторами Валандовского набега являются, без всякого сомнения, австрийцы; организаторами — здешний австрийский военный агент и министр финансов Тончев, нахо-

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.
[2] Ср. № 495.
[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 274.
[4] См. № 526.
[5] См. стр. 116, прим. 1.

дящийся у австрийцев на откупу; исполнителями — македонцы, турки, австрийцы, быть может, несколько болгар. Радославов скорее смущен: он призывал македонских вождей для убеждения и велел разоружить всех вернувшихся со станции Струмицы участников набега. Здешний сербский посланник, человек уравновешенный, не шовинист, как некоторые другие сербские представители за границей, говорил мне, что, во внимание к важности минуты, сербы готовы не поднимать истории, если бы только они были застрахованы в будущем от повторения подобных набегов.

Настроение Болгарии, как я доносил все последнее время, с каждым днем более и более высказывается [1] за присоединение к Согласию; самые крайние элементы, в роде македонцев, готовы итти на уступки, отказываясь теперь от всяких территориальных изменений до окончания войны.

С другой стороны, если в начале войны положение Болгарии, с чисто военной точки зрения, было для нас более или менее безразлично, то теперь, со времени начала действий на Проливах, мне кажется, что это не так. Болгарам, как вы уже знаете, я без устали повторяю, что с ними или без них план держав будет неукоснительно приведен в исполнение, но помощь Болгарии теперь, конечно, нам нужна, и наша задача значительно усложнится, если мы будем иметь дело на Проливах и у Константинополя с соединенной турецко-болгарской армией.

Ввиду всех этих соображений мне казалось бы, что разрыв с Болгарией был бы теперь несвоевременным, но, конечно, императорскому правительству это виднее. Если оно своим сообщением, текст коего мне передан телеграммою № 1666, имеет в виду привлечь Болгарию на нашу сторону, то наперед можно безошибочно сказать, что сообщение это не только обречено на полнейший провал, но оно оттолкнет от нас даже самых преданных нам друзей. В самом деле, если Болгария до сих пор не определилась, то в значительной степени потому, что в предыдущих обращениях мы никогда точно не определяли тех выгод, на которые она могла бы рассчитывать: была упомянута линия Энос — Мидия; насчет же самого жгучего вопроса — македонского — было сказано лишь: «Elle obtiendra après la guerre d'équitables améliorations territoriales en Macédoine» [2], но всетаки это было кое-что; последняя же фраза нового обращения возвращается к еще более туман-

---

[1] Так в оригинале.

[2] «Она получит после войны справедливые территориальные исправления в Македонии». (См. т. VI, № 627).

ным обращениям, чем прежние и, без всякого сомнения, вызовет недоумение и горчайшее разочарование даже в самых преданных нам лицах.

Я высказываю эти крайне озабочивающие меня мысли исключительно с местной точки зрения, не зная общего политического положения, но считаю нравственною обязанностью обратить внимание вашего высокопревосходительства, что сообщение в редакции телеграммы № 1666 оттолкнет от нас всю Болгарию; если мы хотим этого, то результат обеспечен. Если же мы хотим ее присоединения, то, как я и требовал неоднократно, нужно придать выступлению вполне категорический, почти ультимативный характер, но сохранить то содержание, которое было в вашем № 498 [1].

Савинский.

№ 542. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 37. 16/3 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Ферхмина от [10 апреля] 28 марта [2].

Сообщил ее содержание французскому и английскому посланникам, по соглашению с которыми заявил Пламенацу, что мы настаиваем на точном исполнении черногорским правительством принятого им на себя обязательства не предпринимать, пока длится война, активных действий против Албании в какой бы то ни было форме. Министр дал мне самые успокоительные заверения и просил донести об этом императорскому министерству. На другой день мое заявление было повторено французским посланником, получившим аналогичный ответ.

Обнорский.

---

[1] См. № 162.

[2] Тел. от 10 апр./28 марта консул в Скутари Ферхмин передал имеющиеся у него сведения, «будто бы черногорцы собираются атаковать пункт Пулаи на Бояне с движением на Медуа». Незадолго до этого Обнорский тел. от 2 апр./20 марта за № 31 сообщал об участившихся протестах черног. м-ра ин. дел по поводу «чинимых скутарийскими албанцами препятствий движению черногорского транзита по Бояне». По словам Обнорского, черног. прав-во «само склонно затягивать и даже растравлять конфликты, дабы иметь в любой момент готовый предлог к активному выступлению с целью занять Скутари», в каковом смысле «и дана под рукой инструкция черногорскому консулу». Ссылаясь на эту тел., Сазонов предписал Ферхмину тел. от 6 апр./24 марта за № 1545 «воздействовать на административный совет в видах устранения препятствий, чинимых албанцами черногорскому транзиту по Бояне, а также улажения иных

№ 543. Военный агент в Черногории в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 521. 16/3 апреля 1915 г.

Выехавшему из Цетинье [14] 1 апреля генералу Мартиновичу король вручил для передачи нашему верховному главнокомандующему письмо, переписать которое начисто его величество поручил одному из состоящих при верховной команде старших сербских офицеров. Таким путем сделалось известным, что генерал Мартинович отправился не в краткосрочную техническую миссию, а в качестве постоянного черногорского военного делегата. Назначение Мартиновича состоять при русской армии, а не при сербской, с которой черногорцы связаны единством военных операций, рассматривается здешними сербскими офицерами и дипломатами как стремление короля эмансипироваться от Сербии, причем высказывается, что в случае принятия русским правительством генерала Мартиновича как постоянного черногорского делегата, не только явится излишним пребывание в Черногории сербских офицеров и выплата сербским правительством военной субсидии Черногории, но и счастливо начавшееся сближение Черногории с Сербией будет существенно затруднено.

Потапов.

№ 544. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1738 [1]. 17/4 апреля 1915 г.

Телеграмма за № 131 [2] получена.

Банк считает мораторий совершенно невозможным, так как облигации займов, как известно, находятся в частных руках. Особенно теперь, когда отстранены бельгийцы и доверия к персидским финан-

---

конфликтов, могущих служить к обострению черногорско-албанских отношений». Аналогичная инструкция была дана франц. консулу в Скутари (тел. Извольского 11 апр./29 марта за № 208). Заявление было сделано 13 апр./31 марта.

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 30/17 марта за № 131 Коростовец сообщал, что Мушир-эд-Доуле ознакомил его с новым проектом аванса, называемым «ретроспективным мораториумом». Сущность его, по словам Коростовца, заключалась в том, «чтобы мы вернули персидскому правительству наличными все взносы последнего по нашим займам с начала войны, а предпочтительнее даже за весь 1914 год, как будто бы мы согласились на общий мораториум уже с начала 1914 года».

сам совершенно нет, министерство финансов менее чем когда-либо склонно увеличивать задолженность нам шахского правительства. В этом смысле дан был ответ и Исаак-хану, причем ему было добавлено, что вопрос о денежной помощи Персии мог бы быть обсужден вообще лишь в том случае, если б шахское правительство сообщило миссиям свои предположения о расходовании денег и относительно обеспечения ссуды. Ему было также дано понять, что англо-русский контроль будет неизбежен.

Для личного вашего сведения: банк поставлен почти в безвыходное положение недостаточностью крановой наличности в его кассах, не обеспечивающей даже вкладов на текущий счет. На-днях при Эттере обсуждались способы получения кранов, причем остановились лишь на том, чтобы просить ссуды у Шахиншахского банка, хотя бы частью банкнотами его. Сомневаюсь однако в результате этого шага.

Клемм.

№ 545. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

Телеграмма № 1740 [1]. 17/4 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 219 [2].

Не могу согласиться с мнением Делькассе, что «в настоящую минуту главное — как можно скорее подписать договор», обеспечивающий Италии целый ряд крупных выгод взамен обещания ее выступить лишь через месяц. Попрежнему не возлагая больших надежд на военную помощь итальянских войск, не имеющих за собою боевых заслуг в прошлом, я считаю, что все значение присоединения к нам Италии заключается в нравственном впечатлении, которое таковое, несомненно, произведет как на воюющих, так и на нейтральных. Поэтому главное, мне кажется, не в подписании договора и даже не в самом выступлении Италии, а в скорейшей огласке подписанного соглашения. Сообразно с этим я готов согласиться, чтобы Италия обязалась «выступить» лишь через месяц после того, как мы по существу пришли к соглашению по всем главным вопросам, то есть 15 мая нового стиля, но настаиваю на условии, чтобы факт состоявшегося

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 280.

[2] Тел. от 16/3 апр. за № 219 Извольский, передавая настояния Делькассе на скорейшем подписании договора, указывал, что, по мнению последнего, Италия сама ускорит начало военных действий, так как Германия и Австрия, узнав о договоре, постараются ее опередить.

соглашения был предан гласности не позже 1 мая нового стиля. Возражение, что в таком случае Италия может подвергнуться нападению со стороны Германии и Австрии прежде, чем она будет готова, — не убедительно. Во-первых, если итальянское правительство заявляло полтора месяца тому назад через Империали о своей готовности выступить в конце апреля, то следует полагать, что его приготовления достаточно подвинуты, если не для наступления, то, по крайней мере, для отражения нападения. Во-вторых, такое нападение теперь само по себе немыслимо, так как австрийцы и немцы напрягают все свои силы на других фронтах. Благоволите без замедления передать вышеизложенное министру иностранных дел и прибавить, что я завтра же сообщу те небольшие поправки, которые считаю нужным внести в полученный мною сегодня полный текст договора [1].

Сазонов.

№ 546. Поверенный в делах в Риме [2] министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 71. 17/4 апреля 1915 г.

Вследствие просьбы Сватковского дать ему руководящее начало для разговоров с итальянцами и южно-славянами, снабдил его следующими указаниями. Итальянцам следует говорить, что Россия готова способствовать широкому удовлетворению итальянских вожделений, но при этом следует считаться с общественным мнением России и примириться с тем, чтобы славянские интересы (не) были принесены в жертву необоснованным требованиям Италии и что чрезмерными (требованиями) Италия создаст себе непримиримых врагов в славянах. Представителям южно-славян необходимо внушить, что Россия стоит на страже их интересов и не допустит решений, противных их интересам, но вместе с тем они должны понять, что необходимость достигнуть скорейшего окончания войны путем выступления

[1] См. стр. 175, прим. 2.—Тел. от 18/5 апр. за № 225 (опубл. L. N., р. 106) Извольский сообщил, что он передал содержание этой тел. Делькассе, который продолжал настаивать на скорейшем подписании соглашения, имея сведения, что Германия пытается использовать отсрочку для привлечения Италии на сторону центральных держав, предлагая ей не только Трентино, но и Триест и Истрию. Со своей стороны Бенкендорф тел. от 19/6 апр. за № 263 сообщил, что Грей продолжает считать необходимым скорейшее подписание соглашения, указывая, что по подписании можно будет настоять перед Италией на опубликовании акта о присоединении ее к Тройственному согласию.

[2] 6 апр./24 марта посол в Риме Крупенский вручил свои отзывные грамоты, оставив в качестве поверенного в делах Поггенполя.

Италии, быть может, заставит нас сделать некоторые уступки последней и потому южно-славянам следовало бы держаться менее непримиримой точки зрения.

Поггенполь.

№ 547. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 17/4 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Основываясь на вашей телеграмме № 1487 [1], я не преминул обратить внимание греческого министра иностранных дел на недопустимость производства выборов в греческую палату от местностей, еще не признанных державами за Грецией, как Северный Эпир, а еще менее от островов Имброс и Тенедос, сохраненных лондонским собранием за Турцией, и участь коих не может быть, ввиду их значения для обороны Дарданелл, отделяема от участи Оттоманской империи.

Хотя г. Зографос и дал мне положительные заверения, что международное положение названных местностей не подвергнется каким-либо односторонним изменениям, все же он мне заявил, что греческое правительство, не собираясь само руководить выборами, — речь идет главным образом о Северном Эпире, наиболее интересующем г. Зографоса, — намеревалось однако допустить производство таковых. Основывал он это свое заявление на крайне странной и непонятной теории: в 1863 году состоялись, будто бы, выборы и посылка депутатов в Афины от всего эллинизма, т. е. от совокупности греков, проживающих в иностранных государствах и зарубежных странах, что не предрешало, конечно, вопроса о какой-нибудь принадлежности территориальной. Прецедент этот мне неизвестен; приведение его, очевидно, рассчитано на скорейшее присоединение оккупированной области Албании, и с точки зрения международного права едва ли выдерживает сколько-нибудь строгой критики. Вряд ли «допущение» выборов может быть отделено от фактического ими руководства, как это свидетельствует донесение итальянского консула в Янине, который жалуется, по словам моего итальянского коллеги, на проявляемую уже деятельность греческого правительства в Северном Эпире по заведыванию выборами; полагаю, что протесты на сей счет итальянского правительства не заставят себя ждать. Впрочем, если Греция выйдет, как можно в настоящее время ожидать, из своего нейтралитета, то дело само собой разре-

[1] Ошибка в номере: следует читать: «1461». См. № 457.

шится либо признанием за нею занятой области, либо отсрочкой вообще избирательной кампании до более благоприятного времени.

Вследствие появления королевского декрета о включении островов Имброс и Тенедос в Митиленский административный округ (ном) я не замедлил тотчас обратиться за объяснениями в министерство иностранных дел. Г. Политис мне разъяснил, что мера эта носит временный характер и принята исключительно в видах правильного отправления на названных островах административных функций. Не считая однако словесное это разъяснение достаточным, и в целях закрепления данных мне заверений, я просил генерального директора мне письменно сообщить значение принимаемых греческим правительством мер, что он обещал сделать. О последующем не премину поставить вас в известность [1].

Примите и пр.

Демидов.

P. S. Мною только-что получена от министра иностранных дел прилагаемая у сего нота по изложенному вопросу, подтверждающая данные мне заверения [2].

Ut in litteris.

Д.

№ 548. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 222. 17/4 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 138 и 183 [3].

Инженер Радович с русскими рабочими прибыл некоторое время тому назад в Яссы и успел вывезти в Россию 60 из числа уступленных

[1] Тел. от 20/7 апр. за № 1764 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 219) Сазонов в связи с полученными сведениями о приготовлениях к выборам на о-вах Имбросе, Тенедосе, Кастеллоризо и в Северном Эпире, снова предписал Демидову указать греч. прав-ву, «на недопустимость нарушения существующего положения до окончательного, после войны, определения участи названных местностей». Письмом от 4 мая/21 апр. Демидов сообщил, что в результате его запроса по поводу появившейся в греч. печати заметки о намерении греч. прав-ва произвести выборы в Северном Эпире и разделить его на две префектуры: Аргирокастро и Корица,—4 мая/21 апр. появилось опровержение, что «правительство не имеет намерения производить законодательные выборы в Северном Эпире; оно ограничивается назначением административных комиссаров согласно закону об организации и управлении военно-занятых областей».

[2] Копия ноты от 17/4 апр. за № 3459 хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 338.

[3] Во время эвакуации в декабре 1914 г. австрийцами Буковины были отправлены в Румынию через Измяны в Бурдужени 35 паровозов и несколько составов

нам румынским правительством вагонов [1]. Третьего дня здешний австрийский посланник заявил протест по поводу заключенной румынским правительством с нами сделки и потребовал возвращения в Австрию находящихся на румынской территории австрийских паровозов и вагонов. Не желая выполнять это требование и дабы получить возможность отрицать существование помянутой сделки, румынское правительство просило Радовича вернуться с рабочими в Россию и обещало через некоторое время постепенно собственными средствами доставить нам остальные вагоны и паровозы. Теперь выяснилось, что здешний министр путей сообщения не отдавал себе отчета в том, что эта сделка является нарушением нейтралитета Румынии, а Братиану дал лишь в свое время разрешение на вывоз к нам вагонов по железной дороге в Буковину и не был осведомлен о проекте доставления нам вагонов чрез Унгени.

Поклевский.

№ 549. Верховный главнокомандующий — Александру Сербскому.

Телеграмма [2]. 17/4 апреля 1915 г.

«При создавшемся ныне общем стратегическом положении усилия высочайше вверенных мне армий направлены к тому, чтобы, постепенно развивая наступление за Карпаты, окончательно сломить силу сопротивления австрийских войск. Для успешного выполнения этой весьма важной не только для России, но и для всех союзников задачи является крайне существенным, чтобы противники наши не могли в значительной мере подкрепить действующие на австрийском фронте силы путем переброски войск с других театров военных действий. Для воспрепятствования же такой пере-

---

поездов. Россия добивалась получить обратно в Буковину паровозы и вагоны. Переговоры по этому вопросу затянулись и кончились в пользу России. В тел. Поклевского от 29/16 марта за № 183 сообщалось: «Инженер Липин подписал с румынским железнодорожным управлением контракт о найме нами шести румынских паровозов и 150 вагонов, — которые на-днях будут вывезены в Россию через Яссы». В тел. за № 138 от 7 марта/22 февр. сообщались технические условия передачи и приема подвижного состава, который в Яссах должен был быть переделан на русскую колею.

[1] Переговоры с рум. прав.-вом об уступке подвижного состава велись в двух направлениях: а) Поклевский с Братиану и м-ром путей сообщений и б) инженер Генриксон «с влиятельными лицами, материально заинтересованными, без участия румынского правительства, но с его тайного ведома» (тел. Муравьева Кудашеву от 25/12 и 26/13 янв. за №№ 53 и 56).

[2] Передана Кудашевым Трубецкому тел. за № 176.

броске необходимо, чтобы одновременно с нашим наступлением и союзные нам армии развили энергичные операции. По сему поводу я обратился к главнокомандующему англо-французскими войсками с соответственными пожеланиями, которые мне обещано в возможной степени выполнить. Не подлежит сомнению, что положение наших противников станет еще более затруднительным, если одновременно с наступлением наших и англо-французских армий и сербская армия перейдет в наступление и перенесет военные действия в пределы Австро-Венгрии. Хотя мне хорошо известно, с какими трудностями сопряжен переход сербской армии в наступление, однако одновременное энергичное давление на противников на всех трех фронтах военных действий представляется настолько важным в целях скорейшего достижения победы, что я тем не менее считаю долгом указать вашему высочеству на крайнюю желательность самого энергичного осуществления такого наступления. Некоторым облегчением для этого, повидимому, может служить то обстоятельство, что, по имеющимся сведениям, австрийцы перебросили с сербского фронта на Карпаты большую часть своих первоочередных войск.

Генерал-адъютант Николай.

№ 550. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде — Бьюкенену и Палеологу [1].

18/5 апреля 1915 г.

Ayant étudié le texte d'un accord avec l'Italie proposé dans l'aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre en date du 17/4 avril c-rt [2], Mr. Sazonow est prêt à l'accepter en substance avec quelques modifications inspirées par les considérations suivantes.

D'abord quant à l'acte même établissant cet accord [3], Mr. Sazonow

---

[1] Черновик написан рукою Шиллинга.

[2] 17/4 апр. Бьюкенен передал Сазонову измененный проект соглашения с Италией. Текст этого меморандума был передан Бенкендорфом тел. от 16/3 апр. за № 250. В дополнение к этой тел. он сообщил 17/4 апр. за № 252, что переданный им и Бьюкененом текст не является итал. меморандумом, так как в него внесены изменения Греем, который добавил абзац, касающийся общей границы между Сербией и Грецией (см. № 612, стр. 256).

[3] Вступительная часть проекта соглашения от 17/4 апр. читается: «Ввиду того, что Италия присоединилась к декларации от 5 сентября 1914 г., подписанной Францией, Великобританией и Россией, эти три державы в настоящем акте заявляют, что они дадут полное согласие на следующую памятную записку итальянского правительства».

préférerait qu'il revêtit la forme d'une convention à quatre [1] au lieu d'avoir le caractère d'une simple acceptation par les Puissances de conditions dictées par l'Italie. Ceci permettrait d'insérer dans l'instrument en question les clauses stipulées sur l'initiative de l'Angleterre, de la France et de la Russie et que l'Italie, pour sa part, avait proposé de n'envisager qu'à la fin de la guerre. Le préambule devrait, en conséquence, être modifié dans le sens suivant:

«L'Italie ayant accédé à la déclaration du 5 septembre 1914, signée à Londres par l'Angleterre, la France et la Russie, ces Puissances se sont mises d'accord avec elle pour établir ce qui suit».

Viendraient ensuite les articles I [2], II [3] et III [4] au sujet desquels Mr. Sazonow n'a rien à objecter.

Les premiers mots de l'article IV [5] sont si catégoriques qu'on pourrait croire à une obligation pour les Puissances non seulement de reconnaître l'annexion par l'Italie des territoires visés, mais encore de les conquérir pour elle, même si les efforts italiens n'étaient pas couronnés de tout le succès qu'on en attend à Rome. C'est pourquoi il paraîtrait utile de remplacer les mots: «Dans le traité de paix d'Italie obtiendra»... par ceux de: «Les Puissances reconnaissent à l'Italie le droit d'obtenir par le traité de paix» etc. [6].

L'article V [7] est celui qui, d'après Mr. Sazonow, demanderait le plus à être remanié.

---

[1] Пам. запиской от 20/7 апр. Бьюкенен передал ответ Грея, в котором последний возражал против придания соглашению формы четверной конвенции, так как таковая потребовала бы утверждения франц. палаты, чего желательно избежать.

[2] Ст. I проекта 17/4 апр. совпадает с первым абзацем ст. 1 сообщения от 24/11 марта (см. № 417) со следующим добавлением: «Это соглашение должно включать условия касательно заключения перемирий, как вопроса, входящего в компетенцию главнокомандующих армиями».

[3] Ст. II проекта 17/4 апр. читается: «Италия со своей стороны обязуется употребить все свои силы для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов».

[4] Ст. III совпадает с той же ст. сообщения 24/11 марта.

[5] Ст. IV совпадает с той же ст. сообщения 24/11 марта.

[6] По мнению Грея (см. прим. 1), эта редакция не уменьшит обязательства союзников, так как Италия, присоединяясь к соглашению от 5 сент./23 авг. 1914 г., получает право на приобретение обещанных ей территорий; в то же время такая редакция может произвести неблагоприятное впечатление на Италию.

[7] Ст. V проекта 17/4 апр. в первой своей части, кончая словами: «Буа, Солта и Брацца», совпадает с окончательным текстом соглашения (см. № 612, стр. 255), а далее читается: «Будут нейтрализованы: 1. Все побережье от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Саббиончелло на юге, включая весь

En effet, dans ses aides-mémoire précédents (29/16 [1] et 31/18 mars [2]), Mr. Sazonow a déjà exposé les raisons qui ne lui permettent pas de fixer d'avance, jusque dans les détails, une ligne de démarcation qui n'a pas encore été étudiée sur les lieux. La limite sud des futures possessions italiennes en Dalmatie devrait, par conséquent, être indiquée dans les termes plus généraux.

En outre, ayant successivement consenti à étendre sur une plus grande partie du littoral la neutralisation réclamée par l'Italie Mr. Sasonow a bien admis la neutralisation de la côte depuis le cap Planca jusqu'à la péninsule de Sabbioncello, cette dernière inclue, ainsi que la neutralisation des Bouches de Cattaro avec environs et du littoral albanais, mais il s'est toujours opposé à la neutralisation de la côte qui appartient déjà actuellement au Monténégro. On ne voit véritablement pas, pourquoi après que l'article 29 du traité de Berlin a été abrogé en avril 1909 [3], sauf quelques restrictions admises par le Monténégro lui-même pour le port d'Antivari, et qui pourraient à la rigueur être maintenues, le Monténégro serait privé aujourd'hui après une guerre victorieuse de droits souverains qui, d'ailleurs, n'ont jamais été en ses mains une menace pour l'Italie.

Il paraîtrait également injuste de vouloir neutraliser les petites îles, qui doivent revenir à la Serbie ou au Monténégro près de Raguse, le long de la partie de la côte qui ne sera pas neutralisée.

Enfin, du moment que les Puisances sont tombées d'accord pour attribuer une partie de la côte et certaines îles aux Slaves qui y habitent, on ne voit pas pourquoi on laisserait subsister dans la convention la for-

---

полуостров. 2. Полоса побережья, начинающаяся на севере от пункта, находящегося на десять километров ниже Старой Рагузы, и идущая на юг до реки Воюсы, включая Каттарскую бухту, порт Антивари, Дульциньо и Сан-Джиованни-ди-Медуа, Дураццо и т. д. 3. И, наконец, все острова, которые не будут предоставлены Италии.

Постановления, изложенные в 4-й и в настоящей статьях соглашения, оставляют вопрос о судьбе адриатической территории на решение союзников по окончании войны», и далее как в прим. 2 окончательного текста от слов: «В верхней Адриатике».

[1] См. № 444.

[2] См. № 455.

[3] Имеется в виду обмен нот в апр.—мае 1909 г. между державами, подписавшими Берлинский трактат, об отмене пунктов ст. 29 Берлинского трактата, текст которых приводится в прим. 1 на стр. 82, за исключением пункта, касающегося Антивари, который был заменен новым: «Порт Антивари должен сохранить характер торгового порта: там не смогут производиться работы, которые преобразуют его в военный порт» (см. Oe. U. A., Bd. II, № 1606).

mule proposée par l'Italie, à savoir que le sort de ces territoires ne sera réglé qu'à la paix. Mr. Sazonow tient, au contraire, que tout ce qui a pu être soustrait aux empiètements italiens, soit bien explicitement attribué dès maintenant aux Serbes et aux Croates.

Conformément à ces observations l'article V pourrait être rédigé de la manière suivante:

«L'Italie recevra également la province de Dalmatie dans ses limites administratives actuelles, comprenant au nord Lissarica et Tribania et, au sud, jusqu'à une ligne partant du cap Planca sur la côte et allant rejoindre la frontière bosniaque en suivant autant que possible les hauteurs formant la ligne de partage des eaux qui descendent vers Sebenico. Elle recevra aussi toutes les îles situées au nord et à l'ouest de la Dalmatie depuis Premuda, Selve, Ulbo, Scherda, Maon, Pago et Puntadura au nord jusqu'à Meleda au sud en y comprenant San-Andrea, Busi, Lissa, Lesina, Torcola, Curzola, Cazza et Lagosta, ainsi que les rochers et îlots environnants et Pelagosa, à l'exception des îles Grande et Petite Zirona, Bua, Solta et Brazza.

Ces cinq dernières îles, de même que le reste de la Dalmatie, depuis la ligne mentionnée plus haut partant du cap Planca sur la côte au nord et s'étendant au sud jusqu'à la frontière monténégrine actuelle, et toutes les îles au sud de Meleda qui longent cette partie de la côte seront attribuées à la Serbie et au Monténégro.

Seront neutralisées:

1. Toute la côte depuis le cap Planca au nord jusqu'à la racine méridionale de la péninsule de Sabbioncello au sud, de manière à comprendre toute cette péninsule.

2. La partie du littoral commençant au nord à un point situé à 10 kilomètres au sud de Ragusa Vecchia et descendant au sud jusqu'à la frontière actuelle du Monténégro, comprenant le golfe de Cattaro.

3. La partie du littoral commençant à la frontière méridionale actuelle du Monténégro et descendant au sud jusqu'à la rivière Voiussa.

4. Toutes les îles qui ne sont pas attribuées à l'Italie, sauf celles qui, comme Jaclian, Calamotta et autres, longent la partie non neutralisée du littoral, et enfin

5. La côte à partir de la frontière méridionale de la possession italienne de Valona jusqu'au cap Stylos.

Dans la Haute Adriatique toute la côte depuis la baie de Volosca, sur les confins de l'Istrie, jusqu'à la frontière septentrionale de la Dalmatie comprenant le littoral actuellement hongrois et toute la côte croate, avec le port de Fiume et les petits ports de Novi, de Carlopago, ainsi

que les îles de Veglia, Pervicchio, Gregorio, Goli et Arbe, — seront attribués à la Croatie quel que soit le sort qui doit lui échoir» [1].

Les quelques mots concernant Durazzo qui se trouvent à la fin de cet article dans la rédaction transmise de Londres, devraient être reportés à l'article VII qui traite en général de l'Albanie.

L'article VI [2] est accepté par Mr. Sazonow sans modification.

L'article VII [3] ne devrait pas adopter une formule conditionelle, mais, comme tous les autres, fixer d'une façon positive le sort que les Puissances réservent aux territoires albanais, d'autant plus qu'en cette question les desiderata italiens ont été si largement pris en considération qu'il serait juste d'enregistrer également les avantages que doivent recevoir dans ces régions les autres peuples voisins.

Cet article pourrait donc être libellé ainsi:

Le port de Durazzo sera attribué à l'Etat indépendant musulman d'Albanie neutralisé qui comprendra la partie centrale de l'Albanie actuelle, tandis que les parties septentrionale (avec la ville de Scutari et les ports de San Giovanni di Medua et d'Alessio) et méridionale seront partagées entre le Monténégro, la Serbie et la Grèce et un territoire de l'Albanie suffisant sera laissé pour assurer l'existence d'une frontière commune à la Grèce et à la Serbie à l'ouest du lac d'Ochrida.

L'Italie sera chargée de représenter l'Etat d'Albanie dans ses relations avec l'étranger.

Les articles VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV et XV [4] sont acceptés par Mr. Sazonow dans la rédaction proposée par Sir E. Grey.

---

[1] По поводу ст. V Грей, давая свое согласие на освобождение черног. побережья от нейтрализации, возражал против менее определенной формулировки итал. приобретений и высказывался против разрешения в настоящий момент вопроса о судьбе территорий, отходящих к Хорватии, Сербии и Черногории.

[2] Ст. VI проекта 17/4 апр. совпадает с текстом окончательного соглашения.

[3] Начало ст. VII проекта 17/4 апр. совпадает с текстом окончательного соглашения. Конец ее был передан Бьюкененом в плохо расшифрованном виде и читался так: «Италия должна быть ответственна за представительство Албанского государства (в оригинале знак вопроса и пропуск) чтобы обеспечить сопредельную границу между Грецией и Сербией к западу от Охридского озера».

[4] Ст. ст. IX, X, XI, XII, XIV и XV проекта 17/4 апр. совпадают с окончательным текстом. В ст. XIII проекта 17/4 апр. имелось добавление, не вошедшее в окончательный текст: «Такая компенсация не должна быть однако применена в отношении французской колонии Обок-Джибути, которая слишком мала, чтобы подвергнуться какому-либо уменьшению территории, и является слишком важной станцией на пути в Индо-Китай и Мадагаскар, чтобы она могла быть уступлена». Ст. VIII совпадает с той же ст. сообщения 24/11 марта.

Pour ce qui est de l'article XVI [1], il pourrait aussi être accepté sans modification, si l'Italie consentait à rendre publique le 1 mai nouveau style au plus tard le fait seul qu'un accord a été conclu entre elle et les Puissances alliées [2].

Mr. Sazonow se réfère à son aide-mémoire du 16/3 avril [3] et croit devoir répéter que seule une intervention immédiate de l'Italie pourrait justifier les concessions considérables que les trois grandes Puissances ont jugé utile de lui faire. Tenant compte des enseignements du passé Mr. Sazonow n'est pas porté à attendre des résultats très décisifs d'une offensive italienne, mais il ajoute beaucoup d'importance à l'effet moral que devra produire partout la nouvelle de l'entrée en lice de l'Italie.

Il serait particulièrement désirable de pouvoir escompter cet effet moral tant que dure encore la grande bataille engagée en ce moment dans les Carpathes et qui doit avoir pour la cause de tous les alliés les plus grandes conséquences. C'est pourquoi, Mr. Sazonow croirait pouvoir transiger, peut-être, sur la date de l'entrée en guerre effective de l'Italie, — à condition toutefois qu'elle ait lieu au plus tard le 15 mai nouveau style, — si le Cabinet de Rome n'objectait pas à ce que la nouvelle de son accession à l'alliance fût annoncée dès le 1 mai nouveau style.

La crainte du gouvernement italien que, le cas échéant, l'Italie ne soit menacée d'une agression austro-allemande avant d'avoir achevé ses préparatifs militaires, ne semble pas fondée. En effet, il est tout-à-fait improbable qu'une agression pareille puisse avoir lieu, l'Autriche et l'Allemagne ayant la grande majorité de leurs troupes fortement engagées ailleurs.

Перевод.

Изучив текст соглашения с Италией, предложенный в памятной записке английского посольства от 17/4 апреля с. г., г. Сазонов готов принять его по существу с некоторыми изменениями, вызванными следующими соображениями.

Прежде всего, что касается самого акта, устанавливающего это соглашение, г. Сазонов предпочел бы, чтобы этот акт получил форму четверной конвенции, вместо того, чтобы он носил характер простого принятия державами условий,

[1] Ст. XVI проекта 17/4 апр. совпадает с окончательным текстом.

[2] По мнению Грея, установление даты опубликования соглашения Италии с союзниками, не имея особенного практического значения, — так как факт подписания соглашения сам по себе ускорит выступление Италии, — может лишь затянуть переговоры.

[3] См. № 537.

продиктованных Италией. Это позволило бы включить в указанный акт условия, поставленные по инициативе Англии, Франции и России и каковые Италия со своей стороны предложила обсудить лишь по окончании войны. Поэтому, вводная часть должна была бы быть изменена в следующем смысле:

«Ввиду того, что Италия присоединилась к декларации от 5 сентября 1914 г., подписанной в Лондоне Англией, Францией и Россией, эти державы договорились с ней о следующем».

Затем идут I, II и III статьи, по поводу которых г. Сазонов не имеет никаких возражений.

Первые слова IV статьи так категоричны, что можно было бы считать для держав обязательным не только признать приобретение Италией указанных территорий, но еще и завоевывать их для нее, даже если бы усилия Италии не увенчались успехом, которого ожидают в Риме. Поэтому казалось бы полезно заменить слова: «По мирному договору Италия получит» словами «Державы признают за Италией право получить по мирному договору» и т. д.

Статья V, по мнению г. Сазонова, требует больше всего исправлений.

Действительно, в своих предыдущих памятных записках от 29/16 и 31/18 марта г. Сазонов уже изложил причины, которые ему не позволяют заранее наметить во всех подробностях пограничную линию, каковая еще не была изучена на месте. Ввиду этого, южная граница будущих итальянских владений в Далмации должна быть обозначена в более общих выражениях.

Помимо того, последовательно выразив согласие распространить на большую часть побережья нейтрализацию, которую требует Италия, г. Сазонов допустил нейтрализацию побережья от мыса Планка до полуострова Саббиончелло, включая этот последний, а равно и нейтрализацию Каттарской бухты с окрестностями и албанского побережья, но он всегда возражал против нейтрализации побережья, принадлежащего уже в настоящее время Черногории. Действительно, неизвестно, почему после того, как ст. 29 Берлинского трактата была отменена в апреле 1909 года, за исключением нескольких ограничений, принятых самой Черногорией для порта Антивари, и которые, в крайнем случае, могли бы быть сохранены, Черногория будет лишена теперь, после победоносной войны, суверенных прав, которые к тому же в ее руках никогда не были угрозой для Италии.

Равным образом представлялось бы несправедливым стремиться нейтрализовать малые острова, которые должны перейти к Сербии и к Черногории близ Рагузы вдоль той части побережья, которая не будет нейтрализована.

Наконец, с того момента как державы пришли к соглашению о предоставлении части побережья и некоторых островов славянам, которые их населяют, непонятно, почему следует сохранить в конвенции формулу, предложенную Италией, а именно, что судьба этих территорий будет решена только при заключении мира. Г. Сазонов придает, наоборот, значение тому, чтобы все, что могло быть устранено из притязаний Италии, было бы теперь же в ясной формулировке предоставлено сербам и хорватам.

Согласно этим соображениям V статья могла бы быть редактирована следующим образом:

«Италия получит так же провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах, включая на севере Лиссарику и Трибанию, а к югу доходя до линии, начинающейся у мыса Планка на побережьи и идущей к границе Боснии, следуя по возможности вдоль возвышенностей, составляющих водораздел рек,

текущих в направлении к Себенико. Она равным образом получит все острова, расположенные к северу и к западу от Далмации, начиная от Премуды, Сельве, Ульбо, Скерды, Маона, Паго и Пунтадура на севере и до Меледы на юге, включая Сан-Андреа, Буви, Лиссу, Лезину, Торколу, Курцолу, Каццу и Лагосту, а также окружающие их скалы и островки и Пелагозу, за исключением островов Большой и Малой Цироны, Буа, Солты и Брацци.

Эти последние пять островов, равно как и остальная Далмация от упомянутой выше линии, идущей на севере от мыса Планка на побережье и направляющейся к югу до нынешней черногорской границы, и все острова к югу от Меледы, которые расположены вдоль этой части побережья, будут предоставлены Сербии и Черногории.

Будут нейтрализованы:

1. Все побережье от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Саббиончелло на юге со включением всего полуострова.

2. Часть побережья, начинающаяся на севере от пункта, расположенного в 10 километрах к югу от Старой Рагузы, и доходящая на юге до нынешней границы Черногории, включая Каттарскую бухту.

3. Часть побережья от нынешней южной границы Черногории до реки Воюсы на юге.

4. Все острова, которые не предназначены Италии, за исключением тех, которые, как, напр., Жаклиан, Каламотта и другие, расположены вдоль части побережья, не подлежащей нейтрализации, и, наконец,

5. Побережье от южной границы итальянских владений в Валоне до мыса Стилоса.

В Верхней Адриатике все побережье от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, включая берег, принадлежащий в данное время Венгрии, и все хорватское побережье с портом Фиуме и малые порты Нови, Карлопаго, а также острова Велья, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе будут предоставлены Хорватии, какова бы ни была предстоящая ей участь».

Немногие слова касательно Дураццо, находящиеся в конце этой статьи в переданной из Лондона редакции, должны были бы быть отнесены к статье VII, говорящей вообще об Албании.

Статья VI принята г. Сазоновым без изменений.

Статья VII не должна была бы быть изложена в условном смысле, но, как все остальные, установить в положительной форме судьбу, которую державы предназначают албанским территориям, тем более, что в этом вопросе итальянские пожелания были так широко приняты во внимание, что было бы справедливо зарегистрировать равным образом преимущества, которые должны получить в этих областях другие соседние народы.

Эта статья могла бы быть изложена следующим образом:

Порт Дураццо будет предоставлен Албанскому независимому нейтрализованному мусульманскому государству, которое будет обнимать центральную часть нынешней Албании, в то время как части северная (с городом Скутари и портами Сан-Джиованни-ди-Медуа и Алессио) и южная будут разделены между Черногорией, Сербией и Грецией, и достаточная албанская территория будет оставлена для устройства общей границы между Грецией и Сербией к западу от Охридского озера.

Италии будет поручено представлять Албанское государство в его внешних сношениях.

Статьи VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV и XV приняты г. Сазоновым в редакции, предложенной сэром Э. Греем.

Что касается статьи XVI, то она тоже могла бы быть принята без изменения, если Италия согласится опубликовать не позднее 1 мая нового стиля тот факт, что между нею и союзными державами заключено соглашение.

Г. Сазонов ссылается на свою памятную записку от 16/3 апреля и считает своим долгом повторить, что только немедленное выступление Италии могло бы оправдать значительные уступки, которые три великие державы сочли полезным ей сделать. Считаясь с опытом прошлого, г. Сазонов не склонен ожидать весьма решительных результатов от итальянского наступления, но он придает большое значение моральному эффекту, который должно будет произвести повсеместно известие о вступлении Италии в войну.

Было бы особенно желательно использовать это моральное воздействие, пока еще продолжается большое сражение, ведущееся в настоящее время в Карпатах и долженствующее иметь для всех союзников самые большие последствия. Поэтому г. Сазонов полагал бы возможным пойти на уступки, быть может, относительно срока действительного выступления Италии, — при условии однако, что оно состоится не позже 15 мая нового стиля, — если римский кабинет не будет возражать против того, что известие об его присоединении к Антанте будет объявлено уже с 1 мая нового стиля.

Опасения итальянского правительства, что в этом случае Италии будет угрожать австро-германское наступление, до того, пока она завершит свои военные приготовления, не представляются обоснованными. Действительно, совершенно невероятно, чтобы подобное наступление могло состояться, так как австрийские и германские войска очень заняты в других местах.

№ 551. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

18/5 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Minister at Athens reported on April 16th that Prince George of Greece was leaving that day for Paris to pursue his negociations, which the prince has informed Sir F. Elliot formed the basis of the Greek Government's reply to the three Powers. Prince George was under the impression that his proposals had been accepted in London and Petrograd as well as at Paris and that an agreement was consequently imminent on the conditions of Greek cooperation. One of these conditions was the internationalisation of Constantinople and another was the cession of Cyprus to Greece.

Prince George, Sir F. Elliot added, regarded it as essential that Constantinople should be occupied by the forces of England, France and

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 216.

Greece before those of Russia were able to enter, as he feared the latter would keep the other Allies out if they entered first. In Prince George's opinion, the Greek forces would be doubled by enthusiastic voluntary enlistment if the King of Greece appeared in the midst of the Allied troops.

Перевод.

Посланник его британского величества в Афинах сообщил 16 апреля, что принц Георгий греческий выехал в этот день в Париж для продолжения своих переговоров, которые, как сообщил принц сэру Ф. Эллиоту, составляют основу для ответа греческого правительства трем державам. Принц Георгий находился под впечатлением, что его предложения были приняты в Лондоне и Петрограде так же, как и в Париже, и что, вследствие этого, соглашение об условиях греческого сотрудничества является неизбежным. Одним из этих условий была интернационализация Константинополя, другим — уступка Кипра Греции.

Принц Георгий, — добавляет сэр Ф. Эллиот, — считает существенным, чтобы Константинополь был занят силами Англии, Франции и Греции до того момента, когда русские войска будут в состоянии вступить в него, так как он опасается, что последние не допустят туда союзников, если они войдут первыми. По мнению принца Георгия, греческие силы удвоились бы вступлением в ряды армии восторженно настроенных добровольцев, если бы греческий король появился среди союзных войск.

№ 552. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому

Телеграмма № 1746. 18/5 апреля 1915 г.

Телеграмма № 115 получена [1].

Объяснения, которые вы имели до сих пор с японскими министрами, не выяснили наиболее важного вопроса, можем ли мы рассчитывать ныне же получить винтовки и патроны из запасов японского военного ведомства. Между тем наше согласие принять на себя расходы по расширению японских арсеналов вызвано именно настойчивой необходимостью незамедлительно получить сказанные винтовки.

Я не понимаю поэтому вашей медлительности в исполнении инструкции моей телеграммы № 1654 [2] и считаю долгом указать вам на необ-

[1] Тел. от 17/4 апр. за № 115 Малевский сообщил, что он обратился к япон. воен. м-ру «с просьбой отпустить нам 300 000 винтовок с патронами из японских военных запасов с одновременным принятием от нас заказа японским арсеналом».

[2] Тел. от 13 апр./31 марта за № 1654 Сазонов, указывая, что «мы не предполагаем перевооружать нашу армию японскими винтовками, а испытываем спешную нужду в 300 000 винтовок, 250 — 300 миллионов патронов для вооружения отдельных частей», выражал согласие «взять на себя расходы по расширению японских арсеналов, если бы нам было немедленно выдано сказанное число винтовок и патронов». Сазонов предписывал Малевскому «незамедлительно

ходимость для вас еще раз при личном свидании с военным министром повлиять на него, чтобы эти винтовки и патроны были нам отпущены, подробно развив ему наши соображения [1].

Сазонов.

№ 553. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 136 [2]. 18/5 апреля 1915 г.

Personnel.

Copies Paris et Londres.

Me réfère à mon télégramme No 129 [3].

Dans un entretien qu'il vient d'avoir avec le ministre d'Angleterre, le roi a dit qu'il ne considérait toujours pas la garantie des Puissances de l'Entente comme assurant à souhait la sécurité de la Grèce contre une Bulgarie restant neutre et susceptible de profiter de son épuisement pour lui porter un coup fatal, — propos qui ne cadre guère, semblerait-il, avec la demande contenue dans la note grecque. De même sa majesté estime que pour action efficace contre Constantinople le chiffre des troupes anglo-françaises devrait s'élever, en dehors des contingents grecs, à 200 000 hommes au minimum. J'apprends d'autre part que l'attaché militaire grec en Serbie se rend à Nich porteur d'un projet de coopération greco-serbe destinée à faire face à une agression éventuelle bulgare. Il me revient au surplus que le ministre des affaires etrangères aurait ouvertement préconisé dans un cercle d'amis l'acquisition de la Thrace Bulgare et une extension sur la pente du coté oriental, de préférence à l'obtention de Smyrne, source de faiblesse, selon lui, pour la Grèce. L'Etat-Major grec semble porter une attention spéciale au plan d'un avancement sur Constantinople par voie de la Thrace, en exigeant le

---

переговорить в вышеизложенном смысле с военным министром, указав ему, насколько спешным для нас является выяснить, можем ли мы рассчитывать на такое содействие снабжению нашей армии». Ср. № 536.

[1] Малевский ответил 20/7 апр. тел. за № 117, что он совместно с военным агентом принимает необходимые меры, и убедительно просил повременить еще несколько дней во избежание получения в настоящий момент полного отказа воен. м-ра. Соглашаясь с Малевским, что ему виднее, когда более удобно «напомнить военному министру о нашей просьбе», Сазонов тел. от 23/10 апр. за № 1835 предложил ему еще раз проявить настойчивость.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 217.

[3] См. стр. 150, прим. 1.

libre passage de l'armée par la Bulgarie, celle-ci dût-elle demeurer neutre,—ce qui offrirait un prétexte à un conflit prévu, pour ne pas dire recherché[1]. Une dernière éventualité, enfin, — que le prince Georges a effleuré au cours d'un entretien avec le ministre d'Angleterre, — se dessine de plus en plus nettement; le roi Constantin se mettrait en personne à la tête de son armée[2], cette éventualité étant interprétée comme un appoint considérable en faveur des alliés. Ces intentions et desiderata ne feront évidemment l'objet d'aucune stipulation. J'ai cru néanmoins devoir vous signaler l'état d'esprit qui se précise ici afin d'éviter de sérieux malentendus et de pénibles surprises, car il se pourrait bien que les évènements nous conduisent, si l'on n'y prend garde, à une situation de fait devant laquelle il serait peut-être trop tard de reculer.

Démidow.

Перевод.

Лично.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 129.

В беседе, которую король только-что имел с английским посланником, он сказал, что, по его мнению, гарантия держав Согласия все еще не обеспечивает в желательной степени безопасность Греции со стороны Болгарии, сохраняющей нейтралитет и способной воспользоваться ее истощением, чтобы нанести ей роковой удар, — заявление, вовсе не отвечающее, казалось бы, просьбе, заключающейся в греческой ноте. Равным образом его величество считает, что для решительных операций против Константинополя численность англо-французских войск должна быть увеличена, не считая греческих контингентов, до 200 000 человек минимум. С другой стороны, я слышал, что греческий военный агент в Сербии отправляется в Ниш с проектом греко-сербского сотрудничества, предназначенного дать отпор возможному нападению Болгарии. Сверх того, до меня дошло, что министр иностранных дел в кругу своих друзей, будто бы, открыто провозглашал, что приобретение Болгарской Фракии и распространение по восточному склону (гор) предпочтительнее получения Смирны, которая, по его мнению, явилась бы источником слабости для Греции. Греческий генеральный штаб, повидимому, придает исключительное значение плану продвижения на Константинополь через Фракию, с предъявлением требования свободного прохода армии через Болгарию, даже если бы последняя осталась нейтральной, что дало бы повод к предвиденному—чтобы не сказать желаемому, конфликту. Наконец, последняя возможность, которой принц Георгий коснулся в разговоре с английским посланником, вырисовывается все с большей и большей отчетли-

---

[1] Тел. от 17/4 апр. за № 256 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 216) Бенкендорф сообщил о неблагоприятном впечатлении, произведенном на Грея ответом Греции (см. № 531), которая, по его мнению, хочет использовать союз с державами Согласия для действий против Болгарии и «определила целью войны разгром Турецкой империи слишком уже явным образом».

[2] См. № 551.

востью; предполагается, что король Константин лично станет во главе своей армии; эта возможность рассматривается как значительное увеличение сил в пользу союзников. Эти намерения и пожелания, очевидно, не составят предмета какого-либо договора. Тем не менее я счел своим долгом отметить настроение, которое здесь определяется, чтобы избежать серьезных недоразумений и неприятных неожиданностей, так как легко может случиться, что события, если не отнестись к ним с достаточной осторожностью, приведут нас к такому положению вещей, перед которым слишком поздно будет отступать.

Демидов.

№ 554. Великая княгиня Милица Николаевна Николаю II [1].

Письмо. Киев, 18/5 апреля 1915 г.

Дорогой Ники,

Николаша передал мне следующее: «Государю угодно, чтобы ты ему написала, как ты находишь: желательно ли, чтобы разграничение между Черногориею и Сербиею было сделано Россиею. Второе: чтобы ты указала границы Черногории».

Мое личное, весьма определенное мнение не могло бы, конечно, иметь значения, если бы не совпадало с мнением моего отца, а его взгляды на оба эти вопроса мне вполне известны.

Мой отец, безусловно полагаясь на то, что России будут понятны ниже изложенные пожелания Черногории в смысле будущих границ, всею душою приветствовал бы разграничение Россиею между Черногорией и Сербией. — Эти желания Черногории оправдываются, во-первых, историей, неисчислимыми жертвами людьми, веками боровшимися в защиту креста и угнетенных братьев, а затем и небольшими экономическими выгодами, которых Черногория вполне заслужила.

Пятьсот лет свободная Черногория поддерживала священный огонь православия и надежду на освобождение в других балканских странах, дождавшихся его только в течение прошлого столетия и с тех пор достигнувших значительного развития и процветания. Одна Черногория, окруженная железным кольцом Австрией,—томилась в безвыходном положении. Но вот пробил час воли божией.

Я особенно счастлива буду, если над моей дорогой родиной засияет новая, светлая заря по воле России... по воле твоей.

В 1711 г. Петр Великий, окруженный турками на Пруте, призвал на помощь Черногорию; два года спустя в другой благодарственной грамоте моему предку-владыке — господарю Даниилу I, он говорит: «Вы по нашему желанию ради единоверия и единоязычия с нами во-

[1] Опубл. «Николай II и великие князья», стр. 38.

оружились всенародно. Не можем мы по достоинству и по заслугам вашим за показанное нам воспомоществование возблагодарить и награждение учинить». «Наша царская милость к вам и впредь никогда отъемлема не будет». — Дай бог Черногории, чтобы благородные слова великого царя оправдались в твоем решении.

По вопросу о новых, желательных границах я боюсь утруждать тебя сухим перечнем речек, деревень и горных кряжей, потому назову их только в общих чертах:

Черногория получила бы:

Герцеговину, с той частью Адриатического моря, которая ей (Герцеговине) принадлежит; затем южнее часть Далмации до Антивари, острова (с Рагузой и Каттаро). На северо-востоке — ту небольшую полоску Южной Боснии, которую черногорцы осенью и зимою заняли собственными силами, без участия сербов [1]; здесь много легло людей...

На юге — от устьев Дрина — весь правый берег его до черногорско-сербской границы южнее Дьяковицы. (Конечно, все, что к северу от Дрина, г. Скутари, озеро).

Это — границы в случае раздела Боснии, Герцеговины, Далмации и части Албании.

Если же в раздел войдут Хорватия, Славония и Сирмия, то, конечно, часть, отходящая Черногории, должна будет увеличиться; определение этих новых границ у меня подробно имеется.

Прости за эти длинные страницы, — знаю, как каждая минута дорога. — Особенно думала о тебе в радостный день сдачи Перемышля [2]; этот трепет души, чувство бесконечной благодарности к богу и родным воинам — мне так знакомо, так близко... — Дай бог тебе еще таких радостей.

Всею душею любящая тебя и верноподданная

Милица.

№ 555. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 921. 19/6 апреля 1915 г.

In conversation with the Roumanian Prime Minister on April 18/5, His Majesty's Minister at Bucharest communicated to him the views of Sir E. Grey, as expressed in the Aide-Mémoire from His Majesty's Embas-

[1] Ср. т. VI, ч. 1, стр. 449, прим. 1.

[2] Перемышль был взят русскими войсками 22/9 марта 1915 г.

sy of April 13/March 31 [1], respecting the future distribution of territory in the Banat.

The Roumanian Prime Minister stated that the possession of Theiss as her western frontier was of great importance to Roumania. It was true, he admitted, that the Serbs outnumbered the Roumanians in the south-west corner of the Banat, but it would be impracticable to keep to a strict distribution of territory according to the nationality of the inhabitants.

In Bukovina, for instance, there were many Roumanians north of the Pruth and many Ruthenes south of that river. There were also districts mainly inhabited by Roumanians on the Servian side of Timok. Roumania required the Theiss both as a natural boundary and as an artery of navigation. There would be no danger to Belgrade provided Servia obtained part of Slavonia and that Roumania gave her separate guarantees as to the non-fortification of a zone near Belgrade.

The Roumanian Prime Minister complained once more to His Majesty's Minister personally of the attitude adopted by Servia, which he declared was affording no railway facilities whatever in regard to the supply of munitions of war for Roumania.

Перевод.

В разговоре с румынским премьер-министром 18/5 апреля посланник его величества в Бухаресте сообщил ему точку зрения сэра Э. Грея, изложенную в памятной записке посольства его величества от 13 апреля/31 марта касательно будущего распределения территорий в Банате.

Румынский премьер-министр указал, что обладание Тиссой в качестве западной границы имеет большое значение для Румынии. Правда, он признал, что численность сербов превышает численность румын в юго-западном углу Баната, но было бы невозможно строго придерживаться распределения территории сообразно национальности населения.

Например, в Буковине много румын обитает к северу от Прута, а много русин к югу от этой реки. Равным образом на сербской стороне Тимока имеются округа,

[1] Пам. запиской от 13 апр./31 марта Бьюкенен передал Сазонову следующую инструкцию, посланную англ. посланнику в Бухаресте в связи с появившимся в серб. газете «Новости» сообщением, что англичане поддерживают серб. притязания на весь Торонтальский округ, на три четверти Темешварского округа и половину Крашо-Северинского: «Единственной уступкой, предусматривавшейся правительством его величества в этой области, была зона к северу от Дуная, которая стратегически необходима для обороны Белграда. Основным желанием правительства его величества было, чтобы национальность жителей явилась главнейшим фактором при решении вопроса о распределении территории». Грей добавлял в этой инструкции, что без обсуждения с союзными правительствами он не может ничего добавить к вышеизложенному.

по преимуществу населенные румынами. Румыния высказывает притязания на Тиссу и как на естественную границу, и как на водный путь. Это не создаст опасного положения для Белграда, в случае если Сербия получит часть Славонии и Румыния предоставит специальные гарантии о невозведении укреплений в прилегающей к Белграду зоне.

Румынский премьер-министр жаловался еще раз посланнику его величества от своего имени на позицию, занятую Сербией, которая, по его словам, не предоставляет никаких льгот в области железнодорожного транспорта для доставки военного снаряжения Румынии.

№ 556. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 134 [1]. 19/6 апреля 1915 г.

La lecture de la note grecque [2] a suggéré à Mr. Delcassé les observations suivantes: tout en continuant à regarder comme désirable l'entrée en action de la Grèce, il est d'avis que les gouvernements alliés ne sauraient:

1) garantir à la Grèce l'intégrité de son territoire pour une certaine période après la guerre, parce que ce serait rendre impossible certaines concessions à la Bulgarie, concessions que Mr. Vénizélos avait lui-même jugé nécessaires dans sa lettre au roi pour obtenir la coopération militaire des Bulgares, et qui devaient trouver une large compensation dans les acquisitions territoriales promises en Asie Mineure;

2) déclarer dès maintenant que la dissolution de l'empire Ottoman est l'objectif définitif de la guerre à laquelle participerait la Grèce;

3) admettre que la Grèce détermine seule le territoire où son armée pourra être employée et les conditions de son entrée en action [3].

Перевод.

Чтение греческой ноты вызвало у г. Делькассе следующие замечания: продолжая все еще считать желательным вступление Греции в войну, он держится того мнения, что союзные правительства не могли бы:

1) гарантировать Греции неприкосновенность ее территории в течение некоторого периода времени после войны, ибо это сделало бы невозможным известные уступки в пользу Болгарии, — уступки, которые сам г. Венизелос находил необходимыми в своем письме к королю с целью добиться сотрудничества болгар в войне и которые должны найти широкое возмещение в обещанных в Малой Азии территориальных приобретениях.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 218,

[2] См. № 531.

[3] Пам. запиской от 20/7 апр. Сазонов сообщил, что, соглашаясь с мнением Делькассе, он со своей стороны не может допустить, чтобы «территориальные компенсации для охраны прав и интересов эллинизма» могли послужить предметом переговоров, считая эту редакцию слишком неопределенной.

2) объявить теперь же, что уничтожение Оттоманской империи является конечной целью войны, в которой Греция приняла бы участие.

3) допустить, чтобы Греция одна определила как территорию, где может быть использована ее армия, так и условия открытия ею военных действий.

№ 557. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

*/.Телеграмма № 1761 [1]. 19/6 апреля 1915 г., 7 ч. 30 м. веч.

Ссылаюсь на письмо № 403 [2].

Если имеете какие-либо заключения по поводу намеченных предложений, благоволите сообщить таковые по телеграфу или по почте, если бы они были пространны. Не считаю удобным ваш приезд сюда, ввиду всегда существующей возможности, что за время вашего нахождения здесь прорыв через Дарданеллы состоится, и вы были бы лишены возможности вступить в Царьград с первыми эшелонами союзных войск. Я же особенно дорожу присутствием в эту минуту в Царьграде представителя России.

Сазонов.

№ 558. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 1763. 19/6 апреля 1915 г.

Благоволите доставить государю императору нижеследующую мою телеграмму:

Французский посол прочел мне сегодня вечером только-что полученную им телеграмму Делькассе, который в самых настоятельных выражениях просит не откладывать подписания договора с Италией ввиду имеющихся у него сведений, будто Германия, стремясь всеми

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 342.

[2] См. стр. 125, прим. 1. Получив тел. Сазонова о назначении его в Константинополь, Трубецкой тел. от 13 апр./31 марта за № 397 просил разрешения приехать в Петроград. В личном письме от 14/1 апр. он, говоря о трудности возложенной на него задачи, писал, между прочим, следующее: «Константинополь — узел мировых интересов. Этот узел неизбежно каждый из союзников будет тащить за свой конец веревки». Позднее в тел. от 20/7 апр. за № 436 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 343) Трубецкой, опасаясь, на основании полученных документов, что по состоявшемуся с союзниками соглашению «русский представитель будет постоянно в меньшинстве», высказывал следующее: «По изложенным соображениям русский представитель должен, на мой взгляд, один представлять на месте суверенную власть, заменившую турецкую. Англичанин и француз должны при нём представлять соответствующие интересы».

средствами удержать Италию от присоединения к нам, обещает ей не только Триент, но и Триест со всей Истрией [1].

Опасаясь, как бы из-за остающихся немногих разногласий мы не упустили случая привлечь Италию на свою сторону, французское правительство убеждает принять выработанное в Лондоне соглашение, причем в отношении срока итальянского выступления Грей предлагает следующее определение, на которое соглашается Соннино: «Италия примет все меры к ускорению своего выступления, каковое во всяком случае должно состояться не позже, чем через месяц по подписании настоящего договора» [2].

Приемлю смелость испрашивать высочайших указаний вашего императорского величества [3].

Сазонов.

№ 559. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 227. 19/6 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваши телеграммы №№ 1748 и 1749 [4] получены.

По поводу их содержания Делькассе сказал мне, что на первый взгляд он не имеет против предложенного вами изменения сделанного Греем добавления к вашим предложениям, но что, по его убеждению, обращение в Софии может увенчаться успехом лишь после того, как

---

[1] См. стр. 171, прим. 1.

[2] Пам. записка от 17/4 апр., см. стр. 175, прим. 2.

[3] В ответ на эту тел. Николай II телеграфировал Сазонову 19/6 апр. следующее: «Согласен при условии более раннего выступления Италии».

[4] Тел. от 18/5 апр. за №№ 1748 (опубл. Stieve, S. 189) и 1749 от того же числа Сазонов сообщил в Париж, Лондон и Софию, что, в связи с тел. Савинского от 16/3 апр. за № 213 (см. № 541), он передал франц. и англ. послам следующий измененный текст заключительной части заявления болг. прав-ву (см. № 526): «Ceux-ci [les alliés] sont disposés lui garantir dans le cas où il se prononcerait nettement et sans retard pour la Triple Entente le transfert des territoires de la Macédoine situés au sud de la ligne d'Egri-Palanka — Keprülü et Ochrida, ces villes y comprises, dès que la Serbie aura obtenu les compensations territoriales que les Puissances alliées ont en vue de lui attribuer». («Последние [союзники] готовы в случае ясного и незамедлительного выступления его в пользу Тройственного согласия гарантировать ему передачу территорий Македонии, расположенных к югу от линии Эгри-Паланка—Кепрюлю и Охрида, включая эти города, как только Сербия получит территориальные компенсации, которые союзные державы намерены ей предоставить»).

там сделается известным решение Италии, а следовательно, и Румынии, присоединиться к союзникам [1].

Извольский.

№ 560. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 71 [2]. 19/6 апреля 1915 г.

Одиннадцатое сообщение Сватковского. 11 апреля [29 марта] в Триесте состоялось первое официальное собрание 16 словинских и хорватских представителей крупнейших партий Триеста, Истрии, Горицы, Крайны, Хорватии и Славонии. Ранее одобренная отдельными политиками программа Супило единогласно принята, между прочим, также представителями католического духовенства. Констатировано, что цели словинцев и хорватов — самостоятельность в единении трех юго-славянских народов под сербской державой. Постановлено заявить об этом прокламацией в решительный момент, равно как и о том, что словинцы и хорваты никогда не согласятся променять нынешнее рабство, которое считали временным, на смерть под окончательно-итальянским владычеством [3]. Надеясь на справедливость держав и защиту России, они однако в случае необходимости воспротивятся подчинению Италии силою. Сватковский... это сообщение участника собрания Мандича—заявил, что, не будучи уполномочен давать советы, но зная, что видные участники собрания выражали раньше более умеренные взгляды, (он) не может не высказать добрым знакомым, собравшимся в Триесте, следующего личного мнения: держась местной непримиримой точки зрения, игнорирующей общее положение и высшие военные интересы держав Согласия, юго-славяне отказываются от контакта с ними, что практически не может быть полезным. Напротив, усмотрев необходимость жертвовать и наметив возможные для них уступки, юго-славяне, может быть, облегчили бы нам задачу защитить их наи-

[1] В ответ на эту тел. Сазонов сообщил, что, «уступая желанию Делькассе», он предписал посланнику в Софии (тел. за № 1768) воздержаться от выступления до получения новых указаний (тел. Сазонова от 20/7 апр. за № 1769, опубл. Ц.Р., стр. 115).

[2] Тел. по ошибке помечена тем же номером, что и тел. от 17/4 апр. (см. № 546).

[3] 16/3 апр. тел. за № 70 посланник в Черногории Гирс (ср. ч. 1, стр. 263, прим. 1) через Поггенполя сообщил, что в «Giornale d'Italia» появилась статья о деятельности в Петрограде Супило, который, будто бы, заявил, что «в случае уступки требованиям Италии сербам, хорватам и словинцам лучше остаться под властью Австрии». Отмечая, что не все хорватские эмигранты в Риме согласны с точкой зрения Супило, Гирс указывал на «разномыслия и дезорганизацию», имевшие место среди эмигрантов.

более существенные интересы. Мандич передаст это мнение второму собранию в воскресенье и сообщит результат.

Поггенполь.

№ 561. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 42. 19/6 апреля 1915 г.

Доверительно.

Наш военный агент сообщил своему ведомству о выезде в Россию генерала Мартиновича [1], командированного королем Николаем по приглашению верховного главнокомандующего в ставку его императорского высочества для ближайших переговоров о снабжении черногорской армии оружием и боевыми припасами. — Мартинович прибудет в Россию около [28] 15 апреля. — Переговоры о командировании черногорского военного делегата велись королем непосредственно чрез августейших дочерей. Имею веские данные к тому, что мера эта вызвана не только соображениями техническими, но и обнаруживаемым за последнее время черногорским правительством, вопреки мнению подавляющего большинства населения и всей армии, стремлением, путем установления непосредственных военных связей с Россиею, эмансипироваться от Сербии, более или менее полному слиянию с которой ничто ныне, казалось бы, не препятствует, хотя бы и при условии сохранения на первое время обеих династий. — Имею также основание думать, что черногорским правительством будут сделаны — тем же путем — попытки претворить краткосрочную техническую поездку Мартиновича в длительную миссию не только военного, но и дипломатического характера. С своей стороны считал бы такую комбинацию совершенно недопустимою как ввиду ведения переговоров помимо императорского правительства, так и ввиду ясно указанной нами и хорошо известной здешнему министерству иностранных дел несвоевременности создания черногорского дипломатического представительства в Петрограде. — На всякий случай я указал и министру иностранных дел и посетившему меня перед отъездом генералу Мартиновичу, что поездка эта, рассматриваемая нами как чисто техническая, едва ли приведет к практической цели ввиду только-что сообщенного мною отзыва императорского правительства о невозможности уделить черногорцам что-либо из наших военных запасов, в связи с чем и открыт Черногории кредит в Париже от 8 до 10 миллионов франков на амуницию [2].

---

[1] См. № 543.

[2] См. стр. 33, прим. 3.

При этом, ввиду сделанного мне Мартиновичем намека на вероятность некоторых бесед его с членами нашего правительства об общих политических вопросах я повторил сделанное мною здешн... исключительно чрез императорскую миссию в Цетинье. — На основании всего изложенного я полагал бы желательным по возможности сократить пребывание генерала Мартиновича в России, ограничив всякие с ним сношения наших официальных учреждений обменом мыслей из области чисто технических вопросов военного дела, которое здесь, кстати сказать, находилось в ведении сербских военных делегатов, приглашенных самими же черногорцами с одобрения России [1].

Обнорский.

№ 562. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 346. 19/6 апреля 1915 г.

Совершенно доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Препровождая мне копию телеграммы императорского посла в Париже от [26] 13 марта с. г. за № 173 [2] относительно подготовки фран-

[1] Представляя эту тел. Николаю II, Сазонов писал в докл. зап. от 22/9 апр., что вопрос об учреждении черног. миссии неоднократно поднимался, и «в 1913 г. королю Николаю было дано понять о нежелательности учреждения постоянной миссии в С.-Петербурге», так как росс. прав-во вполне осведомлено о нуждах черног. народа. Николай II написал на записке «Да». Письмом от 24/11 апр. за № 453 Нератов просил Кудашева доложить Николаю Николаевичу о точке зрения м-ва ин. дел на миссию ген. Мартиновича. Письмом от 30/17 апр. за № 448 Кудашев известил Нератова, что он «в очень осторожной форме» поставил ген. Янушкевича в известность об отношении м-ва ин. дел к предстоящему приезду ген. Мартиновича. В ответ на это Янушкевич, по словам Кудашева, заявил, что «он, конечно, будет иметь в виду все сообщенное ему мной, и что, насколько от него будет зависеть, он будет сообразоваться с желаниями вашего превосходительства».

[2] Тел. от 26/13 марта за № 173 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 337) Извольский сообщал, что франц. прав-во в последнее время занялось подготовкой мероприятий, имеющих в виду «ограждение французских финансовых интересов, а также обеспечение ряда государственных функций», которые в Турции до сих пор находились в руках иностранных капиталистов. Указывая далее, что, эти мероприятия, повидимому ставят своей целью сохранить в Константинополе после прихода туда союзников за франц. финансовыми кругами, с Оттоманским банком во главе, руководство этими гос. учреждениями и что для выполнения этого плана уже составлен список французских финансовых и промышленных деятелей, которым будут даны определенные инструкции, Извольский предлагал «заранее выработать нашу программу действий, а также назначить тех лиц, которым будет поручено выполнение этой программы».

цузским правительством некоторых мероприятий в связи с финансовыми интересами Франции в Турции, ваше высокопревосходительство в письме от [30] 17 сего марта, за № 372/П. О, изволили сообщить мне, что по всеподданнейшем докладе вами означенной телеграммы государю императору благоугодно было собственноручно начертать на оной: «подготовиться нужно всегда заранее».

Засим, письмом от [11 апреля] 29 марта с. г. [1] ваше высокопревосходительство указываете, что будущее урегулирование турецких финансовых вопросов, в связи с переходом Константинополя и Проливов в наши руки, выдвигает необходимость временного командирования в Константинополь, после его взятия союзниками, особого лица, которое могло бы стать также и русским делегатом в Совете оттоманского долга.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующее.

Интересы российского государственного казначейства в Турции заключаются в причитающемся России военном вознаграждении, которое в силу статьи 4 Константинопольского трактата [8 февраля] 27 января 1879 года и ст. 1 договора 14/2 мая 1882 г. было определено в 802 500 000 франков, подлежащих уплате посредством 100 ежегодных взносов в 350 000 турецких лир, без начисления процентов на первоначальный капитал. Последовавшим 20/7 апреля 1909 г. соглашением между Россией и Турцией российское правительство отказалось от 40 аннуитетов из числа 74, которые еще причитались России к моменту соглашения по помянутому военному вознаграждению, взамен соответствующей компенсации от Болгарии.

Таким образом, лишь с [14] 1 января 1949 г. снова вступит в силу обязательство Турции уплачивать аннуитеты в 350 000 турецких лир в течение 34 лет, всего 11 900 000 турецких лир, т. е. около 270 844 000 франков.

Что же касается засим заинтересованности наших частных учреждений и лиц в Турции, то, затрудняясь сообщить вашему высокопревосходительству с исчерпывающей полнотой соответствующие сведения, я не могу не упомянуть об интересах в Турции Русского для внешней торговли и Русско-Азиатского банков. Из них, как известно вашему высокопревосходительству, Русский для внешней торговли банк имеет отделение в Царьграде, что же касается Русско-Азиатского банка, то последнему, как раз за несколько дней до объявления войны, удалось после продолжительных переговоров достигнуть окончательного со-

[1] За № 396.

глашения с Салоникским банком, имеющим многочисленные отделения как в Европейской, так и в Азиатской Турции, о приобретении вновь выпускаемых Салоникским банком 10 000 акций по 500 франков каждая [1], благодаря чему Русско-Азиатскому банку должно было быть предоставлено право назначать 4 представителя в составе совета Салоникского банка, и, таким образом, должно было усилиться влияние России в Турции.

Вспыхнувшая в конце июля 1914 г. война помешала приведению в исполнение означенного соглашения, которое в настоящее время может почитаться как бы отсроченным до наступления более благоприятных обстоятельств.

Засим держатели турецких займов среди русских частных лиц и учреждений едва ли сколько-нибудь значительны, чтобы представлялась какая-либо необходимость в участии нашего представителя в Совете оттоманского долга. В этом смысле российское правительство всегда и ранее высказывалось против такого участия нашего представителя, которое налагало бы на нас известные обязательства или стесняло бы свободу наших действий при полном отсутствии подлежащих охране наших интересов. Другое дело, конечно, если часть территории Турции перейдет окончательно в наши руки с возложением на нас и соответственной части долгов Турецкой империи.

Ввиду сего, если ваше высокопревосходительство, по совокупности всех соображений, все же считали бы желательным назначение представителя от финансового ведомства в случае оккупации Царьграда, то я полагал бы назначить для сей цели чиновника особых поручений министерства финансов V класса д. с. с. Кухта, который по своей предшествовавшей службе по министерству финансов в Царьграде обладает необходимыми сведениями и опытом в области наших финансовых отношений с Турцией.

Примите и пр.

Барк.

№ 563. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

20/7 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador has received the following telegram from Sir E. Grey:

---

[1] См. т. IV, № 204.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 322.

My views in detail about the modifications proposed by Mr. Sazonow are contained in my previous telegram [1].

But I wish to make an appeal to the Russian Minister for Foreign Affairs not to deprive us of the cooperation of Italy the moral effect of which will be very considerable.

After we have shown the readiness we have done to meet in advance Russian views about Constantinople, it does seem to me not very reasonable that Mr. Sazonow should insist that unless the cooperation of Italy can be secured in less than a month after signature, negotiations should be broken off and the cooperation of Italy rejected. It will mean the prospect of Roumanian cooperation will also disappear and Bulgaria who might follow will gravitate to the other side.

This is what the decision of the Russian Minister for Foreign Affairs amounts to as I understand and the prospect is most depressing.

If on the other hand we can in this week get Italy to sign the memorandum as it stands and with it her adhesion to the Agreement of September 5th, everything else will follow. The fact will become known, for such things as movements of troops and consultations between General Staffs cannot be kept secret, the cooperation of Roumania will be assured and we shall probably get Bulgaria in no long time as well as Greece.

I believe that this is a most critical moment; if we lose it the consequences will be incalculable and disastrous. We have the opportunity of securing Italian cooperation in a month at the latest from the date of signature of the document which has been drawn up and about which Mr. Sazonow has only points of form to raise. If Italy is prepared to sign this document and we reject offer in order to insist on the publication of her adhesion a fortnight or three weeks earlier than a month after signature, negotiations are at an end and Italy is left to make her bargain with Germany.

You should read this telegram to Mr. Sazonow and ask him as a personal appeal from me to consider the situation in the light of it.

From the Russian point of view, the cooperation of Italy may be indifferent but to us, and I speak here for British military and naval authorities, the cooperation of Italy and its effect upon the neutral Powers is of the utmost importance. I would again urge that Russia should not deprive us of it altogether even if we cannot secure her entrance into the campaign for a month.

---

[1] См. стр. 176, прим. 1.

Перевод.

Посол его величества получил следующую телеграмму от сэра Э. Грея:

Подробное изложение моей точки зрения по вопросу об изменениях, предложенных г. Сазоновым, содержится в моей предшествующей телеграмме.

Но я хочу обратиться с призывом к российскому министру иностранных дел не лишать нас сотрудничества Италии, моральные последствия которого могут быть весьма значительны.

После того как мы проявили готовность итти навстречу русским пожеланиям в вопросе о Константинополе, мне представляется не вполне разумным, если г. Сазонов будет настаивать на том, что если сотрудничество Италии не будет обеспечено до истечения месяца со дня подписания (соглашения), то переговоры должны быть прерваны, и сотрудничество Италии отклонено. Это означало бы, что надежды на сотрудничество Румынии также исчезнут, и Болгария, которая могла бы последовать за нею, будет тяготеть к другой стороне.

Вот к чему приведет, как я полагаю, решение министра иностранных дел, и перспективы будущего крайне печальны.

Если, с другой стороны, мы сможем на этой неделе добиться от Италии подписания меморандума в его настоящем виде и вместе с этим ее присоединения к соглашению от 5 сентября, все остальное за этим последует. Самый факт станет известным, так как такие меры, как передвижение войск и совещания между генеральными штабами не могут остаться в тайне, сотрудничество Румынии будет обеспечено, и, вероятно, в скором времени мы привлечем на свою сторону Болгарию, равно как и Грецию.

Я уверен, что сейчас самый критический момент; если мы его упустим, последствия неисчислимы и гибельны. Мы имеем благоприятный случай обеспечить себе сотрудничество Италии самое позднее через месяц со дня подписания документа, который уже составлен и по поводу которого г. Сазонов имеет выставить только формальные возражения. Если Италия готова подписать этот документ и мы отклоним ее предложение, чтобы настоять на опубликовании ее присоединения на две или три недели ранее месячного срока после подписания соглашения, переговоры будут прекращены, и Италии будет предоставлена возможность заключить договор с Германией.

Вы прочтете эту телеграмму г. Сазонову и попросите его от моего лица рассматривать положение под этим углом зрения. С русской точки зрения сотрудничество Италии может быть безразличным, но для нас, и я в данном случае говорю за британское военное и морское командование, сотрудничество Италии и его влияние на нейтральные державы имеет исключительное значение. Я снова настаиваю на том, чтобы Россия не лишала нас его навсегда, даже если мы не сможем обеспечить вступление Италии в войну в течение месяца.

№ 564. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

./. Телеграмма № 1797[1]. 20/7 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж[2].

Уступая настойчивым просьбам наших союзников, я принужден

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 324.

[2] Пам. записка аналогичного содержания была вручена Сазоновым Палеологу и Бьюкенену 21/8 апр. (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 326).

согласиться на подписание договора с Италией в том крайне, на мой взгляд, неудовлетворительном виде, в котором его торопятся подписать Англия и Франция. Неудовлетворительный по существу, этот договор неудовлетворителен и по форме. Сожалею, что его статьи вырабатывались лишь Греем и Камбоном вдвоем и постоянно сообщались мне уже готовыми, причем мои поправки никогда не принимались в должное внимание. Не желая теперь вновь подымать бесполезные споры по вопросам, относительно коих я уже высказался отрицательно в моих предшествующих телеграммах, я более не возражаю против того, чтобы вы подписали соглашение, как только вы получите надлежащие полномочия, на посылку вам коих я сегодня испрашиваю высочайшее соизволение. При этом однако благоволите сделать письменно следующие оговорки: по подписании акта, изложенного в вашей телеграмме № 261, передайте Грею и Камбону ноты с заявлением в смысле моей телеграммы 1757 [1], а по подписании акта, упомянутого в вашей телеграмме № 262 [2], благоволите письменно оговорить, что, принимая итальянские условия, Россия разумеет, во-первых, что под предлогом нейтрализации на часть Адриатического побережья, уже принадлежащую Черногории, не могут быть наложены новые тяготы, не предусмотренные договорами 1909 года, и, во-вторых, что те части побережья и те острова, которые теперь не присуждаются Италии, должны будут по окончании войны во всяком случае отойти к Хорватии, Сербии и Черногории, согласно предложенной мною поправке к статье V [3].

Сазонов.

№ 565. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1798 [4]. 20/7 апреля 1915 г.

Бьюкенен сообщил следующее [5]:

---

[1] Тел. от 19/6 апр. за № 1757 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 322) Сазонов в ответ на тел. Бенкендорфа от 18/5 апр. за № 261 сообщал, что он считает приемлемым предлагаемый Греем текст декларации о присоединении Италии к соглашению от 5 сент./23 авг. 1914 г., который совпадает с окончательным текстом (см. № 612), при условии одновременного подписания заявления, что «все решения, касающиеся будущего мира, по которым уже состоялось соглашение между Россией, Францией и Англией до присоединения к ним Италии, должны остаться в силе».

[2] Тел. от 18/5 апр. за № 262 Бенкендорф передал выработанный Камбоном и Греем текст заключительной части соглашения с Италией (см. № 612 от слов: «Après avoir pris acte»), которая должна была остаться секретной.

[3] См. № 550.

[4] Лит. копия.

[5] Пам. запиской от 18/5 апр.

Тоунлей донес, что занятие турками Касри-Ширина очень возмутило персидское правительство и что последнее может принять такие меры, которые побудят турок объявить Персии войну. Он даже думает, что персы сами объявили бы войну, если бы они могли рассчитывать на финансовую и материальную поддержку России и Англии. Грей телеграфировал Марлингу, что при таких условиях, конечно, Персия могла бы рассчитывать на финансовую и, в пределах возможного, также материальную поддержку великобританского правительства, о чем он мог бы частным образом сообщить председателю совета министров.

Со своей стороны считаем, что подобное обещание персам могло бы завести нас слишком далеко и потребовать от нас таких мер, которые по стратегическим соображениям наших военных властей оказались бы неосуществимыми, как, например, посылка в Персию более или менее значительного количества войск. Даже снабжение персов деньгами было бы при настоящих условиях весьма затруднительным, а доставление им оружия и боевых припасов мы считаем даже рискованным, так как, при отсутствии всякого авторитета у шахского правительства, нельзя было бы поручиться, что оружие это в конце-концов не обратилось бы против нас. Что же касается активного участия Персии, то мы не считаем, что оно могло бы принести нам существенную пользу, а Персии оно дало бы право после войны требовать компенсаций, которые для нас и Англии могли бы оказаться неудобными.

Благоволите в этом смысле высказаться перед Греем.

Сазонов.

№ 566. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 268 [1]. 20/7 апреля 1915 г.

Reçu votre No. 1757 [2].

En ai fait communication à Nicolson. Il me répondit que votre désir d'un article secret à ajouter à la déclaration d'adhésion italienne était en pratique difficile à exécuter parce que l'Italie demanderait avant de signer quels sont les arrangements déjà décidés entre les Puissances. Elle se trouvera par conséquent avant d'être engagée même [3] dans le sec-

[1] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в арх б. росс. пос-ва в Лондоне. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 325.

[2] См. стр. 200, прим. 1.

[3] Слова: «avant... même» пропущены в лит. копии м-ва ин. дел.

ret. Si la négociation échouait l'inconvénient serait grave. Dans opinion personnelle de Nicolson tous les arrangements entre Puissances, y compris celui pour Constantinople et les Détroits, qui ont été conclus avant l'adhésion de l'Italie ne la regardent pas et restent fermes en tout cas. A la paix les objections italiennes, dût-elle en formuler, ne seraient pas à redouter. Il me dit qu'il me donnait sa première impression et que le projet serait examiné sous toutes ses faces par Grey et lui. Je lui répondis que la question était d'une gravité spéciale et que du moment que nous admettions une 4-me alliée, elle devait être garantie [1]. Nicolson me dit qu'il y refléchirait sérieusement. Il me répéta ses (objections) contre les modifications et les ajoutes au traité à l'heure actuelle. Je lui répondis que Grey au nom des alliés devait pourtant faire part au gouvernement italien des modifications que vous exigiez. Nicolson me répondit que cela était évident, mais que Grey avait télégraphié hier soir à Buchanan [2] pour qu'il vous expose les objections que Grey trouve à des modifications [3] et que votre réponse était attendue.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Получил ваш № 1757.

Передал его содержание Никольсону. Он мне ответил, что трудно на практике осуществить ваше пожелание о добавлении секретной статьи к декларации относительно присоединения Италии, так как Италия, прежде чем подписать, запросила бы, какие соглашения были уже заключены между державами. В результате этого она была бы, прежде чем взять на себя обязательства, посвящена в тайну. В случае неудачи переговоров это создало бы значительные затруднения. По личному мнению Никольсона, все соглашения между державами, включая и соглашение о Константинополе и Проливах, которые были заключены до присоединения Италии, ее не касаются и во всяком случае остаются незыблемыми. При заключении мира возражений Италии в случае, если она их формулирует, опасаться не следует. Он мне сказал, что он передал мне свое первое впечатление и что проект будет всесторонне рассмотрен Греем и им. Я ему ответил, что вопрос имеет исключительную важность и что с момента признания нами четвертой союзницы, должны быть получены гарантии. Никольсон сказал, что он это серьезно обдумает. Он повторил мне свои возражения против внесения в настоящий момент изменений и дополнений к договору. Я ему ответил, что Грей все же должен от имени союзников поставить итальянское правительство в известность о тех изменениях, которых вы требуете. Никольсон мне ответил, что это очевидно, но что Грей телеграфировал вчера вечером Бьюкенену, чтобы он изложил вам возражения Грея против изменений, и что ожидают вашего ответа.

Б е н к е н д о р ф.

---

[1] Слова: «devait être garantie» пропущены в лит. копии м-ва ин. дел.

[2] См. стр. 176, прим. 1.

[3] Слова: «trouve à des modifications» пропущены в лит. копии м-ва ин. дел

№ 567. Президент Французской республики Пуанкаре Николаю II.

*/. Телеграмма [1]. 20/7 апреля 1915 г.

Très cher et grand ami,

Votre majesté me permettra de lui dire combien me paraît dangereux le retard de l'adhésion des alliés au memorandum italien. Le général Joffre désire, comme son altesse impériale le grand duc Nicolas Nicolaiévitch, que l'entrée en action de l'Italie soit aussi prochaine que possible, mais la seule manière de la hâter est de signer immédiatement l'accord. Tant qu'il ne sera pas signé, il sera à craindre que la négociation soit brusquement compromise par des circonstances imprévues. Une fois engagée par la signature de l'entente, l'Italie serait au contraire obligée de marcher, dès qu'elle serait matériellement en mesure de le faire, et nous nous employons d'ailleurs à l'y déterminer. Le délai qu'elle réclame pourra être raccourci lorsqu'elle sera effectivement notre alliée, mais nous avons ici la certitude et la preuve qu'elle ne le réclame pas pour se dérober, qu'elle a à prendre certaines dispositions préalables, et que nous risquons, en lui refusant un peu de temps, de la maintenir dans neutralité. Mieux vaudrait encore qu'elle intervienne tardivement que jamais. Votre majesté, qui a une conscience si haute et si éclairée des intérêts des pays alliés, n'hésitera certainement pas à conjurer une rupture qui pourrait avoir les plus graves conséquences. Il est du reste évident que l'Italie ne peut faire connaître publiquement son adhésion à la déclaration du 5 septembre avant le jour où elle entrera en action. Plus on tarde à signer, plus longtemps on la met par suite dans l'impossibilité de publier cette adhésion.

Je m'excuse d'être contraint par l'urgence d'envoyer indirectement ce mot télégraphique à votre majesté et je la prie de croire à mon inaltérable et dévouée amitié.

Poincaré.

Перевод.

Дорогой и высокий друг,

Ваше величество позволит мне сказать ему, насколько мне представляется опасным промедление в согласии союзников на итальянскую памятную записку. Генерал Жоффр желает, как и его императорское высочество великий князь Николай Николаевич, чтобы вступление Италии в войну произошло как можно скорее, но единственным способом ускорить его является немедленное подписание соглашения. До тех пор пока оно не будет подписано, есть опасения, что переговоры могут быть внезапно прерваны непредвиденными обстоятельствами. Если же Италия будет связана подписанным ею соглашением, то она, напротив,

[1] Передано пам. запиской франц. пос-ва в Петрограде м-ру ин. дел (опубл. Ц. Р., стр. 282).

будет вынуждена вступить в войну, как только она фактически будет в состоянии это сделать, и, кроме того, мы прилагаем все силы побудить ее к этому. Срок, который она требует, может быть сокращен, когда она будет действительно нашей союзницей, но мы здесь имеем уверенность и доказательство того, что она не требует его, чтобы уклониться от выступления, а что она должна принять известные предварительные меры; отказывая ей в незначительной отсрочке, мы рискуем удержать ее в состоянии нейтралитета. Лучше, чтобы она выступила с запозданием, чем совсем не выступила. Ваше величество, которое имеет столь высокое и просвещенное представление об интересах союзных стран, конечно, не проявит колебания в деле предотвращения разрыва, который мог бы иметь самые тяжелые последствия. Очевидно к тому же, что Италия не может сделать общеизвестным свое присоединение к декларации 5 сентября ранее того дня, когда она начнет военные действия. Чем дольше откладывается подписание (соглашения), тем дольше не дают ей возможности опубликовать о своем присоединении.

Я прошу извинения в том, что из-за неотложности дела я лишен возможности послать непосредственно это телеграфное сообщение вашему величеству и прошу его верить моей неизменной и преданной дружбе.

Пуанкаре.

№ 568. Посол в Париже министру иностранных дел.

°/. Телеграмма № 226 [1]. 20/7 апреля 1915 г.

Из ряда моих телеграмм вы могли заключить о чрезвычайном значении, которое Делькассе придает выступлению Италии. Тогда как вы не возлагаете больших надежд на военную помощь итальянских войск, (здесь) все более и более приходят к убеждению, что выступление Италии может возыметь решающее значение и явиться поворотным пунктом всего хода событий. Подобное убеждение, независимо от того, правильно ли оно или нет по существу, заслуживает с нашей стороны серьезного внимания. Оно становится понятным лишь в связи с общим военным и политическим положением на здешнем театре. Со времени моего письма от 14/1 декабря минувшего года [2], военная картина почти не изменилась, и ожидавшийся еще 4 месяца тому назад переход французской армии в общее наступление все еще не состоялся. Отдельно

[1] Опубл. L. N., III, p. 106. Тел. была, повидимому, задержана отправителем, так как № 227 датирован 19/6 апр.

[2] В этом письме (опубл. Stieve, S. 128), посвященном характеристике военного положения на франц. фронте, Извольский указывал, что к началу дек. 1914 г. «обе армии остаются на своих позициях, и с тех пор начинается на всем фронте и все еще продолжается затишье, характеризуемое вялой артиллерийской перестрелкой и частичными обоюдными попытками взять ту или другую траншею или какой-либо отдельный выгодный пункт». Со слов Делькассе он сообщал, что «генерал Жоффр намерен на-днях перейти в наступление».

происходившие бои, почти все успешные для французов, но стоившие им громадных потерь, не привели однако к прорыву германской линии. В последнем подобном бое, при взятии высот Эпарж, французы потеряли более 30 000 человек. Генерал Жоффр, повидимому, все еще не отказался от плана произвести атаку на всем протяжении фронта. Атаку эту предполагается предпринять в течение мая месяца в зависимости от улучшения погоды, состояния дорог и наличности достаточного количества снарядов. (Если эта попытка не удастся, между противниками) установится окончательное равновесие сил, и война примет безнадежно затяжной характер. Подобный поворот дела неминуемо отразится на внутреннем политическом положении Франции. До сих пор положение это удовлетворительно. Ни правительство, ни общество не проявляют пока симптомов усталости, но это может также весьма быстро измениться. Франция делает чрезвычайные усилия, ставя под ружье 4 миллиона солдат, т. е. 10% с населения. Занятие неприятелем десяти богатейших ее департаментов отзывается как на ее экономическом состоянии, так и на качестве и численности призываемых военных контингентов. Под знамена уже призваны все способные к службе люди, и настоящее военное усилие Франции является последним. — При таких условиях перспектива второй зимней кампании может круто повернуть общественное мнение и вызвать в нем припадок отчаяния. Социалисты уже сейчас ведут, в соглашении с их (английскими) товарищами, пропаганду в пользу мира. Все это сознается стоящими во главе правительства лицами, находящимися в тесной зависимости от настроения общества и политических кругов. Делькассе проводит три раза в неделю полдня в беседах с парламентскими комиссиями, требующими от него подробных сведений о политическом положении. В этой среде высказывается сомнение в действительности военной помощи Англии, которая до сих пор на всем протяжении фронта занимает лишь 40 километров. Неудача первой атаки против Дарданелл усиливает это сомнение. Под влиянием всего вышеизложенного здесь постепенно сложилось убеждение, что события могут быть ускорены лишь при условии введения в них какого-либо нового элемента, а именно выступление Италии, за которой должны последовать Румыния, Греция и даже Болгария. Это,— здесь думают, — не только произведет потрясающее нравственное впечатление, но заставит австро-германцев разделить свои силы для отражения 2 миллионов новых штыков и, может быть, сократит наполовину продолжительность всей войны. Убеждение это настолько крепко засело в умах французских министров и политических деятелей, что если бы в последнюю минуту лондонские

переговоры потерпели крушение, это может вызвать здесь глубокое чувство разочарования. Необходимо иметь в виду, что французы считают, что в вопросе о Константинополе и Проливах они сделали России уступку громадной ценности и что из всех союзников Франция извлечет из войны наименьшие материальные выгоды. Если к тому же здесь возникнет представление, что вследствие нашей несговорчивости Франция лишилась военной помощи Италии и что вследствие этого война значительно затянулась, это может самым вредным образом отразиться на наших отношениях с Францией. Рисуя картину господствующих здесь настроений и течений, я отнюдь не берусь судить о их основательности, но считаю долгом разъяснить вам причины проявляемых здесь по поводу лондонских переговоров нервности и нетерпения.

Извольский.

№ 569. Объяснительная записка греческого министерства иностранных дел российскому, французскому и английскому посланникам в Афинах[1].

20/7 апреля 1915 г.

Nous référant aux informations fournies par nous-mêmes et nos représentants près des autres Puissances de l'Entente touchant l'impression produite par notre notice de mercredi dernier[2] nous tenons à vous fournir quelques explications complémentaires, afin que vous soyez à même de montrer au besoin que cette notice n'est ni vague, ni obscure et que l'accord que nous avons proposé n'est si compliqué qu'il ne puisse, si l'on veut, être facilement et rapidement conclu. Nous n'insisterons pas sur les détails que pourraient comporter nos propositions d'ordre politique, nous demandons une promesse ferme sur certains points essentiels comme les compensations territoriales et les facilités financières, et n'avons pas l'intention de faire résoudre dès maintenant des questions où des intérêts grecs sont engagés, mais dont la discussion serait hors de saison, comme celle de Chypre, qui doit rester avec le caractère grèco-britannique qu'elle a, ou celle d'Albanie, qui ne se poserait qu'au cas où le partage de cette région viendrait à être décidé. Nous demandons en

---

[1] Препровождая эту объяснительную записку, Демидов в письме от 1 мая/18 апр. писал: «В дополнение к донесению моему от 14/1 апр. [см. стр. 150, прим. 1] почитаю долгом представить у сего на благовоззрение вашего высокопревосходительства копию объяснительной записки к греческой ноте об условиях выхода Греции из нейтралитета, отправленной эллинским представителям в трех столицах и, вероятно, вам переданной г. Драгумисом».

[2] См. № 531.

outre la garantie formelle de notre intégrité—garantie qui, durant la guerre, nous serait assurée par le fait même de l'alliance et de la combinaison des forces mises en commun, ainsi que vous le verrez mieux à la fin de cette dépêche, mais qui devra être prolongée au delà même de la guerre pour une certaine durée pour racheter l'inégalité des forces dans laquelle, épuisés après la guerre, nous nous trouverions tant nous que les Serbes vis-à-vis des Bulgares si, restant jusqu'au bout neutres, ils conservaient leurs propres forces intactes. Pareille garantie nous parait indispensable pour entraver pendant longtemps le danger de nouveaux troubles dans les Balkans. Mais afin que vous soyez à même de dissiper tout malentendu sur la sincérité et la portée pratique de notre pleine collaboration il faut que vous soyez éclairé sur les données militaires que nous devons admettre pour que notre action soit non seulement possible pour nous, mais utile à nos alliés éventuels. Sans entrer dans les détails des plans militaires qui devraient, le cas échéant, faire l'objet d'une étude approfondie de la part de représentants techniques, il est essentiel que vous connaissiez en substance les conceptions dominantes de notre Etat-Major.

Il est deux hypothèses qui n'offrent pas de difficultés. Ce sont celles où la Bulgarie participerait à l'action commune ou bien se déclarerait ouvertement contre l'Entente. Dans l'un et l'autre cas, notre action serait grandement facilitée et l'accord militaire à conclure avec les Puissances serait des plus aisés. Il en est autrement de l'hypothèse où la Bulgarie persisterait dans la neutralité. Il y aurait dans ce cas à tenir essentiellement compte des considérations suivantes.

1. L'expédition contre la Turquie devrait être organisée sur des bases suffisamment solides pour se présenter avec les meilleures chances d'un plein succés. C'est ce que nous avons entendu dire en parlant dans notre notice d'une guerre dont «l'objectif définitif serait la dissolution de l'Empire Ottoman». Nous n'avons pas voulu dire que cet objectif devrait être en tout cas atteint, mais que l'organisation militaire devrait être telle qu'il pût être sérieusement poursuivi. Ceci supposerait la disposition et la concentration d'une armée de quantité et de qualité suffisantes, d'une part, pour soumettre l'armée ottomane d'Europe, forte d'au moins de 350 000 hommes et, d'autre part, pour tenir en échec l'armée bulgare, forte d'au moins 400 000 hommes, si elle tentait de contrecarrer directement ou indirectement l'expédition entreprise en commun contre la Turquie par tous les alliés, nous compris. Nul ne peut en effet faire absolument fond sur la sincérité de la neutralité bulgare. La plus élémentaire prudence exige de compter les forces bulgares dans l'ensemble des forces adverses, auxquelles pour le succés de la guerre contre la Turquie, il

faudrait faire face par la combinaison des forces alliées et amies, c'est-à-dire, de la totalité des forces grecques, de celles dont devraient disposer les trois Puissances et de celles que la Serbie et la Roumanie devraient maintenir en face de la Bulgarie.

2. On doit tenir aujourd'hui pour matériellement impossible toute action sérieuse contre la Turquie au moyen d'un débarquement sur les côtes turques depuis Enos jusqu'aux Détroits et la proche côte asiatique, parce que ces côtes sont gardées par des forces importantes et défendues par de nombreux ouvrages. Dès lors, le seul moyen d'action sérieuse ne peut être que le débarquement sur un point à l'ouest d'Enos ou sur la côte asiatique loin des Détroits et l'entreprise d'une expédition méthodique par voie de terre.

3. Toutefois si les Etats-Majors des Puissances avaient une opinion différente de la notre sur la possibilité d'un débarquement en Thrace turque, nous accepterions d'y coopérer avec celles de nos troupes qui seraient prévues par le plan concerté en commun, mais après que les troupes alliées destinées à y opérer eussent achevé leur débarquement.

4. Si, conformément aux données ci-dessus, on concentrait en Orient les troupes nécessaires pour l'expédition contre la Turquie, nous trouverions dans ce seul fait la garantie demandée pour notre intégrité territoriale, car les forces combinées des Puissances et de la Grèce, disposées suivant le plan concerté des opérations, seraient capables d'empêcher toute tentative hostile de la part de la Bulgarie.

Zographos.

Перевод.

Ссылаясь на сведения, полученные нами самими, а также от наших представителей при других державах Антанты касательно впечатления, произведенного нашей запиской от минувшей среды, мы считаем нужным доставить вам некоторые дополнительные объяснения, дабы вы могли в случае необходимости доказать, что эта записка не является ни неопределенной, ни неясной и что предложенное нами соглашение не настолько сложно, чтобы оно не могло, если этого пожелают, быть заключено легко и быстро. Мы не будем настаивать на подробностях, которые могли бы заключать наши предложения политического характера, мы требуем определенного обещания по некоторым существенным пунктам, как территориальные компенсации и финансовые льготы, и не имеем намерения добиваться немедленного разрешения вопросов, хотя и затрагивающих интересы Греции, но обсуждение которых является несвоевременным, как, например, вопрос о Кипре, каковой должен сохранить характер греко-английского вопроса, или вопрос об Албании, который возникнет лишь в том случае, если раздел этой области будет решен. Помимо того, мы требуем формальной гарантии нашей неприкосновенности — гарантии, которая в течение войны будет нам обеспечена самим фактом союза и объединением военных сил в общем деле, как вы

лучше это усмотрите из последней части депеши, но которая должна быть продлена на некоторый срок даже по окончании войны, дабы восполнить неравенство сил, в котором как мы, так и сербы, истощенные войной, окажемся в отношении болгар, в том случае, если бы они, оставаясь до конца нейтральными, сохранили нетронутыми все свои силы. Подобная гарантия нам представляется необходимой, чтобы предотвратить на долгое время опасность новых осложнений на Балканах. Но, дабы вы имели возможность рассеять все недоразумения касательно искренности и практического значения нашего всемерного сотрудничества, необходимо, чтобы вы были осведомлены о той военной обстановке, при которой по нашему мнению, наше выступление было бы не только возможно для нас, но и полезно для наших будущих союзников. Не входя в подробности военных планов, которые, когда это понадобится, должны стать предметом углубленного изучения со стороны военных специалистов, весьма существенно, чтобы вы знали вкратце основные предположения нашего главного штаба.

Имеются две гипотезы, которые не представляют трудностей. Это те, при которых Болгария или примет участие в совместных действиях, или открыто выступит против Антанты. В том и другом случае наша позиция будет весьма облегчена, и заключение соответствующего военного соглашения с державами будет весьма легким. Иначе обстоит дело с гипотезой, при которой Болгария сохранит свой нейтралитет. В этом случае необходимо главным образом принять во внимание следующие соображения:

1. Военная экспедиция против Турции должна была бы быть организована на достаточно прочных основаниях, чтобы иметь лучшие шансы на полный успех. Это — то, что мы желали сказать в нашей записке, говоря о войне, «конечною целью которой было бы уничтожение Оттоманской империи». Мы не хотели сказать, что эта цель должна быть во всяком случае достигнута, но что организация экспедиции должна быть такова, что на достижение этой цели можно было бы серьезно рассчитывать. Это предполагало бы образование и сосредоточение достаточной по количеству и качеству армии, с одной стороны, дабы справиться с армией Европейской Турции, насчитывающей до 350 000 человек, а с другой — для отражения болгарской армии, по крайней мере в 400 000 человек, если бы она попыталась противодействовать непосредственно или косвенно действиям экспедиции, предпринятой против Турции всеми союзниками, и нами в том числе. Никто не может совершенно полагаться на искренность болгарского нейтралитета. Самая элементарная осторожность требует при рассчете сил присоединить болгарскую армию к общему числу неприятельских сил, которым для успеха войны против Турции пришлось бы противопоставить объединенные союзные и дружеские армии, иначе говоря, всю греческую армию, те войска, которыми могли бы располагать три державы, а также сербские и румынские силы, которые были бы выставлены против Болгарии.

2. Надо считать ныне материально невозможным всякую серьезную военную операцию против Турции, проводимую путем высадки на турецком побережьи от Эноса до Проливов и на близлежащем азиатском побережьи, так как этот берег защищен крупными военными силами и многочисленными укреплениями. Вследствие этого единственным планом серьезных действий может быть высадка в каком-либо пункте на запад от Эноса или на азиатском побережьи вдали от Проливов и систематическое продвижение сухим путем.

3. Тем не менее, если главные штабы держав имели бы отличное от нашего

мнение на возможность высадки в Турецкой Фракии, мы согласились бы принять в ней участие теми нашими войсками, которые были бы предусмотрены в выработанном совместно плане, но после того как предназначенные для этого союзные войска закончили бы операцию высадки.

4. Если, согласно приведенным выше данным, на Востоке сосредоточены были бы военные силы, нужные для экспедиции против Турции, то мы бы признали в одном этом факте требуемую гарантию неприкосновенности нашей территории, так как соединенные силы держав и Греции, расположенные согласно общему плану операций, были бы в состоянии помешать всякой враждебной попытке со стороны Болгарии.

Зографос.

№ 570. Посланник в Сербии товарищу министра иностранных дел Нератову.

./. Телеграмма № 443. 20/7 апреля 1915 г.

В Петроград выезжают командируемые министерством иностранных дел бывший председатель совета министров Люба Стоянович и профессор Белич. Цель их — фактическое осведомление нашего министерства и общественных кругов о южно-славянских вопросах. Я предостерег как здешнее министерство, так и обоих назван(ных лиц) от какой-либо агитации в разрез с направлением нашей политики, сказавши, что этим они окажут вред, а не пользу своему делу. Они категорически обещали слушаться указаний, которые им будут преподаны. Побудить к отказу от поездки представлялось неудобным, ввиду того, что она предпринимается также, дабы не дать повода южным славянам упрекать потом сербов, что они не все использовали для дела народного объединения.

Трубецкой.

№ 571. Николай II президенту Французской республики Пуанкаре.

Телеграмма [1]. 21/8 апреля 1915 г.

Très cher et grand ami,

Conscient de l'utilité que pourrait nous offrir le concours de l'Italie qui permettrait peut-être d'abréger la durée de la guerre, j'ai autorisé mon gouvernement à faire de larges concessions aux exigences italiennes, bien que ces exigences fussent très cosidérables et, sur plusieurs points, en contradiction avec les aspirations des peuples slaves dont le sacrifice me fait appréhender des périls pour l'avenir. L'entrée en lice de l'Italie n'a du prix à mes yeux que si elle a lieu incontinent et je ne puis vous cacher que j'ai été mal impressionné quand, ayant obtenu presque tout ce

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 326. Проект тел. написан рукой Шиллинга.

qu'il demandait le Cabinet de Rome a déclaré vouloir ajourner son entrée en action qu'il avait pourtant fait lui-même prévoir pour la fin d'avril nouveau style.

Toutefois, du moment que vous faites appel à moi en invoquant les intérêts des pays alliés, je ne veux point m'opposer à la signature de l'accord avec l'Italie et confère, à cet effet, à mon gouvernement les pleins pouvoirs nécessaires [1].

Acceptant ainsi la formule proposé à Londres pour ce qui concerne la date d'exécution de l'accord, j'aime à espérer que les alliés continueront à s'employer pour amener l'Italie à accélérer son intervention. Je compte, en outre, que tous les autres engagements stipulés entre alliés avant l'accession de l'Italie resteront immuables.

Veuillez croire à mes sentiments de constante et sincère amitié.

N i c o l a s.

Перевод.

Дорогой и высокий друг,

Отдавая себе отчет в пользе, которую могло бы предоставить для нас сотрудничество Италии, способное, быть может, сократить срок войны, я уполномочил мое правительство пойти на широкие уступки требованиям Италии, несмотря на то, что требования эти крайне значительны и во многих пунктах находятся в противоречии со стремлениями славянских народов, принесение в жертву которых заставляет предвидеть в будущем опасности. Вступление Италии в войну, с моей точки зрения, имеет цену только в случае его немедленного осуществления, и я не могу скрыть от вас, что я был неприятно поражен, когда римский кабинет, добившись почти всего того, что он требовал, заявил о своем намерении отсрочить вступление в войну, которое однако он сам намечал к концу апреля нового стиля.

Тем не менее, так как вы обращаетесь ко мне, ссылаясь на интересы союзных стран, я не хочу противиться подписанию соглашения с Италией и предоставляю на этот предмет моему правительству необходимые полномочия.

Принимая таким образом формулу, предложенную в Лондоне относительно даты выполнения договора, я льщу себя надеждой, что союзники не перестанут прилагать усилия, чтобы заставить Италию ускорить свое выступление. Кроме того, я считаю, что все другие обязательства, установленные между союзниками до присоединения Италии, останутся незыблемыми.

Примите уверение в чувствах постоянной и искренней дружбы.

Н и к о л а й.

[1] См. стр. 213, прим. 3.

№ 572. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне— Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1800 [1]. 21/8 апреля 1915 г., 2 ч. дня.

Великобританский посол передал мне доверительную записку [2], излагающую цель поездки принца Георгия греческого в Париж. Ни одно из вожделений греческого правительства не может, вопреки создавшемуся у принца убеждению, рассчитывать на сочувствие императорского правительства. Судьба нынешней столицы Оттоманской империи окончательно решена союзниками, и никаких изменений в этом отношении не может последовать. Так же недопустимо вступление в Константинополь эллинского отряда, и тем более во главе его короля Константина, ибо, как венценосцу, ему должно было бы быть отведено первое место среди союзных военноначальников, — обстоятельство, которое грозило бы, принимая во внимание греческую мегаломанию, неисчислимыми осложнениями в будущем. Уступка Греции острова Кипра касается, конечно, прежде всего Великобритании, но и мне такая уступка представляется нежелательной, ибо обеспечила бы Греции преобладающее положение в восточной части Средиземного моря [3].

Сазонов.

№ 573. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1815. 21/8 апреля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 229 [4].

Раз я согласился в угоду союзникам не настаивать на предложенных мной поправках к тексту соглашения с Италией, вопрос о них отпадает. Тем не менее считаю нужным возразить против утверждения, будто мной были «предъявлены в последнюю минуту новые требования». Выработанный в Лондоне Греем и Камбоном текст соглашения был

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 219.

[2] См. № 551.

[3] В ответ на это Извольский тел. от 22/9 апр. за № 233 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 220) сообщил о беседе Делькассе с Георгием греческим, во время которой последний заявил, что греч. прав-во «исполнено твердой решимости присоединиться к державам Согласия, но, опасаясь Болгарии, со своей стороны ожидает от сказанных держав гарантии своей территориальной неприкосновенности как во время войны, так и в течение некоторого времени после ее окончания», а в случае раздела Турции—гарантии сохранения за греч. церковными и школьными учреждениями «принадлежащих им ныне прав и привилегий».

[4] См. № 576.

сообщен мне только [17] 4 апреля вечером [1], и я не мог внести моих поправок раньше, чем я это сделал, протелеграфировав в тот же вечер общие мои замечания нашему послу в Лондоне и передав на другое утро [18] 5 апреля обстоятельный ответ здешнему великобританскому послу [2]. К тому же мои поправки относились именно к тексту соглашения, а не вносили ничего нового по существу, если не считать заявления о недопустимости нейтрализации черногорского побережья. Заявление же это я не сделал раньше, так как до получения окончательно одобренного Англией и Францией текста я всегда полагал, когда обсуждался вопрос о нейтрализации, что речь может итти лишь о частях побережья, принадлежащих ныне нашим противникам и долженствующих получить новое назначение, и никак не мог ожидать, чтобы Англия и Франция, в своей поспешности подписать соглашение, могли дойти до такого забвения международного права, как заключение договора за счет третьего самостоятельного и притом союзного государства.

Сазонов.

№ 574. Директор канцелярии министерства иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

%. Телеграмма № 1816. 21/8 апреля 1915 г.

Весьма секретно.

С высочайшего соизволения посол в Лондоне уполномочен подписать, с некоторыми оговорками, соглашение с Италией [3]. Обнародование части соглашения должно последовать лишь при выступлении Италии, которое намечено «при первой возможности и во всяком случае не позже чем через месяц со дня, когда соглашение будет подписано» [4]. — Лично. Сообщенная вами за № 186 [5] телеграмма, разумеет-

---

[1] См. стр. 175, прим. 2.

[2] См. № 550.

[3] В докл. зап. от 19/6 апр. Сазонов просил разрешения Николая II снабдить «заблаговременно» Бенкендорфа полномочиями на подписание соглашения с Италией на основе последнего проекта договора и предложенных Сазоновым поправок (см. № 550), «хотя бы и пришлось согласиться еще на некоторые изменения в подробностях и на известное продление срока выступления Италии в пределах просимого ею месяца». Тел. от 21/8 апр. за № 1799 Сазонов известил Бенкендорфа, что он уполномочен подписать соглашение.

[4] См. заключительную часть соглашения с Италией, № 612 и стр. 200 прим. 2.

[5] Тел. от 20/7 апр. за № 267 (опубл. Ц. Р., стр. 283) Бенкендорф сообщил для передачи верх. главнокомандующему мнение Китченера, что «немедленное со-

ся, укрепит союзников в убеждении, что необходимо как можно скорее заключить договор, не стараясь более ничего выторговать, например, в вопросе нейтрализации черногорского побережья, на котором мы продолжали до сих пор настаивать в смысле желательности отклонения чрезмерных требований Италии. С этой точки зрения я спрашиваю себя, желательно ли при нынешних обстоятельствах предполагавшееся приглашение на ставку итальянского военного уполномоченного путем телеграммы, непосредственно исходящей от имени верховного главнокомандующего? — Не подчеркнет ли подобное приглашение наше нетерпение и не сделает ли оно итальянцев соответственно более требовательными при обсуждении условий военного соглашения? — Поэтому позволяю себе спросить, не лучше ли ограничиться заявлением в Риме через министерство иностранных дел, когда состоится подписание Лондонского договора, что отныне его императорское высочество готов принять на ставку для переговоров полковника Рополо, под условием немедленного снабжения его надлежащими полномочиями?

Шиллинг.

№ 575. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 62 [1]. 21/8 апреля 1915 г.

Весьма доверительно.

М. г. граф Александр Константинович,

Пользуюсь представившимся сегодня случаем, чтобы переслать вам верным путем настоящее письмо в дополнение к вчерашней моей телеграмме № 1797 [2].

Вам уже известно, что по указанным мною раньше соображениям, которые считаю излишним повторять, выработанное в Лондоне соглашение с Италией является, на мой взгляд, во всех отношениях крайне неудачным, и что я, наконец, согласился на его подписание только под настойчивым давлением наших союзников. Но не могу скрыть от вас того тягостного впечатления, которое по этому поводу остается у меня от способа ведения переговоров Греем. Как я знаю из весьма до-

---

глашение с Италией является необходимым с военной и морской точек зрения» и что «всякое промедление в этом деле было бы гибельно». В ответ на это Кудашев тел. от 21/8 апр. за № 186 передал тел. ген. Янушкевича Бенкендорфу, что в. кн. «разделяет мнение лорда Китченера о настоятельной необходимости немедленного заключения соглашения с Италией».

[1] Черновик написан рукой Шиллинга. Опубл. Ц. Р., стр. 285.

[2] См. № 564.

верительного источника, требования Империали никогда не встречали в нем сразу должного отпора, а в последнем спорном вопросе о сроке выступления Италии он даже укрепил упорство последней, заявив, что вполне понимает ее доводы в пользу новой отсрочки. Настойчивость Грей проявлял лишь в стараниях убедить меня в необходимости скорее заключить соглашение, хотя бы ценою каких угодно уступок Италии. Статьи договора вырабатывались им вдвоем с Камбоном без нашего участия и сообщались мне, как окончательно принятые, причем большею частью даже не делалось никаких попыток заставить римский кабинет согласиться на мои поправки.

Результат подобного ведения переговоров налицо, и его нельзя назвать иначе, как полною капитуляцией трех великих держав перед предъявленными им Италией требованиями, причем не удалось даже обеспечить достаточно скорое выступление последней.

Теперь, что подписание Лондонского договора решено, нет более смысла выражать хотя бы и основательные сетования. Тем не менее я счел полезным высказать вам вышеизложенное ввиду опасений, которые внушает мне этот пример для будущего. Если переговоры по вопросам, связанным с окончанием войны, могли принять столь неудовлетворительный оборот, пока в них участвовали лишь три наиболее сплоченные между собой державы, то чего следует ожидать от переговоров по вопросам, к обсуждению коих отныне будет привлекаться также Италия?

В надежде, что вы найдете способ дать понять Грею необходимость впредь более внимательного отношения к пожеланиям России в случае совместного решения новых задач, пользуюсь случаем чтобы просить вас, м. г., принять и т. д.

[Сазонов.]

№ 576. Посол в Париже министру иностранных дел.

•/. Телеграмма № 229. 21/8 апреля 1915 г.

Лично.

Содержание вашей телеграммы № 1752 [1], полученной и разобранной вчера лишь к вечеру, тотчас же было мною сообщено Делькассе. Сегодня я нашел его в особенно нервном и удрученном настроении. Он сказал мне, что, не желая со своей стороны осложнять переговоры, он

[1] 19/6 апр. за № 1752 была передана в Париж и Лондон пам. записка Сазонова Палеологу и Бьюкенену от 18/5 апр. (см. № 550).

не будет ничего телеграфировать в Лондон по поводу требуемых вами поправок, заранее принимая все, что там будет сделано Греем для их благополучного окончания. Но он не может не выразить мне крайнего своего опасения, что ваши новые требования, предъявленные в последнюю минуту и когда соглашение, казалось, уже было достигнуто по существу, могут иметь последствием крушение всего дела. Он особенно опасается впечатления, которое произведет на Италию ваша поправка к статье 4-й. Выражение «L'Italie obtiendra» [1] и т. д., по его мнению, никоим образом не может быть истолковано в указанном вами смысле, и замена его предложенною вами редакцией может лишь внушить Италии сомнение в искренности намерений союзников. Он еще раз самым настойчивым образом вернулся к мысли, что самое спешное и главное — это подписать договор, ибо он убежден, что сила вещей заставит Италию начать военные действия не позже как 5 или 6 дней после этого подписания. Впрочем прибавил он: «Ici nous pensons qu'il vaut mieux être sûr d'avoir l'appui d'un million et demi de baionnettes italiennes et roumaines, même si cela n'est pas avant le 15 mai, plutôt que de risquer de ne pas l'avoir du tout. Mais en lisant la communication de Mr. Sazonow, nous en sommes venus, le président de la République et moi, à nous demander si un changement radical ne s'était pas opéré à Pétrograd dans la manière d'envisager l'utilité même d'une coopération italienne» [2]. В заключение Делькассе сказал мне, что, считая все свои аргументы уже исчерпанными и не желая быть вам лично неприятным, он просит меня не передавать вам всего вышеизложенного. Я не считаю однако себя вправе скрыть от вас его слова и воспроизвожу их с возможною точностью.

Извольский.

№ 577. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 230. 21/8 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваш № 1797 [3].

Только-что виделся с Делькассе, который был уже осведомлен

[1] «Италия получит...»

[2] «Мы думаем здесь, что лучше быть уверенным в получении поддержки полутора миллионов итальянских и румынских штыков, даже если это не произойдет до 15 мая, чем рисковать вовсе не иметь ее. Но читая сообщение г. Сазонова, президент Республики и я дошли до того, что стали себя спрашивать, не произошло ли в Петрограде радикального изменения в точке зрения на пользу итальянского сотрудничества вообще».

[3] См. № 564.

через Палеолога о вашем согласии на подписание договора с Италией и которого я нашел в самом радостном настроении. Он еще раз выразил убеждение, что вооруженное вмешательство Италии, а следовательно, и Румынии, сократит наполовину продолжительность войны. Что касается оговорок, которые должен сделать Бенкендорф, Делькассе высказал мне нижеследующее: 1) ваше возражение против наложения на часть черногорского побережья, уже принадлежащую Черногории, тягот, не предусмотренных договорами 1909 года, по его мнению, вполне основательно, и очень жаль, что оно не было сделано ранее. Камбон уже обратил на это внимание Империали, и Делькассе убежден, что итальянское правительство не откажется по собственному почину сделать в этом смысле прибавку к договору. 2) Он склонен разделить мнение Грея, что единственное соглашение между Россией, Францией и Англией, касающееся будущего мира, а именно соглашение о Константинополе и Проливах, касается лишь сказанных держав и что было бы неосторожно сообщать его Италии и тем подать ей повод к его обсуждению. Со своей стороны позволяю себе напомнить, что в силу соглашения, подписанного мною в Раккониджи [1], Италия заранее обязана при решении этого вопроса (действовать) согласно с нашими интересами. Делькассе сказал мне, между прочим, что Титтони несколько раз в разговорах с ним отзывался об этом вопросе, как о деле окончательно решенном в пользу России, и указывал лишь на желательность дать Румынии надлежащие гарантии относительно свободы ее торговли.

Извольский.

№ 578. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 205. 21/8 апреля 1915 г.

Копия сообщена в Кяхту.

Телеграммы №№ 1693 и 1694 получены [2].

Я объяснился в предписанном мне смысле с министром иностранных дел, который только-что прислал мне сказать, что по обсуждении этого вопроса в совете министров китайское правительство не считает возможным согласиться на недопущение китайской колонизации в погра-

---

[1] Имеется в виду ст. 5-я русско-итал. соглашения, подписанного в Раккониджи 24/11 окт. 1909 г. (опубл. Р. Аз. Т., стр. 355, 356).

[2] Тел. от 15/2 апр. за № 1693 и 1694 Сазонов предписывал Крупенскому добиться у кит. прав-ва отказа от кит. колонизации в пограничной с Внешней Монголией полосе шириной от 50 до 100 кит. ли и разрешения свободного паломничества из Внутренней во Внешнюю Монголию.

ничной с Внешней Монголией полосе, так как это требование касается Внутренней Монголии. Китайское правительство усиленно просит императорское правительство дать ему доказательство своего расположения, отказавшись от помянутого требования, могущего лишь еще более осложнить затруднения, в которых находится Китай.

Полагаю, что китайцы будут упорствовать в своем отказе, тем более, что имеются основания утверждать, что вопрос совершенно не был предусмотрен в декларации и ноте 1913 года [1].

Относительно религиозных паломничеств в Ургу проживающих в Китае монголов министр иностранных дел заявил, что китайское правительство, отличаясь вообще веротерпимостью, отнюдь не намерено стеснять таковых, но затрудняется принять на себя международное обязательство в этом смысле.

Ввиду сравнительно малого значения последнего вопроса по существу я думаю, что в случае, если мы сочли бы нужным на нем настаивать, мы могли бы добиться уступки от китайцев в этом отношении. Прошу указаний.

Крупенский.

№ 579. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

*/. 22/9 апреля 1915 г.

Very urgent.

Sir G. Buchanan has been instructed to convey to Mr. Sazonow Sir E. Grey's great personal appreciation of the line he has now taken with regard to Italy.

Sir E. Grey points out that if we cannot secure from Italy a promise beforehand to declare war on May 1-st we can press for an early declaration after she is committed to us by signature; Sir E. Grey is sure that, once Italy has signed, the fact that she has signed will become known in various ways and will begin at once to influence other Powers.

Sir E. Grey cannot think that to secure the declaration of war by Italy against two Powers who are still nominally her Allies is under any circumstances a diplomatic defeat for us. It will certainly be so for Germany and Austria who have been endeavouring to secure Italy's neutrality.

The draft memorandum is still before the Italian Government and Sir E. Grey has not yet heard whether they accept it. If, however, they sug-

[1] Имеется в виду русско-кит. декларация об автономии Внешней Монголии, подписанная в Пекине 5 нояб./23 окт. 1913 г. и обмен нот от того же числа.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 329.

gest any alterations, His Majesty's Government will of course strongly resent this.

The only thing that distresses Sir E. Grey is that Mr. Sazonow should think that His Majesty's Government have unduly insisted in urging concessions to Italy. His Majesty's Government have, as Mr. Sazonow knows, succeeded in making Italy give way about Spalato and Sabbioncello; and if they deprecated further alterations it was because of the valuable time lost in discussing and pressing for them. Sir E. Grey hopes that Mr. Sazonow will realize that, in making these concessions, His Majesty's Government do practise what they preach. Sir E. Grey will not lay stress again upon the settlement about Constantinople and the Straits because he feels that after the tremendous sacrifices which the Russian army has made, its splendid courage and the way it has fought the war in the interests of the common cause, it would have been mean indeed to have grudged Russia the full realization of her aspirations in the Near East. But when it was a question of securing the cooperation of Greece, His Majesty's Government showed themselves ready to abdicate in favour of Greece their own claims in the Smyrna region where the only British railway concession in Asia Minor exists; and though they have said nothing to the Greek Government about Cyprus, His Majesty's Government have, as Mr. Sazonow knows, expressed our readiness to give it to Greece if it became necessary to do so in order to secure Greek cooperation[1]. In this very agreement with Italy His Majesty's Government have admitted in article 13 of the memorandum the principle of giving compensation to Italy in the region of Somaliland; and when once Italy has become an ally His Majesty's Government will have to take her part with the Senoussi, which may cause them difficulty in Egypt. And so far, His Majesty's Government have not claimed anything for themselves except a Protectorate over Egypt which, after all, is only a regularization of the position which Great Britain has virtually held for more than 30 years[2].

Sir E. Grey hopes that Mr. Sazonow will feel that the attitude taken by His Majesty's Government in these Italian negotiations, in advocating concessions to secure Italian cooperation, is justified by their readiness to make concessions whenever needed in the common cause.

Sir E. Grey adds that concessions in the Adriatic are not, after all, directly at the expense of Russia and they still leave to the Slav nations the possibility of realizing by far the larger part of their aspirations.

---

[1] См. № 41.

[2] См. т. VI, №№ 533, 534, 663, 672.

Sir E. Grey wishes Sir G. Buchanan to explain this personally from him to Mr. Sazonow, both to show how much he appreciates the sacrifice which he knows Mr. Sazonow to be making from his point of view and how much he desires to keep in close touch and avoid any risk of misunderstanding.

Перевод.

Весьма срочно.

Сэр Дж. Бьюкенен получил инструкцию передать г. Сазонову, как высоко сэр Э. Грей ценит позицию, занятую теперь г. Сазоновым по отношению к Италии.

Сэр Э. Грей отмечает, что если мы не можем добиться от Италии предварительного обещания объявить войну 1 мая, то мы можем настаивать на более раннем ее объявлении, после того как она свяжет себя с нами подписанием соглашения; сэр Э. Грей уверен, что, раз Италия даст свою подпись, тот факт, что она подписала соглашение, сделается известным различными путями и тотчас же окажет свое влияние на другие державы.

Сэр Э. Грей не допускает мысли, что получение со стороны Италии обещания объявить войну против двух держав, являющихся до сих пор номинально ее союзницами, сможет быть для нас при каких бы то ни было обстоятельствах дипломатическим поражением. Это будет несомненным поражением для Германии и Австрии, которые стремились обеспечить себе итальянский нейтралитет.

Проект меморандума все еще находится на рассмотрении итальянского правительства, и сэр Э. Грей до сих пор не имеет известий, согласно ли оно принять его. Однако если оно предложит какие-либо изменения, то, конечно, правительство его величества будет крайне этим недовольно.

Единственный факт, огорчающий сэра Э. Грея, это то, что г. Сазонов может подумать, что правительство его величества несправедливо настаивало на требовании уступок в пользу Италии. Правительство его величества, как это известно г. Сазонову, добилось от Италии уступок в вопросе о Спалато и Саббиончелло, а если оно отнеслось неодобрительно к дальнейшим изменениям, то это произошло оттого, что на обсуждение их и давление уходило драгоценное время. Сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов поймет, что, делая эти уступки, правительство его величества осуществляет на деле то, что говорит. Сэр Э. Грей не будет снова выдвигать вопроса о Константинополе и Проливах, так как он сознает, что после чрезвычайных жертв, понесенных русской армией, ее блестящей храбрости и того, как она сражалась в течение войны в интересах общего дела, это означало бы действительно тормозить России полное осуществление ее стремлений на Ближнем Востоке. Но когда шел вопрос об обеспечении сотрудничества Греции, правительство его величества само проявило свою готовность отказаться в пользу Греции от своих собственных притязаний в районе Смирны, где находится единственная в Малой Азии английская железнодорожная концессия; и хотя греческому правительству не было сделано никаких заявлений относительно Кипра, правительство его величества, как известно г. Сазонову, выразило свою готовность отдать этот остров Греции, если бы это было необходимо для обеспечения греческого сотрудничества.

В настоящем же соглашении с Италией правительство его величества допустило в принципе, статьей 13 меморандума, предоставление Италии компенсаций в районе Сомали. И как только Италия станет союзницей, правительство его величества должно будет считаться с ее заинтересованностью в вопросе о сенусси, что причинит ему затруднения в Египте. До настоящего момента правительство его величества ничего не требовало для себя, за исключением протектората над Египтом, что, в конечном счете, является только закреплением того положения, которое Великобритания фактически занимала более 30 лет.

Сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов поймет, что позиция, занятая в теперешних переговорах с Италией правительством его величества, защищавшим необходимость уступок для обеспечения итальянского сотрудничества, оправдывается его готовностью итти на уступки всякий раз, когда это представлялось необходимым для общего дела.

Сэр Э. Грей добавляет, что уступки в Адриатике в конце-концов не производятся непосредственно за счет России, и к тому же они оставляют возможность славянским народам осуществить в наибольшей части их стремления.

Сэр Э. Грей хотел бы, чтобы сэр Дж. Бьюкенен передал это лично от него г. Сазонову для того, чтобы показать, как высоко он ценит жертву, которую, как он знает, принес г. Сазонов со своей точки зрения, и как сильно он желает сохранить с ним близкие отношения и избежать недоразумений.

№ 580. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

22/9 апреля 1915 г.

Sir E. Grey understands that Mr. Sazonow proposes that we should ask Italy, when she signs the declaration adhering to the Alliance of September 5, 1914, to sign a declaration at the same time to the effect that in regard to the solution of questions arising out of the peace settlement, the decisions adopted by the three Allies before being joined by Italy must be left undisturbed. The Allies have so far only agree on the question of Constantinople and the Straits. We are under no obligation to ask Italy to associate herself with the agreement, which naturally remains in full force. Indeed it would only lead to further discussions to ask her to do so; for should other Powers at present neutral join us they might also require to be consulted, if Italy had been, about this question. This would only expose to discussion and to the risk of publicity a question already decided upon by the three Powers. It would therefore, in Sir E. Grey's opinion, be wiser to leave the matter alone. Sir E. Grey had thought it might be possible, after Italy had joined the Alliance of September 5, to let her know that the question of Constantinople and the Straits must now be accepted by Italy as a «chose réglée», her own demands

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 327.

having been satisfied. Sir E. Grey is ready to join in making this communication after Italy has adhered, if Mr. Sazonow wishes it done. But he desires, before any fresh points are raised, to see Italy definitely committed by signature to the three Allies. The memorandum as now revised, in which some points which were not in the Italian draft, such as territorial connection between Servia and Greece have been inserted, has not yet been accepted by the Italian Government.

Перевод.

Сэр Э. Грей понимает предложение г. Сазонова в том смысле, что мы должны потребовать от Италии, когда она подпишет декларацию о присоединении к соглашению от 5 сентября 1914 г., подписать одновременно с этим декларацию о том, что в области разрешения вопросов, которые возникнут в связи с установлением мира, решения, принятые тремя союзниками до присоединения к ним Италии, должны оставаться ненарушимыми. Союзники до сих пор пришли к соглашению только по вопросу о Константинополе и Проливах. Мы ни в коем случае не обязаны испрашивать у Италии присоединения ее к этому соглашению, которое, естественно, остается в полной силе. В самом деле, обращение к ней по этому поводу повлечет за собою только дальнейшие обсуждения, так как, если другие державы, в настоящее время нейтральные, присоединятся к нам, они могут также потребовать обсуждения с ними этого вопроса, если он обсуждался с Италией. Это послужило бы только поводом к новым обсуждениям и к риску разглашения вопроса, уже решенного тремя державами. Поэтому, по мнению сэра Э. Грея, было бы разумнее не поднимать этого вопроса. Сэр Э. Грей полагает, что было бы возможно, после того как Италия присоединится к соглашению от 5 сентября, поставить ее в известность, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть принят ею, как вопрос решенный, так как ее собственные требования были удовлетворены. Сэр Э. Грей готов принять участие в этом сообщении после присоединения Италии, если г. Сазонов пожелает это сделать. Но он хотел бы, прежде чем поднимутся новые вопросы, видеть Италию окончательно связанной подписанием (соглашения) с тремя союзниками. Меморандум в теперешнем пересмотренном виде, в который были включены некоторые пункты, не имевшиеся в итальянском проекте, как, например, о территориальном соприкосновении Сербии и Греции, еще до сих пор не принят итальянским правительством.

№ 581. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

22/9 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador is instructed by His Majesty's Secretary of State for Foreign Affairs to acquaint His Excellency Mr. Sazonow that the Italian Ambassador informed Sir E. Grey on the 21st/8th instant that the Italian Government were prepared to sign adhesion to the Agreement of September 5th including an engagement that Italy

would take the field not later than one month after the date of signature and do her best to anticipate this date. She was also prepared to sign the Memorandum, but there were a few points in this which she would like to see arranged.

In article III she wished it to be stated that a special Naval Convention would be drawn up to give effect to it. In article VIII, as to the islands of the Dodecanese, she wished to have it stated that she would possess these islands in sovereignty. In article IX she wished for an alteration in the drafting which was purely verbal.

Article XIII. She thought that the French reserve about Jibuti was unnecessary [1].

These «desiderata» seemed quite trifling and Sir E. Grey suggested that as they were mainly points of drafting, they should be discussed by the Italian Ambassador with Mr. Cambon that evening. They were matters of mainly Anglo-French concern.

The Italian Governement however took an objection in article VII on the ground that it was premature to insert geographical definitions respecting the West of Lake Ochrida and that the sentence should be simply one stipulating for a territorial connection between Greece and Servia, without mentioning exactly where the frontier was to be drawn.

As Sir E. Grey had inserted this definition in the draft Memorandum in order to meet the Russian stipulation with which His Majesty's Government were in entire accord, he told the Italian Ambassador that he thought it most unfortunate that any point of this character should be raised. Sir E. Grey said that His Majesty's Government had had several points of drafting which they considered would be improvements but they had refrained from putting them forward because of the time it would take to discuss them. If Italy now pressed that the definition of the territorial connection between Greece and Servia was premature, Sir E. Grey would have to raise the point that the definition of the hinterland of Dalmatia assigned to Italy ought also to be left more vague than it was in the draft. He urged very strongly therefore that the Italian Government should not press for any weakening of article VII: as to press for this must lead to a double loss of time in discussing the two changes more of form than of substance.

Sir E. Grey impressed upon the Italian Ambassador the importance of getting the moral effect of Italy's adhesion by the publication of it on May 1st or early in May. It means of course the declaration of war by Italy. The Italian Ambassador said that this point must be referred to

[1] См. стр. 179, прим. 4.

Rome, but he observed that as soon as Italy had signed, the various movements that took place would very soon make clear what had happened and the moral effect would be produced inevitably and quickly.

Sir E. Grey suggested that to hasten the moral effect, the fact of Italy's signature should be communicated confidentially to the Roumanian Government by Italy immediately after signing.

The Russian Ambassador has communicated two reserves which he is instructed to make when signing [1]. The French Ambassador and Sir E. Grey are endeavouring to get these inserted in the text of the Memorandum but if not Sir E. Grey will support the Russian Ambassador in making these reserves.

Перевод.

Посол его британского величества получил предписание от статс-секретаря его величества по иностранным делам сообщить его превосходительству г. Сазонову, что итальянский посол уведомил сэра Э. Грея 21/8 текущего месяца, что итальянское правительство готово подписать [декларацию] о присоединении к соглашению от 5 сентября, содержащую обязательство Италии начать военные действия не позже чем через месяц со дня подписания и сделать все возможное, чтобы приблизить эту дату. Оно также готово подписать меморандум, но оно желало бы внести исправления в некоторые из его пунктов.

В статье III оно желает, чтобы было установлено, что будет подписана специальная морская конвенция, чтобы дать ей силу. В статье VIII оно желает, чтобы было оговорено в отношении островов Додеканеза, что она получит эти острова в суверенное владение. В статье IX она просит изменения в тексте чисто редакционного характера.

В статье XIII она считает, что французская оговорка о Джибути излишня.

Эти пожелания показались весьма незначительными, и так как они носят главным образом редакционный характер, сэр Э. Грей предложил, чтобы они были обсуждены итальянским послом с г. Камбоном в тот же вечер. Эти пожелания касаются преимущественно Англии и Франции.

Итальянское правительство однако предъявило возражение по VII статье, указывая на то, что преждевременно включать географические уточнения касательно западной части Охридского озера и что следовало бы просто обусловить территориальную сопредельность между Грецией и Сербией, не упоминая о том, где должна быть проведена граница.

Так как сэр Э. Грей поместил это уточнение в проект памятной записки, идя навстречу русскому предложению, с которым правительство его величества вполне согласно, он сказал итальянскому послу, что, по его мнению, в высшей степени прискорбно, если будет поднят подобного рода вопрос. Сэр Э. Грей сказал, что правительство его величества имело в виду несколько редакционных исправлений, которые оно признавало за улучшение текста, но оно воздержалось от предъявления их, считаясь с задержкой, которую вызвало бы их обсуждение.

---

[1] См. № 564.

Если Италия в данный момент настаивает на том, что уточнение общей границы между Грецией и Сербией преждевременно, то сэр Э. Грей должен будет поднять вопрос о том, что определение хинтерланда Далмации, предназначаемого Италии, должно носить менее определенный характер, чем это сделано в проекте. Он поэтому настаивал весьма решительно на том, чтобы итальянское правительство не добивалось ослабления статьи VII, так как это неизбежно привело бы к двойной потере времени в обсуждении двух поправок, имеющих значение более формальное, чем по существу вопроса.

Сэр Э. Грей указал итальянскому послу на важность произвести моральное впечатление от присоединения Италии путем опубликования акта о нем 1 мая или в самом начале мая. Это означало бы, конечно, объявление войны Италией. Итальянский посол сказал, что по этому пункту он должен запросить Рим, но он заметил, что, как только Италия даст свою подпись, различные военные меры, которые будут приняты, очень скоро обнаружат то, что произошло, и этим самым неизбежно и скоро будет произведено моральное впечатление.

Сэр Э. Грей предложил, чтобы для ускорения морального впечатления факт подписания Италией [декларации] был немедленно после этого доверительно сообщен Италией румынскому правительству.

Российский посол сообщил две оговорки, которые ему поручено сделать при подписании. Французский посол и сэр Э. Грей стремятся включить их в текст меморандума, но если это не удастся, сэр Э. Грей поддержит российского посла, когда он сделает эти оговорки.

№ 582. Нота сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

№ 1058[1]. 22/9 апреля 1915 г.

Доверительно. Весьма срочно.

Одна из самых больших забот королевского сербского правительства в настоящее время — это вопрос об обеспечении сербской армии продовольствием, который еще более осложняется тем, что 4 округа совершенно уничтожены вторжением австро-венгерских войск в Сербию и что в соседних государствах уже невозможно больше ничего получить. Вследствие этого королевское сербское правительство с конца прошлого года отправило в Россию своих поставщиков, которые закупали некоторое количество муки и прочего продовольствия для сербской армии.

Этот способ снабжения частными поставщиками сербской армии продовольствием оказался весьма трудным, вследствие чего и обратилось[2] в начале февраля месяца сего года к императорскому правительству с просьбой уступить из своих запасов количество продовольствия, необходимое для пропитания сербских войск до конца ав-

[1] Маш. копия.
[2] Так в оригинале.

густа месяца 1915 года. Императорское правительство великодушно отозвалось на эту просьбу сербского правительства.

В настоящее же время на очереди самый важный вопрос, каким образом это закупленное сербскими поставщиками продовольствие, а также и продовольствие, уступаемое Россией Сербии, возможно будет доставить в Сербию в самом непродолжительном времени, так как от разрешения этого вопроса будет зависеть возможность успешного выполнения возложенной на сербскую армию задачи.

Имевшийся запас продовольствия в стране за это время частью израсходован, и частью австрийская армия, при вторжении своем в Сербию, уничтожила, и в настоящее время сербские войска имеют запас лишь в самых ограниченных размерах — на день или два дня.

Между тем, для возможного развития операций вне сербских границ сербская армия должна иметь в запасе продовольствие минимум на один месяц. Этот запас следует возможно скорее сделать для того, чтобы сербские войска могли бы перейти в наступление. Но этот запас и впредь не может образоваться, если перевозка продовольствия будет совершаться в таком недостаточном количестве, как и до сих пор, ибо все, что успевают перевозить, войскам хватает на день или два дня.

Поэтому для возможной доставки сербской армии более значительного количества продовольствия необходимо усилить перевозочные средства увеличением числа вагонов для перевозки до Рени и пароходов и барж до сербского порта Прахово.

Принимая во внимание предстоящий переход сербской армии в наступление, королевское сербское правительство полагает, что именно теперь же следовало бы, хотя бы на первое время, поспешить с перевозкой такого количества продовольствия, которое хватило бы не менее, чем на один месяц.

Считаю своим долгом просьбу своего правительства доставить через любезнейшее посредство вашего высокопревосходительства до сведения императорского правительства и выразить еще раз императорскому правительству глубочайшую благодарность за оказываемые бесчисленные услуги Сербии [1].

Примите и пр.

Спалайкович.

---

[1] На оригинале помета рукой Янушкевича: «Не во вред нашим потребностям А что и как,—нас не касается. Дело главного управления генерального штаба. Я.»

№ 583. Министр иностранных дел помощнику наместника на Кавказе Мышлаевскому.

Телеграмма № 1817. 22/9 апреля 1915 г.

Телеграмма № 386 [1] получена.

Я предписал нашим представителям в Вашингтоне и Риме поддержать обращение католикоса к правительствам Северо-Американских Соединенных Штатов и Италии. По вопросу о будущем устройстве Турецкой Армении министерство еще не пришло к окончательному решению. Как только таковое будет принято, не премину поставить о нем в известность наместника его императорского величества на Кавказе [2].

Сазонов.

№ 584. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

'/. Телеграмма № 1823. 22/9 апреля 1915 г.

Из ряда переданных мне великобританским послом памятных записок [3] я вижу, что румыны пытаются вступить в переговоры с лондонским кабинетом относительно их взаимного разграничения с сербами. Императорское правительство в свое время изъявило согласие на ведение в Лондоне переговоров с Италиею, так как положение последней в Средиземном море непосредственно затрагивает интересы наших союзников. Что же касается вопросов, интересующих преимущественно Россию, переговоры по таковым должны вестись в Петрограде, причем я буду держать Делькассе и Грея в курсе дела. Ведение переговоров по румыно-сербскому вопросу в Лондоне могло бы их легко запутать, ибо, как известно Грею, между нами и Румыниею состоялось соглашение, в основу коего положен принцип национальностей, на который, вопреки своему обязательству, Братиану ныне пытается посягнуть.

Сазонов.

---

[1] Тел. от 17/4 апр. за № 386 помощник наместника на Кавказе уведомил Сазонова, что, в связи с получением тифлисскими армянами извещения о резне в Ване и Битлисе, Воронцов-Дашков не возражает против обращения католикоса к королю Италии и президенту США с просьбой о заступничестве перед Портой за армян и просит м-во держать его в курсе предположений относительно Турецкой Армении.

[2] Тел. от того же числа за № 1818 Сазонов предписал послам в Риме и Вашингтоне поддержать просьбу католикоса перед соответствующим прав-вом.

[3] См. № 555 и стр. 189, прим. 1.

№ 585. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

22/9 апреля 1915 г.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу полученные им телеграммы, в которых между прочим были приведены две формулы, одна, предложенная французским послом в Лондоне, другая — итальянским министром иностранных дел, для удовлетворения требований России, чтобы путем нейтрализации побережья не были нарушены верховные права Черногории. Согласно этим телеграммам, французский посол в Лондоне предложил дополнить статью 5-ю итальянского меморандума касательно нейтрализации черногорского побережья следующею формулою: «sans préjudice des avantages concédés au Monténégro par la note des Puissances en date du... 1909» [2].

Итальянский министр иностранных дел в свою очередь предложил для той же цели следующую прибавку к вышеупомянутой 5-й статье: «...tout en respectant la situation spéciale faite au port d'Antivari par les déclarations des Puissances en 1909» [3].

Барон Шиллинг разъяснил послу, почему эти формулы не отвечают нашим пожеланиям, а именно, первая из них недостаточно ясно устанавливает высказанную С. Д. Сазоновым мысль, а вторая прямо-таки основана, вероятно, на недоразумении, так как в ней, как будто, делается уступка в пользу сохранения преимуществ, принадлежащих Антивари, тогда как известно, что в 1909 г., когда были уничтожены все ограничительные постановления 29-й статьи Берлинского договора, то именно только в отношении Антивари были установлены известные ограничения.

№ 586. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 270. 22/9 апреля 1915 г.

Reçu vos télégrammes NoNo 1797 [4] et 1799 [5].

En ai informé Grey. Grey, en présence Cambon, me répondit qu'il n'y avait aucune difficulté aux réserves prescrites et qu'il était évident que les décisions qui avaient précédé adhésion de l'Italie ne la regardaient pas. Je dis que dans mon opinion ces deux réserves pourraient être évi-

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XXXI, стр. 5.

[2] «Не нанося ущерба преимуществам, предоставленным Черногории нотой держав от... 1909 г.» (см. стр. 177, прим. 3).

[3] «Не нарушая специального положения, установленного для порта Антивари декларациями держав от 1909 г.».

[4] См. № 564.

[5] См. стр. 213, прим. 3.

tées en ajoutant au paragraphe de l'article 5 qui débute par les mots: «seront neutralisées» et se termine par «les îles qui ne seront pas attribuées à l'Italie» la phrase suivante: «sans préjudice des avantages acquis par le Monténégro par traité d'avril 1909». La phrase du même article débutant par: «Les avantages [1] exposés dans les articles etc.» pourrait être transformée par une rédaction convenable disant: «les territoires énumérés dessous seront attribués à la Croatie, Serbie et Monténégro». Grey pense que le mieux est d'informer sans retard Impériali de l'alternative qui se présente soit d'une réserve, soit d'une modification dans article 5. Grey me dit alors que Impériali venait de lui remettre quelques amendements au memorandum [2]. Il nous dit que la plupart étaient de peu d'importance et regardaient des points meditérranéens ou africains où, je crois, nous n'avons pas d'intérêt. Je ne puis les citer de mémoire et ... transmettrai. Un point pourtant est important, qui traite de la frontière autour d'Ochrida. Grey a répondu à Impériali qu'en plusieurs points importants intéressant les pays balkaniques auxquels non seulement Russie, mais aussi Angleterre prennent un vif intérêt, dans l'intérêt d'une plus prompte conclusion il aurait non sans regret usé de son influence pour que ces points ne soient pas soulevés sous forme d'amendements au mémoire et qu'il devrait se tenir au même principe vis-à-vis de l'Italie qui avait acquis des avantages énormes et qu'il le prévenait que si l'Italie soulevait question d'Ochrida, il soulèverait immédiatement le hinterland dalmate ce qui compliquerait infiniment les choses et de loin... et qu'il devrait insister pour que l'Italie s'abstint. Toutefois parmi les points mineurs qui regardent plus spécialement Angleterre et France il a laissé entrevoir la possibilité d'un arrangement qui, nous dit-il, serait prompt et dont il se servirait pour introduire les questions formant l'objet des réserves qui me sont prescrites. Grey a dit à Impériali que si les trois Puissances devaient consentir au terme d'un mois (au ...) après signature, c'était seulement parce qu'elles comptaient sur une entrée en campagne de l'Italie plus rapprochée, mais si cette entrée en campagne se remettait au delà de ce que prévoyaient les Puissances, elles comptaient que l'Italie se déclarerait publiquement plus tôt. Grey a dit à Impériali que, selon lui, Italie devrait confidentiellement informer Roumanie dès la signature. Grey nous dit que déjà la négociation s'ébruite, que signature ne pourrait rester longtemps un mystère et que dès lors les choses se passeraient probablement de la façon que vous désiriez.

Benckendorff.

[1] Так в оригинале. Следует читать: «arrangements».
[2] См. № 581.

Перевод.

Получил ваши телеграммы №№ 1797 и 1799.

Сообщил их содержание Грею. Грей в присутствии Камбона мне ответил, что предписанные (мне) оговорки не представят никаких затруднений и что совершенно очевидно, что решения, которые предшествовали присоединению Италии, ее не касаются. Я сказал, что, по моему мнению, можно было бы избегнуть этих двух оговорок, если бы к статье 5-й, которая начинается словами: «Будут нейтрализованы» и кончается словами: «острова, которые не будут предоставлены Италии», была прибавлена следующая фраза: «не нанося ущерба преимуществам, приобретенным Черногорией по договору от апреля 1909 г.» Фраза той же статьи, начинающаяся словами: «преимущества [соглашения], изложенные в статьях» и т. д., могла бы быть дана в следующей подходящей редакции: «Перечисленные ниже территории будут предоставлены Хорватии, Сербии и Черногории». Грей полагает, что лучше всего незамедлительно поставить в известность Империали о представляющейся альтернативе: или сделать оговорку, или внести изменение в статью 5-ю. Грей мне сказал тогда, что Империали только-что ему передал некоторые изменения к меморандуму. Он нам сказал, что большинство из них имеет мало значения и касается вопросов средиземноморских и африканских, где, я полагаю, мы не имеем интересов. Я не могу их цитировать на память и ... передам. Один пункт однако представляется важным, а именно тот, который говорит о границе у Охриды. Грей ответил Империали, что по вопросу о многих важных пунктах, интересующих балканские государства, к которым не только Россия, но и Англия относятся с большим интересом, он, в целях достижения быстрого решения употребил не без сожаления свое влияние, чтобы эти пункты не были выдвинуты в качестве изменений к меморандуму; что он должен будет распространить этот принцип и на Италию, которая приобрела огромные преимущества,и что он его предупреждает, что, если Италия поднимет вопрос об Охриде, то он немедленно поднимет вопрос о хинтерланде Далмации, что чрезвычайно осложнит дело и надолго ... и что он должен будет настаивать, чтобы Италия воздержалась. Тем не менее относительно более мелких пунктов, которые специально касаются Англии и Франции, он предвидит возможность соглашения, которое, сказал он нам, будет быстрым и которым он воспользуется для поднятия вопросов, составляющих предмет предписанных мне оговорок. Грей сказал Империали, что если три державы должны были согласиться на месячный срок... после подписания, то это только потому, что они рассчитывали на более раннее вступление Италии в войну, но если это вступление в войну отложится на более долгий срок, чем это предвидели державы, то они рассчитывают, что Италия выскажется публично раньше. Грей сказал Империали, что, по его мнению, Италии следовало бы доверительно поставить в известность Румынию после подписания [соглашения]. Грей сказал нам, что переговоры уже становятся известны, что подписание [соглашения] не сможет долго оставаться в тайне и что с того момента дело, повидимому, пойдет так, как вы желаете.

Бенкендорф.

№ 587. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 272. 22/9 апреля 1915 г

Reçu votre No 1797 [1].

Veuillez être persuadé que je me rends parfaitement compte des défectuosités de l'acte à signer. Autant qu'aucun j'étais imbu de la nécessité pour nous de défendre les intérêts slaves contrebalancés cette fois seulement par le grave souci d'avoir à garantir à la Russie les fruits de cette guerre gigantesque par l'accomplissement de nos aspirations nationales les plus profondes et par une victoire complète la solution de la question de Constantinople réputée jusqu'ici insoluble. J'ai toute la preuve qu'à cet égard je m'inspirais de vos instructions par les concessions faites dès le début de la négociation. Toute la première semaine où pour raison de santé je n'ai pas pû agir personnellement sur Grey dans mesure qui eût été peut-être utile, je ne puis laisser peser sur Grey et Cambon seuls la responsabilité du résultat. La négociation a débuté par un mémoire italien sur lequel ont porté vos premières objections. Un point important celui de Spalato (a été) acquis. Asquith sur base de vos objections a formulé des contre-propositions qui après réponse italienne ont produit mémoire italien amendé qui, traduit par Cambon, vous a été communiqué en résumé et textuellement. Le texte ne vous est parvenu qu'avec retard. Malgré des lacunes un accord semblait établi. Survinrent vos objections au texte du mémoire amendé. Grey malgré mon intervention vous communiqua avec quelque insistance ses observations, très réellement sympathiques aux aspirations slaves. Grey et Asquith étaient inspiré par nécessité de la conclusion aussi proche que possible de l'accord et par la prévision qu'introduction d'amendements produirait, au moment de négociation extrêmement longue et laborieuse et où deux points de vue essentiels étaient à considérer, des retards prolongés à la signature par conséquent à la déclaration publique de l'Italie et à son entrée en campagne, — retards dangereux au point de vue militaire et tout à l'avantage des calculs italiens. A ce moment je me suis permis de vous soumettre mes observations personnelles qui jusqu'à un certain point se rapprochait de celles de Grey, sans préjudice de mon attitude ici, bien entendu. Elles avaient un seul but de vous éclairer sur les vraies intentions de Grey et d'eclaircir pour vous la différence d'appréciation assez notable entre votre opinion et la sienne sur urgence d'une prompte signature. C'était surtout une question de date. Il me semble qu'il im-

[1] См. № 564.

portait que vous fussiez informé aussi exactement que possible. J'ai fait en ce cas comme jusqu'ici toujours. J'ai cru faire de mon mieux et laissez moi douter que dans les circonstances telles qu'elles sont un résultat plus complet et plus satisfaisant pour les deux objectifs de notre politique eût pû être obtenu en temps opportun. Si vous blamez que mes efforts n'ont pas eu le résultat nécessaire, j'éprouve de trop vifs regrets pour ne pas m'en remettre simplement à votre appréciation et au jugement de l'empereur.

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 1797.

Благоволите быть уверенным, что я отдаю себе прекрасно отчет в недостатках имеющего быть подписанным акта. Как никто, я был проникнут убеждением в необходимости для нас защищать славянские интересы, противовесом чему служила на этот раз только серьезная забота о том, чтобы гарантировать России плоды этой гигантской войны путем осуществления наших сокровеннейших национальных стремлений и полной победой обеспечить разрешение вопроса о Константинополе, который до сих пор признавался неразрешимым. У меня все доказательства, что в этом отношении я руководствовался вашими инструкциями в деле уступок, сделанных с самого начала переговоров. В течение всей первой недели, когда по причине нездоровья я не мог лично воздействовать на Грея в той степени, каковая, быть может, могла бы быть полезной, я не могу возложить только на Грея и Камбона ответственность за результаты. Переговоры были начаты представлением итальянской памятной записки, против которой были направлены ваши первые возражения. Относительно важного пункта о Спалато было достигнуто соглашение. На основе наших возражений Асквит формулировал контрпредложения, которые после итальянского ответа имели своим результатом измененный текст итальянской памятной записки; последний в переводе Камбона был вам сообщен, как в сокращенном виде, так и полностью. Полный текст дошел до вас лишь с опозданием. Несмотря на наличие пробелов, соглашение, казалось, было достигнуто. Но получены были ваши возражения к тексту измененной памятной записки; несмотря на мое вмешательство, Грей вам сообщил с некоторой настойчивостью свои замечания, в которых он действительно проявляет симпатии к славянским стремлениям. Грей и Асквит руководствовались необходимостью возможно скорого заключения соглашения и предвидели, что внесение изменений в момент крайне долгих и трудных переговоров, при которых надо было считаться с двумя главными точками зрения, вызовет длительную задержку в подписании [соглашения], а следовательно, и в публичной декларации Италии и в ее вступлении в войну. Задержка эта была бы опасна с военной точки зрения и была бы выгодна лишь в итальянских интересах. В этот момент я позволил себе представить вам мои личные соображения, которые до известной степени приближались к соображениям Грея, но, конечно, это не оказало влияния на мою здешнюю позицию. Они имели единственной целью осведомить вас о действительных намерениях Грея и выяснить для вас

довольно значительные различия между вашей и его точками зрения на необходимость скорого подписания. Это был вопрос о сроках. Мне казалось необходимым, чтобы вы были возможно более точно осведомлены. В этом случае я поступил так, как поступал всегда до сих пор. Я думал, что сделал все, что мог, и позвольте мне усомниться в том, что при нынешних обстоятельствах можно было бы своевременно добиться более полного и удовлетворительного результата для двух целей нашей политики. Если вы меня порицаете за то, что мои усилия не привели к нужному результату, то я испытываю слишком большие сожаления, чтобы не положиться просто на вашу оценку и на суждение императора.

Бенкендорф.

№ 588. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 73. 22/9 апреля 1915 г.

12-е сообщение Сватковского. 18 [5] апреля в Триесте состоялось второе собрание представителей южно-славянских земель, кроме Далмации. Выслушав Мандича (...) передать пожелания Сватковского, упомянутые в сообщении 11-м [1], собрание подвергнуло пересмотру заготовленный текст прокламаций. Решено для сохранения контакта с Россией воздержаться от (угрозы) немедленным сопротивлением Италии силою. Населению будет предложено отнестись к вмешательству Италии спокойно в надежде, что справедливая Европа не заставит южных славян позднее взяться за оружие для освобождения от чужеземного ига. Что касается уступок каких-либо славянских территорий, то они немыслимы. Единство словинских и хорватских земель, признанное Наполеоном [2] и провозглашенное Кремзирским

[1] См. № 560.

[2] 14 окт. 1809 г. после заключения с Австрией Шенбруннского мира и отторжения от нее целого ряда земель Наполеон I издал в Шенбрунне же декрет, который положил начало подконтрольному Франции государству под названием Иллирийские провинции. Границы Иллирийских провинций были декретом определены следующим образом: «Округ Виллахский, Крайна, прежняя австрийская Истрия, Фиуме и Триест, земли, известные под названием Litorale, часть Хорватии и все, что нам уступлено на правом берегу Савы, Далмация с островами впредь будут называться Иллирийскими провинциями». В целях усиления континентальной системы против Англии Наполеон I в 1810 г. расширил Иллирийские провинции присоединением к ним венецианской Истрии, Рагузы и Каттаро. В административном отношении Иллирийские провинции были разделены на шесть гражданских и на одну военную (Хорватия) провинцию. В гражданских провинциях были введены наполеоновский кодекс и административно-финансовое управление. После поражения Наполеона I Иллирийские провинции опять подпали под власть Австрии, и все введенные французами новые порядки уничтожены.

рейхстагом [1] и Марбургским народным собором, было основою всего иллирийского движения [2] второй половины XIX века. Уступка Триеста лишила бы словинские земли естественной и незаменимой гавани. Для защиты этой точки зрения собрание постановило выслать в Англию и Россию депутацию от словинского и хорватского народов. Собрание единогласно признало необходимость требуемого чехами территориального соединения северного и южного славянства коридором вдоль западной венгерской границы, администрация коего находилась бы частью в чешских, частью в южно-славянских руках.

Поггенполь.

№ 589. Посланник в Софии министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 227 [3]. 22/9 апреля 1915 г.

Передавая вчера Радославову ответ своего правительства насчет назначения Геннадиева в Париж [4], французский посланник имел с председателем совета министров весьма интересный политический разговор. На замечание последнего, что он хотел бы сблизиться с Тройственным согласием и ищет для этого благоприятного момента, Панафье заметил, что он упускает этот момент и что после занятия союзниками Константинополя болгарская помощь будет обесценена,

---

[1] После разгрома в окт. 1848 г. войсками Виндишгреца революционной Вены и наступившей вслед за тем реакции, заседания австр. рейхстага были перенесены из Вены в г. Кремзир в Моравии. Заседания Кремзирского рейхстага происходили в летнем дворце ольмюцского князя-архиепископа с 22 нояб. 1848 г. по 7 марта 1849 г. По утвержденной Кремзирским рейхстагом конституции, Австрийская монархия должна была состоять из союза имперских земель, куда входили, как равноправные единицы, и хорватско-словинские провинции.

§ 4 этой конституции гласил: «Имперские земли состоят между собою в отношениях полного равноправия, ко всей же империи—в отношении неотделимых органических составных частей».

§ 5: «Каждой из имперских земель гарантируется автономия в пределах, устанавливаемых этой конституцией, и нераздельность ее территории».

[2] Под иллирийским движением понимается политическое и литературное движение у хорватов, словинцев и сербов бывшей Австрии, направленное к объединению южных славян.

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 277.

[4] В ответ на запрос болг. прав-ва франц. прав-во заявило, что «оно предпочитало бы не высказываться в вопросе о назначении Геннадиева посланником в Париж, покуда не выяснилось положение Болгарии» (тел. Савинского от 10 апр./28 марта за № 203 и от 20/7 апр. за № 223).

а что, наоборот, теперь за свое активное согласие действовать Болгария могла бы, по его мнению, получить и линию Энос—Мидия и линию соглашения 1912 года; посланник прибавил, что, может быть, державы Согласия и решатся в скором времени сделать последнюю попытку привлечения Болгарии, но в таком случае они на этот раз потребуют совершенно определенного и категорического ответа. Панафье говорит, что Радославов отнесся очень сочувственно к этой перспективе.

Савинский.

№ 590. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 234 [1]. 22/9 апреля 1915 г.

Лично. Весьма секретно.

Диаманди выедет в Петроград из Унген в воскресенье или понедельник [2]. Ему поручено заверить ваше высокопревосходительство в том, что Румыния выступит в самом непродолжительном времени и что, по сведениям Братиану, Италия намерена сделать то же самое. Кроме того, на Диаманди возложено договориться с вашим высокопревосходительством относительно точных границ будущей Румынии, причем окончательные инструкции по этому вопросу будут посланы ему чрез несколько дней. Лично предполагаю, что румыны будут просить у нас линию Прута в Буковине и, может быть, весь Банат, но точных сведений об этом не имею. Диаманди заявит вам, что вслед за соглашением по этому вопросу в ставку выедет офицер румынского генерального штаба для заключения военного соглашения о немедленном выступлении Румынии. Все эти данные имею пока лишь от Диаманди. Из них явствует, что Братиану желал бы заключить с нами соглашение на основании первых наших предложений Румынии, которые предполагали не одно лишь занятие Румынией Трансильвании, но военную кооперацию ее с нами и составление географической карты с точным обозначением будущих приобретений Румынии.

Поклевский.

№ 591. Поверенный в делах в Цетинье товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 43. 22/9 апреля 1915 г.

Копия в Ниш.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 35 [3].

---

[1] Опубл: Ц. Р., стр. 179.

[2] Диаманди находился в отпуску в Бухаресте.

[3] См. № 519.

Покорнейше прошу телеграфировать, есть ли надежда незамедлительно доставить в Салоники около 3 000 тонн хлеба, дарованного нами Черногории. Сухопутный способ доставки из Сербии исключен вследствие отсутствия перевозочных средств. Черногории угрожает голод, и уже начались голодные беспорядки, пока в виде «бабьих бунтов», один из которых я лично наблюдал на-днях в Реке перед дворцом короля [1].

Обнорский.

№ 592. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 29. 22/9 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из копии доверительной депеши от [31] 18 марта № 13 [2], сообщенной мне посланником нашим в Пекине, видно, что, в переговорах своих с Японией китайцы рассчитывали на воздействие, которое может оказать на токийский кабинет нота, врученная федеральным статс-секретарем японскому послу в Вашингтоне. В телеграммах своих вашему

[1] Ссылаясь на тел. Обнорского за №№ 35 и 43, Нератов в тел. от 25/12 апр. за № 1880 сообщил Извольскому и Бенкендорфу, что отправка хлеба из России задерживается перегруженностью серб. ж. д. в направлении на Салоники, и просил их переговорить с соответствующим прав-вом «в видах оказания ими возможной помощи Черногории, нуждающейся в ней безотлагательно». В ответ на это Извольский тел. от 26/13 апр. за № 244 передал свою беседу с Делькассе по этому поводу. Последний сообщил, что он получил тел. о доставке в Антивари 200 тонн хлеба, но что адм. Лапейрер указывает на опасность для транспортов от австр. миноносцев. Делькассе обещал обсудить дальнейшие меры и уведомить о них Извольского (см. № 743). 2 мая/19 апр. за № 53 Обнорский снова телеграфировал: «Ввиду угрожающего черногорцам местами уже начавшегося голода, усердно ходатайствую о немедленном направлении около трех тысяч тонн нашего хлеба чрез Сербию на Солунь, откуда мы постараемся так или иначе организовать дальнейшую доставку в Черногорию морем. Необходима скорая и энергичная помощь». С своей стороны Трубецкой в тел. от 2 мая/19 апр. за № 518 спрашивал Сазонова, «нельзя ли воздействовать на французское правительство, дабы оно согласилось провезти продовольствие морем в Черногорию, положение коей похоже на осажденную крепость».

[2] В деп. от 31/18 марта за № 13 (ср. стр. 16, прим. 1.) Крупенский указывал, что «китайцы за последнее время заметно приободрились и, повидимому, надеются, что им удастся избежать принятия наиболее для них тяжелых японских требований». Такую перемену Крупенский объяснял главным образом тем, что они рассчитывают на воздействие, которое окажет на япон. прав-во нота США.

высокопревосходительству от [17] 4 и [19] 6 апреля за №№ 195 и 201[1] д. с. с. Крупенский равным образом доносит, что китайцы крайне обрадованы заявлением, сделанным американским посланником в Пекине в словесном сообщении одному из советников вай-цзяо-бу относительно того, что американское правительство не отступит от своих слов касательно независимости и целости Китая и выражает уверенность, что в переговорах не будут нарушены права других держав. Такое заявление Америки китайцы считают, по словам посланника, весьма благоприятным для них признаком.

По тем сведениям, которые мне удалось собрать здесь, можно думать, что радостное настроение китайцев основано на весьма зыбкой почве.

Нота вашингтонского государственного департамента, о посылке коей я доносил телеграммой № 89 [2], получена в Токио на-днях и рассмотрена в здешнем министерстве. Барон Като выразился о ней в том смысле, что она, в сущности, не требует ответа, так как все объяснения по затронутым в ней вопросам уже даны Чиндой Брайану перед отправкой ноты в Токио. Этими объяснениями федеральное правительство, видимо, удовлетворилось, и потому на ноту, вероятно, последует отсюда лишь формальное уведомление о получении.

Что касается американского заявления в Пекине, о коем наш посланник доносил телеграммами №№ 195 и 201, то по тем данным, которыми я располагаю, можно думать, что китайцы придали ему не вполне соответственное толкование. Дело в том, что то самое заявление, которое сделал в Пекине Рейнш, здесь сделал Гютри, прибавив к тому же заверение, что американцы не ищут концессий в Фуцзянской провинции и будут спокойно ожидать окончания японо-китайских переговоров. Это заявление американского посла было принято здесь как особая любезность и доказательство нежелания Америки вмешаться или влиять на переговоры, ограничившись дружественным напомина-

---

[1] Тел. за № 195 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, имеется в виду тел. от 17/4 апр. за № 194. В этой тел. и в тел. от 19/6 апр. за № 201 Крупенский сообщил о сделанном амер. посланником в Пекине неофициальном заявлении одному из советников кит. м-ва ин. дел, «что при переговорах с японцами трактатные права других держав не будут нарушены и что сами переговоры приведут к результату, удовлетворительному для обеих сторон». Кроме того, посланник заявил, что «американское правительство ни на одну иоту не отступится от своих взглядов касательно независимости и целости Китая».

[2] См. № 416.

нием обеим договаривающимся сторонам общих начал американской политики в Китае.

Такое «академическое» выступление, сделанное г. Гютри в словесной и в высшей степени дружественной форме накануне его отъезда в шестимесячный отпуск, едва ли может оцениваться, с дипломатической точки зрения, выше того, что оно действительно стоит. Существенным в нем японцы считают только отказ Америки от соискания особых привилегий в Фуцзяне, в роде концессии «Вифлеемской» компании, тем более что г. Гютри выразил барону Като готовность подтвердить такой отказ, если нужно, письменной декларацией.

Таким образом, если китайцы поняли американское заявление, как косвенное обещание оказать Китаю дипломатическую поддержку в текущих переговорах, то, повидимому, заключение их ошибочно. Было бы опасно, основываясь на таком рассчете, проявить в переговорах с японцами меньшую сговорчивость.

Газетные известия передают, что переговоры между посланником Хиоки и министром Лу внезапно приостановились за отказом китайцев обсуждать пятую группу японских требований.

Известия эти сильно взволновали японское общественное мнение и, как вы изволите усмотреть из последних агентских телеграмм, подали повод к слухам о предстоящей посылке Китаю ультиматума, о приготовлении трех японских эскадр и морской демонстрации.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 593. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

№ 600. 23/10 апреля 1915 г.

Королевская сербская миссия по предписанию королевского сербского правительства имеет честь сообщить императорскому министерству иностранных дел следующие сведения:

По дополнительным сведениям, для организации вторжения четников в Валандово и Струмицу Австро-Венгрия и Германия израсходовали около 1 миллиона франков. Нападение в числе прочих воевод совершили Лефетеров и Стоян Мишев и офицеры Петров, Мишков и капитан Икономов. Петров и Мишков участвовали до этого и при разрушении моста у 113-го километра. В Сербию вторглись около 1 800 человек четников, в числе коих были и болгарские и турецкие солдаты и четники.

В софийских, македонских и албанских кругах идет весьма деятельная работа по организации нового нападения на Сербию. Из австро-венгерской миссии в Софии отправлено на железнодорожную станцию 6 ящиков с бомбами, но неизвестно, куда именно эти ящики были отправлены.

Из весьма достоверных источников стало известно, что в Болгарии готовится новое нападение на Сербию. Это нападение будет совершено в самом непродолжительном времени, и в нем будут участвовать около 20 000 человек.

Начальник четников Брло, во главе 20 комитаджи, и другая сильная болгарская чета из 200 комитаджиев перешла болгарскую границу и вторглась в наши пределы. Против этих четников отправлено необходимое количество солдат.

№ 594. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1838. 23/10 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж.

На запрос великобританского посла я ответил сегодня, что согласен на обе подлежащие подписанию формулы [1], составляющие соглашение с Италией. Ввиду выраженного Греем намерения постараться еще изменить текст меморандума так, чтобы включить в него те оговорки, которые вам поручено сделать, считаю долгом предупредить, что если эта попытка увенчается успехом, вам, вероятно, можно будет воздержаться от отдельного представления оговорки по тому из вопросов, который будет разрешен этим путем. Но я хочу предварительно ознакомиться с окончательным текстом измененного соглашения, чтобы решить, достаточно ли точно будет высказана в нем моя мысль, прежде чем решить, можно ли нам отказаться от самостоятельных оговорок. Так, например, в отношении нейтрализации черногорского побережья мне известны две формулы, предлагаемые Камбоном и Соннино [2]. Ни та, ни другая, по моему мнению, не может быть признана удовлетворительной. Только такое определение приемлемо, которое ясно ука-

[1] 22/9 апр. Бьюкенен вручил Сазонову, наряду с публикуемыми выше (см. №№ 579, 580 и 581), две пам. записки, содержащие формулы, предложенные франц. правительством: а) о присоединении Италии к соглашению от 5 сент. 1914 г. и б) для заключительной части соглашения с Италией (дословно совпадают с окончательным текстом, см. № 612). Пам. запиской от 22/9 апр. Сазонов высказал свое согласие на эти формулы, а также на мелкие изменения, предложенные Италией (см. № 581).

[2] См. № 585.

зывало бы, что ныне принадлежащее Черногории побережье не может быть нейтрализовано и в отношении его сохраняются лишь те немногие ограничения касательно Антивари, на которые в 1909 году согласилась сама Черногория.

Сазонов.

№ 595. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 1845. 23/10 апреля 1915 г., 5 ч. дня.

Срочная.

Ваша телеграмма № 443 [1] получена.

Считаю необходимым отклонить приезд указанных в ней лиц в Петроград. Здесь они немедленно сделались бы, как это было с Супило и Васильевичем, центром агитации в печати и общественных кругах, с политической точки зрения несвоевременной, не могущей дать никаких результатов и потому нежелательной. Императорское правительство достаточно осведомлено о южно-славянских вопросах и, в пределах возможного, прилагает все старания к осуществлению славянских вожделений. Недопущение Стояновича и Белича в Петроград обелит их от обвинения в нерадении на пользу дела народного объединения [2].

Нератов.

№ 596. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 1853 [3]. 23/10 апреля 1915 г.

Копия сообщена в Кяхту.

Телеграмма № 205 [4] получена.

Вопрос о недопущении китайской колонизации в пограничной с Внешней Монголией полосе поднят нами не в связи с положением Внутренней Монголии, а с точки зрения поддержания самобытного

---

[1] См. № 570.

[2] Вслед за этой тел. в 8 ч. 45 м. веч. была послана другая тел. Поклевскому за № 1855, с предложением уговорить названных лиц, если они находятся в Бухаресте, не ехать в Петроград. Ответной тел. от 25/12 апр. за № 243 Поклевский сообщил, что тел. за № 1855 «получена ночью», и что, «по словам сербского посланника, Стоянович и Белич выехали вчера вечером из Бухареста в Петроград».

[3] Лит. копия.

[4] См. № 578.

строя Внешней Монголии, составляющего цель декларации 1913 года [1].

Граница между автономной Внешней Монголией и Внутренней Монголией, особенно в Силингольском сейме, пройдет по пустынным местам, где население искони привыкло переходить ее при кочевках. Если в этих местах появится оседлое китайское население, то при отсутствии охраны границы, несомненно, весьма неопределенной, китайцы, естественно, начнут переходить ее и появляться во Внешней Монголии, что будет противно взятому на себя китайским правительством обязательству не колонизовать Внешней Монголии и поведет к пограничным инцидентам и трениям между автономной Внешней Монголией и ее сюзереном Китаем. Настаивая поэтому, чтобы в пограничной с Внешней Монголией полосе не было оседлого китайского населения, мы не встречаем препятствий, чтобы вышеизложенная мотивировка вошла в текст соответствующей статьи тройного договора или приложенной к нему ноты. Обязательство китайского правительства могло бы быть в таком случае изложено примерно в следующих выражениях:

«Ввиду того, что появление оседлого китайского населения на границах автономной Внешней Монголии, при неопределенности этой границы, проходящей по местам, населенным кочевниками, повело бы к неизбежному вселению китайских колонистов во Внешнюю Монголию, условлено, что пограничная между Внешней и Внутренней Монголией полоса должна оставаться территориею кочевок местного населения».

Что касается вопроса о паломничестве в Ургу монголов, не входящих в состав автономной Монголии, то мы не можем не иметь в виду, что взгляды китайского правительства на его отношения к окраинам государства нередко менялись и впредь могут меняться. В этих случаях китайское правительство обнаруживало склонность не считаться даже со своими международными обязательствами. Тем более нам приходится опасаться оставить важный для монголов вопрос о религиозной связи с ургинским хутухтою неоформленным договорным постановлением.

Надо также заметить, что только с большим трудом нам удалось убедить монгольское правительство отступиться от стремления политически объединить все монгольские племена. Чтобы не создавать новых осложнений на этой почве, китайское правительство мудро поступит, сделав монгольскому правительству ответную уступку в вопросах о

[1] См. стр. 218, прим. 1.

колонизации пограничной полосы и о религиозных паломничествах, которые не могут иметь для него существенного значения, но будут высоко оценены монголами.

В вышеизложенном смысле благоволите объясниться с китайским правительством и посоветовать ему воспользоваться проявляемою нами и монгольским правительством сговорчивостью, чтобы скорее покончить раз навсегда с затянувшимися тройными переговорами на предлагаемых нами основаниях.

Сазонов.

№ 597. Болгарский посланник в Лондоне Хаджимишев болгарскому министру иностранных дел Радославову.

Телеграмма № 201 [1]. 23/10 апреля 1915 г.

Из полученных здесь сведений явствует, что в Эносе начата высадка англо-французских войск. Почти все органы печати комментируют важность этого нового факта, показывающего окончательное решение Тройственного согласия форсировать Дарданеллы и занять Константинополь, не прибегая к содействию балканских государств и особенно Болгарии.

Считаю долгом подчеркнуть возрастающую для Болгарии опасность, заключающуюся в том, что державы Тройственного согласия приближаются к достижению намеченной ими цели на Балканском полуострове, тогда как Болгария еще не решилась на выступление. Это обстоятельство обесценит запоздалое вмешательство Болгарии и лишит ее права на какие-либо компенсации.

Существует и другая опасность, а именно: начатые с суши операции против Дарданелл могут ускорить вмешательство Болгарии раньше, чем она успеет сговориться с Тройственным согласием.

В предвидении, что ответ, который, по всей вероятности, даст Грей на наши последние заявления, будет иметь основою декларации английского министра финансов и Бенкендорфа, переданные в телеграмме за № 194, позволю себе настойчиво просить вас уведомить меня, по тщательном обсуждении этих деклараций, не уполномочит ли меня болгарское правительство заявить здесь, что оно готово оказать содействие Тройственному согласию, выступив в Фракии, если Болгарии будут даны следующие гарантии:

1) граница по линии Мидия — Энос; 2) граница по линии бесспорной зоны в Македонии, согласно договора 1912 г.; 3) Кавала с прилегающей

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского.

территорией, необходимой для свободного доступа по долине Струмы к морю; 4) содействие Тройственного согласия для благоприятного для Болгарии решения вопроса о Добрудже; 5) гарантия касательно невыступления против Болгарии Румынии и Греции в том случае, если Болгария вмешается в войну прежде означенных двух держав; 6) всякие домогательства Греции в областях сербской Македонии, как в Би... и в ..., будут считаться выступлением против Болгарии и 7) финансовая поддержка Болгарии.

Если царское правительство найдет необходимым, можно еще добавить, что Болгария настаивает на уступке ей всей спорной зоны, если Сербии будет дано Хорватско...

Для нас наступает критический момент, который налагает на нас обязанность принять как можно скорее твердое решение, дабы осуществить народные идеалы.

Считаю также долгом заметить, что Болгария не должна руководиться поведением Румынии; содействие этой страны может иметь большое значение в конце европейской войны, и поэтому Румыния еще может ждать. Что же касается нашего содействия, то Тройственное согласие не будет в нем нуждаться, успешно выполнив операции против Дарданелл и Константинополя.

№ 598. Президент Французской республики Пуанкаре Николаю II.

/. Телеграмма[1]. 23/10 апреля 1915 г.

Très cher et grand ami,

Je remercie votre majesté de son télégramme [2]. Depuis le début des hostilités, la France s'est de grand coeur associée à la Russie dans la défense des intérêts des peuples slaves et elle espère bien qu'à l'heure du règlement final la Serbie et le Monténégro obtiendront en dehors des territoires réservés à l'Italie par le commun accord des alliés, des avantages qui assureront à ces nations dans une paix définitive une large prospérité.

Le gouvernement de la République estime d'ailleurs, comme votre majesté, que l'intervention de l'Itaile ne saurait rien modifier aux ententes préalablement établies entre les alliés au sujet de leurs revendications et de leurs aspirations respectives.

Je renouvelle à votre majesté l'assurance de ma fidèle amitié.

R. Poincaré.

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 333.

[2] См. № 571.

Перевод.

Дорогой и высокий друг,

Я благодарю ваше величество за телеграмму. С начала военных действий Франция от всего сердца присоединилась к России в деле защиты интересов славянских народов, и она вполне надеется, что в момент окончательного решения Сербия и Черногория получат вне территорий, предоставленных Италии по общему соглашению между союзниками, преимущества, которые обеспечат этим нациям полное процветание при установившемся мире.

Правительство Республики, кроме того, полагает так же, как и ваше величество, что вмешательство Италии не сможет ничего изменить в соглашениях, ранее заключенных между союзниками на предмет требований и притязаний каждого из них.

Пользуюсь возможностью снова выразить вашему величеству уверения в моей искренней дружбе.

Р. Пуанкаре.

№ 599. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 229. 23/10 апреля 1915 г.

Английскому посланнику только вчера передали из Лондона телеграмму Бьюкенена с текстом третьего алинеа, предложенного вами в № 1749[1]. Бьюкенен объяснил, что, вследствие представленных мною соображений, вы предлагаете придать выступлению более категорическую и конкретную форму. Айронсайд считает новую редакцию весьма удачной и целесообразной. Из разговоров с Радославовым за эти дни у нас троих еще более укрепилось впечатление, что правительство желает наших более энергичных выступлений и будет довольно, если ему форсируют руку.

Савинский.

№ 600. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 236. 23/10 апреля 1915 г.

Лично.

Осмеливаюсь обратить внимание вашего высокопревосходительства на крайне, по моему мнению, нежелательное для нас впечатление, которое производит здесь наш отказ во всех просьбах румынского правительства[2]. В то время, как великобританское правительство снабдило Румынию деньгами[3], а французское правительство начало

---

[1] См. стр. 192, прим. 4.

[2] Ср. № 532.

[3] Ср. т. VI, № 626.

поставлять военные припасы, мы не даем румынам ни лошадей, ни других нужных им предметов нашего вывоза, между тем как сближение Румынии с Тройственным согласием произошло именно через нас, и мы поэтому должны более, чем наши союзники, знать ориентировку и истинные намерения здешнего правительства. Позволяю себе вновь ходатайствовать о разрешении румынам купить у нас для начала от 3 до 4 тысяч лошадей и об удовлетворении всех других просьб румынского правительства. Считаю долгом добавить, что даже полковник Семенов находит, что нам теперь не следовало бы отказывать румынам в лошадях.

Поклевский.

№ 601. Французский посланник в Бухаресте Блондель французскому министру иностранных дел Делькассе.

Телеграмма № 183 [1]. 23/10 апреля 1915 г.

Si la Russie dont les appétits grandissent, puisqu'elle croit sa victoire assez prochaine, reste intransigeante et ne comprend pas qu'elle devrait se montrer très conciliante pour effacer le souvenir de 1878 et décider la Roumanie à une action aux côtés de la Triple Entente, entraînant un déclanchement général de tous les pays neutres contre l'Allemagne et l'Autriche, elle commettra une erreur, mais plus grave que celle commise en septembre dernier [2]. J'ai même des raisons de supposer que c'est la décision de Mr. Sazonow, puisque le ministre russe me laissait entendre hier qu'il pourrait bien répondre à Mr. Bratiano: «que la Roumanie ayant hésité à agir ne doit pas se montrer intraitable. Car aussi bien l'on pourrait se passer d'elle».

Une semblable réponse, si elle était faite, serait grave de conséquences et, d'après ce que j'ai fait remarquer à mon collègue, elle serait injuste. C'est Mr. Sazonow qui, conformément à mes informations, a laissé à la Roumanie toute liberté concernant le choix de l'heure de son entrée en campagne. Nous ne pouvons donc trop insister sur le. . . et, tout en laissant la Russie libre de traiter seule avec la Roumanie, sur la nécessité de lui montrer prévenance et conciliation. De son attitude actuelle peut dépendre la collaboration de l'armée roumaine.

Cette dernière solution qui plairait au roi et aussi à Mr. Bratiano, en même temps qu'elle signifierait une victoire pour la Russie, serait pour notre politique en Roumanie un succès lequel est susceptible d'effacer les conséquences du souvenir de 1878.

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.
[2] См. т. VI, № 340.

Перевод.

Если Россия, аппетиты которой растут, так как она считает свою победу довольно близкой, не пойдет ни на какие уступки и не поймет, что она должна была бы проявить большую сговорчивость, чтобы изгладить впечатление о 1878 г. и побудить Румынию присоединиться к Тройственному согласию, вызвав этим общее выступление всех нейтральных стран против Германии и Австрии, — то она совершит ошибку, гораздо более серьезную, чем в сентябре минувшего года. Я имею даже основание полагать, что таково решение г. Сазонова, так как российский посланник дал мне вчера понять, что он вполне мог бы ответить г. Братиану: «Раз Румыния поколебалась выступить, она не должна быть несговорчивой, так как можно было бы вполне обойтись и без нее».

Подобный ответ, если бы он был дан, имел бы серьезные последствия и, как я заметил моему коллеге, был бы несправедлив. По моим сведениям, именно г. Сазонов предоставил Румынии полную свободу в выборе момента для ее вступления в войну. Поэтому, мы не можем слишком настаивать на ... и, предоставив России вести одной переговоры с Румынией, на необходимости выказывать ей предупредительность и действовать примирительно. От ее позиции в настоящий момент может зависеть сотрудничество румынской армии.

Это последнее решение вопроса, которое понравилось бы и королю и г. Братиану, будучи вместе с тем победой для России, было бы для нашей политики в Румынии успехом, способным изгладить последствия воспоминаний 1878 г.

№ 602. Сообщение министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену [1].

24/11 апреля 1915 г.

Le caractère jusqu'ici imprimé par la Bulgarie à sa neutralité, les incursions successives en Macédoine de bandes armées dont la formation par les agents autrichiens a été tolérée par les autorités provinciales, sont en contradiction tant avec les intérêts immédiats de la Bulgarie qu'avec les traditions de son passé. Une politique tortueuse telle que la pratique le gouvernement bulgare ne peut pas donner au pays les avantages que seules les sympathies des alliés sont à même de lui assurer. Si le gouvernement royal persiste dans son attitude de complicité avec les ennemis de la Triple Entente et continue à seconder leurs menées,

[1] Лит. копия. Текст этого сообщения был передан Сазоновым Палеологу и Бьюкенену при пам. записке от 24/11 апр., в которой Сазонов указывал, что, согласившись на предложение Делькассе отсрочить выступление в Софии (см. стр. 193, прим. 1.), он счел необходимым подвергнуть незначительному изменению принятый союзниками текст обращения. По мнению Сазонова, само выступление должно быть приурочено к тому времени, когда в Болгарии станет известно присоединение Италии к Тройственному согласию, причем об этом выступлении державы должны поставить в известность Пашича. Содержание пам. записки было сообщено в Париж и Лондон тел. от 25/12 апр. за № 1878.

les alliés se considéreront déliés des promesses qu'ils lui ont faites et lui laisseront la responsabilité des événements qui pourraient suivre.

Le gouvernement bulgare peut être toutefois certain que les alliés ne désirent nullement être amenés à adopter une attitude hostile vis-à-vis de lui et qu'ils envisagent avec bienveillance les voeux légitimes du peuple bulgare. Si le gouvernement royal se décide à faire cause commune avec les alliés, ceux-ci sont disposés à lui garantir, dans le cas où il se prononcerait nettement et sans retard pour la Triple Entente: 1) la possession de la Thrace Orientale jusqu'à la ligne Enos—Midia et 2) le transfert, à l'issue de la guerre, des territoires de la Macédoine situés au sud de la ligne d'Egri-Palanka — Keprülü et Ochrida, ces villes y comprises, dès que la Serbie aura obtenu les compensations territoriales que les Puissances alliées ont en vue de lui attribuer.

En dehors de ces avantages territoriaux la Bulgarie pourrait compter, et ce dans une large mesure, sur le concours financier des alliés, sur l'envoi de munitions de guerre et sur tout autre aide et assistance dont le besoin serait provoqué par le changement de la politique bulgare.

Перевод.

Характер, придаваемый до сих пор Болгарией своему нейтралитету, и многократные вторжения в Македонию вооруженных банд, организацию которых австрийскими агентами терпели местные власти, противоречат, как непосредственным интересам Болгарии, так и традициям ее прошлого. Двусмысленная политика, проводимая болгарским правительством, не может дать стране тех выгод, которые ей могут обеспечить только симпатии союзников. Если королевское правительство будет упорствовать в своей позиции содействия врагам Тройственного согласия, продолжая потворствовать их проискам, союзники не будут более считать себя связанными обещаниями, которые они ему дали, и возложат на него ответственность за события, могущие последовать.

Болгарское правительство может быть во всяком случае уверено, что союзники отнюдь не желают быть вынужденными занять враждебную по отношению к нему позицию и что они доброжелательно относятся к законным стремлениям болгарского народа. Если королевское правительство решит присоединиться к союзникам, они готовы гарантировать ему, в случае если оно выскажется определенно и немедленно за Тройственное согласие: 1) владение Восточной Фракией до линии Энос—Мидия и 2) передачу по окончании войны территорий Македонии, расположенных к югу от линии Эгри-Паланка—Кепрюлю и Охрида, включая эти города, как только Сербия получит территориальные компенсации, которые союзные державы имеют в виду ей предоставить.

Помимо этих территориальных приобретений, Болгария могла бы рассчитывать, и притом в широких размерах, на финансовую помощь союзников, на посылку военного снаряжения и на всякого рода другую помощь и поддержку, нужда в которых была бы вызвана изменением болгарской политики.

№ 603. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

·/· 24/11 апреля 1915 г.

Le principal secrétaire d'Etat de sa majesté britannique a fait dire à Mr. Delcassé par Sir F. Bertie qu'il est prêt à échanger avec le comte Benckendorff et Mr. Paul Cambon des notes portant que les engagements déjà pris entre les alliés demeurent en pleine vigueur et ne sauraient être révisés par suite de l'adhésion de l'Italie à la déclaration du 5 septembre 1914 [2].

Comme tel a été dès la première minute le point de vue du gouvernement de la République, Mr. Delcassé a autorisé Mr. Paul Cambon à participer à cet échange de notes.

Перевод.

Первый статс-секретарь его британского величества передал г. Делькассе через сэра Ф. Берти, что он готов обменяться с графом Бенкендорфом и г. Полем Камбоном нотами о том, что уже принятые между союзниками обязательства остаются в полной силе и не могут быть пересмотрены вследствие присоединения Италии к декларации от 5 сентября 1914 г.

Ввиду того, что такова была с самого начала точка зрения правительства Республики, г. Делькассе уполномочил г. Поля Камбона принять участие в этом обмене нот.

№ 604. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел.

·/· Телеграмма № 75. 24/11 апреля 1915 г.

Положение в Италии крайне натянутое. Принимаются спешно военные меры. Газеты открыто говорят о разрыве с Австрией. В социалистической газете «Avanti» появилось интервью с бывшим министром, в коем передаются интересные подробности последнего (выступления) князя Бюлова, сделавшего от имени Австрии следующие предложения: во-первых, сохранение союза с Италией, во-вторых, исправление северо-восточной границы королевства, в-третьих, предоставление Италии известных гарантий в восточном бассейне Адриатики и Албании, в-четвертых, предоставление некоторых преимуществ итальянской национальности в Австрии. Генеральный секретарь де Мартино сказал мне в частном разговоре, что эти четыре пункта довольно верно пере-

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 332.

[2] О согласии Грея на этот обмен нот Сазонов был также извещен Бьюкененом пам. запиской от 23/10 апр. (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 332).

дают сущность австрийских предложений. За сим обращают на себя внимание заявления друга князя Бюлова сенатора Караффа д'Андриа, огласившего свой частный разговор с председателем совета министров, последствием чего было официальное опровержение его слов в «Tribuna». По сведениям французского посла, Бюлов, потеряв надежду удержать Италию от выступления, постарался вымышленным интервью в «Avanti» склонить в свою сторону итальянских социалистов, а при помощи сенатора д'Андриа хотел скомпрометировать правительство перед лицом общественного мнения страны. Это ему однако не удалось. Вся независимая печать резко нападает на «Avanti» и осуждает поступок д'Андриа.

Поггенполь.

№ 605. Посланник в Сербии товарищу министра иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 467. 24/11 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на ваш № 1845 [1].

Тотчас посетил Пашича. К сожалению, лица уехали в Петроград уже [21] 8-го. Я вновь предостерег Пашича против того вреда, который может быть причинен делу, если, попавши в Петроград, сербские деятели, не разбираясь в местной обстановке, поддадутся заманчивым речам безответственных политиканов или сделаются орудиями интриг, которые обыкновенно не имеют ничего общего с данным вопросом. «Вам нужно дорожить отношением к вам ответственных руководителей нашей политики, — сказал я. — Если же ваши официозные агенты будут действовать иными путями, то этим только затруднится положение ваших официальных представителей, с которыми перестанут разговаривать в министерстве». Пашич обещал телеграфировать в Петроград, дабы подтвердить, чтобы посланцы имели свидание только с чинами министерства и теми, кто будет последними указан, а (также), чтобы они, не долго задерживаясь, вернулись назад. Такие же посланцы уехали в Лондон, Париж и Рим.

Трубецкой.

№ 606. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 471. 24/11 апреля 1915 г.

Продолжение телеграммы № 469 [2].

Пашич только-что вернулся из Крагуеваца, где было совместное

[1] См. № 595.

[2] Тел. от 24/11 апр. за № 469 Трубецкой передал заявление, сделанное ему

совещание верховной команды с министрами под председательством престолонаследника. Он подтвердил, что решено принять все меры, дабы подготовить возможность наступления к маю, и ходатайствует о соответствующих мерах с нашей стороны для ускорения провоза продовольствия.

Трубецкой.

№ 607. Военный агент в Сербии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 549. 24/11 апреля 1915 г.

Телеграмма великого князя главнокомандующего[1] была вручена мной королевичу Александру [20] 7 апреля. Королевич распорядился о сообщении мне содержания его ответной телеграммы и просил меня засвидетельствовать нашей главной квартире, что, при несомненном желании сербов наступать, немедленный переход их в наступление действительно невозможен по состоянию продовольственных запасов. В настоящее время правительством принимаются спешно все меры к усилению провозоспособности дороги Прахово—Парачин. Все грузы, кроме продовольственных, будут задержаны в Зайчаре. На линию шоссе Зайчар—Парачин ставятся шестьдесят грузовых автомобилей. На-днях в Салоники прибыло четыреста тридцать пять вагонов английской муки. В фураже англичане отказали. Королевич Александр обратился к союзному греческому королю с просьбой уступки для салоникской линии до тридцати локомотивов и четырехсот вагонов. Здесь рассчитывают создать к [14] 1 мая 12- или 15-дневный запас для армии[2].

Артамонов.

от имени королевича Александра помощником начальника штаба верх. команды Живко Павловичем, что «если сербы не могут начать наступление немедленно, то это по невозможности это сделать, а не по нежеланию» и что «причина неготовности — продовольственные затруднения». Ввиду же доставления из России и Румынии «значительного количества муки и овса» верх. команда, по словам Павловича, надеется начать наступление к 14/1 мая.

[1] См. № 549.

[2] Содержание этой тел. Артамонова было передано Сазонову Трубецким тел. от 20/7 апр. за № 442. Ответная тел. Александра сербского верх. главнокомандующему не обнаружена. В ответном же письме от 5 мая/22 апр. королевич Александр сообщал, что в скором времени его армия перейдет в наступление, но что он не может удержаться от перечисления обид, которые причинены Сербии и серб. армии тем, что «интересы славян, во имя которых началась эта война, принесены в жертву Италии». Отдачей всех портов и стратегических пунктов на Адриатике Италии союзники ей передали «больше полутора мил-

№ 608. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1875. 25/12 апреля 1915 г

Ваша телеграмма № 236 [1] получена.

Мне причиняет большие затруднения поддерживать в совете министров просьбу об отпуске румынскому правительству 2 000 вагонов с пшеницей, при наличии в стране около 70 000 вагонов закупленного Германиею разного хлеба [2]. Выпуск каждого из этих вагонов усиливает боевую способность не только наших, но и завтрашних врагов самих же румын, и обстоятельство это не может не внушать недоверие к их обещаниям. Если они выступят совместно с нами, согласно сделанным вам заявлениям, недели через две, то они смогут тогда наложить запрет на невывезенный немецкий хлеб и не будут уже нуждаться в нашей пшенице. В просьбе Румынии купить у нас 2 000 лошадей ей не было отказано, но было отвечено, что лошади будут выпущены из России на пополнение убыли, которая будет вызвана совместным с нами выступлением против Австрии. Недостаток в каучуке чувствуется ныне и у нас. Вообще, находясь в войне, мы не можем делиться нужными прежде всего нам самим предметами военной необходимости с государством, продолжающим извлекать разнообразные выгоды из состояния нейтралитета.

Сазонов.

лионов чистейших славян, иначе говоря, 150 000 превосходных солдат и моряков», а потому Италия, — добавлял королевич Александр, — «занимает вовсем место Австрии по отношению к нам, от которой, мы надеялись, нас эта война навсегда освободит». Сообщая далее об охватившем народ и армию унынии и отчаянии, он кончает свое письмо словами: «Армия в таком состоянии духа побеждена, заранее и безнадежно» (Опубл. Кр. Арх., т. XXVII, стр. 15). Николай Николаевич на это ответил письмом от 17/4 мая (опубл. там же, стр. 21), в котором писал: «Я ясно понял твой взгляд. Этот вопрос вне моей компетенции».

О состоянии серб. армии Трубецкой писал 27/14 апр. Сазонову: «Перерыв в военных действиях с начала декабря минувшего года не прошел задаром. Сербская армия значительно пополнилась составом и материальным снабжением. Правда, сербы без всякого увлечения помышляют о возобновлении военных действий и в особенности не без опасения думают о переходе в наступление».

[1] См. № 600.

[2] По сведениям Трубецкого (тел. от 9 апр./27 марта за № 379), «из Румынии вывезен в Австрию и Германию почти весь свободный излишек продовольствия, причем за право вывоза каждого вагона румынское правительство получило от двух до трех тысяч франков». Поклевский, отстаивавший ходатайства румын, по этому поводу писал, что премии, «может быть, уплачивались за очередь на получение вагонов, но отнюдь не за право вывоза», которое уже имелось при покупке зерна (тел. от 10 апр./28 марта за № 209).

№ 609. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

-/. Телеграмма № 1876. 25/12 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1818 [1].

В министерстве получены новые сведения об анархии в Азиатской Турции и резне армян турками и курдами. Благоволите предложить французскому (английскому) правительству опубликовать совместно с нами и с Англией (Францией) обращение к Порте, в котором личная ответственность за избиение армян возлагалась бы на всех членов турецкого совета министров, а также всех гражданских и военных должностных лиц, прикосновенных к этим событиям.

В обращении можно было бы напомнить о репрессивных мерах, принятых Европой в 1860 году, после резни в Сирии. В случае согласия английского (французского) правительства, благоволите условиться относительно текста обращения, которое желательно было бы опубликовать как можно скорее и в один и тот же день в трех странах [2].

Сазонов.

№ 610. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 238. 25/12 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № 1859 [3] получена.

Делькассе сказал мне, что, по сведениям от Камбона, можно ожидать подписания соглашения с Италией сегодня вечером; тотчас после этого должны начаться в Париже переговоры о выработке военных конвенций. С этой целью сюда будет командирован из Лондона один из офицеров английского военного министерства. Делькассе предла-

[1] См стр. 227, прим. 2.

[2] Извольский сообщил 27/14 апр. за № 243, что Делькассе одобрил предложение Сазонова и обещал снестись с Лондоном для выработки совместного текста обращения. 30/17 апр. Грей предложил через Бьюкенена подождать результатов обращения католикоса к итал. и амер. прав-вам. См. № 583.

[3] Тел. от 23/10 апр. за № 1859 Сазонов сообщил Бенкендорфу и Извольскому, что в случае согласия Италии изменить ст. 5-ю согласно предложению Бенкендорфа (см. № 586) последний может подписать соглашение без оговорок относительно нейтрализации черног. побережья и судьбы побережья и островов, не отходящих к Италии. Тел. от 24/11 апр. за № 273 Бенкендорф передал согласие Соннино на эти изменения при условии дополнения первого пункта формулой, не позволяющей Черногории распространить указанные права на новые приобретения (ср. окончательной текст соглашения, № 612, стр. 255).

гает, чтобы с нашей стороны в сказанных переговорах участвовали наши здешние военный и морской агенты, которых следовало бы снабдить для этого соответственными полномочиями. Прошу указаний.

Извольский.

№ 611. Временно управляющий миссией в Тегеране[1] министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 25/12 апреля 1915 г.

Телеграфирую в Тегеран[2].

Дабы выяснить, насколько при данных условиях и возможных волнениях в столице нам можно будет рассчитывать на шведских инструкторов жандармерии и полиции, им был задан вопрос, желают ли они при новом кабинете, стремящемся к энергичному поддержанию нейтралитета, продолжать нести службу и исполнять его приказания. Шведам было предложено в противном случае тут же отказаться от своих контрактов. Они заявили, что намерены подчиниться требованиям кабинета, пока Персия остается нейтральной. В случае присоединения Персии к одной из воюющих сторон, они по контракту обязаны и предполагают подать в отставку. Ответ шведов дает возможность несколько спокойнее ожидать развития событий, которые обозначатся при предстоящем объявлении обязательного обращения банкнот, не обмениваемых на серебро[3].

Бах.

№ 612. Соглашение держав Согласия с Италией[4].

Лондон, 26/13 апреля 1915 г.

D'ordre de son gouvernement, le marquis Impériali, ambassadeur de sa majesté le roi d'Italie, a l'honneur de communiquer au très honorable Sir E. Grey, principal secrétaire d'Etat de sa majesté britannique pour les affaires étrangères, et à leurs excellences Mr. Paul Cambon, ambassadeur de la République Française, et Mr. le comte de Benckendorff, ambassadeur de sa majesté l'empereur de toutes les Russies, le memorandum suivant:

---

[1] С 22/9 апр. Бах вступил в исполнение обязанностей вр. управляющего миссией в Тегеране.

[2] Так в оригинале.

[3] Ср. № 656.

[4] Соглашение печатается с подлинника, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 356.

MEMORANDUM.

Article 1.

Une convention militaire sera immédiatement conclue entre les états-majors généraux de la France, de la Grande Bretagne, de l'Italie et de la Russie; cette convention fixera le minimum des forces militaires que la Russie devra employer contre l'Autriche-Hongrie afin d'empêcher cette Puissance de concentrer tous ses efforts contre l'Italie, dans le cas où la Russie déciderait de porter son principal effort contre l'Allemagne.

La convention militaire réglera la question des armistices, qui relève essentiellement du commandement en chef des armées.

Article 2.

De son côté l'Italie s'engage à employer la totalité de ses ressources à poursuivre la guerre en commun avec la France, la Grande Bretagne et la Russie contre tous leurs ennemis.

Article 3.

Les flottes de la France et de la Grande Bretagne donneront leur concours actif et permanent à l'Italie jusqu'à la destruction de la flotte austro-hongroise ou jusqu'à la conclusion de la paix.

Une convention navale sera immédiatement conclue à cet effet entre la France, la Grande Bretagne et l'Italie.

Article 4.

Dans le traité de paix, l'Italie obtiendra le Trentin, le Tyrol Cisalpin avec sa frontière géographique et naturelle (la frontière du Brenner), ainsi que Trieste, les comtés de Gorizia et de Gradisca, toute l'Istrie jusqu'au Quarnero et y compris Volosca et les îles istriennes de Cherso, Lussin, de même que les petites îles de Plavnik, Unie, Canidole, Palazzuoli, San Pietro di Nembi, Asinello, Gruizza, et les îlots voisins.

Note.

La frontière nécessaire pour assurer l'exécution de l'article 4 sera tracée comme suit:

Du Piz Umbrail jusqu'au nord du Stelvio, elle suivra la crête des Alpes Rhétiennes jusqu'aux sources de l'Adige et de l'Eisack, passant alors sur les monts Reschen et Brenner et sur les hauteurs de l'Oetz et

du Ziller. La frontière ensuite se dirigera vers le sud, traversera le mont Toblach et rejoindra la frontière actuelle des Alpes Carniques. Elle suivra cette frontière jusqu'au mont Tarvis, et après le mont Tarvis la ligne de partage des eaux des Alpes Juliennes par le col Predil, le mont Mangart, le Tricorno (Terglou) et la ligne de partage des eaux des cols de Podbergo, de Podlaniscam et d'Idria. A partir de ce point, la frontière suivra la direction du sud-est vers le Schneeberg, laissant hors du territoire italien tout le bassin de la Save et de ses tributaires; du Schneeberg la frontière descendra vers la côte de manière à inclure Castua, Mattuglia et Volosca dans le territoire italien.

Article 5.

L'Italie recevra également la province de Dalmatie dans ses limites administratives actuelles en y comprenant au nord Lissarica et Tribania, et au sud jusqu'à une ligne partant sur la côte du cap Planca et suivant vers l'est les sommets des hauteurs formant la ligne de partage des eaux de manière à laisser dans le territoire italien toutes les vallées et cours d'eau descendant vers Sebenico, comme la Cicala, la Kerka, la Butisnica et leurs affluents. Elle recevra aussi toutes les îles situées au nord et à l'ouest de la Dalmatie depuis Premuda, Selve, Ulbo, Scherda, Maon, Pago et Puntadura au nord, jusqu'à Meleda au sud en y comprenant Sant'Andrea, Busi, Lissa, Lesina, Torcola, Curzola, Cazza et Lagosta, ainsi que les rochers et îlots environnants et Pelagosa, à l'exception seulement des îles Grande et Petite Zirona, Bua, Solta et Brazza.

Seront neutralisées:

1) Toute la côte depuis le cap Planca au nord jusqu'à la racine méridionale de la péninsule de Sabbioncello au sud, de manière à comprendre toute cette péninsule; (2) la partie du littoral commençant au nord à un point situé à 10 kilomètres au sud de la pointe de Ragusa Vecchia descendant au sud jusqu'à la rivière Voiussa, de manière à comprendre le golfe et les ports de Cattaro, Antivari, Dulcigno, Saint Jean de Medua, Durazzo, sans préjudice des droits du Monténégro résultant des déclarations échangées entre les Puissances en avril et mai 1909; ces droits ne s'appliquant qu'au territoire actuel monténégrin ne pourront être étendus aux territoires ou ports qui pourraient être attribués au Monténégro; en conséquence aucune partie des côtes appartenant actuellement au Monténégro ne pourra être neutralisée; resteront en vigueur les restrictions concernant le port d'Antivari auxquelles le Monténégro a lui-même consenti en 1909; (3) et enfin toutes les îles qui ne sont pas attribuées à l'Italie.

Note.

Les territoires de l'Adriatique énumérés ci-dessous seront attribués par les quatre Puissances alliées à la Croatie, à la Serbie et au Monténégro.

Dans le Haut Adriatique, toute la côte depuis la baie de Volosca sur les confins de l'Istrie jusqu'à la frontière septentrionale de Dalmatie comprenant le littoral actuellement hongrois et toute la côte de Croatie, avec le port de Fiume et les petits ports de Novi et de Carlopago, ainsi que les îles de Veglia, Pervichio, Gregorio, Goli et Arbe. Et, dans le Bas Adriatique (dans la région intéressant la Serbie et le Monténégro) toute la côte du cap Planca jusqu'à la rivière Drin, avec les ports importants de Spalato, Raguse, Cattaro, Antivari, Dulcigno et Saint Jean de Medua, et les îles de Zirona Grande, Zirona Piccola, Bua, Solta, Brazza, Jaclian et Calamotta. Le port de Durazzo resterait attribué à l'Etat indépendant musulman d'Albanie.

Article 6.

L'Italie recevra l'entière souveraineté sur Vallone, l'île de Sasseno et un territoire suffisamment étendu pour assurer la défense de ces points (depuis Voiussa au nord et à l'est, approximativement jusqu'à la frontière septentrionale du district de Khimarra au sud).

Article 7.

Si l'Italie obtient le Trentin et l'Istrie conformément aux termes de l'article 4, la Dalmatie et les îles de l'Adriatique dans les limites indiquées dans l'article 5 et la baie de Vallone (article 6) et si la partie centrale de l'Albanie est réservée pour la constitution d'un petit Etat autonome neutralisé, elle ne s'opposera pas à ce que les parties septentrionale et méridionale de l'Albanie soient, si tel est le désir de la France, de la Grande Bretagne et de la Russie, partagées entre le Monténégro, la Serbie et la Grèce. La côte à partir de la frontière méridionale de la possession italienne de Vallone (voyez article 6) jusqu'au cap Stylos sera neutralisée.

L'Italie sera chargée de représenter l'Etat d'Albanie dans ses relations avec l'étranger.

L'Italie accepte, d'autre part, de laisser dans tous les cas à l'est de l'Albanie un territoire suffisant pour assurer l'existence d'une frontière commune à la Grèce et à la Serbie à l'ouest du lac d'Ochrida.

Article 8.

L'Italie recevra l'entière souveraineté sur les îles du Dodécanèse qu'elle occupe actuellement.

Article 9.

D'une manière générale, la France, la Grande Bretagne et la Russie reconnaissent que l'Italie est intéressée au maintien de l'équilibre dans la Méditerranée et qu'elle devra, en cas de partage total ou partiel de la Turquie d'Asie, obtenir une part équitable dans la région méditerranéenne avoisinant la province d'Adalia où l'Italie a déjà acquis des droits et des intérêts qui ont fait l'objet d'une convention italo-britannique[1]. La zone qui sera éventuellement attribuée à l'Italie sera délimitée, le moment venu, en tenant compte des intérêts existants de la France et de la Grande Bretagne.

Les intérêts de l'Italie seront également pris en considération dans le cas où l'intégrité territoriale de l'Empire Ottoman serait maintenue et où des modifications seraient faites aux zones d'intérêt des Puissances.

Si la France, la Grande Bretagne et la Russie occupent des territoires de la Turquie d'Asie pendant la durée de la guerre, la région méditerranéenne avoisinant la province d'Adalia dans les limites indiquées ci-dessus sera réservée à l'Italie qui aura le droit de l'occuper.

Article 10.

L'Italie sera substituée en Lybie aux droits et privilèges appartenant actuellement au sultan en vertu du traité de Lausanne[2].

Article 11.

L'Italie recevra une part correspondant à ses efforts et à ses sacrifices dans l'indemnité de guerre éventuelle.

Article 12.

L'Italie déclare s'associer à la déclaration faite par la France, la Grande Bretagne et la Russie à l'effet de laisser l'Arabie et les lieux saints musulmans en Arabie sous l'autorité d'un pouvoir musulman indépendant.[3]

---

[1] Имеется в виду соглашение между итал. синдикатом и англ. компанией Смирна—Айдинской ж. д. от 19/6 мая 1914 г. об англ. и итал. ж. д. в Малой Азии.

[2] См. стр. 5, прим. 1.

[3] Ср. №№ 352 и 400.

Article 13.

Dans le cas où la France et la Grande Bretagne augmenteraient leurs domaines coloniaux d'Afrique aux dépens de l'Allemagne, ces deux Puissances reconnaissent en principe que l'Italie pourrait réclamer quelques compensations équitables, notamment dans le règlement en sa faveur des questions concernant les frontières des colonies italiennes de l'Erythrée, de la Somalie et de la Lybie et des colonies voisines de la France et de la Grande Bretagne.

Article 14.

La Grande Bretagne s'engage à faciliter la conclusion immédiate, dans des conditions équitables, d'un emprunt d'au moins £ 50 000 000 à émettre sur le marché de Londres.

Article 15.

La France, la Grande Bretagne et la Russie appuieront l'opposition que l'Italie formera à toute proposition tendant à introduire un représentant du Saint Siège dans toutes les négociations pour la paix et pour le règlement des questions soulevées par la présente guerre.

Article 16.

Le présent arrangement sera tenu secret. L'adhésion de l'Italie à la déclaration du 5 septembre 1914 sera seule rendue publique aussitôt après la déclaration de guerre par ou contre l'Italie.

Après avoir pris acte du mémorandum ci-dessus, les représentants de la France, de la Grande Bretagne et de la Russie, dûment autorisés à cet effet, ont conclu avec le représentant de l'Italie, également autorisé par son gouvernement, l'accord suivant:

La France, la Grande Bretagne et la Russie donnent leur plein assentiment au mémorandum présenté par le gouvernement italien.

Se référant aux articles 1, 2 et 3 du mémorandum, qui prévoient la coopération militaire et navale des quatre Puissances, l'Italie déclare qu'elle entrera en campagne le plus tôt possible et dans un délai qui ne pourra excéder un mois à partir de la signature des présentes.

En foi de quoi les soussignés ont signé le présent accord et y ont apposé leurs cachets.

Fait à Londres, en quadruple original, le 26 avril 1915.

Benckendorff. Paul Cambon. E. Grey.

Impériali.

Перевод.

По распоряжению своего правительства, итальянский посол в Лондоне маркиз Империали имеет честь сообщить статс-секретарю по иностранным делам, достопочтенному сэру Э. Грею и их превосходительствам французскому послу г. П. Камбону и российскому послу графу Бенкендорфу следующий меморандум:

МЕМОРАНДУМ.

Статья 1.

Военная конвенция будет немедленно заключена между французским, великобританским, российским и итальянским генеральными штабами; эта конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австро-Венгрии с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии, в случае, если Россия решила бы направить свои главные силы против Германии.

Военная конвенция урегулирует вопрос о перемириях, зависящих по существу от главного командования армиями.

Статья 2.

Италия, со своей стороны, обязуется использовать все свои силы для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов.

Статья 3.

Французский и английский флоты будут оказывать активную и постоянную помощь Италии до уничтожения австрийского флота или до заключения мира.

Франция, Великобритания и Италия незамедлительно заключат по этому поводу морскую конвенцию.

Статья 4.

По мирному договору Италия получит Трентино, Цизальпинский Тироль, с его географической и естественной границей (границей Бреннера), а также Триест, графства Горицу и Градиску, всю Истрию до Кварнеро, включая Воloску и истрийские острова Керсо, Луссин, а также малые острова Плавник, Уние, Канидоле, Палаццуола, Сан-Пьетро-ди-Немби, Азинелло, Груиццу и соседние островки.

Примечание.

Граница, необходимая для выполнения статьи 4, будет намечена следующим образом:

От вершины Пиц-Умбрайль до пункта к северу от Стельвио она пройдет по хребту Ретийских Альп до истоков Адидже и Эйзака, проходя по горам Решен, по Бреннеру и по возвышенностям Этца и Циллера. Граница затем направится на юг, пересечет гору Тоблак и сольется с нынешней границей Карнийских

Альп. Она пойдет по этой границе до горы Тарвиз и дальше по водоразделу Юлийских Альп, через перевал Предиль, гору Мангар, Трикорно (Триглав) и по водоразделу Подбердо, Подланискам и Идрии. От этого пункта граница пойдет в юго-восточном направлении к Шнебергу, оставляя вне пределов итальянской территории весь басссейн Савы и ее притоков; от Шнеберга граница опустится к берегу, включая Кастуа, Матулью и Волоску в итальянскую территорию.

Статья 5.

Италия получит также провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах, на севере включая Лиссарику и Трибанию и на юге до линии, идущей от мыса Планка на побережьи на восток по вершинам возвышенностей, образующих водораздел, таким образом, что все долины и потоки, спускающиеся к Себенико, как Чикала, Керка, Бутисница и их притоки, остаются в пределах итальянской территории. Она получит также все острова, расположенные к северу и к западу от Далмации, от Премуды, Сельве, Ульбо, Скерды, Маона, Паго и Пунтадуры на севере—до Меледы на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лиссу, Лессину, Торколу, Курцолу, Каццу и Лагосту, а также окрестные скалы и островки и Пелагозу, за исключением только островов Большая и Малая Цирона, Буа, Сольта и Брацца.

Нейтрализованы будут:

1) Весь берег от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Саббиончелло на юге, охватывая таким образом весь этот полуостров. 2) Часть побережья, начиная на севере от точки, расположенной на 10 километров к югу от мыса Рагуза Веккиа и вниз на юг до реки Воюсы, так чтобы охватить залив и порты Каттаро, Антивари, Дульциньо, Сан-Джиованни-ди-Медуа, Дураццо, не нарушая прав Черногории, вытекающих из деклараций, которыми державы обменялись в апреле и мае 1909 г. Эти права, распространяющиеся только на территории, принадлежащие в настоящее время Черногории, не могут быть распространены на территории и порты, которые могут быть предоставлены Черногории. Вследствие этого ни одна часть побережья, ныне принадлежащего Черногории, не может быть нейтрализована. Остается в силе ограничительное условие для порта Антивари, на которое сама Черногория согласилась в 1909 г. 3) И наконец, острова, которые не будут предоставлены Италии.

Примечание.

Перечисленные ниже территории Адриатики будут четырьмя союзными державами предоставлены Хорватии, Сербии и Черногории.

В Верхней Адриатике весь берег от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, охватывая венгерское ныне побережье и весь берег Хорватии с портом Фиуме и малыми портами Нови, Карлопаго, а также острова Велью, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе. В Нижней Адриатике,—в области, в которой заинтересованы Сербия и Черногория,—весь берег от мыса Планки до реки Дрина с важными портами Спалато, Рагуза, Каттаро, Антивари, Дульциньо и Сан-Джиованни-ди-Медуа и острова Большая и Малая Цирона, Буа, Солта, Брацца, Жаклиан и Каламотта. Порт Дураццо предоставляется независимому мусульманскому Албанскому государству.

Статья 6.

Италия получает в полное суверенное владение Валону, остров Сасено и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов (между Воюсой на севере и на востоке и приблизительно до северной границы округа Химара на юге).

Статья 7.

Если Италия получит Трентино и Истрию, согласно статьи 4, Далмацию и острова Адриатики в пределах, указанных в статье 5, и Валонскую бухту (статья 6) и если центральная часть Албании сохранится для создания небольшого автономного нейтрального государства, она не будет противиться разделу северных и южных частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией, если таково желание Франции, Великобритании и России. Побережье от южной границы итальянского владения Валоны (см. ст. 6) до мыса Стилос будет нейтрализовано.

Италии будет поручено представлять Албанское государство в его внешних сношениях.

Италия соглашается, с другой стороны, во всяком случае оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера.

Статья 8.

Италия получит в полное суверенное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

Статья 9.

Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что, в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции, она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалии, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британской конвенции. Зона, которая будет эвентуально предоставлена Италии, будет в свое время установлена, причем будут учтены существующие интересы Франции и Великобритании.

Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в случае, если территориальная неприкосновенность Оттоманской империи будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах влияния отдельных держав.

Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то средиземноморская область, смежная с провинцией Адалии, в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее.

Статья 10.

Италии будут предоставлены в Ливии права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора.

Статья 11.

При возмещении военных издержек настоящей войны Италия получит долю, соответствующую ее усилиям и жертвам.

Статья 12.

Италия заявляет о своем присоединении к декларации, сделанной Францией, Великобританией и Россией по поводу сохранения Аравии и мусульманских священных мест в Аравии под независимой мусульманской властью.

Статья 13.

В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний.

Статья 14.

Англия обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях займа не менее 50 000 000 фунтов стерлингов к выпуску на лондонском рынке.

Статья 15.

Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать сопротивление, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя святейшего престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвинутых настоящей войной.

Статья 16.

Настоящее соглашение будет храниться в тайне. Только присоединение Италии к декларации 5 сентября 1914 г. будет опубликовано немедленно после объявления войны Италией или Италии.

Ознакомившись с вышеизложенным меморандумом, представители Франции, Великобритании и России, должным образом на то уполномоченные, заключили с представителем Италии, равным образом уполномоченным своим правительством, следующее соглашение:

Франция, Великобритания и Россия изъявляют полное согласие с меморандумом, представленным итальянским правительством.

Ссылаясь на статьи 1, 2, 3 меморандума, предусматривающие военное и морское сотрудничество четырех держав, Италия заявляет, что она вступит в войну как можно скорее и в срок, не превышающий одного месяца со дня подписания настоящего (соглашения).

В удостоверение изложенного нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Составлено в Лондоне в четырех экземплярах, 26 апреля 1915 г.

Бенкендорф. Поль Камбон. Э. Грей. Империали.

№ 613. Декларация, которой Франция, Великобритания, Италия и Россия обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей европейской войны [1].

Le gouvernement italien ayant décidé de participer à la présente guerre avec les gouvernements français, britannique et russe et d'adhérer à la déclaration faite à Londres le 5 septembre 1914, par les trois gouvernements précités,

les soussignés, dûment autorisés par leurs gouvernements respectifs, font la déclaration suivante:

«Les gouvernements français, britannique, italien et russe s'engagent mutuellement à ne pas conclure de paix séparée au cours de la présente guerre.

Les quatre gouvernements conviennent que, lorsqu'il y aura lieu de discuter les termes de la paix, aucune des Puissances alliées ne pourra poser des conditions de paix sans accord préalable avec chacun des autres alliés».

En foi de quoi les soussignés ont signé la présente déclaration et y ont apposé leurs cachets.

Fait à Londres, en quadruple original, le 26 avril 1915.

Benckendorff. Paul Cambon.
E. Grey. Impériali.

Перевод.

Ввиду решения итальянского правительства принять участие в настоящей войне совместно с правительствами французским, великобританским и российским и присоединиться к декларации, подписанной в Лондоне 5 сентября 1914 г. тремя названными выше правительствами,

нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные соответствующими правительствами, делают следующую декларацию:

«Французское, великобританское, итальянское и российское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Четыре правительства соглашаются, что, когда наступит время обсудить основы мира, ни одна из союзных держав не сможет устанавливать мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

В подтверждение чего нижеподписавшиеся подписали настоящую декларацию и приложили к ней свои печати.

Составлено в Лондоне в четырех экземплярах, 26 апреля 1915 г.

Бенкендорф. Поль Камбон.
Э. Грей. Империали.

---

[1] Заголовок оригинала. Печатается с подлинника, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

№ 614. Декларация [1].

Secrète.

La déclaration du 26 avril 1915, par laquelle la France, la Grande Bretagne, l'Italie et la Russie s'engagent à ne pas conclure de paix séparée au cours de la présente guerre européenne, restera secrète.

Après la déclaration de guerre par ou contre l'Italie, les quatre Puissances signeront une nouvelle déclaration identique qui sera rendue publique à ce moment.

En foi de quoi les soussignés ont signé la présente déclaration et y ont apposé leurs cachets.

Fait à Londres, en quadruple original, le 26 avril 1915.

Benckendorff. Paul Cambon.
E. Grey. Impériali.

Перевод.

Секретно.

Декларация от 26 апреля 1915 г., коей Франция, Великобритания, Италия и Россия обязуются не заключать сепаратного мира в течение нынешней европейской войны, останется секретной.

После объявления войны Италией или против нее четыре державы подпишут новую тождественную декларацию, которая будет в этот момент опубликована.

В доказательство этого нижеподписавшиеся подписали настоящую декларацию и приложили к ней свои печати.

Составлено в Лондоне в четырех экземплярах, 26 апреля 1915 г.

Бенкендорф. Поль Камбон.
Э. Грей. Империали.

№ 615. Нота российского посла в Лондоне статс-секретарю по иностранным делам Грею.

26/13 апреля 1915 г.

Mr. le secrétaire d'Etat,

Par ordre de mon gouvernement, j'ai l'honneur d'informer votre excellence que je suis chargé, en signant l'acte constatant l'accession de l'Ita-

[1] Тел. от 26/13 апр. за № 278 Бенкендорф сообщил, что в этот день утром Империали передал Грею пожелание Соннино, вызванное соображениями внутренней политики и опасением получить упреки в агрессивных планах против Австрии и Германии, «чтобы декларация о присоединении была подписана сегодня, но для даты было оставлено белое место, чтобы акт о присоединении Италии был помечен более поздней датой, чем объявление войны». По словам Бенкендорфа, Грей отказался это сделать и предложил подписать публикуемую декларацию, которая для ускорения дела была подписана Бенкендорфом без предварительного запроса Сазонова. Декларация печатается с подлинника, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

lie à l'alliance de la Russie, de la France et de la Grande Bretagne de porter à votre connaissance, que la Russie considère les engagements intervenus antérieurement entre les alliés pour le règlement des questions relatives à la paix future comme devant conserver leur pleine valeur et comme ne pouvant plus être soumis à aucune révision du fait de l'accession de l'Italie [1].

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. статс-секретарь,

По предписанию моего правительства имею честь уведомить ваше превосходительство, что мне поручено, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу России, Франции и Великобритании, довести до вашего сведения, что Россия считает принятые ранее союзниками обязательства для урегулирования вопросов, касающихся будущего мира, сохраняющими свою полную силу и не могущими быть подвергнуты никакому пересмотру в связи с присоединением Италии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 616. Нота статс-секретаря по иностранным делам Грея российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

26/13 апреля 1915 г.

Your Excellency,

I have had the honour to receive Your Excellency's note of this day informing me on behalf of your Government that in signing the instrument recording the accession of Italy to the alliance between Russia, Great Britain and France, Russia considers that the engagements previously taken by the Allies for the solution of questions relative to the future peace retain their full value and cannot be submitted to any revision by reason of the accession of Italy.

I have the honour to inform Your Excellency that His Majesty's Government are fully in accord with the Imperial Russian Government and give their adhesion to the said note.

I have the honour to be etc.

Grey.

---

[1] Ср. К-поль и Пр., I, стр. 334. Аналогичная нота была в тот же день вручена Бенкендорфом франц. послу в Лондоне Камбону. Все эти ноты печатаются с подлинников, хранящихся в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

Перевод.

Ваше превосходительство,

Я имел честь получить ноту вашего превосходительства от сегодняшнего числа, сообщающую мне, по поручению вашего правительства, что, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу между Россией, Великобританией и Францией, Россия считает, что принятые ранее союзниками обязательства для разрешения вопросов, касающихся будущего мира, сохраняют свою полную силу и не могут быть подвергнуты никакому пересмотру в силу присоединения Италии.

Честь имею уведомить ваше превосходительство, что правительство его величества вполне согласно с императорским правительством и присоединяется к указанной ноте.

Примите и пр.

Грей.

№ 617. Нота французского посла в Лондоне Камбона российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

26/13 апреля 1915 г.

Mr. l'ambassadeur et cher collègue,

Par sa note en date de ce jour, votre excellence veut bien me faire savoir qu'en signant l'acte constituant l'accession de l'Italie à l'alliance de la Russie, de la France et de la Grande Bretagne, elle est chargée par son gouvernement de porter à ma connaissance que la Russie considère les engagements intervenus antérieurement entre les alliés pour le règlement des questions relatives à la paix future comme devant conserver leur pleine valeur et comme ne pouvant plus être soumis à aucune révision du fait de l'accession de l'Italie.

En accusant reception à votre excellence de cette communication, j'ai l'honneur de lui faire savoir que je suis autorisé à déclarer que mon gouvernement est en complet accord avec le gouvernement impérial russe sur la valeur des arrangements antérieurs entre les alliés et qu'il donne sa pleine adhésion à votre note de ce jour.

Veuillez agréer etc.

Paul Cambon.

Перевод.

Г. посол и дорогой коллега,

Нотой от сего дня ваше превосходительство благоволили поставить меня в известность, что, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу России, Франции и Великобритании, вам предписано вашим правительством уведомить меня, что Россия считает принятые ранее союзниками обязательства для урегулирования вопросов, касающихся будущего мира, сохраняющими свою полную силу и не могущими быть подвергнутыми никакому пересмотру в связи с присоединением Италии.

Подтверждая вашему превосходительству получение этого сообщения, я имею честь поставить вас в известность, что мне поручено заявить, что мое правительство находится в полном согласии с императорским правительством о значении ранее состоявшихся между союзниками соглашений и что оно вполне присоединяется к вашей сегодняшней ноте.

Примите и пр. П. Камбон.

№ 618. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

№ 587. 26/13 апреля 1915 г.

Доверительно.

Вследствие постоянных вторжений болгарских чет в пределы Сербии, которые своей численностью и своим способом действия, а также совершенными зверствами превосходят даже памятные зверства времен турок, королевское сербское правительство возложило на королевскую сербскую миссию довести до сведения императорского министерства иностранных дел о следующем:

Королевское сербское правительство еще в прошлом году сделало державам Тройственного согласия заявление по вопросу о некоторых компенсациях, которые сербское правительство могло бы дать Болгарии в том, конечно, случае, если Сербия получит с другой стороны территориальные приращения и если Болгария выступит вместе с державами Тройственного согласия или ее нейтралитет будет благожелательным для Тройственного согласия и Сербии[1]. Сербия это сделала исключительно для того, чтобы искренно выйти навстречу державам Тройственного согласия и таким образом облегчить их дипломатический труд.

От того времени уже прошло несколько месяцев, а поведение Болгарии становилось все хуже и хуже. В то время, когда Болгария делала заявления о своем нейтралитете, болгарские четники, формированные австро-венгерскими агентами в Болгарии, покушались на наши транспорты, шедшие по Дунаю или по железнодорожной линии Солунь — Скоплье, все время переходили нашу границу, наводя страх на наших мирных граждан, убивая наших солдат и разнося их трупы самым варварским и гнусным образом буквально на куски, как, например, во время последнего их вторжения у Валандова, где участвовало 3000 опытных болгарских борцов.

Свыше 300 сербских солдат не только были убиты, но многие из них исколоты и заживо сожжены.

Этого Сербия никогда не забудет Болгарии и не простит ей.

[1] См. т. VI, № 205.

Ввиду подобного образа действия Болгарии и ее явного соучастия с врагами Сербии, союзницы держав Тройственного согласия, Болгария потеряла все права на получение каких бы то ни было концессий в виде исправления границ.

Сербская народная скупщина, армия и правительство настолько оскорблены этим враждебным поведением Болгарии, что предоставление Болгарии даже самых незначительных территориальных концессий является совершенно невозможным.

№ 619. Николай II президенту Французской республики Пуанкаре.

Телеграмма[1]. 26/13 апреля 1915 г.

Très cher et grand ami,

Je tiens d'autant plus à vous remercier pour votre télégramme[2] que j'y ai relevé avec plaisir les bonnes dispositions de la France quant à la défense des intérêts des peuples slaves à l'heure du règlement final.

Je vous remercie également d'avoir bien voulu me confirmer le parfait accord qui règne entre nos deux gouvernements sur la stabilité des ententes préalablement établies entre les Alliés.

Veuillez croire à mon amitié fidèle et sincère[3].

N i c o l a s.

Перевод.

Дорогой и высокий друг,

Я тем более благодарен вам за вашу телеграмму, что я с удовольствием усмотрел в ней добрые намерения Франции в области защиты интересов славянских народов в момент окончательного мира.

Равным образом я признателен вам за то, что вы пожелали подтвердить полное согласие, существующее между нашими двумя правительствами по вопросу о незыблемости ранее заключенных между союзниками соглашений.

Прошу вас верить чувствам верной и искренней дружбы.

Н и к о л а й.

№ 620. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 1877. 26/13 апреля 1915 г., 11 ч. утра

Сообщается в Париж и Лондон с просьбой принять соответствующие меры и ответить по телеграфу.

По дошедшим до императорского министерства сведениям, известный Спиромилио вербует агитаторов и ввозит тайно из Греции в Химару оружие в целях вызвать эллинское движение на Южную Албанию.

---

[1] Опубл. L. N., III, p. 131.

[2] См. № 598.

[3] Ср. К-поль и Пр., I, стр. 334.

Ввиду осложнений, которые могут быть таким путем созданы, благоволите напомнить эллинскому правительству неоднократно дававшиеся им обещания не допускать нарушения нынешнего положения в Албании и Эпире и избегать всего того, что могло бы увеличить беспокойство на Балканах [1].

Сазонов.

№ 621. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 277 [2]. 26/13 апреля 1915 г.

Reçu votre télégramme No 1798 [3].

Nicolson me dit qu'aucun des points qui paraissent être l'objet de la mission qui aurait été confiée au prince Georges de Grèce ne sera considéré par le gouvernement anglais. Elliot a reçu instruction faire entendre au gouvernement grec ce qui précède de façon la plus catégorique. Je dis à Nicolson que le prince Georges paraît très à tort espérer que Russie sympathiserait à ses projets, que tout au contraire Russie s'y opposait absolument. Nicolson me répondit, que de façon tout aussi peu explicable le prince paraît compter sur sympathie d'Angleterre ce qui est une complète erreur. En réponse à ma question Nicolson me dit qu'il ne savait rien d'une arrivée du prince Georges à Londres.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1798.

Никольсон сказал мне, что ни один из пунктов, которые, повидимому, составляют предмет миссии, якобы возложенной на принца Георгия греческого, не будет принят в соображение великобританским правительством. Эллиот получил предписание дать понять вышеуказанное греческому правительству самым категорическим образом. Я сказал Никольсону, что, повидимому, принц Георгий совершенно напрасно надеется, что Россия сочувствует его проектам, что, напротив, Россия абсолютно противится им. Никольсон ответил мне, что, в силу таких же малопонятных причин, принц, повидимому, рассчитывает на симпатию Англии, что является совершенным заблуждением. В ответ на мой вопрос Никольсон сказал мне, что он ничего не знает о приезде принца Георгия в Лондон.

Бенкендорф.

---

[1] Тел. от 27/14 апр. за № 145 Демидов сообщил, что в ответ на его представление, поддержанное англ. и франц. посланниками, Гунарис заявил, что Спиромилио находится в Афинах и что «он этим воспользуется, дабы выяснить его намерения».

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 221.

[3] Ошибка в номере. В черновом отпуске, хранящемся в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне, имеется № 1800 (см. № 572).

№ 622. Итальянский министр иностранных дел Соннино итальянскому послу в Петрограде Карлотти.

Телеграмма [1]. 26/13 апреля 1915 г.

Télégramme du Cabinet No 251. Secret.

J'ai télégraphié à notre ministre à Stockholm:

«Le ministre de Suède est venu aujourd'hui me trouver pour me dire que le roi de Suède l'avait chargé d'attirer mon attention sur le danger que l'Italie sorte de la neutralité ce qui pourrait avoir aussi une influence sur les résolutions de la Suède. Le roi l'avait chargé aussi d'en parler à notre souverain pour lui signaler ce danger.

Le baron Bildt a longuement parlé en faveur de la cause de la neutralité en me demandant une réponse. Le baron a parlé tout le temps comme si c'était indubitable que si la Suède entre dans la lutte elle se trouverait du côté de l'Allemagne.

J'ai répondu que rien n'était encore décidé, que la situation était toujours encore indécise parce que les concessions autrichiennes, dont nous avions parlé à maintes reprises, avaient été reconnues insuffisantes. Que je ne pouvais rien dire ne voulant point augmenter les interminables combinaisons, dont il y a déjà trop et qui ont rendu la situation encore plus difficile et ne l'ont point améliorée. Que nous ne voyons pas d'obstacles à ce que le baron s'adresse à sa majesté en lui signalant le désir du roi de Suède. Que nous ne réussirons pas à nous entendre parce que je ne comprenais point comment notre décision éventuelle pourrait avoir une influence quelconque sur le sort de la Suède qui n'a aucune question en commun avec nous ou qui concerne la Méditerranée.

Le baron Bildt m'a donné raison et en terminant a exprimé l'espoir qu'aucune hostilité ne se déclare entre nos deux pays.

Ce qui précède est destiné à votre information exclusivement personnelle avec la prière de me télégraphier tout ce que vous pourriez apprendre à ce sujet» [2].

Pour l'information exclusivement personnelle de votre excellence.

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с итальянского.

[2] Тел. от 28/15 апр. за № 266, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Соннино дополнительно извещал Карлотти, что Бильдт, по поручению короля, заявил ему о желательности сохранения Италией нейтралитета, так как в противном случае Швеция «будет вынуждена принять какое-либо решение в связи с изменением общего положения». Соннино ему ответил, что он «не понимает, почему Швеция может быть вынуждена, каково бы ни было поведение Италии, выйти из нейтралитета и побудить тем самым Россию, все стремления которой направлены ныне на овладение свободным морем на юге для получения широкого выхода, повернуть к своим старым целям, заключающимся в создании империи на северном море».

Перевод.

Секретно.

Телеграмма кабинета № 251.

Я телеграфировал нашему посланнику в Стокгольме:

«Шведский посланник посетил меня сегодня, чтобы мне сообщить, что шведский король поручил ему привлечь мое внимание на опасность выхода Италии из нейтралитета, что могло бы иметь влияние на решение Швеции. Король ему также поручил переговорить об этом с нашим монархом, дабы предупредить его об этой опасности.

Барон Бильдт долго говорил в пользу сохранения нейтралитета, желая получить от меня ответ. Барон говорил все время таким образом, как будто не подлежит сомнению, что если Швеция вступит в войну, то она будет находиться на стороне Германии.

Я ответил, что ничего еще не решено, что положение все еще неопределенно, так как австрийские уступки, о которых мы неоднократно говорили, были признаны недостаточными; что я ничего не могу сказать, дабы не увеличивать числа бесконечных комбинаций, коих уже слишком много и которые сделали положение еще более трудным и не улучшили его; что мы не встречаем препятствий к тому, чтобы барон обратился к его величеству, сообщив ему желание шведского короля; что нам не удастся сговориться, так как я не понимаю, каким образом наше эвентуальное решение могло бы иметь какое-либо влияние на судьбу Швеции, которая не имеет никаких интересов, общих с нами или касающихся Средиземного моря.

Барон Бильдт согласился со мною и при окончании разговора выразил надежду на то, что между нашими двумя сторонами не произойдет никаких враждебных действий.

Вышеизложенное предназначено исключительно для вашего личного сведения, и я вас прошу телеграфировать все, что вы могли бы узнать по этому вопросу».

Исключительно для личного сведения вашего превосходительства.

№ 623. Министр иностранных дел министру императорского двора Фредериксу.

Телеграмма № 1906. 27/14 апреля 1915 г.

Покорнейше прошу ваше сиятельство доложить государю императору следующую мою весьма секретную телеграмму:

Счастлив доложить вашему императорскому величеству, что соглашение с Италией на высочайше одобренных условиях подписано в Лондоне вчера.

По этому случаю английский король поручил своему послу в Петрограде доставить вашему императорскому величеству следующую телеграмму, которую, за неимением в военно-походной канцелярии шифра для передачи телеграмм на английском языке, осмеливаюсь повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение в русском переводе:

«Сегодня 26 апреля состоялось подписание договора о присоединении Италии к нашему общему союзу. Нравственное впечатление от этого, когда настанет время огласить совершившееся, будет весьма благоприятно. Я не могу достаточно поблагодарить вас за великую помощь, которую вы оказали, содействовав успешному завершению трудных переговоров, и я высоко ценю и в высшей степени признателен вам за все, что вы сделали в этом отношении.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить вам мое восхищение славными подвигами ваших доблестных войск, и с полной уверенностью взираю на окончательную победу над нашими врагами».

Подписано: Георг[1].

Приемлю смелость испрашивать высочайших указаний, не угодно ли будет вашему императорскому величеству, ввиду необходимости временно сохранить в тайне состоявшееся соглашение, повелеть мне передать в Лондон секретным шифром министерства иностранных дел всемилостивейший ответ на означенную телеграмму, подлинник коей отправляется вместе с моим всеподданнейшим докладом с сегодняшним фельдъегерем.

Сазонов.

№ 624. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

·/. Телеграмма № 1908[2]. 27/14 апреля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Великобританский посол сообщил мне, что Греем получены из Афин указания на твердое намерение эллинского начальника генерального штаба и министра иностранных дел воспользоваться первым удобным случаем, чтобы свести счеты с Болгарией[3]. Начальник генерального штаба предложил сербам прислать в Ниш две лучшие греческие дивизии, дабы броситься на болгар, как только последние объявят мобилизацию. Ввиду этого великобританскому посланнику в Афинах предписано сделать возможно безотлагательно внушение министру

---

[1] Текст этот тел. был передан Бьюкененом пам. запиской от 27/14 апр., на которой имеется помета: «Ответная телеграмма отправлена государем императором непосредственно королю Георгу». Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 222.

[3] Тел. от 27/14 апр. Гудим-Левкович, со своей стороны, сообщал в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба, что греч. ген. штаб «настаивает на плане действий через Дедеагач, т. е. через болгарские земли; если же болгары воспротивятся, то рассчитаться с ними, рассчитывая на помощь сербов».

иностранных дел, что великобританское правительство относится крайне отрицательно ко всякому выступлению эллинского правительства, способному вызвать трения его с Болгарией. Несогласия между балканскими государствами не только причинят им прямой вред, но и отвратят от них сочувствие и благоволение Великобритании, особенно озабоченной поддержанием между ними добрососедских отношений [1].

Благоволите высказаться перед Гунарисом в таком же смысле от имени императорского правительства [2].

Сазонов.

№ 625. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 279. 27/14 апреля 1915 г.

Reçu No 1798 [3].

Grey me renseigne que rien n'indiquait que Perse eût intention sérieuse déclarer guerre à la Turquie, mais qu'alliance de la Perse à la Turquie serait à cause conséquences très sérieuses aux Indes et ailleurs désastreuse pour l'Angleterre, que Turcs et Allemands continuent en Perse travail obstiné et constant, qu'il était obligé prendre en considération leurs efforts et qu'il n'avait d'autres moyens pour contrecarrer agitation ennemie que de promettre le cas échéant certain appui et de ne pas décourager entièrement Perse quand elle s'adresse à lui. Grey ajoute que du reste il n'a jamais parlé qu'au nom de l'Angleterre, pas en celui de la Russie, qu'il ne demande pas en cette occasion pour représentant anglais appui du nôtre à Teheran, qu'il comprend très bien les difficultés qu'une entrée en campagne de la Perse pourrait nous créer. Il me répéta qu'il n'y croyait pas et que s'il avait chargé Buchanan de vous prevenir, c'est qu'il pensait vous faire savoir toutes les considérations de Townley.

Benckendorff.

---

[1] Согласно англ. пам. записке от 26/13 апр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 221), которую Сазонов имеет в виду, англ. посланнику была также дана инструкция, чтобы воен. агент не вел разговоров, которые могли бы быть поняты как поощрение к нападению на Болгарию.

[2] Об этой инструкции Демидову Сазонов известил Бьюкенена пам. запиской от 27/14 апр. за № 456 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 223). Тел. от 28/15 апр. за № 251 Извольский сообщил, что Делькассе обещал дать аналогичное предписание франц. посланнику в Афинах.

[3] См. № 565.

Перевод.

Получил № 1798.

Грей меня осведомил, что нет никаких указаний на то, что Персия имеет серьезное намерение объявить войну Турции, но что союз Персии с Турцией был бы из-за весьма серьезных последствий в Индии и в других местах губителен для Англии, что турки и немцы продолжают в Персии упорную и настойчивую работу, что он вынужден считаться с их усилиями и что он не имеет других средств, дабы противодействовать вражеской агитации, как обещать при случае некоторую поддержку и не разочаровывать совершенно Персию, когда последняя к нему обращается. Грей добавил, что, впрочем, он всегда говорил лишь от имени Англии, а не от имени России, что он в данном случае не просит, чтобы наш посланник в Тегеране оказал поддержку английскому представителю и что он вполне понимает те затруднения, которые могут для нас создаться вступлением Персии в войну. Он мне повторил, что он не верит этому, и что если он поручил Бьюкенену предупредить вас, то он сделал это, желая поставить вас в известность о всех соображениях Тоунлея.

Бенкендорф.

№ 626. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 486. 27/14 апреля 1915 г.

Пашич сказал мне, что вопрос о притязаниях Италии, о котором сегодня он был запрошен в скупщине, вызывает растущую тревогу в Сербии. Он отдает себе отчет в трудностях, которые встречаются особенно со стороны наших союзников, поставивших себе главною целью какою угодно ценою купить выступление Италии. Однако, по его словам, в Лондоне и Париже, исходя из национального принципа, стесняются открыто отказывать в удовлетворении справедливых притязаний славян и отсылают в Петроград, утверждая, что дело решено согласно нашему желанию. Получается впечатление, что, сваливая ответственность на Россию, наши союзники одновременно оказывают, будто бы, давление на нас, дабы добиться уступок Италии. Престолонаследник и совет министров снова настаивают, чтобы он — Пашич — поехал в Россию, дабы договориться по этому и по другим вопросам, ибо притязания Румынии в Банате не менее тревожат здешние политические круги. Я сказал Пашичу, что положение всех этих вопросов мне неизвестно, но я уверен, что у нас делают все возможное в интересах Сербии. Тем не менее весьма возможно, что чисто военные соображения вынуждают на некоторые уступки. Его поездка мне лично представлялась бы несвоевременной, во-первых, потому, что в такую минуту едва ли осторожно оставлять Сербию, во-вторых, потому, что если известные уступки были бы у нас вынуждены, то тем тяжелее было бы нам отказать ему — Пашичу — в его ходатайствах. Буду

признателен вам за указания по этому вопросу, к которому Пашич, несомненно, скоро вернется. Престолонаследник, которого сегодня видел, также встревожен. Он мне сказал, что вопрос об уступках Италии представляется особенно несвоевременным теперь, накануне перехода в наступление, ибо понизит настроение. Он совершенно убежден, что уступки Италии создадут повод к неизбежной новой войне.

Трубецкой.

№ 627. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Депеша № 16. 27/14 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Чем ближе подходим мы к решительным действиям, коими определится исход войны, тем больше беспокойства обнаруживается здесь насчет судьбы смежных областей Австрии, на присоединение коих сербы возлагают горячие надежды.

Мне совершенно неизвестно, в каких условиях происходит обмен мнений между державами Согласия и Италией, есть ли что-нибудь окончательно договоренное между обеими сторонами, насколько велики уступки, которые мы считаем себя вынужденными сделать, и чем они обусловливаются. Я не знаю также, как оценивает штаб верховного главнокомандующего вооруженное содействие Италии. Все это я оговариваю на случай возможной ошибочной оценки с моей стороны всех этих условий, имеющих определяющее в данном случае значение. Я позволю себе поэтому представить соображения по этому вопросу лишь с общей политической точки зрения и под углом зрения местных условий.

До недавнего времени, насколько я могу судить по получавшимся мной указаниям, вопрос о сербских приобретениях ставился в тесную связь с уступками, которые требовались от Сербии в пользу Болгарии. Определялся минимум того, что может быть обеспечено Сербии державами за максимум того, что от нее потребуется. Таким образом в суждении об этом вопросе отправной точкой являлись интересы сербской государственности. Помимо вознаграждения за жертвы принималась во внимание необходимость обеспечить выход Сербии к морю и оградить безопасность Белграда, находящегося под ударом врага.

Эта точка зрения была, естественно, усвоена в начале войны, когда особенно существенным представлялось скорейшее вступление в действие нейтральных — Болгарии, которой нужно было обеспечить Македонию, чего нельзя было достигнуть без обещания Сербии соответ-

ствующих приращений, и Италии, ради которой приходилось считаться с пределами этих приращений.

Время однако проходит. Нейтральные государства продолжают пользоваться войной для обделывания мелких торгашеских делишек и выторговывания обещаний обеих воюющих сторон, чтобы нажиться на чужой крови. К сожалению, эта тактика принесла им несомненные выгоды, что только укрепило их в желании дождаться для выступления той минуты, когда без всякого риска можно одерживать победы. Не мне судить, насколько основательна надежда вывести их из этого выжидательного состояния, но я не могу не высказать личного убеждения, что если это, наконец, случится и Италия выступит, то это будет потому, что она убедится, что риск прошел и главная тяжесть жертв уже принесена другими. Если это так, то нельзя будет не спросить себя: ради чего же державами будут сделаны уступки Италии, и какова будет цена этих уступок?

Снова оговариваясь в своей некомпетентности, я не могу отделаться от мысли, что итальянская армия сама по себе мало чего стоит, и что если б, академически рассуждая, сегодня нами был заключен отдельный мир с Австрией, то завтра последняя могла бы поколотить Италию. Меня укрепляет в этой мысли убеждение, что австрийские славяне с гораздо большим убеждением и охотой будут драться против Италии, чем против нынешних противников Австрии.

Если это так, то не слишком ли переоценивается нашими союзниками мощь Италии, не слишком ли предупредительны они к ее желаниям, которые от этого возрастают, и не правильнее ли было бы более твердо и решительно сказать, на что может надеяться римский кабинет и на что он не в праве рассчитывать.

Такая постановка вопроса, казалось бы, может увенчаться тем большим успехом, что разумные итальянские политики не могут не понимать всей внутренней и внешней опасности, которая будет создана присоединением славянских областей. Самая возможность возникновения подобного соблазна в стране, выросшей и окрепшей на почве народного ирредентизма, понятие коего родилось в Италии, не происходит ли, с одной стороны, вследствие потакания этому соблазну нашими союзниками, а с другой—вследствие того обстоятельства, что итальянская политика подменила государственные соображения еврейским гешефтом?

Между тем, если можно опасаться, что Италия выступит ценой лишь нашего согласия на присоединение славянских областей, и притом в такую минуту, когда можно будет обойтись и без ее помощи.

то не следует ли взвесить еще раз все значение подобных уступок?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отвлечься от оценки его с точки зрения сербской государственности. Допустим, что она получит достаточное экономическое и стратегическое удовлетворение. Можно подумать, что в таком случае не о чем больше говорить и что идеологическая сторона дела — судьба славянских областей, преобладающее вероисповедание коих католическое, — не может приниматься нами чрезмерно в рассчет.

С моей личной точки зрения такое рассуждение в корне неверно. Сущность вековых отношений России и славянства такова, что, хотим мы этого или нет, от идеологии мы убежать не можем. Мне не надо искать доказательств, когда нынешняя война за независимость Сербии еще не закончена и требует от нас потоков крови, на которые не скупится и которых не жалеет русский народ.

Представим же себе, что будет, если Италия с нашего согласия завладеет значительной частью Далматинского побережья. Не будет ли это повторением Берлинского конгресса с его последствиями, от тяжести коих мы еще не освободились. Сербский ирредентизм родился в Боснии и Герцеговине. Сараевское убийство и нынешняя война — его результаты. Неужели нельзя избежать повторения того же горького опыта теперь по отношению к Италии?

В свое время наши противники в Берлине поддержали Австрию в ее захватных стремлениях, дабы противопоставить эту державу как оплот против России и славянства. Неужели теперь к подобному же результату нас побудят наши союзники, и что они от этого выиграют? Для меня несомненно, что Италия, удовлетворенная в своих законных народных стремлениях, получив земельные приращения в Малой Азии, должна стать верным членом Четверного согласия. Ее экономические интересы заставят ее дорожить наилучшими отношениями с соседними славянами, у которых найдет применение итальянская предприимчивость. Удержаться на побережьи Эгейского моря она в состоянии также лишь при условии солидарности с державами Согласия.

Наоборот, в тот день, когда та же Италия завладеет частью Далмации, она с исторической неизбежностью станет на путь, проделанный Австрией. Тяготение к Сербии присоединенного Италией населения приведет в конце концов к обострению отношений между обеими державами, а при этом условии, как можно рассчитывать на то, чтобы Италия и Россия были в одной группе держав? Если и будут временные комбинации такого характера, они не будут прочнее того соглашения,

которое до 1908 года существовало у нас с Австрией[1]. Италии не останется ничего другого, как искать возобновления союза с Германией и такого же подчинения последней, какое было у Австрии. Таким образом главный результат нынешней войны — обезврежение Германии — едва ли в полной мере будет достигнут.

На ком тяжелее это отзовется, на России или на Франции, для которой союз с нами после победоносной войны станет гораздо более необходимым, чем для нас, — об этом ей было бы хорошо подумать. Для нас же неизбежная зависимость от нас Франции и необходимость ее бережно относиться к разумным желаниям России, казалось бы, может сослужить полезную службу не только в этом одном вопросе, затрагивающем наши прямые интересы.

На Балканах усиление Италии отразится как прямой ущерб нашему влиянию.

Ставши на место Австрии, Италии придется неизбежно усвоить себе и приемы ее политики. Она будет заигрывать с Болгарией и Румынией за спиною России и Сербии.

Когда я себе представляю все эти возможные и вероятные уступки державе, которая хорохорится и трусит и, казалось бы, так мало заслуживает пока внимания, которое ей оказывается, я себя невольно спрашиваю: неужели столько жертв, столько крови не дадут нам прочного мира, и неужели мы не приобретем гораздо больше от нейтральных в тот день, когда они действительно поймут, что они гораздо больше нуждаются в нас, чем мы в них?

Примите и пр.

Трубецкой.

№ 628. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Письмо № 156. Рим, 27/14 апреля 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вернувшийся на этих днях из Ниша эмигрант-хорват Трумбич посетил меня вчера накануне своего отъезда в Лондон. В Ниш он ездил для свидания с Пашичем, от которого желал получить разъяснение создавшегося положения вещей заведенными, будто бы, в Лондоне переговорами союзных держав с Италией по вопросу о вступлении ее в ряды воюющих и об уступке ей известных территорий славянского

---

[1] Повидимому, имеется в виду австро-русское соглашение 1897 г. и Мюрцштегская конвенция 1903 г. о реформах в Македонии.

побережья Адриатики, на которые она может рассчитывать в случае принятия участия в войне на нашей стороне.

По словам моего собеседника, Пашич высказал намерение содействовать всеми доступными ему средствами осуществлению политического объединения с Сербиею сербских и хорватских земель Австро-Венгрии, но при этом определенно заявил, что до окончания войны он ни в какие переговоры по этому вопросу с союзными державами, а еще менее с Италиею, вступать не считает возможным.

В пояснение поездки Трумбича в Ниш и сделанного ему Пашичем заявления считаю необходимым представить вам некоторые подробности тех данных, которые изложены в моих кратких телеграммах от 18[1] и 20 марта[2].

Сообщение Супило из Петрограда о создавшейся для сербов и хорватов крайне, по его мнению, неблагоприятной обстановке фактом лондонских переговоров произвело на здешних эмигрантов впечатление тем более тревожное, что еще незадолго до того переданные Супило сведения о результатах его пребывания в Петрограде укрепили в них надежду на вожделеемое австро-венгерскими славянами разрешение вопроса о будущности их земель, прилегающих к побережью Адриатики, то есть Истрии и в особенности Далмации.

Но что еще более, чем телеграмма Супило, повергло в уныние этих эмигрантов, так это сообщение Трумбичу бывшим управляющим сербскою миссиею в Риме Михайловичем содержания своей доверительной беседы с Соннино. Со слов Михайловича Трумбич тогда же мне передал, что итальянский министр иностранных дел определенно заявил, что в своих переговорах с державами Тройственного согласия Италия предъявляет требование об обеспечении за нею обладания Триестом с Истриею, Фиуме, всеми островами Кварнеро и Далмациею вплоть до устья Наренты. Соннино прибавил Михайловичу, что Италия готова войти в переговоры с Сербиею на предмет выяснения подробностей этого дела, будет ждать определенных предложений

---

[1] Тел. от 31/18 марта за № 55, пересланной через Крупенского, Гирс сообщил, что Трумбич передал ему содержание полученной из Петрограда от Супило тел., согласно которой «положение вопроса о будущей судьбе земель Северной Адриатики значительно ухудшилось». В тел. Гирса от 3 апр./21 марта за № 58 сообщалось, что в ответ на запрос Трумбича Супило подтвердил, что Италия требует «обладания побережьем Адриатики от нынешней границы до устья Наренты». Трумбич просил англ. посла в Риме передать в Лондон, что «хорваты никогда не примирятся с переходом Фиуме и Далмации в руки Италии».

[2] Тел. Гирса от 2 апр./20 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена; повидимому, речь идет о тел. от 3 апр./21 марта за № 58 (см. предыдущее прим.).

со стороны последней и охотно их обсудит. По словам Трумбича, Михайлович был ошеломлен всем слышанным от министра иностранных дел Италии и не скрыл от него своего впечатления.

В заключение этих кратких справок о том, что произошло среди здешних сербо-хорватских эмигрантов в связи с пребыванием Супило в Петрограде, позволю себе высказать вам впечатление, которое я вынес из сношений моих с ними за время свыше полугода.

Деятельность этих эмигрантов в Риме практических и плодотворных результатов не дала. Она породила оживленную полемику в печати и лишь подчеркнула непримиримость притязаний на все восточное побережье Адриатики двух несомненно и глубоко враждебных друг другу народностей. Мне думается поэтому, что благодаря наличности такой вражды надежды на добровольный и разумный компромисс между ними могут не оправдаться, и практически вопрос сведется, в зависимости от хода событий, к замене одного ирредентизма другим. Который из них окажется безопаснее для дела мира и для установления прочного порядка вещей в бассейне Адриатики, — с уверенностью предугадать, конечно, не берусь; слишком разнообразны и противоречивы политические и экономические интересы двух главных групп населения этой области, как и сложны высшие задачи и требования воюющих народов великодержавных, в особенности те, которые касаются привлечения Италии к участию в войне.

Примите и пр.

А. Гирс.

№ 629. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

№ 635. 28/15 апреля 1915 г

Сербский посланник М. Спалайкович, свидетельствуя свое совершенное почтение его высокопревосходительству Сергею Дмитриевичу, имеет честь сообщить для сведения телеграмму г. председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича от (27) 14 апреля с. г. следующего содержания:

«С тех пор, как нам стало известно, что значительная часть наших соплеменников и их земли будут жертвованы Италии, я стал получать весьма серьезные сведения о том, что среди сербов, хорватов и словинцев в Австро-Венгрии царит большое возбуждение. Их предводители просили меня самым энергичным образом протестовать против этого и поставить в известность заинтересованные державы, что эти народы охотнее согласятся остаться под властью Австро-Венгрии, чем быть присоединенными к Италии. Далее эти народные предводители

поклялись организовать и вести жестокую борьбу с итальянской армией, если она явится к ним в виде завоевательницы. Сообщите для сведения о сем императорскому правительству, подчеркнув, что это обстоятельство нельзя игнорировать при обсуждении вопроса о выступлении Италии в настоящей войне».

№ 630. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу и поверенному в делах в Риме Поггенполю.

Телеграмма № 1944. 28/15 апреля 1915 г.

Согласно статье 1-й состоявшегося договора с Италией, генеральные штабы четырех союзных держав должны немедленно заключить военное соглашение, и французское правительство предлагает, чтобы переговоры по этому поводу велись в Париже [1].

Принимая однако во внимание, что одним из пунктов этого соглашения должно быть установлено количество русских войск в Галиции, и что именно между сухопутными действиями итальянских и русских войск естественно должна быть наиболее тесная связь вследствие общности противника, казалось бы всего целесообразнее, чтобы переговоры о согласовании этих военных действий велись здесь, в ставке верховного главнокомандующего, причем итальянское правительство для этой цели могло бы снабдить надлежащими полномочиями здешнего своего военного агента полковника Рополо, пользующегося доверием великого князя Николая Николаевича. Результаты этих переговоров могли бы быть сообщены французскому и великобританскому главнокомандующим и затем согласованы с теми решениями, которые одновременно могли бы быть выработаны в Париже относительно взаимодействия морских сил союзников в Адриатике, а также сухопутных сил Италии на других театрах войны.

Благоволите спешно переговорить в этом смысле с правительством, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 631. Директор канцелярии министерства иностранных дел генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего Данилову.

Письмо № 63. 28/15 апреля 1915 г.

М. г. Юрий Никифорович,

Принося вашему высокопревосходительству выражение искренней признательности за доставленную мне при отношении от [28] 15 мар-

[1] См. № 610.

та с. г. за № 1839 весьма секретную карту [1], считаю долгом уведомить, что эта карта вместе с изложенными в помянутом отношении соображениями составила предмет внимательного изучения со стороны министерства иностранных дел.

Могу заверить ваше высокопревосходительство, что сознавая всю важность наилучшего обеспечения нашей государственной границы с точки зрения стратегической, министерство иностранных дел в предстоящих переговорах с Румынией будет иметь в виду высказанные вами пожелания. Тем не менее считаю долгом упомянуть, что императорскому правительству нельзя будет не считаться с некоторыми связывающими его обязательствами. Последние были приняты с высочайшего соизволения государя императора в такую минуту, когда политическое направление Румынии еще не определилось [2] и нельзя было иметь уверенности, что она не примкнет к нашим врагам в силу лежавших на ней обязательств, а потому приходилось ограждать себя от подобного оборота событий, представлявшего для нас, особенно в начале войны, значительную опасность.

Согласно упомянутым обязательствам, в основу будущего русско-румынского размежевания в Буковине должно быть положено этнографическое начало, и лишь путем взаимных уступок можно надеяться добиться некоторых отступлений от этого начала, чтобы, насколько возможно, приблизиться к намеченным вашим высокопревосходительством границам.

Необходимо однако обратить внимание на то, что залогом безопасности являются не только стратегические условия пограничной полосы, но и добрососедские отношения, построенные на прочных основаниях, исключающих наличность национального «ирредентизма».

В заключение считаю долгом отметить, что, по имеющимся в министерстве иностранных дел сведениям, румынское правительство не намерено выступить против Австро-Венгрии иначе, как заручившись предварительно от нас точным обозначением будущих земельных приращений Румынии. Таким образом румынское выступление будет, вероятно, поставлено в зависимость от определения будущей границы, и нам придется взвесить, что̀ в данную минуту является для нас наиболее важным: скорейшее привлечение нового союзника или отстаивание возможно большего расширения наших владений в Буковине, рискуя при этом вновь испортить отношения с Румынией?

Примите и пр. Шиллинг.

[1] См. приложение к тому.

[2] См. т. VI, № 340.

№ 632. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

28/15 апреля 1915 г.

Посещение министра итальянским послом и разговор о взаимодействии между Италией и державами Согласия и о Румынии.

В это первое свидание с министром по подписании Лондонского соглашения итальянский посол не без волнения выразил министру свое живейшее удовольствие по поводу установившихся отныне между Россией и Италией союзнических отношений. Министр, в свою очередь, высказал послу свое удовлетворение, напомнив, что он уже давно работал в этом направлении и что если сближение между обоими государствами не состоялось раньше, а именно уже со времени итало-турецкой войны, то вина за это падает не на него. При этом С. Д. Сазонов отдал полную справедливость маркизу Карлотти, личные качества которого и искреннее стремление к осуществлению означенного сближения сыграли видную роль в этом деле, явившись во многие трудные минуты полезным противовесом направленной в другую сторону политики итальянского кабинета при маркизе ди Сан-Джулиано.

Обсуждая предстоящую новым союзникам задачу, итальянский посол обратил внимание на желательность побудить и Румынию выступить одновременно с Италией. Упомянув о полученных им в этом отношении указаниях, он предложил свои услуги в качестве посредствующего звена между императорским правительством и румынскими дипломатами на случай, если бы по ходу переговоров такое посредничество могло оказаться иногда желательным. С. Д. Сазонов поблагодарил посла и сказал, что со своей стороны, желая привлечь на сторону союзников Румынию, он готов вести переговоры с последней в самом примирительном духе, под условием, чтобы и румыны считались со справедливыми пожеланиями России.

№ 633. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 284. 28/15 апреля 1915 г.

Personnel.

Le sentiment de satisfaction qui a présidé à signature du traité du 5 septembre [2] ne s'est pas renouvelé avant hier. Même Impériali éprouvait

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XXXI, стр. 6.

[2] См. т. VI, № 220.

intérieurement des inquiétudes pour l'avenir. Cambon seul, fort inquiet par hésitation italienne des derniers jours, paraissait soulagé d'un grand poids. Les imperfections du traité au point de vue slave étaient manifestes pour tous et pour moi, bien sûr, plus péniblement que pour les autres. Permettez moi pourtant d'être convaincu qu'il ne nous a pas été possible de résister plus longtemps à instances de nos alliés. Toutes les autorités militaires étaient unanimes pour déclarer l'alliance italienne urgente. Obtenir plus de l'Italie aurait demandé temps considérable. Négocier en temps de paix pour une guerre éventuelle est tout différent que de négocier au moment critique de guerre avec Puissance qui négocie des deux côtés et à laquelle circonstances donnent un poids hors mesure avec sa valeur intrinsèque. Informée du fait de nos négociations, l'Allemagne, plus sa situation devenait critique, devait amplifier ses offres, tout d'abord au dépens des intérêts et du littoral slave, finalement au dépens même de l'Autriche sur laquelle elle ne compte guère plus. Pour se sauver l'Allemagne aurait tout sacrifié. Le moment était peut-être arrivé où l'Italie aurait obtenu l'essentiel de ses aspirations pour le prix de sa neutralité. C'est à cette neutralité que l'Allemagne devait tenir tout d'abord. Tous les intérêts italiens se trouvant dès lors dépendre de ceux de l'Allemagne, cette neutralité serait devenue bénévolente. Elle assurait pour tout le temps de la guerre le ravitaillement à l'Allemagne. C'est probablement ce que l'Allemagne avait surtout en vue, c'est précisément ce que nos alliés redoutaient le plus parce que leurs protestations contre des abus italiens de neutralité n'auraient eu aucun poids ni d'autres résultats que le danger de jeter finalement contre la France toute l'armée italienne. Même sans cette extrémité, la puissance de l'Allemagne se trouverait renforcée à un degré jugé ici des plus critiques, autrement dit une partie du rôle de la flotte anglaise se trouverait neutralisée et ses efforts, jusqu'ici satisfaisants, d'isoler l'Allemagne définitivement — paralysés, un résultat sérieux pour tous, mais dont France surtout était suprêmement inquiète. Imposer pareille situation à nos alliés eût, dans une certaine mesure, réagi sur nos rapports avec eux. Je crois que cela était infaillible et très contraire à nos propres intérêts. Je ne me permets d'en juger que pour ce qui regarde mes observations, sans parler du compte à tenir d'une opinion publique italienne d'ailleurs pas tout à fait unanime, ni de considérations plus... d'impression sur les autres pays neutres. Veuillez excuser long télégramme sur point de vue retrospectif tout personnel que je tenais à vous exprimer.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Чувство удовлетворения, которое сопровождало подписание договора от 5 сентября, не возобновилось третьего дня. Даже Империали внутренно испытывал беспокойство за будущее. Лишь один Камбон, который был очень обеспокоен колебаниями Италии за последние дни, казался избавленным от большого гнета. Несовершенства договора с славянской точки зрения были очевидны для всех, и, конечно, для меня, притом для меня это было более тягостно, чем для других. Тем не менее позвольте мне быть убежденным в том, что для нас было невозможно больше сопротивляться настояниям наших союзников. Все военные авторитеты были единогласны в своем мнении о настоятельной необходимости итальянского союза. Добиться большего от Италии потребовало бы значительного времени. Одно дело — договариваться в мирное время по поводу эвентуальной войны, и совсем другое — вести переговоры в критический момент войны с державой, ведущей их на обе стороны и которой обстоятельства придают вес, не соответствующий ее действительному значению. Осведомленная о наших переговорах, Германия, по мере того, как положение ее становилось более критическим, должна была расширять свои предложения сначала за счет славянских интересов и побережья и, наконец, за счет Австрии, на которую она совсем больше не рассчитывает. Чтобы спасти себя, Германия пожертвовала бы всем. Быть может, наступил бы момент, когда Италия могла бы получить самое существенное из ее притязаний в обмен за свой нейтралитет. Именно этому нейтралитету Германия должна была прежде всего придавать значение; так как все итальянские интересы зависели бы тогда от интересов Германии, нейтралитет этот стал бы доброжелательным. Он обеспечил бы на все время войны снабжение Германии продовольствием. Это, вероятно, то, что Германия имела в виду, и именно то, чего больше всего опасались союзники, так как их протесты против нарушений Италией нейтралитета не имели бы никакого значения и не дали бы других результатов, кроме опасности того, что на Францию могла бы в конце концов обрушиться вся итальянская армия. Даже помимо этой крайности, мощь Германии была бы увеличена до угрожающих, по господствующему здесь мнению, размеров, иначе говоря, значение английского флота было бы отчасти нейтрализовано, и давшие до сих пор удовлетворительные результаты усилия Англии окончательно изолировать Германию были бы парализованы. Подобный результат имел бы серьезное значение для всех, но особенно Франция была бы им в высшей степени обеспокоена. Если бы мы создали для наших союзников подобное положение, то это отразилось бы в известной мере на наших взаимоотношениях с ними. Я считаю это неизбежным и идущим совершенно в разрез с нашими собственными интересами. Я позволяю себе об этом судить лишь по моим наблюдениям, не принимая в рассчет ни итальянского общественного мнения, — впрочем не вполне единодушного, — ни соображения более... о впечатлении на другие нейтральные страны. Благоволите извинить длинную телеграмму, излагающую совершенно личную ретроспективную точку зрения, которую я желал вам высказать.

Бенкендорф.

№ 634. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 239 [1]. 28/15 апреля 1915 г.
Лично.

Из прибывшей сюда и отправляемой сегодня же в Петроград экспедиции Демидова я впервые ознакомился с подробностями последних переговоров между Афинами и державами Согласия. Главное требование греков — гарантии территориальной неприкосновенности Греции, — конечно, заключает в себе опаснейший залог болгаро-греческого конфликта в будущем. Не зная всей совокупности политических обстоятельств, обусловливающих вышеупомянутые переговоры, с местной точки зрения, нахожу, что, может быть, было бы полезно ранее принятия нами на себя требуемой греками гарантии заявить болгарскому правительству, что если мы сговоримся с греками, то болгарам придется навсегда оставить всякие мечты о Кавале. Это могло бы послужить стимулом для выступления Болгарии. Кроме того, чем более будет у нас помощников при взятии Константинополя, тем нам будет легче справиться с претензиями каждого из них. Здесь имеются указания, что даже Англия не примирилась бы вполне с нашим будущим господством на Проливах.

Савинский.

№ 635. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 50. 28/15 апреля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Наш военный агент сообщил своему ведомству в подробной телеграмме замечания по поводу рассчетов черногорского правительства, положенных в основу испрашиваемого у держав Согласия нового кредита на военные надобности в размере свыше 8 000 000 франков единовременно и около 3 000 000 ежемесячно в течение предстоящего полугодия. Сверх того, испрашивается единовременно 17 000 000 специально на оружие и боевые припасы. Общая сумма кредита превышает 43 000 000 франков. Разобрав упомянутые рассчеты совместно с начальником черногорского генерального штаба, сербским генералом Янковичем, генерал Потапов усматривает чрезмерные преувеличения в предвидениях здешнего правительства и приходит к заключению о полной возможности свести испрашиваемый единовременно кредит с 8 000 000 на 4 000 000, а ежемесячный с 3 000 000 на 1 300 000. Что касается специального 17 000 000-ного кредита, то Янкович, возбудивший бы-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 278.

ло первоначально вопрос об этом ассигновании, ныне заявил доверительно нашему военному агенту, что он сомневается в возможности приобрести в течение войны весь указываемый материал, почему и опасается, как бы черногорцы, в случае одобрения этого кредита, необходимость которого после состоявшегося ассигнования державами 8 000 000 на те же нужды не является столь настоятельной, не обратили отпускаемых сумм на посторонние надобности. Из откровенной беседы с везущим этот проект в Париж бывшим первым министром Радовичем, деятелем весьма добросовестным, я убедился, что этот 17 000 000-ный кредит действительно не особенно необходим черногорцам. Все ассигнование сведется таким образом к уже разрешенным 8 000 000 на вооружение [1] плюс 4 000 000 ... и ежемесячный кредит в 1 300 000 на военные надобности. Вполне разделяя соображения нашего военного агента, считаю долгом поддержать новое ходатайство черногорцев именно лишь в (потребном) им размере. Особая часть ходатайства, касающаяся испрашиваемого отдельного кредита черногорским банкам и ассигнований на возвращение черногорских эмигрантов, в общей сумме 2 200 000, признается нами едва ли заслуживающей удовлетворения, ибо при организации кредита, отпускаемого за границею, банки эти служат лишь передаточной инстанцией, а эмигранты, не вернувшиеся до сих пор, по всей вероятности, и вообще не вернутся [2]. Отмечаю желательность соблюдения следующих основных положений: 1) дабы избежать злоупотреблений, а равно и уклонений неустойчивых черногорских правителей от подчинения объединенным планам союзников, единовременные и ежемесячные кредиты должны быть подчинены контролю здешних представителей держав Согласия и генерала Янковича; 2) ежемесячный кредит следовало бы возобновлять в начале каждого месяца. Подлинный текст черногорского ходатайства со всеми приложениями высылается французским и английским посланниками и мною с упомянутым Радовичем в необходимом количестве экземпляров в Париж, откуда будет доставлен вашему высокопревосходительству с ближайшею оказией [3].

Обнорский.

---

[1] См. стр. 33, прим. 3.

[2] Тел. от 20/7 мая за № 71 Обнорский передал ходатайство черног. прав-ва о содействии росс. консульствами делу возвращения на родину проживающих в Америке военнообязанных черногорцев. Считая нужным поддержать это ходатайство, Обнорский указывал, что исполнению его «придается большое значение в смысле не только военном, но и экономическом».

[3] При письме от 23/10 апр. Обнорский препроводил ноту Пламенаца от 20/7 апр. трем представителям держав Согласия, в которой последний испрашивал

№ 636. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

29/16 апреля 1915 г.

The Bulgarian Minister called on Sir E. Grey on April 27/14 and requested a reply to the communication which he had made some time previously [2] to the effect that unless the three Powers made precise proposals to Bulgaria, the latter would not be able to bind herself to them in advance.

Sir E. Grey took the opportunity to make some frank remarks to the Bulgarian Minister. He informed him that from their previous discussions together the Bulgarian Minister should be well aware of the general conditions held out by the three Allies, but that precise proposals could only be made by them in concert. The Allies had nothing to show that the King of the Bulgarians was friendly to their cause; in fact from indications which had reached them it would seem the King was even ill disposed towards them. It was not for the Allies to beg Bulgaria to help them, and unless they were definitely assured that the King and the Bulgarian Government were willing, on reasonable conditions, to make common cause with the three Powers, the latter could not formulate precise proposals. The Bulgarian Minister, in his communication, had not stated positively that Bulgaria would throw in her lot with the Allies, should she obtain definite conditions, but had merely made a negative statement.

The Bulgarian Minister alluded to the fact that Mr. Venizelos had been ready to concede Kavala to Bulgaria, on which he laid some stress. Sir E. Grey pointed out, that though the concession of Kavala might not be impossible, some compensation for it would have to be found for Greece. The compensation mentioned by Mr. Venizelos in his disclosures — namely the Smyrna region would be at the expense of Great Britain and represented the only existing British railway interest in Asia Minor. His Majesty's Government might be prepared to make this sacrifice if thereby an agreement might be secured among all the Balkan

---

для черног. прав-ва кредит в размере 26 214 500 франков (6 048 500 франков единовременно, около 3 000 000 ежемесячно в течение 6 месяцев и 2 200 000 фр. на кредитование черног. банков и на возвращение черног. эмигрантов из Америки). При том же письме Обнорский препроводил другую ноту Пламенаца от 21/8 апр. на имя росс. представителя, в которой Пламенац просил снабдить росс. послов и воен. агентов в Париже и Лондоне инструкциями об оказании содействия миссии Радовича (дело ВИА Г. У. Г. Ш. 185 000).

[1] Лит. копия.

[2] Ср. № 498.

States; but unless definite and convincing evidence were forthcoming of the willingness of the King of Bulgarians and of the Bulgarian Government to throw in their lot with the Allies, His Majesty's Government would not consent to it. It was for the Bulgarian Government to make some definite overture to the three Allies.

The Bulgarian Minister remarked that according to his information the plans proposed to the Allies by Greece involved acts of hostility towards Bulgaria. Sir E. Grey assured him that so long as the attitude of Bulgaria gave the Allies no cause for complaint such ideas of hostility would receive no encouragement from them. They did not wish a new Balkan war but a Balkan agreement. As long as the attitude of Bulgaria was friendly, the Allies would not accept the cooperation of Greece or of any other country on a basis of hostility to Bulgaria.

The Bulgarian Minister observed that if Bulgaria decided to cooperate with the Allies independently of Greece and Roumania, she would require guarantees against attack by those two countries. To this Sir E. Grey remarked that he felt sure there would be no difficulty over obtaining such a guarantee in the event of Bulgarian cooperation.

Sir E. Grey also spoke to the Bulgarian Minister regarding the importance of preventing the Bulgarian bands from creating an incident which would involve the Bulgarian Government in hostility against the Allies.

Sir E. Grey has instructed His Majesty's Minister at Sofia to communicate the above conversation unofficially to the Bulgarian Minister for Foreign Affairs. Sir E. Grey desires to learn the views of the Russian and French Governments as to whether the Russian, French and British Representatives at Sofia should be authorised to inform the Bulgarian Opposition Leaders and Mr. Vladoff that the three Allies are prepared to make a satisfactory offer to Bulgaria provided neither Bulgarian bands nor any other Bulgarian forces violate Servian territory while the war is in progress, but that until they are assured that the King of the Bulgarians and the present Bulgarian Government are sufficiently well disposed to the three Allies to accept a reasonable offer if made to them, they are not able to do so.

It seems desirable to Sir E. Grey that the Bulgarian Opposition and Mr. Vladoff should not be led by the King of the Bulgarians to imagine that his attempts at overtures towards the three Allies have met with failure [1].

[1] В ответ на это в пам. записке от 30/17 апр. Нератов, полагая, что переговоры с представителями оппозиции могут только затруднить привлечение Болгарии на сторону держав Согласия, высказывался за желательность выступления в

Перевод.

Болгарский посланник посетил сэра Э. Грея 27/14 апреля и попросил дать ему ответ на его сообщение, которое он сделал некоторое время тому назад в том смысле, что Болгария не может связать себя заранее с союзниками, если последние не сделают ей определенных предложений.

Сэр Э. Грей воспользовался этим случаем, чтобы сделать болгарскому посланнику несколько откровенных замечаний. Он сказал, что из предыдущих их разговоров болгарский посланник мог узнать об общих условиях, предложенных тремя союзниками, но что определенные предложения могут быть только сделаны ими совместно. Союзники не имеют никаких доказательств, что болгарский король дружески относится к их делу; в действительности, по полученным ими сведениям, король, повидимому, дурно к ним расположен. Не дело союзников просить Болгарию помочь им; и пока они окончательно не убедятся, что король и болгарское правительство готовы на разумных условиях стать на сторону трех держав, последние не могут формулировать определенных предложений. В своем сообщении болгарский посланник не утверждал положительно, что Болгария на определенных условиях готова связать свою судьбу с союзниками, но сделал лишь отрицательное заявление.

Болгарский посланник намекнул на тот факт, что г. Венизелос был готов уступить Кавалу Болгарии, чему он придавал известное значение. Сэр Э. Грей указал, что хотя уступка Кавалы может оказаться возможной, но для Греции должны быть найдены за это некоторые компенсации. Упомянутая г. Венизелосом в его заявлении компенсация, а именно район Смирны, могла бы быть предоставлена лишь за счет Англии и затрагивает единственные существующие в Малой Азии английские железнодорожные интересы. Правительство его величества готово было бы принести эту жертву, если бы таким образом могло быть достигнуто соглашение между всеми балканскими государствами; но пока не станет определенно и вполне очевидно, что болгарский король и болгарское правительство согласны соединить свою судьбу с союзниками, правительство его величества не даст своего согласия на это. Болгарскому правительству надлежит сделать определенные предложения трем союзникам.

Болгарский посланник заметил, что, по его сведениям, в план, предложенный Грецией союзникам, входят военные действия против Болгарии. Сэр Э. Грей заверил его, что до тех пор, пока позиция Болгарии не будет давать союзникам повода к жалобам, подобные проекты враждебных действий не получат одобрения с их стороны. Они желают не новой балканской войны, но балканского соглашения. Пока позиция Болгарии будет дружественной, союзники не примут предложения сотрудничества со стороны Греции или какой-либо другой страны на основе враждебных действий против Болгарии.

Болгарский посланник сказал, что если Болгария решится на сотрудничество с союзниками независимо от Греции и Румынии, то она потребует гарантий против возможности нападения на нее со стороны этих двух стран. На это сэр Э. Грей заметил, что, как он уверен, получение подобной гарантии, в случае сотрудничества Болгарии, не представит никакого труда.

Софии в смысле пам. записки от 24/11 апр. (см. № 602), поставив о нем в известность Владова и лидеров оппозиции.

Сэр Э. Грей говорил также с болгарским посланником о необходимости не допускать создания инцидента болгарскими бандами, что могло бы вовлечь болгарское правительство во враждебные действия против союзников.

Сэр Э. Грей поручил посланнику его величества в Софии сообщить неофициально этот разговор болгарскому министру иностранных дел. Сэр Э. Грей желает знать взгляды российского и французского правительств на то, следует ли уполномочить российского, французского и английского представителей в Софии сообщить лидерам болгарской оппозиции и г. Владову, что трое союзников готовы сделать Болгарии предложение, могущее ее удовлетворить, под условием, что ни болгарские банды, ни другие болгарские силы не нарушат неприкосновенность сербской территории в течение войны, но что, пока они не уверены, что болгарский король и нынешнее болгарское правительство достаточно хорошо расположены к трем союзным державам, чтобы принять сделанное им разумное предложение, они не могут сделать такового.

Сэру Э. Грею представляется желательным, чтобы болгарская оппозиция и г. Владов не подумали под влиянием болгарского короля, что его попытки договориться с тремя союзниками потерпели неудачу.

№ 637. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

29/16 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador has the honour to inform the Imperial Minister for Foreign Affairs, under instructions from His Majesty's Secretary of State for Foreign Affairs, that the Roumanian Minister has pressed Sir E. Grey for a definite promise that the Theiss would be accepted as a boundary between Roumania and Servia [2].

Sir E. Grey replied that it was impossible to give such a promise; the views of the Russian and French Governments would have to be considered; and the distribution of territory in that region could not be settled behind the back of Servia. He was quite ready to discuss the question with the Allies but he did not think that it was specially suitable for discussion in London.

The Roumanian Minister admitted that the question of Bukovina was one to be settled in Petrograd.

Sir E. Grey suggested that if negociations took place between the various parties concerned it might be desirable that the negociations should be in Petrograd. London could not always be the centre of negociations. The Roumanian Minister also spoke to Sir E. Grey of the necessity of insuring regular supply of munitions of war to enable Roumania to take the field. These munitions of war were, he said, to be supplied by France.

[1] Лит. копия.

[2] Ср. № 555.

Sir E. Grey replied that this matter must be, and he hoped would be settled in France.

Перевод.

Посол его британского величества имеет честь согласно инструкциям статс-секретаря по иностранным делам уведомить императорского министра иностранных дел, что румынский посланник настоятельно добивался от сэра Э. Грея окончательного обещания, что река Тисса будет признана в качестве границы между Румынией и Сербией.

Сэр Э. Грей ответил, что дать подобное обещание невозможно; необходимо выяснить точку зрения российского и французского правительств; распределение территории в этом районе не может быть произведено за спиной Сербии. Он вполне готов обсудить вопрос с союзниками, но не думает, что обсуждать его было бы особенно уместно в Лондоне.

Румынский посланник согласился с тем, что вопрос о Буковине является одним из вопросов, которые должны быть урегулированы в Петрограде.

Сэр Э. Грей высказал мнение о желательности в случае начала переговоров между различными заинтересованными сторонами, чтобы они происходили в Петрограде. Лондон не может быть постоянно центром переговоров. Румынский посланник также говорил с сэром Э. Греем о необходимости обеспечить регулярную доставку военных припасов, дабы сделать для Румынии возможным выступление. Это военное снаряжение, сказал он, должно быть доставлено Францией.

Сэр Э. Грей ответил, что этот вопрос должен быть и, как он надеется, будет разрешен Францией.

№ 638. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

·/. Телеграмма № 1953. 29/16 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1522[1].

Сделанное вами Пашичу заявление вполне одобряется министерством[2]. Никаких новых данных, которые могли бы дополнить имеющиеся у нас сведения, он не в состоянии доставить нам. В нашем горячем желании отстаивать в границах для нас возможного славянские интересы ни престолонаследник, ни сербский совет министров сомневаться не могут. Если бы нам не удалось осуществить в самых широких размерах все славянские вожделения, причиною тому явились бы чрезвычайные обстоятельства. Следовательно, приезд Пашича был бы не только бесполезен[3] для дела славянства, но был бы связан с большою невыгодою оставления на некоторое время Сербии без муд-

[1] См. № 468.
[2] См. № 626.
[3] Вместо слова: «бесполезен» первоначально было написано: «опасен».

рого и опытного ее руководителя. Отклонение нами его приезда сюда Пашич мог бы использовать для своего оправдания в сербских политических кругах.

Сазонов.

№ 639. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 255. 29/16 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил № 1944 [1].

Тотчас переговорил в указанном смысле с Делькассе, который высказал мне нижеследующие личные соображения, которые, по его убеждению, отнюдь не противоречат желаниям верховного главнокомандующего: переговоры о количестве русских войск в Галиции и о согласовании действий сухопутных итальянских и русских войск, поскольку они касаются этого театра войны, очевидно, удобнее всего вести в ставке его высочества. Но одновременно с этим необходимо обсудить в Париже вопрос о взаимодействии как морских сил в Адриатике, так и сухопутных сил Франции, Англии и Италии на остальных театрах войны. Насколько ему известно, план итальянского генерального штаба состоит в том, чтобы, маскировав Трентино и не вступая в эту область, итти прямо на Лайбах и Клагенфурт по направлению к Вене. Во всяком случае выступление Италии на средне-европейском театре вызовет на западном фронте переброску германских сил. Поэтому необходимо согласовать итальянский план действий с планами французского и английского генеральных штабов. С этой целью сюда приезжают завтра специально командированные английские и итальянские сухопутные и морские офицеры генерального штаба. Делькассе считает весьма желательным, чтобы в этом обсуждении были уполномочены принять участие наши военный и морской агенты. Решения, которые будут здесь приняты, должны вслед за сим быть согласованы с теми, которые состоятся в ставке верховного главнокомандующего. Все вышеизложенное Делькассе высказал мне в виде личного своего мнения, он не преминет спешно обсудить настоящий вопрос с военным и морским министрами и даст мне окончательный ответ [2].

Извольский.

---

[1] См. № 630.

[2] Тел. эта была передана Сазоновым в ставку, и в ответ на нее Николай Николаевич сообщил тел. от 1 мая/18 апр., что его вполне удовлетворяет план итал. ген. штаба, имеющий в виду направление на Вену с заслоном на Трентино, и что переговоры о деталях в смысле связи с русскими действиями могут вестись в ставке.

№ 640. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

•/. Телеграмма № 149 [1]. 29/16 апреля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил ваш № 1908 [2].

Сделал предписанное вами внушение министру иностранных дел, который высказал мне недоумение по поводу столь незаслуженного на его взгляд подозрения великобританского и императорского правительств. Обвинение это в связи с упорным воздержанием Тройственного соглашения от ответа на греческие условия выступления ставит министра в крайне затруднительное положение и побуждает его думать, что личность его вообще не приходится по душе державам, в каковом случае он готов был бы покинуть пост, на котором он полагал оставаться лишь до выборов. В английском и нашем образе действий он, не без некоторого, впрочем, основания, усматривает давление в пользу возвращения Венизелоса к власти, что, по его мнению, в настоящее время несбыточно вследствие отношений с королем, которого мы рискуем таким способом сильно скомпрометировать. Ни он, Зографос, ни греческий генеральный штаб не имеют де вызывающих намерений против Болгарии, вдохновляясь исключительно видами обороны от коварной соседки, столь недавно еще доказавшей четническими набегами свое стремление покуситься на жизненные интересы Тройственного согласия, тогда как Греция предлагала союзнические свои услуги. Я возразил министру, что услуги эти, немалой ценой обусловленные, оказались бы абсолютно для нас непригодными с возгоранием греко-болгарского конфликта, который мы считаем по понятным причинам совершенно недопустимым; что императорское правительство озабочено главным образом сохранением между всеми балканскими государствами добрососедских отношений не только в видах дружественного их содействия общему делу, но и в целях их собственной выгоды; что настоящие переговоры носят характер дружественного, хотя и непоколебимого совета безотносительно к личностям. — Я указал, что удачно произведенная союзниками высадка в Дарданеллах [3] уже является прямым и неоспоримым опровержением утверждений штаба о неосуществимости десанта иначе как на болгарской территории, с чем министр не мог не согласиться.

Демидов.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 223.

[2] См. № 624.

[3] Десантные операции союзников на Галлипольском полуострове начались 25/12 апр. 1915 г.

№ 641. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 247. 29/16 апреля 1915 г.
Лично.

Продолжение моей телеграммы № 234 [1] и письма от [23] 10 апреля [2].

Братиану сказал мне, что он заедет ко мне завтра, дабы сообщить мне текст окончательных инструкций, которые будут протелеграфированы Диаманди. Он пока высказался лишь за необходимость для будущей Румынии иметь на юго-западе границей реку Тиссу, причем он находит, что присоединение к Румынии 200 000 сербов вполне компенсируется для Сербии обладанием долиной Тимока с 300 000 румынским населением и что Сербии вообще не следует утверждаться к востоку от Тиссы, точно так же, как Румыния не должна распространять своих владений по ту сторону Дуная. — Далее на северо-западе Румыния должна удовлетвориться искусственной границей, так как Братиану не считает возможным и желательным включить в ее будущие пределы Дебречинский округ с его довольно компактным венгерским населением.

Поклевский.

№ 642. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 497. 29/16 апреля 1915 г.

Ваша телеграмма № 1909 [3] получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 486 [4].

---

[1] См. № 590.

[2] Письмом от 23/10 апр. за № 135 Поклевский отмечал, что за последнее время в Румынии в связи с позицией Италии наблюдается настроение в пользу выступления на стороне Тройственного согласия. В том же письме он сообщал о заявлении Братиану, что заключению военной конвенции и вступлению Румынии в войну должно предшествовать соглашение с союзниками о будущей границе Румынии. Поклевский высказывал свое личное мнение, что в случае отказа России принять желательную для Румынии границу в Буковине «переговоры наши с Румынией затянутся», и это будет использовано противной стороной.

[3] Тел. от 27/14 апр. за № 1909 (опубл. Ц. Р., стр. 116) Сазонов, передавая Трубецкому содержание полученной им пам. записки серб. прав-ва от 26/13 апр. (см. № 618), сообщал о своем заявлении Спалайковичу, что Сербия «притязает на направление и разрешение всех выдвигаемых войной вопросов с сербской только точки зрения, не желая считаться с условиями общего для всех союзников дела», и что «сербское правительство должно положиться всецело на суждение и решение союзных держав». Тел. от 28/15 апр. за № 252 Извольский сообщил, что серб. прав-во обратилось с аналогичным заявлением к франц. прав-ву и что Делькассе «вполне разделяет» мнение Сазонова, изложенное в тел. № 1909.

[4] См. № 626.

Посетив меня сегодня, Пашич сказал, что, по его сведениям, нами еще не дано окончательного согласия на требования Италии и что вами прилагаются все усилия отстоять возможное, что вызывает с его стороны самое благодарное (чувство). Он просил, между прочим, обратить особенное внимание на значение отстоять Себенико и область реки Керки, где значительная часть населения—православные сербы. Из Себенико вышло много славянских деятелей, церковных и общественных. В городе Книн городской голова повешен австрийцами за славянские симпатии. По словам Пашича, известная твердость по отношению к притязаниям Италии тем более возможна, что эта держава так далеко зашла в своих военных приготовлениях и открыто занятом ею положении, что все равно его не может изменить. Полагая, что далматинский вопрос будет так или иначе разрешен в ближайшем времени, Пашич беспокоится насчет (Бачки) и Баната. Он надеется, что в вопросе сербо-румынского разграничения будет строго применено начало народного большинства, за исключением некоторых случаев, когда абсолютное большинство в данной местности принадлежит мадьярам или немцам, но где условия проведения границы требуют присоединения данной местности сербам или мадьярам[1]. В этом случае он надеется на применение начала относительного большинства. По всем этим вопросам он считал бы желательным свой приезд в Петроград чрез некоторое время. Я воспользовался случаем, чтобы сказать, что сербы предъявляют много просьб и встречают от нас готовность сделать все возможное. Тем более странное впечатление производит их заявление об отказе от каких-либо уступок. Так можно разговаривать с Болгарией, но не с державами Согласия, тем более, что последние, если понадобится, все равно настоят на своем. Пашич сослался на скупщину, которая не согласится на земельные уступки. Я возразил, что мы сослаться можем на будущий конгресс, который может поставить уступки условием приращений. Пашич сказал на это, что многие в Сербии предпочтут сохранить старое, чем приобрести новое. Я выразил надежду, что сам он не держится столь узкой точки зрения, и думаю, что, конечно, если обстоятельства и поведение Болгарии изменятся, то неподатливость сербов не будет безусловною. Надо однако считаться с фактом, что теперь едва ли можно будет добиться от сербов таких же уступок болгарам, как прежде, и что какое-либо слишком решительное представление держав имело бы, вероятно, результатом только смену кабинета, но не согласие. Разговор с Паши-

[1] Так в оригинале.

чем не выходил за рамки весьма дружественного личного обмена мнений. Он выразил убеждение, которое является здесь в печати и скупщине общим, что в руках России решится вся будущность южного славянства и что она не даст согласия на происки Италии ни в смысле земельных присоединений, ни образования самостоятельного хорватского королевства, имеющего целью создать искусственную рознь среди славянства.

Трубецкой.

№ 643. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1978 [1]. 30/17 апреля 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Вернувшийся сюда румынский посланник [2] еще не мог видеть министра, уехавшего на три дня из Петрограда, но сообщил французскому послу те требования [3], которыми Румыния намерена обусловить свое выступление, прибавив, что, по словам Братиану, Палеологу будет предписано поддержать таковые перед императорским правительством. Признав означенные требования чрезмерными, посол выразил сомнение, чтобы ему, как представителю союзницы России, могло быть поручено поддержать здесь подобные домогательства государства, до сих пор не принявшего участия в войне. С своей стороны прошу вас сказать Делькассе, что если, отступая от этнографического начала, Румыния будет настаивать на приобретении почти всей Буковины в ущерб русским интересам и всего Баната за счет сербов, то соглашение на такой почве может встретить непреодолимые затруднения. Поэтому я надеюсь, что союзные правительства не только не поддержат Румынии в указанном направлении, но дадут понять в Бухаресте, что если там действительно желают договориться с нами, необходимо умерить свои ничем не оправданные вожделения [4].

Нератов.

Правильно.

Станция Скуратово, [3 мая] 20 апреля 1915 г.

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 181.

[2] Ср. стр. 235, прим. 2.

[3] Слово: «требования» дважды подчеркнуто Николаем II.

[4] Ответной тел. от 1 мая/18 апр. за № 265 (опубл. Ц. Р., стр. 182) Извольский сообщил, что Делькассе «не преминет преподать румынскому правительству совет быть более умеренным в своих вожделениях».

№ 644. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

30/17 апреля 1915 г.

Итальянский посол передал барону Шиллингу текст полученной им из Рима телеграммы короля итальянского [2] на имя государя императора, которую ему поручено передать по высокому назначению тем способом, который он найдет наиболее удобным. Барон Шиллинг предложил послу передать его величеству, находящемуся на юге России, текст телеграммы во французском переводе с отправляемым каждый день фельдъегерем и, кроме того, для ускорения передать тот же текст по телеграфу, но в русском переводе, за неимением в походной канцелярии его величества французского шифра. Посол принял это предложение, причем вызвался доставить французский перевод телеграммы, прося однако считать итальянский текст официальным. На это барон Шиллинг возразил, что в таком случае официальный текст ответа должен будет быть на русском языке с приложенным французским переводом. Посол предпочел условиться считать для обеих телеграмм французский текст официальным и обещал прислать французский текст телеграммы итальянского короля. Что касается содержания телеграммы по существу, то барон Шиллинг заметил, что, не считая себя вправе подвергать критике слова короля, он тем не менее не может скрыть, что первая часть телеграммы, содержащая любезные слова по поводу заключенного союза, ему нравится более, нежели вторая, в которой несколько много места уделено советам, как относиться к пожеланиям Румынии.

По этому поводу разговор перешел на вопрос о переговорах касательно присоединения Румынии к союзникам. Маркиз Карлотти уже успел повидать накануне г. Диаманди, от которого услышал о больших требованиях, выставляемых Румынией для своего вступления в борьбу. Вместе с тем итальянский посол сказал, что ему поручено его правительством поддержать румын в Петрограде и приложить все старания к тому, чтобы переговоры с русским правительством как можно скорее привели к заключению соглашения [3]. Барон Шиллинг возразил, что, по его сведениям, Диаманди предупредил как французского, так и английского послов, что и они получат от своих правительств

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XXXI, стр. 7.

[2] См. № 646.

[3] Тел. от 29/16 апр. за № 472, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, рум. посланник в Лондоне Мишу известил, между прочим, Братиану о сделанном ему итал. послом доверительном сообщении, что он «получил инструкции защищать здесь наши (т. е. румынские) интересы».

подобные же указания, но что как г. Палеолог, так и сэр Дж. Бьюкенен разъяснили румынскому посланнику, что, в качестве представителей союзных держав, они в данном случае могут поддерживать лишь точку зрения России. Барон Шиллинг указал маркизу Карлотти на то, что именно такое отношение со стороны испытанных старых союзников было особенно оценено в Петрограде и что поэтому он позволил бы себе обратить внимание на желательность, чтобы и новые союзники вдохновились этим примером, так как едва ли здесь произведет благоприятное впечатление, если Италия на другой же день по заключении с нами союза станет оказывать на нас какое-либо давление, чтобы побудить нас сделать уступки Румынии, несогласные с нашими интересами.

В то время как итальянский посол был еще у барона Шиллинга, вошел румынский посланник. После нескольких минут общего разговора маркиз Карлотти уехал, и Диаманди сразу заговорил о заключенном между Италией и союзниками в минувший понедельник соглашении. Видимо, он был застигнут этим врасплох и остался весьма недоволен тем, что, по его выражению (в его разговоре с итальянским послом), у него этим была выбита из рук хорошая карта. Относительно главного предмета возложенных на него поручений он сказал только, что не считает удобным входить в подробное обсуждение отдельных пожеланий, которые Румыния выставляет условием своего присоединения к союзникам против Австрии, так как считает нужным прежде всего изложить эти условия самому министру иностранных дел. Он может лишь прибавить, что привез из Румынии самые лучшие вести, вполне подтверждающие его постоянный оптимизм насчет предстоящего выступления Румынии. По его словам, теперь все дело за Россией, которая сама может указать любой срок для выступления Румынии, причем, если бы она назначила срок слишком отдаленный, Румыния сама потребует его сокращения. «Мне поручено, — сказал он, — только выхватить у вас (vous extorquer) еще несколько ружей и патронов».

№ 645. Запись II политического отдела министерства иностранных дел.

30/17 апреля 1915 г.

Посещение советника II политического отдела Стояновичем и Беличем.

«Вы не хотели нашего приезда»,— начал Стоянович,— а мы всетаки приехали»[1].

[1] Ср. №№ 595 и 605.

На это ему было отвечено, что лично здесь ничего против них не имеют, что в министерстве руководствовались желанием уберечь их от утомления в пути и значительных расходов. К тому же здесь Стоянович и Белич рискуют быть использованными журналистами, которые гонятся за сенсационными известиями в целях агитации. Сербы не могут сомневаться в том, что мы всегда и всюду приложим все свои старания для осуществления сербских вожделений. К тому же мы достаточно знакомы со славянским вопросом и не нуждаемся в дополнительных сведениях по этнографии. Если, несмотря на это, по ходу событий мы очутились бы бессильными осуществить в самом широком размере все вожделения славян, — это произошло бы не от недостатка желания и не по неведению, а главным образом потому, что мы натолкнулись бы на непреодолимые препятствия. Сербы должны помнить, что у нас, кроме них, есть другие союзники, и союзники, которые ныне несут весьма крупные жертвы и едва ли намерены их нести без ограничения срока; так, например, французы, вовлеченные в настоящую войну, имевшую точкой отправления славянский вопрос, относятся к последнему все же далеко не с тем сочувствием, как мы.

Стоянович согласился с тем, что действительно внешним предлогом к войне послужил славянский вопрос. По его мнению, сербский народ отлично знает, что Россия за него заступается. Но в то же время он верит, что Россия может и что она одна может настоять на осуществлении всех национальных идеалов славян. Если бы при этом должны были быть принесены в жертву некоторые из сербских идеалов, нужно было бы подготовить к тому сербское общественное мнение и во всем держать в курсе Пашича. В Сербии главным элементом общественного мнения являются офицерство и вооруженный народ. И если армия узнает, что в угоду союзникам Россия пожертвовала интересами сербов, хорват и словинцев, у сербов пропадет энергия продолжать дальше титаническую борьбу с Австрией.

Белич перебил Стояновича и объявил, что злейшим врагом для славян является не Австрия, а Италия. Очень может быть, что перед сербами станет вопрос, не могут ли идеалы славян лучше быть удовлетворены обеими империями центра, нежели державами Тройственного согласия? Сербам тем легче перейти в противоположный лагерь и пойти на сепаратный мир, что в настоящую минуту сербская территория освобождена от врагов.

Стояновичу и Беличу было отвечено, что в случае, если бы мы держали Пашича в курсе, мы наверное натолкнулись бы на его отказ. Ему, Пашичу, выгоднее быть поставленным перед совершившимся фак-

том и не брать на себя ответственности за происшедшее. Если бы даже оказалось, что будут освобождены не все земли, ныне находящиеся под игом австрийцев, сербы не должны пугаться будущего и быть уверенными, что, освоив приращения нынешней войны, они легко справятся с итальянцами. Допустить же, что сербы могут перейти в противоположный лагерь было бы оскорблением их любви к родине.

Далее Стоянович указал на то, что, если России ради Франции и Англии приходится приобретать новых союзников, то не правильнее ли было бы и вознаграждать их за счет Франции уступкой, например, Италии Ниццы, Савойи, Туниса. За что же мы, сербы, сказал он, должны нести все жертвы? От нас отнимают земли итальянцы, румыны. Что же касается до болгар, то, слава богу, вопрос пересмотра Бухарестского мира ныне окончательно похоронен [1].

№ 646. Виктор-Эммануил Николаю II.

Телеграмма [2].

Je suis heureux que l'accord signé à Londres sanctionne la communauté de vues et d'intérêts de l'Italie et de la Russie et consolide les sentiments de sympathie qui existaient entre nos maisons, nos gouvernements et nos peuples. Je me souhaite que l'intervention de l'Italie puisse hâter la fin de la présente guerre et donner au plus tôt à l'Europe une assiette qui lui assure pour de longues années les bienfaits de la paix. Ce but sera atteint plus rapidement et plus facilement si avec l'Italie la Roumanie combattra à côté de la Triple Entente. Les dispositions de la Roumanie sont les plus favorables à cet égard, mais elle poursuit la satisfaction d'aspirations, qui requièrent surtout l'approbation de la Russie qui y est plus directement intéressée. Je crois que votre majesté attachera, ainsi que moi-même, une très grande importance au concours simultané de la Roumanie et de l'Italie. Je prie pourtant votre majesté de vouloir

---

[1] Стоянович и Белич были также у Сазонова. В делах б. м-ва ин. дел об этом свидании не сохранилось никаких следов, кроме тел. Бьюкенена Грею от 6 мая/23 апр. за № 622, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел. По словам Бьюкенена, когда оба посланца подробно изложили Сазонову притязания Сербии и отказ последней уступить Македонию Болгарии, Сазонов ответил, что «следовало бы предоставить державам разрешение вопроса, касающегося будущих взаимоотношений между Сербией и Болгарией». Призывая сербов к жертвам в Адриатике, он в то же время заверил их, что «интересы Сербии в Банате будут обеспечены».

[2] Текст тел. был передан в м-во ин. дел итал. послом в Петербурге, причем в оригинале дата отсутствует. Согласно поденной записи (см. № 644), она была передана 30/17 апр.

bien accueillir avec la plus grande bienveillance les demandes de la Roumanie en lui accordant des concessions aussi larges que possible.

Перевод[1].

Я счастлив, что подписанное в Лондоне соглашение освящает общность интересов и взглядов Италии и России, укрепляя взаимное сочувствие, существовавшее между нашими домами, нашими правительствами и нашими народами. Желаю, чтобы вмешательство Италии ускорило конец нынешней войны и дало как можно скорее Европе устойчивость, которая обеспечила бы ей на долгие годы блага мира. Эта цель будет еще скорее и легче достигнута, если вместе с Италией и Румыния будет сражаться на стороне Тройственного согласия. Намерения Румынии самые благоприятные, но она стремится к осуществлению вожделений, требующих прежде всего согласия России, которая является в этом отношении наиболее заинтересованной. Я полагаю, что ваше величество, как и я, придадите большое значение единовременному сотрудничеству Румынии и Италии. Прошу поэтому ваше величество уделить просьбам Румынии самое благосклонное внимание и сделать ей возможно более широкие уступки.

№ 647. Поверенный в делах в Риме министру иностранных дел

Телеграмма № 86. 30/17 апреля 1915 г.

Получил ваш № 1958[2].

Соннино, переговорив с начальником генерального штаба, дал мне следующий ответ: во-1-х, до сих пор в Италии лишь частичная, не предельная мобилизация, и всего собрано на австрийской границе 200 батальонов, т. е. 240 000 человек. Во-2-х, общая мобилизация произойдет фактически не ранее 15 мая нового стиля. В-3-х, армия будет в полном сборе и готовой начать военные действия через 15 дней после объявления мобилизации[3].

Поггенполь.

---

[1] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

[2] Тел. от 29/16 апр. за № 1958 Сазонов, по просьбе верх. главнокомандующего, запросил Поггенполя: «а) состоялась ли в Италии предварительная секретная мобилизация и в каком размере, б) когда фактически произойдет в Италии общая мобилизация и в) когда Италия будет готова и начнет военные действия».

[3] В ответ на это тел. от 1 мая/18 апр. за № 1998 Нератов сообщил в Рим о сделанном им итал. послу заявлении, что Россия, приняв «примирительную формулу» Грея, «в праве ожидать, что Италия действительно ускорит свое выступление, которое во всяком случае не должно состояться позднее 26 мая нового стиля».

№ 648. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 9948. 30/17 апреля 1915 г.

Благоволите по ознакомлении с содержанием телеграммы, сообщенной Спалайковичем полковнику Лонткевичу [1], иметь в виду, что сему последнему дан такой ответ: 1) ставка политикой не занимается; 2) при выработке военного соглашения будет иметься в виду сообщение Спалайковича; 3) приезд сербских деятелей не вызывается обстановкой [2]; 4) верховный главнокомандующий полагает необходимым все сие сообщить союзным послам.

Янушкевич.

№ 649. Записка начальника штаба верховного главнокомандующего Николаю II [3].

30/17 апреля 1915 г.

Соображения по вопросу об установлении в Буковине будущей границы между Россией и Румынией.

По имеющимся сведениям, министерство иностранных дел предполагало будущую границу между Россией и Румынией в Буковине установить на основании этнографического принципа, то есть по линии, приблизительно разграничивающей русское и румынское население и показанной, насколько эта линия известна, на представляемой карте [4] пунктиром белого цвета.

Однако такая граница возбуждает возражения не только стратегического характера, но и с точки зрения политических, экономических и религиозных условий области. К числу таковых следует отнести:

1) В полосе соприкосновения обеих половин населения последнее настолько перемешано, что невозможно установить резкой разграничительной линии, то есть точно придерживаться этнографического принципа.

2) Между обеими половинами населения не только нет условий, их резко разъединяющих, но, наоборот, в экономическом отношении обе части крепко связываются взаимными интересами.

[1] В упоминаемой выше тел., читанной Спалайковичем Гулькевичу, выражено было пожелание серб. прав-ва, чтобы при заключении соглашения с Италией условлено было, чтобы итал. войска направились на север, а не на Далмацию (Прим. оригинала, рукою Базили.)

[2] Ср. № 645.

[3] Эта записка была препровождена Янушкевичем Николаю II при письме от 30/17 апр.

[4] См. приложение к тому.

3) Столь же крепкая связь соединяет обе национальности и в их внутренней политической жизни, перед лицом одинаково их угнетавшего еврейско-немецкого засилья.

4) Наконец, нераздельность единой православной церкви, к которой принадлежит как русская, так и румынская половина населения, причем общее церковное управление, сосредоточенное в русской, северной половине Буковины, обеспечивается главным образом церковными имениями из румынской, южной части области.

Проектировавшаяся граница устанавливалась в начале войны, повидимому, в предвидении немедленного активного выступления Румынии; ныне же, после наших успехов над Австро-Венгрией и с уклонением до сих пор Румынии от вмешательства, казалось бы, должен перемениться и взгляд на будущую границу.

Больше же всего против проектировавшейся границы говорят соображения стратегические, причем последние тесно связаны с вопросом о будущей границе не только с Румынией и Трансильванией, но и собственно с Венгрией, почему необходимо их рассмотреть совместно. Соображения эти нижеследующие.

Прочность нашего положения в Галиции обеспечивается только владением Карпатским хребтом с его южными скатами, к тому же со сплошным почти русским населением; лишь в этом случае, при новых политических осложнениях, на нашей стороне останутся обеспеченные выходы на Венгерскую равнину.

Особенное значение в этом отношении приобретает для нас Мармарошский комитат, как удобный плацдарм на венгерской стороне Карпатских гор, защищенный с юга Трансильванскими Карпатами.

Но для обеспечения этой площади со стороны Румынии, необходимо сохранение в наших руках всей Южной Буковины и особенно района Кирлибаба-Якобени, являющегося общим узлом единственных шоссейных путей в Мармарошский комитат, в Трансильванию, в Южную Буковину и в северную часть ее — в долину Серета, а именно:

Названный комитат через г. Густов и Мармарош-Сигет прорезывается шоссе, продолжающимся затем, через перевал Кирлибабу и Якобени, вдоль южной и восточной границ Буковины к Черновцам: от района Якобени это шоссе сопровождается по Буковине единственной же сквозной железной дорогой; от Якобени в Трансильванию идет шоссе на г. Быстриц; наконец, от Кирлибабы к северу, в долину р. Серета, отходит также шоссе, но сравнительно худших качеств.

Особенное значение приобретает шоссе, идущее на Кирлибабу из Мармарошского комитата, так как последний, кроме этой связи, на

150-верстном соприкосновении с Галицией имеет лишь одну железную дорогу и шоссе из Мармарош-Сигета на Делатынь.

Таковы стратегические соображения, заставляющие добиваться включения в нашу будущую границу, кроме Мармарошского комитата, и Южной Буковины.

На представляемой карте «желательная» граница, то есть наиболее полно удовлетворяющая нашим военным требованиям, изображена сплошной красной линией, в отличие от пунктирной красной линии, изображающей «минимальную» границу, отвечающую этим требованиям лишь в наименее допустимой степени. Между обеими линиями, там, где они расходятся, образуются как бы три района — Буковинский, Трансильванский и Венгерский, из которых, при крайней необходимости к тому, и могли бы быть сделаны уступки нашим будущим соседям.

Менее желательными для нас должны считаться уступки в Южной Буковине, а меньшее значение имеют уступки в северной части Венгерской равнины. На карте участки территории, могущие стать предметом последовательных уступок, окрашены для большей наглядности в различные цвета, а соответственными цифрами на них обозначена самая последовательность уступок, а именно:

В Буковинском районе: участки, обозначенные цифрами с 1 по 7, могут быть последовательно уступаемы, если румыны не найдут возможности удовлетвориться участками с соответственно меньшими цифрами.

При таких уступках мы сохраняем, по возможности, в качестве границ естественные рубежи, отдавая в первую очередь части территории, удаленные от наиболее для нас важных проходов Кирлибабы, Якобени и Дорны Ватры. При «минимальной» границе мы обеспечиваем себе владение хотя бы лишь проходом Кирлибаба, связывающим Мармарошский комитат с долиной Серета.

В Трансильванском районе последовательные уступки могут касаться участков с 1 по 3; при «минимальной» границе наши будущие владения все еще достаточно удаляют противника от важнейших узлов Кирлибаба и Мармарош-Сигет.

В Венгерском районе последовательными уступками могли бы быть участки, обозначенные цифрами с 1 по 4, причем для нас все еще, хотя и в различной степени, будут обеспечены выходы из гор на равнину, а также более или менее парализуется значение р. Тиссы как будущей оборонительной линии противника; сверх того, оставляется за нами чисто русское население.

Те участки, которые на карте пронумерованы, но не закрашены, вообще нежелательно уступать соседям; такая уступка могла бы быть сделана лишь в крайности.

Настоящие соображения были сообщены министру иностранных дел в качестве материала для будущих переговоров [1].

Начальник штаба верховного главнокомандующего
генерал-от-инфантерии Янушкевич.

№ 650. Генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего директору канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Письмо № 2088. 30/17 апреля 1915 г.

На № 63 [2].

М. г. Маврикий Фабианович,

В ответ на полученное мною сегодня письмо вашего превосходительства от [28] 15 сего апреля за № 63 имею честь уведомить вас, что составление препровожденных вам военных соображений с картой по поводу будущей границы нашей в Буковине имело главнейшей целью дать соответствующий материал в исчерпывающем объеме для будущих переговоров с Румынией.

Вполне разделяя точку зрения вашего превосходительства на то, что при определении государственной границы нельзя руководиться исключительно соображениями стратегического характера, я именно считал, что препровожденные мною данные дадут те исходные положения в предстоящих сношениях с Румынией министерства иностранных дел, которые помогут последнему лучше выяснить относительное значение различных районов Буковины, чтобы, в случае неизбежности отдать некоторые из них румынам, можно было выговорить для нас уступки соответствующего значения.

Примите и пр. Юрий Данилов.

№ 651. Английский посол в Петрограде товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо. 1 мая/18 апреля 1915 г.
Urgente et confidentielle.

Cher Mr. Nératow,

Je m'empresse de remettre à votre excellence ci-annexée la traduction d'un télégramme que je viens de recevoir de Sir E. Grey.

---

[1] Записка о будущей границе России с Австро-Венгрией и Румынией, по своему содержанию совпадающая с этой запиской Янушкевича, была за № 1839 сообщена Сазонову Даниловым еще 28/15 марта (см. приложение к тому).

[2] См. № 631.

En vous priant de bien vouloir en assurer la transmission immédiate à son altesse impériale le grand duc commandant-en-chef afin de prendre les ordres de son altesse, je vous prie de croire aux assurances de mes sentiments sincèrement dévoués.

Georges W. Buchanan.

«Son altesse impériale le grand duc commandant-en-chef a exprimé le désir[1] que des discussions aient lieu à son grand quartier général avec l'agent militaire italien sur les questions de la coopération militaire et de l'action simultanée russo-italienne. Le gouvernement de sa majesté britannique ne verrait aucune objection à cette manière de procéder pourvu que ces discussions ne priment pas les conférences navales et militaires à Paris qui ont pour but l'établissement d'une convention navale et militaire entre l'Italie et les alliés, mais qu'elles soient envisagées comme étant supplémentaires et comme ayant trait aux nombres et et aux dispositions des forces russes et italiennes à employer contre l'Autriche-Hongrie.

Il est fort à désirer que les attachés naval et militaire russes assistent aux conférences de Paris et le gouvernement britannique espère que son altesse impériale daignera autoriser le général Hanbury Williams à assister aux conférences qui auront lieu au grand quartier général»[2].

Перевод.

Срочно и доверительно.

Дорогой г. Нератов,

Спешу передать при сем вашему превосходительству перевод телеграммы, которую я только-что получил от сэра Э. Грея.

Прошу вас не отказать обеспечить ее немедленную передачу его императорскому высочеству великому князю верховному главнокомандующему, чтобы получить распоряжения его высочества, и прошу принять уверение в чувствах моей искренней преданности.

Джордж В. Бьюкенен.

«Его императорское высочество великий князь верховный главнокомандующий высказал пожелание, чтобы в его главной квартире состоялись переговоры с итальянским военным агентом по вопросам русско-итальянского военного со-

[1] См. № 630.

[2] В ответ на это Янушкевич тел. от 2 мая/19 апр. за № 206 сообщил Сазонову, что верх. главнокомандующий согласен на участие ген. Вильямса и Лагиша в переговорах с Ропোло и что он «не предполагал влиять на решение союзников о взаимодействии с итальянским флотом и предоставляет этот вопрос совещанию в Париже». Об этом Сазонов поставил в известность Палеолога и Бьюкенена пам. запиской от 3 мая/20 апр.

трудничества и совместных действий. Правительство его британского величества не имело бы никаких возражений против этого образа действий при условии, чтобы эти переговоры не играли преобладающей роли по отношению к военным и морским совещаниям в Париже, которые имеют целью заключение военной и морской конвенций между Италией и союзниками, но чтобы они рассматривались как имеющие вспомогательный характер и касались числа и расположения русских и итальянских сил, которые должны быть употреблены против Австро-Венгрии.

Весьма желательно, чтобы русские военный и морской агенты присутствовали на совещаниях в Париже, и британское правительство надеется, что его императорское высочество соизволит дать разрешение генералу Хэнбури Вильямсу присутствовать на совещаниях в главной квартире».

№ 652. Памятная записка японского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

1 мая/18 апреля 1915 г.

Confidential.

1. Proposals concerning Shantung Province have been agreed with some modification.

II. Several points concerning South Manchuria have been agreed. The question of residence and land tenure still remaining unsettled, the Imperial Government now make the following proposition:

A. Japanese subjects shall be permitted in the region of South Manchuria to lease or buy land necessary either for erecting buildings of various kinds of commercial and industrial uses or for agricultural purposes.

B. Japanese subjects shall have liberty to enter, travel and reside in the region of South Manchuria and carry on their business of various kinds of commercial, industrial and otherwise.

C. Referring to preceding two provisions, Japanese subjects shall produce before Chinese local authorities passports duly issued and be registered by the said authorities; they shall also observe Chinese police laws or regulations approved by the Japanese Consuls and pay to Chinese authorities taxes approved by the Japanese Consuls.

[1] Настоящая пам. записка япон. пос-ва передает содержание «пересмотренных японских предложений (ср. № 249), сделанных Китаю 26/13 апреля», о которых Малевский также известил Сазонова тел. от 30/17 апр. и 1 мая/18 апр. за №№ 128 и 129. Передавая Малевскому это сообщение, Като заявил, что срок для ответа Китаю не поставлен, «но ввиду окончательного характера японских предложений» согласие Китая ожидается в ближайшее время. Полный текст пересмотренных требований в форме проекта соглашений был препровожден Крупенским в русском переводе при деп. от 11 мая/29 апр. за № 20 (см. № 746) (опубл. в япон. Белой книге, стр. 60).

In civil and criminal suits, the Japanese Consul where a Japanese subject is the defendant and the Chinese official where a Chinese citizen is the defendant shall respectively try and decide the case, both the Japanese Consul and the Chinese official being permitted each to send his authorized agent to attend trial of the other and watch proceedings, provided that in a civil suit concerning land between Japanese and Chinese the case shall be examined and decided jointly by the Japanese Consul and the Chinese official, according to laws and local customs of China, provided further that in the future when the judicial system in the said region shall have been completely reformed, all civil and criminal suits involving Japanese subjects shall be wholly tried and decided by Chinese courts.

III. As regards Eastern Inner Mongolia, Chinese Government are asked, first, to permit joint enterprises of Japanese and Chinese in agricultural and auxiliary industries, second, to consult Japan first in case that China contemplate contracting either railway loans or loans to be secured by the taxes [1], and, third, to increase open markts.

IV. As regards Hanyehping Company, Chinese Government shall engage: a) to approve agreement that may be concluded in future between the Company and Japanese capitalists for its joint undertaking, b) not to confiscate it, c) not to nationalize it without consent of interested Japanese capitalists and d) not to permit it to contract any loans other than Japanese.

V. As regards non-alienation of the Chinese coast, the Imperial Government will be satisfied with declaration as suggested by Chinese Government.

VI. As to other points, the following are to be kept on record: a) that Chinese Government will in case of necessity in future employ Japanese advisers; b) that in case that Japanese subjects desire to lease or purchase land for building school and hospital in the interior, Chinese Government will permit them to do so; c) that Chinese Government will some day in future send their military officers to Japan in order to make arrangement directly with the Japanese military authorities either for purchase of arms or for establishing arsenal in China under Japanese and Chinese management; d) that Chinese Government will grant to Japan desired railway concessions in South China, in case that it become clear that there is no objection in this respect on the part of any

[1] В полном тексте пересмотренных требований этот пункт разбит на два самостоятельных: а) о займах, гарантированных пошлинами и налогами, и б) о займах для постройки ж. д. (ср. № 747).

other Power; or that Chinese Government will refrain from entering into any agreement with any other party concerning railway lines in question, until Japan may, independently of the present negotiations with China, reach an agreement with party whose interests are in the opinion of Chinese Government opposed to proposed lines, and e) that the question of the freedom of preaching by Japanese missionaries will be left for future discussion.

VII. Original proposal for joint administration of police is withdrawn.

VIII. As to Fukien Province, Chinese Government engage in some form that they will not grant to any other Power the right to build shipyard, coaling or naval station or military establishment on or along the coast of Fukien Province and further that Chinese Government will not allow any such establishment to be built with any foreign capital on the coast of the said Province.

The above are the proposals which the Imperial Government have made. In order to arrive at early conclusion of pending negotiations, if Chinese Government accept them, the Imperial Government will, on their own accord, announce to Chinese Covernment the restoration of Kiaochow-wan to China in the event of its being left at the free disposal of Japan as the result of Treaty of Peace, subject to certain conditions of which principal ones are as follows:

1) the opening of Tsing-tao as a commercial port;

2) establishment of Japanese concession in the locality to be designated by Japan;

3) establishment, if requested by the Powers, of an international settlement and

4) arrangements to be made between Japanese and Chinese Governments regarding the disposal of German public structure and properties.

Перевод.

Доверительно.

I. Предложения касательно Шаньдунской провинции были приняты с некоторыми изменениями.

II. Некоторые пункты, относящиеся к Южной Манчжурии, были приняты. Ввиду того, что вопрос о праве пребывания и владения землей остается еще неразрешенным, императорское правительство делает ныне следующее предложение:

А. Японским подданным должно быть разрешено в пределах Южной Манчжурии снимать в аренду или покупать земельные участки, необходимые или для возведения разного рода построек с целью их использования в коммерческих, промышленных видах или для сельскохозяйственных целей.

В. Японские подданные получат право посещать Южную Манчжурию, переезжать в ее пределах с места на место и пребывать там, занимаясь всякого рода делами, будь то торговыми, промышленными или иными.

С. В связи с изложенными выше двумя пунктами японские подданные должны предъявлять китайским местным властям выданные им надлежащим образом паспорта для зарегистрирования их указанными властями; они должны подчиняться китайским полицейским законам или постановлениям, одобренным японскими консулами, и уплачивать китайским властям сборы, получившие одобрение японских консулов.

При гражданских и уголовных судебных разбирательствах японский консул, когда японский подданный является ответчиком, и китайское должностное лицо, когда китайский гражданин выступает в качестве ответчика, должны соответственно этому рассмотреть дело и выносить решения, причем как японский консул, так и китайское должностное лицо могут присылать своего уполномоченного на это представителя для присутствия при судебных разбирательствах другого и следить за таковым, однако при гражданском процессе между японцами и китайцами по земельным вопросам дело должно разбираться и разрешаться совместно японским консулом и китайским должностным лицом согласно китайским законам и местным обычаям. Тем не менее в будущем, когда судебная система в указанном крае будет полностью преобразована, все гражданские и уголовные процессы, касающиеся японских подданных, должны целиком разбираться и разрешаться в китайским судах.

III. Что касается Восточной Внутренней Монголии, то от китайского правительства требуется, чтобы оно: 1) разрешило образование совместных японо-китайских предприятий по сельскохозяйственной и вспомогательной промышленности и 2) предварительно обращалось за советом к Японии в случае, если Китай предположит заключить железнодорожный заем или заем под обеспечение пошлин и налогов; 3) увеличило число открытых рынков.

IV. В отношении Ханьепинской компании китайское правительство должно обязаться: а) одобрить соглашение, которое может быть заключено в будущем между компанией и японскими капиталистами для совместной эксплоатации, б) не конфисковать ее, в) не национализировать ее без согласия на то со стороны заинтересованных японских капиталистов, и г) не позволять ей заключать какие-либо займы, кроме японских.

V. Что касается неотчуждаемости китайского побережья, то императорское правительство удовлетворится декларацией, которую предложило китайское правительство.

VI. В отношении других пунктов надо иметь в виду следующее: а) китайское правительство в случае необходимости будет привлекать в будущем японских советников; б) в случае если японские подданные пожелают снять в аренду или купить земельные участки для постройки школ и госпиталей внутри страны, китайское правительство разрешит им это; в) китайское правительство будет в будущем посылать своих офицеров в Японию в целях непосредственного соглашения с японскими военными властями или по покупке оружия, или по устройству арсенала в Китае под японо-китайским управлением; г) китайское правительство предоставит Японии желаемые ею железнодорожные концессии в Южном Китае в случае, если выяснится, что нет возражений в этом отношении со стороны какой-либо другой державы; или китайское правительство воздержится от вхо-

ждения в какое-либо соглашение с любым другим контрагентом касательно указанных выше железнодорожных линий, пока Япония, независимо от ведущихся в настоящее время переговоров с Китаем, не достигнет соглашения с третьей стороной, интересам которой, по мнению китайского правительства, противоречит постройка проектированных линий, и д) вопрос о свободе проповеди для японских миссионеров будет отложен до следующих переговоров.

VII. Первоначальное предложение о совместном управлении полицией взято обратно.

VIII. Что касается Фуцзянской провинции, то китайское правительство обязуется в той или иной форме не предоставлять какой бы то ни было державе права строить верфи, угольные или морские станции или военные учреждения на побережьи Фуцзянской провинции или вдоль его, и, помимо того, китайское правительство не допустит постройки таких учреждений за счет какого-либо иностранного капитала на побережьи указанной провинции.

Вышеперечисленные предложения сделаны императорским правительством. С целью притти к скорейшему завершению ведущихся переговоров, если китайское правительство согласится на эти предложения, императорское правительство по собственному почину сообщает китайскому правительству о своем намерении возвратить бухту Киаочжоу Китаю — в случае, если в результате мирного договора она будет предоставлена в свободное распоряжение Японии, — при соблюдении некоторых условий, главнейшие из коих следующие:

1) Открытие Циндао как коммерческого порта.

2) Устройство японской концессии на месте, указанном Японией.

3) Устройство, если этого потребуют державы, международного сетльмента.

4) Соглашение между японским и китайским правительствами касательно распоряжения германскими казенными зданиями и собственностью.

№ 653. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 1995. 1 мая/18 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1522 [1].

Сербский посланник сообщил мне только-что полученную им телеграмму от Пашича [2], очевидно скрестившуюся в пути с нашей № 1953 [3]. Благоволите возобновить все старания, дабы удержать Пашича от безусловно нежелательного приезда его сюда. Никакого влияния он

[1] См. № 468.

[2] Пам. запиской от 1 мая/18 апр. Спалайковичем была передана тел. Пашича, в которой последний, прося разрешения приехать в Петроград для личных переговоров с Сазоновым, указывал на возбуждение серб. общественного мнения в связи со слухами об уступках серб. земель Италии, Румынии и Болгарии и сообщал, что «сербы, хорваты и словинцы в Австро-Венгрии пали духом и помышляют войти в переговоры и соглашение с Австрией для того только, чтобы не подпасть под владычество Италии».

[3] См. № 638.

не может оказать на исход переговоров, при ведении коих мы должны принимать во внимание интересы не только одних сербов, но также и остальных наших союзников. При таких условиях его нахождение здесь создало бы весьма неудобное положение столько же для него, сколько и для нас.

Нератов.

№ 654. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 251 [1]. 1 мая/18 апреля 1915 г.

Личная. Весьма доверительно.

Дополнение к моему № 247 [2].

Братиану был у меня лично сегодня и сообщил следующее. С самого начала общеевропейской войны он не только твердо решил не подымать оружия против Тройственного согласия, но, наоборот, всеми доступными румынской дипломатии средствами старался создать обстановку, которая ускорила бы возможность активного выступления Румынии на нашей стороне. Окончательное выяснение намерений Италии позволяет и румынскому правительству принять в ближайшем будущем участие в войне, но совет министров желал бы предварительно точно определить посредством переговоров с императорским правительством границы будущих приобретений Румынии, а также заключить с нами военную конвенцию, которая, между прочим, предусматривала бы и вопрос о дальнейшем (снабжении) румынской армии военными припасами. Пожелания румынского правительства относительно будущей границы следующие: на юге она определяется Дунаем до устья Тиссы и по последней идет до пункта на 15 километров выше Сегедина, а отсюда, минуя Дебречин, направляется до впадения Самоша в Тиссу, далее по водоразделу последней до границы Галиции, по которой она будет следовать до Буковины, и по границе последней до Прута, который румынское правительство желало бы иметь окончательной границей между Россией и Румынией. Я заявил Братиану, что такая граница нарушила бы принцип национальности в трех местах, а именно, в Буковине, в Банате и в Угорской Руси. Братиану ответил, что он готов пойти на уступки относительно Угорской Руси, но что румынское правительство придает первостепенное значение границе Прута и Тиссы в Банате и что в случае нашего отказа от предоставления Румынии линии этих рек он лично не возьмет ответственности за участие Румынии в войне и предпочтет сохранить нейтрали-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 181.
[2] См. № 641.

тет до ее окончания [1]. — Относительно момента выступления Румынии Братиану высказал свое личное мнение, что таковое должно быть определено военной конвенцией и что в случае быстрого окончания предстоящих переговоров оно могло бы предварительно совпасть со сроком, обусловленным Италией. — В продолжительном разговоре я, конечно, не преминул высказать Братиану свое личное мнение о чрезмерности румынских требований и о необходимости точного определения срока для активного выступления Румынии. Каков бы ни был по существу наш ответ на румынские предложения, я считал бы весьма желательным, чтобы он носил примирительный характер и чтобы я был возможно скорее осведомлен о тех уступках, которые мы сочли бы возможным сделать, дабы ускорить выступление Румынии. Подобный ответ дал бы нам возможность и впредь пользоваться для воздействия на Братиану здешним общественным мнением, на которое произведет также огромное впечатление решение Италии. Другого же характера ответ может быть не без успеха использован Братиану с целью охлаждения здешнего общественного мнения к немедленному выступлению Румынии.

Поклевский.

№ 655. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 512. 1 мая/18 апреля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 1953 [2].

Переговорил по содержанию ее с Пашичем, который уже извещен о том же Спалайковичем. Он не скрыл от меня некоторой горечи по поводу того, что с Сербией не считают нужным даже переговорить, принимая решения, затрагивающие ее жизненные интересы. Это больно отзывается здесь на самолюбии сербов и создает ему, Пашичу, трудное положение, ибо оппозиция ставит ему в упрек, что он не сумел достаточно оградить достоинство и интересы Сербии и что с ним не считаются ни Россия, ни союзники. Я возразил, что если его не осведомили, то именно потому, что хотят оградить его личную ответственность и положение, которое так высоко ставится нашим и союзными правительствами. «Если бы вы были осведомлены и, несмотря на это,

[1] В тот же день Братиану еще раз в разговоре с итал. посланником заявил, что если требования, предъявленные рум. прав-вом, не будут удовлетворены, Румыния предпочтет остаться нейтральной. (Пам. зап. франц. пос-ва от 4 мая/21 апр. 1915 г., в которой передавалось содержание тел. Блонделя на имя Делькассе от 1 мая/18 апр. за № 197.)

[2] См. № 638.

уступки Италии оказались бы неизбежными, то оппозиция имела бы более сильное орудие против вас», — сказал я. Пашич все же видимо волнуется полной неизвестностью переговоров, ведущихся за счет Сербии. Я, конечно, не мог удовлетворить его желания узнать, в какой стадии эти переговоры и в чем они заключаются. Пашич настоятельно просит, чтобы не было так же поступлено в переговорах с Румынией в вопросе Баната, и Сербии была дана возможность быть выслушанной и принять участие в решении вопроса. Иначе его личное положение станет невозможным.

Трубецкой.

№ 656. Временно управляющий миссией в Тегеране министру иностранных дел.

¹/. Депеша № 27. 1 мая/18 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Кабинет Мушир-эд-Доуле, потерявший свою популярность в меджлисе из-за неспособности сдвинуть дела с мертвой точки и приобрести для Персии столь необходимую поддержку России и Англии, подал [22] 9 апреля в отставку, оставив страну в более беспомощном состоянии, чем когда-либо. Движение турецких войск к Керманшаху, торжественное следование германского и австрийского посланников с их эскортом по направлению столицы [1], волнение среди армян, вооружившихся для самообороны, — все это вызвало в Тегеране атмосферу напряженности и даже волнения. Германо-турецкая агитация, конечно, работала во-всю, и враждебное к нам настроение наглядно разрасталось. Наши враги не жалели денег, и, по усердно распространяемым сведениям, ожидавшиеся с нетерпением «избавители Персии» принц Рейс и граф Логотетти везли с собой много золота. Из провинций в то же время продолжали поступать сведения об усилении враждебной нам агитации.

При такой общей обстановке состоялось неожиданное заявление директора Шахиншахского банка г. Вуда английскому посланнику, что германо-турецкая партия подготовила на его банк run [2], что две предшествовавшие попытки в этом направлении им были отражены,

[1] Герм. посланник в Тегеране принц Генрих Рейс и австр. посланник там же гр. Логотетти в июле 1914 г. за несколько дней до начала войны выехали в отпуск, оставив соответствующих поверенных в делах в качестве заместителей. В апр. 1915 г. они возвращались вместе через Турцию в Тегеран в сопровождении гр. Каница, герм. военного агента в Тегеране, и многочисленного эскорта.

[2] Наплыв в банк требований об уплате и возврате вкладов.

но что на этот раз, ввиду весьма крупных требований серебра и значительного недостатка такового, а также невозможности пополнить запасы металла, он не имеет никакой надежды справиться с положением и предвидит серьезные волнения уже в самые ближайшие дни, если не будут приняты меры, от него не зависящие, к предотвращению опасности.

Получив это заявление, г. Марлинг немедленно пригласил к себе французского посланника и меня для обсуждения создавшегося положения. Как вашему высокопревосходительству известно из моего телеграфного сообщения [1], на этом совещании было решено, ввиду серьезности положения, действовать немедленно, оставив вопрос ответственности г. Вуда за ведение его банкового хозяйства будущему времени. Ввиду сего, не теряя ни одного часа, приступить к формированию нового энергичного кабинета и при этом произвести на персов возможно сильное впечатление полнейшего единения, настаивая сообща на избранном кандидате на пост председателя совета министров. Таковыми кандидатами являлись Саад-эд-Доуле и принц Эйн-эд-Доуле. Совещание остановилось на первом из них, в энергию и решимость которого больше верило. Драгоманы миссии коллежский ассесор Евреинов и г. Черчилль сразу отправились к принцам Ферман-Ферма и Эйн-эд-Доуле, Сердару Мансуру, Самсам-эс-Солтане и другим влиятельным лицам с целью убедить их не отказать Саад-эд-Доуле в сотрудничестве. Они вернулись с благоприятным ответом.

Программа действия далее предусматривала, чтобы новый кабинет или министр-председатель единолично провел через меджлис закон, а в случае сопротивления депутатов, издал правительственный декрет, устанавливающий временное принудительное обращение банкнот, дабы этим спасти положение Шахиншахского банка. Кроме того, было признано необходимым принять меры к обузданию прессы, прекращению агитации и к временному закрытию меджлиса, если бы обстоятельства этого потребовали. Ввиду сомнения, чтобы все это возможно было сделать без реальной поддержки, каковой в данном случае можно было лишь считать русские войска, совещание решило ходатайствовать перед императорским правительством о присылке отряда из Казвина с усилением вообще нашей военной силы между Казвином и Рештом [2].

Саад-эд-Доуле, к которому г. Марлинг и я затем отправились, вы-

[1] Тел. от 23/10 апр. за № 172.

[2] Об этих переговорах посланников со своей стороны Грей известил Сазонова пам. запиской от 25/12 апр.

разил полную свою готовность стать во главе правительства, причем обещал при известной денежной поддержке исполнить предложенную нами программу, с которой согласился. Он только находил, что русский отряд не следует ввести в Тегеран, а лишь усилить его в Казвине. Одно известие об увеличении численности наших войск в этом пункте должно было служить достаточно могучим средством, чтобы держать Тегеран в повиновении и обеспечить свободу действия новому кабинету. Установив полную общность взглядов с Саадом, мы обратились к министру двора с просьбой об аудиенции. Эта аудиенция нам была назначена лишь на следующий день, с явным намерением выигрыша времени. Однако ввиду важности момента мы сочли нужным просить вторично уже об ее ускорении и, получив желанный ответ, выехали в сопровождении обоих драгоманов в Фарабадский дворец, где были приняты шахом. Во время нашего приема его величество был совершенно один.

Извинившись за наше нетерпение получить разрешение лично доложить его величеству о критическом положении дел в Персии, г. Марлинг, согласно предварительному уговору, указал шаху на полную беспомощность страны и на то, что она при дальнейшем попустительстве правительства неминуемо будет вовлечена в войну, последствия чего для его величества должны быть ясны. Момент настолько серьезен, что требует всех усилий Персии, чтобы устоять на краю обрыва. Державы-покровительницы согласны поддержать правительство, но власть должна быть вверена лицу, на энергию и доброе желание которого они обе могли бы положиться. В заключение обращения г. Марлинг просил шаха назначить Саад-эд-Доуле министром-председателем.

Его величество шах согласился со всеми высказанными доводами за скорейшее создание возможно сильного правительства, но указал на крайнюю непопулярность Саада, назначение коего внесет тревогу в население столицы. Общественное мнение и меджлис наверно воспротивятся такому выбору, и кризис лишь усугубится. В целях же избежания осложнений, предел коих трудно предвидеть, шах сообщил о своем намерении поставить во главе правительства престарелого Ала-эс-Солтане, но включить в состав кабинета лиц деятельных и влиятельных, как, например, принцы Ферман-Ферма и Эйн-эд-Доуле. Такое правительство, по мнению шаха, произвело бы выгодное впечатление и в меджлисе и в народе, не вызывая при этом никаких сомнений в полном нейтралитете страны, назначение же Саада общественным мнением будет истолковано как отступление Персии от своего нейтралитета в пользу России и Англии.

На это я позволил себе высказать, что если его величество полагает, что до сих пор его правительство придерживалось строгого нейтралитета, то его величество введено в заблуждение своими советниками; что в России общественное мнение не только в этом сомневается, но даже создалось убеждение, что предыдущие кабинеты Мостоуфи-оль-Мемалека и Мушир-эд-Доуле, благодаря своей инертности и робости, явно потворствовали нашим врагам, и что с нашими интересами не достаточно считаются; мы однако отнюдь не просим о переходе Персии на нашу сторону, а лишь о том, чтобы возвещенный его величеством нейтралитет действительно соблюдался его министрами, насколько это фактически позволяют обстоятельства и отсутствие организованных сил в государстве. До сих пор же правительство намеренно закрывало глаза на все несогласные с нейтралитетом действия наших врагов и даже им потворствовало.

Его величество еще раз вернулся к мысли, что назначение Саада означило бы переход Персии на нашу сторону, и спросил, на какие компенсации она в таком случае могла бы рассчитывать. Шаху был дан ответ, что речь не может итти о компенсациях, так как мы никаких особых выгод не требуем, а лишь настаиваем на честном исполнении объявленного его величеством повеления. По дальнейшему ходу переговоров и ознакомившись в подробностях с тяжелым положением Шахиншахского банка, его величество тем не менее просил нас отказаться от Саада в пользу Эйн-эд-Доуле, но в конце-концов уступил нашим представлениям и обещал в следующее утро назначить Саада первым министром. В конце аудиенции его величество просил г. Марлинга и меня довести до сведения государя императора и короля Георга о чувствах глубокой преданности и неизменном желании своем следовать советам России и Англии.

Весть о нашей продолжительной аудиенции, о настойчивости, с которой мы ее домогались, и о ее результате сразу разнеслась по всему городу. Саад-эд-Доуле продолжал высказывать полную уверенность, что при поддержке двух миссий он справится с трудностями положения, причем еще раз подчеркнул, что помощь русских войск ему не нужна и что он верит в свою популярность, которая обнаружится, как только станет известным, что власть ему вручена. К сожалению, однако Саад поспешил разгласить, что не постесняется сразу закрыть меджлис и вредные газеты и что вышлет агитаторов из столицы. Вследствие этого на следующее же утро уже выяснилось как раз противоположное. Эйн-эд-Доуле, Ферман-Ферма и другие сановники, обещавшие ему и драгоманам миссий сотрудничество в его кабинете, теперь под

разными предлогами уклонились от своего обещания. Саад остался один со своим братом. Ночь в Тегеране прошла очень неспокойно. Жандармерия, бригада и армянская самооборона были мобилизованы, пулеметы расставлены. Некоторые члены германской колонии, из-за опасения ареста, переночевали в американской миссии. Турецкий посол и германский поверенный в делах в эту ночь явились к шаху, настояли, чтобы разбудили его величество и просили о защите. В меджлисе происходили непрерывные заседания, в которых тревожно обсуждались необходимые меры сопротивления против надвигающейся диктатуры Саада, поддерживаемого, якобы, русскими войсками, которые уже приближаются к столице. Заволновалось все население. На следующий день после нашей аудиенции в загородный дворец к шаху потянулись многочисленные депутации от меджлиса, от духовенства, от базаров с протестами против назначения Саада. Картина стала совершенно ясной. Саад мог бы быть диктатором, но не первым министром. От него рад был отречься сам шах. Его покинули его друзья, и против него соединился весь город. При таких условиях жандармы, вне сомнения, отказали бы ему в повиновении. Обстановка государственного переворота без необходимой для этого силы. Личные качества Саада и его энергию можно было бы использовать, лишь опираясь на русские войска. Вместе с тем телеграмма, только-что полученная от исполняющего обязанности дипломатического чиновника при наместнике на Кавказе, самым категорическим образом отказывала нам в военной помощи [1]. Выяснилась необходимость действия исключительно в рассчете на моральное впечатление соединенного выступления двух миссий с использованием для этого определившегося настроения общей растерянности и страха.

Отказавшись от предложенных нам переговоров с председателем меджлиса, г. Марлинг и я решили безотлагательно испросить новую аудиенцию, во время которой продолжали убеждать его величество,

[1] В Арх. Вн. Пол. в деле С. А. 1904 имеется тел. от 6 мая/23 апр. за № 220, которой Янушкевич известил Сазонова, что соображения м-ва о желательности усиления Казвинского отряда были сообщены штабом наместнику на Кавказе тел. от 30/17 апр. за № 9933, в ответ на которую Воронцов-Дашков тел. от 3 мая/20 апр. за № 2642 уведомил Янушкевича, что он считает усиление Казвинского отряда «при нынешних условиях невозможным». По словам Янушкевича, Воронцов-Дашков «вполне отдает себе отчет в лежащей на нем ответственности» и что его отказ объясняется «полной невозможностью принятия этой меры», несмотря на «желательность ее, вполне разделяемую как верховным главнокомандующим, так и главнокомандующим кавказской армией». Дипл. чиновник при наместнике на Кавказе телеграфировал об этом непосредственно в Тегеран.

что считаем Саада, несмотря на оппозицию меджлиса, наиболее подходящим лицом для составления твердого правительства. Мы согласились только на назначение Эйн-эд-Доуле, уступив просьбе шаха, после того как его величество нам высказал свое крайнее беспокойство волнением в столице и сообщил, что меджлис согласен поддержать Эйн-эд-Доуле и что он сам вполне отдает себе отчет в необходимости принятия решительных мер к предотвращению беспорядков. Он сейчас же назначит Эйн-эд-Доуле и прикажет ему, не ожидая составления кабинета, провести через меджлис закон о банкнотах.

Этот закон в приложенной у сего редакции [1] действительно был принят меджлисом без замедления, однако для этого потребовалась еще гарантия английского правительства, что банкноты по истечении двухмесячного срока будут обмениваться на серебро. Г. Марлинг не задумался исполнить это пожелание меджлиса, с оговоркой однако, что при этом в рассчет будут приняты долги персидской казны банку. После этого составление кабинета пошло без особых затруднений, причем в состав его вошли почти все те лица, которые ранее обещали Сааду свое сотрудничество. Полагаю, что у нынешнего правительства нет симпатий в сторону наших врагов, но является вопрос, может ли вообще какое-либо правительство, при настоящей беспомощности страны, собственным авторитетом и даже с некоторой денежной помощью держав-покровительниц вывести Персию из нынешнего положения? [2]

Министерский кризис был окончен до прибытия в Тегеран германского и австрийского посланников. Приезд их пока ничем особенным не ознаменовался, но необходимо предвидеть, что германо-турецкая агитация теперь будет ведена с чрезвычайным напряжением.

Примите и пр. фон Бах.

---

[1] Приложение хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. ст. 1622 б. Закон устанавливал принудительное обращение неоплачиваемых банкнот в течение 2-х месяцев.

[2] Бах известил м-во о назначении Эйн-эд-Доуле тел. от 27/14 апр. за № 180. В ответ на это Сазонов тел. от 27/14 апр. за № 1907, «приветствуя назначение Эйн-эд-Доуле главой кабинета как человека энергичного и давшего нам недавно заверение в преданности», указывал, что «мы не можем однако не опасаться известной его склонности менять свои убеждения, а в особенности его стремления угождать националистам», а поэтому «необходимо было бы придать Эйн-эд-Доуле хорошего министра иностранных дел». Баху было поручено действовать в этом смысле, заручившись поддержкой Марлинга. Возражая против этого поручения, Бах указывал, «что в настоящую минуту на Эйн-эд-Доуле не следовало бы производить слишком сильного давления в вопросе выбора его ближайших сотрудников, а употребить все наше влияние для скорейшего исполнения кабинетом наших требований» (тел. от 30/17 апр. за № 187).

№ 657. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 386. 1 мая/18 апреля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прибывшим в Петроград лондонским банкиром фон Тайсен, участником фирмы Маниак Вильямсен, поддерживающей постоянные финансовые отношения с рядом русских городских управлений, представлены были в министерство финансов соображения о возможности соглашения с некоторыми органами английской прессы.

Принимая во внимание политическое значение, которое имело бы подобное соглашение, считаю долгом предварительно какого-либо решения с своей стороны по указанному предложению, в смысле ли отклонения его или принятия, сообщить о представленных мне соображениях на заключение вашего высокопревосходительства.

По объяснению названного банкира, мысль о возможно тесном экономическом и политическом сближении Англии с Россией проводилась до настоящего времени исключительно в органах прессы, имеющих доступ лишь к наиболее интеллигентным читателям консервативного и либерального кругов. Между тем в английской политической жизни постоянно растет значение рабочих масс, представляемых так называемой Labour Party. Партия эта еще доныне не отрешилась вполне от враждебного отношения к России, поддерживаемого главным образом на почве еврейской агитации, при полном незнакомстве простого англичанина с действительными условиями русской жизни. Между тем во время войны в кругах радикальной рабочей партии стали наблюдаться признаки известного перелома, и одним из видных журналистов Sir George Riddell, владельцем нескольких изданий, в том числе распространенного среди простых читателей «News of the World», была высказана мысль, что при условии достаточного осведомления публики возможно было бы добиться поворота мыслей и среди радикальных кругов Labour Party. Это имело бы особое значение ввиду вероятно предстоящей антирусской пропаганды, проводимой лондонским комитетом, именующим себя польским, но проводящим на самом деле исключительно еврейские интересы.

Осведомление английских читателей через органы прессы, представляемые названным журналистом, требовало бы известной подготовки. Первоначально был бы послан в поездку по России один из радикальных членов палаты общин, председатель Валлиса. Целью его было бы прежде всего ознакомление с английскими колониями в России, настроенными весьма дружелюбно к России и придерживающимися

определенно антисемитических взглядов. Затем возможно было бы послать во вторую поездку группу деятелей Labour Party и уже после сего начать систематическое помещение в прессе желательных для России данных об экономической и общественной жизни.

Условием для исполнения такого плана было бы оказание содействия помянутым экскурсантам и возмещение их расходов по путешествию; в отношении же прессы требовалась бы ежемесячная плата в соответствии с числом предоставленных нам столбцов.

Ввиду предстоящих осенью парламентских выборов поездка депутации должна была бы состояться по возможности безотлагательно, так как члены палаты лишь весною могли бы отлучиться из Англии.

Другим непременным условием было бы сохранение полной тайны и неофициального характера сношений.

Уведомляя об изложенном предложении, обоснованность которого не могла быть проверена министерством финансов, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать в сообщении вашего заключения [1].

Примите и пр.

Барк.

№ 658. Николай II Виктору-Эммануилу.

Телеграмма. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Je remercie votre Majesté pour son télégramme [2] et tiens à l'assurer que de mon côté je suis heureux qu'en vertu de l'accord signé à Londres, l'Italie fasse désormais cause commune avec la Russie et ses alliés. Je ne doute pas que la confraternité d'armes qui doit s'établir le plus tôt possible entre nos armées, ne contribue efficacement à resserrer les liens d'amitié entre nos maisons, nos gouvernements et nos peuples.

Comme votre majesté je verrai avec plaisir la Roumanie s'associer à nous.

Confiant en l'avenir, j'adresse mes meilleurs voeux à votre majesté, à son pays et à son armée.

Nicolas.

Перевод.

Благодарю ваше величество за телеграмму и считаю нужным заверить, что со своей стороны я счастлив, что в силу подписанного в Лондоне соглашения Италия отныне борется за общее дело вместе с Россией и ее союзниками. Я не сомневаюсь

[1] Тел. от 13 мая/30 апр. за № 2218 Нератов запросил мнение Бенкендорфа по этому поводу. Ответ Бенкендорфа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[2] См. № 646.

в том, что братство по оружию, которое должно как можно скорее установиться между нашими армиями, будет действительно способствовать укреплению дружественных уз между нашими домами, нашими правительствами и нашими народами.

Как и ваше величество, я буду приветствовать выступление Румынии на нашей стороне.

С верой в будущее я шлю мои лучшие пожелания вашему величеству, вашей стране и вашей армии.

Николай.

№ 659. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

2 мая/19 апреля 1915 г.

Утром возвращение С. Д. Сазонова в Петроград. Свидание днем с английским и французским послами и согласование мнений относительно Румынии.

Осведомившись о происходивших за последние дни между румынским посланником и здешними союзными послами, а также начальником канцелярии переговорах, министр признал, что привезенные Диаманди из Бухареста румынские требования являются сильно преувеличенными, а приданный румынским правительством этим требованиям ультимативный характер подает мало надежды на возможность соглашения. При посещении министра английским и французским послами было решено просить союзные правительства оказать соответствующее воздействие в Бухаресте, а пока, не отвергая румынских предложений, постараться добиться существенного исправления первоначальных требований Братиану.

№ 660. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

·/. Телеграмма № 767 [2]. 2 мая/19 апреля 1915 г.

From Rome No 294.

Italian Ambassador at Paris having been here for two days has informed French Ambassador that Minister for Foreign Affairs is not so confident as he wished to be about Roumanian cooperation and understands that Russian Government believe Roumanian demands exaggerated. He attaches very great importance to their following example of Italy and Italian Ambassador at Paris is returning to press Mr. Delcassé to use all his influence with Mr. Sazonow at Petrograd.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 9.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

Перевод.

Из Рима № 294.

Итальянский посол в Париже, пробыв здесь два дня, сообщил французскому послу, что министр иностранных дел не имеет такой уверенности, как он желал бы, в сотрудничестве Румынии и слышал, что российское правительство считает румынские притязания чрезмерными. Он придает весьма большое значение, чтобы Румыния последовала примеру Италии, и итальянский посол в Париже по возвращении туда будет настаивать перед г. Делькассе, чтобы он использовал все свое влияние на г. Сазонова в Петрограде.

№ 661. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 261 [1]. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Граф Игнатьев просит передать: Немедленно по получении чрез нашего посла извещения [2] о разрешении присутствовать на совещании по выработке военной конвенции с Италией, я счел долгом предупредить генерала Жоффра и Мильерана, что слова телеграммы «без права голоса» я объясняю себе как воспрещение выражать какие-либо мнения от лица нашей армии. Кроме того, я настаивал на необходимости совершенно исключить из программы обсуждение действий итальянской армии на главном театре войны, то есть против Австрии, вследствие желания нашего верховного главнокомандующего вести эти переговоры в ставке. Генерал Жоффр дал в этом смысле указания своему представителю на совещании генералу Пеле и сказал, что, вполне понимая желание великого князя, он считает, что единственной целью конференции в Париже является выступление Италии в кратчайший срок. Военный министр настаивал на мысли, что предметом обсуждения в ставке может явиться лишь вопрос о наших силах в Галиции, на что я возразил, что великому князю, насколько я понимаю, угодно вообще обсуждать вопрос о сухопутных операциях против Австрии. На это Мильеран выразил опасение, что наше соглашение с Италией для действий исключительно против Австрии может повредить принципу меморандума, согласно коему Италия объявляет войну всем нашим противникам. Тем не менее (министр) полагал настоять на том, чтобы в отношении собственно сухопутных операций совещание в Париже ограничилось обсуждением лишь вопроса о сроке

[1] Передана в ставку 2 мая/19 апр. за № 2012.

[2] Тел. от 29/16 апр. за № 1955 Сазонов известил Извольского, Бенкендорфа и Гирса о данном главнокомандующим российским военному и морскому агентам во Франции разрешении присутствовать при переговорах в Париже без права голоса, при условии, что взаимодействия русской и итал. армий будут обсуждены в ставке с полк. Рополо.

выступления Италии. Военный министр вел предварительное совещание, как видно из переданного протокола, именно в этом направлении. Из беседы, которую я имел с Мильераном вторично после совещания, в присутствии генерала Пеле, я вынес убеждение, что французы отнюдь не предполагают в настоящем совещании вырабатывать какой бы то ни было стратегический план итальянских сухопутных операций, а лишь стремятся подписанием военной конвенции самого общего характера вызвать скорейшее выступление Италии.

Извольский.

№ 662. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 264. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Для начальников сухопутного и морского генеральных штабов и в ставку. — Военный и морской агент доложили мне: Сегодня[1] состоялось предварительное совещание приехавших итальянских представителей армии и флота с представителями Франции в присутствии наших и английских военных и морских агентов под председательством Мильерана; английские представители прибывают сегодня, и первое официальное заседание состоится завтра утром. — Сегодняшнее совещание военный министр открыл чтением первых трех пунктов меморандума, причем объявил, что главнокомандующий российской армией выразил желание, чтобы вопрос о пункте втором обсуждался непосредственно в его ставке. Затем начальник штаба французского главнокомандующего поставил итальянцам вопрос о сроке их выступления, подчеркнув желательность скорейшего открытия военных действий. Итальянский полковник Монтанари в своем ответе изложил подробно и откровенно обстановку и признал невозможность выступления ранее конца мая нового стиля, а именно: Италия предпочитает предварительно до объявления общей мобилизации перебросить войска из Сицилии, Сардинии и Южной Италии на север; вместе с тем закончить подготовку сухопутной базы в инженерном отношении и сосредоточить на своей территории против австрийских укреплений могущественную тяжелую артиллерию, часть которой предназначено взять с береговых батарей; общую мобилизацию объявить около 15[2] мая и быть готовыми к выступлению в срок, указанный в меморандуме, то есть к 26[13] мая. К этому же времени можно ожидать, (что) ...ные дороги станут вполне проходимыми. — Итальянцы желали затем узнать,

[1] Т. е. 1 мая/18 апр.

для чего нужно их скорейшее выступление, но определенного ответа на это не получили. Вслед за этим военный министр указал на необходимость установления непосредственной связи между союзными армиями и, наконец, на необходимость внесения в конвенцию параграфа, исключающего возможность заключения перемирия без общего согласия союзников. — После этого был поднят вопрос о морской конвенции, причем итальянский морской представитель с полной откровенностью изложил план операций: итальянский флот будет первоначально сосредоточен в Бриндизи, откуда будет наблюдать за выходом из Адриатического моря и специально за Каттаро. Когда его содействие понадобится армии, флот перейдет на север, базируясь на Венецию или на какую-либо иную бухту, которую он займет близ Триеста. Блокировать Полу или какие-либо другие порты не собирается. С переходом флота на север итальянцы предоставляют пользоваться Бриндизи французам и рассчитывают, что французский флот будет продолжать наблюдение за Каттаро. Они отказываются от участия в операциях против Дарданелл до полного уничтожения австрийского флота.

Извольский.

№ 663. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 267[1]. 2 мая /19 апреля 1915 г.

Convention militaire. — En exécution des articles I, II et III et du paragraphe final du mémoire italien signé à Londres le 26 avril, dont le texte est ci-après rappelé[2] ... les délégués des états majors généraux Mrs. le colonel Montanari, le lieutenant-colonel di Breganze—pour l'Italie, le major général Calwel, le colonel Yarde-Buller — pour l'Angleterre, le colonel comte Ignatieff — pour la Russie, le général de brigade Pellé— pour la France, se sont réunis à Paris, sous la présidence du ministre de la guerre de France, le dimanche 2 mai 1915, et ont convenu des dispositions suivantes: 1) Il y a intérêt à ce que la date de l'intervention dans la campagne de l'armée italienne soit rapprochée dans toute la mesure où le permettront les nécessités de (sa) préparation. 2) Le but que se proposent les commandants-en-chef des armées alliées est de détruire les forces militaires organisées de l'ennemi. Les armées alliées

[1] Опубл. Stieve, S. 197.

[2] Далее следует текст 1, 2 и 3 ст. ст. соглашения с Италией от 26/13 апр. 1915 г., а также заключительной его части от слов: «Франция, Великобритания и Россия изъявляют полное согласие»...» (см. № 612, стр. 258).

continueront de lutter activement jusqu'à ce que ce résultat ait été obtenu. 3) Les commandants-en-chef se concerteront immédiatement pour le plan à suivre en vue d'atteindre ce résultat, et en particulier, de faciliter l'entrée en ligne de l'armée italienne. Le commandant-en-chef des armées russes règlera directement avec le représentant de l'Italie, à son grand quartier général, l'application des dispositions visées à l'article I, I-er alinea du mémoire. Les états majors généraux des armées alliées se maintiendront en liaison aussi étroite que possible, par l'intérmédiaire de missions spéciales et d'officiers de liaison. 4) Aucune des armées alliées ne pourra conclure d'armistice sans qu'il y ait accord préalable et unanime entre les généraux-en-chef des quatre armées. Paris, le 2 mai 1915. Le ministre de la guerre... Pour l'Angleterre... Pour la France... Pour l'Italie ... Pour la Russie... Fin de la convention.

Isvolsky.

Перевод.

Военная конвенция. — Во исполнение ст. I, II и III и заключительного параграфа итальянского меморандума, подписанного в Лондоне 26 апреля, текст коих приводится ниже ... делегаты главных штабов: гг. полковник Монтанари, подполковник ди Бреганце — от Италии, генерал-майор Кольвель, полковник Ярд-Буллер — от Англии, полковник граф Игнатьев — от России, бригадный генерал Пеле — от Франции собрались в Париже под председательством французского военного министра в воскресенье 2 мая 1915 г. и условились о следующем: 1) Целесообразно, чтобы дата вступления в войну итальянской армии была всемерно приближена, поскольку это позволят необходимые условия для ее готовности. 2) Цель, которую себе ставят главнокомандующие союзных армий, состоит в уничтожении организованных военных сил противника. Союзные армии будут продолжать активно бороться, пока этот результат не будет достигнут. 3) Главнокомандующие немедленно договорятся о плане, который необходимо привести в исполнение, дабы достигнуть этого результата и в частности облегчить вступление в действие итальянской армии. Главнокомандующий русскими армиями урегулирует непосредственно с представителем Италии в своей главной квартире вопрос о применении условий, упомянутых в 1 абзаце ст. I меморандума. Главные штабы союзных армий будут поддерживать между собой возможно тесную связь через посредство специальных миссий и офицеров связи. 4) Ни одна из союзных армий не сможет заключить перемирия без предварительного и единогласного соглашения между главнокомандующими четырех армий. Париж, 2 мая 1915 г. Военный министр . . . . От Англии . . . От Франции . . . От Италии . . . От России . . . Конец конвенции.

Извольский.

№ 664. Итальянский министр иностранных дел Соннино итальянскому послу в Петрограде Карлотти.

*/. Телеграмма [1]. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Réservé, spécial.

Télégramme du Cabinet.

Le ministre royal à Stockholm télégraphie:

«Il me paraît que les impressions de votre excellence au sujet de la Suède sont différentes des miennes, et dans le but d'éclaircir ce doute j'ai interpellé le ministre des affaires étrangères qui m'a dit qu'à son avis la Suède n'avait aucun intérêt à sortir de la neutralité, et par conséquent, quelle que puisse être notre décision, il fera le possible pour maintenir cette neutralité [2]. Cependant, dans l'intérêt de son pays, il désire vivement que l'Italie n'intervienne pas, parce que cette intervention rendrait la situation de la Suède encore plus difficile et pourrait l'exposer à de nouvelles pressions de la part de l'Allemagne. C'est dans ce sens que son excellence a télégraphié hier au baron Bildt. Le ministre des affaires étrangères m'a confirmé aujourd'hui que la cour impériale de l'Allemagne n'a aucun contact direct avec le roi de Suède et par conséquent l'Allemagne n'a aucune influence sur les négociations à Rome qui ont été entamées par le ministre de Suède seulement parce que ce dernier craint d'avoir personnellement des difficultés avec l'Allemange en cas de notre intervention.

Mon avis est que le Cabinet actuel ne se prêterait pas facilement à un projet d'intervention».

Перевод.

Доверительно. Особо секретно.

Телеграмма кабинета.

Королевский посланник в Стокгольме телеграфирует:

«Повидимому, впечатления вашего превосходительства по поводу Швеции отличаются от моих, и для выяснения этих сомнений я запросил министра иностранных дел, который мне сказал, что, по его мнению, Швеция совсем не заинтересована в выходе из нейтралитета и что, следовательно, каково бы ни было наше решение, он сделает все возможное для его сохранения. Тем не менее в интересах своей страны он горячо желает, чтобы Италия не выступила, так как это вмешательство сделало бы положение Швеции еще затруднительнее и могло бы подвергнуть ее новому давлению со стороны Германии. В этом смысле его превосходительство телеграфировал вчера барону Бильдту. Министр иностранных дел сегодня подтвердил мне, что германский императорский двор не имеет никаких непосредственных сношений со шведским королем, и что поэтому Герма

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с итальянского.

[2] Ср. № 622.

ния не имеет никакого влияния на римские переговоры, которые были начаты шведским посланником только потому, что последний опасается, что в случае нашего вмешательства он лично будет иметь затруднения с Германией.

По моему мнению, теперешний кабинет не легко согласится на какой-либо проект вмешательства [в войну]».

№ 665. Итальянский министр иностранных дел Соннино итальянскому послу в Петрограде Карлотти.

Телеграмма [1]. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Réservé, spécial.

Télégramme du Cabinet.

Le ministre royal à Stockholm télégraphie:

«Sa majesté le roi de Suède, que j'ai vu ce soir, m'a dit qu'étant informé par son ministre des affaires étrangères de mon entretien d'hier [2], il s'empressait de me remercier d'avoir eu soin d'éclaircir tous les doutes et d'avoir rectifié l'impression erronée qui s'était produite au sujet des intentions de la Suède.

Il m'a confirmé les déclarations qui m'avaient été faites hier par le ministre des affaires étrangères, et il m'a donné sa parole d'honneur qu'aucune influence de la part de l'Allemagne n'avait agi sur les démarches dont Bildt a été chargé auprès de notre souverain et auprès de votre excellence.

Sa majesté a ajouté que sans vouloir se prononcer par rapport à notre conflit avec l'Autriche-Hongrie, elle espérait que nous pourrions garder la neutralité et éviter une guerre avec l'Allemagne, qui durant tant d'années a été notre alliée.

Après avoir dit que les conditions réelles de nos négociations avec les empires du centre m'étaient inconnues, j'ai ajouté que je ne doutais pas de ce que le gouvernement royal eût compris toute l'importance de nos bons rapports avec l'Allemagne, et ait soin de les maintenir, en se conformant toutefois aux intérêts vitaux du pays.»

Перевод.

Доверительно. Особо секретно.

Телеграмма кабинета.

Королевский посланник в Стокгольме телеграфирует:

«Его величество шведский король, которого я видел сегодня вечером, сказал мне, что, будучи осведомлен министром иностранных дел о моей вчерашней беседе, он спешит меня поблагодарить за мои старания выяснить все сомнения

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с итальянского.

[2] См. № 664.

и исправить ошибочное впечатление, создавшееся по поводу намерений Швеции.

Он мне подтвердил заявление, сделанное мне вчера министром иностранных дел, и дал мне свое честное слово, что никакого влияния со стороны Германии не было оказано на шаги, которые Бильдт был уполномочен предпринять перед нашим монархом и вашим превосходительством.

Его величество добавил, что, не желая высказываться по поводу нашего конфликта с Австро-Венгрией, он надеется, что мы сможем сохранить нейтралитет и избегнуть войны с Германией, которая в течение стольких лет была нашей союзницей.

Сказав, что действительные условия наших переговоров с центральными империями мне были неизвестны, я добавил, что я не сомневаюсь в том, что королевское (итальянское) правительство поняло все значение наших хороших отношений с Германией и постаралось их сохранить, считаясь однако с жизненными интересами страны».

№ 666. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 253. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Гирс просит сообщить [1], что сегодня после завтрака во дворце он имел продолжительный разговор с королем, который указывал на то, что нынешняя война поставила его в очень тяжелое положение, как короля и человека, но что он твердо решил руководиться в своих действиях исключительно чувством своего долга и интересами Румынии. В дальнейшей беседе Гирс старался избегнуть обсуждения требований Румынии, которыми она желала бы обусловить свое выступление, но категорически высказался за необходимость теперь же определить срок этого выступления, причем он указал королю, что в разговорах с ним и со мною Братиану уклонялся от такой постановки переговоров. Король выразил надежду, что Братиану не останется непримиримым в этом вопросе, и пояснил, что это он сам, — по своим личным чувствам и вследствие полной аналогии в положении Румынии и Италии по отношению к их бывшим союзницам, — всегда желал, чтобы Италия выступила немного ранее Румынии и тем как бы подала пример последней. — В заключение король несколько жаловался на итальянское правительство, которое, будто бы, недостаточно осведомляло Румынию о ходе переговоров с Тройственным согласием. Даже первое известие о подписании соглашения пришло сюда из Лондона.

Поклевский.

---

[1] М. Н. Гирс находился в Бухаресте по пути в Рим, куда он был назначен послом.

№ 667. Французский посланник в Бухаресте Блондель французскому министру иностранных дел Делькассе.

Телеграмма № 201[1]. 2 мая/19 апреля 1915 г.

Mr. Bratiano a dans de nouvelles conversations confirmé sa ferme volonté d'obtenir les limites qu'il réclame avant d'entrer en action et il a été jusqu'à dire à mon collègue russe qu'en cas de refus, il ne prendrait pas la responsabilité d'une décision, et demanderait au roi de lui choisir un successeur. La situation deviendrait dans ce cas des plus compliquées. Mr. Bratiano expliquerait alors sa conduite en accusant la Russie d'intransigeance, et fort de l'approbation du roi, s'adresserait à l'opinion publique pour faire apprécier sa politique d'abstention. La méfiance contre la Russie lui rendrait facile de faire vibrer en Roumanie, pour peu que l'attitude de notre alliée y prête, des sentiments de rancune dans l'esprit des plus pondérés.

Je n'irais pas jusqu'à prétendre que la Roumanie marcherait contre nous, mais le désespoir qu'elle éprouverait de voir avorter ses rêves d'augmentations territoriales, serait seul suffisant pour l'amener à considérer la neutralité comme la meilleure des solutions.

Mr. Bratiano aurait ainsi atteint son but, et l'Allemagne remporterait un succès diplomatique qui rejaillirait non seulement sur la situation actuelle, mais sur l'avenir de toute la politique générale en Europe. La Roumanie nous accuserait de l'avoir livrée aux visées russes et retournerait une fois de plus, et cette fois pour longtemps à ses sentiments d'amitié pour la Double Alliance.

Перевод.

Г. Братиану в новых беседах подтвердил свое твердое намерение добиться требуемых им границ до вступления в войну; он сказал даже моему русскому коллеге, что в случае отказа он не примет на себя ответственности за решение и будет просить короля выбрать ему преемника. В этом случае положение станет чрезвычайно сложным. Г. Братиану будет объяснять тогда свое поведение, обвиняя Россию в неуступчивости и, опираясь на поддержку короля, обратится к общественному мнению за одобрением своей политики воздержания. Недоверие к России облегчит ему возможность пробудить в Румынии, как бы мало ни способствовала этому позиция нашей союзницы, враждебные к ней чувства даже в наиболее уравновешенных умах.

Я не собираюсь утверждать, что Румыния выступит против нас, но отчаяние, в которое она впадет, видя, что ее мечты о территориальных приращениях рассеялись, могло бы уже само по себе привести ее к признанию, что сохранение нейтралитета является лучшим выходом из положения.

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

Таким образом г. Братиану достиг бы своей цели, а Германия одержала бы дипломатический успех, который отозвался бы не только на настоящем положении вещей, но и на будущем всей общей политики в Европе. Румыния обвинила бы нас в том, что мы пожертвовали ею в пользу русских замыслов, и вернулась бы снова, и на этот раз надолго, к дружественной политике по отношению к Двойственному союзу.

№ 668. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде—Бьюкенену и Палеологу [1].

3 мая/20 апреля 1915 г.

Assumant la tâche de conduire à Pétrograd les négociations avec la Roumanie au sujet de sa coopération militaire avec les alliés, Mr. Sazonow ne manquera pas de tenir les Cabinets de Londres et de Paris au courant de la marche de ces négociations. Désireux de voir la Roumanie se ranger le plus tôt possible aux côtés des alliés, Mr. Sazonow est prêt à envisager les aspirations légitimes du peuple roumain dans un large esprit de conciliation. Il compte cependant sur le ferme appui des gouvernements britannique et français pour faire comprendre à Bucarest que, si l'on veut arriver à un accord, il ne faut pas insister sur des exigences excessives qui seraient en contradiction avec les droits indéniables des populations russe et serbe.

Mr. Sazonow a l'honneur d'ajouter que, dans ce sens, il serait très reconnaissant à Sir E. Grey de vouloir bien faire au ministre de Roumanie à Londres les observations proposées dans l'aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre à Pétrograd en date du 2 mai/19 avril courant [2].

Перевод.

Принимая на себя задачу вести в Петрограде переговоры с Румынией касательно ее военного сотрудничества с союзниками, г. Сазонов не преминет держать лондонский и парижский кабинеты в курсе переговоров. Желая, чтобы Румыния как можно скорее стала в ряды союзников, г. Сазонов готов рассматривать в самом примирительном смысле законные стремления румынского народа. Он рассчитывает однако на твердую поддержку британского и французского правительств, чтобы дать понять в Бухаресте, что если там желают притти к соглашению, то не следует настаивать на чрезмерных притязаниях, которые противоречили бы несомненным правам русского и сербского населения.

Г. Сазонов имеет честь добавить, что в этом отношении он был бы весьма благодарен сэру Э. Грею, если бы последний высказал румынскому посланнику в Лондоне соображения, предложенные в памятной записке английского посольства в Петрограде от 2 мая/19 апреля с. г.

---

[1] Черновик написан рукою Шиллинга.

[2] См. стр. 340, прим. 1.

№ 669. Памятная записка румынской миссии в Петрограде министру иностранных дел [1].

3 мая/20 апреля 1915 г.

Le thalweg du Danube jusqu'à la confluence de ce fleuve avec la Theiss.

Le thalweg de la Theiss, vers le nord jusqu'à la hauteur du village Algyo (N. Segedin).

D'ici la frontière se dirigerait vers le nord-est en faisant une petite courbe, jusqu'à 3 kilomètres à l'ouest du village Bekessamson.

Elle continuerait ensuite, en ligne droite, dans la direction du nord jusqu'à 3 kilomètres à l'ouest de la confluence des Crischs; après dans la direction du nord—nord-est en passant à 6 kilomètres à la droite de ville de Debreczen, pour aboutir à 4 kilomètres au nord de la confluence de la Theiss avec le Szamos, laissant à la Roumanie le village de Vasaros-Nameny.

A partir de la confluence de la Theiss avec le Szamos, en laissant à la Roumanie le bassin de la Theiss, la frontière continuerait jusqu'à la ligne de la séparation des eaux, c'est à dire jusqu'à la frontière entre la Galicie et la Hongrie, pour se confondre avec cette frontière; ensuite elle se dirigerait vers le nord se confondant avec la ligne de délimitation entre la Galicie et la Bukovine jusqu'au Pruth, qui séparerait la partie russe de la Bukovine de la partie roumaine en cette province.

Перевод.

Русло Дуная до слияния этой реки с Тиссой.

Русло Тиссы к северу до высоты деревни Альджио (сев. Сегедина).

Отсюда граница направилась бы к северо-востоку, делая небольшую излучину, до 3 километров на запад от деревни Бекес-Самсон.

Затем она продолжалась бы по прямой линии в северном направлении до 3 километров к западу от слияния Керешей; далее в северо-восточном направлении, проходя в 6 километрах справа от города Дебречин и заканчиваясь на 4 километра к северу от слияния р. Тиссы с Самошем, оставляя за Румынией деревню Васарош-Намени.

От пункта слияния Тиссы с Самошем, предоставляя Румынии бассейн Тиссы, граница продолжалась бы до линии водораздела, то есть до границы между Галицией и Венгрией, дабы совпасть с этой границей; потом она пролегала бы в северном направлении, совпадая с границей между Галицией и Буковиной до Прута, который отделил бы русскую часть Буковины от румынской части в этой провинции.

---

[1] На оригинале имеется помета рукою Базили: «Послать английскому и французскому послам». «Отправлено 6 мая[23 апреля] 1915 г.».

№ 670. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

-/. Телеграмма № 2014. 3 мая/20 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

По получении вашим французским и великобританским сотоварищами соответствующих указаний [1], благоволите сообщить министру иностранных дел, что три союзные державы отнеслись с должным вниманием к заявлению эллинского правительства [2] и оценивают по достоинству искренность и благожелательность его намерений. Державы приветсвовали бы присоединение к ним Греции. Поскольку последняя будет их союзницей, они готовы ее защищать от невызванного ею нападения, но они все же желают действовать совместно с Грецией на почве соглашения между балканскими государствами, которого можно было бы, по их мнению, достигнуть путем некоторых уступок Болгарии по окончании войны, взамен коих могли бы быть даны Греции соответственные и широкие вознаграждения в других местах. Допустимость такого обмена земель сделалась достоянием гласности со времени обнародования документов, сопровождавшего отставку Венизелоса [3].

Державы согласны разрешить своим морским и военным агентам вступить с греческим правительством в переговоры относительно заключения морской и военной конвенции для определения целей и размеров морского и военного содействия Греции. Вопрос же о вознаграждениях может быть отложен до окончания войны, но эллинское правительство может быть уверено в том, что его сотрудничество не останется без должной награды [4].

Сазонов.

№ 671. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

-/. Телеграмма № 2039. 3 мая/20 апреля 1915 г.

Шведский посланник в Риме заявил недавно итальянскому министру иностранных дел, что присоединение Италии к державам Тройствен-

---

[1] Тел. эта была вызвана пам. запиской англ. пос-ва в Петрограде от 2 мая/19 апр., в которой Грей, указывая, что дальнейшее промедление в ответе греч. прав-ву может произвести неблагоприятное впечатление, предлагал сделать заявление, текст которого дословно совпадает с предложением Сазонова.

[2] См. № 569.

[3] См. стр. 118, прим. 2.

[4] Тел. от 3 мая/20 апр. за № 271 Извольский сообщил, что, по мнению Делькассе, лучше временно воздержаться от предложенного Греем шага, так как он имеет основание предполагать, что Греция «сама сделает в скором времени новые

ного согласия может побудить Швецию выйти из нейтралитета и примкнуть к Германии [1], чтобы помешать окончательному разгрому последней, так как Швеция видит в сохранении равновесия в Европе лучшее обеспечение своей независимости. С своей стороны шведский министр иностранных дел сказал итальянскому посланнику в Стокгольме, что нынешнее правительство короля Густава сделает все от него зависящее, чтобы удержать Швецию от войны, но что, ввиду сочувствия шведского общественного мнения к Германии, не исключена возможность вооруженного вмешательства Швеции на стороне наших врагов. Ссылаясь на вышеизложенное, английский посол передал мне желание своего правительства дать Швеции успокоительные заверения в том смысле, что даже в случае решительного поражения Германии независимости Швеции не будет грозить никакой опасности [2].

Вполне соглашаясь с этим, я сказал Бьюкенену, что Россия готова присоединиться к Англии и Франции, чтобы сделать в Швеции совместное заявление в указанном смысле, причем я считал бы полезным, чтобы почин этого исходил от великобританского правительства. К такому заявлению могла бы быть привлечена и Италия. Что касается содержания заявления, то, мне кажется, можно было бы, сославшись на замечаемое беспокойство некоторых шведских кругов, повторить заверения, данные уже нами 6 августа (нового стиля) минувшего года [3].

Сазонов.

№ 672. Поденная запись министерства иностранных дел [4].

3 мая/20 апреля 1915 г.

Посетив министра, румынский посланник начал с того, что ему поручено передать предложения своего правительства немедленно выступить против Австрии, если державы согласятся вперед признать

предложения союзным державам» в связи со слухами о предстоящем выступлении Италии.

[1] См. №№ 622 и 664.

[2] Имеется в виду пам. записка англ. пос-ва в Петрограде от 29/16 апр., содержание которой изложено в публ. документе.

[3] См. т. VI, ч. 1, стр. 51, прим. 3.—Ответной тел. от 4 мая/21 апр. за № 275 Извольский сообщил Сазонову, что Делькассе считает маловероятным вооруженное вмешательство Швеции на стороне Германии, но «вполне готов присоединиться к предлагаемому вами заявлению в Стокгольме». Со своей стороны Бенкендорф известил Сазонова, что Никольсон указал ему на невозможность присоединения Италии к предполагаемому выступлению в Стокгольме до окончательного ее присоединения к державам Тройственного согласия (тел. от 6 мая/23 апр. за № 303).

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 9.

за Румынией право на присоединение части Австро-Венгрии в пределах, указанных в письменной заметке, которую посланник при этом вручил министру [1]. В общих чертах этими пределами являются: линия Прута в Буковине, граница между Галицией и Мармарош-Сигетским комитатом, линия, идущая от Васарош-Намени приблизительно до Сегедина, а затем линии Тиссы и Дуная. Диаманди заявил, что если державы согласятся на эти румынские пожелания, то от России будет зависеть указать самый день выступления Румынии, так как последняя не только готова, но считает в своих интересах необходимым возможно быстрое нанесение первого удара Австро-Венгрии. Он однако упомянул, что румынским войскам понадобится еще пополнение запасов патронов и ружей, которые в Бухаресте надеются получить от России.

С. Д. Сазонов не скрыл от посланника своего удивления по поводу необыкновенно широких притязаний Румынии и обратил внимание Диаманди на то, что России нельзя будет согласиться ни на линию Прута в Буковине, ни на предоставление Румынии всего Баната, ввиду необеспеченности в таком случае стратегического положения Белграда [2]. Он напомнил посланнику, что уже с сентября месяца между Россией и Румынией существует соглашение [3], ставящее будущее распределение земель в зависимость от состава населения, и заявил, что, по его мнению, необходимо придерживаться и ныне этого начала.

Диаманди возразил, что соглашение [1 октября] 18 сентября имело в виду нейтралитет Румынии, между тем как за военное содействие Румыния в праве получить нечто большее.

С. Д. Сазонов не согласился с этой точкой зрения, сказавши, что соглашение [1 октября] 18 сентября не обещало также Румынии военного содействия со стороны России, между тем, если теперь Румынии удастся увеличить свою территорию, то лишь при военном содействии России, которое также имеет свою цену.

Во избежание разрыва переговоров с первого же свидания министр просил посланника доставить ему карту, на которой были бы намечены румынские требования, а тем временем сообщить Братиану сде-

---

[1] См. № 669.

[2] Сообщая об этом послам в Париже и Лондоне, Сазонов добавлял, что росс. прав-во не может согласиться «на допущение румын к самому Белграду, для которого они могут стать не меньшей угрозой, нежели до сих пор были австрийцы» (тел. от 3 мая/20 апр. за № 2040, опубл. Ц. Р., стр. 183).

[3] См. т. VI, № 340.

данное им общее возражение в надежде, что последний снабдит румынского посланника новыми указаниями.

№ 673. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 273. 3 мая/20 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваш № 2010 [1].

Переговорил по ее содержанию с Делькассе, который самым положительным образом подтвердил мне свою готовность воздействовать на румынское правительство в указанном смысле. Он уже преподал по сему предмету надлежащие инструкции французскому посланнику в Бухаресте телеграммою, содержание коей должно быть уже сообщено вам Палеологом [2].

Извольский.

№ 674. Верховный главнокомандующий товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 211 [3]. 3 мая/20 апреля 1915 г.

Не имея известий из министерства иностранных дел о том, что привез Диаманди, я, основываясь на частных сведениях, которые гласят о каких-то чрезмерных требованиях Румынии и ее кичливом тоне, считаю нужным высказать министру иностранных дел свой взгляд с военной точки зрения. Выступление Италии дает нам такой существенный плюс, что выступление Румынии получает второстепенное значение. Вследствие этого я считаю, что надо ей дать понять, что ее выступление может быть допущено, но что, очевидно, ее вожделения чрезмерны и совершенно неприемлемы. Раз Румыния свое предложение о выступлении сделала даже позже подписания договора с Италией, то следует этим воспользоваться для исправления будущей границы Закарпатской Руси, Буковины и Венгрии в полном согласовании с стратегическими основаниями, изложенными в моей записке [4].

---

[1] Содержание первой части пам. записки Сазонова Палеологу и Бьюкенену от 3 мая/20 апр. до слов: «Mr. Sazonow a l'honneur d'ajouter...» («Г. Сазонов имеет честь добавить...») — (см. № 668) было передано Извольскому и Бенкендорфу тел. от 2 мая/19 апр. за № 2010 (опубл. Ц. Р., стр. 182).

[2] Соответствующая пам. записка Палеолога в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 183.

[4] Записка верх. главнокомандующего в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, речь идет о записке ген. Данилова от 28/15 марта (см. приложение к тому).

имеющейся в министерстве. Глубоко уверен, что при твердости, вполне оправдываемой обстановкой, Румыния будет вынуждена самим ходом дел примкнуть к нам, удовольствуясь тем, что мы ей дадим, тем более, что, насколько мне известно, Англия и Франция своих требований не предъявят, а всецело поддержат наши [1].

Николай.

№ 675. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

4 мая/21 апреля 1915 г.

Paul Cambon has mentioned to Sir E. Grey the Greek proposal to join the Allies without conditions, reserving their army to contain the Bulgarian army but giving the cooperation of their fleet [3].

Sir E. Grey thinks that when the proposal is actually made (it had not been received at the time of despatch of the telegram on which this Aide-Mémoire is based) the Allies must accept an offer made by Greece, without conditions. He thinks, however, that it would be advisable to leave no doubt at Sofia that the Allies are prepared to negotiate for the cooperation of Bulgaria and that the arrangements come to with Greece contain nothing to the disadvantage of Bulgaria [4]. If we do not do so, Sir E. Grey is of opinion that Bulgaria may be driven into the arms of our enemies — instead of being drawn towards us — by the idea that we are committed to oppose any reasonable claims which she may put forward.

Перевод.

Г. Поль Камбон сказал сэру Э. Грею о предложении Греции присоединиться к союзникам без предъявления условий, сохраняя свою армию в резерве

[1] Ответной тел. от 3 мая/20 апр. за № 2038 Сазонов сообщил верх. главнокомандующему содержание своего разговора с Диаманди (см. № 672).

[2] Лит. копия.

[3] Пам. запиской от 4 мая/21 апр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 225) Палеолог сообщил: «Греческий посланник в Париже был уполномочен г. Зографосом сделать г. Делькассе следующее заявление, в качестве выступления, предпринятого по исключительно личной его инициативе: Греция должна беречь все свои сухопутные силы для того, чтобы оградить себя от возможного нападения Болгарии. Но она могла бы теперь же предоставить свои морские силы в распоряжение союзников, предложив им наибольшие удобства в пользовании ее территорией и ее портами».

[4] Ответной пам. запиской от 5 мая/22 апр. Сазонов высказал свое согласие на предложение Грея и дал в тот же день соответствующие инструкции посланнику в Софии (тел. за № 2066).

для ограждения себя от болгарской армии, но предоставляя содействие своего флота.

Сэр Э. Грей полагает, что, когда это предложение будет действительно сделано (оно не было получено ко времени отправки телеграммы, которая легла в основу этой памятной записки), союзники должны принять предложение, сделанное Грецией без предъявления условий. Он тем не менее думает, что было бы целесообразно не давать болгарам повода сомневаться в том, что союзники готовы вести переговоры о сотрудничестве Болгарии и что достигнутое с Грецией соглашение не заключает в себе ничего такого, что могло бы нанести ущерб Болгарии. Сэр Э. Грей полагает, что, если мы этого не сделаем, Болгария может быть брошена в объятия наших врагов, — вместо привлечения на нашу сторону, — под впечатлением, что мы намерены отвергнуть всякие разумные требования, которые она могла бы выставить.

№ 676. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 3. 4 мая/21 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador has been instructed to communicate to Mr. Sazonow the following telegram, dated May 3/April 20 which he has received from Sir E. Grey:

«The Roumanian Minister informed me to-day that instructions have been sent to the Roumanian Minister at Petrograd to negotiate there on the subject of the Pruth and the Theiss. He hoped that we should be sympathetic in Petrograd to the Roumanian claims.

I said that we would certainly not disinterest ourselves in the negotiations because we were anxious to see an agreement arrived at; but I pointed out that last autumn when some Roumanian financiers arranged a loan in London[1] at a time when we were restricting all loans to Allies only, they had informed the Chancellor of the Exchequer that Roumania was going to take the side of the Allies. Subsequently on March 25th last the Roumanian Minister had been instructed to inform me that Roumania had decided to take the side of the Allies about the beginning of May (old style); and he had not mentioned any condition except a certain supply of munitions of war from France[2]. I had of course understood that the arrangement come to by Roumania with Russia about the Bukovina and the possibility of Transylvania were conditions and I had already expressed myself favourably to their aspirations in Transylvania. But it was contrary to all my experience in negotiations and very surprising

[1] См. т. VI, №№ 626 и 748.

[2] См. № 429.

*

that after all this and at the last moment a demand should be made for a promise of the boundary of the Theiss as a condition of Roumanian co-operation.

The Roumanian Minister said that last March he had mentioned something about boundaries to be settled later.

I said that I did not say that no part of the Theiss would be possible as a part of the boundary, but Servia must have something to the north of Belgrade; and, though Transylvania and a share of Bukovina might not limit all that Roumania would get eventually, I had understood that other things would be left to be settled in the general peace.

The Roumanian Minister continued to press me to instruct you to be sympathetic to the Roumanian claims.

To this I said that I would do all in my power to promote agreement but that I could not promise to support the extreme limit of Roumanian clai ms and there must be some give and take on both sides if an agreement waseto be ensured. It was understood that the question of the Pruth was pursly a question between Russia and Roumania and it was only in this quetion of the Theiss that the Roumanian Minister appealed to me»[1].

Перевод.

Посол его британского величества получил предписание сообщить г. Сазонову следующую телеграмму от 3 мая/20 апреля, которую он получил от сэра Э. Грея:

«Румынский посланник сегодня уведомил меня, что румынскому посланнику в Петрограде даны инструкции вступить там в переговоры касательно Прута и Тиссы. Он надеется, что наше посольство в Петрограде отнесется сочувственно к румынским притязаниям.

Я сказал, что мы, конечно, сами заинтересованы в переговорах, так как мы стремимся к тому, чтобы соглашение состоялось; но я указал, что минувшей осенью, когда некоторые румынские финансисты заключили заем в Лондоне в то время, когда мы предоставляли займы одним только союзникам, они уведомили канцлера казначейства, что Румыния собирается присоединиться к союз-

[1] Ранее, пам. запиской от 2 мая/19 апр., Бьюкенен передал Сазонову, что Грей, возражая против «окончательного и подробного распределения территории, примыкающей к Сербии, прежде чем сама Сербия получит окончательные заверения о компенсациях», относится отрицательно к тому, чтобы Румыния «выставляла другие условия, кроме касающихся Трансильвании и Буковины, о которых она уже договорилась». Что касается предложения рум. посланника в Лондоне, чтобы «переговоры касательно Прута велись в Петрограде, а касательно Тиссы — в Лондоне», то Грей считал, что «все переговоры лучше вести в Петрограде, поскольку там будут происходить переговоры о Буковине и поскольку невозможно, чтобы центром переговоров всегда был Лондон» (Ср. № 668)

никам. После этого, 25 минувшего марта румынский посланник получил предписание уведомить меня, что Румыния решила стать на сторону союзников в начале мая (старого стиля), и она не упоминала ни о каких условиях, кроме поставки некоторого количества военного снаряжения из Франции. Я, конечно, понял, что между Румынией и Россией было достигнуто соглашение касательно Буковины и возможностей в отношении Трансильвании и я сам уже высказался благоприятно относительно их притязаний в Трансильвании. Но меня поразило, как противоречащее всему моему опыту ведения переговоров, то обстоятельство, что после всего этого и в последний момент в качестве условия румынского сотрудничества было предъявлено требование обеспечить границу по Тиссе.

Румынский посланник заявил, что в марте он затрагивал вопрос о границах, которые должны быть установлены позднее.

Я сказал, что я не говорил о том, что ни одна часть Тиссы не может быть частью границы, но что Сербия должна иметь некоторую территорию на север от Белграда; и хотя Трансильванией и частью Буковины не ограничится все то, что Румыния может получить впоследствии, я имел в виду, что другие условия будут установлены при заключении общего мира.

Румынский посланник продолжал настаивать на том, чтобы я убедил вас отнестись сочувственно к румынским притязаниям.

На это я ответил, что сделаю все, что в моих силах для заключения соглашения, но что я не могу обещать поддерживать румынские притязания до крайних их пределов и что необходимы взаимные уступки с обеих сторон для того, чтобы соглашение было достигнуто. Было условлено, что вопрос о Пруте является вопросом, касающимся только России и Румынии, а потому румынский посланник обратился ко мне лишь по вопросу о Тиссе».

№ 677. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 298. 4 мая/21 апреля 1915 г.

J'observe que fabrications récentes de bulletins militaires allemands inspirent ici appréhensions sur modifications dispositions des neutres, notamment de Roumanie, Bulgarie et, probablement, Grèce, malgré avance faites à Paris [1] qui ne paraissent pas encore avoir reçu approbation du roi, Zographos n'ayant parlé que d'un projet de démarche officielle à laquelle il donnerait suite après avoir pris ordre du roi, tandis que Romanos n'a été chargé faire à Paris qu'une communication en son nom personnel. Grey très soucieux langage tenu à Stockholm. Ai fait ressortir combien entrée en action de Suède restait sérieuse, notamment pour Russie (et) pour alliés, vu blocus possible Archangel, dont conséquences sérieuses affecteraient toute l'Alliance. Nicolson à plusieures reprises m'a demandé quelle était l'importance militaire de mouvements allemands dans provinces baltiques, auxquelles il attribue influence de Suède. J'ai répondu que je partageais son opinion, mais n'ai pu lui

[1] См. № 675.

donner aucune indication sérieuse sur importance stratégique et militaire de cet avancement allemand. Je pense qu'une communication à ce sujet serait très utile.

Benckendorff.

Перевод.

Я замечаю, что недавно изготовленные германские военные бюллетени вызывают здесь опасение касательно изменения настроений нейтральных стран, в частности Румынии, Болгарии и, вероятно, Греции, несмотря на шаги, предпринятые в Париже, которые, повидимому, не получили еще одобрения короля, так как Зографос говорил только о проекте официального выступления, которому он даст ход лишь после получения приказания короля, между тем как Романос был уполномочен сделать в Париже сообщение только от своего личного имени. Грей очень озабочен разговорами, происходившими в Стокгольме. Я указал, насколько серьезное значение имело бы выступление Швеции, главным образом для России, но также и для союзников ввиду возможной блокады Архангельска, важные последствия которой отзовутся на всем союзе. Никольсон несколько раз задавал мне вопрос, какое военное значение имеют передвижения немцев в прибалтийских провинциях, каковые он приписывает влиянию Швеции. Я ответил, что разделяю его мнение, но не мог ему дать никакого серьезного указания на стратегическое и военное значение этого германского продвижения. Я думаю, что сообщение об этом было бы весьма полезно.

Бенкендорф.

№ 678. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 276. 4 мая/21 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваш № 2014 [1].

Переговорил по ее содержанию с Делькассе, который сказал мне, на основании телеграмм, полученных им сегодня из Петрограда и Лондона, что предложенный вами текст сообщения греческому правительству отпадает. Вследствие сказанных телеграмм он вызвал сегодня греческого посланника и сказал ему, что сделанные здесь известные вам через Палеолога официальные [2] греческие предложения [3] кажутся союзникам приемлемыми; теперь Делькассе ожидает официального предложения со стороны греческого правительства в том же смысле, т. е. без формулирования каких бы то ни было условий.

Извольский.

---

[1] См. № 670.

[2] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «официозные».

[3] См. стр. 338, прим. 3.

№ 679. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 279[1]. 4 мая/21 апреля 1915 г.

La convention prévue par l'article 3 du mémoire du 26 avril 1915 est rédigée comme suit, après entente des représentants des marines anglaise, italienne et française: Article 1. Les flottes alliées coopéreront ensemble avec le plus grand accord. — Article 2. Il sera constitué sous le commandement du commandant-en-chef de l'armée navale italienne une première flotte alliée qui sera composée indépendamment des unités italiennes: primo — de 12 contre-torpilleurs français; secundo — d'autant de torpilleurs, de sous-marins et de navires spéciaux dragueurs de mines qu'il sera possible aux commandant-en-chef de l'armée navale française de détacher; tertio — si possible d'avions et d'un navire porte-avions français. Dès que les opérations maritimes contre Constantinople seront terminées, l'amirauté anglaise mettra à la disposition du commandant-en-chef de l'armée navale italienne 4 croiseurs légers actuellement employés aux Dardanelles. — Article 3. Le commandant-en-chef de l'armée navale italienne aura l'initiative et la direction complète des opérations qui seront exécutées dans l'Adriatique par la flotte alliée indiquée à l'article 2. — Article 4. En vue des éventualités qui imposeraient à la flotte alliée indiquée à l'article 2 de se porter dans le nord de l'Adriatique, ou pour toute opération importante dans l'Adriatique paraissant nécessiter l'intervention de l'ensemble des forces navales, il sera constitué une seconde flotte alliée composée de vaisseaux de combat français, de vaisseaux de combat italiens dont n'aurait pas disposé le commandant-en-chef de l'armée navale italienne et, éventuellement, après la fin des opérations dans les Dardanelles, de 4 cuirassés anglais. Cette seconde flotte alliée sous le commandement du commandant-en-chef de l'armée navale française sera prête à répondre à l'appel du commandant-en-chef de la flotte italienne. — Article 5. Toutes les bases de la côte italienne seront mises à la disposition des alliés. Toutefois, lorsque la première flotte alliée aura Brindisi comme base, la seconde flotte alliée utilisera de préférence les bases de Tarente, de Malte et de Bizerte; si la première flotte remonte dans le nord, avec Venise comme base, la place de Brindisi, ainsi que celle de Tarente, seront à la disposition de la deuxième flotte alliée.— Article 6. Tant qu'il y aura des forces navales ennemies dans l'Adriatique, les alliés s'engagent à assurer leur concours à l'armée navale italienne de façon à maintenir la puissance navale alliée autant que possible nettement supérieure à celle de l'ennemi. — Article 7. En vue de combiner

[1] Опубл. Stieve, S. 198.

leurs actions, les deux commandants-en-chef, se tenant en rapports de tous les instants, se communiqueront leurs [plans][1] d'action, leurs positions, les résultats des opérations, les renseignements sur l'ennemi et tous documents utiles à l'oeuvre commune. Pour réaliser plus étroitement cette union, chaque commandant-en-chef aura auprès de l'autre un ou plusieurs officiers de son état-major. Il est entendu que la première disposition à prendre est la constitution d'un code de signaux secrets pour les communications des flottes alliées entre elles. Ce travail sera exécuté à Londres. Article additionnel. — Lorsque le passage entre la mer Noire et la mer Méditerranée sera ouvert, les bâtiments de la flotte russe de la mer Noire qui passeraient en Méditerranée se rangeront sous les ordres du commandant-en-chef de l'armée navale française [2].

Isvolsky.

Перевод.

Соглашение, предусмотренное 3-й статьей меморандума от 26 апреля 1915 г., после согласования с представителями английского, итальянского и французского флотов редактировано следующим образом: Статья 1. Союзные флоты будут действовать совместно в полном согласии между собой. — Статья 2. Будет образован под начальством главнокомандующего итальянской морской армии первый союзный флот, который будет состоять, помимо итальянских боевых единиц: во-первых, из 12 французских контр-миноносцев; во-вторых, из стольких миноносцев, подводных лодок и специальных судов, по вылавливанию мин, сколько будет возможно выделить главнокомандующему французской

---

[1] Нерасшифрованное слово восстановлено по тексту, опубл. A. Thomazi «La guerre navale dans l'Adriatique», Paris, 1925, p. 82.

[2] Тел. от 8 мая/25 апр. за № 296 Извольский сообщил об изменениях, внесенных в текст конвенции по желанию итал. представителя, а именно: конец § 3 статьи 2 был вычеркнут, и вместо него вставлены два новых параграфа: «§ 4—4-х английских легких крейсеров, которые присоединятся к первому союзному флоту, как только они будут заменены в Дарданеллах четырьмя французскими крейсерами, и § 5 — дивизии 4 английских броненосцев, предоставляемой в распоряжение итальянского главнокомандующего». Соответственно с этим была изменена статья 4, в которой были вычеркнуты слова «и эвентуально по окончании Дарданелльских операций из 4 английских броненосцев», а после слова «итальянские» (боевые суда) вставлены слова «или английские».

По словам Извольского, русский представитель, капитан II ранга Дмитриев, заявил, что росс. верх. командование не возражает против проекта конвенции, но что он не имеет полномочий на ее подписание, так как это не предусмотрено соглашением 26/13 апр. В связи с этим франц. морск. м-р предложил подписать соглашение втроем по получении итал. представителем полномочий, с тем, что «Россия впоследствии присоединится к конвенции путем дипломатического заявления, оговорив в последнем принятие дополнительной статьи проекта конвенции, касающейся Черноморского флота». Тел. от 10 мая/27 апр. за № 303 (опубл. Ц. Р., стр. 294) Извольский сообщил о подписании морской конвенции между Францией, Англией и Италией.

морской армией; в-третьих, по возможности из французских самолетов и одной авиоматки. Как только морские операции против Константинополя будут закончены, английское адмиралтейство поставит в распоряжение главнокомандующего итальянской морской армией 4 легких крейсера, действующие в настоящее время в Дарданеллах. — Статья 3. Главнокомандующий итальянской морской армией будет иметь инициативу и полное руководство операциями, выполняемыми в Адриатическом море союзным флотом, указанным в статье 2. — Статья 4. Имея в виду обстоятельство, могущее вызвать сосредоточение указанного в статье 2 флота в северной части Адриатического моря, а также для всякой важной операции в Адриатическом море, делающей, повидимому, необходимым вмешательство совокупности морских сил, будет образован второй союзный флот, составленный из французских линейных судов, из таких же итальянских судов, которые не находятся в распоряжении главнокомандующего итальянской морской армией, и эвентуально, по окончании дарданелльских операций, из четырех английских броненосцев. Этот второй союзный флот, под начальством главнокомандующего французской морской армией, будет готов выступить по приглашению главнокомандующего итальянским флотом. — Статья 5. Все базы итальянского побережья будут предоставлены в распоряжение союзников. Тем не менее в случае, если первый союзный флот будет иметь в качестве своей базы Бриндизи, второй союзный флот по преимуществу будет пользоваться базами в Таренте, Мальте и Бизерте; если первый флот уйдет на север, имея базу в Венеции, то Бриндизи, а также Тарент будут предоставлены в распоряжение второго союзного флота. — Статья 6. Пока в Адриатике будут находиться неприятельские военные силы, союзники обязуются обеспечить свое содействие итальянской морской армии с тем, чтобы, насколько возможно, удержать союзные морские силы на уровне явного преобладания над силами врага. — Статья 7. В целях согласования своих действий оба главнокомандующие будут поддерживать между собой постоянный контакт, сообщая друг другу их [планы] действия, их позиции, результаты операций, сведения о неприятеле и все документы, полезные для общего дела. Для осуществления более тесной связи каждый главнокомандующий будет иметь при другом одного или нескольких офицеров из своего главного штаба. Установлено, что первой мерой, которую следует принять, должна быть выработка свода секретных сигналов для поддержания связи между союзными флотами. Эта работа должна быть выполнена в Лондоне. Дополнительная статья. Когда будет открыт проход между Черным и Средиземным морем, суда русского Черноморского флота, которые выйдут в Средиземное море, будут подчиняться приказаниям главнокомандующего французской морской армией.

Извольский.

№ 680. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 261 [1]. 4 мая/21 апреля 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Братиану сегодня заявил здешнему французскому посланнику, что если мы не согласимся дать Румынии линию Прута и Тиссы до Сеге-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 184.

дина, то Румыния не примет участия в войне [1], и никакая сила в мире не заставит Братиану согласиться на активное выступление его отечества. Он прибавил, что в случае принятия румынских требований, он готов обещать выступить около 15 мая старого стиля. — Лично думаю, что румынское правительство пойдет на уступки в Угорщине и, вероятно, согласится оставить сербам небольшую полосу Баната вдоль Дуная для обеспечения обороны Белграда. Я также склонен (думать), что непримиримость Братиану поддерживается в нем и королем, который в душе не может сочувствовать выступлению Румынии и, повидимому, старается его отсрочить. Кроме того, несомненно, что здешнее общественное мнение будет приветствовать согласие наше на линию Прута как компенсацию за Берлинский трактат и будет склонно, — по крайней мере теперь, — смотреть на реку Прут как на окончательную границу между Россией и Румынией. — Ввиду вышеизложенного я опасаюсь, что в вопросе о Пруте общественное мнение станет на сторону Братиану и что неуспех нынешних переговоров сделает искреннюю кооперацию обоих государств во время нынешней войны чрезвычайно трудной, а это в свою очередь может предрешить в неблагоприятном смысле и их будущие отношения — по заключению мира.

Поклевский.

№ 681. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 521. 4 мая/21 апреля 1915 г.

Имел еще продолжительную беседу с престолонаследником, который показался мне, несмотря на обычную сдержанность, взволнованным по поводу слухов о состоявшемся уже соглашении с Италией. Он не скрыл, что разделяет единодушно выражаемое здешней печатью чувство оскорбленного самолюбия по поводу того, что союзники не считаются с сербами. Последняя [2], по его словам, не заслужила такого отношения своей лойяльностью, ибо со всеми нейтральными, которые до сих пор одинаково, если не более, помогали нашим врагам, чем нам, разговаривают, позволяют торговаться за счет Сербии и только с последнею не считают нужным церемониться. Наследник сообщил мне доверительно, что Пашич высказал ему желание при таких условиях покинуть власть. Сегодня в газетах появились уже слухи о министерском кризисе. Лично я надеюсь, что Пашич не подаст в отставку и стараюсь воздействовать в успокоительном смысле. Несомненно

---

[1] Ср. № 667.
[2] Т. е. Сербия.

однако, что в переговорах с Италией без ведения и участия Сербии здесь усматривают недостаток доверия к ней, который дает повод такому же недоверию с ее стороны к союзникам. Практически это будет иметь, вероятно, результатом энергический отпор требованиям в пользу уступок Болгарии и стремление оградиться от возможности чрезмерных притязаний Румынии в Банате. Здесь очень смущены заигрыванием с Черногорией Италии и желанием последней воспользоваться Черногорией, как базой для военных действий [1]. Наследник признался мне, что лично он стоял за посылку дивизии в Черногорию для отпора итальянцам в случае попытки самовольной высадки. Помимо стратегических соображений, итальянцами руководит желание войти в славянские области Австрии вместе с черногорцами и сербами, дабы оградиться от столкновений местного населения, которых они не без основания опасаются. Сербам претит мысль совместных действий с Италией, которую они считают более опасным врагом, чем Австрию. Наследник в доверчивой беседе со мною дошел до выражения надежды, что австрийцы разобьют итальянские войска. Как он, так и правительство встревожены мыслью о создании самостоятельной Кроации, которая может быть искусственно направлена к розни с Сербией, созданием притязаний на те же области, как сейчас происходит между Сербией и Болгарией. Перенявшая приемы австрийской политики, Италия намекнула, что мысль о самостоятельной Кроации принадлежит не ей, а России. Итальянский король это прямо высказал князю Павлу Карагеоргиевичу, находящемуся в Риме. Ему же он шутя признался, что итальянцы как торговцы, чтобы получить за что-нибудь франк, запрашивают полтора. Я сказал наследнику, что, не будучи осведомлен, советую ему с осторожностью относиться к речам, имеющим целью посеять между нами недоверие. При этом высказал личное мнение, что если в Кроации возобладало бы течение в сторону независимости, то на мирном конгрессе трудно будет не считаться с самоопределением народностей. На это королевич с живостью возразил, что в таком случае должно спросить и Далмацию, однако ею распоряжаются без спроса. Что касается Кроации, то если большинство населения, по его мнению, на стороне Сербии, то, конечно, среди высших классов есть элементы, которые будут проводить мысль о независимости. Пашич полагает, что как мысль о независимости

[1] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 532 Трубецкой сообщал, что «Италия действительно нащупывала почву в Черногории о совместных военных действиях, но Сербия посоветовала последней отнестись к этим запросам с величайшей сдержанностью и ожидать указаний нашего верховного главнокомандующего».

Кроации, так и заигрывание Италии с Черногорией происходит вследствие опасения римского кабинета роста Сербии. Черногории же итальянцы не боятся, ибо экономически ее почти подчинили, а в политическом отношении знают, что она не способна к организации. Наследник спрашивал также моего мнения, воспользуются ли болгары выступлением Сербии для нападения на нее. Этим пугают сербов Италия и Греция, каждая из своих видов. Я старался рассеять эти опасения, но в заключение считаю долгом высказать мнение о желательности дать мне возможность какими-либо данными оказать здесь успокоительное воздействие и внушить доверие.

Трубецкой.

№ 682. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 135. 4 мая/21 апреля 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

Продолжение телеграммы № 130 [1].

Товарищ министра иностранных дел, с которым только-что виделся, сказал мне доверительно, что полученный в субботу ответ Китая [2] на окончательные требования Японии рассматривался вчера в совете министров и признан неудовлетворительным. Китайцы не только не приняли некоторых пунктов, касающихся Манчжурии и Монголии, но отказались и от многих уступок, на которые ранее словесно изъявляли согласие; так, вся последняя группа японских пожеланий, кроме вопроса о Фуцзяне, ими отклонена. Кроме того, Китай требует от Японии включения в текст предположенного соглашения формальных обещаний, что Япония возвратит Циндао Китаю, допустит Китай к мирным переговорам после настоящей войны и возместит убытки, понесенные китайскими подданными от военных действий японцев на Шаньдуне.

В настоящую минуту происходит экстренное совещание министров с членами генро, и решение, которое будет вынесено на этом совещании, будет представлено завтра на утверждение императора. Товарищ министра иностранных дел не видит другого решения, как предъявление Китаю ультиматума [3].

Малевский.

---

[1] Тел. от 1 мая/18 апр. за № 130 Малевский сообщил об опасении Като, как бы Юань Ши-кай, по личным соображениям, не вызвал решительного выступления Японии, отказавшись выполнить ее требования, «дабы иметь вид, что он уступает только силе».

[2] Ответ Китая от 1 мая/18 апр. опубл. в японской Белой книге, стр. 64.

[3] Тел. от 5 мая/22 апр. за № 226 Крупенский сообщил, что накануне кит. м-во ин. дел заявило япон. посланнику о своей готовности «пересмотреть свой последний ответ, если Япония считает его неудовлетворительным».

№ 683. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 2065. 5 мая/22 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Албания. Сербский посланник передал мне телеграмму Пашича, в которой последний просит державы Согласия разрешить Сербии двинуть на помощь Эсаду 10 000 солдат, находящихся на албанской границе. Эсад, будто бы, иначе не будет в состоянии устоять против турецко-австрийской агитации, на усмирение же смуты, которая явится неминуемым последствием его бегства из Дураццо, потребуются гораздо более значительные силы [1].

Благоволите возобновить Пашичу наш совет направить все свои силы к борьбе с главным противником, то есть Австрией [2].

После поражения австрийцев легко будет справиться с их ставленниками, держащимися главным образом их помощью. К тому же выступление Сербии в Албании может создать нежелательные трения с другими государствами. Вы могли бы также напомнить Пашичу, что он в свое время, ходатайствуя о занятии стратегических пунктов в Албании [3], заявлял, что это занятие вполне обеспечит оборону сербских земель и что дальнейшее наступление в Албании не считается им необходимым в будущем.

Сазонов.

№ 684. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2083 [4]. 5 мая/22 апреля 1915 г.

Ваша телеграмма № 261 [5] получена.

О принятии нами линии Прута речи быть не может. Разграничение Буковины должно быть произведено, как было условлено [1 октября] 18 сентября, на основании этнографического начала с допущением

---

[1] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 305 Бенкендорф сообщил, что, в связи с аналогичным выступлением серб. посланника в Лондоне, Грей запросил через посла в Риме мнение Соннино, который ответил, что «он охотно верит в австрийские происки в Албании, но полагает, что в сербском изложении фактов есть преувеличение и что Эсад не находится в опасности, так как в таком случае он обратился бы к Италии, чего на самом деле не было».

[2] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 293 Извольский передал о согласии Делькассе снабдить франц. посланника в Сербии тождественными инструкциями.

[3] Ср. т. VI, № 221.

[4] Опубл. Ц. Р., стр. 184.

[5] См. № 680.

лишь поправок путем взаимного обмена небольшими участками для лучшего очертания границы. Русское население Угорщины также не может быть отдано Румынии. В Банате нельзя согласиться на удовлетворение тех притязаний румын, которые явно нарушают законные интересы сербов.

Поэтому, если Братиану будет настаивать на означенных неприемлемых требованиях, нам не удастся притти к соглашению, тем более, что Франция и Англия вполне разделяют наши взгляды, а с военной точки зрения верховный главнокомандующий уже не придает теперь румынскому выступлению прежнего значения [1]. Вышеизложенное передается вам не для передачи Братиану, а для вашего личного руководства в беседах с ним.

Сазонов.

№ 685. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 33. 5 мая/22 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой за № 137 [2] я имел честь донести вашему высокопревосходительству о заявлении, сделанном мне сегодня от имени японского военного министра генералом Ошима, в присутствии корейского генерал-губернатора графа Тераучи, относительно отпуска нам ружей из японского запаса.

Еще накануне этого дня, когда у меня был назначен завтрак в честь генерала Терачи, он прислал близкого ему человека генерала Танака доверительно предупредить меня, чтобы я не ожидал от военного министра или его товарища, которые были также приглашены мной, немедленного ответа относительно ружей, но что он, граф Терачи, настаивает на отпуске нам не менее ста тысяч винтовок и надеется на успех своих настояний, когда минует нынешнее тревожное время.

Военный министр генерал Ока не мог прибыть на мое приглашение, так как весь день провел на чрезвычайном совещании членов кабинета и генро по поводу китайского кризиса. Но товарищ его генерал Ошима пробыл у меня до 3 часов пополудни и в присутствии генерала Терачи сказал мне следующее: японское военное министерство искренно желает оказать нам содействие ружьями, но дело это требует зрелого обсуждения и санкции всех фельдмаршалов; старания к скорейшему решению вопроса прилагаются, но по некоторым обстоятельствам

[1] См. № 674.
[2] От 5 мая/22 апр.

окончательный ответ не может последовать раньше, как через две недели.

Я ответил генералу Ошима, что русское военное ведомство очень благодарно за добрые намерения японских военных властей и уже оказанные нам услуги, но что вопрос о ружьях по своему характеру является весьма спешным [1] и что для нас было бы в высшей степени важным знать определенно, получим ли мы здесь ружья или нет. В зависимости от этого могут быть предприняты нами иные шаги в видах обеспечения наших вновь образуемых частей вооружением. К этому я прибавил, что для успеха русско-японского политического сближения было бы чрезвычайно полезно установить в настоящей борьбе с общим врагом известное «братство» по оружию, которое выразилось бы в широком содействии со стороны Японии снабжению наших армий нужными для нас предметами вооружения.

Вполне соглашаясь со мной, генерал Ошима на своем ломаном немецком языке стал мне осторожно говорить о переживаемом Японией политическом кризисе и о предстоящей сессии парламента, когда кабинету придется дать отчет народным представителям в своих действиях. Из его довольно запутанных объяснений можно было однако вывести заключение, что военное ведомство опасается поставить своего министра и весь кабинет в затруднительное положение перед палатами, в случае если сделается известным, что нам отпущены ружья из неприкосновенного запаса. Противники нынешнего кабинета не без основания могут упрекнуть правительство, что оно в такую тяжелую минуту, когда Японии угрожают осложнения в Китае, решилось ослабить свою боевую силу. Такой упрек будет иметь тем больший вес, что кабинет вносит в парламент проект сформирования двух новых дивизий, необходимость коих оправдывается именно недостаточностью средств обороны.

Из вышеизложенного ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что до разрешения японо-китайских недоразумений и одобрения политики нынешнего кабинета предстоящей сессией парламента,

---

[1] 10 мая/27 апр. Янушкевич писал Сухомлинову: «Вопрос о патронах фатальный... Вопрос патронов и ружей — скажу: кровавый». А через несколько дней он опять пишет: «Очень желательна помощь С. Д. Сазонова, дабы он лично переговорил с бароном Мотоно и через Мал[евского]-Мал[евича] в Токио воздействовал на японское военное министерство. Это — совет нашего японца в ставке». Янушкевич советовал нажать «на союзников, которые без кнута не идут», ибо «потребность в патронах все возрастает и уже кричат криком о ружейных» (опубл. Кр. арх., т. III, стр. 58—60).

ожидать от японцев благоприятного ответа на нашу просьбу о ружьях невозможно. Если конфликт с Китаем устранится без вмешательства военной силы, а сессия парламента пройдет для кабинета благополучно, то на успех нашего ходатайства, хотя бы в части, можно, по-видимому, до известной степени рассчитывать, но в противном случае надежды на это останется очень мало.

Примите и пр.

Малевский-Малевич.

№ 686. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 7. 6 мая/23 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador has the honour to inform His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs under instructions from Sir E. Grey that the following instructions have been sent to His Majesty's Minister at Nish in consequence of the anxiety which appears to be entertained by the Servians with regard to the nature of the agreement concluded between Italy and the Triple Entente Powers [1]:

«The apprehensions of Servia are unwarranted. A wide access to the Adriatic Sea in Dalmatia, the liberation and union with Servia of the whole of Bosnia and Herzegovina will at least be secured for Servia by the victory of the Allies. It will naturally be for the Croatians themselves to decide whether the federation of Croatia will follow.

It would be most unreasonable and unwise for Servia to slacken her efforts in the common cause in any way; for these aspirations if realized will far exceed anything that a few months ago seemed to be possible, and but for the exertions of Russia and her Allies they would never have come within the bounds of possible realization».

His Majesty's Minister at Nish is instructed to reassure the Servian Prime Minister in the above sense if his Russian and French Colleagues receive similar instructions.

---

[1] Предложение Грея о совместном выступлении в Нише и о желательности поставить об этом в известность Италию было передано Бьюкененом Сазонову 4 мая/21 апр. — Сазонов пам. запиской от 5 мая/22 апр. выразил свое согласие и в тот же день телеграфировал об этом в Париж, Лондон, Ниш и Рим (тел. за №№ 2062 и 2064). Ответной тел. от 8 мая/25 апр. за № 320 Бенкендорф сообщил, что, ввиду невозможности для Италии участвовать в выступлении в Нише до ее окончательного присоединения к союзникам, Никольсон предлагал пока не сообщать ей об этом выступлении.

In making the above communication to Mr. Sazonow, Sir G. Buchanan is directed to enquire whether His Excellency agrees with the instructions sent to His Majesty's Minister at Nish.

Перевод.

Посол его британского величества имеет честь сообщить его превосходительству императорскому министру иностранных дел по указанию сэра Э. Грея, что следующие инструкции были отправлены посланнику его величества в Нише ввиду существующего, повидимому, у сербов беспокойства по поводу характера соглашения, заключенного между Италией и державами Тройственного согласия:

«Опасения Сербии неосновательны. Победой союзников Сербии будут, по меньшей мере, обеспечены широкий доступ к Адриатическому морю в Далмации, освобождение Боснии и Герцеговины и объединение их с Сербией. Само собой разумеется, что сами хорваты должны будут решить, последует ли федеративное объединение Хорватии с Сербией.

Было бы очень неразумно и нецелесообразно для Сербии ослабить каким бы то ни было образом свои усилия на пользу общего дела, так как, когда указанные выше притязания осуществятся, они значительно превзойдут то, что еще несколько месяцев тому назад казалось лишь возможным; без содействия России и ее союзников они никогда не получили бы возможности быть осуществленными».

Посланник его величества в Нише уполномочен успокоить сербского премьер-министра заявлением в указанном выше смысле, если его русский и французский коллеги получат тождественные инструкции.

Сэру Дж. Бьюкенену дано предписание при передаче г. Сазонову этого сообщения спросить, согласен ли его превосходительство с инструкциями, отправленными посланнику его величества в Нише.

№ 687. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 8. 6 мая/23 апреля 1915 г.

The King of Sweden stated in a recent speech that it was not possible to forecast the future, but that as the bitterness of the conflicting Powers increased the danger to Sweden was growing and not diminishing; Sweden must accordingly be prepared lest the area of hostilities should spread to her [1].

---

[1] 3 мая/20 апр. на банкете, устроенном городом Гетеборгом по случаю спуска нового броненосца, король произнес речь, в которой, между прочим, сказал: «До сих пор нам удавалось ограждать страну от вовлечения в борьбу. Я горячо уповаю на то, что нам, с помощью всемогущего, удастся оставаться до конца вне конфликта. Однако опасность быть вовлеченными в войну ныне для нас не меньше, чем в начале военных действий. С самого начала войны я счел своим первейшим долгом соблюсти в интересах отечества строгий нейтралитет, нашедший единодушное одобрение в стране»... «Затруднения возрастали и продолжают воз-

It has appeared to Sir E. Grey that this language on the part of the King of Sweden would seem to provide a suitable opportunity for carrying out the suggestion made by Mr. Sazonow [1] with regard to a reassuring message to the Swedish Government. Sir E. Grey has accordingly instructed His Majesty's Minister at Stockholm that when similar instructions have been received by the Russian and French Ministers, he should inform the Swedish Minister for Foreign Affairs that so long as the neutrality of Sweden is maintained, His Majesty's Government are prepared to make the most solemn assurance to respect the independence of Sweden both now and hereafter, so that all cause for apprehension on the part of Sweden will be removed as far as Great Britain is concerned.

Sir E. Grey hopes that Mr. Sazonow will send instructions to the Russian Minister at Stockholm in a similar sense.

Sir E. Grey is further willing to join in giving an identical assurance to the other Scandinavian Powers, and suggests that this might be done by informing them of the communication made at Stockholm and stating that if desired the three Allies will give similar assurances at Christiania and Copenhagen.

Перевод.

Шведский король в произнесенной им недавно речи указал, что нельзя предусмотреть будущего, но что, так как взаимное ожесточение воюющих держав растет, то и опасность для Швеции увеличивается, а не уменьшается. В связи с этим Швеция должна быть готова к тому, что зона военных действий распространится и на нее.

По мнению сэра Э. Грея, эти слова, сказанные шведским королем, дают, повидимому, благоприятный повод выполнить предложение г. Сазонова о передаче шведскому правительству успокоительного сообщения. Сообразно с этим сэр Э. Грей предписал посланнику его величества в Стокгольме, чтобы он, когда российским и французским посланниками будут получены тождественные инструкции, сообщил шведскому министру иностранных дел, что до тех пор, пока Швеция соблюдает нейтралитет, правительство его величества согласно дать самое торжественное заверение, что оно будет уважать независимость Швеции, как теперь, так и впоследствии, дабы были устранены все поводы к опасению со стороны Швеции, поскольку дело идет о Великобритании.

растать в той же самой степени, в какой столкновения воюющих держав становятся все более ожесточенными. Не будем предаваться беспечности, но будем постоянно помнить о том, что и для нас может пробить час, когда придется нарушить мир». «Если когда-нибудь... наступит такое положение, когда я увижу себя вынужденным призвать сынов страны на защиту свободы и самостоятельности отечества, то я уверен, что шведский народ в этот момент встанет как один человек».

[1] См. № 671.

Сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов пошлет инструкции в том же смысле российскому посланнику в Стокгольме.

Помимо того, сэр Э. Грей желает участвовать в передаче подобного же заверения другим скандинавским державам и предлагает сделать это путем уведомления их о сообщении, сделанном в Стокгольме, и указанием, что в случае их желания три союзные державы дадут подобные же заверения в Христиании и Копенгагене.

№ 688. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

*/. Телеграмма № 2036. 6 мая/23 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Ниш.

Ввиду полученных нами сведений о происходящих переговорах между Эсадом и черногорским правительством [1] прошу вас совместно с вашими сотоварищами вновь указать черногорскому правительству на необходимость сосредоточить все его силы в борьбе с Австрией и на недопустимость каких бы то ни было независимых от этой цели военных действий. Королевское правительство может быть уверено, что если оно воздержится от выступлений, могущих осложнить положение на Балканах, союзные державы по окончании войны не преминут содействовать осуществлению заветной мечты черногорского народа о присоединении Скутари к королевству [2].

Для Парижа, Лондона прибавка:

Прошу принять соответствующие меры по настоящему делу и ответить по телеграфу [3].

Сазонов.

---

[1] По сведениям Обнорского (тел. от 4 мая/21 апр. за № 55), переговоры эти касались содействия Эсада «захватным планам черногорцев в Северной Албании». Той же тел. Обнорский сообщил со слов военного агента о «проекте короля Николая приступить на-днях к сформированию 20 000 отряда на случай действий на западном фронте или же против Скутари».

[2] Содержание этой тел. было передано Сазоновым Палеологу и Бьюкенену пам. запиской от 6 мая/23 апр.

[3] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 328 Бенкендорф сообщил, что англ. посланнику даны аналогичные инструкции. Пам. же запиской от 13 мая/30 апр. Бьюкенен передал содержание тел. англ. посланника в Цетинье, который высказался против обещания Черногории Скутари, опасаясь, что это может привести к еще большему бездействию черногорцев на северной границе и даже к соглашению их с австрийцами. Тел. от 14/1 мая за № 66 Обнорский со своей стороны высказался также против обещания Черногории Скутари, мотивируя это тем, что: а) король Николай отказался от проекта сформирования «значительного отряда для действий против Скутари» в связи с отрицательным отношением к этому

№ 689. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

*/. Телеграмма № 2094. 6 мая/23 апреля 1915 г.

Ваша телеграмма № 521 [1] получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1953 [2].

Сетования сербов на будто бы недостаточное попечение России об их интересах являются не только несправедливыми, но даже неприличными и могут произвести здесь лишь самое отрицательное впечатление. Не говоря уже о том, что именно защита нами Сербии привела к нынешней войне, главная тяжесть которой падает на Россию, мы не перестаем оказывать Сербии материальную и дипломатическую поддержку. Когда настанет время обнародовать переговоры с Италией, все увидят, как настойчиво защищала Россия интересы славянства и сколько в этом отношении удалось отстоять только благодаря ее усилиям, несмотря на самую неблагоприятную обстановку. Если на этот раз еще и не суждено в полной мере осуществиться мечтам об объединении южного славянства, то надо помнить, что и русскому народу потребовалось много веков, пока, наконец, теперь только наступило время его окончательного объединения. К тому же нельзя забывать, что земли, о переходе коих к Италии ныне сокрушаются в Белграде, еще не входили в состав королевства и что, как бы доблестно ни было сербское войско, оно все же само было бы не в состоянии отвоевать и то, что достанется Сербии лишь благодаря военным успехам держав, и в первую голову России. Что касается Хорватии, то в отношении ее еще не принято никакого решения, и если действительно она сама пожелает соединиться с Сербией, и политическая обстановка в минуту заключения мира это позволит, то, конечно, Россия не будет этому препятствовать. Относительно же Баната мы вполне признаем, что нужно

России и Сербии и дал через ген. Потапова обещание верх. главнокомандующему «следовать всем нашим указаниям, направленным к установлению общности действий сербской и черногорской армий» (см. № 745), и б) сообщение это, «сделавшись немедленно известным в Албании, вызовет у весьма многочисленных местных националистов убеждение в возможности осуществить свои надежды исключительно при поддержке Австрии и повлечет за собой их решение вновь прекратить только-что налаженный настояниями наших консулов транзит по Бояне провианта для голодающих черногорцев». Пам. запиской от 21/8 мая Сазонов сообщил Палеологу и Бьюкенену, что в связи с полученными от короля Николая заверениями он просил Обнорского воздержаться от предписанного ему шага (тел. от 16/3 мая за № 2270).

[1] См. № 681.

[2] См. № 638.

создать такую границу, которая представляла бы достаточное обеспечение для Белграда, и я уже указал румынскому правительству на необходимость считаться в этой области с законными требованиями сербов [1].

В изложенном смысле я высказался перед посетившими меня Стояновичем и Беличем [2], предупредив их, что малейшее оглашение моих слов может крайне вредно отразиться на интересах, которые они стремятся защитить. Все это сообщаю вам для руководства в ваших разговорах с Пашичем.

Сазонов.

№ 690. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 20. 6 мая/23 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить вашему высокопревосходительству полный текст сообщения сербского правительства, передаваемого мною сегодня по телеграфу частью в извлечении, частью дословно.

Самое сообщение было устно сделано Пашичем представителям Тройственного согласия третьего дня, вечером. Ему предшествовало заседание совета министров под председательством престолонаследника. На заседании этом, как мне известно, одним из министров был сделан Пашичу упрек за то, что он слишком поздно спохватился насчет опасности для интересов Сербии переговоров союзников, без ее участия, с Италией.

Пашич имел крайне взволнованный вид. Неясность и сбивчивость слухов о соглашении держав с Италией и о притязаниях последней придавала самым объяснениям его неопределенный характер. Видно, что сербское правительство уязвлено в своем самолюбии и напугано слухами, в которых не может разобраться, но которые вселяют в него то же недоверие к державам Тройственного согласия, какое чудится ему с их стороны.

Сербы насторожились и решили, по мере сил, отстоять свои интересы, хотя бы в остальных вопросах, которые затронуты в сообщении.

На первом месте стоит опасение, что Румынии также будут сделаны уступки за счет сербских притязаний и что границы в Банате и Вен-

---

[1] Далее зачеркнуто: «и готов допустить обсуждение возможного разграничения в Банате и с Пашичем под условием, чтобы эти переговоры велись доверительно на чисто деловой почве и вокруг них не было создано шумных пререканий, могущих весьма вредно отразиться на сербо-румынских отношениях». Ср. № 672.

[2] См. стр. 301, прим. 1.

грии будут равным образом определены без участия сербского правительства.

Если будет дозволено мне высказать мнение по этому поводу, то мне казалось бы, что лучшим способом успокоить взбудораженное здесь настроение было бы действительно привлечь к известному участию в этом вопросе Пашича. Можно посвятить его в переговоры совершенно лично и доверительно, под условием соблюдения строгой тайны. Переговоры с Румынией по вопросам, затрагивающим интересы Сербии, без участия последней, были бы еще более обидны для самолюбия последней, чем переговоры с Италией.

Последняя — всетаки великая держава, и участие ее в войне имеет более решающее значение, чем выступление Румынии, которое к тому же неизбежно, после решения римского кабинета. Кроме того, в этом вопросе первая роль будет естественно принадлежать России. Поэтому устранение Сербии может вызвать тем большую горечь здесь и оставить надолго след в наших взаимных отношениях.

Как я имел уже честь сообщить вам [1], Пашич предлагает принять основанием для размежевания с Румынией начало относительного большинства народонаселения данной местности: где сербов больше, чем румын, там будут признаны права сербов, в обратном случае — вторых. В иных из этих местностей абсолютное большинство может оказаться у мадьяр или немцев, но Пашич надеется, что за правами побежденных не будет признано равной ценности.

Казалось бы, что в принципе румынам трудно будет оспаривать указанное основание. На практике можно отдать себе отчет о желаниях сербов по предварительному наброску, сделанному профессором Цвиичем, который приложен к моему донесению от [26] 13 января сего года, за № 9 [2]. В ближайшие дни сербы предполагают передать державам Согласия более подробную карту с соответствующими объяснениями. Упомянутая карта Цвиича устанавливает объединение сербов и с хорватами и словинцами. Сообщение сербского правительства настаивает на обеспечении этого результата державами.

Под влиянием слухов здесь возникло сильное опасение, что будет создано самостоятельное хорватское государство. Из Италии с двух сторон сербское правительство получило известие, будто эта мысль принадлежит России. Совершенно не будучи осведомлен о наших предположениях, я был лишен возможности категорически опровергнуть его достоверность и ограничился советом престолонаследнику

[1] См. № 642.

[2] См. № 85.

и Пашичу с осторожностью относиться к подобным слухам, хотя бы в силу их происхождения. Вместе с тем я оговорился, что, хотя мне неизвестны принятые у нас решения, однако я представляю себе, что в этом вопросе будет иметь серьезное значение желание самого населения Хорватии. Соображение это далеко не успокаивает здешние политические круги, которые опасаются возможной агитации высших классов, особенно аристократии, в пользу независимого хорватского королевства, тогда как демократия будет, как здесь уверены, в пользу соединения с Сербией.

Наиболее благоразумные люди здесь желают присоединения Хорватии не столько даже по непосредственным выгодам, которые оно даст, сколько из опасения вредных последствий, сопряженных с созданием нового соседнего самостоятельного государства.

Они указывают не без основания на ту искусственную рознь, которая может неизбежно при этом создаться. Начать с того, что к интересам народным примешаются, далеко не всегда совпадающие с ними на Балканах интересы династические. Доказательство налицо в поведении до сих пор Болгарии, Греции и Румынии. Как бы близки ни были кровные связи между соседними народами, соприкосновение государственных границ само по себе создает соревнование, которое легко может привести к столкновению, ослабляя народные силы. Ввиду этого сербы недоверчиво относятся к слуху о том, будто мысль о самостоятельной Хорватии принадлежит России. Они склонны приписать ее Италии и видят в ней унаследованное последней от Австрии стремление вызвать искусственную рознь между славянами, дабы их ослабить. По их словам, Италия, совершенно так же, как это недавно делала Австрия, заигрывает с Черногорией [1]. Последняя ей не страшна, ибо не имеет задатков развития в сильное самостоятельное государство. Поэтому, по словам сербов, Италия хотела бы, чтобы в дележе австрийского наследства Черногория получила возможно больше, а Сербия меньше.

Мне, конечно, неизвестно, насколько опасения сербов основательны, но по существу вопроса позволяю себе высказать, что чем меньше мы признаем право Италии на голос в славянских делах, тем больше оградимся от создания новой Австрии на Балканах. Несмотря на несомненные внутренние трудности, которые Сербии придется преодолеть, присоединяя Хорватию, это решение предпочтительнее иного, ибо Сербия — наш естественный союзник и передовой оплот против воз-

[1] Ср. № 681.

можных в будущем противников. Не в наших интересах ослаблять ее созданием на ее границе еще нового государства, не завоевавшего никаких прав на самостоятельность.

Что касается Черногории, то отношение ее к Сербии напоминает отчасти отношение в старину удельных княжеств к великому княжеству Московскому. Если историческому развитию не будет дано искусственного направления, то участь Черногории приведет ее неизбежно к слиянию с Сербией, и нам нужно желать только, чтобы это произошло само собой, без потрясений. Это вполне возможно, ибо сербы будут готовы щедро заплатить королю Николаю или его наследникам за добровольное признание неизбежной необходимости.

Третий пункт сербского сообщения касается вопроса о вступлении Италии в области с славянским населением.

По этому поводу престолонаследник на этих днях высказал мне следующие соображения.

Итальянцы не без основания опасаются борьбы с Австрией. Австрийский флот может в самое короткое время подвергнуть губительному обстрелу все населенные пункты Адриатического побережья. Не даром Италия хочет завладеть островами Кварнеро. Пока последние в руках Австрии, за ними могут укрываться ее крейсера и миноносцы, легко подвергая итальянские суда и транспорты внезапному нападению. Сухопутная граница Италии с Австрией сильно укреплена. Австрийские войска будут драться с ожесточением, особенно если в их ряды будут поставлены славяне.

Естественно поэтому видимо обнаруживаемое Италией желание выбрать базой для военных действий Черногорию. Оттуда бесспорно легче начать наступление. Кроме того, если итальянские войска войдут в Далмацию вместе с черногорскими и сербскими, то они застрахованы будут от восстания местного населения. Италия нащупывала почву в этом смысле в Цетинье, но сербское правительство посоветовало черногорцам проявить в этом вопросе крайнюю сдержанность. Та же сдержанность рекомендуется в сербском сообщении и самому итальянскому правительству в вопросе о вступлении в славянские области. Сербы опасаются, как бы черногорцы не поддались на уговоры Италии, а с другой стороны, они хотели бы создать себе условия, которые заставили бы римский кабинет считаться с ними. Так я объясняю себе третий пункт сербского сообщения. В заключение считаю долгом сообщить о разговоре, который имел сегодня с г. Иовановичем еще до получения мной текста сообщения. Я откровенно сказал ему, что не верю в отставку Пашича, потому [что] не вижу разумного ее основания.

Все отлично отдают себе отчет в том, что не может быть речи о каком-нибудь недоверии к нему со стороны держав Тройственного согласия. Еще менее правдоподобным представляется предположение, что другой кабинет будет иметь больше веса в Европе. Для Европы единственное имя собственное в Сербии — это Пашич, если не считать вождей армии, которые в политике в рассчет не принимаются. Правительство думает, может быть, использовать возбуждение, проявляющееся в печати, для воздействия за границей. Лично я думаю, что это возбуждение в конце-концов может действительно оказаться опасным для правительства, ибо легче дать свободу страстям, чем потом с ними справиться.

Г. Иованович возразил мне, что нынешнее возбуждение вовсе не поощряется Пашичем и что его положение крайне трудно, ибо к политическим вопросам, как всегда и всюду, примешивается много личных мотивов. Нынешний коалиционный кабинет не представляет какой-либо сплоченной величины. Среди его членов, не принадлежащих к партии Пашича, равно как и в самой партии последнего, есть люди, которые тяготятся его авторитетом и охотно чинят ему всякого рода помехи. По словам г. Иовановича, нельзя не считаться со всем этим, и если державы дорожат пребыванием Пашича у власти, необходимо дать ему доказательство доверия.

Не подлежит сомнению, что теми же парламентскими соображениями объясняется повышенный тон сербского сообщения. Не могу не пожалеть, что раньше посылки текста Пашич не посоветовался с нами, ибо в этом случае я бы не преминул обратить его внимание на невыгодное впечатление, которое может произвести его редакция [1].

Примите и пр.

Трубецкой.

[1] Возбуждение в серб. политических кругах было так велико, что для их успокоения Трубецкой счел нужным задержать проезжавшего 5 мая/22 апр. через Ниш к месту своего назначения в Рим росс. посла М. Н. Гирса. Последний успокаивал королевича Александра и Пашича, уверяя их, «что сербские интересы не могли найти лучшей и более стойкой защиты, чем та, которая оказана была Россией». Престолонаследнику, упорно твердившему, что фактом сокрытия переговоров с Италией «сербское правительство обижено» и трижды повторившему «зачем скрывать», Гирс возразил, «что, может быть, слово «скрывать» не совсем то, которым можно пользоваться в данном случае, и что скорее можно говорить про «молчание», которое порой вынуждено бывает свойством переговоров. Сербам однако следовало бы всецело довериться тому, что Россия ничего не сделает против их жизненных интересов, и, с другой стороны, понять, что в известных вопросах необходимо считаться с общими условиями и интересами» (деп. Трубецкого Сазонову от 6 мая/23 апр. за № 21).

Приложение.

Нота сербского министерства иностранных дел российскому, французскому и английскому посланникам в Сербии.

6 мая/23 апреля 1915 г.

Appréhendant que la Serbie réalise l'union des Serbes, des Croates et des Slovènes, l'Autriche-Hongrie déclara la guerre à la Serbie.

La Triple Entente, convaincue que cette guerre a été spécialement préparée par les militaristes prussiens, est venue au secours de la Serbie et elle est entrée en guerre pour la défense des droits des faibles et au nom du principe des nationalités.

Le gouvernement serbe a vu dans la proclamation de ce principe le programme de sa politique c'est à dire la réalisation de l'union de la nation serbe et il l'a exposé à la skoupchtina nationale qui l'a de son côté, approuvé.

Les bruits qui se font entendre ces temps derniers qu'un accord serait établi entre l'Italie et les Puissances de la Triple Entente au détriment de notre union nationale ont soulevé le mécontentement général dans l'opinion publique et dans le peuple en Serbie. Cet état de choses a rendu très difficile la situation du gouvernement serbe vis-à-vis du parlement qui, persuadé que le gouvernement serbe jouissait jusqu'à ce moment de la pleine confiance des Puissances de la Triple Entente, trouve maintenant que la conclusion de l'accord entre l'Italie et ces Puissances à l'insu du gouvernement serbe signifie que les Puissances ont retiré leur confiance au Cabinet actuel et l'ont mis à l'écart.

Le gouvernement serbe considère que les difficultés actuelles sont suscitées uniquement par la soudaineté de cette affaire et par le fait que le chef du Cabinet serbe, n'en ayant pas été pressenti et renseigné par les Puissances, s'est trouvé dans l'impossibilité de préparer le parlement et l'opinion publique et éviter ainsi la pénible situation actuelle.

Pour améliorer cette situation et pour ressusciter autant que possible la confiance du peuple, il serait nécessaire, à l'avis du gouvernement serbe, de donner au peuple serbe le plus tôt possible l'assurance que la question des concessions à faire à l'Italie n'est pas irrémédiablement tranchée, mais qu'il y a encore espoir qu'elle puisse être réparée d'accord avec l'Italie. Et pour raffermir la foi de la skoupchtina nationale en la bienveillance immuable des Puissances de la Triple Entente à l'égard de la Serbie, il faudrait:

1) ne commencer à tracer les frontières ni en Banat ni en Hongrie ainsi que d'autres nouvelles frontières intéressant directement la nation serbo-croate sans entente préalable avec la Serbie;

2) donner l'assurance que le peuple serbe, croate et slovène seront réunis en un Etat et qu'ils ne seront pas divisés en deux ou trois Etats à l'instar de la monarchie de Habsbourg;

3) agir auprès de l'Italie de ne pas précipiter son action dans les territoires où notre peuple est le plus sensible au point de vue national pour prévenir ainsi des conflits immédiats.

Ainsi serait-il bon que les Puissances de la Triple Entente, dans le cas où elles trouvent ce qui précède en accord avec leurs intentions, commencent immédiatement avec le gouvernement serbe les conversations sur ces questions, soit par l'intermédiaire de tous leurs représentants, soit par l'intermédiaire de l'un d'eux.

Перевод.

Опасаясь, что Сербия осуществит объединение сербов, хорватов и словинцев, Австро-Венгрия объявила Сербии войну.

Тройственное согласие, уверенное, что эта война была специально подготовлена прусскими милитаристами, пришло на помощь Сербии, взявшись за оружие для защиты прав слабых и во имя принципа национальностей.

Сербское правительство усмотрело в провозглашении этого принципа программу своей политики, т. е. осуществление объединения сербского народа, и изложило ее народной скупщине, которая с своей стороны одобрила эту программу.

Слухи, распространяющиеся за последнее время о том, будто бы между Италией и Тройственным согласием заключено соглашение, наносящее ущерб нашему национальному объединению, вызвали общее недовольство как в общественном мнении, так и в сербском народе. Эти обстоятельства сделали весьма трудным положение сербского правительства по отношению к парламенту, который, — убежденный в том, что до настоящего момента сербское правительство пользовалось полным доверием держав Тройственного согласия, — находит теперь, что заключение соглашения между Италией и этими державами без ведома сербского правительства означает, что державы лишили нынешний кабинет своего доверия и оставили его в стороне.

Сербское правительство считает, что нынешние затруднения вызваны исключительно внезапностью этого дела и тем, что глава сербского кабинета, не будучи предупрежден и осведомлен державами, был лишен возможности подготовить парламент и общественное мнение, дабы таким путем избежать нынешнего трудного положения.

Чтобы улучшить это положение и вернуть, насколько возможно, доверие народа, было бы необходимо, по мнению сербского правительства, дать как можно скорее сербскому народу заверение, что вопрос о будущих уступках Италии не является окончательно решенным и имеется еще надежда на то, что он может быть пересмотрен по соглашению с Италией. А для восстановления веры народной скупщины в неизменную благосклонность держав Тройственного согласия по отношению к Сербии следовало бы:

1) не начинать проводить границы ни в Банате, ни в Венгрии, а также других новых границ, непосредственно интересующих сербо-хорватский народ, без предварительного соглашения с Сербией;

2) дать заверение, что сербский, хорватский и словинский народы будут объединены в одно государство и что они не будут разделены на два или три государства по примеру Габсбургской монархии;

3) воздействовать на Италию в том смысле, чтобы она не спешила со вступлением в те территории, где наш народ наиболее чувствителен в национальном вопросе, дабы избежать таким путем немедленных столкновений.

Таким образом было бы желательно, чтобы державы Тройственного согласия в случае, если они найдут, что изложенное выше согласуется с их намерениями, немедленно начали бы переговоры по этим вопросам с сербским правительством или через посредство всех своих представителей, или через одного из них.

№ 691. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Письмо [1].

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера посетил меня состоящий при президенте генерал Мунте, чтобы доверительно передать мне от имени Юань Ши-кая английский перевод письма японского генерального штаба военному и морскому агентам при японской миссии в Пекине от 3 апреля нов. ст., интересного тем, что в нем излагается взгляд японской военной партии на некоторые из требований, недавно предъявленных Японией Китаю и служащих ныне предметом переговоров в Пекине.

Представляя при сем вашему высокопревосходительству означенный документ, считаю долгом присовокупить, что, по словам генерала Мунте, письмо это было добыто китайцами секретным путем из японской миссии.

Примите и пр.

В. Крупенский.

Приложение

Letter from the Japanese General Staff to the Military and Naval Attachés of the Japanese Legation in Peking on the subject of the Sino-Japanese negotiations [2].

April 3d/March 21st 1915.

(The following is the translation.)

In the demands on China there are questions concerning the engagement of Military Advisers, the purchase of arms and ammunitions, and

[1] В оригинале дата отсутствует. Имеется помета: «Вх. секр. ж. № 211, 6 мая/23 апр. 1915 г.».

[2] Заголовок оригинала.

the arsenals. These are the most vital points against the Chinese Government. Much difficulty will be experienced before a satisfactory settlement can be reached. We doubt whether the Chinese Government realize the deep meaning hidden underneath the idea entertained by our army who proposed these questions. If the Chinese Government interprets these questions in the sense of ordinary engagement of advisers and purchase of arms, a speedy settlement may be expected. But on the contrary, if the Chinese suspect that these questions comprise part of the general scheme of our future national defence, then it will be very difficult to come to a settlement. At first the Premier and the Foreign Ministers were of the opinion that although China is weak she would never accede to these demands. But since these demands have been made, we shall have to resort to force if they were rejected. We very much doubt if such action on our part would have a beneficial effect on our present foreign policy. But after careful consideration we are convinced that for the sake of our own national defence it is necessary for us to obtain substantial power in China. It was due to this reason that these three demands were added. Needless to say, China is the first country to bear the brunt of our expansion policy.

The demands connected with the Fukien Province proposed by our navy are the most vital points against America. For if Japan can secure the naval control of San To [1] Harbour and the adjacent sea coast we shall be able to reduce the value of the Philipine Islands as the American Naval Base in the Pacific and thus frustrate her policy in that direction.

The three demands proposed by our army as mentioned above are also the most vital points against Russia as they would reduce the usefulness of the Siberian Railway as a military weapon. The army spent more than ten years in formulating these plans, ever hoping that opportunities would arise for us to push our plans to a successful end. The settlement of these demands is a question of life and death with Japan.

We (the Japanese General Staff) have always urged those in Government to push ahead this forward policy. You (the Japanese Military and Naval Attachés) must therefore pay special attention to the subjects under discussion during each conference and under no circumstances allow yourselves to be negligent in the meantime. If you have doubts on any

---

[1] Копия этого документа была препровождена также воен. агентом в Китае Морелем в гл. упр. ген. штаба и в ней к слову: «Санто-то» имеется следующее примечание: «иначе называется Сватоу в провинции Гуандунь».

point, telegraph a summary of the matter, following by a more detailed report by mail [1].

Перевод.

Письмо японского главного штаба военному и морскому агентам при японской миссии в Пекине по поводу японо-китайских переговоров.

3 апреля/21 марта 1915 г.

(Нижеследующее является переводом.)

Среди требований, предъявленных Китаю, имеются пункты, касающиеся приглашения военных советников, покупки оружия и снарядов, а также арсеналов. Это—самые существенные пункты, направленные против китайского правительства. Предвидятся большие затруднения, прежде чем будет достигнуто удовлетворительное разрешение вопроса. Мы сомневаемся, чтобы китайское правительство отдавало себе отчет в глубоком смысле, скрытом под этим планом, поддерживаемым нашими военными кругами, предложившими эти пункты. Если китайское правительство истолкует эти вопросы в смысле обычного приглашения советников и покупки оружия, то можно ожидать скорого разрешения вопроса. Наоборот, если китайцы заподозрят, что эти вопросы представляют собою часть общего плана нашей будущей национальной обороны, то в таком случае будет весьма трудно притти к соглашению. Сначала премьер и министр иностранных дел придерживались мнения, что, хотя Китай и слаб, но он никогда не согласится на эти требования. Но, раз эти требования были предъявлены, мы будем вынуждены прибегнуть к силе, если они будут отвергнуты. Мы сильно сомневаемся, чтобы подобное выступление с нашей стороны имело благотворные результаты для нашей нынешней внешней политики. Но после тщательного изучения вопроса мы пришли к убеждению, что в интересах нашей национальной обороны для нас необходимо приобрести значительную силу в Китае. На этом основании и были добавлены эти три требования. Излишне говорить, что Китай является первой страной, которой придется выдержать напор нашей политики экспансии.

Требования, связанные с Фуцзянской провинцией, которые были предложены нашим морским ведомством, являются самыми существенными из пунктов, направленных против Америки. Ведь, если Япония сможет обеспечить себе

---

[1] В рапорте от 21/8 апр. за № 115 военный агент в Китае Морель высказывал предположение, что документ, переданный ген. Мунте, был «сфабрикован самими китайцами в целях вызвать со стороны русского правительства противодействие японским требованиям, предъявленным Китаю», так как «приведенные в нем замыслы японского генерального штаба относительно Китая являются в то же время угрозой и в отношении России, и китайское правительство стремится использовать эту угрозу в целях вызова со стороны России противодействия японским требованиям, особенно после того, как противодействия последним со стороны Англии и САСШ оказались недостаточными».

морской контроль над гаванью Сан-То и над прилегающим побережьем, то мы окажемся в состоянии ослабить значение Филиппинских островов как американской морской базы на Тихом океане и тем самым свести на-нет политику Америки в этом направлении.

Три требования, предложенные, как указано выше, нашей армией, также являются самыми существенными пунктами, направленными против России, так как они уменьшат значение Сибирской железной дороги как средства военной борьбы. Армия потратила более десяти лет на выработку этих планов; но никогда не теряла надежды на то, что наступит благоприятный для нас момент, когда мы сможем довести наши планы до успешного завершения. Удовлетворение требований является для Японии вопросом жизни и смерти.

Мы (японский главный штаб) всегда настаивали перед правительством на проведении в жизнь этой политики экспансии. Вы (то есть японские военный и морской агенты) должны поэтому уделить особое внимание этим вопросам, подлежащим обсуждению во время каждого совещания, и ни при каких условиях не ослаблять своего внимания за этот период времени. Если вы сомневаетесь по какому-нибудь пункту, посылайте телеграмму, излагающую сущность вопроса, сопровождая ее подробным донесением по почте.

№ 692. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 141. 6 мая/23 апреля 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

Дополнение телеграммы № 140 [1].

Като пригласил меня сегодня вечером и сообщил с просьбой телеграфировать вам, в дополнение к тому, что поручено Мотоно [2], передать императорскому правительству следующее: Ввиду отказа китайского правительства принять окончательные предложения Японии и повторных требований Китая, упомянутых в телеграмме моей № 135 [3], японское правительство решило объявить Китаю ультиматум со сроком для ответа к 6-ти часам вечера в воскресенье [9 мая] 26 апреля. Но чтобы облегчить Китаю принятие японских требований и в целях сохранения мира на Дальнем Востоке и поддержания дружбы с Китаем, японское правительство одновременно выразило готовность исключить всю последнюю группу своих пожеланий [4], кроме вопроса о Фуцзяне,

---

[1] Тел. от 6 мая/23 апр. за № 140 Малевский высказал опасение, что «японский кабинет будет вынужден под давлением сильного возбуждения общественного мнения послать ультиматум Китаю».

[2] См. № 652.

[3] См. № 682.

[4] Тел. от 10 мая/27 апр. за № 148 Малевский сообщил, что «отказ Японии от последней группы требований вызван настояниями генро, недовольного кабинетом слишком самостоятельного Окумы, и особенно Като».

на который уже последовало принципиальное согласие пекинского правительства, отложив обсуждение прочих пожеланий этой группы до будущего времени, причем заявление о возвращении Циндао остается в силе.

Като прибавил, что в текст ультиматума включено предупреждение: в случае неполучения японским правительством удовлетворительного ответа к назначенному сроку, оно оставляет за собой право принять меры, которые найдет нужными. На вопрос мой, какие предполагаются меры воздействия на Китай в случае отклонения ультиматума или неизменения ответа к сроку, Като ответил, что будут посланы войска.

Като имел видимо крайне озабоченный вид и признался, что сохраняет мало надежды на благоприятный ответ Китая, так как посетивший Хиоки вчера и сегодня товарищ министра иностранных дел очень уклончиво говорил о возможности дальнейших уступок Китая, причем высказывал личное свое мнение. Ультиматум будет передан Китаю завтра после полудня.

Малевский.

№ 693. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде — Бьюкенену и Палеологу [1].

7 мая/24 апреля 1915 г.

Parfaitement d'accord avec son excellence Sir E. Grey sur l'opportunité d'écarter de la Suède tout motif d'inquiétudes quant à l'attitude des Puissances à son égard, Mr. Sazonow a chargé le ministre de Russie à Stockholm [2] de s'entendre avec ses collègues de Grande Bretagne et de France pour faire auprès du gouvernement Suédois la démarche proposée par l'aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre en date du 6 mai/23 avril courant [3].

Mr. Sazonow est également disposé de donner des assurances analogues aux gouvernements norvégien et danois s'ils en expriment le désir et a muni d'instructions en conséquence les ministres de Russie à Christiania et à Copenhague [4].

---

[1] Черновик написан рукою Шиллинга.
[2] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 2127.
[3] См. № 687.
[4] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 2128.

Перевод.

Будучи совершенно согласен с его превосходительством сэром Э. Греем о целесообразности отнять у Швеции всякий повод к беспокойству по вопросу об отношении к ней держав, г. Сазонов поручил российскому посланнику в Стокгольме договориться с его великобританским и французским коллегами относительно выступления, предложенного памятной запиской английского посольства от 6 мая/23 апреля.

Г. Сазонов равным образом расположен дать соответствующие заверения норвежскому и датскому правительствам, если они этого пожелают, и снабдил нужными в этих целях инструкциями российских посланников в Христиании и Копенгагене.

№ 694. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 2102. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Штрандтман выезжает сегодня [1]. Ввиду невозможности для вас отлучиться из Ниша без высочайшего на то разрешения, прошу вас телеграфировать, после беседы с Штрандтманом, продолжаете ли вы настаивать на испрошении такового [2]. Было бы во всяком случае желательно, чтобы цель вашей поездки держалась в строгой тайне, и вы о ней никому не говорили [3].

Нератов.

№ 695. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому

Телеграмма № 2126 [4]. 7 мая/24 апреля 1915 г.

По имеющимся сведениям [5], Титтони телеграфировал в Рим и сказал румынскому посланнику в Париже, будто Делькассе считает справедливым, чтобы Россия сделала Румынии уступки в Буковине взамен уступок, которые Румыния могла бы сделать Сербии в Банате. Сомневаюсь, чтобы Делькассе действительно мог высказаться в этом смысле, так как французскому правительству известно, что в Буковине Россия ничего другого не требует, как возможно полного проведения этно-

---

[1] С 4 апр./22 марта Штрандтман находился в отпуску в Петрограде.

[2] Ср. стр. 191, прим. 2.

[3] 14/1 мая Трубецкой получил разрешение под видом отпуска выехать в Петроград, где он пробыл до середины июля 1915 г.

[4] Опубл. Ц. Р., стр. 185.

[5] Имеется в виду тел. рум. посланника в Париже Лаговари Братиану от 4 мая/21 апр. за № 907, которая была расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

графического начала, и что поэтому нельзя говорить о каких-либо уступках в этой области. Между тем утверждения Титтони способны вызвать в Бухаресте надежду добиться при поддержке Франции значительных приращений в Буковине за счет русской народности. Поэтому желательно, чтобы Делькассе при первой возможности рассеял создавшееся словами Титтони впечатление, которое может лишь укрепить Братиану в его упорстве.

Сазонов.

№ 696. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 1 [1]. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Посещение итальянским послом барона Шиллинга и разговор относительно испортившихся румыно-итальянских отношений. Диаманди говорил маркизу Карлотти о возможном уходе Братиану в том случае, если Россия не примет условия, поставленные Румынией.

Одновременно свидание министра с французским и английским послами. Предложение Палеолога выработать условия, которые Россия и ее союзницы могли бы предложить Румынии с тем, чтобы в случае, если [бы] Братиану, который видимо ведет дело к разрыву переговоров, постарался свалить вину в подобном исходе на неуступчивость России, можно было бы путем обнародования переговоров показать румынскому общественному мнению, что если они окончились неудачно, то лишь благодаря тактике Братиану. [2]

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XXXI, стр. 10.

[2] В тел. от 4 мая/21 апр. за № 610, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Бьюкенен сообщал Грею: «В разговоре [с румынским посланником] г. Сазонов затронул три пункта, о которых он решил говорить вполне откровенно: а) он с самого начала ясно указал, что Россия не может никогда принять Прут как северную границу; пойти на это значило бы отдать Румынии русское население, которое желало быть присоединенным к русской империи. Поэтому он должен повторить то, что было им обещано в сентябре на этот счет, именно, что он готов постараться найти подходящую границу путем взаимных уступок; б) Россия должна получить также пограничные округа в Карпатах, населенные угро-или венгро-руссами; в) Сербия желает получить часть Баната для усиления обороны Белграда. Лично он не имеет возражений, чтобы Румыния нашла компенсации во всех венгерских округах, на которые она претендует, но это вопрос, которого он не может обсуждать, не запросив мнения союзников».

Кроме того, Сазонов заявил Палеологу и Бьюкенену, что «он стоит за то, чтобы разделить Банат по линии, проходящей от Дуная через Вейскирхен к Темешвару и отдать восточную часть Румынии, западную — Сербии».

№ 697. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 2 [1]. 7 мая/24 апреля 1915 г.

После обеда у министра иностранных дел, за которым в числе других дипломатов был и румынский посланник, последний имел продолжительный разговор с С. Д. Сазоновым и старался вновь убедить его в справедливости румынских притязаний. Министр возражал и особенно обращал внимание Диаманди на опасность слишком резкой постановки вопроса, так как: «Si Bratiano insiste que c'est à prendre ou à laisser cela pourrait bien devenir précisément «à laisser» [2].

№ 698. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 306. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Reçu votre No 2062 [3].

Grey m'a dit que ministre serbe lui avait reparlé des inquiétudes en Serbie et de la situation difficile de Pachitch. Grey lui dit confidentiellement qu'au moment de paix victorieuse Serbie pouvait compter sur Bosnie-Herzégovine, section importante de l'Adriatique en Dalmatie, autre section pour Croatie et qu'il serait tenu compte des intérêts littoraux du Monténégro [4]. Ministre ayant exprimé mêmes appréhensions par rapport à Roumanie, Grey lui a répondu qu'intérêts serbes sur rive gauche du Danube seraient garantis et que les alliés ne les perdraient pas de vue.

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 2062.

Грей сказал мне, что сербский посланник снова с ним заговорил о беспокойстве Сербии и о затруднительном положении Пашича. Грей сообщил ему конфиденциально, что при заключении победоносного мира Сербия может рассчитывать на Боснию — Герцеговину, на значительную часть Адриатического побережья в Далмации, — другая же часть предназначается Хорватии, — и на то, что прибрежные интересы Черногории будут приняты во внимание. Когда посланник высказал ему те же опасения по отношению к Румынии, Грей ответил ему, что сербские интересы на левом берегу Дуная будут гарантированы и что союзники их будут иметь в виду.

Бенкендорф.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр 11.

[2] «Если Братиану будет настаивать на том, чтобы было сказано «да или нет», то это может кончиться тем, что ему скажут как раз «нет».

[3] См. стр. 352, прим. 1.

[4] Бенкендорф при свидании с находившимся в Лондоне серб. проф. Цвиичем дал ему подобные же заверения, заявив, что Россия на меньшее не согласится, и что, по его сведениям, таковы же намерения Англии (тел. от 12 мая/29 апр. за № 335).

№ 699. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 308. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Grey m'a dit que Gennadios était venu lui faire hier même ouverture que Romanos avait faite à ministre de France que cette fois pourtant Gennadios avait parlé au nom de Zographos [1]. Grey lui a répondu que dès qu'il recevrait proposition officielle, elle serait étudiée et prise en considération. Grey pense que proposition devrait être acceptée, mais que d'autant plus il faudra rassurer Bulgarie sur inactivité de l'armée grecque [2].

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что Геннадиос вчера обратился к нему с теми же предложениями, которые Романос сделал французскому министру, и что однако на этот раз Геннадиос говорил от имени Зографоса. Грей ответил ему, что, как только он получит официальное предложение, оно будет рассмотрено и принято во внимание. Грей полагает, что предложение должно быть принято, но что тем более следует успокоить Болгарию, заверив ее в бездействии греческой армии.

Бенкендорф.

№ 700. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 309. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Ai rencontré hier colonel House qu'on me dit être confident spécial du président Wilson [3]. Il me dit qu'il y avait erreur à croire que président surtout préoccupe ménager votes allemands aux Etats-Unis, comme public européen pense. Plus de deux tiers votes allemands sont toujours républicains. Dernier tiers d'aucune importance même si quelques voix dissidentes, jusqu'ici républicaines, venaient s'y joindre. Président s'efforce surtout faire entendre à gros public américain devoirs réelle neutralité, comme dans question vente armes et munitions que public comprend

---

[1] См. № 675.

[2] Тел от 11 мая/28 апр. за № 305 Извольский сообщал, что ожидавшееся заявление греч. прав-ва еще не последовало. По его словам, Делькассе «не особенно сожалел бы о воздержании Греции», так как «в настоящую минуту все его заботы сосредоточены на выступлении Румынии, которому он придает первостепенное значение».

[3] Ср. № 443.

mal. Son activité en cette question parfaitement claire. House dit qu'il y a un point sur lequel je voudrais vous rassurer entièrement. Jamais président ne s'est prêté à effort pour amener paix prématurée inacceptable pour alliés. Toutes sympathies personnelles pour cause Triple Entente. Ai communiqué cet entretien à Nicolson qui croit exact ce que House m'avait dit. Nicolson ne pense pas que différend actuel entre Allemagne et Etats-Unis au sujet vaisseaux américains coulés puisse amener rupture, mais que gouvernement anglais satisfait attitude prise par président. J'ai en général impression qu'Amérique restera ouverte pour acquisition armes et munitions pour Russie, Angleterre et France, mais qu'il est urgent de traiter ces questions avec prudence, moindre publicité possible et surtout eviter toute concurrence en Amérique des trois Puissances, en agissant indépendamment l'une de l'autre. Je crois ceci essentiel pour sécurité des contrats passés.

Benckendorff.

Перевод.

Встретил вчера полковника Хауса, который, как говорят, облечен особым доверием президента Вильсона. Он мне сказал, что европейское общественное мнение заблуждается, считая, что президент главным образом озабочен вопросом привлечения немецких избирателей в США. Более двух третей немецких голосов всегда отдаются республиканской партии, а последняя треть не имеет никакого значения, даже если к ней присоединятся несколько отпавших голосов, принадлежавших прежде республиканцам. Президент особенно стремится внушить широким кругам американцев обязанности действительного нейтралитета, как, напр., в вопросах продажи оружия и военного снаряжения, в которых эти круги плохо разбираются. Деятельность его в этом вопросе вполне ясна. Имеется один пункт, насчет которого я хотел бы полностью вас успокоить: Хаус сказал, что никогда президент не поддавался влияниям, направленным к заключению преждевременного мира, неприемлемого для союзников. Все его личные симпатии обращены в сторону Тройственного согласия. Я сообщил этот разговор Никольсону, который считает правильным то, что сказал мне Хаус. Никольсон не думает, что разногласие между Германией и США, возникшее из-за потопленных американских судов, может привести к разрыву, но что английское правительство удовлетворено позицией, занятой президентом. Вообще у меня сложилось впечатление что Америка останется открытой для приобретения оружия и военного снаряжения для России, Англии и Франции, но что необходимо относиться к этим вопросам осторожно, насколько возможно избегая всякой огласки и главным образом конкуренции в Америке между тремя державами, если они будут действовать независимо друг от друга. Я считаю это существенным для обеспечения прежних контрактов.

Бенкендорф.

№ 701. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 135. 7 мая/24 апреля 1915 г.

№ 1.

Сегодня я имел исчерпывающее объяснение с Валленбергом. Я высказал ему, что у нас не могут не быть встревоженными заявлением Бильдта в Риме [1], сделанным от имени короля, речью короля в Гетеборге и только-что прошедшими в парламенте военными законопроектами [2]. Я добавил, что в частности речь короля [3] именно служит к возбуждению в стране тревоги и опасений и совпадает в этом отношении с германскими усилиями сеять здесь всячески тревогу и опасения — перед кем? Очевидно, перед Россией; что некоторые из военных законопроектов имеют в виду меры, принимаемые обыкновенно непосредственно перед войной. Между тем с нашей стороны Швеция все это время ничего не видела, кроме благосклонного доверия, и мы не принимали до сих пор никаких решительно мер, даже чтобы обеспечить нашу границу. Валленберг дружественно мне (изложил), что заявление шведского посланника в Риме имело единственной целью передать итальянскому правительству искренние пожелания, чтобы Италия не вмешивалась в европейскую войну, ни король, ни правительство не имели в виду даже намекать, что в случае присоединения Италии к нам, Швеция присоединится к Германии. Это было бы безумно и бессмысленно. Но Швеция не скрывает, что она действительно дорожила и дорожит возможно большим числом нейтральных государств и присутствием среди них хотя бы одной великой державы.

Неклюдов.

№ 702. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 135. 7 мая/24 апреля 1915 г.

№ 2.

Во-вторых, король в своей речи отнюдь не имел в виду возбуждать тревогу; в последнем абзаце этой речи он прямо указывает на опасность агитации, ведущейся некоторыми личностями в стране, но он не может не считать весьма опасным такое время, когда отовсюду Швецию окружает морская война и когда шведское торговое мореплавание с двух сторон подвергается насилию. В-третьих, законопроекты,

[1] См. № 622.

[2] 5 мая/22 апр. швед. парламент утвердил законопроект об увеличении кредитов на чрезвычайные военные нужды в размере $11^1/_2$ млн. крон.

[3] См. стр. 353, прим. 1.

ныне принятые парламентом, были все внесены в оный с января, и [с] их проведением поспешили ввиду предстоящих вакаций. Наконец, министр иностранных дел самым определенным и торжественным образом заявил мне, что король и правительство и огромное большинство страны не хотят войны и с Россией искренно желают оставаться в наилучших и дружеских отношениях. «Успокойте от моего имени императорское правительство; убедительно прошу его верить мне так же, как верите мне вы сами». Я попросил Валленберга передать все мои заявления дословно его величеству и, в свою очередь, обещал также передать заявления министра иностранных дел вашему высокопревосходительству. Мои мнения выражены в моем письме к вам от среды [1] и в предшествующих донесениях; то есть я пока спокоен.

Неклюдов.

№ 703. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 255. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Лично.

№ 1.

В прошлую субботу один из главных деятелей оппозиции Тодоров имел с Радославовым продолжительный разговор. Тодоров весьма настойчиво доказывал, что наступил последний момент, когда Болгария может выступить с пользою для себя, и предлагал главе правительства полную поддержку оппозиции. Радославов вполне сознал справедливость доводов Тодорова и задал последнему два вопроса:

---

[1] В письме от 5 мая/22 апр. за № 137 Неклюдов писал, что «не только шведское общественное мнение, но и руководители шведской политики отнюдь не желают и опасаются окончательного поражения и чрезмерного ослабления Германии» и что «они боятся такого развития событий, при которых скандинавские страны оказались бы единственной отдушиной, открытой для сношения Германии с внешним миром, причем Швеция очутилась бы между молотом и наковальней германских все увеличивающихся притязаний в области поставки и транзита и английского углубленного надзора в той же области и стеснения этих поставок и этого транзита». Далее Неклюдов высказывал мнение, что Швеция все же не вступит в войну, так как «большинство риксдага против войны; крестьянское и рабочее население ее не желает, владельцы фондов и промышленных предприятий ее искренно боятся». Только решительные успехи Германии могли бы, по мнению Неклюдова, заставить Швецию выступить на стороне центральных держав, но в таком случае «последняя отдушина Германии оказалась бы закрытою, и Германии пришлось бы еще делиться с Швециею хлебом и сырым продуктом, недостаток коего именно более всего и угнетает германскую военную мощь».

1) почему Россия не делает Болгарии конкретных предложений и 2) каковы мои отношения с королем? Тодоров ответил совершенно правильно, что Тройственное согласие сделало уже несколько шагов и теперь ожидает ответа Болгарии. Второй вопрос доказывает, что, как я всегда утверждал, все в руках короля и, кроме того, что Радославов боится и не смеет взять инициативы. В понедельник Радославов поставил мне те же вопросы; я ему ответил, что не трем великим державам, показавшим уже, насколько они принимают близко к сердцу болгарские интересы, итти теперь навстречу Болгарии, а наоборот. На его замечание, не мог ли бы я высказать это королю и вместе с тем рассеять страх последнего перед Россией — между прочим король указал Радославову на отсутствие обычной телеграммы государя императора в день его рождения [1], как на признак неудовольствия его величества,— я сказал, что я в полном распоряжении короля, но не могу по своей инициативе испрашивать аудиенции без приказания из Петрограда. Как свое совершенно личное мнение, я высказал Радославову, что на его месте я бы не упустил настоящего столь благодарного для хорошего патриота момента и, не боясь никого, посоветовал бы королю обратиться с личной телеграммой к государю императору — объяснить, что если Болгария не исполнила до сих пор своего долга, то только потому, что сама перенесла недавно две войны, и потому, что боялась без всякой пользы для себя и для России впутаться в борьбу гигантов, но что теперь, полагая, что болгарская армия может принести известную долю пользы во Фракии, он, король, ставит ее без всяких условий в полное распоряжение государя императора. Такой жест, сказал я, был бы оценен всей Россией, а Болгарии принес бы только выгоду. Вчера я имел случай продолжительно беседовать с вдовой Стамбулова, продолжающей быть духовной главой партии своего мужа и имеющей большое влияние среди стамбуловистов, постоянно собирающихся у нее. Она (несколько) настаивала на страхе перед Россией и недоверии, которое испытывают в Болгарии за свое будущее после Бухарестского договора. Я ей обстоятельно объяснил, прося передать ее политическим друзьям, что Бухарестский договор явился не сам по себе, а был результатом многих причин, по которым Россия

---

[1] В докл. зап. Николаю II от 23/10 февр. 1915 г. Сазонов доложил, что «ввиду принятого царем Фердинандом и его правительством политического направления, я полагал бы соответствующим не посылать в Софию высочайшей поздравительной телеграммы, буде на сей предмет не последует иных указаний вашего императорского величества». На этой докл. зап. рукой Николая II имеется помета: «Нет».

имела полное право быть недовольной поведением Болгарии, но что тем не менее императорское правительство первое, всего два дня после объявления нам Германией войны (ваша телеграмма от [3 августа] 21 июля № 1655 [1]), подумало о том, как исправить в пользу Болгарии сделанное в Бухаресте, и поручило мне сообщить это королю и правительству. Я позволил себе остановиться на всех этих настроениях ввиду соображений, заключающихся в моем № 2.

Савинский.

№ 704. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 256. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Совершенно лично.

№ 2.

Румынский посланник сообщил мне вчера, что, когда он сказал третьего дня английскому посланнику, что, к его большому удовольствию, он видит, что, должно быть, уже на-днях англичане и румыны будут союзниками, то, к удивлению Деруссн, г. Айронсайд переменился в лице и сказал, что Румынии совершенно незачем выступать, что она и без этого получит Трансильванию. Деруссн донес об этом в Бухарест. Из предыдущих моих донесений вам известно, что, верный своей дружбе с опаснейшим шовинистом Спалайковичем, английский посланник останавливал и болгар от выступления, дабы не пришлось лишить Сербию Македонии. Еще в прошлую субботу Т. Тодоров говорил мне, что Айронсайд и теперь работает в этом смысле. Не знаю, побуждают ли его личные взгляды и соображения, или он получает инструкции от своего правительства; не знаю также, имеет ли он влияние в Лондоне, и принимает ли сэр Э. Грей решения относительно Болгарии на основании донесений своего посланника в Софии, но боюсь, что это или так, или в Лондоне совершенно не отдают себе отчета в здешних настроениях. Иначе трудно объяснить себе сделанное вам Греем и переданное мне в вашем № 2066 [2] предложение о нашей «готовности вступить с Болгарией в переговоры относительно совместных военных действий». Здесь действительно ждут нашего выступления, но ждут в совершенно определенной форме конкретных предложений, и всякая туманная форма даст повод нашим врагам говорить о нашей неискренности и сыграет им в руку, так как убьет веру в нас даже в наших друзьях. Оговариваюсь, что рассуждаю с местной точки зрения,

[1] См. т. V, № 484.

[2] См. стр. 338, прим. 4.

исходя из положения, что по отношению к Болгарии у России особая роль в прошлом, настоящем и будущем, и не знаю общего политического положения. В случае если последнее таково, что мы в Болгарии не нуждаемся, и нам все равно, когда и с каким настроением она к нам присоединится, то, конечно, отчего же и не принять предложения Грея; в противном же случае нужен язык вашей памятной записки [18] 5 апреля № 430 [1] с редакционными изменениями, предложенными в телеграмме Извольского № 239 [2]. Этот язык единственно соответствует обстоятельствам, и он один может внушить болгарам доверие к нашим планам относительно ее, а следовательно, и обеспечить ее содействие.

Савинский.

№ 705. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 533. 7 мая/24 апреля 1915 г.

Получил ваши №№ 2062 [3] и 2094 [4].

Я посетил сегодня Пашича вслед за английским и французским посланниками и сделал предписанное сообщение об охране жизненных интересов (Сербии). Со своей стороны я развил указанные вами соображения и посоветовал Пашичу положить предел возбуждению бесплодному и потому вредному, сказавшемуся даже в официозе «Самоуправа». Пашич казался мне весьма подавленным. Он повторил, что уступки вам, может быть, были неизбежны, но сожалеет, что они явились совершенно неожиданными для него, вследствие чего он не мог подготовить общественное мнение. В той же беседе я коснулся албанских дел. Пашич принял к сведению совет воздержаться от помощи Эсаду, но сказал, что в таком случае последний всецело передастся в руки Италии. Здесь готовится записка относительно размежевания с Румынией. В общих чертах пожелания сербов намечены на карте, приложенной к моему донесению № 9. [5]

Трубецкой.

---

[1] Указанной нам. запиской Сазонов передал Бьюкенену и Палеологу текст изменений, которые он предлагал внести в заявление болг. прав-ву (см. стр. 192, прим. 4).

[2] Тел. от 26/13 апр. за № 239 Извольский сообщил о согласии Делькассе принять предложенный Сазоновым измененный текст заявления болг. прав-ву (см. № 602), при условии исключения из него слов: «politique tortueuse» (двусмысленная политика) и «complicité», (содействия врагам), «которые могут оскорбить болгарское правительство, и в особенности царя Фердинанда».

[3] См. стр. 352, прим. 1.

[4] См. № 689.

[5] См. № 85.

№ 706. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 12. 8 мая/25 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy has the honour to communicate to the Imperial Ministry for Foreign Affairs, with reference to the latter's Aide-Mémoire No 385 of April 8th/March 26th (1915) [1], the following telegram which has been received from Sir E. Grey:

His Majesty's Government are considering the formation of a Council of three Civilian High Commissioners, on whom should be dependent the European or, if suitable candidates exist, Turkish Directors of the various provisional departments of the Administration. The High Commissioners would presumably have full powers both of civil administration and of legislation by Ordinance for Constantinople and the area assigned to it. The division of zones for each Commission, as proposed by the French Government, and their relations to the Supreme Military Command, must in any case be further discussed by the Allies.

We would add to the Minister for Foreign Affairs' enumeration of Departments those of Public Works, Mines and Forests, Agriculture and Commerce, and Posts and Telegraphs, and we would press for special care in dealing with the Department of Evkaf. Though included among Ottoman Executive Departments, it is in reality a tribal administration, any unnecessary interference with which would be very deeply resented by Moslem feeling. It acts as trust for large legacies and properties bequeathed for religious purposes, and we would urge that, if no suitable local Moslem is forthcoming, a Moslem Director with experience of the similar institutions in Egypt or Cyprus should be appointed.

His Majesty's Government entirely agree that the European Directors should be chosen from foreigners who have served in Turkey, and they would call particular attention to the desirability, in the general interest, of continuing the Customs Administration, as reorganised by Sir R. Crawford, under him or a British official with possession of the technical knowledge of the system.

As regards judicial proposals, the European Director of Justice will presumably exercise control over the Native Courts, but special arrangements will be necessary in the case of Religious Courts dependent on the Department of the Sheikh ul Islam, where considerations akin to those of the Department of Evkaf exist.

The Minister for Foreign Affairs' proposal in regard to mixed cases

[1] См. № 497.

would entail the entire interruption of the continuity of the existing judicature, and would create a serious diversity of treatment, whether the various Consular Courts administered their own law or endeavoured to interpret Ottoman law. Should the administrative area extend beyond the main centres, such as Constantinople or Adrianople, there would be, under the Minister for Foreign Affairs' plan, a complete dearth of tribunals. Moreover the Courts of the minor Neutrals would be inspired with no confidence, some of the least desirable effects of the Capitulations would be accentuated and the execution of judgments, which would accompany jurisdiction, would be uncertain and difficult.

We would therefore prefer to leave the Consular Courts as they were before the Turkish Government tried to suppress the Capitulations. As regards mixed civil and commercial cases, the existing system should be continued as much as possible: in the Courts of First Instance largely with the help of the existing personal, in the Higher Courts by a foreign element representing the Allies on the Bench. The Commissioners must of course have ample powers of control and interference.

Nothing should be done to recognize the abolition of the Capitulations unilaterally decreed by the Turkish Government last year [1], but in the occupied area they should temporarily be superseded under the necessities of military occupation. We agree to the proposals for the reorganisation of the Municipal Council and for big questions such as taxation, cost of provisional administration, and the settlement of differences between the Civil and Military Authorities [2].

Перевод.

Посольство его британского величества имеет честь сообщить императорскому министерству иностранных дел, ссылаясь на памятную записку последнего за № 385 от 8 апреля/26 марта 1915 г., следующую телеграмму, которая была получена от сэра Э. Грея:

Правительство его величества изучает вопрос об образовании совета трех гражданских верховных комиссаров, которому будут подчинены как европейские, так и турецкие, — если найдутся подходящие кандидаты, — директора различных временных административных управлений. Верховные комиссары, вероятно, будут иметь полномочия как в области гражданского управления, так и на издание законоположений для Константинополя и отводимой ему области. Деление на зоны для каждой комиссии, как это было предложено фран-

---

[1] См. т. VI, ч. 1, стр. 234, прим. 4.

[2] В ответной пам. записке от 15/2 мая Сазонов, выражая в основном свое согласие, считал нежелательным сохранение всех имеющихся в К-поле деп-тов, полагая возможным некоторые из них заменить отделениями деп-та внутр. дел.

цузским правительством, и их отношение к верховному военному командованию должно во всяком случае подвергнуться дальнейшему обсуждению со стороны союзников.

Мы считаем нужным дополнить составленный министром иностранных дел перечень департаментов следующими: «общественных работ», «горный и лесной», «земледелия и торговли», «почт и телеграфов», и обращаем особенное внимание на вопрос о департаменте вакуфов. Хотя он и включен в число департаментов турецкой администрации, но в действительности он является родовым управлением, всякое вмешательство в которое вызовет глубокое недовольство среди мусульман. Этот департамент ведает крупными наследствами и владениями, предназначенными для религиозных целей, и мы предлагаем, если не окажется подходящего мусульманина из местных жителей, назначить директором мусульманина, знакомого с работой подобных учреждений в Египте или на Кипре.

Правительство его величества вполне согласно с тем, чтобы европейские директора были выбраны из числа иностранцев, служивших в Турции, и ради общих интересов оно просит обратить особое внимание на желательность сохранения таможенной администрации в том виде, как она была преобразована сэром Р. Крауфордом, под руководством его самого или английского чиновника, знакомого с технической стороной этой системы.

Что касается предложений в судебной области, то европейский директор юстиции будет, вероятно, осуществлять контроль над туземными судами, но в отношении религиозных судов, зависящих от департамента шейх-уль-ислама, будут необходимы специальные соглашения, так как тут играют роль соображения, подобные тем, с которыми надо считаться в отношении вакуфов.

Предложение министра иностранных дел касательно смешанных судов повлечет за собой полный перерыв в преемственности существующих судебных учреждений и вызовет серьезное различие в судебном режиме в зависимости от того, будут ли различные консульские суды применять законы своих стран или явятся истолкователями турецкого закона. В случае, если область, подлежащая ведению этой администрации, будет выходить за пределы главных центров, как Константинополь или Адрианополь, то при применении плана министра иностранных дел там будет ощущаться большой недостаток в судебных учреждениях. Помимо того, суды малых нейтральных стран не будут внушать доверия; будут подчеркнуты некоторые из наименее желательных последствий «капитуляций», и приведение в исполнение судебных приговоров, вынесенных судами, будет не обеспечено и затруднительно.

Мы поэтому предпочитали бы оставить консульские суды в том виде, в каком они существовали перед тем, как турецкое правительство попыталось отменить капитуляции. Что касается смешанных судов по гражданским и торговым делам, то существующая система могла бы быть продлена как можно дольше: в судах первой инстанции — главным образом при помощи имеющегося личного состава, а в высших судах — при содействии иностранного элемента, представляющего союзников в судебном присутствии. Конечно, комиссары должны иметь широкие полномочия контроля и вмешательства.

Ничего не должно быть сделано для признания отмены капитуляций, провозглашенной в прошлом году только со стороны турецкого правительства, но в оккупированной зоне действие их должно быть временно прервано в силу

военной оккупации. Мы соглашаемся на предложение о преобразовании муниципального совета и на предложения по крупным вопросам, как-то: о налогах, о расходах по временному управлению и урегулированию разногласий между гражданскими и военными властями.

№ 707. Вербальная нота японского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

8 мая/25 апреля 1915 г.

Faisant suite aux communications précédentes [1] sur les affaires pendantes entre le Japon et la Chine, l'ambassadeur du Japon a l'honneur sur les instructions de son gouvernement, de communiquer ce qui suit à son excellence le ministre des affaires étrangères.

Le gouvernement impérial tenant compte dans un esprit extrêmement conciliant de la situation de la Chine a accepté de modifier les demandes qu'il lui avait primitivement présentées, en ajoutant qu'il était disposé à restituer à cette république sous les conditions justes et équitables et à une occasion propice toute l'étendue des côtes de la baie de Kiao-Tchéou que l'empire du Japon a acquis au prix de tant de sacrifices, si la Chine consentait à ces demandes modifiées. Mais le gouvernement chinois a adressé en date du 1 mai au gouvernement impérial une réponse [2] dont le contenu était loin d'être satisfaisant et n'a pas manqué de causer une réelle surprise. Il a cherché même sur plusieurs points à retirer ce qui avait été déjà une fois concédé et à introduire de nouvelles clauses de nature préjudiciable à l'Empire du Japon, de sorte que l'esprit amical avec lequel le gouvernement impérial a accepté de modifier ses demandes primitives n'a eu pour effet que de faire aller la chose en arrière. Si le gouvernement impérial écoutait le gouvernement chinois, le but qu'il s'était proposé en entamant les négociations actuelles ne pourra jamais être atteint.

En faisant parvenir la réponse précitée, les représentants chinois ont déclaré formellement et catégoriquement que ces contre-propositions étaient leurs derniers mots qui n'étaient susceptibles d'aucune modification.

Plus tard le 5 mai le gouvernement chinois a fait dire à la légation du Japon à Pékin qu'il retirait ses derniers mots et désirait continuer les négociations pour examiner de nouveau les dernières demandes modifiées du gouvernement japonais. Mais le gouvernement impérial a pu facilement juger que la Chine cherchait par ce moyen à trainer l'affaire en

[1] См. ч. 1, стр. 191, прим. 1, и стр. 324, прим. 1, а также № 652
[2] См. № 682.

longueur et qu'il n'agissait pas de bonne foi. Toutefois désirant vivement régler les questions à l'amiable et éviter toutes complications autant qu'il est possible, le gouvernement impérial a demandé au gouvernement de la république pour la dernière fois d'accepter tout l'ensemble des demandes modifiées japonaises, sous la réserve cependant de remettre à plus tard la discussion des desiderata autres que la question de Foukien qui sera immédiatement résolue comme il est déjà entendu et convenu. Le gouvernement impérial a fixé à 6 heures de l'aprés-midi du dimanche 9 mai, le délai dans lequel la Chine doit donner sa réponse définitive [1].

Le gouvernement impérial espère vivement que le gouvernement chinois, en considération de la paix de l'Extrême-Orient, reviendra à des idées plus saines dans le délai susmentionné et acceptera tout l'ensemble des dernières demandes modifiées exposées ci-dessus, mais au cas où il ne recevrait pas de sa part une réponse satisfaisante dans ce même délai, le gouvernement impérial sera obligé à prendre les mesures qu'il jugera nécessaires pour maintenir et défendre la position de l'Empire en Extrême-Orient.

Le gouvernement impérial croit devoir faire connaître au gouvernement russe les circonstances qui ont amené le gouvernement impérial à cette dernière détermination [2].

Перевод.

В дополнение к предыдущим сообщениям о требующих разрешения вопросах между Японией и Китаем японский посол, по предписанию своего правительства, имеет честь сообщить его превосходительству министру иностранных дел следующее:

Императорское правительство, считаясь с положением в Китае и будучи настроено весьма примирительно, согласилось на изменение требований, которые оно первоначально предъявило ему, добавляя, что оно склонно в благоприятный момент возвратить этой Республике на справедливых условиях все

[1] 5 мая/22 апр. Като дал япон. посланнику в Пекине следующее предписание: «Заявите китайскому правительству, что если Юань Ши-кай до 6 часов вечера 9 мая/26 апреля не даст удовлетворительного ответа на наш проект, императорское правительство будет принуждено принять меры, которые оно считает необходимыми. Вы должны выехать в таком случае немедленно в Японию» (тел. Като Мотоно от 6 мая/23 апр., расшифрованная в росс. м-ве ин. дел). Текст ультиматума см. № 746, приложение.

[2] Пам. запиской от 8 мая/25 апр. япон. пос-во в Петрограде известило Сазонова, что в случае разрыва с Китаем япон. прав-во «предполагает просить английское правительство взять на себя защиту интересов японских граждан во всех частях Китая, за исключением Северной Манчжурии, Цицикара, Гирина и Чанчуня»; в указанных областях таковую защиту оно просило росс. прав-во взять на себя. Согласие росс. м-ва ин. дел с разрешения Николая II было дано 9 мая/26 апр.

протяжение побережья бухты Киаочжоу, которое Японская империя приобрела ценою стольких жертв, если бы Китай согласился на эти измененные требования. Но китайское правительство дало 1 мая императорскому правительству ответ, содержание которого было далеко не удовлетворительным и который не преминул вызвать действительное удивление. Китайское правительство пыталось даже по многим пунктам взять обратно то, что оно уже согласилось однажды уступить, и ввести новые условия, клонящиеся к невыгоде Японской империи; таким образом примирительные намерения, в силу которых императорское правительство согласилось изменить свои первоначальные требования, лишь отодвинули назад все дело. Если бы императорское правительство слушало китайское, то цель, которую оно себе поставило, приступая к настоящим переговорам, не была бы никогда достигнута.

Передавая указанный выше ответ, китайские представители формально и категорически заявили, что эти встречные предложения являются их последним словом и не подлежат никаким изменениям.

Затем 5 мая китайское правительство сообщило японской миссии в Пекине, что оно берет назад свои последние заявления и желает продолжать переговоры, дабы снова рассмотреть последние, измененные требования японского правительства. Но японскому правительству было нетрудно понять, что Китай хочет этим способом затянуть дело и что он действует неискренно. Тем не менее, горячо желая разрешить вопрос дружески и избежать, насколько возможно, всяких осложнений, императорское правительство потребовало в последний раз от правительства Республики принять все японские измененные требования в их совокупности, с оговоркой однако, что будет отложено на позднейшее время обсуждение пожеланий, кроме вопроса о Фуцзяне, который должен быть разрешен немедленно, как это уже было условлено и договорено. Императорское правительство назначило на воскресенье 9 мая, в 6 часов пополудни, срок, до которого Китай обязан дать свой окончательный ответ.

Императорское правительство твердо надеется, что китайское правительство, принимая во внимание мир на Дальнем Востоке, в указанный срок вернется к более здравому образу мыслей и примет всю совокупность приведенных выше последних измененных требований; но в случае, если бы императорское правительство не получило удовлетворительного ответа в этот срок, оно будет вынуждено принять меры, которые оно сочтет необходимыми для поддержания и защиты положения империи на Дальнем Востоке.

Императорское правительство считает долгом поставить российское правительство в известность об обстоятельствах, которые привели императорское правительство к этому последнему решению.

№ 708. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

8 мая/25 апреля 1915 г.

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества доверительное письмо посланника в Сербии от [28] 15 сего апреля за № 18 [1], в коем князем

[1] Письмо хранится в Арх. Вн. Пол., в деле Ст. 65.

Трубецким, со слов г. Пашича, указывается на намерение Черногории, воспользовавшись пребыванием генерала Мартиновича или намеченного ему заместителя при штабе августейшего верховного главнокомандующего, попытаться ко времени заключения мира обособить черногорские интересы от сербских в вопросе о земельных приобретениях.

Сопоставляя означенное сведение с данными, сообщаемыми поверенным в делах в Цетинье телеграммой за № 57 [1], почитаю за непременный долг отметить, что черногорские домогательства закрепить в России свое представительство, пока под видом чрезвычайной военной миссии, идут в разрез с соблюдавшимся, в силу высочайших указаний, направлением русско-черногорских политических отношений; преследуемая же королем Николаем цель отделить интересы королевства от сербских может повлечь за собою последствия, которые принесут вред юго-западному славянству и помешают стремлениям России, обогатив единокровные государства достойными земельными приращениями, утвердить для них возможность продолжительного мирного политического и экономического развития.

Сазонов.

Нужно за этим внимательно следить

Царское Село, [8 мая] 25 апреля 1915 г.

---

[1] Тел. от 6 мая/23 апр. за № 57 Обнорский передал содержание тел. военного агента Потапова от 27/14 апр. за № 527. В этой последней Потапов сообщал, что на ген. Мартиновича возлагалась миссия быть осведомителем в. кн. Николая Николаевича «о всем, что король Николай признает необходимым довести до сведения его императорского высочества в целях осуществления политического плана, выработанного членами черногорской семьи, при участии итальянской королевы Елены». Помимо удовлетворения интересов черногорской династии, план этот «преследует задачу усилить и укрепить Черногорию и одновременно ослабить Сербию, которая иначе может явиться в будущем угрозой итальянским интересам на Адриатике». В связи с этим — сообщал Потапов, — признавалось необходимым: «а) Раздобыть извне под видом кредитов на армию крупные денежные средства, которые позволили бы Черногории по окончании войны и по прекращении сербской военной субсидии независимо существовать несколько лет. б) Имеющие быть занятыми Италией в будущей войне с Австрией прибрежные пункты Южной Далмации отнюдь не уступать сербам, а передать в черногорские руки. в) Путем соответствующего осведомления нашего верховного главнокомандующего подготовить почву к возможно большему расширению за счет Сербии будущих границ Черногорского королевства».

№ 709. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

·/. Телеграмма № 2132 [1]. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Траутшольда № 140 [2].

Мы не предполагаем принимать участия в японо-китайской войне. Поэтому Китайская Восточная железная дорога должна оставаться нейтральной, и ее полоса отчуждения должна считаться нейтральной территорией. Укрывшимся на ней японцам следует предоставлять убежище и защиту.

[Сазонов.]

№ 710. Посланник в Тегеране [3] министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 198. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Столицы за № 488 [4].

Решение генерала Вольского представляется мне весьма неблагоприятным. Наше влияние на персов возможно только при условии реальной поддержки. Германо-турецкие интриги с каждым днем усиливаются, а агенты их не жалеют денег и внушают персам, что и мы, и англичане бессильны настаивать на наших требованиях, являющихся таким образом голословными. Дальнейший беспрепятственный ввоз золота и оружия в Тегеран для немцев еще более подточит наш авторитет. Положение министерства Эйн-эд-Доуле крайне шаткое. Во время вторичного свидания с Саадом последний подтвердил мне свое убеждение, что положение Тегерана опасно и что отрезвление населения, подпавшего под влияние наших врагов, возможно лишь при условии усиления нашего отряда и передвижения части его, в тысячу приблизительно человек с артиллерией, на полпути между Казвином и Тегераном. Он также считает необходимым для нас и англичан заручиться действительной поддержкой духовенства и бахтиар, для чего однако необходимы средства. Факт уплаты должного жандармерии жалования не подтвердился, и Марлинг признавал бы полезным предписать Шахиншахскому банку выдать в виде аванса от

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 6 мая/23 апр. за № 140 консул в Харбине Траутшольд, сообщая о просьбе япон. консула в Куанченцзы предоставить свободные казармы для япон. населения Куанченцзы на случай войны Японии с Китаем, просил дать указания, имеет ли он право согласиться на предоставление таковых.

[3] Эттер вступил в исполнение обязанностей посланника в Тегеране 4 мая/21 апр.

[4] Тел. от 6 мая/23 апр. за № 488 Столица передал Сазонову заявление ген. Вольского, что «об усилении Казвинского отряда настолько, чтобы его продвинуть в Тегеран, не может быть и речи».

имени России и Англии соответствующую сумму для уплаты жалования расположенных в Тегеране жандармов[1]. Мера эта могла бы до известной степени изменить их отрицательное к нам отношение. Предъявленные нами за последнее время к персам требования, связанные с нарушением ими нейтралитета, оставлены все без последствий:

1) свободный ввоз грузов;

2) беспрепятственное пребывание здесь бежавших из Туркестана германо-австрийских военнопленных;

3) открытая вербовка немцами персов на службу за 4 крана в сутки и другие.

Немцы явно располагают очень значительными средствами для ведения своей пропаганды; накануне опубликования закона о банкнотах[2] германская миссия поспешила разменять в банке 70 000 томанов на серебро.

Последние серьезные события в Исфагани могут легко повлиять на настроение в Тегеране[3].

Эттер.

№ 711. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 200[4]. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Только-что имел совещание с французским и английским посланниками. Оба считают положение минуты чрезвычайно серьезным и опас-

[1] Согласно представленному в м-во обзору событий, имевших место в Тегеране с 22/9 апр. по 5 мая/22 апр. 1915 г. (деп. Эттера от 6 мая/23 апр. за № 28), «агитация турок и германцев в пользу священной войны усиливается. Распространились слухи, что жандармерия и полиция получили на-днях полностью жалованье, неизвестно из каких источников, но помимо русского, английского или армянского банков... Вечером в германскую миссию прибыли 25 вьючных животных, нагруженных, как говорят, оружием».

[2] См. стр. 320, прим. 1.

[3] В тел. от 25/12 апр. за № 230 Гильдебрандт, сообщая Сазонову о прибытии в Исфагань двух германцев, которые «были за 40 верст встречены отрядом жандармов во главе с шведским шефом-инструктором», указывал, что «такое чествование властями германских смутьянов дает повод населению переоценивать по-своему и во вред нам значение германцев в Исфагани и вообще в Персии». Далее тел. от 6 мая/23 апр. за № 245 Гильдебрандт извещал Сазонова, что в Исфагань прибыл «большой транспорт оружия, патронов и золота, сопровождаемый четырьмя германцами», и что Пюжен вербует большое число всадников. По словам Гильдебрандта, губернатор заявил ему, что он не ручается за порядок и безопасность в Исфагани. Таким образом, — добавлял Гильдебрандт, — «создалось весьма тяжелое и тревожное положение, требующее скорейших решительных мер во избежание опасности, грозящей русско-подданным и нашим интересам».

[4] Тел. передана в Лондон 10 мая/27 апр. за № 2170.

ным. Персидский офицер-жандарм сознался Черчиллю, что, по словам, сказанным ему самим Эйн-эд-Доуле, последний считает германцев полными хозяевами положения в Персии, наши угрозы называет «блефом», так как убежден, что мы никаких решительных мер принять не решимся. Он прибавил, что приданные немцам силы в одном Тегеране в пять раз превысили бы наш Казвинский отряд, если бы мы решились вызвать его в столицу. Оба посланника, особенно французский, предвидят ежеминутную возможность нападения на миссии, арест посланников или предъявления нам паспортов на выезд из Персии. Нет сомнения, что образ действия министерства, даже в мелочах, обнаруживает подчинение его германским требованиям. Как союзные посланники, так и благожелатели наши из персов видят единственную возможность укрепления нашего положения в присылке в Казвин русских войск. Будучи здесь слишком короткое еще время, считаю своим долгом сообщить вашему высокопревосходительству их взгляд.

Эттер.

№ 712. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 241. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Копия сообщена почтой в Кяхту.

Продолжение телеграммы № 226 [1].

Тройные переговоры.

Китайский проект ответной мне ноты вай-цзяо-бу в день подписания Кяхтинского соглашения редактирован следующим образом:

«Вследствие поднятого российским правительством вопроса о пограничной с Внешней Монголией полосе, ваше высокопревосходительство передали 27/14 апреля текущего года записку о том, что особенно в Силингольском сейме граница, проходя по пустынным местам, является неопределенной и следует по местам, населенным кочевниками, и что появление здесь оседлого китайского населения повело бы к неизбежному вселению его во Внешнюю Монголию. Ввиду этого вы просили, чтобы было условлено, что пограничные места между Внешней

[1] В оригинале, повидимому, ошибка. Тел. за № 226 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Следует читать: № 228 от 5 мая/22 апр., в которой Крупенский сообщил, что кит. прав-во согласилось сделать уступку в вопросе разграничения (см. № 596), каковая будет им сообщена в виде отдельной ноты. При этом президент Республики просил передать Крупенскому, «что он убедительно просит не требовать большего от Китая в теперешнем затруднительном его положении».

и Внутренней Монголией останутся территорией кочевок местного населения.

В настоящем вопросе китайское правительство считает возможным выразить свое принципиальное согласие. Что же касается подробного определения размеров этой сферы, то китайское правительство признает возможным установить таковую одновременно с официальным определением границы, предусмотренным II статьей принятых на Кяхтинской конференции договорных постановлений».

Крупенский.

№ 713. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 146. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Китай.

Американский поверенный в делах принес мне полученную телеграмму из Вашингтона, в которой говорится, что Соединенные Штаты обратились к России, Франции и Англии с предложением преподать в Токио и Пекине совместный дружеский, но серьезный совет не торопиться с переговорами и всемерно стараться привести их к миролюбивому окончанию. Поверенному в делах поручается сообщить о сделанном американским правительством шаге премьеру и министру иностранных дел. Так как телеграмма эта была задержана на 48 часов и поступила к поверенному в делах только сегодня, т. е. уже после представления ультиматума, то он не счел возможным говорить о ней с Като и ограничился беседой с Окума, повидимому, академического характера. Поверенный в делах спрашивал меня, получил ли я известие о сделанном в Петрограде американским послом представлении и не будет ли мне поручено сделать соответствующее заявление здешнему правительству. Я ответил, что сведений об американском выступлении не имею и никаких поручений подобного свойства не получал [1].

Малевский.

---

[1] 8 мая/25 апр. 1915 г. было опубликовано правительственное сообщение в Вашингтоне, в котором указывалось: а) что США продолжают придерживаться политики открытых дверей и территориальной неприкосновенности Китая, б) что они исключительно интересуются тем, чтобы японо-кит. переговоры закончились удовлетворительно для обеих сторон, и в) что правительство США не предполагает отказываться от прав, предоставленных ему Китаем на основании договоров, или отказать Китаю и Японии в правах, предоставленных Америкой (Изв. МИД, 1915 г., III кн., стр. 262).

№ 714. Верховный главнокомандующий министру иностранных дел.

Телеграмма № 228. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Сегодня приступили к выработке текста военного соглашения с Италией, так как только сегодня Ропоmo получил инструкции от своего правительства, которые последовали после посланного им сообщения о ходе первого переговора. Вопрос осложняется необходимостью получить согласие Сербии на ее активное участие в предстоящих военных действиях в связи с итальянской армией, на чем Италия особенно настаивает. Кроме того, приехавший из Бухареста английский военный агент передал ряд данных относительно положения дел в Румынии, а также и о настояниях Англии о принятии Румынии в наш союз, даже приняв требование в смысле компенсаций. Все это, вместе взятое, заставляет меня просить вас испросить высочайшее разрешение на приезд ваш в ставку, чем достигнется выигрыш времени и возможность обсудить этот вопрос во всей его совокупности и поставить вас в известность со всеми данными чисто военного характера, знать которые я считаю для вас необходимым, дабы быть всесторонне освещенным по сему вопросу. Если вы не признаете возможным прибыть лично, то прошу вас командировать вашего товарища Нератова. Во всяком случае очень просил бы вас приехать лично.

Николай.

№ 715. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 8 мая/25 апреля 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Штаб вернулся вчера вечером из Холма, где было совещание главнокомандующих, т. е. верховного, генерала Иванова и Алексеева. Удар, нанесенный нам на Дунайце, — очень силен, но это не то, что Сольдау или разгром X армии. Немцы и австрийцы сосредоточились с большими силами, и под их напором пришлось отступить. Потери наши очень велики, но велики и потери немцев. Неприятно то, что, повидимому, наше наступление на Карпаты совсем остановлено: мы сами взорвали Лупнавский туннель (на магистрали, соединяющей Венгрию с Перемышлем). Этим мы затрудняем наступление на нас, но и в будущем наше собственное наступление. Вчера вечером, одновременно с посланной вам телеграммой, были отправлены того же содержания телеграммы

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 17.

Китченеру и Жоффру[1]. Последнему было только прибавлено, что последний успех наших противников не может изменить общего хода операций «ввиду тем более de l'offensive décisive que vous avez promis d'entreprendre et si l'envoi tout-à-fait indispensable des projectiles promis par le gouvernement français a lieu sans retard»[2].

Сегодня я зашел к генералу Данилову, чтобы его спросить о его последних впечатлениях. Он мне сказал, что «положение наше упрочивается», что я вам немедленно передал, и прибавил: «это улучшение продолжается и после вчерашней телеграммы Сергею Дмитриевичу». Вполне прочным оно названо быть не может, но Данилов почти-что готов поручиться, что оно скоро станет таковым. В общем, настроение на ставке не такое подавленное, какое я видел после прежних наших неудач. С Ропполо переговоры задержались[3], так как в ответ на его запросы в Рим ему было отвечено, что не все его телеграммы могли быть разобраны. Перед отъездом штаба в Холм я показал Данилову телеграмму Поклевского о требовании Румынией линии Прута[4] и просил его обдумать хорошенько, насколько допустимы уступки наши Румынии и насколько следует упорствовать в том положении, которое указано в телеграмме великого князя[5]. Конечно, в настоящую минуту, под впечатлением известия о нашей неудаче на Дунайце, круто повернуть на уступки Румынии неловко; но следует взвесить последствия слишком непримиримого тона по отношению к Румынии. Данилов понял мою мысль и обещал ее продумать. Генерал Янушкевич, которому я перед тем показывал ту же телеграмму Поклевского, ничего определенного не хотел мне сказать...

Сейчас мне передали вашу телеграмму о генерале Мартиновиче[6], скорее передачу телеграммы Обнорского. Сознаюсь, что не знаю, как ее доложить начальнику штаба, который откажется ее показать вели-

---

[1] Кудашев имеет в виду тел. Извольскому и Бенкендорфу для передачи Жоффру и Китченеру от 7 мая/24 апр. за №№ 225 и 226, в которых сообщалось, что новая переброска герм. войск с западного фронта, сосредоточение неприятелем значительных сил в Галиции, в районе Дунайца, и превосходство его в артиллерии дали Германии возможность одержать тактический успех и вынудить русские силы отступить немного на восток.

[2] «...решительного наступления, которое вы обещали предпринять, и если совершенно необходимая посылка снарядов, обещанная французским правительством, будет иметь место незамедлительно».

[3] См. № 714.

[4] См. № 680.

[5] См. № 674.

[6] Имеется в виду тел. Сазонова от 8 мая/25 апр. за № 2229, которой он передал тел. Обнорского за № 57 (см. стр. 385, прим. 1).

кому князю, так как в ней указывается на интриги черногорской королевской семьи. Я впрочем постараюсь подробно объяснить Янушкевичу, в чем тут дело и какие чувства вызывают эти «комбинации» черногорцев у сербов (на основании телеграммы Трубецкого [1]). Но ясно, что выписанный сюда по инициативе самого великого князя (или его жены) генерал Мартинович останется здесь столько, сколько пожелает великий князь. А пока он здесь, никто не может ему мешать доводить до сведения его высочества все то, что ему будет писать король черногорский.

Примите и пр.

Н. Кудашев.

№ 716. Советник III политического отдела и. о. дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе Барановскому.

Телеграмма № 2145 [2]. **9 мая/26 апреля 1915 г.**

Срочно.

Ссылаюсь на телеграмму Эттера за № 200 [3].

Положение дел в Персии вследствие германо-турецкой агитации с каждым днем ухудшается. Единственной действительной мерой могло бы быть лишь немедленное усиление Казвинского отряда тысячи на три человек, с придачей ему артиллерии и пулеметов. Однако кавказское начальство решительно не в состоянии этого сделать. Сейчас в Казвине всего около 1 000 пограничников и две казачьи сотни, без артиллерии и пулеметов.

Принимая во внимание, что, в случае присоединения Персии к нашим противникам, едва ли можно будет удержать от того же афганцев, для нас до крайности важно не только не допустить возникновения в Тегеране движения против нас, но даже по возможности быть в состоянии самим поддержать порядок в столице Персии и, быть может, даже принять активные меры против представителей враждебных нам держав. Это могло бы быть достигнуто лишь при наличии в Казвине такого отряда, который можно было бы вызвать в Тегеран.

Так как Туркестан прямо заинтересован в спокойствии Афганистана, не признает ли командующий войсками возможным уделить нужные силы для Казвина? Позондируйте почву на этот счет и телеграфируйте спешно, какими силами вообще располагаем мы сейчас в Туркестане и Закаспии. В ставке верховного главнокомандующего принципиально признают желательность посылки подкреплений в Казвин [4].

Клемм.

---

[1] Ср. № 708.
[2] Лит. копия.
[3] См. № 711.
[4] См. стр. 319, прим. 1.

№ 717. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу и посланнику в Стокгольме Неклюдову.

⁄. Телеграмма № 2149. 9 мая/26 апреля 1915 г.

Послам в Париж и Лондон.

Me réfère télégramme identique des ministres à Stockholm que Grey aura reçu [1].

Посланнику в Стокгольме.

Получил вашу телеграмму № 140 [2].

Нахожу выработанное посланниками в Стокгольме сообщение неприемлемым по форме, как содержащее критику на короля дружественного государства, и не достигающим цели по существу, ибо мы не знаем, как отзовется на него шведское правительство. Поэтому считаю лучшим сделать, как предполагалось, известное заявление шведскому министру иностранных дел, с просьбой оказать желательное воздействие на общественное мнение, и предложить ему с этой целью огласить данные державами Швеции заверения [3].

Сазонов.

№ 718. Министр иностранных дел верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу.

⁄. Телеграмма № 174. 9 мая/26 апреля 1915 г.

Был бы счастлив лично прибыть на ставку вашего императорского высочества [4], но, к искреннему моему сожалению, лишен возможности в настоящее время отлучиться отсюда вследствие начавшихся переговоров с Румынией, которые, по соглашению с Англией и Францией, поручено вести мне от имени трех держав, что требует каждодневных совещаний с здешними дипломатическими представителями. Поэтому, согласно указанию вашего императорского высочества, я не премину

---

[1] «Ссылаюсь на тождественную тел. посланников в Стокгольме, которую Грей должен был получить».

[2] В этой тел. от 8 мая/25 апр. Неклюдов сообщил Сазонову, что три посланника в Стокгольме считают нежелательным повторять заявление от 6 авг./24 июля 1914 г. и предлагают опубликовать одновременно в Париже, Лондоне и Петрограде комментарий к речи короля следующего содержания: «Речь короля вызывает у нас тем большее беспокойство, что в самом начале войны шведское правительство получило от союзных правительств самые торжественные заверения. Опасения за свободу и независимость Швеции, сквозившие в словах короля, могут быть объяснены только угрозами со стороны Германии». (См. № 671).

[3] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 332 Бенкендорф известил Сазонова, что Грей разделяет его точку зрения и дал уже соответствующие указания в Стокгольм.

[4] См. № 714.

поручить товарищу моему Нератову, прекрасно обо всем осведомленному, отправиться в ближайшие дни на ставку.

Относительно согласования действий Сербии и Черногории с действиями Италии считаю осуществление итальянских пожеланий затруднительным, после того как Италия своими притязаниями на Адриатике сама восстановила против себя сербское народное чувство. Во всяком случае полагаю, что мы не могли бы принять на себя обязательства достигнуть в этом отношении успеха [1].

Что касается сообщения английского военного агента в Бухаресте о настояниях Англии принять Румынию в наш союз даже ценой исполнения ее требований в смысле компенсаций, то его сведения не согласуются с положительными заявлениями его правительства, которое, так же как и французское, признало требования румын чрезмерными [2]. Сазонов.

№ 719. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 300 [3]. 9 мая/26 апреля 1915 г.

Получил № 2126 [4].

Ознакомил с ее содержанием Делькассе, который сказал мне самым положительным образом, что он никогда и ни перед кем не высказывался в указанном здешним итальянским послом смысле, и что он не преминет сделать все, чтобы рассеять создавшееся вследствие слов Титтони впечатление. Вам, впрочем, известно содержание инструкций, данных им французскому посланнику в Бухаресте [5]. По последним полученным оттуда известиям, Братиану громко жалуется на недостаток поддержки со стороны Франции, что служит лучшим опровержением уверений Титтони.

Извольский.

---

[1] Тел. от 9 мая/26 апр. за № 229 Кудашев сообщил, что среди условий военной конвенции, предъявленных Италией, «значилось обязательство совместных действий сербской и черногорской армий с итальянской»; в проекте же конвенции, выработанном в ставке и посланном на утверждение в Рим, это условие было выражено не как принимаемое на себя Россией обязательство обеспечить эту кооперацию, а «лишь как обещание нашего воздействия на Сербию и Черногорию», взамен чего Италия взяла бы на себя обеспечение серб. и черног армий продовольствием.

[2] Далее зачеркнуто: «и предоставило России самой решить, в каких пределах таковые могут быть удовлетворены».

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 185.

[4] См. № 695.

[5] См. № 673.

№ 720. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Депеша № 22. 9 мая/26 апреля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Возбуждение, охватившее здешние общественные круги по поводу слухов о заключении соглашения между державами Тройственного согласия и Италией, было, без сомнения, еще усилено рассказами прибывшего из Петрограда г. Супило.

По своем возвращении из России, г. Супило был у меня. Разница в его настроении и приемах до и после поездки резко бросалась в глаза.

На пути в Россию Супило говорил только о целях, служению коим отдавался со всем понятным в этом деле пылом. Относительно средств их достижения он высказывал лишь необходимость всецело подчиниться в Петрограде указаниям императорского министерства. С моей стороны он встретил при этих условиях полное сочувствие своей задаче, я предупреждал его лишь о том, что, вероятно, придется считаться с неизбежными требованиями Италии. Разговор не выходил из рамок этих общих соображений.

По возвращении из Петрограда Супило явился ко мне крайне возбужденный. Полагая, что он найдет с моей стороны полное сочувствие, он рассказал мне об усилиях, сделанных им в Петрограде, дабы получить осведомление по интересовавшим его вопросам, [и] сказал мне, что старался пользоваться и «более мягким женским сердцем» и всевозможными ходами, чтобы достигнуть желаемого. Вместе с тем он горько сетовал на министерство и ставил ему в упрек будто бы недостаточную осведомленность о составе населения Далмации и в южнославянских вопросах.

Из этой беседы я вынес впечатление, что, при несомненном природном уме и качествах далматинского патриота, Супило представляет собою тип австрийского деятеля, у которого политика тесно связана с политиканством. Искушенный в австрийских приемах мелкой борьбы, он, очевидно, с ними явился в Петроград и думал, что понял Россию, когда познакомился с журналистами сомнительного качества и нашел доступ к «мягкому женскому сердцу» в гостиных, где, может быть, в первый раз узнали, что есть Далмация на белом свете. Между тем из его отрывочных намеков ясно, что сам он сделался орудием не переводящегося у нас класса людей, которым по существу глубоко безразличны и далматы, и сербы, но которые внезапно предаются любви к славянам для оказательства [1] национального чувства, зачастую прикрывающего чисто личные интриги.

[1] Так в оригинале.

Ввиду этого мне пришлось высказать Супило несколько скорее неприятных истин. Я, во-первых, отверг самую возможность предъявлять России какие-то требования. «Во имя чего и кто предъявляет нам эти требования? — спросил я его. — Вы поехали открывать и любить Россию, когда она вам понадобилась. Вы жалуетесь, что у нас не знают, какое соотношение славян и итальянцев в Себенико. А что вы знаете про Россию, про ее нужды и желания? Но знаете ли вы точно, в чем состоят уступки Италии, и при каких условиях Россия вынуждена была их сделать?»

После свидания с Супило я не преминул предупредить престолонаследника и Пашича, чтобы они с крайней осторожностью относились к его рассказам о Петрограде. Думаю, что в этом отношении мои старания оказались небесплодными. По моему совету, Пашич настоял, чтобы Супило не возвращался в Россию, а направился бы в Лондон, куда он уезжает на этих днях.

Не успев так, как ему того хотелось бы, у ответственных руководителей политики, Супило начал агитацию в широких кругах. По его инициативе на-днях состоялся митинг, вынесший некоторые резолюции, после чего собравшиеся в полном порядке подошли к зданию русской миссии, тщетно ожидая моего появления, и пропели славянские гимны. То же повторили они перед министерством иностранных дел, причем Пашич также воздержался от появления.

Агитация захватила не только печать и скупщину, но проникла и в среду самого кабинета. Последний, составленный из представителей различных партий, носит характер временной спайки. В его среде далеко не все являются горячими приверженцами Пашича. Министр внутренних дел г. Люба Иованович — сам уроженец Далмации. На примере македонских деятелей в Болгарии известно, с какими внутренними трудностями сопряжена бывает борьба с ирредентизмом.

Именно это обстоятельство, а не права далматинцев и не притязания сербского государства, которое во всяком случае получает значительные приращения, заставляют невольно задуматься насчет будущего, когда с присоединением к Италии некоторых славянских земель начнется неизбежное движение славянского ирредентизма.

В беседах с королевичем Александром и Пашичем я неоднократно отмечал, что все это у нас прекрасно сознают, и что, не зная основ соглашения с Италией, я знаю с несомненностью, что с нашей стороны было сделано все возможное для охраны интересов, тесно сплетающихся с нашими собственными.

Сегодня Супило вновь зашел ко мне проститься перед отъездом в

Лондон. Так как он, повидимому, понял, что дело сделано, и того, что уступлено уже Италии, сейчас нельзя вернуть, я старался подбодрить его перспективами будущего и поддержкой, которая в пределах возможного не перестанет оказываться Россиею. Он заявляет себя горячим сторонником соединения Хорватии с Сербиею, ввиду чего я советовал ему предпринять все возможные меры для подготовления общественного мнения в Хорватии, а также в Лондоне и Париже в этом смысле.

В телеграмме Делькассе, в коей здешний французский посланник уполномочивался сделать совместное успокоительное сообщение Пашичу, сказано между прочим, что Франция не будет препятствовать федерации Хорватии с Сербией, если первая сама того пожелает. Я обратил на это выражение внимание потому, что и раньше как-то Бопп высказывался мне, что следовало бы оговорить права Хорватии в случае присоединения.

На это я возражал ему, что, по моему личному мнению, это — дело внутреннее, которого мы не должны касаться, и что лично я не буду рекомендовать своему правительству принимать долю ответственности за установление порядка, который может впоследствии оказаться несостоятельным. Считаю долгом отметить указанную тенденцию, с которой нам впоследствии придется, вероятно, считаться и которая, быть может, направлена к тому, чтобы ослабить исключительное влияние России через православную Сербию, создавши в среде ее дуализм, если не удастся создать самостоятельной Хорватии, которая всецело подчинилась бы западному влиянию.

Примите и пр.

Трубецкой.

№ 721. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 201. 9 мая/26 апреля 1915 г.

При первом моем свидании в четверг Эйн-эд-Доуле, ссылаясь на болезнь, уклонялся от определенных ответов на мои настойчивые требования о нарушении нейтралитета и поддержании спокойствия. Впервые посетив шаха сегодня, он затем заехал ко мне, но, не застав дома, пригласил к себе Евреинова, которого положительно заверил в своей решимости принять энергичные меры против нарушения нейтралитета и разжигателей агитации в Тегеране и Исфагани, куда с этой целью послан бахтиарский хан Эмир-Джанг. Шведы сознались, что уплатили жандармам 60 000 томанов жалования, заняв эту сумму на базаре. По словам Эйн-эд-Доуле, это не соответствует действительности, и он сам

подозревает, что деньги были получены из германской миссии [1]. Министр убежден, что джихад не может иметь успеха, так как духовенство ему не сочувствует. Даже Эмир-Хишмет, по его словам, превратился в руссофила, требуя принятия мер против вторжения турок в Керманшах. Наконец, министр обещает до окончания войны не затрагивать вопроса о русских войсках в Азербайджане. Знаменательно, что газета «Ноубехар» с сегодняшнего дня изменила радикально свое враждебное к России отношение. В связи с этим должен еще отметить, что в заключение Эйн-эд-Доуле предупредил о необходимости для Персии в близком будущем аванса, а также предоставления ей нами ружей для сопротивления турецкому наступлению.

Увижусь с ним завтра и предложу доказать на деле искренность заверений и для начала предписать осмотреть вновь подвозимые грузы для германской миссии и принять меры к восстановлению нейтралитета.

Ожидавшаяся сегодня забастовка базара вследствие расплаты банкнотами не состоялась. Перемену фронта возможно бы пока приписать личным воздействиям шаха, который, оказывается, остался вчера равнодушен к продолжительным личным увещаниям австрийского посланника о необходимости для Персии действовать заодно с Турцией и ее союзниками.

Эттер.

№ 722. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 249. 9 мая/26 апреля 1915 г.

Копия сообщена в Токио.

Минувшей ночью министр иностранных дел передал японскому посланнику ответ Китая с принятием японского ультиматума [2]. Редакция ответа была выработана по соглашению с японской миссией.

Крупенский.

№ 723. Сообщение французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

10 мая/27 апреля 1915 г.

Télégramme du ministre de France à Téhéran.

Le ministre de Russie à Téhéran a télégraphié lundi pour demander

[1] См. № 710.
[2] См. № 746, приложение.

l'envoi immédiat de la brigade que son gouvernement lui avait promis de mettre éventuellement à sa disposition. On vient de lui répondre de Tiflis qu'il était impossible de lui donner satisfaction.

Ce refus paralyse notre seul plan de défense, le Cabinet actuel nous ayant fait faux bond, il ne nous reste d'espoir que dans un ministère de combat.

L'Allemagne recrute et arme ici des troupes qui sont prêtes à marcher sous la conduite d'officiers allemands. Son intention doit être de venger de quelque manière l'arrestation par les Russes et les Anglais de ses consuls de Bouchir et de Tauris [1].

Nous sommes ici sans argent et sans troupes, la brigade cosaque persane étant très inférieure aux troupes turco-allemandes, renforcées encore peut-être par la gendarmerie suédoise. Il importe donc d'envoyer le plus tôt possible la brigade promise et d'autoriser le détachement de Kasvine à se rendre en toute hâte à la réquisition de Mr. de Etter. Il ne s'agit pas tant du danger que nous courrons personnellement que de l'intérêt qu'il y a à ne pas donner un nouvel allié islamique à l'Allemagne.

Перевод.

Телеграмма французского посланника в Тегеране.

Российский посланник в Тегеране телеграфировал в понедельник, прося о немедленной присылке бригады, которую его правительство обещало в случае необходимости предоставить в его распоряжение. Только-что ему ответили из Тифлиса, что невозможно удовлетворить его просьбу.

Этот отказ парализует выполнение нашего единственного плана обороны; так как нынешний кабинет не исполнил данных им нам обещаний, то нам остается надеяться лишь на появление у власти министерства, готового начать военные действия.

Германия вербует и вооружает здесь войска, которые готовы выступить под предводительством германских офицеров. Она, повидимому, намерена отомстить каким-либо образом за арест русскими и англичанами ее консулов в Бушире и Тавризе.

Мы находимся здесь без денег и без войск, так как казачья бригада в Персии гораздо малочисленнее турецко-германских войск, подкрепленных еще,

---

[1] Об аресте герм. консула в Тавризе см. т. VI, ч. 2, стр. 31, прим. 4. Донесением от 13 марта/28 февр. за № 90 консул в Бушире Лойко сообщал в м-во ин. дел, что в связи с «успешной агитаторской деятельностью» в Арабистане бывшего до войны герм. консулом в Бушире Васмуса англичанами было принято решение арестовать последнего. Попытка эта окончилась неудачей, Васмусу удалось бежать, и тогда было решено арестовать герм. консула в Бушире д-ра Листемана, что и было выполнено 8 марта/23 февр.

может быть, шведской жандармерией. Необходимо поэтому послать как можно скорее обещанную бригаду и разрешить расположенному в Казвине отряду срочно прибыть сюда согласно вызову г. Эттера. Речь идет не столько об опасности, которой мы подвергаемся лично, сколько о нашей заинтересованности в том, чтобы не дать Германии нового мусульманского союзника.

№ 724. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 2155 [1]. 10 мая/27 апреля 1915 г.

№ 2 [2].

Déclaration. — Depuis un mois environ la population kurde et turque de l'Arménie procède de connivence et souvent avec l'aide des autorités ottomanes à des massacres des arméniens. De tels massacres ont eu lieu vers la mi-avril nouveau style à Erzeroum, Dertchan, Eghin (Akn), Bitlis, Mouch, Sassoun, Zeitoun et dans toute la Cilicie; les habitants d'une centaine de villages aux environs de Van ont tous été assassinés; dans la ville même le quartier arménien est assiégé par les kurdes. En même temps à Constantinople le gouvernement ottoman sévit contre la population arménienne inoffensive.

En présence de ces nouveaux crimes de la Turquie contre la chrétienté et la civilisation, les gouvernements alliés font savoir publiquement à la Sublime Porte qu'ils tiendront personnellement responsables des dits crimes tous les membres du gouvernement ottoman ainsi que ceux de ses agents qui se trouveraient impliqués dans les massacres des arméniens [3].

Sazonow.

Перевод.

№ 2.

Декларация. Приблизительно в течение месяца курдское и турецкое население Армении сообща и часто при помощи турецких властей производит резню армян. Подобные избиения имели место в середине апреля нового стиля в Эрзеруме, Дерчане, Эгине (Акн), Битлисе, Муше, Сассуне, Зейтуне и во всей Ки-

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. за № 1 (2156) Сазонов просил Извольского и Бенкендорфа, в случае согласия Франции и Англии на предлагаемую им в настоящей тел. декларацию, сообщить день ее обнародования в Париже и Лондоне для одновременного ее опубликования в Петрограде.

[3] Об ответе Англии и Франции см. № 797. В окончательной редакции декларации слова: «против христианства и цивилизации» были, согласно пожеланию Делькассе, опасавшегося «оскорбить чувства мусульман, находящихся под владычеством Франции», заменены словами: «против человечества и цивилизации» (тел. Извольского от 21/8 мая за № 327 и тел. Сазонова от 22/9 мая за № 2369).

лики; жители сотни деревень в окрестностях Вана были поголовно истреблены; в самом городе армянский квартал осаждается курдами. В то же время в Константинополе оттоманское правительство совершает зверства над безобидным армянским населением.

Ввиду этих новых преступлений Турции против христианства и цивилизации союзные правительства доводят во всеуслышание до сведения Высокой Порты, что они будут считать лично ответственными за указанные преступления всех членов оттоманского правительства, а также тех из его агентов, которые окажутся замешанными в армянской резне.

Сазонов.

№ 725. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 2165 [1]. 10 мая/27 апреля 1915 г.

Копии сообщены в Вашингтон и Пекин.

Телеграмма № 146 [2] получена.

Американский посол передал мне [8 мая] 25 апреля просьбу федерального правительства поддержать шаги, которые оно предполагает сделать в Токио, дабы внушить японскому правительству необходимость умеренности в его отношениях к Китаю.

Я уклонился от согласия на это предложение, указав на существующие между нами и Япониею союзные отношения. Я добавил, что, по моим сведениям, китайцы еще до вручения им ультиматума частным образом сообщили японскому посланнику о своем согласии на требования японского правительства с оговорками, соответствующими изменениям, внесенным токийским кабинетом в эти требования при облечении их в ультимативную форму.

Вооруженное столкновение между Японией и Китаем следует поэтому считать предотвращенным.

[Сазонов.]

№ 726. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

10 мая/27 апреля 1915 г.

Отъезд товарища министра А. А. Нератова в ставку верховного главнокомандующего.

Предъявленное румынским правительством требование в отношении земельных приращений столь значительно расходилось с пожеланиями, высказанными насчет будущей русско-румынской границы на-

[1] Лит. копия.
[2] См. № 713.
[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 11.

шим военным ведомством, что министр счел полезным предварительно дальнейших переговоров по этому поводу еще раз сговориться с верховным главнокомандующим. С этой целью он решил отправить в ставку для личного доклада и выяснения положения начальника канцелярии барона Шиллинга, но телеграмма, извещавшая об этом кн. Кудашева, скрестилась с телеграммой великого князя [1], лично приглашавшего министра самому приехать в ставку и, только в случае совершенной невозможности сделать это, прислать вместо себя товарища министра Нератова. Так как через день у министра был назначен очередной всеподданнейший доклад у государя императора, а дальнейшая отсрочка переговоров на ставке считалась нежелательной, С. Д. Сазонов поручил А. А. Нератову отправиться на другой же день к верховному главнокомандующему [2].

№ 727. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 322. 10 мая/27 апреля 1915 г.

Routkowsky prie communiquer au ministre des finances, ce qui suit sous No 4013: «A la dernière séance secrète du conseil des ministres anglais question des munitions de guerre fut de nouveau discutée et lord Kitchener a donné aperçu comparatif des approvisionnements commandés pour armées anglaise et russe. Grande différence entre montant commandes anglaises et russes a laissé impression au Conseil que peut-être gouvernement impérial hésite commander plus à l'étranger vû limitation crédit dont il dispose à l'étranger en ce moment. J'ai été invité prendre part aux délibérations d'un Comité avec représentants des ministères guerre, finances et commerce et après explication au sujet qui préoccupait conseil des ministres Comité m'a demandé si crédits dont nous disposons ici seront suffisants pour assurer les payements commandes faites et à faire jusqu'à fin année. J'ai expliqué à la Commission que je n'ai pas chiffres exacts de nos besoins pour déterminer si crédits de 100 millions livres sterling seront suffisants pour payer toutes les commandes de gouvernement impérial jusqu'à la fin année, mais j'ai ajouté que sur 50 millions de livres réalisés ici d'après les contrats signés gouvernement impérial a dépensé déjà 37 millions et qu'il nous restait 13 millions plus avance promise de 25 millions par le gouvernement anglais pour payement commandes en Angleterre et aux Etats-Unis. Représentant du ministère finances m'a demandé si nous disposons aux Etats-Unis de cré-

[1] См. № 714.
[2] См. № 718.

dits suffisants et si, dans cas contraire, votre excellence ne croit pas possible négocier des crédits aux Etats-Unis qui reçoivent maintenant des alliés des sommes estimées à 30 millions de livres par mois et pourraient être en situation négocier les crédits pour gouvernement impérial dans conditions raisonnables. Il m'a expliqué qu'il fait cette suggestion vû que les payements aux Etats-Unis par les alliés sont très considérables et que les payements aux usines américaines faites de Londres contribuent largement à baisser le change ici en faveur Amérique. J'ai remarqué que le gouvernement anglais est en meilleure situation que nous pour négocier les crédits en Amérique à quoi représentant du ministère des finances à répondu que les différences, survenues entre les deux pays concernant transport de contrebande peuvent entraver telles négociations. Ai promis au Comité de vous soumettre questions et pris votre excellence en conséquent de me donner vos instructions pour me permettre de répondre aux questions posées à savoir: 1) si vous considérez crédits promis jusqu'à la fin de l'année suffisants pour assurer les payements de tous les approvisionnements commandés et à commander; 2) si vous ne considérez pas opportun et possible négocier des nouveaux crédits aux Etats-Unis pour avoir les dollars nécessaires pour payements aux Etats-Unis afin ne pas augmenter la tension financière de Londres. En demandant instructions sur les deux questions, crois utile soumettre à votre excellence considérations suivantes: d'après entente de Mr. Ribaut avec Lloyd George, faite il y a quelques jours et expliquée par Mr. Ribaut au parlement français, le gouvernement anglais par entremise de Banque d'Angleterre escomptera des bons russes du trésor de France pour 60 millions de livres en échange d'envoi d'or pour 20 millions. Vu ces circonstances il pourra arriver, que gouvernement français ne se trouvera pas en situation avancer les 25 millions de livres promis par entente entre les trois ministres»[1].

Benckendorff.

Перевод.

Рутковский просит сообщить министру финансов за № 4013 нижеследующее: «На последнем секретном заседании английского совета министров вопрос о снарядах был снова поставлен на обсуждение, и лорд Китченер представил сравнительный перечень предметов военного снаряжения, заказанных для

[1] См. № 185.

английской и русской армий. Большая разница в размерах английских и русских заказов произвела на совет впечатление, что, быть может, императорское правительство не решается делать новые заказы за границей ввиду ограниченности кредитов, которыми оно располагает там в данное время. Меня пригласили принять участие в обсуждении вопроса в одном комитете, включавшем представителей министерств военного, финансов и торговли. После выяснения вопроса, озабочивающего совет министров, комитет спросил меня, достаточны ли кредиты, которыми мы здесь располагаем, для обеспечения оплаты заказов уже размещенных и имеющих быть сделанными нами до конца года. Я объяснил комиссии, что не располагаю точными данными о наших потребностях, дабы утверждать, окажутся ли кредиты в 100 миллионов фунтов стерлингов достаточными, чтобы уплатить по всем заказам императорского правительства до конца года, но добавил, что из 50 миллионов, реализованных здесь согласно подписанных контрактов, императорское правительство уже израсходовало 37 миллионов и что у нас остается 13 миллионов, — не считая аванса в 25 миллионов, обещанного английским правительством для уплаты по заказам в Англии и Соединенных Штатах. Представитель министерства финансов спросил меня, располагаем ли мы в Соединенных Штатах достаточными кредитами, и, в противном случае, не находит ли ваше превосходительство возможным договориться о кредитах в Соединенных Штатах, которые получают теперь от союзников суммы, исчисляемые в 30 миллионов фунтов стерлингов в месяц, и могли бы быть в состоянии договориться с императорским правительством о кредитах на подходящих условиях. Он мне объяснил, что подал эту мысль ввиду того, что платежи Соединенным Штатам со стороны союзников весьма значительны и что платежи американским заводам, производимые из Лондона, в значительной степени способствуют понижению здесь курса к выгоде Америки. Я указал, что английское правительство в лучшем положении, чем мы, чтобы вести переговоры о кредитах в Америке, на что представитель министерства финансов ответил, что недоразумения, возникшие между обеими странами по вопросу о контрабанде, могут затруднить подобные переговоры. Я обещал комитету представить на ваше усмотрение эти вопросы и потому прошу ваше превосходительство снабдить меня вашими инструкциями, дабы дать мне возможность ответить на заданные мне вопросы, а именно: 1) считаете ли вы кредиты, обещанные до конца года, достаточными для обеспечения платежей за все заказы на предметы военного снаряжения, размещенные и имеющие быть размещенными; 2) не считаете ли вы целесообразным и возможным договориться о новых кредитах в Соединенных Штатах, дабы иметь необходимые доллары для платежей в Соединенных Штатах и тем самым не увеличивать финансового напряжения в Лондоне. Испрашивая указаний по обоим вопросам, считаю полезным представить вашему превосходительству следующие соображения: согласно соглашению г. Рибо с Ллойд-Джорджем, состоявшемуся несколько дней тому назад и изложенному г. Рибо во французском парламенте, английское правительство через посредство Английского банка будет производить учет русских бон французского казначейства на 60 миллионов фунтов взамен посылки золота на 20 миллионов. Ввиду этого может случиться, что французское правительство не окажется в состоянии авансировать 25 миллионов фунтов стерлингов, обещанных соглашением между тремя министрами.

Бенкендорф.

№ 728. Директор дипломатической канцелярии при ставке директору канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Телеграмма № 231. 10 мая/27 апреля 1915 г.
Личная.

Ответ министра [1] произвел тем более неблагоприятное впечатление, что великий князь, сам в моем присутствии редактировавший приглашение, старался облечь его в особенно любезную форму. Оно совпало с предложением вашего приезда и только потому его заменило. Нератова ждут с нетерпением. Постарайтесь устроить скорейший его приезд.

Конфиденциально. Лично я жалею об отказе С. Д. приехать сюда, так как, по моему глубокому убеждению, выступление Румынии особенно важно теперь, одновременно с Италиею, до первых неудач последней и до открытой ее ссоры с Сербиею; а потому именно теперь следует решиться на крупные уступки Румынии, а это скорее было бы достигнуто авторитетным обсуждением вопроса самим министром непосредственно с верховным главнокомандующим.

Кудашев.

№ 729. Запись II политического отдела министерства иностранных дел.

Посещение советника II политического отдела 11 мая/28 апреля 1915 г. сербским посланником.

Сербский посланник был крайне взволнован только-что полученным им известием о разрыве переговоров Италии с державами Тройственного согласия. Положение на театре войны, по его мнению, столь тревожно, что он считает необходимым добиться сотрудничества Италии. Он телеграфировал в этом смысле Пашичу, умоляя его воздействовать успокаивающим образом на общественное мнение и вселить в сербах убеждение, что хотя переговоры велись и не с ведома Сербии, последней все же необходимо примириться с уступками держав Италии [2]. Не преувеличивая военных достоинств итальянской

[1] См. № 718.

[2] Передавая на другой день содержание этой беседы Трубецкому, Сазонов сообщал: «Благоволите осторожно проверить заявления Спалайковича (по поводу посланной им Пашичу телеграммы) и, если правильность таковых подтвердится, постарайтесь ускорить ответ верховной команды на обращение к ней из ставки верховного главнокомандующего касательно предстоящих сербских военных действий» (тел. Сазонова Трубецкому от 12 мая/29 апр. за № 2211).

армии, Спалайкович все же считает, что она отвлечет значительную часть австро-германских сил, борющихся ныне на Карпатах, а также оттянет на себя и часть сил с сербского фронта, что даст сербам возможность перейти в наступление и пойти на Будапешт. Занятие сербами Будапешта является в глазах Спалайковича самой неотложной задачей сербского правительства. Увеличив престиж сербов, оно увеличит вместе с тем и их право на вознаграждение. Нынешние уступки в пользу Италии на Далматинском побережьи не могут считаться окончательными и сделанными на вечные времена. Италия в свое время будет сама вынуждена вернуть Сербии утраченные ею ныне земли ради восстановления своих добрососедских отношений с этой страной и ради получения в Сербии широких экономических выгод. Ввиду всех указанных соображений полученное посланником известие о том, что Извольский со слов Титтони телеграфировал о заключении Италией соглашения с Австрией, является в глазах Спалайковича особенно неблагоприятным.

Сербскому посланнику было отвечено, что подобной телеграммы от посла в Париже в министерстве не было получено и что у нас нет никаких оснований предполагать, что Италия изменит принятой ей ныне политике [1].

№ 730. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 325. 11 мая/28 апреля 1915 г.

Routkowsky prie communiquer ce qui suit au ministre des finances: «No 4014. En confirmation mon télégramme No 4213 [2] crois devoir informer votre excellence que affaires dont je traite dans ce télégramme ont eu pour début conversation entre lord Kitchener et moi. Ministre de la guerre très frappé par refus de prendre 5 millions de shrapnells qu'il avait proposés et qu'il a pris depuis pour son compte, m'a dit que si armée anglaise bien inférieure en nombre qu'armée russe, a besoin d'au moins de 28 millions de shrapnells, quantité commandée qu'il connait pour

[1] 13 мая/30 апр. Спалайкович, говоря о соглашении с Италией, заявил греч. посланнику в Петрограде Драгумису следующее: «Тройственное согласие не отдает себе отчета здесь, в Петрограде, и в Лондоне о дальнейших последствиях, которые оно может повлечь за собой. В случае итальянского десанта на Балканах или в Далмации Сербия может обернуться против Италии. Политика экспансии Италии должна крепче спаять существующие связи между Грецией и Сербией, которые имеют перед собой двух врагов: болгар и итальянцев» (тел. Драгумиса Зографосу от 13 мая/30 апр., расшифрованная в росс. м-ве ин. дел).

[2] В оригинале ошибка в номере. Следует читать: № 4013, см. № 727.

notre armée paraît être très insuffisante—9 millions. Ne pouvant pas se rendre compte des raisons de la différence lord Kitchener m'a exprimé pensée qu'il pourrait s'agir de difficulté temporaire de crédit ouvert à Londres. C'est à la suite de cet entretien que la question a été portée au conseil des ministres dont j'ai rendu compte dans télégramme précédent».

Benckendorff.

Перевод.

Рутковский просит сообщить министру финансов следующее: «№ 4014. В подтверждение моей телеграммы № 4213 считаю своим долгом уведомить ваше превосходительство, что дела, о которых я говорю в этой телеграмме, имели исходным пунктом мою беседу с лордом Китченером. Военный министр, очень пораженный отказом получить 5 миллионов шрапнелей, которые он предложил и которые он затем взял для себя, сказал мне, что если английская армия, гораздо более малочисленная, чем русская, нуждается, по крайней мере, в 28 миллионах шрапнелей, то количество в 9 миллионов, каковое, по его сведениям, заказано для нашей армии, представляется ему совершенно недостаточным. Не имея возможности отдать себе отчет в причинах этого несоответствия, лорд Китченер высказал мне предположение, что, быть может, причина кроется во временных затруднениях с открытием кредита в Лондоне. Вследствие этого разговора вопрос был поставлен в совете министров, о чем я доложил в предшествующей телеграмме».

Бенкендорф.

№ 731. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 327. 11 мая/28 апреля 1915 г.

Yermoloff m'a montré télégramme de l'état-major, qui, sur base d'information ministère de l'intérieur, recommande prendre mesures pour contrecarrer des bruits que feraient circuler cercles d'émigrants juifs et autres personnages douteux sur manque (chez) nous munitions et toluol. Yermoloff dans sa réponse expose détails de l'affaire. Pour ma part me permettrais observer que ces bruits qui en effet existent ont d'une part été répandu surtout par agitation allemande qui constamment active en Amérique, parvient pourtant jusqu'en Europe, de l'autre — des intermédiaires douteux éconduits de Londres par Comité ont pu y contribuer. Mais ni l'une ni l'autre de ces sources n'auraient eu d'importance ni de résultat si la cause n'était pas plus profonde. Opinion publique tant en Angleterre qu'en France s'est persuadée qu'une des causes qui jusqu'ici ont arrêté trop souvent succès des armes alliées aussi bien à l'Ouest qu'à l'Est est précisément que quantité munitions dont malgré

progrès considérable en ce sens disposent les armées alliées, reste toujours inférieure à la nécessité. Ces notions opinion publique a puisé dans toute la presse et même dans des discours publics où les ministres surtout quand des difficultés de mains d'oeuvre ont surgi ont manifesté et exposé au public danger que difficulté ouvrière fait courrir à la production des munitions. Ces questions ont été portées au parlement. C'est par conséquent en présence d'un mouvement sérieux d'opinion publique que nous nous trouvons, qu'il n'est pas possible d'étouffer par de simples démentis. Je crains que le ministère de l'intérieur en attribuant ce qui précède à de simples menées provenant d'éléments douteux ne se soit pas entièrement rendu compte du réel état de choses, et dans mon opinion il serait imprudent d'entrer dans la voie de démentis qui étonneraient, mais certainement ne persuaderaient personne.

Benckendorff.

Перевод.

Ермолов мне показал телеграмму главного штаба, который на основании информации министерства внутренних дел предлагает принять меры к опровержению слухов, распространяемых, якобы, в кругах еврейских эмигрантов и другими подозрительными личностями о недостатке у нас снарядов и толуола. В своем ответе Ермолов излагает подробности дела. Со своей стороны я позволю себе заметить, что эти слухи, которые действительно существуют, были распространены главным образом при помощи германской агитации, которая постоянно действует в Америке, но тем не менее имеет место и в Европе. С другой стороны, распространению этих слухов могли содействовать и подозрительные посредники, удаленные комитетом из Лондона. Но ни тот, ни другой источник не имел бы влияния и не привел бы к результатам, если бы причина не коренилась глубже. Общественное мнение как в Англии, так и во Франции, убедилось, что одной из причин, до сих пор слишком часто задерживавших успех союзных армий как на Западе, так и на Востоке, является именно то, что, несмотря на значительное его увеличение, количество снарядов, которым располагают союзные армии, остается всегда ниже необходимого уровня. Эти сведения общественное мнение почерпало из всей прессы и даже из публичных речей, в коих министры, в особенности, когда возникло затруднение с рабочей силой, заявили во всеуслышание об опасности, которой подобные затруднения грозят производству снарядов. Эти вопросы были внесены в парламент. Таким образом мы стоим перед серьезным движением общественного мнения, которое невозможно остановить простыми опровержениями. Я опасаюсь, что министерство внутренних дел, приписывая вышеизложенное обычным проискам сомнительных элементов, не отдало себе вполне отчета о действительном положении вещей, и, по моему мнению, было бы нецелесообразно вступать на путь опровержений, что удивило бы всех, но никого не убедило бы.

Бенкендорф.

№ 732. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 142. 11 мая/28 апреля 1915 г.

Получил № 2149 [1].

Вполне усваиваю ваши возражения. Немедленно по получении моими коллегами инструкций сделаю вместе с ними предписанное. Но позволю себе вернуться к вопросу об опубликовании нашей ноты от 6 августа [24 июля]. Мы все трое опасаемся, что Валленберг на наше предложение опубликовать оную ответит отрицательно. Опубликование же ее после этого нашими правительствами будет весьма неприятно Валленбергу, добрыми и откровенными отношениями с коим мы особенно дорожим. А между тем было бы весьма своевременно указать шведскому народу на безосновательность тревог, распускаемых здешними германофилами. Может быть, союзные правительства найдут такую форму для сообщения сущности нашей ноты 6 августа [24 июля], которая вполне щадила бы самолюбие короля и его правительства. Например, ответ на запрос о причинах шведской тревоги в английском или французском парламентах. Шведские газеты не преминут воспроизвести подобный ответ.

Неклюдов.

№ 733. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма [№ 262] [2]. 11 мая/28 апреля 1915 г. [3]

Сегодня английский посланник сообщил французскому и мне, что вследствие инструкции Грея он спросил в субботу у Радославова, на каких условиях Болгария согласилась бы выступить. После долгих уверток Радославов вынул карту и указал на спорную и бесспорную зону, Драму, Серес и Кавалу, на что после[дний] заметил ему, что хотя это и чрезмерно, но все же может составить базу для переговоров [4]. Такое отдельное от нас выступление английского посланника, помимо того, что обречено по существу на неуспех, утверждает здесь все более и более впечатление, что между нами и англичанами нет полной

[1] См. № 717.

[2] В оригинале номер отсутствует. Следует читать: «№ 262», ср. № 744, стр. 422.

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 279.

[4] Тел. от 8 мая/25 апр. за № 763, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Радославов сообщил Хаджимишеву следующее: «Сегодня английский посланник запросил меня, что хочет Болгария; я ответил ему, что Болгария хочет получить спорную и бесспорную зону, плюс Серес, Драму и Кавалу. О Добрудже и границе по линии Энос—Мидия не было и речи, так как дело шло о Македонии».

согласованности. Передавая мне вышеизложенное, Айронсайд добавил ввиде объяснения, что Англия форсирует Дарданеллы в интересах России, что цель этой тяжелой операции — предоставить нам Константинополь и что для уменьшения жертв нужно скорейшее выступление Болгарии. Шаг английского посланника имеет впрочем ту хорошую сторону, что, вопреки прежним разговорам Айронсайда — смотри мою телеграмму № 256[1],—английское правительство солидарно с нами в желании выступления Болгарии. Мы с французским посланником сомневаемся только, чтобы прием, к которому прибегнул наш английский сотоварищ, достиг цели.

Савинский.

№ 734. Записка, составленная в ставке верховного главнокомандующего[2].

11 мая/28 апреля 1915 г.

Исходным положением для переговоров с Румынией о будущей нашей границе в Буковине и Венгрии ставится непременное условие уступки румынами в пользу сербов юго-западной части Баната[3] между Дунаем и линией Белая Церковь — Вершец — Самош — Титель, включая эти пункты.

Выполнение этого условия необходимо как в смысле более доступной для общественного мнения мотивировки наших уступок в Буковине, так самое главное в смысле обеспечения дальнейшего активного содействия сербов, с коими тесно связано и выступление Италии.

Исходя из этого, в Буковине в Мармарошском комитате представляется возможным сделать следующие уступки:

1) Если нельзя выговорить будущую границу в Буковине по этнографическому рубежу между русским и румынским населениями, с оставлением за нами района Кирлибаба (эта граница на прилагаемой карте[4] изображена толстой и сплошной красной краской), то было бы желательно провести границу от г. Серета на г. Селетин (по реке Сучаве) и далее приблизительно прямой условной линией через г. Борша

---

[1] См. № 704.

[2] На оригинале имеется помета рукою Нератова: «Настоящая записка передана мне в ставке верховного главнокомандующего [11 мая] 28 апреля 1915 года. Она составлена после совещания у его императорского высочества. Заключения ее одобрены верховным главнокомандующим. С своей стороны я должен отметить, что в своих объяснениях я указывал, что не усматриваю необходимости уступок в силу «политического» положения. А. Нератов».

[3] По 10-верстной карте. (Прим. оригинала.)

[4] Упоминаемая карта не обнаружена.

до главного хребта Трансильванских Карпат (на карте тонкая сплошная линия красного цвета).

Таким образом, первоначальная уступка делается нами в области стратегических интересов (район Кирлибаба), в силу современного политического и военного положения.

2) При несогласии румын на предыдущую границу им может быть уступлен, сверх того, весь район между рр. Сучава и Большой Серет, с северной границей от нынешнего пограничного пункта Слободзея (в 15 верстах юго-восточнее Черновцев) на железнодорожную станцию Глыбока и далее по реке Большой Серет до г. Селетин.

Эта уступка является крайней, при которой за нами сохраняется чисто русское население Северной Буковины с ближайшими окрестностями Черновцев.

Было бы желательно означенные уступки делать не сразу, а выговаривая, если это представится возможным, участки территории, с целью подойти ближе к наименьшему из указываемых здесь районов.

№ 735. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 19 [1]. 12 мая/29 апреля 1915 г

His Britannic Majesty's Ambassador has the honour to inform His Excellency the Minister for Foreign Affairs that he has been instructed to communicate to His Excellency the following telegram received from Sir E. Grey:

«I instructed His Majesty's Representative at Sofia to inform the Bulgarian Prime Minister unofficially that in all our discussion with other States as to their possible participation in the war we have carefully avoided committing ourselves to any conditions which would preclude us from agreeing to support the legitimate Bulgarian aspirations and that we should continue to do so as long as there was a prospect of Bulgaria entering into negociations with us. The Prime Minister should however realize that the longer that time passed without any friendly indication from Bulgaria the more difficult it would be to keep the door open.

This unofficial communication elicited from the Prime Minister a promise that Bulgaria would join the Allies if assured of both contested and uncontested zones in Macedonia (the former includes Kumanovo, Uskub and Dibra) together with Kavala, Seres and Drama. Unless Bulgaria can get this she will remain neutral [2].

[1] Лит. копия.
[2] Ср. № 733.

The Bulgarian Minister in London is to be informed of this by the Prime Minister and I propose to tell him that he originally spoke of the uncontested zone in the 1912 Agreement and that I see no prospect of bringing the other zone into discussion. Mr. Vladoff has been told of hint to Prime Minister.

In communicating the above to Mr. Sazonow you should say that I do not propose to begin negociations in London as they would be more appropriately conducted at Sofia or Petrograd, if the Bulgarian Government show readiness to negociate on reasonable terms».

Перевод.

Посол его британского величества имеет честь уведомить его превосходительство министра иностранных дел, что ему было поручено сообщить его превосходительству следующую телеграмму, полученную от сэра Э. Грея:

«Я поручил представителю его величества в Софии сообщить неофициально болгарскому премьер-министру, что во всех наших переговорах с другими государствами касательно их возможного участия в войне мы тщательно избегали дойти на какие-либо условия, которые лишили бы нас возможности дать согласие на поддержку законных болгарских притязаний, и что мы будем продолжать поступать так до тех пор, пока существует надежда, что Болгария вступит в переговоры с нами. Тем не менее премьер-министр должен понимать, что, чем больше проходит времени без всякого проявления дружественных отношений со стороны Болгарии, тем труднее оставлять путь открытым.

Это неофициальное сообщение вызвало со стороны первого министра обещание, что Болгария присоединится к союзникам, если ей будет дано заверение в предоставлении ей обеих — спорной и бесспорной — зон в Македонии (первая включает Куманово, Ускюб и Дибру) вместе с Кавалой, Სересом и Драмой. Если Болгария этого не получит, она останется нейтральной.

Болгарский посланник в Лондоне должен быть осведомлен об этом премьер-министром, и я предполагаю сказать ему, что первоначально он говорил о бесспорной зоне в соглашении 1912 г. и что я не вижу возможности начать обсуждение вопроса о другой зоне. Г. Владову было предложено намекнуть об этом премьер-министру.

При сообщении вышеизложенного г. Сазонову вам следует указать, что я не предполагаю приступать к переговорам в Лондоне, так как целесообразнее вести их в Софии или Петрограде, если болгарское правительство выкажет готовность вести их на разумных основаниях».

№ 736. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 21. 12 мая/29 апреля 1915 г.

His Britannic Majesty's Minister at Athens telegraphs that on May 10 (April 27) the Greek Government took the decision to withdraw all

conditions from their offer of cooperation with the Allies except that no question of the cession of any Greek territory shall be allowed to arise during the negociations for peace.

Sir F. Elliot adds that Greece cannot take the initiative in raising the question of Kavala since it is necessary for reasons of internal policy and the «amour propre» of the King to avoid appearing to return to the policy advocated by Mr. Venizelos. But should the three Governments be prepared in the general interest to waive the rights of nationalities, they might raise the issue with some chance of success in some such way as the following.

Greek acquiescence in the cession of Kavala being dependent on the probability of acquiring as compensation a large extent of territory in Asia Minor, the three Powers should declare how they propose to dispose of the Turkish Dominions. To Bulgaria they should represent that only by the complete collapse of Turkey can Greece be suitably compensated in Asia Minor, so that Bulgaria can only obtain Kavala by making war on Turkey. Should Bulgaria agree to take this step, Greece should be informed that the Powers will not cease in their efforts against Turkey until the complete surrender of the latter and that Greece must give up Kavala in order that this result may be made certain. On the other hand if Bulgaria refuses to march against Turkey there would presumably be no longer any reason why the three Powers should not give Greece the guarantees she desires. The cooperation of Greece by land as well as by sea would be secured in either event; for in the event of her refusing to march against Turkey she would be threatened with the loss of Kavala without receiving any compensation.

It would be necessary that both Bulgarian and Greek Governments should be spoken to very plainly.

Перевод.

Посланник его британского величества в Афинах телеграфирует, что 10 мая/27 апреля греческое правительство приняло решение взять обратно все предложенные им условия для сотрудничества с союзниками за исключением одного: чтобы ни один вопрос об уступке какой бы то ни было греческой территории не был поднят на мирных переговорах.

Сэр Ф. Эллиот добавляет, что Греция не может взять на себя инициативу возбуждения вопроса о Кавале, раз с точки зрения внутренней политики и самолюбия короля необходимо избегать всяких намеков на то, что Греция возвращается к политике, проводившейся г. Венизелосом. Но если три правительства готовы ради общих интересов пренебречь правами национальностей, они могли

бы с некоторыми шансами на успех поднять этот вопрос примерно в следующем виде.

Ввиду того, что согласие Греции на уступку Кавалы зависит от возможности получить в качестве компенсации значительную часть территории в Малой Азии, три державы должны были бы заявить, как они намерены распорядиться турецкими владениями. Они должны были бы указать Болгарии, что только при полном распаде Турции Греция могла бы получить соответствующую компенсацию в Малой Азии; таким образом Болгария могла бы получить Кавалу, только вступив в войну против Турции. Если бы Болгария согласилась на этот шаг, Греции должно быть сообщено, что державы не прекратят войны против Турции до полной ее капитуляции, и что Греция должна отдать Кавалу, дабы обеспечить достижение этого результата. С другой стороны, если Болгария откажется выступить против Турции, то не будет больше основания к тому, чтобы державы не дали Греции желательных ей гарантий. Содействие Греции на суше и на море будет достигнуто и в том и в другом случае, так как если она откажется выступить против Турции, то ей будет угрожать потеря Кавалы без получения какой-либо компенсации.

Необходимо, чтобы все это было сказано совершенно откровенно болгарскому и греческому правительствам.

№ 737. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма [1]. 12 мая/29 апреля 1915 г.

Личная.

Прошу расшифровать лично.

В ставке верховного главнокомандующего думают [2], что если бы мы решились послать [в] Тегеран войска [с] целью захвата и высылки [в] Россию германского, австрийского и турецкого представителей, то кавказское начальство, быть может, согласилось бы уделить временно потребные на то силы.

Благоволите весьма секретно обсудить это предположение с вашими английским и французским коллегами. Со своей стороны опасаемся, что сказанные представители могли бы своевременно скрыться [в] Исфагань, где они были бы недосягаемы, и что тогда наши войска, которые могли бы быть посланы лишь на короткое время, оказались бы прикованными к месту, во избежание крайне опасного возвращения наших противников [в] Тегеран.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия, номер отсутствует.

[2] Соответствующий документ в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

№ 738. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 2206 [1] 12 мая/29 апреля 1915 г.

Дополнение телеграммы за № 2152 [2].

Из Туркестана также не могут быть уделены войска для Казвина.

Нельзя ли нам и англичанам, по примеру немцев, действовать деньгами и навербовать вооруженных сторонников. Если это возможно, сообщите, какие средства могут на это понадобиться.

Сазонов.

№ 739. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

12 мая/29 апреля 1915 г.

Румынский посланник передал министру обещанную карту [4], на которой обозначены земельные притязания Румынии. Диаманди при этом сказал, что им до сих пор не получено от Братиану никаких новых указаний касательно возможных изменений изложенных ранее румынских требований. Министр обещал изучить карту, но не скрыл от посланника, что, так как нанесенная на ней линия для России очевидно неприемлема, он надеется, что Братиану найдет возможным ее пересмотреть. Он прибавил, что всякие переговоры по существу своему возможны лишь при обоюдных уступках; предъявление же требований в почти ультимативной форме, как это делает румынское правительство, оставляет мало надежды на возможность достигнуть соглашения.

Разговор был непродолжителен, и собеседники расстались холодно.

От министра румынский посланник отправился к итальянскому послу и сказал ему, что сегодняшнее свидание с С. Д. Сазоновым не привело ни к какому результату. Итальянский посол, повидимому, убеждал Диаманди в необходимости сойти с усвоенного им непримиримого положения и путем сокращения своих требований дать возможность русскому правительству в свою очередь пойти навстречу румынским пожеланиям.

Свидевшись вечером с бароном Шиллингом, маркиз Карлотти передал содержание своего разговора с Диаманди и вместе с тем сообщил полученную им телеграмму, согласно которой, по сведениям итальянского посла в Берлине, фон Ягов убеждал румынского посланника

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 10 мая/27 апр. за № 2152 Сазонов сообщил, что м-во «зондирует в Ташкенте, нельзя ли усилить Казвинский отряд из Туркестана» (ср. № 716).

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 11.

[4] См. приложение к тому.

Бельдимана спешно отправиться в Вену для переговоров с австрийским правительством, которое, по словам германского статс-секретаря, будто бы, готово заключить с Румынией соглашение на почве уступки Румынии Буковины и обязательства даровать Трансильвании автономию. Боллати уведомляет, что румынский посланник отказался от этого, сказавши, что не считает возможным достижение подобного соглашения.

Барон Шиллинг заметил, что, если бы Румыния действительно примкнула теперь к Германии и Австрии и Братиану только для того предъявил нам неприемлемые требования, чтобы найти в нашем отказе удобный предлог для перехода на сторону наших противников, Россия никогда не простит Румынии подобного вероломства, и это неминуемо отразится на дальнейшей судьбе королевства.

Согласившись с этим, итальянский посол выразил сомнение, чтобы Румыния могла решиться на такой шаг, ибо она должна помнить, что во всяком случае она и впредь останется соседкой России и потому для нее наиболее важно наладить хорошие отношения именно с последней.

Зная, что маркиз Карлотти передает Диаманди слышанное им в министерстве иностранных дел, барон Шиллинг счел полезным прибавить, что в случае упомянутого поворота Румынии, Россия, разумеется, тотчас найдет способ прийти к соглашению с Болгарией, которая, вероятно, не откажется воспользоваться создавшейся обстановкой для нападения на Румынию. Так как итальянский посол поставил вопрос, не согласится ли Румыния предварительно с Болгарией, барон Шиллинг продолжал, что не верит возможности такого соглашения, ибо Румыния ни в каком случае не может предложить Болгарии всего того, что могли бы дать последней Россия и ее союзницы, а именно, если Румыния и решилась бы отдать за нейтралитет Болгарии присоединенную в 1913 г. часть Добруджи, то за содействие России против Румынии Болгария, несомненно, могла бы рассчитывать на всю Добруджу с Констанцей, не говоря о других намеченных приращениях во Фракии и Македонии.

№ 740. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 333. 12 мая/29 апреля 1915 г.

Reçu le No 2119[1].

Ai communiqué à Nicolson. En même temps le chargé d'affaires français

[1] Тел. от 7 мая/24 апр. за № 2119 Сазонов передал в Вашингтон, Париж и Лондон тел. управляющего вице-консульством в Хое Введенского от 6 мая/23 апр. за № 163, в которой последний сообщал о полученной им через прорвавшихся

vint donner connaissance télégramme français de Salonique informant que Arméniens avaient occupé Van et fait sauter khan et détruit ville, après quoi Turcs réoccupèrent, et massacres s'en suivirent. Nicolson me dit que gouvernement anglais n'avait aucune information directe, mais que si information française se vérifiait, Turquie y trouverait argument pour dire que Arméniens s'étaient mis en sédition ouverte. Je répondis que probablement après provocation sanglante il ne leur resterait rien d'autre à faire, et que, quand il s'agissait de Turcs, pareils arguments me semblaient dénués de toute valeur. Nicolson n'insista pas sur son observation.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 2119.

Сообщил Никольсону. В то же время французский поверенный в делах пришел передать содержание французской телеграммы из Салоник, извещающей, что армяне захватили Ван, взорвали караван-сарай и разрушили город, после чего турки вновь его заняли, и вслед за этим произошли избиения. Никольсон говорит, что английское правительство не имело никакой непосредственной информации, но что если французское сообщение подтвердится, то Турция найдет в этих событиях доказательство для утверждения, что армяне подняли открытое восстание. Я ему ответил, что, вероятно, после кровавой провокации им не оставалось никакого иного выхода, и что, когда дело идет о турках, подобные аргументы, по моему мнению, лишены всякого значения. Никольсон не настаивал на своей точке зрения.

Бенкендорф.

№ 741. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 334. 12 мая/29 апреля 1915 г.

Grey a vu le ministre de Roumanie qui est venu lui parler, mais sans instructions ostensibles de son gouvernement. Grey lui a répété que les intérêts de la Serbie ne pouvaient pas être lésés. Mischu lui a répondu que la Roumanie aurait besoin d'une frontière solide réelle et s'est efforcé d'obtenir de Grey une indication, quelle ligne le Cabinet de Londres trouverait convenable. Grey a nettement refusé de prononcer aucune opinion à ce sujet et à tout autre qui regarde la négociation.

Benckendorff.

из Вана армян записки американского консула следующего содержания: «В Ване поголовное восстание. Правительство угрожает бомбардировкой города. Американская колония в опасности. Прошу поставить американское правительство в известность».

Перевод.

Грей виделся с румынским посланником, который посетил его, чтобы переговорить с ним, но без определенных инструкций своего правительства. Грей повторил ему, что нельзя нанести ущерба интересам Сербии. Мишу ему ответил, что Румынии необходимо иметь прочную и реальную границу, и старался получить от Грея указание, какую линию лондонский кабинет найдет подходящей. Грей наотрез отказался выразить какое-либо мнение по этому вопросу и вообще по вопросам, относящимся к переговорам.

Бенкендорф.

№ 742. Болгарский посланник в Лондоне Хаджимишев болгарскому министру иностранных дел Радославову.

⁄. Телеграмма № 240 [1]. 12 мая/29 апреля 1915 г.

На № 763 [2].

Сегодня я виделся с Греем, который прочел мне текст телеграммы английского посланника в Софии по поводу разговора вашего с ним в прошлую субботу. В этой телеграмме было передано ваше заявление, что Болгария готова содействовать Тройственному согласию, если ей будет гарантировано приобретение перечисленных в вашей телеграмме территорий.

Так как в вашей телеграмме ко мне недостает этого заявления, то Грей высказал желание, чтобы вы поручили мне подтвердить ему сделанное вами английскому посланнику заявление. Однако, полагая, что вышеуказанное ваше заявление было правильно передано, Грей обещал довести до сведения союзников предложенные царским правительством условия, но при этом он просил передать вам, что желание Болгарии получить спорную зону встретит большие затруднения, так как до настоящего времени Тройственное согласие имело в виду лишь бесспорную зону[3].

Грей прибавил, что в предложения союзников входит также и граница по линии Энос—Мидия; что же касается Добруджи, то этот вопрос может быть легко улажен непосредственно с Румынией.

Я спросил Грея о ходе переговоров с Грецией, и он ответил мне, что переговоры продолжаются, причем просил меня повторить вам его уверения по этому вопросу, о коих я уже доносил вам в телеграмме за № 208, а именно, что Тройственное согласие не пойдет на уступки,

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 117; расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского.

[2] См. стр. 409, прим. 4.

[3] См. № 735.

которые лишили бы Болгарию возможности оказать содействие союзникам.

Грей обещал известить меня о результатах обмена мыслей с Россией и Францией.

В ожидании этого прошу вас ответить мне, дабы я мог подтвердить ваши слова, сказанные английскому посланнику в Софии.

№ 743. Посол в Париже товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 309. 12 мая/29 апреля 1915 г.

Copie Cettigné.

Me réfère à votre télégramme No1880 [1] et au télégramme d'Obnorsky No 35 [2].

Mr. Delcassé fait connaitre que (difficultés que) rencontrait le ravitaillement du Monténégro n'ont pas échappé à l'attention du gouvernement français. En ce qui concerne l'acheminement des convois par la Boiana, la cause principale des obstacles apportés au transit doit être recherchée dans les taxes imposées aux navires à destination du Monténégro par les autorités albanaises depuis plusieurs semaines déjà. Le vice-consul de France à Scutari, conformément aux instructions reçues, s'emploie activement de concert avec son collègue russe, à faire rapporter les taxes excessives et arbitraires [3]. Le Conseil administratif de Scutari cédant à cette pression a déjà consenti des concessions appréciables, et il semble qu'un modus vivendi accepté par le Monténégro puisse être établi. Quant au ravitaillement par mer qui avait été organisé par l'amiral commandant en chef, il a fonctionné jusqu'à une époque toute récente. Toutefois en vue de la présence de sous-marins et aéroplanes ennemis — l'amiral Lapeyrère vient de déclarer qu'il ne croyait pas pouvoir employer plus longtemps pour les envois

---

[1] См. стр. 236, прим. 1.

[2] См. № 519.

[3] Тел. от 27/14 апр. за № 48 Обнорский сообщил, что в Скутари и в различных пунктах по Бояне 200 тонн продовольствия, предназначенного Черногории, задержаны местными алб. властями, требующими уплаты более высоких пошлин, чем те, которые установлены были державами в 1913 г. В связи с получением аналогичных сведений от англ. посланника в Цетинье, Грей предписал англ. вице-консулу в Скутари сделать по соглашению с его коллегами заявление о неповышении пошлин алб. властями (пам. записка англ. пос-ва от 1 мая/18 апр.). В тот же день Нератов сообщил Бьюкенену, что аналогичная инструкция послана росс. вице-консулу в Скутари. Официальное заявление трех представителей административному совету в Скутари состоялось 3 мая/20 апр.

au Monténégro la voie de l'Adriatique et... a insisté pour que le gouvernement monténégrin prenne des mesures en vue d'utiliser désormais la voie de Salonique. Le ministre français à Cettigné a été chargé de faire à ce sujet une communication au gouvernement monténégrin dont le résultat n'est pas encore connu.

Isvolsky.

Перевод.

Копия в Цетинье.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1880 и на телеграмму Обнорского № 35.

Г. Делькассе уведомил меня, что затруднения, которые имеются в деле снабжения Черногории, не ускользнули от внимания французского правительства. Что касается движения грузов по Бояне, то главную причину препятствий, чинимых транзиту, следует искать в пошлинах, налагаемых уже в течение многих недель албанскими властями на суда, направляющиеся в Черногорию. Французский вице-консул в Скутари, на основании полученных им инструкций, прилагает деятельные усилия в согласии с его русским коллегой в целях отмены чрезмерных и произвольных пошлин. Административный совет Скутари, уступая этому давлению, уже согласился на значительные уступки, и, повидимому, modus vivendi, принятый Черногорией, сможет быть установлен. Что же касается снабжения морем, которое было организовано адмиралом, главнокомандующим (морскими силами), то оно функционировало до самого последнего времени. Тем не менее, ввиду присутствия неприятельских подводных лодок и аэропланов, адмирал Лапейрер только-что заявил, что он не считает возможным пользоваться в дальнейшем для снабжения Черногории адриатическим путем, и ... настаивал на том, чтобы черногорское правительство приняло меры для использования с этого момента салоникского пути. Французскому посланнику в Цетинье было поручено сделать черногорскому правительству по этому поводу сообщение, результат которого еще не известен.

Извольский.

№ 744. Посланник в Софии министру иностранных дел.

·/. Письмо. 12 мая/29 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Неискренняя политика нынешнего болгарского правительства, и особенно короля Фердинанда, слишком хорошо известна. Бороться с ней тем труднее, что ни у короля, ни у его правительства нет определенного политического плана, и их настроение зависит от известий с полей сражения. Как-то давно я уже говорил, что наше военное счастье будет существенным, решающим аргументом. С развитием событий положение, занятое правительством, встречало однако все меньше и меньше сочувствия в общественном мнении и в народе; с другой стороны, и само правительство, как мне казалось не без

оснований, начинало видеть в последнее время, что может быть упущен психологический момент. В своей телеграмме № 255 [1] я передал вашему высокопревосходительству достаточно подробно настроения правительственных и общественных сфер, позволившие мне иметь [1 мая] 18 апреля с Радославовым разговор, которому я постарался придать самый дружелюбный и благожелательный для Болгарии характер. Радославов, выслушав меня на этот раз с особым вниманием, утверждал, что вполне признает правильность моих доводов, и только по его вопросу, не мог ли бы я повторить все это лично королю, можно было судить, насколько этот подставной политический деятель боится одной мысли взять на себя инициативу шага, который может не встретить сочувствия короля. Одним из моих аргументов в пользу обращения Болгарии в нашу сторону было соображение, что если известия о нашем соглашении с Италией подтвердятся и что если за Италией последует Румыния и Греция, то положение Болгарии станет гораздо менее для нее выгодным. Радославов понял и это, прибавив, что в минуту, когда Румыния выступит на нашей стороне, то выступит и Болгария.

Но вот 20-го числа пришли не совсем благоприятные для нас известия с Карпат. Каждый хотя немного знающий обстоятельства и добросовестный человек понимает, что какой-то частичный успех неприятеля не более не менее как мелкий эпизод в великой борьбе, на исход которой никакого значения иметь не может. У нас, к сожалению, по сию пору нет никакого официального разъяснения происшедшего на Карпатах, немецкие же и австрийские источники, наоборот, постарались преувеличить все во сто крат, и их ложные известия имели здесь свое действие. Наши враги подняли головы, дворец приободрился, и Радославов, чтобы быть в ноте [2], изобразил перед королем мой последний с ним разговор как угрозу Болгарии, состоявшую, будто бы, в том, что Италия мол теперь с нами и что нам Болгарии более не нужно. Мелкий человек знал, с кем имеет дело, и, должно быть, подбодренный королем, он говорил два дня спустя английскому посланнику про угрожающий характер моей беседы, произведшей тяжелое впечатление на короля. При следующем свидании мне, конечно, ничего не стоило вывести Радославова на чистую воду, но я позволил себе остановиться на вышеизложенном, чтобы показать вам лишний раз, с какими людьми мы имеем дело.

---

[1] См. № 703.

[2] Так в оригинале.

Тон последнего разговора Радославова со мною, происходившего в понедельник [10 мая] 27 апреля, носил совершенно другой характер, чем предыдущий; высказав накануне английскому посланнику (см. мою телеграмму № 262 [1]), что за свое участие Болгария желает получить не только бесспорную, но и спорную зону Македонии и, кроме того, Драму, Серес и Кавалу, Радославов настаивал на этом и предо мною, говоря, что иначе Болгария останется нейтральной.

Ввиду такого положения короля и правительства сведение, полученное, будто бы, от императора Вильгельма и сообщенное греческим королем английскому посланнику в Афинах (телеграмма Демидова № 160 и его письмо от [5 мая] 22 апреля [2]) о существовании между Германией и Болгарией соглашения, обеспечивающего нейтралитет последней, является одним из объяснений болгарской политики, столь мало отвечающей национальным интересам.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 745. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 65. 12 мая/29 апреля 1915 г.

Весьма секретно.

В связи с предстоящими новыми военными операциями союзников король Николай вручил генералу Потапову, за своей подписью, для зашифрования, текст ответной телеграммы на имя его высочества великого князя Николая Николаевича, в которой его величество изъявляет готовность принимать к исполнению в своих войсках все предписания нашего верховного главнокомандующего, направляемые к объединению действий черногорской и сербской армий.

Обнорский.

---

[1] См. № 733.

[2] В письме от 5 мая/22 апр. Демидов, между прочим, писал следующее: «Его величество сказал моему английскому коллеге, что, согласно имеющимся у него достоверным сведениям, Болгария связана с Германией соглашением, обеспечивающим ее нейтралитет. Исходя из того факта, что нейтралитет этот, за исключением крайнего случая, будет сохранен, Греция не намерена, направляя свои сухопутные силы против Турции, подвергать себя по окончании войны риску нападения со стороны Болгарии, оставшейся нейтральной и свежие силы которой быстро расправятся с истощенной греческой армией. Поэтому его величество считает необходимым, чтобы державы предоставили Греции за ее сотрудничество территориальную гарантию в течение нескольких лет, следующих за войной». Содержание тел. Демидова от того же числа за № 160 покрывается этим письмом.

№ 746. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 20. 12 мая/29 апреля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Рядом секретных телеграмм я имел уже честь донести вашему высокопревосходительству о последних фазисах японо-китайского кризиса, закончившегося принятием безо всяких оговорок Китаем предъявленного ему Японией ультиматума.

Тотчас по получении здесь появившегося прежде всего в агентских телеграммах Рейтера известия о предстоящем японском ультиматуме, китайское правительство, весьма встревоженное этой перспективой, попыталось предупредить грозивший ему удар, сообщив японскому посланнику, в противность прежним своим заявлениям, что китайский ответ па последние измененные предложения Японии не является окончательным и может еще быть пересмотрен. Когда попытка эта не привела ни к какому результату, а между тем японский посланник дал знать в вай-цзяо-бу, что им получены инструкции о предъявлении Китаю ультиматума, — в японскую миссию был спешно командирован товарищ министра иностранных дел г. Цао Жу-лин с поручением объявить о согласии Китая на принятие всех японских требований, за исключением двух, входивших в состав пятой группы и наиболее тяжелых для китайцев, а именно, касающихся приглашения Китаем японских советников и производства большинства военных заказов в Японии. Категорический отказ японского посланника обсудить сделанные товарищем министра предложения, связанный с заявлением, что ультиматум будет им предъявлен на следующий день, поверг китайское правительство в глубокое отчаяние. Оно ожидало, что Япония потребует принятия всех ее домогательств полностью и будет даже настаивать на немедленном приглашении нескольких советников по ее указанию, а вместе с тем оно вполне сознавало свое бессилие и невозможность оказать японцам какое бы то ни было сопротивление. Естественно поэтому, что китайцы были весьма обрадованы, когда из текста японского ультиматума и приложенной к нему объяснительной записки они убедились, что японское правительство согласилось отложить до другого времени обсуждение всей пятой группы своих требований, за исключением касавшихся Фуцзяньской провинции, которые уже ранее были приняты Китаем. Вместо того однако, чтобы немедленно согласиться на столь неожиданно для них самих сравнительно умеренные требования, китайцы, ободренные более благоприятным для них оборотом, при-

нятым положением дела, перейдя немедленно из одной крайности в другую, стали думать о том, как бы вырвать у японцев еще возможно более уступок. На совещании у президента, имевшем место тотчас после предъявления ультиматума, не было принято никакого решения, ввиду настояний военной партии, с военным министром Дуань Цижуем во главе, чтобы японские требования были отклонены. В тот же вечер один из секретарей вай-цзяо-бу посетил меня, чтобы по поручению министра иностранных дел спросить моего мнения и совета касательно возможности обставить принятие японских требований какими-либо условиями. Я ответил, что самым убедительным образом советую Китаю поскорее воспользоваться неожиданной готовностью Японии пойти на некоторые, весьма ценные для китайцев уступки и немедленно выразить согласие на принятие японского ультиматума безо всяких оговорок, чтобы не дать японцам предлога признать китайский ответ неудовлетворительным, приступить к мерам принуждения и увеличить впоследствии размер своих требований. В подкрепление моих доводов я сослался на как раз перед этим полученную мною секретную телеграмму от [7 мая] 24 апреля с. г. № 142 императорского посла в Токио[1], в коей гофмейстер Малевский-Малевич высказывал подобные же соображения. В одинаковом со мной смысле ответили китайцам, насколько мне известно, и другие иностранные представители, как-то: французский и великобританский, к коим они обращались за советом. На вторичном совещании у президента, на следующий после ультиматума день, было, наконец, принято решение согласиться на последний без оговорок. Редактирование китайского ответа на ультиматум встретило еще кое-какие затруднения, так как японская миссия пожелала предварительно ознакомиться с текстом оного и потребовала внесения в него некоторых изменений, настаивая на упоминании о том, что обсуждение неразрешенных ныне требований пятой группы лишь откладывается до более благоприятного момента. Переговоры об этом, вызвавшие неоднократные поездки товарища министра иностранных дел из вай-цзяо-бу в японскую миссию и обратно, пришли, наконец, к благополучному завершению, и в час ночи с субботы на воскресенье министр иностранных

---

[1] В этой тел. Малевский, передавая полученные военным агентом сведения о предполагаемом усилении «находящегося в Китае экспедиционного корпуса в три с половиной дивизии посылкой еще двух новых дивизий в боевом составе», указывал, что «если китайцы хотят избегнуть тяжелых последствий военной оккупации, то им необходимо немедленно принять ультиматум Японии без всяких условий».

дел передал японскому посланнику китайский ответ в установленной таким образом редакции. Для окончательного подписания актов, долженствующих оформить и закрепить состоявшиеся между обоими правительствами соглашения, ожидается лишь получение японским посланником вырабатываемого ныне в Токио японского текста таковых.

«Кажущееся на первый взгляд непонятным обстоятельство, что японский посланник отклонил обсуждение предложений китайского товарища министра иностранных дел, шедших далее по пути уступок, чем того требовал предъявленный на следующий день ультиматум, объясняется тем, что, как я узнал из достоверного источника, г. Хиоки, по получении им текста ультиматума, задержал было передачу последнего китайцам, телеграфировав в Токио, что в отказе от требований пятой группы нет необходимости и что, если ему разрешено будет включить их в ультиматум, то китайцы будут вынуждены на них согласиться. В ответ на это ему было однако указано его правительством, что ультиматум в сообщенном ему тексте получил утверждение императора и что он должен передать его безо всяких изменений. Кроме этого, некоторое значение имело, вероятно, и то обстоятельство, что товарищ министра г. Цао Жу-лин в беседах своих с г. Хиоки, повидимому, высказывался недостаточно определенно и колебался итти далее словесных обещаний от своего личного имени. Наконец, не говоря уже о возможных соображениях внутренней политики, и тот факт, что японское правительство уже сообщило иностранным державам о посланном им Китаю ультиматуме, мог послужить в его глазах поводом к непременному предъявлению такового.

Что касается вопроса о причинах, побудивших Японию сделать столь существенные уступки по пятой группе ее требований, то здесь это вообще объясняется опасением ее слишком восстановить против себя другие державы, особенно Англию, и рисковать таким образом потерей по окончании европейской войны тех чрезвычайных преимуществ, которые ей теперь и удалось бы, быть может, получить на свою долю в Китае. Было ли великобританским правительством оказано какое-либо давление в этом смысле в Токио, как весьма многие предполагают, — положительных данных здесь не имеется, но из слов моего великобританского сотоварища, крайне сдержанного в этом отношении, можно скорее заключить, что осторожные шаги в таком направлении были действительно предприняты лондонским кабинетом[1].

---

[1] Ранее, тел. от 20/7 марта за № 87 Малевский сообщил, что «по поводу требований Японией железнодорожных концессий в долине Янтце английскому послу

В результате предпринятого ею выступления Япония, несомненно, получает в Китае весьма существенные выгоды, коими она, конечно, не преминет воспользоваться в полном объеме со свойственной ей ловкостью и неразборчивостью в средствах. Но вместе с тем одержанная Японией дипломатическая победа имеет бесспорно и некоторые невыгодные для нее стороны. Столь грубо-насильственная расправа с не подававшим к этому никакого серьезного повода Китаем возбудила здесь повсеместно живейшее негодование и озлобление, и толкам о японо-китайском союзе надолго положен конец. Ненависть к Японии в настоящую минуту настолько сильна во всех слоях населения, что следует ожидать весьма действительного, хотя и не открыто организованного бойкота японских товаров, который может обойтись японской промышленности и торговле во много миллионов. Образ действий Японии восстановил также против нее и общественное мнение дальневосточных иностранных кругов, торгово-промышленным интересам коих японские вожделения являются к тому же прямой угрозой. Вся здешняя иностранная, и на первом плане английская, печать полна статей самого резкого антияпонского направления, причем она бесспорно является верной выразительницей мнений не только деловых, но и официальных великобританских кругов на Дальнем Востоке. По общему мнению, всё указывает на то, что последнее японское выступление нанесет смертельный удар англо-японскому союзу, и без того уже не отличавшемуся прочностью и искренностью. С этим обстоятельством Японии, несомненно, придется серьезно считаться по окончании европейской войны, и нам не следует терять из виду, что оно легко может, как я имел уже случай отметить это в предыдущих моих донесениях, привести к сближению между Японией и Германией, уже делающей в этом направлении недвусмысленные авансы [1].

Переходя затем к рассмотрению того, как отзовутся полученные ныне Японией от Китая преимущества на специально русских интересах на Дальнем Востоке, можно, мне кажется, притти к заключению, что последние при этом непосредственно не пострадают. Несмотря на все свое желание, Японии не удалось подчинить своему влиянию центральное китайское правительство, что, несомненно, представлялось бы для нас крайне опасным. Замена в Шаньдуне германского влияния японским не наносит нам никакого ущерба,

было поручено передать здешнему правительству список тех железнодорожных концессий, которые Англия получила ранее в Южном Китае».

[1] См. № 533.

преимущества же, выговоренные Японией в свою пользу в Южной Манчжурии, могут служить нам основанием к требованию для себя подобных же прав в северной части этой области. Вместе с тем мы могли бы, думается мне, воспользоваться предоставлением китайским правительством Японии известных преимуществ в восточной части Внутренней Монголии как лишним аргументом для подкрепления требований, коими мы обусловили вывод нашего отряда из Алтайского края [1].

За все время японо-китайских переговоров я держался по отношению к ним того осторожного образа действий, который был изложен мною в секретной телеграмме моей от [20] 7 февраля с. г. за № 75 [2] и который удостоился тогда одобрения императорского правительства. Высказанное мною при удобных случаях китайцам сочувствие и сообщение им доходивших до меня сведений были чрезвычайно оценены ими, и как президент, так и министр иностранных дел неоднократно горячо благодарили меня за эти небольшие услуги, держа меня вместе с тем постоянно в курсе всего происходившего. Тотчас по благополучном улажении кризиса Юань Ши-кай дважды через доверенных лиц присылал выразить мне свою искреннюю признательность за наше доброжелательное отношение к Китаю в столь тяжелых для него обстоятельствах. В общем можно, мне кажется, утвердительно сказать, что в настоящую минуту мы находимся с Китаем в более дружественных отношениях, чем когда бы то ни было со времени русско-японской войны. Все это однако нисколько не вредит добрым отношениям между императорской и японской миссиями, и я тщательно поддерживаю с моим японским сотоварищем постоянный дружеский обмен мыслей. Во время последних переговоров я имел несколько раз случай сообщать г. Хиоки интересные для него сведения ранее, чем он получал их иным путем, и на следующий же день после принятия Китаем японского ультиматума японский посланник посетил меня, чтобы поблагодарить меня за мое сочувственное отношение в течение всего японо-китайского кризиса [3].

В заключение настоящего донесения считаю долгом представить при сем вашему высокопревосходительству английский перевод в

[1] См. т. I, стр. 508, прим. 4.

[2] См. № 230.

[3] Соглашение между Японией и Китаем было подписано 26/13 мая 1915 г. в форме двух договоров (о Шаньдунской провинции, а также о Южной Манчжурии и о Восточной Внутренней Монголии) и обмена 12 нотами. (Опубл. Изв. МИД, 1915 г., IV, стр. 57 и сл.).

газетной вырезке японского ультиматума [1], а равным образом и русские переводы сопровождавшей оный объяснительной записки [2], текста последних японских требований [3] и китайского ответа на ультиматум [4].

Примите и пр.

В. Крупенский.

Приложение.

Japan's Ultimatum [5].

Memorandum delivered by Japanese Minister to Minister of Foreign Affairs at 3 o'clock p. m. on May 7th 1915:

The reason why the Imperial Government opened the present negotiations with the Chinese Government is first to endeavour to dispose of the complications arising out of the war between Japan and Germany, and secondly to attempt to solve those various questions which are detrimental to the intimate relations of China and Japan with a view to solidifying the foundation of cordial friendship subsisting between the two countries to the end that the peace of the Far East may be effectually and permanently preserved. With this object in view definite proposals were presented to the Chinese Government in January of this year, and up to to-day as many as twenty five conferences were held with the Chinese Government in perfect sincerity and frankness.

In the course of the negotiations the Imperial Government have consistently explained the aims and object of the proposals in a conciliatory spirit while on the other hand the proposals of the Chinese Government, whether important or unimportant, have been attended to without any reserve.

It may be stated with confidence that no effort has been spared to arrive at a satisfactory and amicable settlement of those questions.

The discussion of the entire corpus of the proposals was practically at an end at the twenty-fourth conference: that is on 17th of the last month. The Imperial Government taking a broad view of the negotiation and in consideration of the points raised by the Chinese Government, modified the original proposals with considerable concessions

[1] См. приложение.

[2] Объяснительная записка касалась редакционных изменений к проекту соглашения от 26/13 апр.— см. № 652 (опубл. в япон. Белой книге, стр. 69).

[3] См. № 652.

[4] Ср. № 722.

[5] Заголовок оригинала. Опубл. в япон. Белой кн., стр. 67.

and presented to the Chinese Government on the 26th of the same month the revised proposals for agreement and at the same time it was offered that, on the acceptance of the revised proposals, the Imperial Government would, at a suitable opportunity, restore, with fair and proper conditions, to the Chinese Government the Kiaochow territory in the acquisition of which the Imperial Government had made a great sacrifice.

On the 1st of May, the Chinese Government delivered the reply to the revised proposals of the Japanese Government which is contrary to the expectation of the Imperial Government. The Chinese Government not only did not give a careful consideration to the revised proposals, but even with regard to the offer of the Japanese Government, to restore Kiaochow to the Chinese Government, the latter did not manifest the least appreciation of Japan's good will and difficulties.

From the commercial and military points of view Kiaochow is an important place, in the acquisition of which the Japanese Empire sacrificed much blood and money, and, after the acquisition, the Empire incurs no obligation to restore it to China. But with the object of increasing the future friendly relations of the two countries, she went to the extent of proposing its restoration, yet to her great regret the Chinese Government did not take into consideration the good intention of Japan and manifest appreciation of her difficulties.

Furthermore, the Chinese Government not only ignored the friendly feelings of the Imperial Government offering the restoration of Kiaochow Bay, but also in replying to the revised proposals they even demanded its unconditional restoration; and again China demanded that Japan should bear the responsibility of paying indemnity for all the unavoidable losses and damages resulting from Japan's military operations at Kiaochow; and still further in connection with the territory of Kiaochow China advanced other demands and declared that she has the right of participation at the future peace conference to be held between Japan and Germany. Although China is fully aware that the unconditional restoration of Kiaochow and Japan's responsibility of indemnification for the unavoidable losses and damages can never be tolered by Japan yet she purposely advanced these demands and declared that this reply was final and decisive.

Since Japan could not tolerate such demands the settlement of the other questions, however compromising it may be, would not be to her interest. The consequence is that the present reply of the Chinese Government is, on the whole, vague and meaningless.

Furthermore, in the reply of the Chinese Government to the other proposals in the revised list of the Imperial Government, such as South Manchuria and Eastern Inner Mongolia, where Japan particularly has geographical, political, commercial, industrial and strategic relations as recognized by all the nations, and made more remarkable in consequence of the two wars in which Japan was engaged, the Chinese Government overlooks these facts and does not respect Japan's position in that place. The Chinese Government even freely altered those articles which the Imperial Government, in a compromising spirit, have formulated in accordance with the statement of the Chinese Representatives thereby making the statements of the Representatives an empty talk: or on seeing them conceding with the one hand and withholding with the other, it is very difficult to attribute faithfulness and sincerity to the Chinese Authorities.

As regards the articles relating to the employment of advisers, the establishment of schools and hospitals, the supply of arms and ammunition and the establishment of arsenals, and railway concessions in South China in the revised proposals, they are either proposed with the provise that the consent of the Power concerned must first be obtained, or they are merely to be recorded in the minutes in accordance with the statements of the Chinese delegates, and thus they are not in the least in conflict either with Chinese sovereignty or her treaties with the Foreign Powers. Yet the Chinese Government in their reply to the proposals, alleging that those proposals are incompatible with their sovereign rights and the treaties with the Foreign Powers, defeat the expectation of the Imperial Government. In spite of such attitude of the Chinese Government the Imperial Government, though regretting to see that there is no room for further negociation, yet warmly attached to the preservation of the peace of the Far East, is still hoping for a satisfactory settlement in order to avoid the disturbance of relations.

So in spite of the circumstances which admit no patience, she will reconsider the feelings of the Government of her neighbouring country and with the exception of the article relating to Fukien which is to be the subject of an exchange of notes as has already been agreed upon by the Representatives of both nations, will undertake to detach the Group V from the present nogociations and discuss it separately in the future. Therefore the Chinese Government should appreciate the friendly feeling of the Imperial Government by immediately accepting without any alteration all the articles of Group I, II, III, IV and the exchange of

notes in connection with Fukien Province in Group V as contained in the revised proposals presented on the 26th of April.

The Imperial Government hereby again offer advice and hopes that the Chinese Government, upon this advice, will give a satisfactory reply up to 6 o'clock p. m. on the 9th day May.

It is hereby declared that if no satisfactory reply is received before or at the designated time, the Imperial Government will take steps she may deem necessary.

Перевод.

Японский ультиматум.

Меморандум, врученный японским посланником министру иностранных дел в 3 часа пополудни 7 мая 1915 г.

Причиной, по которой императорское правительство начало настоящие переговоры, является, во-первых, попытка уничтожить затруднения, возникшие в связи с войной между Японией и Германией, а, во-вторых, попытка разрешить те различные вопросы, которые наносят вред дружеским отношениям Китая с Японией, с целью укрепить основы сердечной дружбы, существующей между обеими странами для того, чтобы мир на Дальнем Востоке был действительно и постоянно огражден. Имея эту цель в виду, китайскому правительству в январе текущего года были предъявлены определенные предложения, и по сегодняшний день состоялось не меньше 25 заседаний с китайским правительством в обстановке полной искренности и откровенности.

В ходе переговоров императорское правительство постоянно объясняло в примирительном духе цели и сущность предложений, и, с другой стороны, предложения китайского правительства, будь то важные или неважные, были приняты во внимание без всяких оговорок.

Необходимо с уверенностью отметить, что не было упущено ни одной возможности для достижения удовлетворительного и дружеского решения этих вопросов.

Обсуждение всей совокупности предложений пришло фактически к концу на 24-м заседании, а именно 17-го прошлого месяца. Императорское правительство, подходя с широким взглядом к переговорам и принимая в соображение пункты, поднятые китайским правительством, изменило первоначальные предложения, внеся значительные уступки, вручило китайскому правительству 26-го того же месяца пересмотренные предложения для соглашения и предложило в то же самое время, что в случае принятия пересмотренных требований императорское правительство в подходящий момент возвратит китайскому правительству на справедливых и подходящих условиях территорию Киаочжоу, для приобретения которой императорское правительство принесло большие жертвы.

1 мая китайское правительство вручило ответ на пересмотренные требования японского правительства, который противоречил ожиданиям императорского правительства. Китайское правительство не только не подвергло тщательному рассмотрению пересмотренные требования, но даже по отношению к предложению японского правительства возвратить Киаочжоу китайскому правитель-

ству последнее ничем не показало, что оно ценит доброе желание Японии и понимает трудности.

С торговой и военной точек зрения Киаочжоу является важным пунктом, для приобретения которого Япония принесла много жертв кровью и деньгами, и после его приобретения империя не связана никаким обязательством о возвращении его Китаю. Но с целью укрепления будущих дружеских отношений обеих стран она пошла на крайности, предложив его возвращение. Однако, к ее большому сожалению, китайское правительство не приняло во внимание добрые намерения Японии и не оценило ее затруднений.

Сверх того, китайское правительство не только игнорировало дружеские чувства императорского правительства, предложившего возвратить бухту Киаочжоу, но в ответе на пересмотренные предложения оно даже потребовало его возвращения без всяких условий; и снова Китай потребовал, чтобы Япония несла ответственность по уплате издержек за все неизбежные потери и убытки, которые были следствием японских военных операций в Киаочжоу; и дальше в связи с вопросом о территории Киаочжоу Китай выдвинул другие требования и заявил, что он имеет право участвовать на будущей мирной конференции между Японией и Германией. Хотя Китай прекрасно знает, что возвращение без всяких условий Киаочжоу и ответственность Японии в деле возмещения за неизбежные потери и убытки никогда не будут допущены Японией, он тем не менее сознательно выдвинул эти требования и заявил, что этот ответ является окончательным и решающим.

Так как Япония не могла допустить таких требований, решение других вопросов, как бы компромиссно оно ни было, было бы не в ее интересах. Результатом этого явилось то, что китайский ответ в его целом оказался неопределенным и малозначащим.

Далее, в ответе китайского правительства на другие предложения пересмотренного текста императорского правительства, как предложения о Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, где Япония имеет особые географические, политические, торговые, промышленные и стратегические интересы, которые признаются всеми нациями и которые стали более явными в результате двух войн, в которые Япония была втянута, — китайское правительство не обратило внимания на эти факты и отнеслось без должного уважения к положению, занимаемому Японией в этих местах. Китайское правительство даже самовольно исправило эти статьи, которые императорское правительство, действуя в духе компромисса, формулировало в согласии с заявлением китайского правительства, и тем самым обратило заявления (своих) представителей в пустые слова; наблюдая, как китайские власти одной рукой уступают, а другой задерживают, очень трудно приписать им правдивость и искренность.

Что касается статей в пересмотренных предложениях о приглашении советников, учреждении школ и госпиталей, снабжении оружием и снаряжением, устройстве арсеналов и о железнодорожных концессиях в Южном Китае, то они или предложены с условием, что должно быть получено согласие заинтересованной державы, или они должны быть просто занесены в протокол, в согласии с заявлениями китайских делегатов, и таким образом они ни в коем случае не находятся в противоречии с китайским суверенитетом или с договорами Китая с иностранными державами. Однако китайское правительство в своем ответе на предложения, ссылаясь на то, что эти предложения несовместимы с его су-

веренными правами и с договорами с иностранными державами, обмануло ожидания императорского правительства. Несмотря на такую позицию китайского правительства, императорское правительство, хотя и сожалея, что теперь, очевидно, нет места для дальнейших переговоров, но горячо желая сохранить мир на Дальнем Востоке, все же надеется на удовлетворительное решение, чтобы избежать резкого ухудшения отношений.

Так, несмотря на обстоятельства, которые невозможно терпеть, оно хочет принять во внимание отношение правительства соседней страны и за исключением статьи, касающейся Фуцзяна, который должен составить предмет обмена нот, как уже было договорено между представителями обеих наций, хочет пойти на изъятие V группы из настоящих переговоров и обсудить их отдельно в будущем. Поэтому китайское правительство должно оценить дружеские чувства императорского правительства и немедленно принять без каких-либо изменений все статьи I, II, III и IV групп, а также обмен нот по поводу Фуцзянской провинции из группы V, как указано в пересмотренных предложениях, предъявленных 26 апреля.

Императорское правительство снова дает совет и высказывает надежду, что китайское правительство по этому совету даст удовлетворительный ответ к 6 часам пополудни 9 мая.

Настоящим заявляется, что, если к указанному времени или раньше не будет получен удовлетворительный ответ, императорское правительство предпримет шаги, которые оно сочтет необходимыми.

№ 747. Вербальная нота китайской миссии в Петрограде министру иностранных дел[1].

№ 970. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Prenant en considération l'intérêt que le gouvernement impérial de Russie porte à la question sino-japonaise, j'ai l'honneur, d'ordre de mon gouvernement, d'exposer verbalement à votre excellence les faits suivants:

Le 18 janvier de l'année courante, le Japon avait adressé à la Chine une note de réclamation en 21 points. Le gouvernement chinois était pourtant entré sincèrement en négociations avec cette Puissance et faisait les plus larges concessions.

Jusqu'au 17 avril, les deux parties avaient signé un projet d'entente sur 6 de ces points, concernant la Mandchourie Méridionale; quant aux autres, neuf avaient été reconnus en principe.

Mais au moment où l'on pouvait espérer la prompte conclusion d'un accord définitif, le plénipotentiaire du Japon suspendit les pourparlers.

---

[1] На оригинале помета рукою Сазонова: «Передано лично китайским посланником [13 мая] 30 апреля 1915 г.».

Il présenta à la Chine une nouvelle note en 24 points, en date du 26 avril[1] et déclara que c'étaient les dernières concessions de son pays.

Cette note ne différait réellement de la précédente que par les termes employés; mais malgré tout, le gouvernement chinois avait toujours témoigné au Japon les meilleures dispositions, et en date du 1 mai, lui fit parvenir une réponse dont ci-après le résumé.

La Chine est d'accord avec le Japon sur tous les points concernant la question de la Mandchourie Méridionale, mais ne peut aucunément consentir à y instituer une juridiction mixte.

Quant à la question de Chantoung la Chine y consent en principe, mais par le fait que le Japon n'est pas encore entré en négociations de paix avec l'Allemagne, elle est obligée de déclarer que le présent accord ne pourrait avoir d'effet que si les droits et les concessions dont jouissait l'Allemagne au Chantoung étaient reconnus au Japon à la conclusion de la paix.

Des quatre points relatifs à la Mongolie Orientale, que le Japon déclare être les plus importants, la Chine en accepte trois[2].

Pour ce qui est de l'entreprise de Hanyehping, le gouvernement chinois donnerait son assentiment, si ladite Compagnie voulait coopérer plus tard avec le Japon.

Enfin, la Chine, conformement à la note japonaise, consent à ne permettre ni aux Puissances étrangères, ni à leur capitaux d'exploiter la base navale de la province de Foukien.

Le Japon ne se déclara pas satisfait, et voulait, par la force mettre la Chine en demeure de reconnaître intégralement ses exigences. Le 6 mai, le vice-ministre des affaires étrangères de Chine déclara au plénipotentiaire japonais que, malgré l'impossibilité où se trouve son pays de faire de nouvelles concessions, il essayerait pourtant d'en faire; mais son interlocuteur resta quand même intransigeant dans ses exigences.

Le 7 mai à 3 heures, le plénipotentiaire japonais vient présenter au gouvernement chinois un ultimatum par lequel le Japon demandait à la Chine de reconnaitre, jusqu'au 9 courant, 6 heures du soir, tous les points de la note du 26 avril, sauf les 5 suivants qu'il consentait à discuter ultérieurement: engagement des conseillers, fondation d'écoles et d'hôpitaux, acquisition de terrains et achat d'armes ou participation à l'entreprise des arsenaux, construction de chemin de fer le long

---

[1] См. № 652.

[2] Ср. стр. 309, прим. 1.

du Yangtzekiang et propagande de boudhisme. Sinon, le Japon se verrait forcé de recourir à des mesures nécessaires pour arriver à ses fins.

Ces négociations durèrent plus de cent jours, il y eut quelques dizaines de séances officielles et non-officielles, la Chine y a fait toutes les concessions possibles, a même accepté la presque totalité des exigences, sauf quelques points incompatibles au principe de l'indépendance et de l'intégrité territoriale de la Chine et à l'égalité des intérêts des nations étrangères. D'ailleurs la Chine n'a pas renoncé à son désir de continuer en paix les négociations.

Au dernier moment, le vice ministre des affaires étrangères a déclaré personnellement au plénipotentiaire du Japon que la Chine ferait tous les sacrifices possibles pour arriver à une solution satisfaisante; mais le Japon, ne prenant rien en considération alla jusqu'à user de menace en employant un ultimatum.

De plus, les négociations n'avaient pas encore pris fin que le Japon mobilisa et augmenta le nombre de ses troupes à Moukden et à Chantoung et enfin proclama l'état de siège à Kouangtoung; telles sont, au grand regret de la Chine, les négociations armées du Japon.

Enfin, pour maintenir la paix dans l'Asie Orientale et sauvegarder la vie et les biens tant des Chinois que des étrangers la Chine s'est vue obligée de céder et a envoyé au Japon une réponse le 8 courant à 1 heure du matin.

Перевод.

Принимая во внимание интерес, который императорское российское правительство проявляет в китайско-японском вопросе, я имею честь, по предписанию моего правительства, изложить устно вашему превосходительству следующие факты:

18 января текущего года Япония предъявила Китаю ноту, содержащую требования в 21 пункте. Китайское правительство тем не менее искренно вступило в переговоры с этой державой и пошло на самые широкие уступки.

К 17 апреля обе стороны подписали проект соглашения относительно 6 из этих пунктов, касающихся Южной Манчжурии; что касается остальных, то девять из них были в принципе приняты.

Но в момент, когда можно было надеяться на скорое заключение окончательного соглашения, японский уполномоченный прекратил переговоры. Он представил Китаю 26 апреля новую ноту из 24 пунктов и заявил, что они представляют собой последние уступки его страны.

Эта нота по существу отличалась от предшествующей только употребляемыми в ней выражениями; но, несмотря на все это, китайское правительство все время выказывало по отношению к Японии лучшие чувства и 1 мая послало ей ответ, краткое содержание которого следующее:

Китай согласен с Японией по всем пунктам, касающимся вопроса о Южной Манчжурии, но ни в коем случае не может согласиться на учреждение там смешанной юрисдикции.

Что касается вопроса о Шаньдуне, то Китай соглашается на него в принципе, но в связи с тем, что Япония еще не вступила в переговоры о мире с Германией, он вынужден заявить, что настоящее соглашение сможет иметь силу только в том случае, если права и концессии, которыми пользовалась Германия в Шаньдуне, будут признаны за Японией при заключении мира.

Из четырех пунктов относительно Восточной Монголии, которые признаются Японией самыми важными, Китай принимает три.

Что касается Ханьепинского предприятия, то китайское правительство даст свое согласие, если названная компания захочет впоследствии сотрудничать с Японией.

Наконец, Китай, в полном соответствии с японской нотой, соглашается не разрешать ни иностранным державам, ни их капиталам эксплоатировать морскую базу в Фуцзянской провинции.

Япония не удовлетворилась этим и захотела силою заставить Китай полностью принять ее требования. 6 мая товарищ министра иностранных дел Китая заявил японскому уполномоченному, что, несмотря на невозможность для его страны пойти на новые уступки, он тем не менее попытается это сделать; но его собеседник остался все же непреклонным в своих требованиях.

7 мая в 3 часа японский уполномоченный предъявил китайскому правительству ультиматум, в котором Япония требовала от Китая признания до 6 часов вечера 9 текущего месяца всех пунктов ноты от 26 апреля, за исключением следующих 5 пунктов, которые она соглашалась обсудить впоследствии: приглашение советников, учреждение школ и госпиталей, приобретение земельных участков и покупка оружия или участие в устройстве арсеналов, сооружение железной дороги вдоль Янтцекианга и пропаганда буддизма. В случае отказа Япония будет вынуждена прибегнуть к необходимым мерам для достижения своих целей.

Эти переговоры продолжались более ста дней, было несколько десятков заседаний официальных и неофициальных. Китай сделал на них все возможные уступки, принял даже почти всю совокупность требований, за исключением нескольких пунктов, несовместимых с принципом независимости и территориальной неприкосновенности Китая и с равенством интересов иностранных наций. К тому же Китай не отказался от своего желания миролюбиво продолжать переговоры.

В последний момент товарищ министра иностранных дел заявил лично японскому уполномоченному, что Китай пойдет на все возможные жертвы, чтобы достигнуть удовлетворительного решения вопроса; но Япония, не принимая ничего во внимание, дошла до открытых угроз, прибегнув к ультиматуму.

Сверх того, переговоры еще не были закончены, когда Япония мобилизовала и увеличила число своих войск в Мукдене и в Шаньдуне и, наконец, объявила осадное положение в Квантуне; таковы, к большому сожалению Китая, «вооруженные» переговоры Японии.

Наконец, для сохранения мира в Восточной Азии и для защиты жизни и имущества как китайцев, так и иностранцев, Китай счел себя вынужденным уступить и послал Японии ответ в 1 час утра 8 текущего месяца.

№ 748. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

⁄. Телеграмма № 2225. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Получил №№ 103[1] и 104[2]. Не могу допустить мысли, чтобы возражения Джиолитти или какой-либо политической партии, ни даже падение министерства могли освободить Италию от принятых ею на себя международных обязательств, тем более, что, заключая с нами соглашение, итальянское правительство не сделало никаких оговорок относительно утверждения его парламентом. Отказываюсь поверить, чтобы Италия решилась покрыть себя вечным позором, уклонившись от исполнения подписанного договора. Что касается срока итальянского выступления, то когда бы ни была объявлена официально мобилизация, означенный срок назначен на 26 мая нового стиля[3]. Благоволите высказаться в этом смысле перед министром иностранных дел.

Сазонов.

№ 749. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

⁄. Телеграмма № 2226[4]. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Благоволите проверить, насколько соответствуют истине дошедшие до меня сведения о возможном направлении на западный фронт намеченного для отправки в Константинополь экспедиционного корпуса. Если это известие не было лишено основания, обратите внимание начальника штаба на крайнюю нежелательность с политической точки зрения отвлечения упомянутой воинской части от прямого

---

[1] Тел. от 13 мая/30 апр. за № 103 Гирс передал заявление Соннино, что итал. правительство «не предполагает официально объявить об общей мобилизации до созыва парламента, т. е. до 20 мая нового стиля», но что им приняты все меры, связанные с последней.

[2] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 104 Гирс сообщил, что, в связи с высказанными Саландрой опасениями по поводу позиции депутатов группы Джиолитти в деле соглашения Италии с союзниками, он запросил Соннино, приняты ли прав-вом все меры, дабы заручиться одобрением парламента. Соннино ответил, что «отвечать за парламент правительство не может», но Джиолитти обещал «не создавать затруднений правительству».

[3] Далее зачеркнуто: «и если Италия не выполнит в этом отношении лежащего на ней основного обязательства, она только даст и нам право в свое время пересмотреть другие статьи договора».

[4] Лит. копия. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 169.

ее назначения. По поручению верховного главнокомандующего [31] 18 минувшего марта я поставил в известность лорда Китченера о тех силах, на помощь коих со стороны Босфора наши союзники могли рассчитывать, решившись на прорыв чрез Дарданеллы [1]. Лишение наших союзников этой помощи могло бы осложнить их задачи, ибо позволило бы туркам сосредоточить против них всю свою силу. Между тем благополучный исход предпринятых союзниками военных действий имеет, по моему мнению, такое значение, что влияние его должно сказаться и на других театрах войны. Помимо этого, считаю невозможным, чтобы Царьград, составляющий самое ценное приобретение, которое нам может дать настоящая война, был завоеван исключительно трудами наших союзников, помимо нашего участия [2].

Сазонов.

№ 750. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 336. 13 мая/30 апреля 1915 г.

J'ai demandé à Grey s'il croyait authentique télégramme de Berlin contenant instructions à ambassadeur allemand à Washington publiées

---

[1] См. стр. 79, прим. 3. — Тел. от 27/14 апр. за № 246 Извольский сообщил полученные им из франц. морского штаба сведения, что 25/12 апр. англо-франц. войска начали высадку в Галлиполи, и что к 26/13 «был высажен почти весь экспедиционный корпус», а «адмирал Эбергард бомбардировал укрепления Босфора и сообщил о посадке десантного отряда на суда в Одессе и Севастополе». Тел. от 5 мая/22 апр. за № 125 вице-консул в Дедеагаче Гаджемуков передал следующее заявление англ. адмирала, сделанное через англ. консула: «Я очень доволен энергичными действиями адмирала Эбергарда, которые окажут нам громадную пользу и помощь».

[2] Тел. от 14/1 мая за № 237 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 170) Кудашев сообщил, что «намеченный первоначально для Константинополя корпус действительно направлен в Галицию, но он уже заменен в Одессе другим». На запрос Сазонова, составлен ли отряд из перворазрядных войск, так как в противном случае русский десант «был бы поставлен в невыгодное положение в сравнении с союзниками» (тел. от 15/2 мая за № 2252),— Кудашев ответил, что численность отряда около 40 000 чел. и что он составлен «из трех бригад ополчения, гвардейского экипажа, двух морских батальонов, одного казачьего полка, а также одной казачьей дивизии» (тел. от 15/2 мая за № 241). В той же тел. он передал мнение ген. Данилова, что «всякий отряд, меньший чем из 6—8 корпусов и без тяжелой артиллерии, может служить только символом нашего участия во взятии Константинополя» (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 173).

dernièrement[1]. Grey me répondit que celà lui paraissait probable, mais que rien d'officiel ne lui était parvenu. Il me dit que réponse aux accusations contre Angleterre était extrêmement facile. Grey ayant confirmé opinion que je lui exprimais qu'il n'était guère probable que Etats Unis considèrent les victimes américaines du naufrage de la «Lusitania» comme cause de guerre, je lui demandai confidentiellement et à titre privé s'il considérait utile entreé en action des Etats Unis — un point que je voyais débattre à Londres dans un sens et dans l'autre. Grey me répondit qu'il n'avait aucune hésitation à ce sujet, qu'il considérait appui militaire Amérique très utile. Il me dit qu'une des grandes difficultés de la guerre contre l'Allemagne étaient les mesures à prendre pour empêcher son approvisionnement, une question qui avait produit constantes frictions entre Amérique et Angleterre. Cette friction disparaîtrait et mesures pourraient être prises avec une énergie réellement efficace. Grey considère de première importance cette question. Deuxièmement il croit que question fournitures Amérique de munitions de guerre loin d'être rendue plus difficile comme on le pense deviendrait beaucoup plus facile, production en Amérique devait augmenter sans entrave en un degrès de beaucoup supérieur aux besoins éventuels pour les forces américaines. Quelle que soit importance presque nulle de l'armée, il pense que appoint de la flotte aurait même en proportion modérée de l'importance. Grey attribue grande importance à un troisième point. Il dit que Etats Unis sont seule Puissance sur laquelle Allemagne peut compter pour relever après la guerre son état économique. Il dit que cet appoint est pour Allemagne une nécessité qu'aucun autre pays ne pourrait et ne voudrait fournir. D'un autre côté si Amérique ne peut par les armements affecter sérieusement Allemagne, celle-ci ne peut absolument rien contre Amérique inattaquable. Il s'ensuivrait qu'à la paix Allemagne serait à la merci à ce point de vue de l'Amérique et pour cette raison il croit que si les Etats Unis abandonnaient la neutralité l'impression en Allemagne serait la plus décourageante qui pourrait s'imposer à elle.

Benckendorff.

---

[1] Имеется в виду нота Германии США и нейтральным державам от 11 мая/28 апр. по поводу гибели «Лузитании». Герм. прав-во, выражая глубокое сожаление по поводу человеческих жертв, связанных с гибелью «Лузитании», отказывалось принять на себя ответственность за случившееся, указывая, что мероприятия Германии явились только ответом на установленную Англией голодную блокаду. Далее в ноте указывалось, что в ответ на предложение Германии прекратить подводную войну, если будет снята голодная блокада. Англия ответила только усилением последней.

Перевод.

Я спросил Грея, считает ли он подлинной недавно опубликованную телеграмму из Берлина, заключающую в себе инструкции германскому послу в Вашингтоне. Грей мне ответил, что это ему кажется вероятным, но что он не имеет никаких официальных сведений. Он мне сказал, что ответ на предъявленные Англии обвинения не представит никаких затруднений. После того, как Грей подтвердил высказанное мною мнение о полной невероятности того, чтобы США признали американские жертвы при гибели «Лузитании» поводом к войне, я его доверительно и частным образом спросил, считает ли он полезным вступление США в войну, — вопрос, который, по моим наблюдениям, разрешался общественным мнением в Лондоне то в положительном, то в отрицательном смысле. Грей мне ответил, что у него этот вопрос не вызывает никаких колебаний: он считает военную помощь Америки весьма полезной. Он сказал мне, что одним из больших затруднений в войне против Германии являются мероприятия, направленные к тому, чтобы помешать снабжению ее продовольствием, — вопрос, который вызывал постоянные трения между Америкой и Англией. Эти трения исчезли бы, и оказалось бы возможным принять меры действительно энергичные и достигающие цели. Грей признает это вопросом первостепенной важности. Во-вторых, он думает, что вопрос об американских поставках военного снаряжения не только не станет труднее, как это полагают, но станет гораздо более легким, так как выработка в Америке, не встречая более препятствий, должна увеличиться и во много раз превысить возможные потребности американских сил. Хотя армия и не имеет никакого почти значения, он полагает, что поддержка со стороны флота, даже в ограниченном размере, имела бы значение. Грей придает большое значение и третьему вопросу. Он указал на то, что США — единственное государство, на которое Германия может рассчитывать, чтобы поднять после войны свое экономическое положение. Эта поддержка, по его мнению, является для Германии необходимой, так как никакая другая страна подобной поддержки не захочет и не сможет оказать. С другой стороны, если Америка не может произвести на Германию серьезного воздействия при помощи оружия, то эта последняя ничего не может предпринять в военном отношении против Америки, совершенно неуязвимой. В результате, при заключении мира Германия окажется с этой точки зрения в зависимости от Америки, и по этой причине он думает, что если США откажутся от нейтралитета, то впечатление в Германии будет самым подавляющим, какое только можно себе представить.

Бенкендорф.

№ 751. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 337. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Reçu votre télégramme No 2170 [1].

Ai communiqué contenu à Nicolson. Très content par cette communication, il me dit qu'elle coïncidait avec télégramme de Marling re-

---

[1] См. стр. 387, прим. 4.

dige en termes moins pressants et ne précisant pas assez but appel troupes russes à Kazvin. S'agit-il de sécurité de légations et nationaux ou de pression sur gouvernement persan. Dans second cas Nicolson appréhende que légation allemande faisant valoir violation territoire persan obtiendrait un avantage qui précipiterait attitude hostile du gouvernement persan — éventualité que le gouvernement britannique met le plus grand prix à éviter, lord Hardinge devenant dans ses télégrammes de plus en plus pressant, à ce sujet. S'il s'agissait de danger imminent et sérieux pour les légations, question se présenterait différemment. Informations précises ont été demandées par Nicolson à ce sujet. Réponse pas encore arrivée. Il me fait observer que télégramme de Etter dénote inquiétude surtout du ministre français, calme du télégramme Marling donne même impression. Il croit le ministre de France plus impressionnable que ses collègues ce qui aurait déjà été observé en circonstances antérieures.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 2170.

Сообщил ее содержание Никольсону. Будучи очень доволен этим сообщением, он мне сказал, что оно совпадает с телеграммой Марлинга, изложенной в менее настойчивых выражениях и не объясняющей точно цель призыва русских войск в Казвин. Идет ли дело об обеспечении безопасности миссий и соответствующих подданных или же об оказании воздействия на персидское правительство. В последнем случае Никольсон опасается, как бы германская миссия, ссылаясь на нарушение неприкосновенности персидской территории, не получила себе преимуществ, которые ускорили бы переход персидского правительства на враждебную позицию, каковой возможности британское правительство стремится всячески избежать ввиду того, что лорд Гардинг становится в своих телеграммах все более настойчивым в этом отношении. Если речь идет о непосредственной и серьезной опасности для миссий, то дело представляется иначе. По этому поводу Никольсоном были затребованы точные сведения. Ответа еще не получено. Он заметил, что в телеграмме Эттера особенно отмечается беспокойство французского посланника; спокойный тон телеграммы Марлинга подтверждает это впечатление. Он думает, что французский посланник более впечатлителен, чем его коллеги: это уже наблюдалось и при предшествующих обстоятельствах.

Б е н к е н д о р ф.

№ 752. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 105. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 103 и 104 [1].

Ввиду усиливающейся в стране пропаганды в пользу сохранения Италией нейтралитета, — пропаганды, влияющей на большинство

[1] См. стр. 437, прим. 1 и 2.

депутатов, могущее голосовать 20[7] мая против Саландры, — послы Согласия признают желательным получить разрешение своих правительств преподать совет итальянскому кабинету поставить депутатов и страну еще до 20 [7] мая в известность о состоявшемся уже факте подписания соглашения Италии с державами Согласия. Послы полагают, что господствующее среди депутатов убеждение, что правительство окончательно еще не связано, является одной из причин шаткости положения, могущей привести (к) тому, что депутаты пойдут на заседание уже с подготовленным решением, изменить которое в последнюю минуту окажется, быть может, трудным [1].

Гирс.

№ 753. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 277 [2]. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Срочная. Личная.

Получил ваш № 2204 [3].

Братиану никаких признаков уступчивости не проявляет и третьего дня вновь повторил французскому посланнику, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы просимые ею границы. До меня дошло сведение, что императорское правительство желало бы предоставить дистрикт Торонталя Сербии и провести границу в Буковине между Серетом и Сучавой. Позволю себе высказать мое откровенное мнение, что подобное наше контр-предложение сделает выступление Румынии невозможным и может даже вызвать в здешнем общественном мнении антирусские чувства, а потому, если мы не придаем значения военной кооперации Румынии, то нам лучше было бы в общих выражениях отклонить румынские требования, признав их неприемлемыми. С другой стороны, если бы мы предоставили Сербии лишь прилегающий к Дунаю и населенный сербами Панчевский дистрикт или одну треть Торонтальского дистрикта и согласились провести границу в Буковине приблизительно, как предла-

[1] Тел. от 14/1 мая за № 2248 Сазонов предписал Гирсу «преподать итальянскому правительству предлагаемый совет» по получении соответствующих инструкций франц. и англ. послами, а за № 2251 он передал в Париж и Лондон текст тел. Гирса.

[2] Опубл. Ц.Р., стр. 186.

[3] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 2204 Сазонов передал Поклевскому содержание своего разговора с Диаманди (см. № 739).

гал Костинеску [1], то положение Братиану сделалось бы весьма трудным, так как мы имели бы на нашей стороне всех здешних благоразумных государственных деятелей и общественное мнение и много шансов за то, что нам удалось бы тогда сломить упорство Братиану. Во всяком случае возможно скорый ответ крайне желателен.

Поклевский.

№ 754. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 212. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Вместе с Марлингом я имел продолжительное совещание с Эйн-эд-Доуле и министром иностранных дел. Министры несколько ободрены результатом вчерашнего своего выступления при закрытых дверях в меджлисе, перед которым высказались в пользу ненарушения нейтралитета и спокойствия и потребовали доверия и свободы действия кабинету. Решительное выступление первого министра увенчалось успехом, но предстоит открытое заседание меджлиса, и он указал нам на необходимость для него заручиться поддержкой обеих миссий. Мы согласились принципиально, предупредив однако, что степень поддержки будет зависеть от образа действий правительства, что просимый аванс во всяком случае не осуществим без возобновления действительного контроля над расходованием и что едва ли допустим проект ретроактивного моратириума [2]. Относительно сбора малиата на Севере я заметил, что не откажусь подвергнуть вопросы обсуждению с Мутамид-эд-Доуле [3]. Он только намекнул на факт пребывания нашего отряда в Казвине. Я накануне довел до его сведения, что вопрос совершенно не будет возбуждаться. В общем здесь заметно некоторое успокоение, вернее временное, но я расположен верить в известную искренность намерений правительства, конечно, только основанную на надежде добыть денег, действительно представляющих собой, кроме вооруженной силы, единственный и, пожалуй, наиболее убедительный аргумент для воздействия на персов.

---

[1] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 274 (опубл. Ц.Р., стр. 185) Поклевский сообщил, что Костинеску, выражая сожаление по поводу отказа России уступить Черновцы, заявил, что, по его мнению, было бы справедливо провести границу «от Бессарабии по Пруту и вслед за Черновцами, оставляя этот город Румынии, повести ее на юго-запад, предоставляя России проживающих здесь подле границы Галиции русин».

[2] Ср. стр. 169, прим. 2.

[3] Очевидно ошибка. Имеется ввиду Мухташим-эд-Доуле.

Положение далеко еще не прочно, и мне казалось бы во всяком случае необходимым представить начальнику Казвинского отряда и подполковнику Прозоркевичу право в случае необходимости спешно вызвать в Персию оставшиеся в Баку две дружины.

Мухташим-эд-Доуле намерен письменно представить миссии желания и просьбы правительства к императорскому и английскому правительствам.

Эттер.

№ 755. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 152. 13 мая/30 апреля 1915 г.

Телеграмма № 2175 [1] получена.

Узнав, что английскому послу было поручено передать здешнему министру иностранных дел официальные поздравления великобританского правительства с благополучным исходом китайских переговоров, я сегодня при свидании с ним, принося ему личные мои поздравления, выразил уверенность, что вы по достоинству оцениваете проявленную им уступчивость, устранившую нежелательный кризис на Дальнем Востоке. Като благодарил за моральную поддержку, оказанную нами японскому правительству за время этих переговоров и отметил с особым удовольствием сочувственное отношение к Японии со стороны русской печати. Я воспользовался благоприятным настроением министра, чтобы заговорить с ним о ружьях, и он, извиняясь, что за последнее время был поглощен китайским кризисом, обещал при первом свидании с военным министром напомнить ему нашу просьбу.

Малевский.

№ 756. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 23. 14/1 мая 1915 г.

Having asked to see Sir E. Grey the Bulgarian Minister in London informed him that the Bulgarian Prime Minister had told His Majesty's Minister in Sofia in reply to question from the latter that Bulgaria desi-

[1] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 2175 Сазонов передал Малевскому тел. Кудашева от 10 мая/27 апр. за № 233 о заявлении япон. военного представителя при ставке по случаю принятия Китаем япон. ультиматума, что «теперь Япония всецело к услугам России».

red both the contested and uncontested zones in Macedonia, as well as Seres, Drama and Kavala.

Sir E. Grey then informed the Bulgarian Minister of the language held by the Bulgarian Prime Minister as recorded in the Aide-Mémoire from His Majesty's Embassy of May 12/April 29 № 19 [1] and observed that the Bulgarian Prime Minister did not seem to have informed the Bulgarian Minister in London that he had told Sir H. Bax-Ironside that Bulgaria would join the Allies if she were assured of these claims. Sir E. Grey stated that nothing had been discussed between the Allies regarding Macedonia apart from the uncontested zone, and that he felt sure there would be great difficulty if the claim to the contested zone were persisted in. He would, however, consult the French and Russian Governments on the question.

The Bulgarian Minister inquired whether in the event of Bulgaria cooperating with the Allies independently of the action taken by Roumania and Greece, the Powers would agree to guarantee her against attack by either of those two countries, and declared he was very anxious she should join us on such terms.

Sir E. Grey would be glad to learn the views of Mr. Sazonow; he presumes it would not be possible to make any promise about the contested zone and that it may not be opportune to press the Bulgarian Government at a moment when Russian troops are retiring in Galicia [2].

Перевод.

Попросив приема у сэра Э. Грея, болгарский посланник в Лондоне сообщил ему, что болгарский премьер-министр сказал посланнику его величества в Софии в ответ на вопрос последнего, что Болгария желает получить как бесспорную, так и спорную зоны в Македонии, а равно Серес, Драму и Кавалу.

Сэр Э. Грей осведомил затем болгарского посланника о том, что сказал болгарский премьер-министр, как это и было передано в памятной записке посольства его величества от 12 мая/29 апреля № 19, и заметил, что болгарский премьер-министр видимо не осведомил болгарского посланника в Лондоне о своем заявлении сэру Г. Бакс-Айронсайду, а именно, что Болгария присоединится к союзникам, если ей будет гарантировано выполнение этих требований. Сэр

---

[1] См. № 735.

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 1356, хранится проект пам. записки м-ва ин. дел от 15/2 мая с пометой: «Non avenu», в которой Сазонов, ссылаясь на англ. пам. записки за №№ 19, 21 (см. №№ 735 и 736) и на публикуемый документ, соглашался с Греем о желательности отложить до более подходящего момента переговоры как с Болгарией, так и с Грецией и признавал невозможным включить в число компенсаций Болгарии спорную зону.

Э. Грей указал, что вопрос о Македонии обсуждался союзниками только в пределах бесспорной зоны и что, по его убеждению, дальнейшие настояния на получение спорной зоны создадут большие трудности. Тем не менее он обсудит этот вопрос с французским и российским правительствами.

Болгарский посланник спросил, согласятся ли державы гарантировать Болгарию от нападения Румынии и Греции в случае, если Болгария окажет содействие союзникам, независимо от позиции, занятой этими двумя странами, и добавил, что он очень желает, чтобы Болгария присоединилась к нам на этих условиях.

Сэр Э. Грей был бы рад узнать мнение г. Сазонова; он полагает, что невозможно давать какие-либо обещания относительно спорной зоны и что было бы несвоевременно оказывать давление на болгарское правительство в то время, когда русские войска отступают в Галиции.

№ 757. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2231 [1]. 14/1 мая 1915 г.

Texte de l'aide-mémoire en date du [14] 1 mai à remettre au gouvernement roumain [2].

«D'ordre de son gouvernement le ministre de Roumanie à Pétrograd a déclaré au ministre des affaires étrangères que la Roumanie, désirant s'associer à la Russie et ses alliés, était prête à attaquer l'Autriche-Hongrie, aussitôt que les Puissances lui assureraient l'acquisition des territoires austro-hongrois auxquels elle aspire [3].

Mr. Sazonow a accueilli cette déclaration avec une sincère satisfaction ayant toujours considéré qu'une entente étroite entre la Russie et la Roumanie répondait entièrement aux intérêts des deux pays voisins et qu'une coopération des armées russe et roumaine devait on ne peut mieux servir à resserrer les liens d'amitié entre les deux peuples. Il n'a pas manqué d'affirmer, en conséquence, à Mr. Diamandi que la Russie et ses alliés appréciaient les dispositions énoncées par la Roumanie et ne manqueraient pas de se montrer à leur tour favorables à la réalisation des voeux que forme le peuple roumain pour la réunion au royaume de ses nationaux habitant l'Autriche-Hongrie.

D'ailleurs, la France et l'Angleterre ont déjà donné des preuves de leurs sentiments envers la Roumanie, — la première en lui facilitant ses armements, la seconde en lui accordant un emprunt sur le marché de

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 186.

[2] Тел. от 14/1 мая за № 2250 Сазонов сообщил Извольскому и Бенкендорфу, что текст этой тел. сообщен им англ. и франц. послам.

[3] Соответствующая пам. записка Диаманди в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

Londres[1]. La Russie, de son côté, a marqué ses dispositions amicales en signant avec la Roumanie l'accord du 1 octobre /18 septembre 1914[2], qui a établi le principe sur la base duquel doit être réglée l'annexion par les parties contractantes des territoires austro-hongrois.

Se conformant à ce principe qui fonde la répartition des territoires en question sur la majorité ethnique, le gouvernement impérial croit devoir esquisser la ligne suivante qui, en thèse générale et sauf quelques rectifications de détails, pourrait servir à indiquer les futures acquisitions de la Roumanie.

Partant de la frontière roumaine actuelle près de la localité de Botouchanitza, cette ligne rejoindrait, un peu au nord de Hadic, la Suczava, et remonterait ensuite le cours de cette rivière jusqu'à Szipot, d'où elle continuerait à peu près en ligne droite jusqu'à la frontière actuelle de la Transylvanie au sud de Borsa. Suivant de là cette frontière jusqu'à Guttin, la ligne de délimitation se dirigerait ensuite vers l'ouest en passant un peu au sud de Nagy-Banya et, après avoir atteint le Szamos, irait presque droit au nord-ouest sur Tisza-Ujlak pour longer ensuite la Tisza jusqu'à Vasaros-Nameny. Depuis cette localité la future frontière roumaine suivrait la ligne indiquée dans la notice que Mr. Diamandi a remise à Mr. Sazonow[3] jusqu'à l'embouchure de la Maros dans la Tisza. De là elle devrait suivre la Maros à peu près jusqu'à Pecska pour se diriger ensuite vers le sud-sud-est en laissant Temesvar et Bela-Crkva à la Serbie et, après avoir rejoint le Danube près de Bazias continuerait en descendant ce fleuve jusqu'à la frontière actuelle de la Roumanie.

La ligne ainsi tracée englobe de vastes territoires comprenant toutes les régions où la population roumaine est en majorité et même en plus, certaines parties du pays habitées surtout par d'autres nationalités que les Puissances sont cependant disposées à inclure dans la part qui doit revenir à la Roumanie pour donner à la frontière une meilleure configuration.

Mr. Sazonow aime à croire que, de son côté, le peuple roumain chez qui le sentiment national est si developpé, comprendra mieux que tout autre l'obligation morale pour la Russie et pour la Serbie de se réserver les territoires où leurs nationaux sont, à leur tour, en majorité, comme c'est le cas en Bukovine Septentrionale et dans le Banat Occidental.

[1] См. т. VI, №№ 626 и 748.

[2] См. т. VI, № 340.

[3] См. № 669.

L'Angleterre, la France et la Russie sont unanimes pour souhaiter d'arriver le plus tôt possible à un accord avec le gouvernement roumain sur les bases indiquées et ont tenu à faire preuve de l'esprit de conciliation qui les anime en vue de la prompte coopération de la Roumanie que Mr. Diamandi a fait entrevoir pour un terme très rapproché». Fin de l'aide-mémoire.

Sazonow.

Согласен.

Царское Село, [14] 1 мая 1915 г.

Перевод

Текст памятной записки от 14/1 мая, которая должна быть вручена румынскому правительству:

«По распоряжению своего правительства румынский посланник в Петрограде заявил министру иностранных дел о том, что, желая присоединиться к России и ее союзникам, Румыния готова выступить против Австро-Венгрии, как только державы гарантируют ей приобретение австро-венгерских территорий, на которые она имеет притязания.

Г. Сазонов принял это заявление с искренним удовлетворением, потому что всегда считал, что тесное единение между Россией и Румынией вполне отвечает интересам обоих соседних государств и что сотрудничество русской и румынской армий должно, как нельзя лучше, послужить укреплению уз дружбы между обоими народами. Он не преминул подтвердить при этом Диаманди, что Россия и ее союзники ценят высказанные Румынией намерения и не преминут с своей стороны проявить доброжелательное отношение к осуществлению пожеланий румынского народа относительно присоединения к королевству живущих в Австро-Венгрии его единоплеменников.

Впрочем, Франция и Англия уже дали доказательства своих чувств по отношению к Румынии, первая, оказывая помощь в деле вооружения, а вторая — предоставлением ей займа на лондонском рынке. Россия с своей стороны проявила свое дружеское отношение, подписав с Румынией соглашение 1 октября/18 сентября 1914 г., коим устанавливался принцип, на основании которого должно быть урегулировано аннексирование договаривающимися державами австро-венгерских территорий.

Придерживаясь этого принципа, в силу которого разграничение вышеупомянутых территорий должно основываться на принципе этнографического большинства, императорское правительство считает нужным наметить следующую линию, которая в основном и за исключением некоторых мелких поправок могла бы определить будущие приобретения Румынии.

Начинаясь у нынешней границы Румынии близ местечка Ботушаницы, линия эта доходила бы несколько к северу от Гадика до Сучавы, следовала бы затем по течению этой реки до Шипота, откуда прошла бы почти по прямой линии до нынешней границы Трансильвании к югу от Борши. Следуя дальше вдоль этой границы до Гуттина, пограничная линия направилась бы затем к

западу, проходя немного южнее Надь-Баньи и затем, дойдя до Самоша, пошла бы почти прямо к северо-западу на Тисса-Уйлак; затем вдоль Тиссы до Вашарош-Намени. Отсюда будущая граница Румынии шла бы до впадения Мароша в Тиссу по линии, указанной г. Диаманди в записке, которую он вручил г. Сазонову. Оттуда она должна была бы пройти по Марошу приблизительно до Пейчки, а затем направиться на юг — юго-восток, оставив Темешвар и Белую Церковь Сербии, и, достигнув затем Дуная близ Базиаша, спуститься по этой реке до нынешней границы Румынии.

Проведенная таким образом линия охватывает обширную территорию, в состав которой входят все области, где румынское население составляет большинство, и даже, сверх того, некоторые части страны, населенные преимущественно другими национальностями, которые тем не менее державы готовы включить в предназначенную Румынии часть для того, чтобы придать границе лучшие очертания.

Г. Сазонов надеется, что румынский народ, в котором так развито национальное чувство, с своей стороны лучше, чем кто-либо другой, поймет, что Россия и Сербия нравственно обязаны оставить за собой территорию, где их соплеменники составляют в свою очередь большинство населения, как это имеет место в Северной Буковине и в Западном Банате.

Англия, Франция и Россия единодушны в своем стремлении возможно скорее прийти к соглашению с румынским правительством на указанных основаниях и старались показать одушевляющее их желание сговориться, в целях скорейшего сотрудничества Румынии, которого, как это указал г. Диаманди, можно ожидать в ближайшем будущем». Конец памятной записки.

Сазонов.

№ 758. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2235 [1]. 14/1 мая 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

За № 2231 [2] вам сообщается текст памятной записки от сего числа, которую благоволите передать румынскому правительству в ответ на сделанные им здесь через Диаманди предложения. Как вы увидите, несмотря на почти ультимативный оттенок румынских требований, признанных нами и нашими союзниками совершенно неприемлемыми, ответ наш составлен в дружественных выражениях и примирительном духе. Предлагаемое нами разграничение отдает Румынии не только все земли с преобладающим румынским населением, но даже и значительные области, населенные почти сплошь венгерцами, сербами и отчасти даже русскими.

Военное сотрудничество Румынии было бы несомненно встречено у нас с удовольствием, и я попрежнему придаю значение налажению ме-

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 188.

[2] См. № 757.

жду Россией и Румынией прочных добрососедских отношений, но нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими соплеменниками и справедливыми чаяниями союзного нам сербского народа только потому, что Братиану вздумалось широко очертить вожделения Румынии, которая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях. Образ действия Братиану начинает внушать подозрение, что он нарочно предъявляет заведомо неприемлемые требования, чтобы сделать соглашение с нами невозможным и уклониться от войны, свалив вину за неуспех переговоров на нас. Если это предположение подтвердится, нам не останется ничего другого, как огласить то, что мы были готовы предоставить Румынии, дабы общественное мнение страны решило, прав ли был Братиану, чрезмерной притязательностью оттолкнув державы и помешав осуществлению румынских народных пожеланий.

Сазонов.

№ 759. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 2236. 14/1 мая 1915 г.

№ 152 [1].

Считаем нужным, чтобы вы более настойчиво добивались как у министра иностранных дел, так и у военных сфер благоприятного решения вопроса об уступке нам винтовок и патронов [2]. Вы могли бы при этом использовать проявленное нами дружелюбное отношение к Японии отказом поддержать представления американского правительства, о чем я вам телеграфировал за № 2165 [3].

Сазонов.

№ 760. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 345 [4]. 14/1 мая 1915 г.

Copie Paris.

Reçu télégramme No 2225 [5].

---

[1] См. № 755.

[2] Тел. от 17/4 мая за № 161 Малевский сообщил Сазонову после свидания с Като: «Оценивая положение этого вопроса с точки зрения здешнего и в особенности настоящего момента, обязываюсь выразить опасение, что проявление с нашей стороны большей настойчивости в щекотливом деле о ружьях может подать японцам повод предъявить нам какие-либо неожиданные и совершенно неприемлемые требования в обмен за испрашиваемую услугу».

[3] См. № 725.

[4] Печатается с черновика, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[5] См. № 748.

Ai communiqué à Grey traduction du contenu [1].

Grey me dit partager entièrement votre point de vue. Il télégraphie à Rodd vos instructions à Giers. Il instruit Rodd de dire à Sonnino qu'il était persuadé que Sonnino éprouvait lui même les impressions que vous exprimez et qu'il mettrait, le cas échéant, Giolitti au fait de ce qu'en pensaient les Puissances de l'Entente. Grey rappelle dans son télégramme les conditions dans lesquelles il [accord] a été conclu. Aucune pression n'a été exercée sur l'Italie par les trois Puissances, c'est l'Italie qui, de sa propre et libre initiative, est venue par l'organe d'Impériali offrir sa coopération en posant ses conditions. Un accord de coopération conclu sous de pareils auspices de liberté d'action [2] offre seul de sûres garanties non seulement pour la fin de la guerre, mais pour des rapports d'amitié futurs. Si, par contre, l'Allemagne et l'Autriche ont fait des contre-propositions, elles leur ont été extorquées par la force des circonstances sous pression de la nécessité [3], sous menace de guerre. Il appartient au gouvernement italien d'apprécier dans quel esprit ces concessions allemandes et autrichiennes ont dû être faites et, par conséquent, de juger de la solidité des garanties qu'elles offrent et de ce qu'elles présagent pour l'avenir des relations entre l'Italie et ces deux Puissances.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил телеграмму № 2225.

Сообщил Грею содержание ее в переводе.

Грей мне сказал, что вполне разделяет вашу точку зрения. Он передает по телеграфу Родду ваши инструкции Гирсу. Он дает указание Родду сообщить Соннино, что, по его убеждению, Соннино сам находится под тем же впечатлением, что и вы, и что в случае надобности он ознакомит Джиолитти с точкой зрения держав Антанты по этому вопросу. Грей напоминает в своей телеграмме об условиях, при которых он [договор] был заключен. Никакого давления со стороны трех держав на Италию оказано не было, Италия сама, по своему собственному и свободному почину, обратилась через посредство Империали с предложением своего сотрудничества, выставив свои условия. Соглашение о сотрудничестве, заключенное в таких условиях свободы действий, может уже само по себе представить верные гарантии не только в деле окончания войны, но и для будущих дружественных отношений. Если, с другой стороны, Германия и Австрия сделали контрпредложения, то последние были у них исторгнуты силой обстоятельств под давлением необходимости и под угрозой войны. Итальянскому правительству надлежит оценить, в каком духе могли быть сде-

[1] Слова «Reçu... contenu» в лит. копии м-ва ин. дел отсутствуют.

[2] Слова «de liberté d'action» в лит. копии м-ва ин. дел отсутствуют.

[3] Слова «sous pression... nécessité» в лит. копии м-ва ин. дел отсутствуют.

*

ланы германские и австрийские уступки, и сообразно с этим вывести заключение о прочности предоставляемых ими гарантий, а также о том, что они предвещают для будущих отношений между Италией и этими двумя державами.

Бенкендорф.

№ 761. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 106. 14/1 мая 1915 г.
Срочно.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 103 [1] и 104 [2].

Начальник кабинета министра иностранных дел, посетив советника посольства, просил его передать мне, что, ввиду отставки кабинета, последний не может дать разрешения итальянскому военному агенту подписать военную конвенцию с нами [3] и не может указать мне, когда Италия будет готова к выступлению. По соглашению с французским посланником и со мною, Родд от общего нашего имени обратился с частным письмом к генеральному секретарю, прося разъяснения нам смысла отставки кабинета — непосредственно министром иностранных дел или чрез генерального секретаря [4].

Гирс.

№ 762. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 4. 14/1 мая 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретною телеграммою моею от вчерашнего числа [5] я имел честь доложить вашему высокопревосходительству, что в среду 12 мая/29 апреля посланники французский, английский и я сделали швед-

---

[1] См. стр. 437, прим. 1.

[2] См. стр. 437, прим. 2.

[3] При письме от 14/1 мая (опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 19) Кудашев препроводил Савонову проект военной конвенции с Италией, выработанный в ставке, и между прочим, писал следующее: «Сегодня очень всех взволновало известие, полученное Лагишем о министерском кризисе в Риме. Неужели это способно все повернуть назад? Это было бы фатально, так как только образованием коалиции, в которой участвовало бы по возможности больше государств, возможно осилить Германию. А потому я глубоко убежден, что всякие жертвы дешевы для создания коалиции, особенно когда жертвы берутся за счет еще незавоеванных неприятельских земель».

[4] Тел. от 15/2 мая за № 109 Гирс сообщил, что, по словам Соннино, кабинет подал в отставку, не будучи уверен в парламентском большинстве в связи с продолжающейся агитацией Джиолитти. В качестве личного мнения Соннино заявил англ. послу, что «всякое новое министерство должно будет считаться с соглашением Италии с державами Согласия как с актом, не подлежащим изменению, а следовательно, и обязательным для нас».

[5] Тел. за № 144.

скому министру иностранных дел совместное словесное заявление, возобновляющее нашу тождественную ноту от 6 августа /24 июля 1915 года [1], коею Швеции обеспечивается, в случае соблюдения ею нейтралитета, территориальная неприкосновенность и полная независимость как на время настоящей войны, так и в будущем.

Г. Валленберг ответил нам в свою очередь следующими вполне определенными заявлениями:

Швеция никогда не думала и не думает вмешиваться в настоящую войну; сам он, — пока занимает пост министра, — никогда не согласится на подобное вмешательство; наши ноты от 6 августа [24 июля] составляют драгоценное достояние для политики шведского правительства и всегда у него на виду; поэтому он недоумевает, почему именно мы нашли нужным снова их ему напомнить?

Английский посланник и я ответили министру иностранных дел, что настоящий шаг наших правительств вызван теми явлениями тревоги в Швеции и теми выступлениями шведского правительства, о которых мы оба столь подробно беседовали с Валленбергом за последние дни. Г. Валленберг воспользовался этими словами нашими, чтобы снова и категорически опровергнуть то значение, которое придано было у нас шведскому выступлению в Риме [2].

Французский посланник не получил за все это время никаких тревожных запросов, ниже инструкций от своего правительства, кроме телеграммы, пришедшей во вторник 11 мая [28 апреля], и дозволявшей ему присоединиться к предписанному мне и г. Говарду шагу; он воспользовался этим и в своем ответе приписал беспокойство правительства Республики, между прочим, и тому, что наши заявления от 6 августа [24 июля] доселе не были опубликованы в Швеции. Но Валленберг уклонился от прямого ответа на этот намек, сказав, что у него были крайне серьезные причины, — и именно в смысле охранения строгого нейтралитета Швеции, — дабы не опубликовывать нашей ноты, несмотря на то, что это она дает драгоценное оправдание его собственной политики.

Мы согласились перед нашим посещением министра иностранных дел не подымать прямо вопроса об обнародовании наших заявлений, опасаясь, что г. Валленберг снова обратится через нас к нашим правительствам с просьбою не предавать гласности нашей ноты и

[1] В оригинале ошибка. Следует читать: «1914 г.» (см. т. VI, ч. 1, стр. 51, прим. 3).

[2] См. № 622.

наших возобновленных заверений. Поэтому мы ограничились вышеприведенными намеками и ожидаем новых инструкций прежде, нежели предлагать Валленбергу, чтобы шведское правительство само опубликовало наши успокоительные заверения.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 763. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 281. 14/1 мая 1915 г.

Срочная. Лично.
Весьма доверительно.

Несколько дней тому назад Костинеску просил Барклая запросить частным образом, может ли румынское правительство вновь занять у Англии 5 000 000 фунтов [1]. Получив неблагоприятный ответ, Барклай сегодня частным же образом посоветовал Братиану не возбуждать вопроса о займе, пока Румыния не будет находиться в активной кооперации с Тройственным согласием. Братиану выразил сожаление по поводу такого ответа, сказав, что всем хорошо известно, что Румыния не пойдет против Тройственного согласия, а между тем отсутствие денег у румынского правительства несколько задержит здешние военные приготовления. Далее Братиану вновь повторил моему английскому коллеге, что границы Тиссы и Прута составляют условия «sine qua non» активного выступления Румынии и объяснил, что обладание Землином обеспечит Сербии господство над лежащим к востоку от Тиссы побережьем Дуная и что допущение сербов по сю сторону Тиссы повело бы в будущем к бесконечным трениям между Румынией и Сербией, так как последняя, несомненно, старалась бы распространить свои притязания на прилегающую румынскую территорию, в коей имеются сербские поселения. Братиану добавил, что никакие настояния, ни давления со стороны других румынских государственных деятелей не заставят его изменить выставленные им требования и что активное выступление Румынии немыслимо, если этому противится Братиану, все равно, будет ли он находиться у власти или нет. Братиану указывал также на важное военное и политическое значение кооперации Румынии и жаловался на то, что итальянское правительство недостаточно его осведомляло о ходе его переговоров с Тройственным согласием. Если [бы] не это последнее обстоятельство, то, по его словам, выступление Румынии состоялось бы с выступлением Италии, и тогда примеру этих двух стран немедленно

[1] См. т. VI, №№ 626, 748.

последовали бы Болгария и Греция, и при таком общем сдвиге нейтральных государств на сторону держав Тройственного согласия сильная ныне в Италии партия, которая противится войне, потеряла бы всякое влияние.

Поклевский.

№ 764. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 153. 14/1 мая 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

Китай.

На вопрос мой, справедливы ли слухи, что в предстоящем японо-китайском договоре будут секретные статьи, Като мне ответил, что будет одна в форме не подлежащего опубликованию протокола, коим китайское правительство обяжется представлять на предварительное одобрение японского консула полицейские постановления и налоги, подлежащие применению к японским подданным в Южной Манчжурии. Китайцы находят для себя обидным включить такое обязательство в открытую конвенцию.

Малевский.

№ 765. Записка Завриева, представленная российским послам в Лондоне и Париже Бенкендорфу и Извольскому [1].

Май 1915 г.

С первых же дней настоящей войны российские армяне ожидали вовлечения в нее и Турции. Это давало надежду полагать, что по окончании войны армянский вопрос опять будет поставлен на очередь и будет разрешен в окончательной форме. Армяне поэтому не могли безучастно относиться к назревающим событиям, ввиду чего они приняли в них горячее участие.

Кроме большого количества солдат и офицеров регулярных войск, которых армяне, как граждане империи, дали России, ими также организованы (за свой счет и при некоторой субсидии от правительства) отряды добровольцев, заслужившие лестные отзывы от русских

[1] Тел. от 17/4 апр. за № 1721 (Опубл. Р. Аз. Т., стр. 135) Нератов известил Бенкендорфа и Извольского о выезде в Париж и Лондон армянского деятеля Завриева «с целью расположить правительства и общественное мнение в названных странах в пользу осуществления армянских вожделений». Далее Нератов сообщал, что Завриев, «известный министерству с наилучшей стороны», просит ввести его в политические круги и оказать ему покровительство.

генералов за проявленные боевые качества. Число добровольцев, доходящее до пяти тысяч человек, могло быть значительно увеличено, но этому помешал недостаток оружия в военном ведомстве. Ввиду чего наместник его величества на Кавказе приказал временно ограничиться вышеупомянутым числом.

Личным трудом и материальными пожертвованиями армяне приняли горячее участие также в заботах о раненых и больных воинах без различия вероисповедания. Сумма их пожертвований только на последние дела ныне перешла уже за два миллиона рублей.

Из приведенного здесь явствует, что небольшой армянский народ в России (1 700 000) действительно работает по мере своих материальных и физических сил.

Одновременно с такою деятельностью армяне вошли в сношения с наместником Кавказа для выяснения отношений русского правительства к вопросу об автономии Турецкой Армении.

В начале августа 1914 года [1] в письме своем к наместнику его величества на Кавказе его святейшество католикос всех армян заявил о желательности того, чтобы Россия при ликвидации войны гарантировала Турецкой Армении территорию и автономное самоуправление под протекторатом России.

Наместник ответил католикосу письмом [2], где говорилось, что на свой запрос в Петроград по этому поводу он получил ответ от председателя совета министров, что Россия поддержит требования армян в смысле первоначальной программы реформы, предложенной Россией державам летом 1913 г. в Константинополе.

Во время высочайшей аудиенции (без посторонних лиц), данной в Тифлисе государем императором католикосу в ноябре 1914 г. [3], его святейшество изложил надежды армян на то, что его величество согласится даровать автономию Турецкой Армении. Государь император ответил, что полагает, что «армян ожидает светлая будущность и верит, что Армения в будущем не последует примеру Болгарии».

При окончании аудиенции, длившейся около четверти часа, его величество заявил, что «армянский вопрос будет разрешен согласно ожиданий армян по окончании войны, во время переговоров о мире».

Одновременно с работой армян на Кавказе армянские представители

[1] См. т. VI, ч. 1, стр. 183, прим. 2.

[2] Письмо наместника католикосу в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] Составленная в м-ве ин. дел записка об аудиенции католикоса хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 3484. Содержание ее изложено в публикуемом документе.

в Петрограде находились в постоянных сношениях с министерством иностранных дел. В результате ряда бесед выяснилось, что министерство, хотя еще и не установило окончательной программы по армянскому вопросу, но полагает, что армянам следовало бы удовлетвориться, если б Россия предложила державам:

1. Создание в пределах Турецкой империи Армении, управляемой на автономных началах.

2. Сохранение сюзеренитета Турции, который выражался бы только в утверждении султаном генерал-губернатора, избранного державами, и в сохранении флага. Какое-либо вмешательство во внутренние дела Армении или содержание там турецкого войска было бы не допущено.

3. Протекторат над Арменией со стороны трех держав — России, Англии и Франции.

4. Территорию Армении, которая обнимала бы 6 армянских вилайетов (исключая периферические части на западе и юге, населенные почти исключительно мусульманами) и Киликию с портом на Средиземном море в Мерсине, исключая весь Александретский залив с Юмурталиком.

5. Программу автономии, базированной на первом проекте реформ, предложенном Россией в Константинополе летом 1913 года, с расширениями, которые естественно вытекают из изменившихся общих политических условий. Армянские делегаты согласились с этими основами.

Тогда стало ясным, что этот проект придется защищать самим армянам перед правительствами Англии и Франции, в особенности в части, касающейся присоединения Киликии к шести вилайетам. Надо было также повлиять и на общественное мнение обеих стран. Для этого предположено было послать в Англию и Францию делегатов от армян.

Министерство отнеслось с одобрением к этому предположению армян и обещало свою помощь через посредство своих послов в Лондоне и Париже.

Было однако высказано предположение, что открытая поддержка российских послов могла бы возбудить подозрительность Англии и Франции в отношении роли этих делегатов, особенно в вопросе о Киликии.

На этом основании последовало соглашение с министерством, что делегаты будут действовать, насколько возможно, без видимого вмешательства российских послов. Вмешательство последних может происходить лишь в затруднительных случаях, а также тогда, когда сами послы нашли бы это нужным.

В качестве общей директивы делегатам министерство предложило проводить программу автономии Турецкой Армении, принимая за основание вышеприведенные 5 пунктов.

Сообщая все вышеизложенное вашему высокопревосходительству для сведения, необходимо подчеркнуть, что беседы в Петрограде велись всегда вполне конфиденциально, что они известны только католикосу и ответственным лицам из армян и что министерство не брало на себя формальных обязательств. Но с обеих сторон в беседах чувствовалась искренность, а также убежденность в неизбежности согласованных действий, ввиду доверия друг к другу и веры в общность интересов.

Я. Завриев.

№ 766. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел[1].

15/2 мая 1915 г.

Although not considering that the British and Russian communities at Teheran are in personal danger at the present moment, the British and Russian Ministers have requested the despatch of Russian troops to Enzeli and Resht for the following reasons:

The British and Russian Legations have succeeded in bringing into office a Minister who, given British and Russian support, is probably able to maintain the neutrality of Persia and to frustrate the efforts of Germany and Turkey to embroil Persia against us. But left to itself the Persian Cabinet has no strength. Except for the arrest of a German Consul, the British and Russian have taken no step in reply to the activities of the Germans all over the country. The appearance of Russian troops would show that our patience has its limits and that the Persian Government can count firmly on our support in maintaining its neutrality. There would be no need for the troops to come to Teheran; it would be sufficient to land two or three thousand at Enzeli and from thence to reinforce Kazvin. Mr. Marling is convinced that the appearance of Russian troops would not provoke the Persian Government to abandon its neutrality, but on the contrary prove the earnestness of Great Britain and Russia to assist them in maintaining it; and he adds that a good effect would be produced if the British detachment at Bushire were simultaneously reinforced.

---

[1] Лит. копия.

Sir E. Grey would be glad to learn the views of Mr. Sazonow on the proposal to despatch two or three thousand troops to Enzeli, though he recognizes the difficulty of sparing men for the purpose at the present time. The Government of India is being consulted with regard to the proposal to increase the British detachment at Bushire.

Перевод.

Хотя британский и российский посланники не считают, что английские и русские колонии в Тегеране подвергаются в настоящее время личной опасности, они тем не менее просили отправить русские войска в Энзели и Решт по следующим причинам:

Британской и российской миссиям удалось провести в состав кабинета министра, который при наличии английской и русской поддержки, будет, вероятно, в состоянии сохранить нейтралитет Персии и помешать усилиям Германии и Турции втянуть Персию в войну против нас. Но, предоставленный самому себе, персидский кабинет не имеет силы. За исключением ареста германского консула, англичане и русские не сделали ничего в ответ на проявляемую Германией по всей стране деятельность. Появление русских войск покажет, что наше терпение имеет свои границы и что персидское правительство может твердо рассчитывать на нашу поддержку в деле соблюдения им нейтралитета. Нет надобности, чтобы войска появились в Тегеране, — было бы достаточно высадить две или три тысячи человек в Энзели и оттуда усилить Казвинский отряд. Г. Марлинг убежден, что появление русских войск не побудит персидское правительство отказаться от его нейтралитета, а, напротив, докажет, насколько серьезно Великобритания и Россия хотят ему помочь его соблюсти, и он присовокупил, что хорошее впечатление произвело бы единовременное усиление британского отряда в Бушире.

Сэр Э. Грей был бы рад узнать точку зрения г. Сазонова на предложение отправить двух или трехтысячный отряд в Энзели, хотя он и признает затруднительность расходовать в настоящее время людей с этой целью. Правительство Индии было запрошено по поводу предложения усилить британский отряд в Бушире.

№ 767. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 25[1]. 15/2 мая 1915 г.

Mr. Gennadieff informed His Majesty's Minister at Sofia yesterday that he believes that the policy of cooperating with the Allies will eventually prevail in Bulgaria. He added that he had made a statement to the Council of Ministers advising that step.

Mr. Gennadieff said that Bulgaria must have Kavala though they did not expect to have the contested zone. In view of the fact that any rail-

[1] Лит. копия.

way line constructed from Sofia to Kavala could only be constructed through Seres and Drama, the possession of these latter places was also included in the possession of Kavala.

The present moment was not a good one to negotiate owing to the retirement of the Russian forces in Galicia, but Mr. Gennadieff said he would keep His Majesty's Minister informed as to a suitable moment [1].

Перевод.

Г. Геннадиев сообщил вчера посланнику его величества в Софии, что, по его мнению, политика сотрудничества с союзниками может взять верх в Болгарии. Он добавил, что выступал в совете министров, советуя пойти на этот шаг.

Г. Геннадиев сказал, что Болгария должна иметь Кавалу, хотя она и не надеется получить спорную зону. Ввиду того, что любая железная дорога, построенная от Софии к Кавале, может быть проведена лишь через Серес и Драму, обладание последними пунктами также включается в обладание Кавалой.

Настоящий момент не является подходящим для переговоров ввиду отступления русских войск в Галиции, но г. Геннадиев сказал, что он осведомит посланника его величества, когда подходящий момент наступит.

№ 768. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 2247. 15/2 мая 1915 г.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 338 [2] получена.

Сведения об армянских делах, имеющиеся у французского консула в Солуни, не могут отличаться достоверностью донесений, получаемых нами от кавказских властей и консулов в Персии. Вполне одобряю ваш ответ Никольсону. Нет сомнений, что восстание армян

[1] В ответ на это Сазонов сообщил Бьюкенену 15/2 мая, что он согласен уполномочить росс. посланника в Софии заявить болг. прав-ву, что в случае немедленного объявления Болгарией войны Турции державы готовы, при условии соответствующих компенсаций Сербии и Греции, уступить ей: а) часть Македонии на юг от линии Эгри-Паланка — Кепрюлю — Охрида, включая эти города; б) Кавалу, Серес и Драму и в) Восточную Фракию по линию Энос—Мидия а также оказать ей финансовую и техническую помощь. Тел. от 18/5 мая за № 319 Извольский сообщил, что Делькассе, осведомленный об этом Палеологом, заявил, что «не имея принципиальных возражений против подобного шага, он думает, что таковой окажется более действительным, если он будет сделан после того, как в Софии узнают о выступлении Италии».

[2] См. № 740.

в Ване вызвано резней, а не наоборот, потому что для армян не имело смысла начинать до прихода наших войск движение против превосходных сил курдов и турок [1].

Благоволите вновь указать правительству, при коем вы аккредитованы, на желательность и своевременность обнародования совместного заявления Порте, которое, если даже не произведет на нее должного впечатления, во всяком случае поднимет дух армян, могущих нам быть полезными в борьбе против турок.

Сазонов.

№ 769. Болгарский министр иностранных дел Радославов болгарскому посланнику в Вене Тошеву.

Телеграмма № 791 [2]. 15/2 мая 1915 г.

На № 683.

По этому поводу можете заявить Буриану и Чиршскому, что, по имеющимся у вас сведениям, агитация в Болгарии в пользу выступления против Турции повсеместно усиливается и ставит правительство в крайне трудное положение, так как его обвиняют в чрезмерном туркофильстве. Ввиду этого обстоятельства, старания Тройственного согласия и теперешнего настроения умов в Болгарии вы опасаетесь министерского кризиса. Во избежание возможных осложнений, было бы полезно, чтобы Турция уступила Болгарии линию Энос—Мидия и таким образом отняла у оппозиции самый сильный козырь, который та имеет против правительства; иначе возможна перемена курса.

---

[1] Тел. от 14/1 мая за № 347, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, австро-венг. посол в К-поле Паллавичини, сообщая Буриану, что он несколько дней тому назад считал возможным воздержаться от вмешательства по армянскому вопросу, указывал следующее: «Учитывая политическое значение, которое этот вопрос теперь приобрел, я намерен при ближайшей возможности в самой дружественной форме обратить внимание турецких государственных деятелей на непоправимые последствия, которые повлекут за собой агрессивные действия против христианского населения в Армении». 15/2 мая, сообщая о встрече с Талаат-беем, Паллавичини телеграфировал за № 352: «Я ему сказал, что советую соблюдать осторожность в этом деле, чтобы, преследуя без пользы священников и невинных, не облегчить врагам Турции ее травлю. Талаат-бей соглашался, что несколько тысяч не только курдов, но и турок принимают участие в беспорядках».

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского.

№ 770. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 27. 16/3 мая 1915 г.

His Britannic Majesty's Ambassador at Rome saw the Italian Minister for Foreign Affairs at 5 o'clock on May 14/1. The latter informed him that inasmuch as the conduct of the ex-Prime Minister [1], or at any rate that of his partisans, had continued on precisely the same lines in spite of his promise, after being informed of all the facts, not to interfere with the policy of the Government, the latter had thought it right to give the King the opportunity of entrusting to others the execution of the policy initiated by them. Though therefore others might carry out this policy, he did not admit that the programme could be in any way modified. Though the Chamber had power to refuse the necessary supplies, it had no authority to alter the Government's programme. The mobilisation was continuing meanwhile.

It was reported in Rome that evening that the Prime Minister had been invited by the King to reconstitute the Cabinet and the Ministry was expected to be reconstituted the following day. The Prime Minister had informed the French Ambassador that he would make the retention of the present Minister for Foreign Affairs a condition for remaining in office.

In communicating the above to the Russian Minister for Foreign Affairs, His Majesty's Ambassador has been instructed to inform Mr. Sazonow that His Majesty's Government have no doubt of the loyalty of the Italian Government. They think therefore care should be exercised not to say anything likely to weaken the hands of Sr. Salandra or to create in Italy a feeling of illwill towards the Allies. Should Italy's cooperation be delayed by internal difficulties it would be a misfortune, but so long as there is still a good chance of Italy keeping her word to us it would be disastrous to do anything which might antagonise her.

Перевод.

Посол его британского величества в Риме посетил итальянского министра иностранных дел в 5 часов 14/1 мая. Последний осведомил его, что, поскольку деятельность бывшего премьер-министра или во всяком случае его сторонников продолжается совершенно в том же направлении, несмотря на данное им по ознакомлении со всеми фактами обещание не вмешиваться в политику правительства, последнее признало правильным дать королю возможность поручить

[1] Имеется в виду Джиолитти.

другим проведение начатой им политики. Поэтому, хотя другие, может быть, будут проводить эту политику, но он (Соннино) не допускает, чтобы программа могла быть в чем-либо изменена. Несмотря на то, что палата в праве отказать в нужных кредитах, она не имеет власти изменить правительственную программу. Тем временем мобилизация продолжается.

В тот же вечер в Риме говорили, что премьер-министру предложено королем переформировать кабинет, и ожидают, что министерство будет преобразовано на следующий день. Премьер-министр сообщил французскому послу, что он поставит условием дальнейшего пребывания на своем посту сохранение нынешнего министра иностранных дел.

При доведении об изложенном до сведения российского министра иностранных дел, послу его величества указано сообщить г. Сазонову, что правительство его величества не сомневается в лойяльности итальянского правительства. Оно поэтому думает, что следует позаботиться о том, чтобы ничего не было высказано такого, что могло бы связать руки г. Саландра или вызвать в Италии недоброжелательное отношение к союзникам. Отсрочка сотрудничества Италии из-за внутренних затруднений была бы бедствием, но до тех пор, пока имеются верные шансы на то, что Италия сдержит данное нам слово, большим несчастием было бы совершить что-либо, что могло бы восстановить ее против нас.

№ 771. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 222. 16/3 мая 1915 г.

Для личного вашего сведения.

Телеграммы №№ 2200 [1] и 2210 [2] получены.

Присылка войск для означенной цели едва ли целесообразна и осторожна. При первом известии об их приближении представители враждебных государств немедленно скроются или воспользуются этим обстоятельством, чтобы возбудить против нас и союзников народное недовольство указанием на наши чересчур злонамеренные завоевательные планы. Когда и если воспоследует решение переправить в Персию внушительную силу, придется предварительно вызвать в Тегеран Казвинский отряд, постепенное подкрепление которого ныне же исподволь людьми и особенно артиллерией было бы предусмотрительно. Мои английский и французский сотоварищи вполне разделяют вышеупомянутый взгляд.

Должен повторить, что после многочисленных свиданий с министрами и другими деятелями у меня, как и у Марлинга, мало-помалу укрепляется сознание в искренности намерения настоящего

---

[1] Ошибка в номере, так как № 2200 адресован в Стокгольм, — следует читать № 2206 (см. № 738).

[2] Тел. за № 2210 не обнаружена. Повидимому, имеется в виду тел. без номера от 12 мая/29 апр. (см. № 737).

кабинета. Телеграмма из Исфагани за № 262 [1] это подтверждает. Пока возможно, не следует ставить правительству преграды, а, наоборот, помогать воздействием на прессу, и особенно на членов меджлиса, для чего 500 томанов ежемесячного кредита придется, может быть, несколько повысить. Принимая во внимание затруднения, чинимые ныне последним, я намерен принять соответствующие меры. Едва ли нам следует подражать германцам в деле тайной вербовки сторонников. Более действительной представляется взаимная [2] помощь правительству в счет будущего аванса для покрытия текущих расходов, особенно жалования жандармерии, и, может быть, на некоторую субсидию в пользу населения Керманшаха, по последним слухам окапывающегося для отражения турецкого нашествия.

В заключение прибавлю, что обаяние и авторитет наших слов, конечно, значительно повысился [бы], если бы здесь стало известно, что в Баку сосредоточена внушительная сила, могущая ежечасно быть переброшенной в Персию. Марлинг и даже впечатлительный Леконт также полагают, что подобная угроза из Баку вместе с нашей денежной помощью были бы пока достаточны и более осторожны, а также достойны нас, для противодействия агитации неприятельских миссий.

Записка о финансовых нуждах Персии будет вручена нам, вероятно, завтра, после чего вместе с английским посланником постараюсь установить размер ежемесячных нужд.

Эттер.

№ 772. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2286. 17/4 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 316 [3] получена.

Будучи связаны перед румынским правительством обещанием хранить сентябрьское соглашение в тайне, мы не можем сделать таковое предметом официального сообщения французскому правительству. Но частным образом и весьма доверительно я показал это

---

[1] Тел. от 14/1 мая за № 262 консул в Исфагани Гильдебрандт сообщил о полученной ген.-губ. от перс. прав-ва инструкции поддерживать нейтралитет и бороться с «агитаторами и смутьянами».

[2] Так в оригинале.

[3] Тел. от 16/3 мая за № 316 Извольский передал просьбу Делькассе ознакомить его, в целях поддержки русской точки зрения в Бухаресте, с текстом русско-рум. соглашения «о разграничении будущих приобретений Румынии на основании этнографического принципа». (См. т. VI, № 340).

соглашение французскому и английскому послам. Палеолог весьма точно передаст его содержание в Париж. Благоволите однако обратить самое серьезное внимание Делькассе на необходимость принятия строгих мер, чтобы помешать возможной нескромности, так как огласка означенного соглашения могла бы вызвать очень нежелательные затруднения с Румынией. Я согласился на передачу его в Париж только для личного осведомления одного Делькассе, который не должен сообщать его никому, кроме вас [1].

Сазонов.

№ 773. Министр иностранных дел председателю совета министров Горемыкину.

Письмо № 393 [2]. 17/4 мая 1915 г.

М. г. Иван Логгинович,

Ваше превосходительство письмом от [22] 9 апреля с. г. за № 3561 [3] просили моего заключения относительно докладной записки правления Союза чешских обществ в России от [13 апреля] 31 марта с. г. [4], по вопросу о разрешении Союзу сформировать войско из военнопленных чехов и словаков.

Прежде всего считаю долгом отметить, что удовлетворение ходатайства Союза чешских обществ находилось бы в противоречии с действующим международным правом. Статья 6-я Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. запрещает привлекать военнопленных к работам, имеющим отношение к военным действиям. Статья

---

[1] На оригинале имеется помета карандашом: «[17]4 мая Chambrun переписал у меня текст соглашения [1 октября] 18 сентября. Базили».

[2] Черновик написан рукою Базили; опубл. Кр. арх., т. XXXIII, стр. 21.

[3] Письмо Горемыкина в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] В докл. зап. от 13 апр./31 марта 1915 г. правление Союза чешских обществ в России, указывая на «готовность чешско-словацкого народа помогать славянскому оружию не только пассивно, но и активно», сообщало о своем решении «приложить все старания к образованию чешского войска из военнопленных чехов и словаков для участия их в великой борьбе славянства с германством».

Для осуществления этой цели правление просило росс. прав-во: а) издать акт, «которым было бы принципиально разрешено Союзу чешских обществ в России приступить к созданию чешского войска из военнопленных чехов и словаков»; б) «считать всех вступивших в чешское войско временно русскими подданными, а после объявления самостоятельности Чешско-словацкого государства признать их гражданами оного»; в) не препятствовать «признанию независимости Чешско-словацкого государства»; г) предоставить «правлению Союза чешских обществ в России, в форме займа будущему Чешско-словацкому государству, нужные средства на организацию и содержание чешского войска».

23-я той же конвенции устанавливает, что воюющему запрещено принуждать подданных противной стороны к участию в военных действиях, направленных против их страны.

Далее, сами пленные в случае участия их в военных действиях против наших врагов не будут признаваться ими за комбатантов и, если окажутся в их руках, будут подвергаться всей строгости кар за государственную измену. Едва ли желательно, чтобы правительство наше введением в состав нашей армии таких неполноправных, с точки зрения законов войны, элементов взяло на себя ответственность за могущие пасть на них тяжкие последствия.

Ввиду сего я признавал бы нежелательным организацию частей из военнопленных и особенно с приданием им русских офицеров. В крайнем случае, по моему мнению, возможно было бы допустить образование самими чехами и словаками без прямого участия наших властей отрядов, в состав которых разрешено было бы поступать военнопленным исключительно за собственный риск и страх. Я естественно не берусь судить, представляют ли подобные отряды военную ценность, и возможно ли их использование.

Что же касается предложения Союза чешских обществ, чтобы императорское правительство ныне же заявило о признании им будущей чешской независимости, то освободительные задачи, исторически преследуемые Россией в отношении славянских народов, в достаточной мере всем известны. В виды нашего правительства не может однако входить связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вожделений чехов, так как никакие политические интересы наши не дают основания нам стеснить подобными заявлениями нашу свободу действий в будущем.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 774. Поденная запись министерства иностранных дел[1].

17/4 мая 1915 г.

Посетивший министра иностранных дел итальянский посол прочел телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, который, сходясь в этом отношении с Поклевским[2], выражал опасение, что русская памятная записка[3] произведет дурное впечатление в Румынии, и

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 14.
[2] См. № 784.
[3] См. № 757.

потому советовал своему правительству убедить С. Д. Сазонова воспользоваться остающимися двумя днями до возвращения Братиану для того, чтобы остановить передачу означенной памятной записки и ограничиться простым заявлением о неприемлемости румынских притязаний [1]. Сам маркиз Карлотти не разделял мнения барона Фашиотти и только сообщил содержание его телеграммы, не настаивая на принятии изложенного в ней совета.

Вместе с тем Карлотти вновь высказал свои личные опасения насчет возможного соглашения между Румынией и Болгарией. Хотя у него и нет определенных данных, позволяющих судить об условиях, на которых могло бы состояться подобное соглашение, ему тем не менее внушает сильное подозрение недавняя поездка в Бухарест генерала Савова.

Министр поведал послу полученные им утром от французского и английского послов сведения [2] о том, что, согласно сообщению, сделанному генеральным секретарем итальянского министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Риме, между Италией и Румынией существовало соглашение, в силу которого выступление обеих стран против Австро-Венгрии должно было состояться одновременно. Посол в свою очередь подтвердил это известие.

Вечером того же дня маркиз Карлотти, встретившись в клубе с бароном Шиллингом, рассказал, что его перед самым обедом посетил румынский посланник, весьма недовольный оборотом, который приняли переговоры с державами касательно выступления Румынии. Диаманди жаловался на то, что ответная нота дает повод думать, что предложение союза исходило от Румынии, тогда как на самом деле у него, Диаманди, есть доказательства, что уже с июля месяца Россия сама призывала Румынию к общим действиям против Австро-Венгрии. Затем, решительно отвергая возможность для Румынии согласиться на предложенные ныне Россией границы, Диаманди говорил, что, по его мнению, главное было бы вызвать скорейшее выступление Румынии. Au lieu de cela on fait maintenant de la littérature diplomatique et le temps passe [3].

[1] Тел. от 15/2 мая за № 282 Поклевский сообщал, что вследствие отсутствия Братиану он сможет передать ему содержание тел. Сазонова от 14/1 мая за № 2231 (см. № 757) только 17/4 мая.

[2] Имеются в виду пам. записки франц. и англ. посольств в Петрограде от 17/4 мая, хранящиеся в Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 554.

[3] «Вместо этого занимаются теперь дипломатической литературой, а время проходит».

Карлотти сознался, что в этих последних словах, как ему показалось, звучала некоторая досада на промедление из-за опасения Диаманди, как бы, если не удастся добиться от России желаемого теперь, что австро-германцы подступили под самый Перемышль, то впоследствии, в случае улучшения военного положения, Россия тем менее согласится на нынешние румынские притязания. Диаманди сетовал также, по словам Карлотти, на создавшуюся дипломатическую обстановку, при которой Франция и Англия, вместо того, чтобы поддержать Румынию, тесно сплотились с Россией, благодаря чему Румынии приходится чувствовать свою зависимость от воли трех великих держав.

Вообще, румынский посланник казался попеременно то весьма раздраженным, то разочарованным и упавшим духом. Маркиз Карлотти старался доказать своему собеседнику необходимость считаться с условиями времени и удовольствоваться достижимым. Он подчеркивал то обстоятельство, что ответ С. Д. Сазонова на румынские притязания открывает дверь дальнейшим переговорам, а потому советовал Диаманди не обострять положения, а напротив того, убедить Братиану добровольно пойти на неизбежные уступки.

На вопрос барона Шиллинга, какие у него имеются сведения о заключенном, будто бы, между Румынией и Италией соглашении касательно совместного выступления, маркиз Карлотти ответил, что он на этот счет весьма мало осведомлен. В одной из своих телеграмм к нему Соннино ссылался на подобное соглашение, будто бы, заключенное еще в сентябре минувшего года, но ни словом не обмолвился о содержании соглашения. С другой стороны, Диаманди однажды сказал маркизу Карлотти, что, по его сведениям, румынское и итальянское правительства согласились в минувшем ноябре по возможности приурочить возможное выступление против Австро-Венгрии к одному сроку и обязались во всяком случае взаимно уведомить друг друга о предстоящем своем выступлении не позже как за 5 дней до последнего.

№ 775. Поверенный в делах в Сербии[1] министру иностранных дел.

Телеграмма[2]. 17/4 мая 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 568[3].

По словам Пашича, верховная команда так же, как и он сам, надеется, что Италия выступит, и в этом случае сербские военные дей-

[1] См. стр. 369, прим. 3.

[2] Номер отсутствует.

[3] Тел. Штрандтмана за № 568 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

ствия будут согласованы с общим планом союзников; в случае же невыступления Италии сербы всетаки намерены перейти пограничные реки, лишь только состояние воды это позволит, вероятно, около [2 июня] 20 мая. Из беседы с Пашичем выношу однако впечатление, что до выяснения положения Италии сербы будут (кол)ебаться в своей решимости начать энергичное выступление.

Штрандтман.

№ 776. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 527. Кяхта, 17/4 мая 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 525 и 526 [1].

Привожу установленный на частных свиданиях с китайскими и монгольскими делегатами текст отдельной ноты об амнистии, которую китайские делегаты передадут мне на китайском языке с французским переводом и монгольские делегаты на китайском языке с монгольским переводом в день подписания тройного соглашения.

«Нижеподписавшиеся уполномоченные Китайской республики на тройных переговорах в Кяхте, надлежаще на то уполномоченные, приступая к подписанию тройного соглашения от сего числа касательно автономной Внешней Монголии, имеют честь заявить от имени своего правительства его превосходительству господину Миллеру, императорскому российскому уполномоченному на тройных переговорах в Кяхте, нижеследующее:

Со дня подписания настоящего русско-китайско-монгольского соглашения правительство Китайской республики объявляет полную амнистию всем монголам, изъявившим покорность автономному правительству Внешней Монголии, а также предоставляет попрежнему всем монголам как Внешней, так и Внутренней Монголии свободно проживать и передвигаться в упомянутых местах.

Правительство Китайской республики не будет препятствовать монголам совершать религиозные паломничества в Ургу на поклонение его святейшеству Богдочжебцзун-Дамба хутухте, хану Внешней Монголии.

Нижеподписавшиеся пользуются настоящим случаем, чтобы возобновить господину императорскому российскому уполномоченному уверения в своем глубоком почтении».

[1] В тел. от 17/4 мая за №№ 525 и 526 сообщались исправленные тексты отдельных статей тройного соглашения, уже окончательно согласованные для подписания.

Я отвечу китайским делегатам по-русски с французским переводом следующим образом: «Нижеподписавшийся императорский российский уполномоченный на тройных переговорах в Кяхте имеет честь подтвердить их превосходительствам господам Би Гуй-фану и Чен-лу, уполномоченным Китайской республики на тройных переговорах в Кяхте, получение им ноты от сего числа следующего содержания (полный текст вышеприведенной ноты без комплимента)».

Комплимент тот же, что и в китайской ноте.

Монголы ответят в той же вышеприведенной форме, что и я, по-монгольски с китайским переводом. Таким образом отдельная нота будет на 4-х языках: китайском, русском, французском и монгольском.

Ходатайствую перед вашим высокопревосходительством об утверждении текста ноты, окончательно согласованной всеми тремя сторонами [1].

Миллер.

№ 777. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

*/. № 170. 18/5 мая 1915 г.

Par un télégramme en date de ce jour, son excellence Mr. Delcassé a exposé à Mr. Paléologue une solution conciliante des difficultés que soulève, entre le gouvernement russe et le gouvernement roumain, la détermination des territoires qui devraient être attribués à la Roumanie après la guerre.

Il semble à son excellence Mr. Delcassé que les intérêts dont le gouvernement impérial a mission d'assurer la sauvegarde en Bukovine, seraient transactionnellement sauvegardés par l'adoption du Sereth comme frontière de la Russie et de la Roumanie. Des sources du Sereth, la ligne frontière irait aboutir à Nagy Banya et se continuerait ensuite selon le tracé indiqué dans la note russe du 14/1 mai [2].

En ce qui concerne le Banat de Temesvar, il semble également à son excellence Mr. Delcassé que les intérêts légitimes de la Serbie et, spécialement la protection stratégique de Belgrade, seraient satisfaits, si la limite méridionale du district de Torontal était adoptée comme frontière future de la Roumanie et de la Serbie.

---

[1] Тел. от 18/5 мая за № 2297 Сазонов одобрил все исправления в тексте соглашения, а тел. от 19/6 мая за № 2310 он запросил, почему в ноте об амнистии не указано право монголов, перешедших на сторону ургинского хутухты, вернуться на родину, где они будут восстановлены в правах.

[2] См. № 757.

Mr. Paléologue est chargé de faire valoir très amicalement, auprès de son excellence Mr. Sazonow, les avantages de cette solution qui respècte les bases principales de l'accord intervenu le 1 octobre 1914 entre le gouvernement russe et le gouvernement roumain.

Si son excellence Mr. Sazonow croyait pouvoir acquiescer à la transaction exposée ci-dessus, Mr. Delcassé agirait, de la façon la plus pressante, sur le Cabinet de Bucarest pour obtenir de la Roumanie l'exécution immédiate de ses engagements.

Перевод.

В телеграмме от сегодняшнего числа его превосходительство г. Делькассе изложил г. Палеологу проект примирительного разрешения затруднений между российским и румынским правительствами в деле определения территорий, которые должны были бы быть предоставлены Румынии после войны.

Его превосходительству г. Делькассе кажется, что интересы, охрану которых императорское правительство призвано обеспечить в Буковине, были бы уже ограждены признанием р. Серета будущей границей между Россией и Румынией. От истоков Серета пограничная линия пошла бы до Надь-Банья, а затем продолжалась бы в направлении, указанном в русской ноте от 14/1 мая.

Что касается Темешварского Баната, то его превосходительству г. Делькассе равным образом представляется, что законные интересы Сербии, и в особенности стратегическая оборона Белграда, были бы обеспечены, если бы южная граница Торонтальского округа была принята за будущую границу между Румынией и Сербией.

Г. Палеологу поручено указать самым дружеским образом г. Сазонову на преимущества подобного разрешения вопроса, которое не нарушает главные основы соглашения, заключенного 1 октября 1914 г. между российским и румынским правительствами.

Если его превосходительство г. Сазонов найдет возможным согласиться на изложенные выше условия, то г. Делькассе будет самым настоятельным образом воздействовать на бухарестский кабинет, дабы добиться от Румынии немедленного выполнения ее обязательств.

№ 778. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2307 [1]. 18/5 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 318 [2] получена.

Беседы с армянами носили чисто академический характер. Никакой определенной программы Завриеву указано не было. На его просьбу

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 136.

[2] Тел. от 17/4 мая за № 318 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 135) Извольский, запрашивая, насколько м-вом была одобрена записка Завриева (см. № 765), указывал, что «пункт, касающийся Киликии, кажется мне особенно деликатным, ибо Франция уже заявила нам о своих видах на эту область».

иметь в виду чаяния армян видеть Киликию включенною в пределы будущей армянской области, ему было отвечено, что мы не можем поддерживать такое пожелание ввиду господства в Киликии французских интересов.

Сазонов.

№ 779. Поденная запись министерства иностранных дел[1].

18/5 мая 1915 г.

Не имев возможности лично видеть министра, бельгийский посланник посетил барона Шиллинга, чтобы сделать предписанное ему заявление приблизительно в следующих выражениях: «По сведениям бельгийского представителя в Бухаресте, державы Тройственного согласия не расположены удовлетворить пожелания Румынии, выполнением коих последняя обусловливает свое выступление против Австро-Венгрии. Бельгия, бескорыстно несущая все тяготы нынешней войны и наиболее страдающая от таковой, придает большую цену всему, что могло бы содействовать успеху союзников в их общем деле. Поэтому она позволяет себе выразить надежду, что императорское правительство найдет возможным отнестись, по возможности, благосклонно к пожеланиям Румынии в видах привлечения ее к общим действиям с союзниками».

Передавая вышеизложенное, граф Бюиссере казался весьма смущенным и счел нужным извиниться, что, по поручению своего правительства, позволил себе давать непрошенные советы, быть может, особенно неуместные ввиду того, что они исходят от маленького государства и обращены к России.

Ввиду существующего к Бельгии всеобщего расположения и уважения, заслуженного выказанною ею доблестью, барон Шиллинг нашел нужным успокоить графа Бюиссере насчет впечатления, которое должно произвести на нас его выступление. Барон Шиллинг сказал ему, что в данном случае разница в объеме государств не имеет значения и что подобно тому, как мы уверены в искреннем дружелюбии, подсказавшем Бельгии сделанное посланником заявление, так и он может быть уверен, что мы столь же дружелюбно принимаем его слова. По существу вопроса, барон Шиллинг может от имени министра заявить ему для передачи бельгийскому правительству, что Россия, вполне сознавая необходимость сделать все возможное для подкрепления положения союзников, не теряет из виду значения содействия, которое может представить Румыния. С целью заручиться

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 16.

последним Россия готова самым внимательным образом отнестись к румынским пожеланиям под условием, чтобы последние не шли в разрез с лежащими на России обязательствами по отношению к русскому населению Австро-Венгрии и к неоспоримым правам давнишней и доблестной союзницы держав Согласия — Сербии.

Около 6 часов вечера французский посол попросил министра его принять и, приехав к С. Д. Сазонову, прочел ему полученную им телеграмму, в которой Делькассе, ссылаясь на вероятие отказа Братиану принять намеченную в русском контр-предложении границу, спрашивал, не согласится ли Россия сделать дальнейшую уступку, допустив, чтобы в Буковине границей послужила река Серет, а в Банате Румыния получила Торонтальский уезд. Палеолог приложил все старания, чтобы убедить министра согласиться на это предложение [1]. С. Д. Сазонов обещал дать ответ лишь на следующее утро.

№ 780. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 112. 18/5 мая 1915 г.

При вручении сегодня мною королю кредитивных грамот, его величество удостоил меня частным разговором касательно событий последних дней в Италии. Король высказал, что хотя право объявления войны принадлежит ему, деньги на ведение последней все же дает парламент, с которым нужно считаться. Решение парламента часто зависит от случайностей, предвидеть которые не всегда возможно, тем более, что народные демонстрации не всегда влияют на голосование депутатов. Король высказал однако убеждение, что народное движение этих дней воздействует на парламент и приобретет в нем большинство.

Гирс.

№ 781. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 114. 18/5 мая 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 2284 [2].

Мой французский товарищ утверждает, что будто существует письменное соглашение между Италией и Румынией. Уверенности в этом

[1] См. № 777.

[2] Тел. от 17/4 мая за № 2284 Сазонов запросил Гирса, имеются ли у последнего данные относительно заключенного, будто бы, между Италией и Румынией соглашения об одновременном выступлении против Австро-Венгрии (см. № 774)

у меня нет за неимением у меня положительных доказательств. Несомненно однако, что за все время войны оба государства находились в тесном общении. При проезде моем через Бухарест, итальянский посланник высказал мне, что Румыния связана перед Италией обязательством быть готовой к 15 мая, но при этом Фашиотти усиленно настаивал на необходимости принятия нами румынских требований, что побудило меня заключить, что Италия не так уже уверена в немедленном выступлении Румынии вслед за Италией. По моей просьбе Поклевский передал вам содержание моего разговора с королем Фердинандом [1], жаловавшимся на то, что Италия не предупредила его заблаговременно о подписании ею соглашения в Лондоне. Думаю, что ход военных событий сильно влияет на Братиану, имеющего пока решающее значение в вопросе о выступлении Румынии, о ходе наших переговоров с коей я не осведомлен. Завтра постараюсь выяснить отношения Италии к Румынии.

Гирс.

№ 782. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 171. 18/5 мая 1915 г.

Copies Paris et Londres.

Le gouvernement britannique ne perd pas d'espoir semble-t-il, de faire participer la Grèce au conflit [2]. Il vient, en effet, de charger son représentant à Athènes d'informer le ministre des affaires étrangères grec qu'il s'attend à être saisi officiellement des nouvelles propositions grecques de coopération qui récemment ont fait l'objet d'ouvertures officieuses auprès des Cabinets de l'Entente [3]. Mr. Zographos paraît, toutefois, considérer la question comme enterrée. Il a dit à mon collègue anglais que sa formule qui eut facilité les choses avait été déformée et que d'autres — probablement Romanos — avaient mal représenté ses intentions. Les Puissances, poursuivit-il, ont témoigné si peu d'empressement à donner, fut-ce durant la guerre, leur garantie d'intégrité territoriale que cette répugnance même nous a mis la puce à l'oreille et rend mal aisée la tâche de soumettre désormais une formule quelconque.

и действительно ли в «Corriere della Sera» появилось сообщение о выходе Италии из Тройственного союза.

[1] См. № 666.

[2] 14/1 мая за № 169 Демидов сообщил, что греч. м-р ин. дел заявил официально трем посланникам о решении греч. прав-ва остаться нейтральным.

[3] См. №№ 675 и 699.

Quelque peu portés que soient à mon sens tant le roi et son état-major que le Cabinet actuel, sauf peut être Mr. Zographos seul, à sortir de la neutralité, il n'est pas impossible que les événements favorables qui se déroulent en Italie n'exercent leur influence sur l'attitude de la Grèce dans un esprit d'intervention.

Démidow.

Перевод.

Копии в Париж и Лондон.

Британское правительство, повидимому, не теряет надежды добиться участия Греции в войне. Действительно, оно только-что поручило своему представителю в Афинах сообщить греческому министру иностранных дел, что оно ожидает получить официальным образом новые греческие предложения о сотрудничестве, которые недавно составили предмет официозных выступлений перед кабинетами Антанты. Однако г. Зографос, повидимому, считает этот вопрос устраненным. Он сказал моему английскому коллеге, что его формулировка, которая облегчила бы дело, была искажена и что другие, — вероятно Романос, — неверно осветили его намерения. Державы,—продолжал он,—выказали столь мало готовности дать, хотя бы на время войны, их гарантию территориальной неприкосновенности, что это отрицательное отношение вызвало у нас тревогу и весьма затрудняет задачу представления в будущем какой бы то ни было формулы. Как мало ни склонны, по моему мнению, и король со своим главным штабом и нынешнее правительство, — за исключением, быть может, одного г. Зографоса, — выйти из нейтралитета, не исключается однако возможность, что благоприятные события, развертывающиеся в Италии, окажут влияние на позицию Греции в смысле ее вмешательства (в войну).

Демидов.

№ 783. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 286 [1]. 18/5 мая 1915 г.

Личная. Весьма доверительно.

Получил ваш № 2231 [2].

Я мог только сегодня утром передать Братиану изложенную в вышеупомянутой телеграмме памятную записку, содержание коей произвело на него крайне удручающее впечатление. Во время продолжительного, вполне дружелюбного разговора Братиану высказал следующие соображения. Предложенная нами граница отнимает у Румынии чуть не более половины исконной румынской Буковины и, санкционируя значительные земельные приращения к Румынскому королевству, она всетаки не дает прочного размежевания между Румынией и Сербией и гарантии для спокойного существования будущей

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 188.

[2] См. № 757.

Румынии между ее двумя славянскими соседками. При этом наши новые владения в Буковине берут в тиски часть Молдавии, что породит у Румынии страх за их собственную здешнюю территорию. Вообще Братиану считает, что наш ответ как бы подтверждает мнение наших здешних недоброжелателей в том, что румынские государственные интересы приносятся нами всегда в жертву самому незначительному славянскому интересу, и усилит уже существующую здесь боязнь охвата Румынии славянскими государствами. Братиану сказал, что при этих условиях он лично доложит королю, что он не может взять на себя ответственность за объявление теперь же войны Австрии и что он предполагает со временем оккупировать австро-венгерские провинции с румынским населением, как то предоставлено Румынии соглашением ее с нами от прошлого сентября. Я заметил на это, что помянутое соглашение заключено им лично без ведома короля и нами без ведома наших союзников, что оно вообще носит чисто переходный характер к соглашению о военной кооперации и что только последнее может дать Румынии полные и совершенно бесспорные гарантии для осуществления и закрепления за Румынией ее национального идеала. Братиану выразил тут мнение, что если бы не лойяльность его по отношению к нам и не нежелание вести переговоры на два фронта, то весьма возможно, что оккупирование румынских провинций Австро-Венгрии могло бы состояться даже без войны с Австрией и Германией. Я указал также Братиану, что мы и наши союзники имели полное право рассчитывать на немедленное и без всяких новых условий активное выступление Румынии, и потому здешние теперь столь чрезмерные притязания вполне естественно произвели на нас самое тягостное впечатление и возбудили даже сомнение относительно искренности желания Румынии принять участие в войне. Лично от себя я позволил себе добавить, что представление Братиану более умеренных контр-предложений во всяком случае рассеяло бы указанное сомнение и могло бы этим создать более благоприятную обстановку для обеспечения румынских пожеланий. Мои слова произвели на Братиану некоторое впечатление, и он стал горячо уверять меня в своем искреннем желании принять немедленное участие в общей войне, если ему удастся обеспечить спокойное существование будущей Румынии, и выражал лишь недоумение по (поводу) того, чем мы[1] можем поступиться в своих требованиях, когда лишь полное их осуществление действительно гарантирует интересы Румынии. В заключение он просил передать вашему высокопрево-

[1] Так в оригинале.

сходительству его частный ответ, что наша памятная записка его ошеломила и что он не может отступиться от двух выставленных им условий. В течение разговора у Братиану промелькнула мысль, что он имел в виду вернуть Болгарии Добрич, но что он мог бы отдать ей и Балчик, если Сербия, сохранив Монастырь, отказалась бы от своих притязаний в Банате. Братиану думает, что в случае выступления Румынии Болгария должна последовать ее примеру и удовольствуется тогда, вероятно, линией Вардара. Кроме того, Братиану высказывал мне готовность, если весь Банат будет отдан Румынии, обязаться не укреплять лежащего против Белграда побережья Дуная. Точно не могу сказать, но думаю, что Братиану даст нам также и официальный ответ.

Поклевский.

№ 784. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

°/. Телеграмма № 288. 18/5 мая 1915 г.
Лично.

Получил № 2235 [1].

Считаю долгом доложить, что здешний французский, английский и итальянский посланники, так же, как и я, считаем, что наш ответ румынскому правительству не только не дает нам никаких шансов для успешного воздействия на здешнее общественное мнение, дабы при его посредстве сломить сопротивление Братиану, но, наоборот, оглашение здесь наших условий могло бы создать лишь благоприятную почву для агитации наших противников против нас самих.

Поклевский.

№ 785. Поверенный в делах в Цетинье товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 70. 18/5 мая 1915 г.

Я телеграфирую Трубецкому:

Черногорский посланник в Сербии уведомил свое правительство о сосредоточении на пограничной с Румынией станции Прахово некоторого количества хлеба, дарованного нами Черногории. Сознавая трудности доставки этого груза в Черногорию при нынешних сербских условиях, Пламенац ходатайствует о немедленной отправке... ного количества кукурузы из прилегающих сербских областей. Даль-

[1] См. № 758.

нейшая доставка этого груза в уже испытывающую голод Черногорию будет нами организована тем или иным способом до тяги на людях включительно.

Обнорский.

№ 786. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 36. 18/5 мая 1915 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Получив телеграфное указание вашего высокопревосходительства отметить в разговоре с министром иностранных дел о ружьях проявленное нами дружелюбие к Японии в течение последних японо-китайских переговоров [1], я не преминул при вчерашнем свидании моем с бароном Като подробно остановиться на оказанной нами Японии дружеской услуге. Министр выслушал меня с видимым удовлетворением и сообщил мне, что ему известно из донесений барона Мотоно о данном вами ответе американскому послу [2]. Он просил меня передать вам выражение его искреннейшей признательности как за то, что вы отклонили предложение американского правительства вмешаться в пекинские переговоры, так и вообще за моральную поддержку, оказанную нами Японии в минувшем кризисе.

При этом барон Като посвятил меня в некоторые подробности американского выступления. Оказывается, что еще до обращения в Петроград, Париж и Лондон, после того, как стали известны минимальные требования, предъявленные в Пекине японским правительством, статс-секретарь Брайан вызвал к себе посла Чинда и предупредил его, что Америка предполагает обратиться в Токио с дружелюбным советом не доводить дело с Китаем до обострения и выказать умеренность в предъявленных требованиях. Чинда тогда же ответил Брайану, что подобное выступление федерального правительства, сделавшись известным в Пекине, может иметь действие, обратное добрым намерениям вашингтонского кабинета, так как американские шаги в Токио будут, несомненно, истолкованы китайцами в смысле поощрения их неуступчивости. А между тем Япония твердо решила довести переговоры до конца и от своих минимальных требований не отступится. Федеральный статс-секретарь выслушал японского посла внимательно, но, подумав немного, ответил, что всетаки

[1] См. № 759.
[2] См. № 725.

обратится к нам, англичанам и французам с просьбой поддержать его дружеское представление в Токио об умеренности. Как известно, предложение федерального правительства было отклонено не только у нас, но и в Париже и в Лондоне. Однако американская попытка сделалась известной Пекину, и переговоры сразу приняли неблагоприятный оборот; китайцы стали более несговорчивы и отказывались даже от некоторых обещаний, которые были словесно обусловлены раньше. Обстоятельство это и послужило, по словам барона Като, главной причиной, побудившей японское правительство поторопиться отправкой Китаю ультиматума.

Неуспех американского выступления не вразумил однако вашингтонских дипломатов: статс-секретарь Брайан поручил здешнему американскому представителю сообщить барону Като, что Америка не признает такого соглашения между Японией и Китаем, которое нарушило бы американские интересы или начала равных преимуществ. Такое заявление федерального департамента барон Като отказывается понимать и называет его «impudent» [1]. Япония вовсе не нуждается в каком-либо признании Америкой своего договора с Китаем. С другой стороны, прибавил Като, вашингтонский кабинет был поставлен японским министерством в известность обо всех стадиях пекинских переговоров наравне с прочими заинтересованными державами; между тем в своем письменном заявлении по этому поводу статс-секретарь Брайан, перечисляя на 20 страницах трактаты между Китаем и Америкой, защищающие интересы последней, в конце прибавляет, что Америка не касается прав Японии в Южной Манчжурии, Внутренней Монголии и в Фуцзяне, так как эти области «are contiguous to Japanese territory» [2]. Хотя такая мотивировка и кажется барону Като географически сомнительной, однако он против нее не возражает, раз она приводит к желаемому для Японии результату.

Вообще министр говорил об американской дипломатии не без иронии, отмечая, что в государственном департаменте за уходом Мура не осталось никого, кто бы был осведомлен в дипломатических вопросах и в технике дипломатического дела.

Из его слов я вынес заключение, что последнее американское заявление в Токио считается им не требующим ответа.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

---

[1] «Наглым».

[2] «Являются смежными с японской территорией».

№ 787. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 31 [1]. 19/6 мая 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that Sir E. Grey has received a telegram from Sofia urging the desirability of making a definite written offer to Bulgaria in order that the forces in favour of the three Powers at Sofia may have a lever with which to work.

Sir E. Grey therefore proposes to instruct His Majesty's Minister at Sofia to make a formal communication to the Bulgarian Government. The choice for the moment to make this communication would be left to Sir H. Bax Ironside, who could represent the offer as coming from His Majesty's Government, as was suggested by Mr. Gennadieff (see Aide-Mémoire from His Majesty's Embassy No 26 of May 15/2 [2]). It would be desirable, however, that the French and Russian Ministers should be instructed to associate themselves in the action taken by His Majesty's Minister.

The text of the communication proposed by Sir E. Grey runs as follows:

«In return for the cooperation of Bulgaria against Turkey the Allied Powers agree to the immediate occupation, and possession, by Bulgaria of Thrace as far as the Enos—Midia line. The Allied Powers guarantee to Bulgaria the possession at the end of the war of that part of Macedonia enclosed by the present boundaries of Greece and Bulgaria and by the line Egri-Palanka—Sopot—Ochrida including the towns of Egri-Palanka, Keprulu, Ochrida and Monastir, subject to Servia receiving adequate compensations in Bosnia and Herzegovina and on the Adriatic coast, and to Bulgaria undertaking not to occupy any part of above territory until the conclusion of peace. Lastly the Allied Powers engage to use their influence with the Greek Government to secure the cession of Kavala to Bulgaria. In order to do this they must be in a position to offer Greece adequate compensation in Asia Minor, to obtain which the cooperation of Bulgarian Army against Turkey in Thrace is necessary. The Allied Powers will afford Bulgaria all such financial support as she may require».

Sir G. Buchanan has been instructed to inquire whether Mr. Sazonow

[1] Лит. копия.

[2] См. № 767.

concurs in the terms of the above proposed communication to the Bulgarian Government [1].

Перевод.

Посольство его британского величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что сэр Э. Грей получил телеграмму из Софии, в которой указывается на желательность сделать Болгарии определенное письменное предложение с целью дать действующим в Софии в пользу трех держав силам рычаг, при помощи коего они могли бы работать.

Вследствие этого сэр Э. Грей предполагает дать посланнику его величества в Софии предписание сделать болгарскому правительству формальное сообщение. Выбор момента для этого сообщения будет предоставлен сэру Г. Бакс-Айронсайду, который объяснит, что предложение исходит от правительства его величества, как указывал г. Геннадиев (см. памятную записку посольства его величества № 26 от 15/2 мая). Тем не менее было бы желательно, чтобы французский и российский посланники получили предписание присоединиться к выступлению посланника его величества.

Текст сообщения, предложенного сэром Э. Греем, следующий:

«Взамен сотрудничества Болгарии против Турции союзные державы выражают согласие на немедленную оккупацию и присоединение к Болгарии Фракии вплоть до линии Энос — Мидия. Союзные державы гарантируют Болгарии переход в ее владение по окончании войны части Македонии, расположенной между теперешними границами Болгарии и Греции и линией Эгри-Паланка—Сопот—Охрида и включающей города Эгри-Паланку, Кепрюлю, Охриду и Монастырь, под условием, что Сербия получит соответствующие компенсации в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережьи и что Болгария обязуется не занимать какой бы то ни было части означенной территории до заключения мира. Наконец, союзные державы дают обязательство использовать свое влияние на греческое правительство, дабы обеспечить уступку Кавалы Болгарии. Для того, чтобы иметь возможность это сделать, они должны быть в состоянии предложить Греции соответствующие компенсации в Малой Азии, для достижения чего необходимо сотрудничество болгарской армии против турок во Фракии. Союзные державы предоставят Болгарии всю ту финансовую поддержку, которую она могла бы потребовать».

Сэр Дж. Бьюкенен получил указание запросить, одобряет ли г. Сазонов текст изложенного сообщения болгарскому правительству.

№ 788. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2320 [2]. 19/6 мая 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

По поручению Делькассе французский посол спросил меня, [3] нельзя

[1] Пам. запиской от 19/6 мая Сазонов сообщил Бьюкенену и Палеологу, что он согласен с предложением Грея, и отправил соответствующие инструкции Савинскому (см. стр. 498, прим. 1).

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 190.

[3] См. № 777.

ли найти среднее решение между крайними требованиями румын и моим ответным предложением? При этом Палеолог указал на линию Серета в Буковине и на возможность уступки румынам северо-восточной части Торонтальского округа в Банате. Я ответил, что после моих недавних предложений слово теперь за Братиану, но что если последний сделает мне новое предложение в намеченном смысле, я готов буду вновь доказать нашу сговорчивость и принять примирительное решение на указанной почве. Я подчеркнул однако, что непременным условием такой уступки с моей стороны будет выступление Румынии не позднее 26/13 мая.

Благоволите руководствоваться вышеизложенным в ваших переговорах с Братиану [1].

Сазонов.

№ 789. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 350. 19/6 мая 1915 г.

Copie Paris.

Reçu votre No 2235 [2].

Grey me dit que, d'après ses renseignements, impression de vos contre-propositions à Bucarest n'a pas été satisfaisante. Selon Grey, si réponse de Bratiano est déclinatoire, il faudrait étudier avec soin question de la démarche ultérieure et surtout celle de la publication de nos propositions pour éviter danger que Roumanie ne se retourne du côté allemand. Grey me dit que Delcassé propose rédaction d'autre texte qui pourrait être remis à Bratiano [3]. Il ne voudrait pas exprimer d'opinion avant d'avoir

[1] Тел. от 19/6 мая за № 2321 (опубл. Ц. Р., стр. 190) Сазонов, сообщая Извольскому о своем согласии на предложение Делькассе, на указанных в тел. Поклевскому условиях, выражал пожелание, «чтобы французы облегчили наше положение в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе». В черновике тел., написанном рукою Шиллинга и хранящемся в Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 554, редакция этой фразы была следующая: «Не могу однако не отметить, что, когда осенью германцы наступали на Париж, мы помогли французам не советами уступчивости для приобретения новых союзников, а решительным ударом, нанесенным нами в Восточную Пруссию, хотя таковой и нарушал подготовленный нами общий план военных действий. Теперь мы выдерживаем всю тяжесть австро-германского натиска, а возвещенное наступление французов, повидимому, на второй же день остановилось, нисколько не облегчив нашего положения, и вместо военной поддержки нас только убеждают уступать то Италии, то Румынии».

[2] См. № 758.

[3] См. № 777.

vu ce texte, selon Grey dépendant de la nature des engagements pris par Roumanie envers Italie. Il ne les connaît pas. Entrée en action de l'Italie pourrait exercer influence considérable à Bucarest. Ceci serait à prendre en considération pour ne pas précipiter démarche ultérieure en question. Par rapport aux exigences roumaines opinion Grey est péremptoire. Il attribue une très grande importance à coopération militaire roumaine, mais il ne s'en suit pas que Puissances doivent se soumettre à toutes conditions que Roumanie exige. Il trouve extension roumaine en Hongrie propre dangereuse, comme de nature à prolonger guerre seulement pour satisfaire ambitions roumaines. Roumanie ne se bornant pas comme les trois Puissances à fixer certains points, exige maximum de ses aspirations. Mais Grey dit qu'il n'est pas chargé défendre intérêts hongrois et il accepterait cette partie de programme. Quant à la Serbie, il me dit qu'il n'appuyera pas un projet qui lèse les intérêts serbes dans le Banat et que déjà Serbie devra faire sacrifices à Italie et probablement à Bulgarie, que de lui en imposer encore au Banat serait contraire à toute justice et très mauvaise politique. Je lui ai répondu que j'étais absolument persuadé que son opinion coïnciderait avec la votre.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил ваш № 2235.

Грей мне сказал, что по его сведениям, впечатление, произведенное вашими контр-предложениями в Бухаресте, не было удовлетворительным. Если ответ Братиану будет уклончивым, следовало бы, по мнению Грея, тщательно изучить вопрос о будущем выступлении, и в особенности об опубликовании наших предложений, во избежание опасности, чтобы Румыния не повернулась в сторону Германии. По словам Грея, Делькассе предлагает другую редакцию текста, который мог бы быть передан Братиану. Он, Грей, не желал бы высказывать своего мнения, пока не ознакомится с этим текстом, зависящим, по его словам, от характера обязательств, принятых Румынией по отношению к Италии. Он их не знает. Вступление Италии в войну могло бы оказать значительное влияние на Бухарест. Это следовало бы принять во внимание, чтобы не ускорять дальнейшего выступления по этому вопросу. Что касается румынских притязаний, то у Грея сложилось на этот счет вполне определенное мнение. Он придает очень большое значение военному содействию Румынии, но из этого не вытекает, что державы должны подчиниться всем условиям, которые выставляет Румыния. Он находит расширение Румынии за счет собственно Венгрии опасным и могущим удлинить войну исключительно с целью удовлетворения честолюбивых замыслов румын. Румыния не ограничивается, как это делают три державы, определением некоторых пунктов, но требует удовлетворения максимума своих вожделений. Но Грей говорит, что он не призван защищать венгерские интересы и он принял бы эту часть программы. Что же касается Сербии, то он сказал мне, что не под-

держит никакого проекта, который причинил бы ущерб интересам Сербии в Банате, и что раз Сербии придется приносить жертвы для Италии и, вероятно, для Болгарии, то было бы крайне несправедливо и неполитично налагать на нее жертвы еще в пределах Баната. Я ему ответил, что совершенно уверен в том, что его мнение совпадает с вашим.

Бенкендорф.

№ 790. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 323. 19/6 мая 1915 г.

Палеолог телеграфировал, что вы согласились на границу по реке Серет и на присоединение Торонтала к Румынии. Делькассе сказал мне, что он тотчас предписал французскому посланнику в Бухаресте энергично воздействовать на румынское правительство, дабы склонить его к немедленному принятию этих условий. Он присовокупил, что сделанные вами уступки — максимум того, что Румыния может ожидать от России и что если Братиану ими не удовольствуется, это докажет, что он лишь ищет предлога, чтобы воздержаться от выступления. Делькассе телеграфировал в этом смысле в Лондон и Рим, прося Грея и Соннино поддержать эту точку зрения.

Извольский.

№ 791. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 116. 19/6 мая 1915 г.
Срочная.

Сейчас беседовал с Соннино, которого застал вполне уверенным в успехе правительства. Он полагает, что почти все депутаты, за исключением социалистов, среди которых происходит разлад, будут за войну. Ход, предначертанный правительством, следующий: завтра при открытии парламента Саландра прочтет декларацию, составленную в общих выражениях, и потребует немедленно назначить властью президента парламента комиссию из 15 членов, которой правительство изложит положение дел. Соннино предполагает, что через посредство комиссии успеет представить парламенту отчет в тот же день, и в таком случае решение парламента состоится 21 числа. На следующий день состоится голосование сената, а вслед за сим, то есть 23 или 24 числа, мобилизация будет объявлена.

Гирс.

№ 792. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 117. 19/6 мая 1915 г.
Срочно. Лично.

По отношению к Румынии Соннино выражал некоторые сомнения, приписывая ее нерешимость лично Братиану, относящемуся слишком впечатлительно к военным событиям, не оценивая их временного характера. Министр никогда не разделял общего убеждения в возможности вполне рассчитывать на немедленное выступление Румынии, — убеждения, основанного на одних только обещаниях. Быть может, народное движение, опасаясь замедления, окажется сильнее Братиану. Министр не перестает советовать последнему быть уступчивым в вопросе о сербских вожделениях в Банате. Министр просит, насколько вы признаете только возможным, быть снисходительным в ведении переговоров с Румынией [1]. Он просит вас не терять из виду, что хотя Италия решила воевать без всякого отношения к поведению Румынии, тем не менее выступление последней, помимо бесспорной военной помощи, окажет сильное нравственное влияние на общее настроение Италии.

Гирс.

№ 793. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 118. 19/6 мая 1915 г.
Лично.

Соннино высказал мне доверительно, прося не оглашать этого, что до сих пор Германия и Австрия продолжают делать предложения Италии, видимо стремясь предоставить ей почин разрыва. Еще сегодня после речи Бетмана [2] Италии предложена еще одна новая уступка.

---

[1] В дополнение к этому Гирс тел. от 19/6 мая за № 119 передал, что в ответ на заявление Соннино он сказал следующее: «Мы принесли в переговорах с Италией жертвы, тяжелые для наших славянских чувств, и мы не видим причины вновь жертвовать последними при обстоятельствах, не оправдывающих такого образа действий».

[2] 18/5 мая в день открытия герм. рейхстага Бетман-Гольвег произнес речь, в которой заявил, что Австро-Венгрия согласна сделать Италии следующие территориальные уступки: 1) Италия получит часть Тироля, населенную итальянцами. 2) Италия получит территории, расположенные на западном берегу Изонцо, поскольку они населены итальянцами, а также город Градиску. 3) Триест будет объявлен свободным городом, и в нем будет введено новое управление, обеспечивающее итал. интересы, а также будет основан итал. университет. 4) Австро-Венгрия признает суверенитет Италии над Валоной, а прилегающие к последней территории — итал. сферой влияния. 5) Австро-Венгрия заявляет о своей незаинтересованности в Албании. — О проекте соглашения, предложенном итал. прав-ву см. Oe.-U. Rotbuch, №№ 185, 194.

На мой вопрос, денонсировала ли Италия Тройственный союз, министр доверительно ответил, что это сделано только по отношению к Австрии[1]. Только этой последней и будет объявлена Италией война, несмотря на то, что Германия заявила здесь о своей солидарности с Австро-Венгрией.

Гирс.

№ 794. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 29. 19/6 мая 1915 г.

Сейчас видел председателя совета министров, который мне сказал, что на-днях была сделана Германией новая попытка заключить отдельный мир с Бельгией чрез посредство видного швейцарского политического деятеля, которому было поручено от имени германского правительства сделать следующие предложения: Германия обещает эвакуировать Бельгию и уплатить ей крупное денежное вознаграждение, но, желая сохранить лицо, это вознаграждение должно бы совершиться под видом покупки бельгийского Конго, за которое Германия готова уплатить тройную или четверную его стоимость. Бельгийское правительство отклонило это предложение, причем было отвечено, что никакая сделка не может быть совершена по отношению этой колонии без предварительного согласия Франции, которой договором обеспечено право первой покупательницы[2].

Кудашев.

№ 795. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 234. 19/6 мая 1915 г.

Срочная.

Копия в Тифлис.

Ссылаюсь на телеграммы Гильдебрандта[3].

---

[1] 17/4 мая 1915 г. итал. посол в Вене Аварна заявил Буриану о денонсиации Италией союзного договора с Австро-Венгрией ввиду того, что переговоры между этими двумя странами не привели к удовлетворительному результату (ср. Oe.-U. Rotbuch, № 170, и Il libro verde, № 76).

[2] Имеется в виду ст. 1-я франко-бельг. соглашения от 23/10 дек. 1908 г., согласно которой «бельгийское правительство признает за Францией преимущественное право на свои владения в Конго в случае возмездного отчуждения последних целиком или в части».

[3] Тел. от 19/6 мая (без номера) Гильдебрандт сообщил в м-во ин. дел, что росс. нештатный вице-консул в Кумишэ, директор отделения Учетно-Ссудного банка Кавер был убит «бандой вооруженных людей». В тот же день в тел. за № 272 Гильдебрандт, сообщая подробности убийства Кавера, высказывал свое мнение, что последнее было совершено под влиянием герм. агитации и при попустительстве шведской жандармерии.

Рано утром ко мне явился сын министра иностранных дел с сожалением по поводу гнусного убийства Кавера. Я указал на необходимость более формального шага, вследствие чего Мохтешам-эс-Солтане позднее лично явился в форме и орденах выразить соболезнование от имени правительства. Я обратил его внимание на исключительную важность события и на тяжелую ответственность, падающую на правительство, оставшееся равнодушным к нашим неоднократным требованиям о смене недостойных чиновников и офицеров жандармерии в Исфагани, подпавших под влияние Пюжена и его временного заместителя Цукмейера и турок.

Министр, явно глубоко потрясенный, обещал мне немедленно предписать местным властям принять решительные меры к обеспечению безопасности консульства. Я предупредил Мохтешам-эс-Солтане, что мы, несомненно, окажемся вынуждены предъявить весьма серьезные требования к правительству.

Сегодня же обсужу положение вещей, и, возможно, с Марлингом, — но решаюсь повторить, что всякие наши выступления без реальной поддержки легко могут остаться безрезультатными, что мне кажется совершенно недопустимым. Со всех сторон до миссии доходят слухи о подобных же революционных заговорах в самом Тегеране. Думаю, что немедленное подкрепление отряда в Казвине могло бы предотвратить их развитие.

Был бы благодарен за указание относительно дальнейшего образа действий в случае невыполнения персами требований, которые придется им предъявить. Я не сомневаюсь, что правительство, не чувствуя под собой твердой почвы и сознавая свое бессилие, искренно встревожено и смущено исфаганским убийством.

Имевшее только-что состояться заседание меджлиса для представления полномочий снова отложено.

Эттер.

№ 796. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде—Палеологу и Бьюкенену.

*/.

20/7 мая 1915 г.
Secret.

Si le gouvernement roumain, renonçant à son parti pris d'intransigeance se déclare prêt à négocier sur les bases des contrepropositions faites par le gouvernement impérial le 14/1 mai [1], Mr. Sazonow sera prêt

[1] См. № 757.

à lui accorder de nouvelles concessions dans le sens que suggère son excellence Mr. Delcassé, à savoir [1]:

1) que la future frontière entre la Russie et la Roumanie en Bukovine soit marquée par le Sereth pour continuer des sources de cette rivière jusqu'à Sopot et suivre de là la ligne de délimitation indiquée dans l'aide-mémoire russe du 14/1 mai et

2) que dans le Banat la partie nord-est du Comitat de Torontal soit attribuée après la guerre à la Roumanie [2].

Il est cependant nécessaire que ces concessions soient demandées par le gouvernement roumain lui-même et Mr. Sazonow n'est disposé à les admettre qu'à la condition expresse que la Roumanie entrera en lice le 26/13 mai c-t.

Перевод.

Если румынское правительство, отказавшись от занятой им позиции неуступчивости, заявит о своей готовности вести переговоры на основе контр-предложений, сделанных императорским правительством 14/1 мая, то г. Сазонов будет склонен предоставить ему новые уступки в смысле предложений его превосходительства г. Делькассе, а именно:

1) чтобы будущая граница между Россией и Румынией в Буковине проходила по Серету и далее, начиная от истоков этой реки до Шипота, затем по пограничной линии, указанной в русской памятной записке от 14/1 мая и

2) чтобы в Банате северо-восточная часть Торонтальского округа была после войны предоставлена Румынии.

Необходимо однако, чтобы об этих уступках попросило само румынское правительство, и г. Сазонов готов принять их лишь при непременном условии, что Румыния вступит в войну 26/13 текущего мая.

№ 797. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2324. 20/7 мая 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 307 [3].

Великобританский посол уведомил меня, что Грей принимает текст выработанного в министерстве обращения к Порте по поводу резни

---

[1] См. № 777.

[2] В первоначальном наброске текста этой пам. записки, написанной рукою Палеолога и датированной 19/6 мая, эти пункты читаются: «a) que le Sereth marque la frontière future de la Russie et de la Roumanie en Bukovine et b) que le district de Torontal soit attribué, apres la guerre, à la Roumanie». («а) чтобы Серет составил будущую границу России и Румынии в Буковине и б) чтобы Торонтальский округ был после войны признан за Румынией»).

[3] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 307 Извольский сообщал, что Делькассе согласен на выработанный Сазоновым текст декларации (см. № 724) и сносится по этому поводу с англ. прав-вом.

армян в Турции и что он готов обнародовать его в Лондоне, как только французское правительство изъявит свое согласие. Благоволите ускорить получение такового.

Сазонов.

№ 798. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 2341 [1]. 20/7 мая 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гильдебрандта за № 272 [2].

Убийство Кавера является, несомненно, результатом бездействия не только местных властей, но и шахского правительства, на каковое и падает полная ответственность. Помимо возложения на последнее материального вознаграждения семье убитого, благоволите предъявить следующие требования: 1) командирование в Исфагань с особыми полномочиями высокопоставленного лица, по вашему выбору, для производства расследования совместно с нашим консульством, с целью обнаружения убийц и предания их казни; 2) смещение исфаганских губернатора, вице-губернатора и каргузара; 3) немедленное отозвание Глирупа и Фосселиуса; 4) назначение губернатором лица по вашему указанию, например, Сахиб-Ихтиара или Сердара-Ашджа, намечавшихся нами ранее, но не назначенных тогда из-за противодействия Тоунлея; 5) предписание новому губернатору принять немедленно, по указанию нашего консульства, решительные меры против агитаторов и духовенства, с высылкой наиболее вредных лиц в отдаленные местности.

Так как новому губернатору нельзя будет, повидимому, опереться на жандармерию, то казалось бы наиболее целесообразным отозвать последнюю, спешно командировав в Исфагань нужное количество казаков бригады, если только Прозоркевич в состоянии это сделать; в противном случае надо найти другую силу, хотя бы из преданных новому губернатору всадников, с отнесением в крайнем случае их содержания на наш счет.

Заявление ваше шахскому правительству сделайте в самой решительной форме, присовокупив, что мы этому делу придаем первостепенное значение и что от поведения в нем тегеранского кабинета будет зависеть дальнейшее наше отношение к Персии [3].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 486, прим. 3.

[3] Содержание этой тел. было передано Бенкендорфу тел. от 20/7 мая за № 2339, причем ему поручалось просить Грея дать предписание Марлингу поддержать выступление Эттера. Одновременно Сазонов просил наместника на Кав-

№ 799. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 352. 20/7 мая 1915 г.

Reçu votre télégramme No 2247 [1].

Ai continué avec Grey entretien dont parle mon No 333 [2]. Quand je lui dis que le fait d'une soi-disant insurrection à Van ne pouvait être pris en considération comme ayant de toute évidence suivi des massacres, Grey ne fit aucune objection. Mais il reprit ses doutes sur efficacité matérielle publication de menaces qui pourraient exercer que peu d'influence sur Turquie. Après avoir combattu ce point de vue j'ai dit à Grey qu'il y a un autre sur lequel je devais attirer son attention — c'est qu'il était de très grande importance pour nos intérêts spéciaux et même militaires de maintenir le moral de tout élément arménien, que démarche proposée aurait un effet certain sur les Arméniens en général, impression qui se propagerait très rapidement jusqu'aux populations arméniennes éprouvées; j'appuyai sur ce raisonnement et je le priai de le prendre en sérieuse considération. Grey me demanda, s'il ne serait pas suffisant que nous agissions seuls. Je lui répondis que ce moyen nous restait toujours ouvert, mais que cela ne serait pas du tout la même chose, que jusqu'ici nous avons agi à trois et qu'il me semblait important que cela continue, que, en plus, il n'était pas indifférent que les trois Puissances condamnent ouvertement les agitations turques au point de vue moral et non pas seulement au point de vue de ce que pourrait être considéré nos intérêts directs. Grey, sur lequel je crois avoir fait de l'impression, me dit qu'il reprendrait l'examen de toute cette question en prenant en considération ce que je venais de lui dire [3].

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 2247.

Продолжил с Греем беседу, о которой говорится в моем № 333. Когда я ему сказал, что факт так называемого восстания в Ване не может быть принят в соображение, так как оно, очевидно, последовало за избиениями, Грей на это ничего

казе для «придания достаточной силы» выступлению Эттера произвести «демонстративную подготовку» в Баку всех наличных сил «будто бы для отправки в Персию» (тел. от 20/7 мая за № 2340). В тот же день тел. за № 238 Эттер сообщил Сазонову, что перс. прав-во в связи с убийством Кавера принимает следующие меры: а) исфаганский ген.-губ. будет уволен по окончании следствия; б) уже уволен каргузар; в) капитан Глируп отзывается; г) вдове Кавера будет выдано 100 000 фр. на воспитание детей; д) в Исфагань командируется следственная комиссия.

[1] См. № 768.

[2] См. № 740.

[3] Ср. № 797.

не возразил. Но он снова стал говорить о своих сомнениях в практической целесообразности опубликования угроз, которые могли бы оказать мало влияния на Турцию. Оспаривая эту точку зрения, я указал Грею, что имеется другая, на которую я должен обратить его внимание, а именно то, что для наших специальных и даже для военных интересов очень важно поддерживать настроение среди всех армянских элементов, что предполагаемое выступление будет иметь бесспорно влияние на всех армян вообще и что это впечатление быстро распространится на подвергающееся испытаниям армянское население. Я настаивал на этих аргументах и просил его обратить на них серьезное внимание. Грей спросил меня, не будет ли достаточно, если мы выступим одни. Я ему ответил, что этот исход остается для нас постоянно открытым, но что это будет совсем не то, что до сих пор мы всегда выступали втроем и что мне представляется важным, чтобы этот порядок применялся и в дальнейшем, что, помимо того, совершенно небезразлично, осудят ли открыто три державы образ действий турок с моральной точки зрения, а не в силу того лишь, что могло бы рассматриваться как наши непосредственные интересы. Грей, на которого, по моему мнению, я произвел впечатление, сказал мне, что вернется к обсуждению всего этого вопроса, принимая во внимание все мной сказанное.

Бенкендорф.

№ 800. Посланник в Христиании министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 52. 20/7 мая 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 2308 [1].

Совместно с посланниками французским и английским я вчера сделал тождественное заявление норвежскому министру иностранных дел, согласно этой телеграмме. Он ответил, что принимает к сведению сообщение относительно заявления, сделанного державами Тройственного согласия в Стокгольме; что же касается Норвегии, то он самым категорическим образом заявил нам, что Норвегия неуклонно будет сохранять нейтралитет, вполне доверяясь уже ранее данному нами обещанию соблюдать интегритет и независимость Норвегии. К этому он добавил, что шведский посланник скрыл от него о декларации, сделанной посланниками России, Англии и Франции в Стокгольме.

Арсеньев.

№ 801. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 235. 20/7 мая 1915 г.
Срочно.

Ссылаюсь на свой № 234 [2].

---

[1] Тел. от 18/5 мая за № 2308 Сазонов в ответ на тел. Арсеньева за № 51, сообщавшей о том, что франц. и англ. посланники получили инструкцию сделать заявление норв. прав-ву в смысле русской пам. записки от 7 мая/24 апр. (см. № 693), предписал последнему присоединиться к этому заявлению.

[2] См. № 795.

Прошу телеграфных указаний.

Нет основания положительно утверждать, что убийство Кавера явилось следствием немецкой пропаганды, так как у него, повидимому, были среди персов личные враги. Как бы то ни было, ответственность за таковое падает непосредственно на местные власти: генерал-губернатора, каргузара и двух офицеров жандармерии. Происхождение и подробности преступления, представленные этими чиновниками правительству, обнаруживают наивное стремление объяснить дело просто случайностью, а также раздражением населения присутствием в консульстве как в русском, так и в германском вооруженных конвоев. Марлинг, обещающий мне неограниченную свою поддержку во всех предстоящих переговорах, разделяет мнение, что требования наши должны были бы сводиться к смене губернатора и каргузара и в отозвании из Исфагани двух шведов-офицеров ..., но это возможно лишь при уверенности, что они будут ... т. е. при условии реальной поддержки нами наших требований. Основываясь на нашем желании не затруднять и без того трудное положение кабинета, я постарался внушить министру иностранных дел, до чего практически было бы полезно, чтобы предпринимаемые меры исходили непосредственно от правительства до каких-либо выступлений с нашей стороны, но едва ли настоящее министерство не слишком слабо, чтобы иметь возможность на это решиться. Англичане не воспротивились бы назначению генерал-губернатором Исфагани сына Зилль-эс-Султана, Акбер-Мирзы, громадными делами которых управлял Кавер. Акбер ... и, как вся его семья, он находится в непримиримой вражде с бахтиарами, утратившими, как известно, прежнее расположение и покровительство англичан. Сам Зилль впрочем, вероятно, скоро будет назначен генерал-губернатором Шираза.

Эттер.

№ 802. Военная конвенция между Россией и Италией.

Ставка, 21/8 мая 1915 г. [1].

Conformément à l'article du memorandum italien signé à Londres le 26/13 avril 1915 [2], ainsi qu'a l'article 2 de la convention militaire, signée le 2 mai/19 avril 1915 à Paris [3] par le ministre de la guerre de France et les délégués des Etats-Majors Généraux de l'Italie, de l'Angleterre, de

[1] Маш. копия. Опубл. Ц. Р., стр. 294, где она по ошибке датирована 16/3 мая.
[2] См. № 612.
[3] См. № 663.

la Russie et de la France, les représentants des hauts commandements des armées russe et italienne: Mr. le général d'infanterie Janouchkewitch — pour la Russie et Mr. le lieutenant-colonel Ropolo — pour l'Italie, se sont réunis le 21/8 mai au grand quartier général de l'armée russe et ont convenu des dispositions suivantes en présence et avec l'approbation des représentants des hauts commandements des armées française et anglaise: Mr. le général de division de Laguiche — pour la France et Mr. le major général Sir J. Hanbury Williams — pour l'Angleterre. On a fait part de ces dispositions aux représentants des hauts commandements des armées serbe et monténégrine: Mr. le lieutenant-colonel Lontkiewitch — pour la Serbie et Mr. le général major Martinowitch — pour le Monténégro.

Article 1. L'Italie s'étant jointe à l'Entente entre la Russie, la France et l'Angleterre, les hauts commandements des armées de ces quatre Puissances s'engagent par cet acte à agir communément en déployant tous leurs efforts pour atteindre le but final qui est de vaincre l'ennemi commun. Les alliés doivent faire le possible pour s'entr'aider mutuellement en combinant autant que possible leurs opérations tant pour en fixer l'objet que pour s'entendre sur le moment propice de leur exécution.

Article 2. L'armée italienne s'engage à entrer en campagne au plus tard le 26 mai 1915 du nouveau style; son intervention offensive doit être facilitée par les opérations des trois autres armées alliées qui s'engagent de leur côté à prendre toutes les mesures énergiques militaires possibles afin d'empêcher l'ennemi de concentrer sur la frontière italienne des forces d'une supériorité accablante.

Article 3. Au cas où les armées austro-hongroises — allemandes devanceraient l'armée italienne dans l'entrée en campagne, les trois autres armées alliées s'engagent à paralyser autant que possible par leurs opérations énergiques l'offensive de l'ennemi contre l'armée italienne afin de donner à cette dernière la possibilité d'achever sa concentration.

Article 4. Dans les conditions actuelles le premier but à atteindre par l'armée italienne et les forces russes, concentrées en Galicie, sera de battre l'ennemi se trouvant sur le commun théâtre austro-hongrois de la guerre, notamment dans la région entre les Carpathes et les Alpes, formant la frontière italienne.

Pour atteindre ce but les armées russe et italienne s'engagent réciproquement à réunir sur ce front le maximum possible de leurs forces, en ne gardant sur tous les autres fronts que des forces strictement nécessaires pour ne pas compromettre la position stratégique de chacune des

armées et de choisir d'accord au commencement et dans le courant des opérations les directions favorables à donner aux deux armées.

Les armées serbe et monténégrine doivent prêter leur concours pour atteindre le but mentionné ci-dessus; notamment il sera désirable que l'armée serbe prenne l'offensive se portant préférablement dans la direction nord-ouest, afin de relier le plus tôt possible son action à celle de l'aile droite de l'armée italienne, cette dernière se dirigeant sur Laibach [1].

Article 5. Au cas d'un changement radical du groupement actuel des forces austro-hongroises — allemandes, le plan des opérations se combinera d'accord entre les commandants supérieurs des armées russe et italienne, en tenant compte de la nouvelle situation telle qu'elle pourrait se présenter pour chacun des alliés, mais en poursuivant avant tout le but principal.

Article 6. Pour maintenir entre tous les hauts commandements des armées alliées la plus étroite liaison, indispensable pour l'accord complet des opérations communes, des officiers spécialement délégués à ce propos seront attachés aux Etats-Majors de ces hauts commandements.

Général Janouchkewitch. Général de Laguiche.

Lieutenant-colonel E. Ropolo. J. Hanbury Williams Major général.

Général Mitar Martinowitch.

Lieuteant-colonel Lontkiewitch.

---

[1] В проекте конвенции, выработанном в ставке 13 мая/30 апр. (см. стр. 394, прим. 1), за этими словами имеется следующий абзац: «Италия обязуется, как только Сербия предпримет наступление в этом направлении, оказать ей содействие в деле снабжения, насколько это будет возможно».

18/5 мая Карлотти поставил в известность Шиллинга о получении Рополо разрешения подписать конвенцию за исключением этой части 4-й статьи, «ввиду ощущаемого в самой Италии недостатка в хлебных запасах» (тел. Шиллинга в ставку от 18/5 мая за № 2287). В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 538, имеется запись разговора по прямому проводу между Рополо и Янушкевичем 19/6 мая по вопросу об исключении последнего абзаца 4-й статьи. В ответ на отказ Рополо сохранить его Янушкевич заявил, что это произведет «тягостное впечатление» на сербов, и заверил его, что фактически эта статья не будет иметь последствий, так как Россия возьмет на себя все дело снабжения; это даст однако возможность итальянцам «завоевать симпатии сербов». Однако ввиду непреклонности Рополо Янушкевич по совещании с верх. главнокомандующим заявил о согласии последнего исключить этот абзац при условии, чтобы Карлотти устно заявил Спалайковичу, что «Италия, как только она сможет, с помощью России и других союзников сделает все возможное, чтобы облегчить снабжение сербской армии». Тел. от 25/12 мая за № 2410 Сазонов сообщил Кудашеву, что Карлотти сделал накануне

Перевод.

Согласно статьи 1-й итальянского меморандума, подписанного в Лондоне 26/13 апреля 1915 года, а также статьи 2-й военной конвенции, подписанной 2 мая/19 апреля 1915 года в Париже французским военным министром и делегатами итальянского, английского, русского и французского главных штабов, представители высшего командования русской и итальянской армий: генерал-от-инфантерии Янушкевич — от России и подполковник Рополо — от Италии, собравшись 21/8 мая в главном штабе русской армии, в присутствии и с одобрения представителей высшего командования французской и английской армиями: дивизионного генерала Лагиша со стороны Франции и генерал-майора сэра Дж. Хэнбури Вильямса — со стороны Англии, приняли следующие решения. Решения эти сообщены представителям высшего командования сербской и черногорской армий: г. подполковнику Лонткевичу — со стороны Сербии и генерал-майору Мартиновичу — со стороны Черногории.

Статья 1. Ввиду того, что Италия присоединилась к соглашению между Россией, Францией и Англией, высшие командования армиями этих четырех держав сим обязуются действовать совместно, напрягая все усилия к достижению конечной цели, каковой является победа над общим врагом. Союзники должны делать все возможное в целях оказания взаимной помощи, согласуя, насколько возможно, свои операции как при определении их цели, так и при выборе наиболее благоприятного момента для их выполнения.

Статья 2. Итальянская армия обязуется выступить не позднее 26 мая 1915 года нового стиля; ее наступление должно быть облегчено операциями остальных трех союзных армий, которые, с своей стороны, обязуются принять энергичные военные меры для того, чтобы помешать врагу сосредоточить на итальянской границе подавляющие силы.

Статья 3. В случае если бы австро-венгерско — германские армии начали раньше Италии военные действия против нее, три остальные союзные армии обязуются энергичными операциями с их стороны, насколько возможно, парализовать наступление врага на итальянскую армию, с целью дать последней возможность закончить концентрацию своих сил.

Статья 4. При настоящих условиях главной целью итальянской армии и сосредоточенных в Галиции русских сил явится разгром врага, находящегося на общем австро-венгерском театре военных действий, а именно, в местности между Карпатами и составляющими итальянскую границу Альпами.

Для достижения этой цели русская и итальянская армии взаимно обязуются сосредоточить на этом фронте возможный максимум своих сил, оставив на всех остальных фронтах только силы, безусловно необходимые для того, чтобы не подвергнуть опасности стратегическое положение каждой из армий, и как в начале, так и во время хода операций сообща вырабатывать согласованные с положением обеих армий директивы.

следующее заявление серб. посланнику: «Если Италия не сочла возможным формально обязаться снабдить сербскую армию продовольствием, то лишь потому, что она сама не имеет достаточных запасов. Тем не менее, когда итальянская и сербская армии войдут в соприкосновение, Италия сделает все от нее зависящее для подвоза сербам продовольствия, которое она надеется получить из России». Серб. посланник, по словам Сазонова, был удовлетворен этим заявлением.

Сербская и черногорская армии должны оказывать свое содействие для достижения вышеупомянутой цели; а именно, признается желательным, чтобы сербская армия предприняла наступление предпочтительно в северо-западном направлении для того, чтобы возможно скорее связать свои действия с действиями правого крыла итальянской армии, которая направляется на Лайбах.

Статья 5. В случае коренного изменения в теперешнем расположении австро-венгерско — германских сил план военных операций будет выработан с общего согласия между высшими командованиями русской и итальянской армий, исходя из учета нового положения, могущего создаться для каждого из союзников, но прежде всего стремясь к достижению главной цели.

Статья 6. В целях поддержания самой тесной связи между высшими командованиями союзных армий, необходимой в интересах полного согласования совместных операций, к главным штабам каждого из высших командований будут прикомандированы специально для этого назначенные офицеры.

Генерал Янушкевич. Генерал де Лагиш.

Подполковник Е. Рополо. Дж. Хэнбури Вильямс, генерал-майор.

Генерал Митар Мартинович.

Подполковник Лонткевич.

№ 803. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2365 [1]. 21/8 мая 1915 г.

Из доверительного источника узнаю [2], что австрийский посол в Константинополе телеграфировал своему правительству о каких-то переговорах, которые Джавид-бей, будто бы, вел в Лозанне «с французскими государственными деятелями». Переговоры эти касались, будто бы, между прочим вопроса о признании отмены капитуляций. Было бы весьма интересно знать, кто были эти «государственные деятели» и о чем они могли совещаться с Джавидом [3].

Сазонов.

№ 804. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2367. 21/8 мая 1915 г.

Сообщается в Бухарест.

Со слов Делькассе Титтони и Баррер сообщили Соннино, что «новое русское предложение» предоставляет румынам границу Серета в Буко-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 316.

[2] Имеется в виду тел. австро.-венг. посла в К-поле Паллавичини м-ру ин. дел Буриану от 20/7 апр. за № 319, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел.

[3] Тел. 23/10 мая за № 332 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 316) Извольский сообщил со слов Делькассе, что Джавид-бей «до проезда своего через Швейцарию дал знать о своем желании встретиться там с кем-либо из состава французского министерства иностранных дел», но что «Делькассе решительно этому воспротивился».

вине и весь Торонтальский уезд в Банате. Считаю необходимым отметить, что никакого «нового русского предложения» нет. Только во внимание к просьбе Делькассе я согласился сделать некоторые новые уступки Румынии, если она сама о них попросит и если она выступит не позднее 26 мая нового стиля. При этом, как я вам уже телеграфировал [1], я имел в виду не весь Торонтальский комитат, а лишь северо-восточную его часть, которую можно было бы отдать румынам. Кроме того, от истоков Серета граница должна во всяком случае итти на город Шипот, а оттуда — согласно моей памятной записке от [14] 1 мая. Весьма желательно, чтобы французское правительство точнее воспроизводило в Бухаресте сказанное мною Палеологу и по возможности не привлекало к обсуждению этого вопроса слишком много лиц, ибо неточная передача моих слов может создать недоразумения, которые только способны еще более затруднить переговоры с Румынией.

Сазонов.

№ 805. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 354 [2]. 21/8 мая 1915 г.

Copie Paris.

Reçu votre No 2320 [3].

Grey a dit aujourd'hui à Michu qu'apparemment gouvernement roumain lui demandait [4] appui considérant Angleterre comme désintéressée en questions territoriales débattues et par conséquent impartiale et équitable Grey dit qu'en effet il se considérait tout à fait impartial [5] en principe et que pour cette raison il ne pouvait en aucun cas donner son appui aux revendications roumaines évidemment injustes pour serbes. Grey lui a dit qu'Angleterre faisait la guerre surtout pour question d'équité à cause Belgique, que Serbie avait mêmes droits renforcés par services militaires rendus aux alliés. Grey a dit qu'il ne voulait pas dire là que ni Russie, ni France, ni Angleterre se refuseraient à considérer telles demandes roumaines modifiées, compatibles avec intérêts serbes et qu'il savait que gouvernement russe irait aux dernières limites possibles de conciliation, mais pas au-delà. Grey télégraphie à Barclay conformément à votre télégramme No 2320.

Benckendorff.

---

[1] См. № 788.

[2] Печатается с черновика, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[3] См. № 788.

[4] Слово: «demandait» пропущено в лит. копии м-ва ин. дел.

[5] Слово: «impartial» пропущено в лит. копии м-ва ин. дел.

Перевод

Копия в Париж.

Получил ваш № 2320.

Грей сказал сегодня Мишу, что румынское правительство, повидимому, ищет у него поддержки, считая Англию не заинтересованной в обсуждении территориальных вопросов, а следовательно, беспристрастной и справедливой. Грей заявил, что действительно он считает себя принципиально совершенно беспристрастным и что поэтому он ни в коем случае не может оказать поддержки румынским притязаниям, явно несправедливым по отношению к Сербии. Грей ему сказал, что Англия ведет войну, главным образом, из-за вопроса справедливости по отношению к Бельгии и что Сербия имеет те же права, подкрепленные оказанными ею военными услугами союзникам. По его словам, он не хочет этим сказать, что Россия, Франция и Англия откажутся от рассмотрения тех или других измененных пожеланий Румынии, согласных с интересами Сербии, и что, по его сведениям, российское правительство дойдет до последних возможных пределов уступчивости, но не далее. Грей телеграфирует Барклаю, согласно вашей телеграмме № 2320.

Бенкендорф.

№ 806. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 325. 21/8 мая 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваш № 2318 [1].

По поводу предложенного Греем текста обращения к Болгарии Делькассе, не успевший еще обдумать это предложение, высказал мне в виде личного мнения следующие соображения: болгарское правительство не преминет заметить и подчеркнуть разницу между обещанием «гарантировать» Болгарии владение македонскими областями и «употребить влияние» к получению Кавалы. Делькассе спрашивает себя, не следует ли ныне же дать Болгарии более округленные обещания насчет Кавалы, предупредив одновременно с этим Грецию, что, не получив от греческого правительства ожидавшегося предложения, державы Согласия намерены обеспечить свои интересы другим путем и не отвечают за последствия, которые могут произойти от этого для Греции [2].

Извольский.

---

[1] Тел. от 19/6 мая за №№ 2318 и 2319 (опубл. Ц. Р., стр. 118), сообщенными в Париж и Лондон, Сазонов, передавая содержание пам. записки Бьюкенена от 19/6 мая (см. № 787), предлагал Савинскому поддержать англ. посланника в Софии, когда последний выступит с соответствующим заявлением.

[2] Тел. от 23/10 мая за № 331 Извольский сообщил со слов болг. посланника в Париже, что, «тогда как до сих пор ему никогда не разрешалось говорить с фран-

№ 807. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 326 [1]. 21/8 мая 1915 г.

Получил ваши №№ 2320 [2] и 2321 [3].

Сообщил их содержание Делькассе, который подтвердил мне, что он уже предписал французскому посланнику самым энергичным образом воздействовать на румынское правительство, дабы склонить его к принятию ваших условий. Он уже раз сказал мне, что считает эти условия крайне умеренными и справедливыми и надеется, что Грей и Соннино также энергично поддержат их в Бухаресте. Что касается заключительной части вашей телеграммы № 2321, Делькассе сказал мне, что, как вам должно быть известно, генерал Жоффр уже начал энергичное наступление, увенчавшееся весьма чувствительными успехами; одним из последствий этого наступления явилось возвращение на здешний театр двух германских дивизий, направленных на наш фронт; по достоверным сведениям, германцы присылают сюда значительные подкрепления, хотя неизвестно, берут ли они их с нашего фронта или из числа новых формирований. За последние дни военные операции затихли вследствие крайне неблагоприятной погоды, но как только условия эти улучшатся, генерал Жоффр намерен самым энергичным образом продолжать наступление, задуманное им в широких размерах.

Извольский.

№ 808. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 280 [4]. 21/8 мая 1915 г.
Срочно.

Копии в Лондон и Париж.

Требует срочных указаний. Получил телеграммы №№ 2318 и 2319 [5].

Английский посланник получил соответствующие инструкции, французский еще нет. Собравшись втроем, только-что всесторонне обсудили вопрос и решили просить наши правительства разъяснить: 1) идет ли речь только о Кавале или под Кавалой в данном случае

цузами о возможности выступления Болгарии, ныне он получил предписание ознакомить Делькассе неофициальным образом с условиями, на которых Болгария готова тотчас присоединиться к союзникам», а именно: «Македония, включая спорную зону, Кавала, Драма и Серес, возвращение Добруджи и линия Энос—Мидия».

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 190.

[2] См. № 788.

[3] См. стр. 482, прим. 1

[4] Опубл. Ц. Р., стр. 119.

[5] См. стр. 498, прим. 1.

разумеется весь район с Сересом и Драмой, без которых обладание Кавалой почти невозможно, и 2) можно ли будет в идентичное письменное сообщение, которое мы предполагаем сделать правительству, с вручением копии дворцу, включить Кавалу или весь район на тех же началах, как и уступаемую Болгарии часть Македонии, т. е. гарантируем ли мы болгарам приобретение греческой части Македонии, или только обещаем наше содействие к ее получению. Нам всем троим кажется, что заключающаяся в вашем № 2319 ссылка на вознаграждение Греции в Малой Азии указывает на то, что державы готовы обязаться также и гарантией греческой части Македонии. Положение, занятое Грецией, оправдывало бы в наших глазах такую гарантию не только по отношению к Кавале, но и Драме и Сересу. Хотя у Бакс-Айронсайда и есть указания из Лондона, что выбор момента для выступления предоставляется английскому правительству [1] и что французский посланник и я получим инструкции его поддержать, однако, к счастью, в этот раз он не сопротивлялся тому, чтобы выбор момента мы установили по общему согласию и передали предложение одновременно в идентичной форме, лишь предоставив ему первое место, как старшему из нас. Это очень важно для традиционного престижа России в Болгарии. Что касается самого момента выступления, то мы признаем, что таковым должен быть момент между фактическим активным выступлением Италии и первым решительным столкновением австрийцев с итальянцами или румынами, так как неопытные итальянские войска могут не выдержать первого натиска австро-германцев, которые, очевидно, давно предвидели исход австро-итальянских переговоров и приготовили удар, который сразу ошеломит новых противников. Если бы это случилось, то, с местной точки зрения, момент для выступления был бы снова неблагоприятен. Ожидаем спешных инструкций.

Савинский.

№ 809. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 243. 21/8 мая 1915 г.

Правительству сегодня, наконец, удалось притти к соглашению с меджлисом, формально давшим ему условные полномочия на принятие необходимых мер для поддержания нейтралитета Персии. Согласно же сведениям, сообщенным нам двумя депутатами, на-днях завязавшими тайные, заинтересованные сношения с миссией, кабинет в

[1] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «посланнику».

действительности, хотя и негласно, заручился на полную свободу действий. Дальнейший образ действий министерства будет зависеть неминуемо от степени нашей и английской поддержки. Судя по явным намекам министров, — первого, иностранных и внутренних дел, — Марлингу, Евреинову и мне, — нельзя сомневаться, что под действительной поддержкой они подразумевают вступление в Персию достаточно сильной русской военной части. Из совершенно доверительного объяснения с Ферман-Ферма я легко мог понять, что министры, несмотря на свои вынужденные протесты против занятия нашим отрядом Казвина, наоборот, признают усиление его единственной мерой, способной предотвратить серьезные осложнения. Отмечаю благоприятный для нас факт оставления в составе кабинета Ферман-Ферма, на удалении которого настаивали упорно националисты, вследствие его руссофильских и туркофобских тенденций. Положение было до того натянуто, что Эйн-эд-Доуле еще вчера вечером подал прошение об увольнении в отставку, которая шахом однако не была принята. Отставка Эйн-эд-Доуле привела бы в самом деле к почти безвыходному положению.

Эттер.

№ 810. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

·/. № 41. 22/9 мая 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy are instructed by Sir E. Grey to communicate the following telegram to the Imperial Ministry for Foreign Affairs:

«Your Excellency is probably aware that as a result of discussions between the Grand Duke Nicholas and Lord Kitchener we are endeavouring to obtain offers from America of large quantities of shell for the Russian Government and that we have also been asked by the Grand Duke Nicholas to assist in obtaining soon munitions of war including guns, shell, fuses, rifles, and cartridges [1].

[1] В письме от 19/6 мая Янушкевич от имени верх. главнокомандующего представил Китченеру следующий «список необходимого армии снабжения, которое позволит ей предпринять наступление»:

а) Снарядов 3 000 000 для текущих надобностей и затем 1 500 000 штук ежемесячно.

б) От 300 000 до 1 000 000 штук ружей какой угодно системы для обучения призываемых в армию и по 1 500 штук патронов к каждому.

в) 100 000 русских винтовок для пополнения порчи и потери в действующей армии и 1 000 патронов ежемесячно на каждую винтовку.

г) От 100 и до 200 пулеметов с комплектом 15 000 патронов на каждый из них.

Your Excellency should assure the Russian Government that we will strain every nerve to obtain these supplies for Russia in the shortest possible time, but as they themselves know, all existing sources and supply are already taken up, and to meet the Russian requirements it will be necessary to create new sources and to erect new or convert existing manufacturing plant.

Your Excellency should remind the Russian Government that on March 9th we offered to the Russian authorities a contract for 5 000 000 rounds with the Bethlehem Steel Company and on March 25th we offered a contract also for five million rounds complete except for propellant with the American Locomotive Company [1].

Under these contracts substantial deliveries would have been obtained in September and heavy deliveries from November onwards. The Russian authorities refused to accept either contract, though the gravity of the situation was urged on them in repeated telegrams from Lord Kitchener, and these supplies are naturally no longer available.

The Grand Duke will of course understand that His Majesty's Government will not accept any responsibility for finding the supplies within the time desired by the Grand Duke and can only do their best to obtain offers and submit them to the Russian Delegates in London for consideration; His Majesty's Government are anxious that no false hopes should be entertained as to their ability to make good deficiencies of Russian ammunition, but the Grand Duke Nicholas may rest assured that no effort will be spared to meet a situation which is as vital to them as to Russia if the Allies are to be successful».

Перевод.

Посольство его британского величества получило указание от сэра Э. Грея сообщить императорскому министерству иностранных дел следующую телеграмму:

«Ваше превосходительство, вероятно, осведомлены, что в результате обмена мнений между великим князем Николаем и лордом Китченером мы стремимся получить из Америки предложения о поставке большого количества снарядов для российского правительства и что мы уже получили просьбу великого князя Николая оказать поддержку в скорейшем получении военного снаряжения, включающего пушки, снаряды, ракеты, ружья и патроны.

Ваше превосходительство можете заверить российское правительство, что мы постараемся напрячь все усилия для получения этих военных припасов для России в возможно короткий срок, но, как вы сами знаете, все существующие источники и запасы уже использованы, и для удовлетворения русских потребностей

[1] Ср. № 730.

необходимо создать новые источники и построить новые или перестроить существующие заводы.

Вашему превосходительству надо напомнить российскому правительству, что 9 марта мы предложили русским властям заключить контракт на поставку приблизительно 5 000 000 артиллерийских патронов с «Вифлеемским обществом стали», а 25 марта мы предложили заключение контракта с «Американским паровозным обществом» на 5 000 000 таких же патронов без порохового заряда.

В случае заключения этих контрактов существенные поставки состоялись бы в сентябре, а главная часть их — начиная с ноября. Русские власти отказались от того и другого контракта, хотя серьезность положения была с настойчивостью указана им в многократных телеграммах лорда Китченера, и на эти поставки нельзя больше рассчитывать.

Великий князь, конечно, поймет, что правительство его величества не примет на себя никакой ответственности в деле нахождения военных припасов в желательный великому князю срок и может только сделать все от него зависящее, дабы получить соответствующие предложения и передать их русским делегатам в Лондоне на рассмотрение; правительство его величества не желало бы поддерживать неосновательные надежды на то, что оно сможет восполнить недостатки в русском снаряжении, но великий князь может быть уверен, что все усилия будут приложены к тому, чтобы найти разрешение вопроса, который имеет столь же жизненный интерес для правительства его величества, как и для России, поскольку союзники должны одержать успех».

№ 811. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру

Телеграмма № 2390 [1]. 22/9 мая 1915 г.

Телеграмма за № 243 [2] получена.

Великобританское правительство сегодня настоятельно просит об отправке в Казвин шеститысячного отряда, мотивируя таковую исфаганским убийством [3]. Сносимся со ставкою и наместником, но сомневаемся в возможности. Надеемся, что прибытие уже высланных из Баку подкреплений произведет известное впечатление в связи с известиями о подготовке в Баку еще дальнейших подкреплений [4].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 809.

[3] Об этом Сазонов известил наместника на Кавказе тел. от того же числа за № 2385.

[4] Тел. от 21/8 мая за № 244 Эттер сообщил Сазонову: «Прибытие четырех сотен я предполагаю связать с исфаганским преступлением, указав министрам, с какой поспешностью по получении тревожного известия императорское правительство сочло нужным на всякий случай выделить маленький отряд из состава расположенных, будто бы, близ Баку войск. Это может положить предел толкам недоброжелателей о блефе» (ср. стр. 489, прим. 3).

№ 812. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 248. 22/9 мая 1915 г.

М. г. Петр Львович,

Продолжительная и обширная переписка между вверенными нам ведомствами в связи с материалами русско-китайской комиссии в Харбине и междуведомственного совещания в Петрограде 1913—1914 годов дает весьма полное представление относительно существа претензий русских золотопромышленников в Северной Манчжурии и положения вопроса о возмещении понесенных ими убытков. Так как в переговорах с китайским правительством по этому поводу в последнее время более или менее намечаются возможные исходы нашего многолетнего с ним спора, я считаю своевременным, не имев еще случая обменяться с вашим высокопревосходительством мыслями по означенному вопросу, высказать вам мои соображения и просить сообщить, разделяете ли вы мой взгляд на способ разрешения этого слишком, к сожалению, затягивающегося дела. Считаю необходимым, не возвращаясь к его истории и подробностям, лишь вкратце отметить те главнейшие положения, которые, как мне кажется, следовало бы принять в настоящем случае во внимание и обоснование которых можно найти в упомянутых мною выше материалах.

Едва ли можно отрицать, что золотопромышленники правы, утверждая, что они приступили к своей деятельности в Северной Манчжурии по прямому приглашению русского правительства, которое тем самым как бы давало им уверенность в том, что работы их будут ограждены от затруднений внешнего характера. И действительно, им было оказано самое широкое содействие нашими дипломатическими и консульскими представителями, добыто разрешение на разведки золота на весьма льготных условиях с возможностью последующего укрепления за ними золотоносных участков и т д. Не менее верно однако, что китайцы имели основание обвинять наших предпринимателей в уклонении от принятых на себя обязательств, как-то: в разработке ранее открытых приисков, что было специально запрещено, в неисполнении некоторых формальностей и т. п. Этим китайское правительство и оправдывало впоследствии свои меры по принудительному отобранию приисков и отказывало поэтому в возвращении оных концессионерам, равно как в возмещении их убытков. Хотя такая точка зрения не может быть признана справедливой, ибо китайское правительство, как в силу общего положения об экстерриториальности иностранцев, так и потому, что золотопромышленные концессии были выданы чрез по-

средство русского правительства, должно было обратиться с своими жалобами к последнему, однако вышеуказанные неправильности со стороны русских подданных ослабляли нашу позицию в объяснениях с Китаем. К этому присоединилось и то обстоятельство, что политический момент был неблагоприятен для особенно энергичных выступлений. Стоявшее на первом месте налаживание наших политических отношений с Китаем, пошатнувшихся после русско-японской войны, и необходимость прежде всего обеспечить государственные интересы побуждали нас не ставить вопроса о компенсациях русской золотопромышленности в острой форме. Тем не менее мы вступили в переговоры с Китаем, и, так как проверка размеров претензий была тогда затруднительна, мы сообразовались с показаниями заинтересованных лиц. Как переговоры нашего посланника с китайским правительством, так и смешанная комиссия, созванная в Харбине, не привели ни к какому результату. Китайцы продолжали опорочивать силу соглашения о концессиях, как не утвержденного богдоханом, ссылались на злоупотребления концессионеров и указывали на чрезмерность заявленных убытков. Это последнее указание, как выяснилось, не было лишено весьма веских оснований. Ввиду сего было созвано в Петрограде при министерстве торговли и промышленности особое междуведомственное совещание, занявшееся установлением истинных размеров убытков. В результате этой работы общая сумма заявленных претензий была понижена до 2 628 000 руб., считая и проценты, да и эта сумма была расчленена по категориям в зависимости от большей или меньшей обоснованности отдельных претензий. В обладании этими данными министерство иностранных дел решило возобновить свои требования к китайскому правительству, воспользовавшись начинавшимися с ним переговорами о возвращении Барги под суверенную власть Китая. Соединительной связью между этими двумя вопросами могло служить то обстоятельство, что часть концессий расположена была в Баргинском округе и что вообще переговоры о Барге имели в виду упорядочить наши взаимоотношения в Северной Манчжурии. Однако при предварительной зондировке почвы оказалось, что от китайцев никак нельзя ожидать согласия на возмещение исчисленных нами сумм — уже из-за одного оскудения китайской казны, независимо от принципиальных соображений. Поэтому посланник наш в Пекине рекомендовал добиваться лишь возвращения концессий прежним владельцам. В последних предложениях мы формулировали наши требования в общей форме, настаивая на компенсациях нашим золотопромышленникам за их потери и не предрешая сущности этих компенсаций. Ки-

тайское правительство в ответ указало, что оно не видит связи между этим вопросом и вопросом о Барге, но в крайнем случае готово пойти нам навстречу, при непременном однако условии, что пострадавшие будут вознаграждены лишь в случае установления ответственности китайских властей. Итти этим путем значило бы опять возвратиться к той мертвой точке, в которую уже несколько раз упирались наши переговоры, особенно если принять во внимание, что и междуведомственное совещание, озаботившееся собранием исчерпывающего материала и выслушавшее заявления большинства концессионеров, не нашло каких-нибудь новых бесспорных документов. Прибегнуть же к чрезвычайным средствам давления на Китай было бы при настоящей политической обстановке совершенно невозможным, да и не соответствовало бы значению вопроса, носящего скорее характер правового спора. Таким образом оставалось бы, опять откладывая на неопределенное время удовлетворение интересов русских подданных, или выделить вопрос о компенсациях до благоприятного момента, или вовсе прекратить переговоры о Барге, что тоже совершенно нежелательно с точки зрения скорейшего упорядочения нашего положения в этой провинции.

В поисках выхода из создавшегося затруднения я остановился на мысли, уже неоднократно выдвигавшейся в прежних стадиях дела, а именно, на возможности удовлетворить наших предпринимателей из суммы в 5 миллионов лан, причитающихся Китаю по статье 12-й контракта на постройку Китайской Восточной ж. д. Из предыдущей переписки можно заключить, что министерство финансов не вполне сочувственно относилось к этому предположению, так как видело в наличности этого долга средство давления на китайское правительство для ограждения интересов Китайской Восточной ж. д. и вообще считало, что этот фонд, в случае принудительного зачета, должен был бы быть обращен на покрытие претензий этой дороги к Китаю. (Впрочем в письме от [10 мая] 27 апреля 1909 г. статс-секретарь Коковцов допускал возможность предупредить китайцев, что при урегулировании вопроса о 5 миллионах лан мы удержим в виде залога заявленную нами сумму в случае их несговорчивости и затягивания переговоров). Ныне, когда размер претензий значительно уменьшен междуведомственным совещанием, может быть, 5 миллионов лан было бы достаточно и для ликвидации долгов дороге и для покрытия претензий золотопромышленников. Мне кажется, что этот способ имел бы за собой многие преимущества, если, конечно, исходить из представляющейся мне бесспорной предпосылки, что нам нельзя уклониться от обязанности по выплате Китаю

5 миллионов лан и сохранить их для русского казначейства. Поэтому, если часть их пойдет на удовлетворение наших подданных, а в том числе даже на предприятие, в котором заинтересовано русское правительство, а именно Манчжурское горнопромышленное товарищество, то такой исход можно лишь признать соответствующим нашим видам. Хотя зачет взаимных претензий, произведенный нами без предварительного согласия Китая, может, конечно, вызвать неудовольствие и протесты с его стороны, но, не имея надобности производить расхода из наличных средств и достигая урегулирования ряда спорных вопросов, вносивших постоянные трения в отношения с соседней империей, китайское правительство, вероятно, легко примирится с нашим решением, особенно, если в результате некоторая сумма окажется в активе китайцев.

Предлагаемая мною скорейшая выдача концессионерам денег имела бы ту хорошую сторону, что пошла бы, вероятно, хотя бы частью на развитие русской золотопромышленности, чему в настоящее время придается столь большое значение. Большинство концессионеров специализировалось на золотом деле, и можно ожидать, что имеющие поступить к ним капиталы будут обращены на расширение существующих предприятий или на открытие новых в пределах России и даже, может быть, в той же Северной Манчжурии. Китайцы, повидимому, допускают возможность смешанных китайско-русских предприятий, и хотя правила действующего у них горного устава довольно стеснительны, но, может быть, опираясь на пример японцев, мы были бы в состоянии добиться более льготных условий для наших предпринимателей.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 813. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 131. 22/9 мая 1915 г.

Срочно. Лично.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 125 [1].

Де Мартино доверительно прочел мне телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, не являющуюся однако еще ответом на по-

---

[1] Тел. от 22/9 мая за № 125 Гирс сообщил, что франц. прав-во, извещая своего посла в Риме о согласии России уступить Румынии Буковину до реки Серета и Торонтальский округ в Банате, поручило ему просить итал. прав-во воздействовать на Румынию в смысле этих уступок, и что Соннино уже телеграфировал в Бухарест по этому поводу.

сланные ему третьего дня указания. Фашиотти говорит, что делаемая нами уступка со стороны Баната достаточна, но Серетскую линию он советовал бы заменить линией по Пруту немного выше Черновцев и спускающуюся затем к Быстрице. Фашиотти настаивает затем на необходимости категорического затем[1] заявления Румынии со стороны всех союзных держав, что дальнейших уступок не будет сделано.

Гирс.

№ 814. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁰/₀ Телеграмма № 291[2]. 22/9 мая 1915 г.
Лично.

Получил вашу телеграмму 2320[3].

По поручению своего правительства здешний французский посланник сообщил сегодня Братиану, что если румынское правительство выкажет большую примирительность в переговорах, то оно может рассчитывать на значительное улучшение границы будущей Румынии в Буковине и Банате, при том Блондель приблизительно указал на ... ные вашим высокопревосходительством уступки. Братиану ответил, что лишь границы Прута, Тиссы и Дуная могут обеспечить будущее спокойное существование Румынии и что поэтому он не может отказаться от этих условий. Считаю долгом доложить, что Братиану конфиденциально ознакомил главных деятелей оппозиции с содержанием нашего официального ответа на румынские предложения и что все эти лица находят невозможным на этих условиях вести агитацию за немедленное выступление Румынии и выражают лишь надежду, что нами не сказано еще последнее слово. Вчера и сегодня в некоторых здешних газетах появились уже статьи о ведущихся ныне в Петрограде переговорах, причем нам приписывается неуступчивость, которая комментируется в довольно враждебном тоне. Мои коллеги и я принимаем возможные меры воздействия на прессу, дабы помешать появлению подобных статей в румынских независимых органах печати, и широко знакомим здешних главных общественных деятелей с готовностью России пойти в широких размерах навстречу румынским пожеланиям.

Поклевский.

---

[1] Так в оригинале.
[2] Опубл. Ц. Р., стр. 191.
[3] См. № 788.

№ 815. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 293. 22/9 мая 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 291 [1]. Личная.

Таке Ионеску сообщил мне сегодня, что Диаманди, будто бы, поручено осведомиться у вашего высокопревосходительства о точном направлении той границы в Банате и в Буковине, на которую мы сочли бы возможным при известных условиях согласиться, как на то указывает сделанное здесь и изложенное нами вышеупомянутое в моей телеграмме сообщение французского посланника. Считая этот шаг за желание Братиану продолжать начатые переговоры, Таке Ионеску усердно просит ваше высокопревосходительство от своего имени и от имени своих друзей, которые с начала войны работают над сближением между Россией и Румынией и над ускорением выступления последней, не обращать внимания на неправильный, по их мнению, способ ведения переговоров Братиану и верить, что Румыния, естественно желая получить возможно хорошие границы, в то же время искренно стремится к военной кооперации с нами. Из здешних государственных деятелей, не включая в их число Братиану, одни более умеренны, другие более требовательны, так что пока трудно ожидать, чтобы другая граница, кроме той, которая изложена в конце моей телеграммы № 277 [2], теперь же объединила всех главных политических деятелей Румынии. При этом молдаване, во главе с Костинеску, придают первостепенное значение обладанию Черновцами, которые они считают за румынский культурный центр, и это заставляет меня опасаться, что только предоставление этого города Румынии могло бы сейчас же здесь вызвать необходимый для начала военных действий энтузиазм.

Поклевский.

№ 816. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

*/. Телеграмма № 2396 [3]. 23/10 мая 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 280 [4] получена.

Под Кавалою я готов подразумевать весь ее округ со включением Драмы и Сереса, если таково будет также мнение Грея и Делькассе.

---

[1] См. № 814.
[2] См. № 753.
[3] Опубл. Ц. Р., стр. 120.
[4] См. № 808.

Ввиду невозможности для союзников взять на себя обязательство отвоевать у Греции названную выше область, желательно избегать слишком решительных выражений и изложить этот пункт примерно следующим образом: «Наконец, державы обязуются приложить все усилия, дабы обеспечить Болгарии получение от Греции Кавалы» и далее, как сказано в телеграмме № 2319 [1].

Для Парижа и Лондона прибавка:

Прошу принять соответствующие меры по настоящему делу и ответить по телеграфу [2].

Сазонов.

№ 817. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 139 [3]. 23/10 мая 1915 г.

Urgent.

Le ministre des affaires étrangères communique: «Le soussigné, ministre royal des affaires étrangères, a l'honneur de porter à la connaissance de l'ambassade de Russie que l'Italie se considère dès demain en état de guerre avec l'Autriche-Hongrie. L'ambassade de Russie est priée de vouloir bien faire parvenir aussitôt que possible cette communication à son gouvernement. Signé: Sonnino».

Giers.

Перевод.

Срочно.

Министр иностранных дел сообщает: «Нижеподписавшийся, королевский министр иностранных дел, имеет честь довести до сведения российского посольства, что Италия считает себя с завтрашнего дня в состоянии войны с Австро-Венгрией. К российскому посольству обращена просьба соблаговолить передать, как можно скорее, это сообщение своему правительству. Подписано: Соннино».

Гирс.

[1] См. стр. 498, прим. 1.

[2] Тел. от 25/12 мая за № 2415 Сазонов, ссылаясь на свою тел. за № 2318 (см. стр. 498, прим. 1), просил Извольского «приложить все старания, дабы склонить Делькассе на принятие предложения Грея», считая «весьма желательным использовать впечатление, несомненно произведенное в Болгарии присоединением Италии к державам Согласия».

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 296.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего директору канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Письмо № 1839. 28/15 марта 1915 г.

Секретно.

При сем препровождаю карту с нанесенными на ней вариантами проекта нашей будущей границы с Австро-Венгрией и Румынией.

На этой карте сплошной красной линией проведена «желательная граница», то есть такая граница, которая в необходимой мере отвечает наиболее для нас выгодным в стратегическом отношении условиям [1].

С другой стороны, красная пунктирная линия на карте представляет собой «минимальную» границу; последняя удовлетворяет нашим военным требованиям лишь в наименее допустимой степени, вследствие чего согласие на нее могло бы с нашей стороны последовать лишь в крайнем случае, при полной невозможности настоять на лучших условиях разграничения.

Как видно из карты, «желательная» и «минимальная» границы в их северной и центральной частях совпадают и, расходясь на остальных участках, образуют как бы три района: Буковинский, Трансильванский и Венгерский. Таким образом уступки могли бы быть допущены только в пределах этих районов, причем, с целью более обеспеченного и выгодного для нас ведения переговоров, казалось бы предпочтительнее вести их по каждому из названных трех районов раздельно, то есть уступки в каждом районе должны бы делаться независимо от остальных районов.

Менее желательными для нас, — рассматривая вопрос исключительно с военной точки зрения, — должны считаться уступки, делаемые нашим соседям в Буковине; меньшее стратегическое значение имеют уступки в северной части Венгерской равнины.

На прилагаемой карте участки территории, могущие стать предметом последовательной уступки, окрашены, для большей наглядности, в различные цвета, самая же последовательность уступок отмечена ниже по каждому из районов в отдельности:

---

[1] Условия эти подробно изложены в особом приложении к письму директора дипломатической канцелярии при штабе верх. главнокомандующего на имя м-ра ин. дел от 16/3 февр. с. г. за № 319 (прим. оригинала, см. № 210).

А. Буковинский район (самый важный для нас район).

1) Ввиду особого значения для нас участка, примыкающего к проходам Кирлибаба и Дорна Ватра, в первую очередь Румынии могла бы быть уступлена часть территории, достаточно удаленная от этих проходов (на карте окрашена в лиловый цвет), находящаяся между линией Эйзенау — Путна и р. Сучавой.

Дальнейшим уступкам могли бы подлежать:

2) Левый берег Сучавы — до водораздела между этой рекой и Б. Серетом (участок желтого цвета);

3) весь правый берег р. Б. Серета (участок синего цвета);

4) наконец, левый берег р. Б. Серета до «минимальной» границы (участок зеленого цвета).

При этих уступках мы сохраняем, в качестве северных границ, естественные рубежи (рр. Сучаву, Серет или водораздел между ними) и лишь при установлении минимальной границы часть ее на левом берегу Серета будет условной.

В случае невозможности удовлетворить Румынию уступкой перечисленных участков, дальнейшие уступки румынам могли бы быть сделаны из территории к западу от линии Эйзенау — Путна, но таковые, вообще говоря, нежелательны, а именно:

5) сначала участок по обоим берегам р. Молдавицы до линии Позоритта-Фундул-Молдава (черного цвета), и лишь в особой крайности

6) участок от румынской границы до долины р. Дорна и линии Якобени — Позоритта (коричневого цвета).

Наконец, как последняя уступка, является территория от линии Якобени — Позоритта к северо-западу, вплоть до «минимальной» границы, при которой из всей Южной Буковины мы сохраняем лишь небольшой участок, непосредственно примыкающий к узлу Кирлибаба, столь важному и безусловно необходимому для нашей связи с Мармарош-Сигетским комитатом.

Б. Трансильванский район.

При невозможности установить «желательную» границу, наиболее полно обеспечивающую владение Мармарош-Сигетским комитатом, в Трансильванском районе допустимо уступить:

1) Южные склоны Трансильванских Карпат от г. Надь-Банья до р. Агнеза Мык и верховьев р. Самоша (участок лилового цвета). В этом случае оставление за нами фланговых участков (желтого цвета) удаляет будущую границу от важных для нас узлов Кирлибаба и Мармарош-Сигета.

2) Второй уступкой будет переход к «минимальной» границе, с уступкой района, закрашенного желтым цветом.

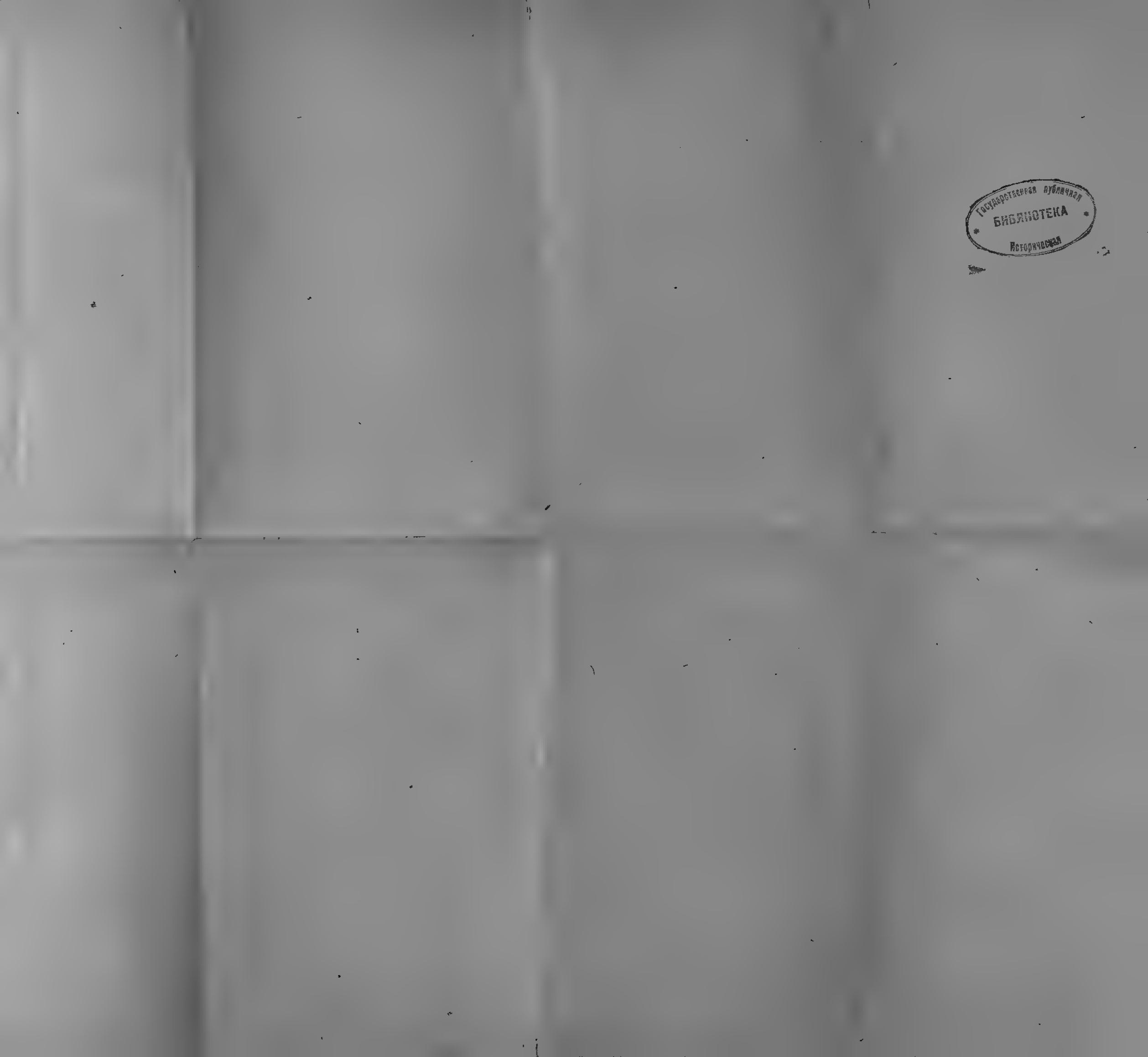
В. Район северной части Венгерской равнины.

«Желательная» граница надежно обеспечивает нам все выходы из гор на равнину; парализует значение р. Тиссы, как будущей оборонительной линии противника; включает, кроме чисто русского, также значительную часть русского, но омадьяренного населения; наконец, она обеспечивает русскому населению, живущему в горах, его обычные заработки на равнине.

Уступки, если бы таковые потребовались, могут быть сделаны в следующей последовательности:

1) уступка левого берега Тиссы (участок лилового цвета); при этом мы менее прочно, но все же сохраняем за собой исходящий угол р. Тиссы, а также многие из остальных выгод;

КАРТА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Масштаб
25 0 25 50 км
Условные обозначения
Районы Венгрии и Буковины с русским населением
Такие-же районы в юго-восточной части Буковины обозначены контуром с надписью „Русские"
Границы областей
„Желательная" граница
„Минимальная" граница
„Проектируемая" граница
На оригинале показаны
лиловой краской
желтой —„—
синей —„—
зеленой —„—
черной —„—
коричневой —„—
Примечание Окрашенные участки могут подлежать последовательной уступке
ПЕРЕМЫШЛЬ
ГОРОДОК
САМБОР
Днестр
ДРОГОБЫЧ
Главный Карпатский хребет
ПРЯШЕВ
Варанно
КОШИЦА
УЖГОРОД
Шаторалья-Уйхель
Чап
МУНКАЧ
Токай
Тисса
Васарош-Намени
ГУСТОВ
Комитат Мармарош-Сигет
ТЕЧЭ
МАРМАРОШ-СИГЕТ
САТМАР-НЕМЕТИ
НАДЬ-БАНЬЯ
КАПНИК-БАНИЯ
Хр. Трансильван. Карпат
Делатынь
Прут
КОЛОМЫЯ
СНЯТЫНЬ
КУТТЫ
ЧЕРНОВИЦЫ
ГЕРЦА
Хилче
Селетин
Путна
СЕРЕТ
ДОРОГОЙ
БУКОВИНА
Русские
Кирлибаба
Фундул-Молдави
Эйзенау
Позорита
КИМПОЛУНГ
Якобени
Дорна Ватра
СУЧАВА
Молдава
Серет
ЗИЛАХ
ДЕЕШ
САМОШУЙВАР
БИСТРИЦ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
Самош
Бистрица
Васарош-Намени
Дебречин
Сегедин
Яссы
Темешвар
Кронштат
Белая Церковь
Тульча
Плоешти
БЕЛГРАД
Н.Орсова
БУХАРЕСТ
Крайова
Дунай
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Карта Диаманди
100 0 100 200 300 км
Условные обозначения:
Граница государственная
Граница „желательная"

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

2) уступка участка (желтого цвета) гг. Токай, Чап, Шаторалья-Уйхель, Кошица. Владея последними тремя пунктами, мы также продолжаем пользоваться, хотя и в значительно меньшей степени, вышеперечисленными выгодами;

3) уступка всего остального района до «минимальной» границы (желательно также сначала северной половины, а затем южной) оставляет нам почти исключительно чисто русское население, менее обеспечивает главнейшие выходы из гор, но сохраняет нам владение важным узлом — г. Чап.

Дальнейшие уступки крайне нежелательны, так как могут уже сильно отразиться на прочности занятия нами Карпатского хребта.

Генерал-квартирмейстер

генерал-от-инфантерии Данилов.

Генерального штаба

полковник Самойло.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. записка.
Телеграмма — тел.

Европейские державы и Греция, изд. Н. К. И. Д., Москва 1922 г. — Е. д. и Гр.

Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.

Il libro verde. Documenti Diplomatici presentati al parlamento Italiano, Milano 1915. — Il libro verde.

Iswolski im Weltkriege 1914—1917. — Herausgegeben von Friedrich Stieve, 1925. — Stieve.

Константинополь и Проливы, изд. Н. К. И. Д., Москва 1924—1926 гг. — К-поль и Пр. (I), (II).

«Красный Архив», — изд. Центрархива — Кр. арх.

Oesterreich-Ungarisches Rotbuch Diplomatische Aktenstücke betreffend die Beziehungen Oesterreich-Ungarns zu Italien, Wien, 1915 — Oest. Ung. Rotbuch

Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeusseren). Wien und Leipzig, 1930 — Oe. U. A.

Раздел Азиатской Турции, изд. Н. К. И. Д., Москва 1924 г. — Р. Аз. Т.

The documents regarding the negociations between Japan and China (1915) — Япон. белая книга.

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre et de guerre d'après les documents des archives russes (1910—1917), t. III, août 1914—avril 1915, — L. N. (III).

Царская Россия в мировой войне, изд. Центрархива, Ленинград 1926 г. — Ц. Р.

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной[1]

---

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты

Австро-Венгрия.

Англия.

Бельгия.

Болгария.

Греция.

Испания.

Италия.

Китай.

Монголия.

Норвегия.

Персия.

Румыния.

Сербия.

Соединенные Штаты.

Франция.

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки[1].

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов, цифры, проставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Армяне.

Бельгия.

Болгария.

Военные действия.

Германия.

Греция.

Дания.

Дарданелльская экспедиция.

Испания.

Италия.

Китай.

Константинополь и Проливы.

Подводная война.

Россия.

Румыния.

Сербия.

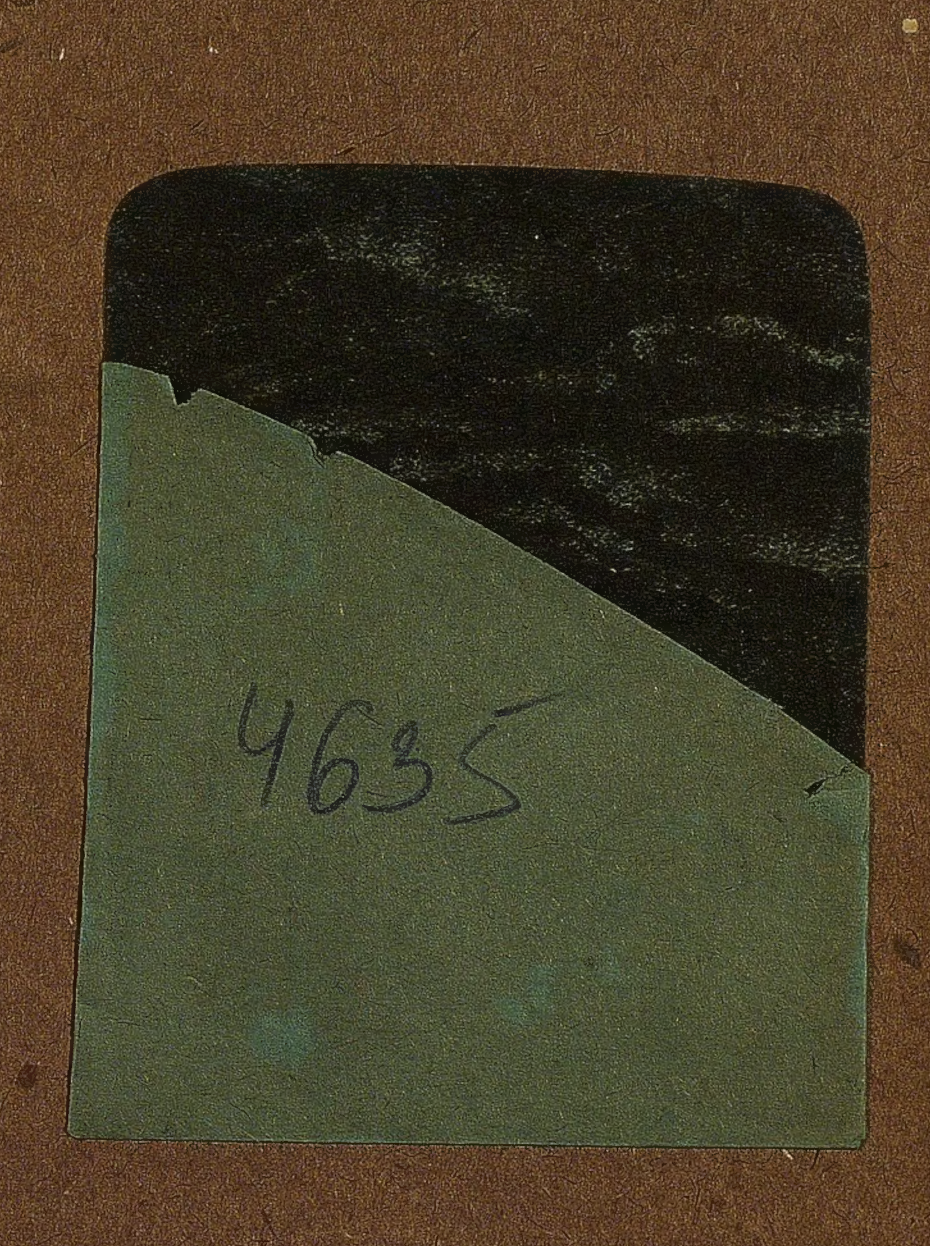
Соединенные Штаты Америки.

Союзники.

Турция.

Франция.

Черногория.

4635

Цена 10 руб.